

ОЛЕГ МОРОЗ

1996:

**КАК ЗЮГАНОВ
НЕ СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ**

РАДУГА

ОЛЕГ МОРОЗ

**1996:
КАК ЗЮГАНОВ
НЕ СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ**

Москва

ОАО Издательство «Радуга»

2006

ББК 66.3Р
М80

Оформление *А. Иващенко*

Фото *Владимира Богданова, Александра Карзанова*

Мороз Олег

М80 1996: Как Зюганов не стал президентом. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2006. – 496 с.

В книге известного публициста Олега Мороза речь идет об одном из ключевых эпизодов недавней истории России – о президентских выборах 1996 года. Это были не обычные, не рядовые выборы. Исключительный драматизм ситуации заключался в том, что голосование 16 июня и 3 июля открывало вполне реальную и, по-видимому, последнюю возможность восстановления коммунистической власти в стране. Ясно, что оба главных противостоявших друг другу политических лагеря – Ельцина и Зюганова – прилагали все силы во имя достижения победы.

О подробностях, в том числе неизвестных или малоизвестных, этой беспрецедентной предвыборной эпопеи и самих судьбоносных выборов, определивших дальнейшее направление развития нашей страны, и повествует эта книга.

Книга публикуется в авторской редакции

Как известно, коммунисты захватили в России власть посредством вооруженного переворота в октябре 1917 года. Окончательно закрепили ее за собой в начале двадцатых, после Гражданской войны. Эта их власть, остававшаяся незыблемой в течение десятилетий, зашаталась лишь в восьмидесятые годы, в ходе горбачевской перестройки. Сокрушительный удар по коммунистической тирании был нанесен в августе 1991-го, после неудачной попытки ГКЧП восстановить в полном объеме ускользающую из рук власть. Еще одна попытка возродить в стране разваливающийся тоталитарный режим, предпринятая в октябре 1993 года, также потерпела крах.

Летом 1996-го, во время президентских выборов, у коммунистов, по существу, была последняя возможность вернуть себе владычество над страной.

Казалось бы, к тому времени Россия уже прочно встала на демократические рельсы, и сдвинуть ее с этих рельсов уже не сможет ничто. Однако по мере приближения выборов становилось ясно, что это, увы, не так. Дело в том, что популярность действующего президента — Бориса Ельцина — (а он вроде бы должен был составлять главную опору установившейся демократической власти) с каждым месяцем таяла, рейтинг его стремительно приближался к нулю, так что в конце концов всем стало ясно: избрание его на второй срок — дело малореальное, почти неосуществимое. В то же время шансы его главного соперника из коммунистического лагеря — Геннадия Зюганова — были достаточно высоки (правда, и его рейтинг в конце 1995-го не был заоблачным, но явно нацеливался ввысь)...

И все же Ельцин выиграл выборы, лишив коммунистов очередного — хотелось бы надеяться, в самом деле последнего — вполне реального шанса вернуться к власти в России.

Читатель, которого всерьез волнует недавняя история нашей Родины, который задумывается о ее будущем (много ли таких?), я надеюсь, не без интереса перелистает (или даже прочтет) эту книгу, где в подробностях рассказывается об ожесточенной борьбе за пост главы российского государства, начавшейся в 1995-м и закончившейся 3 июля 1996 года.

Кстати, эта борьба совсем не обязательно должна была завершиться поражением последователей Ленина — Сталина.

Автор

НА СТАРТЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

ВСЕ НИЖЕ, И НИЖЕ, И НИЖЕ...

Как падал ельцинский рейтинг

Итак, к концу 1995-го – началу 1996 года Ельцин подошел почти с нулевым рейтингом. Это при том, что на старте первого президентского срока его популярность была весьма высока.

Впервые политиком № 1 Ельцин стал в 1990 году. В ту пору три года подряд, ВЦИОМ распространял анкету, предлагавшую выбрать «человека года». Тогда подобные титулы входили у нас в моду. В 1988-м, согласно этой анкете, Ельцин занимал лишь третье место с четырьмя процентами (впереди Горбачев – 55 процентов и Рыжков – 13). В 1989-м он отодвинулся назад, стал четвертым, хотя в процентах прибавил – 16 (первые три места заняли: все тот же Горбачев – 46 процентов, ставший вторым Сахаров – 25, Рыжков – 17). Однако в 1990-м Ельцин вышел вперед с 32 процентами. Горбачев отъехал на вторую позицию – 19 процентов.

При «лобовой» постановке вопроса – «Кто вам больше нравится как политический деятель – Горбачев или Ельцин?» – разрыв оказался еще более впечатляющим: 52 : 21 в пользу Ельцина (опрос проводился ВЦИОМом с 7 по 19 сентября 1990 года).

Так разрешилось соревнование в популярности между этими двумя ведущими в ту пору политиками. Бунтарь, бросивший вызов партийной верхушке, беспощадно наказанный ею за это, оказался более «сродни душе народной», чем лидер перестройки, который уже начал всем надоедать своими бесконечными обтекаемыми речами и отсутствием настоящего дела. За бунтарем маячила какая-то перспектива, освобождение от семидесятилетнего коммунистического ярма...

В дальнейшем, после некоторого падения зимой 1990/91 года, рейтинг Ельцина перед первыми российскими президентскими выборами набирает максимальную высоту. По опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному 5 – 7 мая 1991 года, еще до официального выдвижения кандидатур на пост президента, 52 процента россиян желают видеть Ельцина на этом посту.

Непосредственно перед выборами коммунисты предпринимают информационную атаку против наиболее реального кандидата в президенты, теперь самого лютого их врага, – в контролируемых ими газетах появляются сообщения о каких-то исследованиях общественного мнения, свидетельствующих будто бы о «резком падении» электоральной поддержки Ельцина – то ли до 36, то ли до 44 процентов. Однако опрос, проведенный 1 – 2 июня ВЦИОМом – наиболее авторитетной в то время социологической службой, – показывает, что Бориса Николаевича поддерживают 60 процентов тех, кто решил участвовать в голосовании.

ЭТО ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ЕЛЬЦИНА. Никогда – ни до, ни после – он не имел такой поддержки.

12 июня 1991 года, когда его выбрали президентом, за него проголосовали 57,3 процента пришедших на избирательные участки.

Увы, в дальнейшем происходила лишь растрата этих голосов.

Впрочем, какое-то время популярность Ельцина еще оставалась достаточно высокой. Спустя год после его избрания президентом, 20 – 21 июня 1992 года, Фонд «Общественное мнение» задал россиянам вопрос: «Если бы сегодня проводились выборы президента России, за кого вы отдали бы свой голос?» 30 процентов ответили: за Ельцина. У Руцкого, в то время вице-президента, затеявшего со своим шефом ожесточенную схватку, – лишь 13 процентов, у Хасбулатова, который, как и Руцкой, в эту пору ведет с президентом борьбу не на жизнь, а на смерть, – всего три...

В начале 1993-го, согласно данным ВЦИОМа, Ельцин как политик по-прежнему пользовался наибольшим доверием – 22 процента. В апреле он выигрывает всенародный референдум. Однако к концу лета из-за политической пассивности теряет своих сторонников, и в сентябре по рейтингу его впервые опережает Руцкой: у него 17 процентов, у Ельцина – 13.

События 3–4 октября, когда Ельцин решительно подавил реваншистский мятеж, ненадолго возвращают президенту его приверженцев – о доверии ему заявляют 24 процента опрошенных ВЦИОМом.

Это был последний всплеск ельцинского рейтинга. В течение 1994 года он медленно, но неуклонно снижался.

Весьма заметно упала популярность Ельцина после начала чеченской войны. ВЦИОМ приводит такие данные. При ответе на вопрос «Если бы в ближайшее воскресенье состоялись досрочные президентские выборы, за кого бы вы отдали свой голос?» в сентябре 1994-го Ельцин еще получил наивысший среди ведущих полити-

ков балл – 15 процентов, но уже в январе 1995-го – лишь 6 процентов, в феврале – 7 и в марте – снова 6 (для сравнения, у Явлинского в марте было 10 процентов).

На протяжении 1995 года рейтинг Ельцина продолжал падать. Согласно опросу, который ВЦИОМ провел с 17 по 24 октября, наибольшим доверием он пользовался лишь у трех процентов избирателей (Лебедю отдали предпочтение 13 процентов, Явлинскому – 12, Святославу Федорову – 10, Зюганову – 9, Черномырдину – 6, Жириновскому – 6; короче говоря, президент пропустил вперед всех своих политических соперников).

Вот на таком, почти нулевом, уровне действующий президент находился в начале новой президентской предвыборной кампании – кампании 1996 года. Мало кто верил, что он может выиграть эту кампанию. Многие сомневались, стоит ли ему вообще вступать в нее – баллотироваться на второй президентский срок.

Подъем популярности Ельцина на переломе 80-х – 90-х, как и последующее ее падение, легко объяснимы. В звездную его пору люди связывали с Ельциным надежды на улучшение и, если брать шире, на полное преобразование жизни. Он был явной альтернативой Горбачеву и всему коммунистическому режиму, при котором страна зашла в беспросветный тупик. То, что Ельцин подвергался гонениям со стороны коммунистической верхушки, лишь подтверждало его альтернативность, его опасный для этой верхушки потенциал.

Падение же ельцинской популярности, особенно после благополучного для него разрешения политического кризиса 1993 года, было прежде всего связано с тем, что никаких особенных улучшений в жизни людей не последовало. Не прибавляла президенту народной любви и очевидная деградация его как личности, всякого рода то ли пьяные, то ли болезненные эксцессы...

МЕЖДУ БОЛЬНИЦЕЙ И САНАТОРИЕМ

Лекарства «на спиртовой основе»

Ощущение безнадежности вызывал не только низкий рейтинг Ельцина, но и его здоровье (впрочем, одно с другим в значительной мере было связано: когда перед вами на телеэкране предстает глава государства с одутловатым склеротическим лицом, невнятной речью, нетвердой походкой, — это мало кого вдохновляет).

С ельцинским здоровьем постоянно что-то происходило. Начать с того, что проблемы с сердцем, по его собственному признанию, у него начались еще в молодые, институтские годы. Так что внешне вроде бы здоровенный мужик на самом деле, по-видимому, был отнюдь не так здоров.

На ишемическую болезнь сердца и прочие скрытые недуги накладывалось пристрастие к выпивке. Алкоголь не только отягощал саму болезнь, учащал ее приступы, — говорили, что странные монологи, с которыми время от времени выступал Борис Николаевич, происходили из-за смешения водочных «промиллей» с разнообразными лекарственными препаратами, которые прописывали ему врачи. Вспомнить хотя бы околесицу, которую Ельцин нес на пленуме Московского горкома в 1987 году, когда его снимали с поста первого секретаря МГК, или его объяснение, как его сбросили с моста в Москву-реку возле Николиной Горы, или выступление президента на IX съезде нардепов в марте 1993-го после «плановых медицинских процедур»... Впрочем, неумеренная выпивка, наверное, вполне могла и самостоятельно приводить к полному затуманиванию президентских мозгов, а лекарства тут притягивались так, для большей благопристойности объяснений.

Поначалу на все эти ельцинские штучки публика смотрела довольно благодушно: человек ведет тяжелую борьбу с недругами, недруги не останавливаются ни перед какими провокациями. Однако со временем отношение к этим выходкам стало меняться. Всем памятен случай, когда, находясь с визитом в Германии, сильно «подда-

тый» Ельцин выхватил дирижерскую палочку у капельмейстера и, приплясывая, принялся дирижировать оркестром полиции Берлина. Даже помощники президента тогда расхрабрились и в осторожной, правда, форме выразили свое недовольство поведением шефа, направив ему коллективное письмо, где среди прочего уговаривали его «не пренебрегать своим здоровьем», отказаться от «известного русского бытового злоупотребления», от «вредных привычек», «избегать сложившегося однообразия отдыха, который сводится к спорту с последующим застольем».

Еще большее возмущение вызвал инцидент в Шенноне в сентябре того же года, когда наш президент после обильного возлияния, случившегося на встрече с американским коллегой Клинтоном, не смог выйти из самолета и побеседовать с премьер-министром Ирландии.

Кстати, уже тогда, в самолете на пути в эту страну, когда врачи отчаянно пытались привести российского президента в чувство, им на ум приходили тяжелые диагнозы – и инфаркт, и инсульт. (Между прочим, диагноз «инсульт» был заподозрен не впервые – еще в конце 1992-го во время визита в Китай у Ельцина произошел какой-то «инсультоподобный» приступ: отнялись рука и нога, так что визит пришлось досрочно прервать.) Что в действительности случилось тогда в Шенноне с главой российского государства (помимо сильного опьянения), широкой российской публике так и осталось неизвестно.

Одним словом, пьянство тесно переплеталось у Ельцина с обычным нездоровьем и тянуло вниз его и без того стремительно пикирующий рейтинг.

Первый инфаркт

Многим нашим рядовым гражданам, чтобы отправиться на тот свет, вполне достаточно бывает одного инфаркта. Состояние нашего самого бесплатного в мире здравоохранения таково, что эскулапы, случается, еще и помогут пациенту в этом. Но драгоценное здоровье начальства – особенно такого уровня, как президентский, – охраняется, конечно, более тщательно.

Считается, что первый инфаркт случился у Ельцина в ночь с 10-го

на 11 июля 1995 года, менее чем за полгода до парламентских и за год до президентских выборов. И опять его будто бы спровоцировала обильная выпивка. Поводом стало назначение Михаила Барсукова на пост руководителя ФСБ (очередное, то и дело сменяемое название ведомства госбезопасности). В нашем отечестве, как известно, принято «обмывать» и менее значительные события, а тут такое... Ельцин решил сообщить генералу об этом назначении за обедом, в присутствии начальника своей Службы безопасности. Коржаков так описывает случившееся:

«Ровно в полдень (10 июля. — **О.М.**) сели обедать. Ельцин попросил официанта принести бутылочку. Пропустили по рюмке за здоровье президента... Через полчаса во время обеда я отпросился, чтобы оставить их двоих (то есть Ельцина и Барсукова. — **О.М.**) поговорить тет-а-тет. К десерту подали «новинку»: французский апельсиновый ликер «Куантре» — сорок градусов. Он так понравился шефу, что вдвоем они пили рюмку за рюмкой, заедая ранней клубникой. Через полчаса я захожу в буфет, спрашиваю у Самарина (придворного повара. — **О.М.**): как дела? Он в ужасе! Они допивают уже второй литр — а это же огромная концентрация сахара — смертельная доза для поджелудочной. Я вошел, быстренько «помог» им прекратить это безобразие и отправил «тяжелейшего» шефа в Барвиху. В три часа ночи дежурный реаниматор Андрей Котов решил заглянуть в спальню президента: что-то он их давно не беспокоит. В спальне — никого, но в санузел дверь не заперта. Андрей постучал: тишина. Тогда он вошел и обомлел: президент без сознания валяется на кафельном полу... Диагноз: на фоне тяжелейшего приступа поджелудочной железы возник обширный инфаркт миокарда. Дальше — реанимация, ЦКБ, санаторий «Барвиха», долгая «работа с документами».

Вот то-то и оно: «дежурный реаниматор». А у вашей спальни под дверью тоже реаниматор дежурит? Нет? Что ж, это для вас лишний повод не злоупотреблять ликером «Куантре», даже если вам наливают его «на халяву».

С 11 июля ИТАР-ТАСС начал передавать сообщения, сильно смахивавшие на официальные медицинские бюллетени, которые выпускались в достославные советские времена и посвящались очередному необратимо угасающему генсеку: «Состояние здоровья Б. Ельцина», «О состоянии здоровья Президента РФ»...

Впрочем, авторы из всех сил бодрились и силились доказать, что в общем-то ничего такого ужасного со здоровьем Ельцина не

происходит. Начать с того, что слово «инфаркт» нигде не употреблялось. Вместо него фигурировали «приступ ишемической болезни сердца», «обострение ишемической болезни сердца»... Формально вроде бы никто не грешил против правды: инфаркт – это действительно одно из проявлений ИБС, острое ее проявление. Но обыватель в подобных тонкостях не разбирается. Он знает: инфаркт – это действительно страшно, а с ишемической болезнью вроде бы еще можно жить. Так что публикуемый диагноз успокаивал и убаюкивал...

В сообщениях говорилось, что помещенный в больницу президент «уже преодолел болевые ощущения, связанные с приступом ишемической болезни», «кардиограмма в норме, артериальное давление стабильное», «пациент активен, встает с постели», «попросил своего первого помощника направить ему в больницу необходимые для подписания срочные документы», «принимает посетителей». И вообще врачи утверждают, что «опасности для здоровья Бориса Ельцина нет».

Сообщалось также, что поездка президента в Норвегию и Мурманск, намеченная на 19 – 21 июля, не отменяется, подготовка к ней идет полным ходом. На ум сразу же приходило: если бы был инфаркт, о какой поездке тут можно говорить – как минимум несколько недель пролежишь в больнице. Стало быть, не инфаркт...

Впрочем, 14 июля Виктор Илюшин, первый помощник Ельцина, через тот же ИТАР-ТАСС сообщил, что все «крупные» мероприятия в рабочем графике Ельцина, намеченные на 17–23 июля, переносятся на более поздний срок.

Президентский недуг Илюшин постарался представить чем-то вроде увечья, которое получает ратник, отважно сражающийся на поле боя со своими врагами. Обострение ишемической болезни помощник Ельцина объяснил «стрессами, психологическими и нервными перегрузками»: «Достаточно вспомнить события в Буденновске, противостояние Госдумы и правительства, начатую коммунистами процедуру импичмента президента, события в Чечне, чтобы понять, какие перегрузки испытывает Борис Ельцин ежедневно».

Оно конечно, президентская доля не сахар. И Буденновск, и импичмент, и прочие переживания... Научиться бы, однако, встречать все эти удары судьбы на трезвую голову. Как говорят в народе, – пить надо меньше.

Больше всех перепугался Черномырдин

Больше всех перепугался Черномырдин. Но перепугался, по-видимому, не столько из-за угрозы жизни своего шефа, сколько из-за того, что его, премьера, заподозрят в желании перехватить у президента бразды правления (по Конституции ведь именно к нему переходит верховная власть в случае стойкой недееспособности главы государства).

Испуг Черномырдина подстегнули сообщения в прессе, что возникла, дескать, та самая ситуация — когда «ядерный чемоданчик» и прочие атрибуты власти пора передавать от первого лица второму.

Из аппарата премьера и от него самого сразу же посыпались нервные опровержения. Уже 11 июля пресс-секретарь Черномырдина Виктор Коннов заявил «Интерфаксу», что глава кабинета не планирует существенных изменений в своем рабочем графике (тоже, как видим, разговоры о графике). И пояснил: «Ни юридически, ни практически я не вижу оснований для временной передачи полномочий главы государства председателю правительства».

На следующий день сам Черномырдин на встрече с журналистами во всю мощь развернул свое знаменитое красноречие, чтобы доказать, что президент «находится в хорошей рабочей форме». Основанием для подобных утверждений премьеру послужил утренний двадцатиминутный телефонный разговор с Ельциным, в котором Борис Николаевич сообщил Виктору Степановичу, что «работает с документами» (тогда еще эта формула не звучала откровенно комично). Премьер назвал «напрасно раздутой шумихой» сообщения СМИ, будто в здоровье президента обнаружились «серьезные нарушения» (куда уж серьезней — инфаркт!). «Борис Ельцин, как и все мы, нормальный человек, — сказал Черномырдин, — и ему может слегка нездоровиться. Не надо по этому поводу распространять досужие домыслы».

Как всегда, во всем оказались виноваты журналисты.

Надо сказать, в те дни появились сообщения, что и у самого Черномырдина нелады со здоровьем, что два года назад он сам перенес тяжелый инфаркт и ему был вставлен искусственный сердечный клапан. Виктор Степанович назвал это «полной чушью».

Помимо медицинской тематики, на встрече коснулись и темы грядущих президентских выборов. Черномырдина спросили, будет ли Ельцин в них участвовать (очень подходящий момент для подобных вопросов). Премьер ответил, что Борис Николаевич «пока не принял окончательного решения».

В те дни в полную силу зазвучали также разговоры о возможном участии самого Черномырдина в президентской гонке как ельцинского дублера и преемника. Соответствующий вопрос вновь поверг Виктора Степановича в великий испуг. Впрочем, он не отверг категорически такую возможность, сказав только – словно бы отмахнувшись, – что «ему пока некогда заниматься этой проблемой».

Паническую реакцию Черномырдин станет выдавать всякий раз при ухудшении ельцинского здоровья. Самой большой тревогой премьера в таких случаях опять-таки будет – как бы его не заподозрили, что он желает воспользоваться статьей 92-3 Конституции, где прямо сказано: «Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства».

Если не говорят правду...

(Из написанного в те дни. 17 июля 1995 года)

Первое, что многим пришло в голову, когда они узнали о болезни Ельцина, – болезнь эта дипломатическая. Уж больно момент предрасполагающий. В Конституционном суде начинается тяжба по поводу законности указов и постановлений по Чечне. А в Думе, пуще того, раскошегаривается процесс отстранения президента от должности. Сказаться в такую пору больным самое милое дело. С больного какой же спрос?

Подозрения, что президентский недуг не более чем уловка, усилились после того, как оказавшиеся вдруг благородно-сентиментальными жириновцы приостановили действие своих подписей под заявлением об импичменте до той поры, пока Ельцин не выздоровеет.

Были и другие причины для таких подозрений. Агентство ИМА-пресс со ссылкой на «источник, близкий к Администрации президента» распространило сообщение, что-де госпитализация Ельцина может быть связана с дракой за освободившийся пост директора ФСБ. Мол, 10 июля уже был подготовлен президентский указ о назначении на этот пост Виктора Зорина, начальника одного из управлений ФСБ, однако ряд влиятельных чиновников воспротивился такому назначению. Чтобы отдохнуть от этих дрызг, Ельцин, дескать, и решил взять тайм-аут. Аккурат 11-го числа.

В принципе все эти рассуждения, может, и не лишены логики. Мало похожими на правду их делает только одно – сам характер

болезни. Сердце! Это ведь вам не искривление носовой перегородки в момент ввода войск в Чечню. И не спикерский насморк в пору обсуждения в Думе требования об импичменте. Широковещательное объявление, что у президента сердечный приступ, – совершенно несоизмеримая цена за недельный или двухнедельный отпуск. Мы ведь знаем, что такой приступ во время переговоров с японским премьером был в числе причин, стоивших Бушу президентства. Россия, конечно, не Америка, но сознание того, что президент должен быть по крайней мере дееспособен, крепнет и в наших народных массах.

Первым признаком того, что болезнь Ельцина крайне серьезна, служит сам факт, что о сердечном приступе президента сообщили открыто и, главное, довольно быстро. Иначе его могли бы просто замолчать, как замалчивали не однажды в прошлом всяческие неполадки со здоровьем Ельцина. Его периодические таинственные исчезновения, странное поведение в иные моменты...

(Кстати, уже на следующий день, 12 июля, были предприняты очевидные целенаправленные усилия, чтобы приглушить или вовсе погасить общественный интерес к болезни президента. Соответствующая информация была задвинута куда-то на десятое место, а 13-го почти вовсе исчезла из выпусков новостей.)

О серьезности недуга свидетельствуют также различные оговорки в первых сообщениях, касающихся болезни, на которых после старались не акцентировать внимание, словно бы их вовсе не было. Взять хотя бы слова о том, что «болезнь президента скорее всего не потребует хирургического вмешательства». Стало быть, возможность такого вмешательства обсуждалась?

Или такая деталь. Между первым сообщением о госпитализации Ельцина и вестью, что болевой приступ у него снят, прошло около трех часов. Между тем специалисты уверяют, что, если приступ стенокардии продолжается больше пятнадцати – двадцати минут, это уже пахнет некрозом сердечной мышцы...

Позвонил знакомому кардиологу. Про болезнь Ельцина он ничего не слышал: был в отпуске в деревне. Когда я пересказал ему сообщения на эту тему, он тут же предположил: «А-а-а, так у него скорее всего инфаркт. Просто не хотят говорить об этом...» Однако, услышав, что врачи собираются выписать президента менее чем через неделю, мой знакомый впал в некоторую задумчивость, заколебался в своем диагнозе: выписка слишком быстрая. «Если, – говорит, – не сокрут и действительно выпишут 17-го, тогда, похоже, это все-таки был лишь какой-то предынфарктный приступ... Или скажем так:

инфаркт начинался, но все обошлось...» Впрочем, как заметил мой собеседник, там у них, за кордоном, даже с инфарктом нынче выпи-сывают на седьмой день. «Выписывать-то выписывают, – говорю, – но ведь такой больной, наверное, не отправляется с ходу в официаль-ные заграничные вояжи, долечивается дома или где-нибудь за горо-дом под присмотром врача, а Ельцин уже 19-го собирается ехать в Мурманск, а после в Норвегию...» – «Ну нет, при инфаркте это исключено», – категорически заключил мой собеседник.

Когда 14 июля стало ясно, что ни в какой Мурманск и ни в какую Норвегию Ельцин не поедет и всю вторую после начала приступа неделю пробудет в больнице, а затем станет проходить реабилита-цию в подмосковном санатории, подозрения на инфаркт, естествен-но, усилились. Понятное дело – у тех, кто не склонен полностью доверять бодрым официальным сообщениям.

Между прочим, мой знакомый пообещал разузнать кое-какие подробности о болезни президента через своих друзей в ЦКБ. Одна-ко, когда я позвонил ему в тот же день вечером, он стал что-то расте-рянно мямлить, а под конец признался: «Ты знаешь, мне категориче-ски отсоветовали интересоваться этими вещами...»

Нисколько не сомневаюсь, что близкие родственники Ельцина – Наина Иосифовна, дочери – в эти дни искренне тревожились и трево-жятся за его здоровье, за саму жизнь. Однако вполне очевидно и дру-гое: чиновничье окружение президента, а возможно, и он сам опасая-ются не столько за жизнь, сколько за власть. С маниакальной навязчи-востью из сообщения в сообщение повторяется, что президент спосо-бен выполнять свои конституционные обязанности, что он подписы-вает срочные бумаги, что настроение у него рабочее и т.д. и т.п.

В довершение всего, чтобы уж никто не сомневался насчет рабо-чего настроения, Ельцин подписывает неожиданный указ об очеред-ных выборах в Думу, который должен был появиться на свет Божий не ранее чем через месяц. Теперь уже всем должно быть ясно: прези-дент, как всегда, всем в стране руководит и всем заправляет, держит руку на пульсе.

Полноте, да неужто у человека, стоящего на самом верху власт-ной пирамиды, нет права поболеть, поболеть – того самого, коим обладают простые смертные? Отстаивая это его право, депутат Екатерина Лахова так прямо и заявила: «Я считаю, что президент – это тоже человек. Ему свойственны и болезни».

Увы, оказывается, у президента такого права нет. Слишком велик страх, что кто-то ненароком вспомнит статью 92-ю Конституции,

пункт 3-й, где говорится: «Во всех случаях, когда Президент... не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства...» Страх этот – прямо-таки панический. И вот дудят, дудят, дудят про какие-то подписываемые Ельциным неотложные документы, про то, что он будет выписан из больницы не сегодня завтра (хотя, уверен, ни один из серьезных медиков, лечащих Ельцина, ни на секунду не принимал на веру все эти разговоры о скорой его выписке и зарубежных визитах).

Естественно, требуются соответствующие пассы со стороны Черномырдина: он, дескать, ни на что не претендует и, вообще, что это за нелепые разговоры... И премьер эти пассы, разумеется, делает. Самолично и через пресс-секретаря. А как же иначе? Нешто мы порядка не знаем?

Вообще для Черномырдина это воистину черные дни. Думаю, что болезнь Бориса Николаевича больше всего отражается на здоровье Виктора Степановича. Видимо, только теперь ельцинское окружение в полной мере начинает осознавать кошмарное значение того непреложного факта, что в последнее время акции Черномырдина неуклонно взмывают вверх на фоне так же неуклонно падающих акций самого Ельцина.

Масла в огонь подливают различные зарубежные аналитики и журналисты, дружным хором восхваляющие российского премьера. Известный американский политолог Ричард Пайпс: «Черномырдин очень талантливый человек. И он в очень хорошей форме. Так что передача власти будет очень спокойной». (Вашими бы устами, г-н профессор!) Немецкая газета «Нойе Рур-цайтунг»: «В лице Черномырдина мы имеем премьер-министра, который сохраняет лояльность президенту и в то же время своими продуманными действиями не дает политике Москвы принять непредсказуемый характер».

Однако со здоровьем Черномырдина, с его «хорошей формой» тоже не все ясно. Как мы знаем, на днях Виктор Степанович шибко рассердился на журналистов, пересказавших чье-то утверждение, что два года назад у него тоже случился инфаркт и что ему был вшит сердечный клапан. По этому поводу премьер высказался в свойственной ему манере, эмоционально и сбивчиво: «Я вчера не слышал эту передачу... Не видел по телевидению... Мне передали... У Черномырдина был инфаркт крупный... Вшили в сердце клапан... И два, говорит, руководителя – оба больные... Это вообще, слушайте... Может ли человек... Я работаю уже три года... Может ли человек подпольно сделать операцию на сердце? Вообще совесть какая-то у этих людей есть? Вообще элементарно вот так взять и сказать...»

Если никакой операции действительно в помине не было, возмущение премьера вполне оправданно. В то же время я вполне допускаю, что при тех умонастроениях, представлениях о высшем государственном благе, которые господствуют там, «наверху», человек все-таки может почтеть за лучшее утаить правду. Вы обратили внимание на фразу «И два, говорит, руководителя – оба больные»? Не это ли есть центр всего? Если премьер отдает себе отчет в нетерпимости ситуации, когда два первых лица государства серьезно больны, может ли он заставить себя признать, что действительно перенес операцию на сердце?

Мне говорили врачи, что операция у Черномырдина действительно была. Несколько лет назад. Сделали ее в Кардиоцентре у Чазова. Не замена сердечного клапана, а аортокоронарное шунтирование: в обход пораженных сосудов ставятся здоровые, так называемые шунты...

Сознаю, что меня тоже могут обвинить в распространении непроверенных слухов. Оправданием мне служит, что я сообщаю об услышанном не из каких-то зловредных побуждений, а единственно ради того, чтобы и в нашем отечестве, как во всех цивилизованных странах, елико возможно скорее перестали секретить информацию о здоровье высших должностных лиц и начали бы публиковать полные и подробные отчеты не только об операциях на их ясновельможных сердцах, но даже об удалении самых что ни на есть пустяковых бородавок. Мы ведь имели возможность получать сведения о таких малозначительных хирургических манипуляциях и у Рейгана, и у Клинтона... Речь идет вовсе не об удовлетворении какого-то праздного любопытства: судьба рядовых граждан, их благополучие в огромной степени зависят от здоровья, дееспособности и президента, и премьера, и других вознесенных наверх лиц, а потому граждане вправе знать об этом как можно больше.

Сразу же после сообщения о болезни Ельцина агентство Рейтер распространило список его возможных преемников на посту президента. Вот этот список в порядке убывания популярности и с указанием возраста соответствующего деятеля: Виктор Черномырдин (57 лет), Александр Лебедь (45), Святослав Федоров (67), Михаил Горбачев (64), Владимир Жириновский (49), Иван Рыбкин (49), Григорий Явлинский (43), Егор Гайдар (39), Геннадий Зюганов (51), Николай Рыжков (65), Владимир Шумейко (50), Александр Руцкой (47).

Не знаю уж, как составлялся этот список, кто выступал в роли экспертов, однако факт остается фактом: за рубежом болезнь Ельцина восприняли всерьез.

Большинство людей, размышляющих над сложившейся ситуацией, согласны, что болезнь, по существу, лишает Ельцина последних шансов продолжить президентство на второй срок. Разногласия возникают по поводу другого — окажется ли передача власти спокойной, как это предрекает Ричард Пайпс, или ельцинский недуг приведет к новым катаклизмам в стране. «Во времена «холодной войны», — пишет немецкая газета «Мюнхнер Меркур», — физическая немощь кремлевских диктаторов приводила порой к неким фазам агонии. Однако в условиях крайне шаткой российской демократии недееспособность верховной государственной власти грозит потрясениями куда большего масштаба». Уже упомянутая «Нойе Рур-цайтунг» держится похожего мнения: «Если Ельцину придется уйти со своего поста, в России начнется политическая непогода. Хотя вопрос о его преемнике и урегулирован в Конституции, это мало что даст. Демократические структуры в России слабы. Для всего государственного аппарата законы — всего лишь декорация. Никто сейчас не может поручиться, что к власти не придут Жириновский или Руцкой...»

Возможно, что в борьбе за право наследовать власть у Ельцина в скором времени обозначатся два полярных центра: один — во главе с Черномырдиным, другой — с министром обороны Грачевым. И еще неизвестно, кто победит в этом азартном перетягивании каната. На стороне Черномырдина вроде бы конституционное право наследования. Однако не вполне ясно, как воспользоваться этим замечательным правом. Механизм передачи власти в Конституции не прописан. Кто будет определять, в состоянии или не в состоянии президент выполнять свои обязанности? Когда наступит этот самый момент несостоятельности? Пока что мы видим, как при малейшем подозрении, что глава государства не вполне дееспособен, вся его королевская рать дружно и энергично бросается доказывать обратное, используя все подручные средства. Объективной же информации, которая шла бы из независимых источников, по сути дела, нет... Что касается Грачева, на его стороне бесхитростная сила. И влияние, рождаемое этой силой. И страстное желание наращивать то и другое. Хотя, казалось бы, куда уж дальше? «Чем слабее сам Ельцин, тем сильнее его зависимость от прущего напролом министра обороны, — пишет еженедельник «Цайт». — Несмотря на катастрофические ошибки в Чечне, Грачев сейчас даже в большом фаворе у Ельцина, чем его кремлевский мажордом и главный телохранитель Коржаков».

Собственно говоря, похоже, что нешуточная борьба между Черномырдиным и Грачевым уже началась. На переговорах в Грозном.

Премьер, кажется, всерьез пытается там добиться мира. Министр же обороны, напротив, жаждет продолжить кровавую мясорубку, одним из закоперщиков которой он был. Исход этой первой серьезной пробы сил будет иметь символическое и прогностическое значение — покажет, у кого больше шансов на окончательную победу.

А вообще, мне кажется, мы опять влипли в историю. Беспокойство и напряжение, которые сами по себе должны нарастать по мере приближения президентских перевыборов, теперь, из-за неожиданного вмешательства болезни Ельцина, неизбежно и многократно усилятся. Сколько же месяцев, нет — недель у нас было по-настоящему спокойных за последнее пятилетие?

* * *

Как видим, уже тот первый ельцинский инфаркт, случившийся летом 1995-го, почти окончательно подорвал в глазах многих шансы Ельцина продлить свое президентство на еще один срок. И одновременно подскочил градус напряженности в преддверии грядущих президентских выборов. Хотя до них еще оставался год, в воздухе повисла явно ощутимая тревога. От месяца к месяцу она станет нарастать.

«Непоправимый ущерб здоровью»

Лечился Ельцин небрежно...

Еще 19 июля президент говорил журналистам, что он хоть и «чувствует себя хорошо», но по поводу сроков возвращения в Кремль ничего определенного сказать не может, ибо «последнее слово — за врачами», а врачи настаивают, чтобы им предоставили возможность «закончить назначенное ему лечение в условиях стационара и продолжать его затем в каком-нибудь подмосковном санатории».

Однако нормально закончить лечение Ельцин врачам не дал — покинул ЦКБ, пролежав в ней лишь около двух недель. Десять дней пробыл на реабилитации в санатории «Барвиха», тоже не до конца требуемого срока, после чего вышел на службу. Все доводы, что он себя губит этим, парировал твердо: «Мне надо работать. Отлеживаться я не намерен».

Оно понятно, конечно, — надвигаются выборы: кому нужна развалина, стоящая во главе государства? Если бы только болезнь счита-

лась с подобными соображениями... «Непоправимый ущерб здоровью» — такой диагноз поставили врачи уже не самому недугу, а тому результату, к которому привело легкомысленное поведение пациента. Серия дальнейших инфарктов, которые последуют один за другим в течение короткого времени, по-видимому, в немалой степени будет связана с этой ранней выпиской Ельцина из больницы и санатория после первого инфаркта.

Второй инфаркт

Второй инфаркт Ельцина не заставил себя долго ждать...

После первого президент пребывал в Кремле не очень долго. Уже в сентябре он вновь покинул свою главную московскую резиденцию и отправился в Сочи в очередной (четвертый в том году) «рабочий отпуск». Благословенный Юг, как известно, не очень располагает к соблюдению «спортивного режима». По свидетельству очевидцев, Ельцин и здесь напозволял себе многочисленные отступления от него, так что его здоровье не слишком улучшилось...

После возвращения в Москву, в октябре, Ельцин совершил поездки во Францию и США, а вскоре вслед за этим, 26-го числа, опять попал в больницу.

В прессе сообщалось, что в ЦКБ его доставили на вертолете из Завидова, после того как президент побывал на охоте, а затем в бане. И опять те же «исходные обстоятельства» очередной медицинской катастрофы: какая же охота, а тем более баня обходится на Руси без «сугрева»?

Повторилась июльская история. Как говорится, «один к одному». Инфромагентства снова передавали сводки о здоровье президента. В них снова фигурировало «обострение ишемической болезни сердца». Кремлевские информаторы и обслуживающие Кремль журналисты снова пытались придать сообщениям бодряческие интонации: «состояние Бориса Ельцина не вызывает опасений», «несмотря на болезнь, президент исполняет свои обязанности», «Ельцин полностью владеет информацией, которая постоянно и оперативно поступает к нему», «президент скоро поправится» и т.д. и т.п.

В то же время общие оценки этого, уже второго за последние четыре месяца, президентского сердечного приступа были противоречивы: с одной стороны, утверждалось, что состояние главы госу-

дарства «отличается меньшей степенью серьезности, чем это было в июле» (какова словесная конструкция!), с другой – говорилось, что это состояние «большого оптимизма у врачей не вызывает» (в июле таких слов не было).

В отличие от июльского случая сразу же было заявлено, что все президентские поездки и встречи, намеченные на ближайшее время, отменяются.

Еще более забавно, чем в июле, объяснял причины очередного «обострения ИБС» первый президентский помощник Виктор Илюшин, опять выступавший в роли главного уведомителя прессы. По его словам, «внезапный приступ ишемии миокарда», без сомнения, связан с последней поездкой Ельцина во Францию и США, во время которой президент подвергся огромной «умственной, моральной и физической» нагрузке: «Ведь несмотря на то, что подготовку переговоров с президентами Франции и США вела большая команда, пик напряжения пришелся на главу российского государства». Как полагает Илюшин, «впредь зарубежные визиты Ельцина должны предусматривать определенное время для нормальной адаптации организма к разным часовым поясам, а также несколько дней – для реабилитации после связанных с перелетами нагрузок... Будем убеждать президента планировать зарубежные поездки с учетом этих коррективов». А пока что, как сказал Илюшин, вместо того чтобы «восстанавливать силы после возвращения из США», Ельцин «много работал над документами, имел постоянные контакты со своим аппаратом, давал многочисленные поручения, следил за их выполнением».

Первый помощник как бы старался нас уверить: вообще-то здоровье у президента нормальное, но он подвергается таким немислимым нагрузкам, какие не снились ни шахтеру в забое, ни космонавту во время вывода ракеты на орбиту.

Хотелось спросить: ну а как же другие-то президенты и премьеры? Все ведь ездят с визитами друг к другу – и ничего. И никакой особенной адаптации при переездах и перелетах им не требуется.

Если это действительно такой адский, такой непосильный труд – давать поручения и следить за их выполнением, – что ж, может быть, впору добровольно покинуть президентский пост и заняться какой-нибудь другой, более легкой работой?

Коммунисты требуют медицинского освидетельствования президента

Кто действительно взбодрился при известии об очередной болезни президента, так это коммунисты. Глава думского комитета по безопасности Виктор Илюхин сразу же выступил со своим традиционным призывом – создать «медицинскую комиссию по освидетельствованию высших должностных лиц». При этом он в очередной раз выразил надежду на отстранение Ельцина от власти «по состоянию здоровья».

В этих вечных попытках объявить Ельцину «медицинский импичмент» коммунистов не останавливало то соображение, что, случись в самом деле такой импичмент, власть, по Конституции, перейдет не к Зюганову, а к Черномырдину.

Впрочем, оно и понятно: свержение ненавистного Ельцина само по себе означало бы огромную политическую победу, за которой брезжила возможность все развернуть в обратном направлении, направить страну назад.

К тому же Черномырдина с давних пор, с самого первого его появления на российском правительственном горизонте, коммунисты привыкли считать «своим». Этот «крепкий хозяйственник» советского разлива представлялся им человеком, с которым, в отличие от Ельцина, в конце концов можно договориться.

Кто знает, может быть, они были не так уж неправы.

У Черномырдина – снова испуг

Однако Черномырдин повел себя точно так же, как и в июле. Буквально в тех же словах об отсутствии у премьера каких-либо президентских притязаний сразу же сообщил его пресс-секретарь Виктор Коннов: «Никаких изменений в завтрашнем рабочем графике главы правительства Черномырдина в связи с госпитализацией президента Ельцина не планируется».

Сам Черномырдин, как всегда, быстро подключился к хору оптимистов, заверяющих, что у Ельцина со здоровьем ничего серьезного. Выступая 27 октября перед журналистами, он заявил, что состояние здоровья президента не вызывает опасений – он-де «просто недомогает после большой нагрузки». По словам премьера, это недомогание никоим образом не отразится на подготовке страны к предстоящим парламентским выборам.

Тем не менее тема возможной передачи власти Черномырдину вновь всплыла в телеэфире и на страницах газет, так что президентский пресс-секретарь Сергей Медведев в тот же день, 27-го, на брифинге вынужден был специально остановиться на этом. Он уведомил журналистов, что «вопрос о передаче полномочий президента России премьер-министру Виктору Черномырдину в связи с болезнью Бориса Ельцина не обсуждается».

Решено удержать его в больнице

На этот раз врачи решили довести лечение президента до конца: остаток октября и весь ноябрь он должен провести «под пристальным наблюдением медиков». По-видимому, в необходимости этого удалось убедить и самого Ельцина. Консилиум, состоявшийся 27 октября в ЦКБ, констатировал, что у него «сохраняется нестабильное кровоснабжение сердечной мышцы», хотя признаков сердечной недостаточности нет.

Руководитель консилиума академик Андрей Воробьев заявил на пресс-конференции 31 октября, что до конца следующего месяца президент будет находиться в ЦКБ.

Журналисты спросили, можно ли считать нынешнее обострение ишемической болезни инфарктом. Академик напустил страшного тумана (диагноз «инфаркт» в отношении ельцинского недуга по-прежнему считался большой государственной тайной): дескать, с профессиональной медицинской точки зрения, понятие «инфаркт» — «гораздо более широкое, чем с обывательской». «Ишемическая болезнь, — сказал Воробьев, — распадается на множество форм. Это требует детального анализа, профессионального обсуждения. Мне бы очень не хотелось уходить в детальный профессиональный анализ».

В общем, государственной тайны не выдал.

От президента Ельцина – к президенту Черномырдину?

(Из написанного в те дни. 13 ноября 1995 года)

В пятницу 3 ноября ведущие мировые агентства и газеты разнесли по свету сенсацию: российский премьер Виктор Черномырдин,

допущенный наконец к хворающему президенту Ельцину (а хворал он к тому времени уже больше недели – с 26 октября), сообщил, что президент уступил ему часть своих полномочий, в частности – неслышанное дело! – поручил координировать работу силовых министерств.

Сенсация с передачей полномочий продержалась менее суток. Уже на следующий день, в субботу, посыпались опровержения. Первое мы услышали из уст пресс-секретаря Ельцина Сергея Медведева. Он заявил, что никакой передачи полномочий не было, что президент сам в полном объеме исполняет все свои обязанности, включая руководство силовыми министерствами. То же самое сказал и начальник Управления правительственной информации Сергей Колесников: дескать, журналисты просто неправильно интерпретировали слова премьер-министра. Наконец с опровержением выступил и сам Черномырдин – сначала в интервью «Интерфаксу», а после американской CNN.

Откликнулся также министр обороны Павел Грачев. «Я подчиняюсь непосредственно президенту, – сказал он. – А с премьер-министром решаю лишь военно-экономические вопросы».

Чудны дела твои, Господи! Бывает, конечно, один журналист что-то не расслышит. Или с умыслом переврет. Раззвонит по всему свету. Ну, с двоими, с троими такое может случиться... Но чтобы все разом не так расслышали, не так поняли?..

Нет, здесь, конечно, другое. Словно бы испугавшись сделанного шага – передачи премьеру части полномочий, – поддавшись, видимо, чьему-то отговору («Да что ж вы делаете, Борис Николаевич! Да нешто так можно – взять и своими же руками отдать власть!»), Ельцин резко дал задний ход. И все разом завертелось в обратную сторону.

В эти дни – в дни болезни Ельцина – все внимание Запада вновь привлечено к фигуре Черномырдина, который, несмотря ни на что, рассматривается как ельцинский преемник. Газеты публикуют его фотографии, послужной список, на все лады расписывают его деятельность, дают оценки. Оценки эти – главным образом положительные. Черномырдин воспринимается на Западе как надежный, предсказуемый деятель, прагматик, человек умеренно-демократических взглядов. «Коммунист, ставший капиталистом» – так озаглавлена статья о нем, опубликованная в лондонской «Таймс».

Соответственно, Ельцину настоятельно советуют не слишком тянуть с передачей власти премьеру, а президентскому окружению – не мешать президенту в этом. «Без деятельного президента Россия топчется на месте, – пишет швейцарский еженедельник «Вельтвохе». – Андрей Козырев практически отстранен от дел. Переговоры по чеченской проблеме зашли в тупик... Чем дольше вокруг Ельцина

будет вакуум и чем дольше останется открытым вопрос о его президентстве, тем больше угроза возникновения в России полного хаоса. Расчетливым чиновникам из аппарата президента следовало бы понять это». «Думаю, для России было бы лучше, если бы в соответствии с Конституцией Черномырдин стал исполнять обязанности президента вплоть до президентских выборов, — считает американский историк и социолог Роберт Такер. — При этом положение в стране стало бы более определенным, а Россия укрепила бы демократическую систему правления. Если за эти несколько месяцев Черномырдин укрепит свою власть и свой авторитет, шанс избрания его в 1996 году на пост президента станет довольно высоким».

Пожалуй, такой поддержкой Запада пользовался в свое время только Горбачев... Ну, еще в какие-то периоды сам Ельцин... Гайдар... В общем-то ни в первом, ни во втором, ни в третьем — при всей несхожести этих людей — Запад не ошибся, достаточно высоко оценив их приверженность идеям демократии и реформ. Значит ли это, что и в случае с Черномырдиным ошибка исключена?

Боюсь, что нынешнего российского премьера Запад оценивает не вполне адекватно.

Конечно, может оказаться и так, что он, случись ему занять место Ельцина, оправдает эти оценки. Но все может повернуться и совсем по-другому...

Не станем забывать: нынешний Черномырдин как государственная, политическая фигура — это стопроцентная ТЕНЬ ЕЛЬЦИНА. И никто сейчас не может сказать, каким он будет, обретя полную самостоятельность.

Генетически Черномырдин — «красный хозяйственник», «красный директор». Став три года назад председателем правительства, он попытался действовать в соответствии с этой своей природой. Мы ведь помним первые его шаги — гигантские госкредиты родному ТЭКу, постановление о регулировании цен... Помним его первые декларации — о том, что он за рынок, но против базара. Или что для стабилизации экономики вовсе не обязательно делать упор на монетаристские методы... Всякий раз, когда в подобных нелепостях Черномырдин заходил чересчур далеко, сохранившиеся еще в правительстве компетентные люди — реформаторы бежали с челобитной к президенту, после чего следовал суровый окрик Ельцина, адресованный премьеру, понуждавший его наступать на горло собственной песне и покорно становиться в кильватер флагманскому кораблю.

Уже на посту председателя правительства Черномырдину пришлось засесть за парту. По воспоминаниям бывшего министра финан-

сов Бориса Федорова, понадобилось, по крайней мере, полгода, чтобы премьер стал более или менее уверенно ориентироваться в азах рыночной экономики.

Однако полноценно продолжить реформы Гайдара, развернуть их, как это задумывал его предшественник на посту главы правительства, Черномырдин, естественно, так и не сумел. Двигался по реформаторской тропе неуверенно, на ощупь, зигзагами... Не оказался он также в состоянии наклонить в социальную сторону проводимые в стране перемены, чего требовала вся страна и что сделать было уже не так трудно, как в 1992 году... Не смог притормозить падение жизненного уровня... Допустил новый беспредел неплатежей...

Разумеется, никто, кроме самого Черномырдина, не сможет передать его самоощущение во время этого зигзагообразного движения. Никто не скажет, какие муки ада он при этом испытывал. Никто не ответит на вопрос: не было ли наивысшим его желанием поскорее покончить с этим малопонятным для него петлянием, поскорее вернуться на такую родную и привычную дорогу административных, хозяйственных хлопот? Соответственно, никто не сможет сейчас дать гарантии, что глубинная генетическая сущность этого человека, в случае если он станет президентом, не возобладает. Особенно учитывая поднимающуюся нынче красную волну. Как раз больше вероятия, что «красный директор» постарается эту волну использовать, чтобы взлететь еще выше на ее гребне. В конце концов главная его жизненная привязанность — «Газпром» — останется процветающим при любом режиме — и при белом, и при красном, — покуда сохранится газ в российских недрах. Так что, не исключено, в какой-нибудь из газет однажды может появиться статья «Капиталист, ставший опять коммунистом»...

Как бы мы ни ругали Ельцина, ясно: даже будучи очень большим, даже став, не дай Бог, полупарализованным, он останется гарантом какой-никакой демократии, каких-никаких реформ. О Черномырдине такого твердо не скажешь.

И все же у главы государства в самом деле должен быть преемник. И должна быть полная прозрачность в механизме наследования власти при пожарных обстоятельствах.

После предыдущего сердечного приступа, случившегося с Ельциным в июле, много было разговоров на эту тему. Вроде бы все согласились: срочно нужен регламент передачи властных полномочий временно исполняющему обязанности президента. Одной лишь конституционной формулы, что в случае недееспособности президента его функции временно, в течение трех месяцев, исполняет председатель правительства, явно недостаточно. Каковы критерии

недееспособности? Кто ее определяет? Должна ли передача полномочий быть обязательно необратимой, или по окончании болезни все можно переиграть в обратную сторону (собственно говоря, это ведь и предполагалось сделать, после того как Ельцин оправится от недуга)? Увы, разговоры о регламенте так и остались разговорами. Ничего сделано не было. И вот новый приступ... Снова та же мельтешня. Тот же страх потерять власть... А что впереди?

Спрашиваю того же знакомого кардиолога, не может ли вкратце последовать очередное обострение, не окажется ли оно роковым. Ответ: роковым вполне мог стать уже этот приступ, хотя в целом прогноз не обязательно должен быть мрачным. Ишемия – болезнь загадочная. Ею, бывает, болеют очень долго. Все может стабилизироваться...

8 ноября CNN со ссылкой на ЦРУ сообщило, что Ельцину для излечения требуется операция за рубежом. Забавно было наблюдать, как предупреждению американского «шпионского ведомства» решили противопоставить личные впечатления первого вице-премьера Олега Сосковца и министра Вячеслава Михайлова, посетивших Ельцина соответственно 6 и 8 ноября и нашедших, что он «в хорошей форме». По старой советской привычке Сосковец даже назвал сообщение ЦРУ провокацией.

К этому времени – к середине прошлой недели – кампания бодрчества в оценке состояния президента уже взгромодилась на привычные накатанные рельсы и ходко покатила по ним.

Однако болезнь есть болезнь. Она равнодушна к словесам придворных льстецов и подхалимов. Мы слышали: имеются два варианта развития событий. О благоприятном пока умолчим. Подумаем о неблагоприятном...

Ощущение такое, что сегодня в окружении президента существуют две фракции. Одна вполне отдает себе отчет, что по мере ухудшения здоровья Ельцина надо освобождать его от части обязанностей – не только ради него самого, но и ради страны, которой он призван руководить. Другая группа «ближних бояр», напротив, намерена стоять до конца, никому не уступая ни грана властных полномочий. Если верх возьмет вторая, последствия могут быть плачевными. Может возникнуть традиционная советская ситуация – закулисное правление от имени недееспособного вождя.

Многие зарубежные газеты сегодня отмечают, что при всех заслугах Ельцина главный его просчет – он не создал механизма передачи своей власти, и это на руку «кремлевским преторианцам», тайне мечтающим о том, чтобы отказаться от выборов и установить диктатуру секретных служб, их монополию на торговлю нефтью, металлами и оружием...

Теперь уже ясно: и в этом цикле президентской болезни дело с разработкой подстраховочных вариантов не сдвинется с места. Градус бодрячества все выше и выше. Скоро, глядишь, из уст президента опять услышим: он вызывает какого-нибудь госдеятеля на теннисный матч...

Дай, конечно, Бог здоровья Борису Николаевичу, но долго ли продлится этот цикл? Не настанет ли вскорости следующий?

...Вот такие перед нами нынче перспективы и альтернативы. Как перед витязем на распутье. Направо пойдешь... Налево пойдешь...

* * *

В этом отрывке отражено характерное настроение, владевшее многими в те дни: здоровье Ельцина стремительно разрушается, а о том, чтобы застраховаться на крайний случай, никто не думает. В том числе и сам президент. Вернее, он пребывает в смятении. По-видимому, мысль о преемнике иногда приходит ему в голову, он даже предпринимает кое-какие конкретные шаги в соответствующем направлении, намечает некие формальные пути к возможной передаче власти. Затем, однако, им овладевает панический страх потерять эту власть, и он отрабатывает назад.

Между тем счетчик, отсчитывающий время до президентских выборов, звучит все громче. Все больший интерес вызывают результаты опросов, показывающие шансы потенциальных претендентов на пост главы государства.

Впрочем, эти опросы еще мало о чем говорят.

Данные социологов

(1 декабря 1995 года)

По опросу ВЦИОМа, проведенному с 23 по 28 ноября, если бы выборы президента состоялись в следующем месяце, 6 процентов опрошенных отдали бы свой голос генералу Лебедю, по 5 процентов — Зюганову и Явлинскому, по 4 — Ельцину, Святославу Федорову и Жириновскому. 7 процентов заявили, что вообще не собираются идти на выборы.

Их победа была безоговорочной

Выборы президента, которые должны были пройти летом 1996 года, начались с выборов в Думу, состоявшихся 17 декабря 1995 года. Это было что-то вроде праймериз, предварительной предвыборной прикидки.

Социологи предсказывали безоговорочную победу коммунистов. Но до последнего момента теплилась надежда: вдруг ошибутся. Не ошиблись.

Не вполне точными оказались лишь предсказания, касающиеся второго, третьего и последующих мест. Согласно средним прогностическим цифрам, опубликованным накануне выборов, КПРФ, как ожидалось, наберет по общефедеральному округу 18 процентов голосов, «партия власти» «Наш дом – Россия» – 12,2, «Яблоко» – 9,6, Конгресс русских общин – 8,7, ЛДПР – 7,6, «Женщины России» – 7,5, «Демократический выбор России» – 5,2, Аграрная партия России, – 5,1.

Как видим, согласно прогнозам пятипроцентный барьер преодолеvalo довольно много избирательных объединений. При этом перевес коммунистов и «патриотов» не представлялся таким уж угрожающим.

Однако уже первые предварительные результаты на пять утра 18 декабря, оглашенные ЦИКом, представили несколько иную картину. Более пяти процентов набирают лишь пять избирательных объединений: КПРФ – 23,1 процента, ЛДПР – 13,9, НДР – 7,8, «Яблоко» – 6,3, «Женщины России» – 5,5.

Как видим, вопреки прогнозам, ЛДПР оказалась на втором месте, опередив НДР и «Яблоко», а КРО, ДВР, АПР вообще опустились «ниже ватерлинии».

Вскоре список неудачников дополнили и «Женщины»...

На восемь утра 18 декабря картина была такая: КПРФ – 21,8 процента, ЛДПР – 11,7, НДР – 9,2, «Яблоко» – 7,9. В дальнейшем первоначальные цифры хоть и изменялись, но распределение первых четырех мест осталось неизменным.

Чуда не случилось. Коммунисты могли праздновать победу.

Ельцин расплачивается за главную свою ошибку

(Из написанного в те дни. 18 декабря 1995 года)

Как и ожидалось, на выборах в Думу коммунисты набрали по партийным спискам наибольшее число голосов. На этот раз, в отличие от 1993 года, социологи, усердно потчевавшие нас результатами предвыборных опросов, оказались на высоте...

Ощущение одно – жуткая досада. В голову лезет вопрос: почему все же компартию не запретили? Почему дали вновь присосаться к истощенному телу страны?

Сейчас этот вопрос кажется странным: как можно, КПРФ вышла в лидеры! Причем вышла вполне демократическим, выборным путем. Однако в 1991-м, на волне послепутчевой демократической эйфории, принять по-настоящему жесткие меры против «ордена меченосцев», принесшего столько зла России и прилежащим странам, ничего не стоило. Такие меры встретили бы тогда безоговорочную поддержку огромного большинства людей.

Однако Ельцин с великодушием победителя всего-навсего **ПРИОСТАНОВИЛ** деятельность компартии. Если бы он в состоянии был из августа 1991-го заглянуть в нынешний декабрь 1995-го!

Какими мотивами руководствовался тогда президент, избегая крайних мер в отношении коммунистов? Я думаю, они вполне прозрачны. Главными были два. Первый – была почти полная уверенность, что народ, вдоволь натерпевшийся от миссионеров светлого будущего, более не допустит их к власти, никогда уже вновь не посадит себе на шею. Сами же коммунисты были в то время так жалки, так напуганы, что вроде бы уже и не притязали ни на что подобное. Вторая причина – не хотелось осквернять запретами само слово «демократия». Демократия – это ведь максимальная свобода. В том числе и для несогласных с тобой.

Время показало, что и то, и другое соображение в данном случае было ошибочны.

Сегодня, после выборов, уже ясно, что надежда на прозорливость народа, на то, что после всего случившегося с Россией в XX веке он навсегда отвернется от коммунистов, была безосновательной. За марксистов-ленинцев по партийным спискам проголосовали около 22 процентов избирателей, то есть почти 15 с половиной миллионов. Больше, чем за любую другую партию или блок.

Разумеется, среди тех, кто отдал голоса за большевиков, много бывшей партноменклатуры, сладко евшей и пившей во времена оны.

Тут все понятно, вопросов нет. Но немало также людей, которые ничего при коммунистах не имели, по всем мировым стандартам были сирыми и голыми. Их-то что так тянет в светлое коммунистическое прошлое?

Поразительное дело: в последние месяцы мы обнаружили потрясающий феномен – короткую историческую память наших соотечественников. Ладно еще в ней не сохранились какие-то давние события – затеянная большевиками Гражданская война, раскулачивание (то есть фактическая ликвидация крестьянства), кошмарный голод тридцатых годов, повсеместно раскинутые «санатории» ГУЛАГа, ночные аресты, пытки, казни... – такие провалы памяти еще можно понять. Но ведь мы запамятовали и совсем свежее – то, что было всего четыре года назад. Почти никто уже не помнит, в каком беспросветном тупике в конце концов оказалась наша славная социалистическая экономика, как еженедельно и ежедневно возникали слухи о новом неминуемом голоде (теперь мы знаем, что слухи эти были небеспочвенны – голод действительно стоял на пороге). У нас отшибло память о том, в какую проблему всякий раз вырастала необходимость купить любой пустяк, любую ерунду. Нет, не купить – ДОСТАТЬ, другого и слова-то не было. Особенно если вы живете не в Москве, – чуть не полстраны должны вы были обежать-объехать, чтобы напасть на след требуемого. А как напали на след, тут и начинается главное – стояние в очередях, ночные переключки, слюнявые номера на ладони, выведенные «химическим» карандашом... Ссоры и драки с соседями по очереди, высокомерное хамство продавцов... И если досталась тебе искомая тряпка или что-то другое – унижительный праздник, торжество раба, пригнутого головой до самой земли, дальше и пригибать некуда.

И так ведь обстояло дело со всем, что необходимо человеку для жизни. Чтобы раздобыть необходимое, аккурат целую жизнь и надо было потратить, ни на что другое ни сил, ни времени уже не оставалось.

Увы, увы, все позабыли.

Не устает удивляться этой забывчивости Гайдар, в 1001-й раз напоминая беспамятным о пустых магазинных прилавках 1991-го (такое ощущение, что он и его слушатели обитали тогда на разных планетах). Социологи с ученым видом констатируют: «Массовое сознание большинства россиян не исторично, а ситуативно»: «чем дальше отстоит от нас то или иное событие, тем меньше оно воспринимается как источник нынешнего неблагополучия».

Между тем никакого повода для удивления тут нет. Феномен русского беспамятства давно и хорошо известен. «Мы ленивы и не любопытны», — произнес когда-то Пушкин. «Этим он хотел сказать, — пишет Анатолий Федорович Кони, — что в большинстве случаев у нас не существует вчерашнего дня. От этого завтрашний день такой неясный, туманный. Мы не знаем вчерашнего дня не только в нашей жизни, но и в жизни общественной, и то, что могло воспитать в нас чувство долга, что могло дать нам темные и светлые картины прошлого, все это исчезает в туманной дали».

Некрасов, когда его спрашивали, почему он не закончит свою поэму «Кому на Руси жить хорошо», отвечал, что по плану он хотел бы дальше представить мрачные картины времен крепостного права, но ему некогда собирать фактический материал, да и трудно, так как у нас «даже и недавним прошлым никто не интересуется». «Постоянно будить надо, — говорил Некрасов, — без этого русский человек способен позабыть и то, как его зовут».

Дело, однако, не только в забывчивости. Мы ведь знаем: великую реформу Александра II, давшего волю крестьянам, многие из них восприняли как настоящую беду. «Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь», — вспоминает чеховский Фирс. «Перед каким несчастьем?» — недоумевает его собеседник. «Перед волей».

Так и нынче. Многие не знают, что делать со свалившейся на них свободой. Раньше во всем порядок был. Говоря словами того же Фирса, «мужики при господах, господа при мужиках». Здесь — райком, там — партком... Отсидел свои восемь часов — иди гуляй. Пришла получка — получи свои 120 рэ (неважно, заработал ты их реально или нет)... «А теперь все вразбродь, не поймешь ничего». Хочешь жить — умей вертеться. Это как же такое — вертеться? Не-е-е, нам это не надо. Лучше назад, в прежнее время.

Кто говорит, тяжело даются реформы. Много совершается глупостей. Но основное-то направление — правильное, это ведь как дважды два ясно. Если вы хотите делу помочь, не уставайте тыкать в глупости и ляпсусы. В преступления, наконец. Нет, такая критика, такая оппозиция не устраивает: это, дескать, слишком мелко для фигуры моего масштаба. Стараются поддеть оглоблей все целиком направление, развернуть в обратную сторону. Кличут на подмогу доброхотов...

И многие, видим, на тот клич отзываются. А как вы думали? Испокон века известно, каким способом привлекать и вести за собой

народные массы. Лучше всего это делать зажигательными речами. Про свободу, про равенство, братство. «Толпа слепа, и ловок демагог...» – констатирует гётевский Мефистофель, с презрением наблюдая за вековечной человеческой заморочкой. А уж большевики это оружие – демагогию – освоили в совершенстве.

Смешным нынче кажется и второй посыл, удержавший Ельцина от решительных мер против партии коммунистов, – посыл, согласно которому демократия несовместима с запретами. Абсурдна сама постановка вопроса, что демократические нормы распространяются на организацию, которая, как показала вся ее история, НЕ ПРИЗНАЕТ ДЕМОКРАТИИ и, придя к власти, немедленно ликвидирует ее.

Большевики, как известно, и само слово-то «демократия» не употребляли, а только лишь – с эпитетом «буржуазная». Буржуазная демократия – и этим все сказано. И сразу всем понятно, как к ней относиться и что с ней делать.

«Говорить о чистой демократии, о демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности... это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми», – поучал нас товарищ Ульянов-Ленин. Буржуазную демократию надо, естественно, изничтожить и заменить диктатурой пролетариата. Какая у нас была диктатура, какого пролетариата – это мы хорошо знаем. Лысые, усатые и бровастые «пролетарии» преподали нам всем прекрасный исторический урок.

Изменилось ли в чем-то существенном отношение нынешних красных к демократии? Если и изменилось, то только в худшую сторону, в сторону еще большей нетерпимости. Ибо вполне очевиден дрейф нынешних марксистов-ленинцев в направлении национализма. Национал-социализм – это то, что в дурном сне не могло бы присниться идейным прародителям Зюгановых, Лукьяновых, Купцовых. Прародители, как известно, числили себя по интернациональному департаменту.

Все последние годы – годы реформ – коммунисты были на передовой линии борьбы с этими реформами и в парламенте, и вне его стен. Главный их принцип – «Чем хуже, тем лучше!». Сделать все возможное, чтобы реформы шли спотыкаясь, через пень-колоду, чтобы они в максимальной степени ухудшили жизнь людей, а после все свалить на самих реформаторов – такова была их главная тактическая идея. Еще один принцип – постоянно противодействуя реформам, поддерживать в обществе предельное напряжение. Это напряжение, как известно, едва не обернулось гражданской войной в

октябре 1993-го. Впрочем, еще и раньше в том году Первомайская демонстрация – традиционный языческий ритуал всех коммунистов – тоже привела к безумным кровавым столкновениям, человеческой гибели...

Зюганов уверяет, что он за «мирно-эволюционный» путь, «против насильственных методов решения проблем». Но можно ли мирно и эволюционно одолеть те программные задачи, которые ставят перед собой большевики? Можно ли, например, мирно отнять собственность у сорока миллионов человек, являющихся ныне акционерами или хозяевами 118 тысяч приватизированных предприятий? Можно ли мирно лишить работы пятьдесят миллионов человек, занятых сегодня в частном секторе? А ведь всяческое утеснение и в конечном счете сведение к нулю этого сектора было и остается главной задачей коммунистов. Как известно, классики марксизма, когда их обуревало желание наикратчайшим образом выразить суть своего учения, сводили все к одной-единственной формуле – уничтожение частной собственности.

Мирно и эволюционно отобрать собственность не удастся. Стало быть, – снова кровь. Большая кровь. Возможно, гражданская война.

Никакие заверения нынешней дежурной смены коммунистических вождей, что они, мол, готовы временно сохранить многоукладную экономику, не следует принимать всерьез. Ибо за этой сменой придет другая, за другой – третья и т.д., для которых никакие слова их предшественников – даже если предположить, что в них была крупица искренности, – не будут иметь силы. Все будет делаться так, как того потребуют интересы удержания власти. А в условиях экономического хаоса, который неизбежно наступит, если призрак коммунизма вновь материализуется на нашей несчастной земле, и тем паче в условиях реставрированной командно-административной экономики, чья эффективность, как известно, близка к нулю, единственный способ остаться у кормила – всяческое удушение свободы, прямые репрессии...

Одним словом, антидемократический, насильственный, репрессивный характер коммунистического режима определяется не тем, что Ленин – плохой, Сталин – плохой, Зюганов – плохой (хотя и ничего хорошего об этих деятелях не скажешь), а самой сутью, самой природой этого режима. Истина сия уже бесчисленное число раз констатировалась. Но как-то все ускользают эти констатации от нашего просвещенного внимания. Как-то все каждый раз теплится надежда:

а вдруг в этой новой дежурной смене окажутся приличные ребята? Ведь смотрите, как на словах-то они пекутся о народе, о человеке-труженике, о молодых, о старых, о малоимущих, как обещают снизить цены, налоги, обуздать преступность...

Хорошо бы нам раз и навсегда усвоить: где коммунисты, – там экономический крах, тотальная несвобода, террор, насилие. Независимо от персоналий. Это так же непреложно, как законы Ньютона. Среди первых поколений большевиков тоже ведь не одни вампиры были, тоже имелись там наивные романтики, искренне верившие в коммунистическую утопию. Ну и что? Много ли от этого изменилось? Преобразилась ли природа коммунизма? Ни в малейшей мере!

А коли все это так, коли коммунистический режим – антипод демократии, ее аннигилятор, уничтожитель, в таком случае скажите Бога ради, какой смысл в полном объеме прилагать демократические нормы к тем, кто изо всех сил стремится установить или возродить его, особенно на нашей истерзанной этим режимом земле? (Ведь нигде же он так славно не погулял, как в России!)

Они ни в чем не раскаялись и ничему не научились. Все разговоры об этом начисто опровергает хотя бы недавняя телеполемика между неким «местечковым адвокатом» (он сам так назвался) по фамилии Иванов, представлявшим КПРФ, и лидером «Демвыбора» Егором Гайдаром. По-видимому, среди партийных товарищей этот Иванов слывет сильным полемистом – потому-то Зюганов и уступил ему свое место перед телекамерой. На самом деле полемические приемы, которые продемонстрировал этот провинциальный стряпчий, соответствуют разве что уровню одесского Привоза. Главное тут – мгновенная реакция по принципу «Сам дурак!». Самоуверенный, наглый, нахрапистый, соединяющий в одной фразе старое агитпроповское «по указке дяди Сэма» с жаргонно-блатным «кодла» – и это лучшее, что есть в современной компартийной верхушке!

Глядя на этих нынешних Ивановых, только и думаешь: «Господи, Господи! Неужели нас ждет близкое пришествие таких вот людей на вершину власти? За что такая напасть? Чем уж мы так прогневили Бога, что он второй раз за одно столетие насылает на нас такую всесветную беду? Неужто мы не вправе воспротивиться этому?»

К запрету и ограничению коммунистической деятельности в разные времена прибегали несравненно более прочные демократические режимы, чем нынешний российский. Вспомним хотя бы США, ФРГ... Финляндию...

В других странах – например, во Франции, в Италии – меры пре-

досторожности находили излишними и как следствие получали немало хлопот на свою голову. Тут, однако, надо вспомнить, что еврокоммунизм – совсем не то, что наш российский коммунистический фундаментализм. (Не следует, конечно, смешивать с нашими красными и тех «розовых», которых с некоторых пор привычают в Восточной Европе и в Балтии.)

Так и получается, одни мы такие храбрые и безоглядные. Наша демократия – новорожденный теленок, еще только пытающийся утвердиться на тоненьких, колеблющихся тростинках-ножках. Между тем мы широким жестом позволяем вольготно жить и здравствовать кому угодно – крайним националистам, расистам, фашистам... И, разумеется, коммунистам. Вот мы какие! Никого не боимся! Никто нам не страшен! Что для немца карачун, русскому – здорово! Ой ли?

Оглянемся-ка вокруг. В очередной раз поучимся уму-разуму у того, у кого он есть. Экстремистские организации пользуются демократическими правами главным образом там, где они обладают ничтожным влиянием – поддержкой считанных процентов или даже долей процента населения. В этих странах подобное спокойное отношение ко всякого рода политическим бузотерам действительно как бы призвано демонстрировать полноту демократического ландшафта, оно словно бы свидетельствует: смотрите, у нас одинаковое отношение ко всем, без малейшего исключения.

Нам ли, однако, становиться сейчас в ряд таких стран? Мы ведь и близко к ним не принадлежим.

В тех же самых социально благополучных государствах, едва только влияние экстремистов возрастает либо же они начинают производить различные шумовые эффекты, сразу же принимаются экстренные меры по их стреноживанию. А как же иначе? Мы же, как представляется, вновь готовы покорно идти навстречу своей судьбе, проявлять полное смирение перед тем, что считаем неодолимым роком. И при этом мудро рассуждать и философствовать.

Удивил меня Егор Тимурович Гайдар, который в недавней беседе со мной высказал смелый прогноз, что вот, мол, если даже коммунисты придут к власти, долго они не удержатся, демократия все равно победит. Оговорился, правда: «Другое дело, сколько это будет еще стоить нашей стране».

А и в самом деле, сколько будет стоить стране очередной коммунистический эксперимент? Останется ли после него хоть что-нибудь от страны?

Думаю, в упомянутом прогнозе Гайдар-ученый возобладал над Гайдаром-политиком, Гайдаром-патриотом, тем самым, который поздним вечером 3 октября 1993 года призывал нас по телевидению идти к Моссовету, чтобы защитить российскую демократию от красно-коричневой чумы.

По-моему, никаких бесстрастно прогностических «если» в наших сегодняшних обстоятельствах быть не должно. **КОММУНИСТЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПРОРВАТЬСЯ К ВЛАСТИ.**

Сама по себе победа большевиков на выборах в Думу — это, конечно, еще не катастрофа. Каков бы ни был расклад сил в новом думском составе, — конституционные полномочия нижней палаты парламента, как известно, весьма ограничены.

Опасность таится в другом. Результаты прошлых думских выборов, как мы знаем, сильно повлияли на общую обстановку в стране, хотя уже тогда было ясно, что сама по себе Дума мало на что способна. В частности, под влиянием этих результатов Ельцин отшатнулся от демократов. А правительство «метнулось в сторону финансовой безответственности». Следствием чего стали известные события: резкое падение курса рубля, огромная инфляционная волна осени и зимы 1994 — 1995 годов, резкое снижение жизненного уровня...

Эффект от нынешних выборов может быть еще заметней, ибо они прошли в преддверии выборов президентских. В такой ситуации коммунистический триумф при голосовании 17 декабря — дурной знак. Он придает силы большевистским фанатикам, разворачивает в соответствующую сторону колеблющихся. Вносит смятение и растерянность в ряды тех, кто привык держать нос по ветру. В том числе и во властных кабинетах. В том числе и в прессе (омерзительно было смотреть, как в эти дни представители «свободной печати», радио, телевидения хороводились вокруг Зюганова и иже с ним, с каким холуйским подобоострастием задавали им «удобные» вопросы, как старались доказать всему миру, что эти «пролетариелюбцы» — «с человеческим лицом»).

Вот в чем главная опасность этого триумфа. Вот почему его нельзя было допускать.

* * *

Перечитывая эти строки, снова думаешь: ведь с каким великим трудом страна выбиралась, выкарабкивалась из десятилетий коммунизма! Вряд ли и сейчас, спустя годы после описываемых событий,

можно сказать, что окончательно выкарабкалась. Хуже того: уже и новое поколение появилось, которое плохо себе представляет, что такое РЕАЛЬНЫЙ коммунизм, и, отталкиваясь от мерзостей сегодняшнего дня, — а кто ж отрицает, что он, этот день, с верхом наполнен всякого рода мерзостями? — вновь ставит своей жизненной целью борьбу за коммунизм идеальный. Идеал этот в принципе недостижим. Борьба «молодого, незнакомого» племени ведет в тот же тупик, где мы уже побывали. Но ребята этого не понимают. Жалко их. Жаль впустую растрчиваемой молодости, напрасно расточаемых сил. Коммунистическое «светлое будущее» не может быть альтернативой мерзостям нынешнего времени.

Подведены окончательные итоги выборов

29 декабря Центризбирком обнародовал окончательные итоги выборов. В Думу прошли лишь четыре избирательных объединения — те самые, которые с самого начала захватили лидерство: КПРФ, получившая 22,3 процента голосов (за нее проголосовали почти 15 с половиной миллионов человек), ЛДПР — 11,18 процента (7,7 миллиона), «Наш дом — Россия» — 10,13 (чуть более 7 миллионов), «Яблоко» — 6,89 (4,8 миллиона).

В результате по партийным спискам коммунисты получили в нижней палате 99 мест, жириновцы — 50, НДР — 45, «Яблоко» — 31.

В одномандатных округах КПРФ обрела еще 58 депутатских мандатов. 20 мест оказалось у родственной ей Аграрной партии.

Иными словами, в целом избиратели предоставили марксистам-ленинцам 177 депутатских кресел. Это хоть и не контрольный, но — самый внушительный пакет думских «акций».

По сравнению с Думой предыдущего, первого, созыва коммунисты значительно прибавили: в 1993-м за них проголосовали лишь 12,4 процента избирателей (6,7 миллиона человек), что дало им 32 «партийных» места. В тот выборный цикл последователи Ленина — Сталина оказались только третьими, пропустив вперед Жириновского и «Выбор России». Всего КПРФ получила 46 мест. Ее союзнице АПР досталось тогда 55 мандатов. Так что по сравнению с 1993 годом в декабре 1995-го альянс коммунистов и аграрников заметно увеличил свое присутствие в Думе...

«Яблоко» добавило к своему партийному списку 14 одномандат-

ников, НДР – 10. По 9 мест получили в одномандатных округах не преодолевшие пятипроцентный рубикон «ДВР – Объединенные демократы» и возглавляемая Николаем Рыжковым «Власть – народу!», 5 – Конгресс русских общин (одно из этих пяти мест досталось генералу Лебедю)... 77 мест обрели независимые кандидаты.

Таков был в общих чертах расклад сил в нижней палате парламента.

После думских выборов стало вполне очевидно: представитель коммунистов будет главным фаворитом и на предстоящих в скором времени выборах президентских.

Впрочем, прямые соцопросы, проводившиеся в то время, не вполне подтверждали этот грядущий фаворитизм – Зюганов еще не был явным лидером. Намеченные на лето выборы президента в то время представлялись чем-то далеким, мало кто задумывался о них всерьез.

На что невозможно было не обратить внимание, так это на крайне низкий, почти нулевой, рейтинг действующего президента.

Данные социологов

(20 декабря 1995 года)

На вопрос социологов ВЦИОМа, за кого бы они проголосовали, если бы выборы президента состоялись в следующем месяце, 7 процентов ответили – за Жириновского, 6 – за Зюганова, по 5 – за Черномырдина и Явлинского, по 4 – за Лебеда и Святослава Федорова, по 2 – за Ельцина, Руцкого, Гайдара, Тулеева и Бориса Федорова (при этом, надо отметить, Черномырдин и Гайдар уже заявили: они не собираются баллотироваться в президенты). 24 процента сообщили, что не намерены участвовать в выборах. Опрос проводился 6 – 12 декабря.

«ЯБЛОКО» ПОДЫГРЫВАЕТ ЗЮГАНОВЦАМ

Явлинский помогает Селезневу стать спикером

Вскоре после начала работы нижней палаты парламента коммунисты закрепили победу, которую они одержали в декабре на думских выборах.

16 января состоялись выборы спикера Думы. Кандидатов было трое: Геннадий Селезнев (КПРФ), Иван Рыбкин (независимый кандидат, поддержанный «Нашим домом – Россией») и Владимир Лукин («Яблоко»). В первом туре никто из них не набрал необходимых 226 голосов. Селезнев получил 216, Рыбкин – 166, Лукин – 56. Так что во второй тур вышли Селезнев и Рыбкин.

Второй тур провели в тот же день. Он снова не выявил победителя: за Селезнева проголосовали 219 депутатов, за Рыбкина – 51.

17 января все началось сначала. Вновь были выдвинуты те же кандидаты. На этот раз в результате тайного голосования спикером стал представитель коммунистов Геннадий Селезнев, получивший 231 голос (Рыбкин – 150, Лукин – 50).

Все решило голосование фракции «Яблоко». В первом туре все члены этой фракции проголосовали за безнадежную кандидатуру своего выдвиженца Владимира Лукина. Во втором, согласно принятому фракционному решению, они не участвовали в голосовании. 17 января «яблочники» вновь проголосовали за Лукина, отобрав тем самым необходимые голоса у Рыбкина, который считался представителем антикоммунистического блока. Хотя при сложении голосов, отданных за Рыбкина и за Лукина, требуемых 226 голосов все равно не получалось, тем не менее была общая уверенность: в случае, если бы с самого начала установилось примерное равенство голосующих за Селезнева и за Рыбкина, у последнего были бы все шансы вновь стать во главе Думы.

Сами «яблочники» объясняли свое голосование тем, что они, мол, и против коммуниста, и против «представителя партии прави-

тельства», то бишь Ивана Рыбкина. Почему против коммуниста, понятно, а Рыбкин их не устраивал, поскольку он, дескать, будучи председателем прошлой Думы, «блокировал работу парламента по предотвращению гражданской войны на Кавказе», в качестве члена Совета безопасности при президенте участвовал в принятии всех «чеченских» решений. Нарекания «яблочников» вызывала также «организационная деятельность» прежнего спикера, ее чрезмерное бюрократичивание.

Наверное, эти нарекания были в значительной степени справедливы, и все же в той ситуации вряд ли они имели решающее значение. Главным было – остановить победный порыв коммунистов, выигравших думские выборы и нацелившихся повторить свой триумф на выборах президентских. Явлинский и К^О словно бы этого не понимали.

«От этого позора отмыться будет трудно»

Думские маневры Явлинского и его команды вызвали подлинный скандал. Многие демократические деятели выступили с резкой критикой этих маневров.

Публично осудил действия «Яблока» и Ельцин. 19 января на пресс-конференции по случаю завершения встречи руководителей стран СНГ он заявил, что на этих выборах «Ивана Рыбкина провалили потому, что «Яблоко», работая под демократическими лозунгами, соединилось с коммунистами». «Если бы оно не поддержало коммунистов, Селезнева бы не избрали», – добавил президент.

В ответ Явлинский «на голубом глазу» продолжал уверять, что «Яблоко», мол, голосовало так, как голосовало, поскольку его не устраивал ни Селезнев, ни Рыбкин, у «Яблока» был свой кандидат – Лукин – и голоса фракции отдавались именно этому кандидату; а то, что пост спикера в конце концов заполучили коммунисты, так это, дескать, логичный результат их победы на выборах 17 декабря.

В действительности дело, по-видимому, объяснялось не столько высокими идейными мотивами, сколько закулисной торговлей по поводу распределения руководящих думских должностей.

«...При выдвижении кандидатов на пост спикера, – писали «Известия», – «Яблоко» неожиданно выставило своего человека – Лукина. Хотя, по словам представителей НДР, ранее была достигну-

та договоренность о совместной поддержке единого кандидата. Вряд ли, делая такой шаг, Явлинский не понимал, что тем самым кладет голоса своей фракции в копилку коммунистов. Пусть и не напрямую. Судя по распространяемой в Думе информации, действия лидера «Яблока» явились следствием договоренности, достигнутой им на закрытых переговорах с Зюгановым. Лидер коммунистов согласился заменить в качестве кандидата в спикеры Купцова на Селезнева. Явлинский дал согласие поддержать такую замену в обмен на сохранение фракцией Комитета по бюджету и Комитета по международным делам».

Действия «Яблока» при выборах председателя Думы стали очередным примером его предательства по отношению к российскому демократическому движению, совершаемого всякий раз в какой-то решающий, если не сказать критический момент.

В тех же «Известиях» прозвучало предсказание, что «происходивший в Госдуме 16 – 17 января мучительный процесс избрания председателя парламента можно с большим основанием считать примерным сценарием предстоящих президентских выборов». Примерным сценарием предстоящих выборов этот процесс стал еще и потому, что на президентских выборах Явлинский повел себя точно так же, как и при выборах спикера Думы, хотя сам автор приведенной цитаты вряд ли именно это имел в виду.

Помимо всего прочего, Дума теперь, после того как спикером стал Селезнев, превращалась в предвыборный штаб коммунистов.

Как писала одна из газет, «Яблоко» достигло поставленных целей (получило некие преференции при распределении думских комитетов. — **О.М.**), но заплатило за них позором, отмыться от которого будет трудно».

ФАЛЬСТАРТ ЕЛЬЦИНА

ГИРЯ НА ШЕЕ ПРЕЗИДЕНТА

* * *

Одной из главных причин непопулярности Ельцина в ту пору была Чечня. Общество в большинстве своем реагировало на кровавую бойню совершенно здраво и адекватно.

Как подумаешь: что с ним, с обществом, случилось потом, при Путине? Как быстро могут меняться преобладающие общественные настроения!

Позорное поражение в годовщину Великой Победы

(Из написанного в те дни. 31 декабря 1995 года)

В уходящем году Россия, как и весь мир, отмечала полвека победы в Отечественной войне (за рубежом предпочитают термин «Вторая мировая»).

В этом же году мы пережили позорное поражение. Я имею в виду Чечню.

Собственно говоря, никто «наверху» не предполагал, что война на Юге так затянется. Мы ведь помним хвастливые заявления Грачева после разгрома чеченской «оппозиции» (промосковской «оппозиции» режиму Дудаева): дескать, если бы дело чеченского умиротворения было поручено ему, он бы с ним справился за два часа с одним парашютно-десантным полком.

Вот ему и поручили...

Никто в ту пору не допускал даже мысли, что праздник Великой Победы будет испорчен канонадой войны несправедливой, несправедливой. Проигранной еще до того, как она началась. В декабре-то 1994-го казалось: до 9 мая времени звон еще сколько! Но так случилось, что две войны сошлись, стали рядом друг с другом, сравнились. «Армия 45-го не убивала женщин и детей» – такой приговор чеченско-

му походу произнес в «Литгазете» накануне славной и горькой даты – 50-летия Победы – бывший фронтовик академик Никита Моисеев.

В последний раз наш великий полководец, он же министр обороны, попытался добиться стремительной победы в Чечне аккурат в прошлую новогоднюю ночь. Бросив на штурм Грозного мальчишек Майкопской мотострелковой бригады. То ли по пьянке (отмечал свой день рождения), то ли на трезвую голову, но при затуманенном рассудке послал их на верную смерть. Они и погибли почти все...

В 1941-м провалился гитлеровский блицкриг. В 1995-м лопнул блицкриг, задуманный российскими генералами.

Отчего же не удалась скоропалительная виктория? Объяснения быстро отыскивались: не учли то да се, недооценили противника, разведка плохо сработала... Ну да, наверное, и это было. Однако главное, конечно, заключалось в ином. В несправедливости, а потому и непопулярности этой войны, единственная причина которой – бездарность, а может быть, и корыстная незаинтересованность высокопоставленных чиновников, не сумевших (или не захотевших) решить проблему мирным способом.

Была, впрочем, и еще одна причина.

В Афганистан мы вперлись, не озаботившись тем, чтобы полистать историю этой страны, хотя бы малейше познакомиться с национальным характером его народов. Не удосужились узнать тот широко известный всему миру факт, что никому еще не удавалось поставить эти народы на колени (хотя желающих было немало). Точно так же и в Чечню полезли, ничего не зная (или начисто позабыв) о кровавой истории покорения этого края Россией.

Порой мне кажется, что наши политики и генералы не читали ни «Рубки леса» Толстого, ни его «Набега», ни тем более гениального «Хаджи-Мурата». Не читали Костомарова, других русских историков... Если бы почитали, узнали бы, откуда есть пошла «конституционная законность», которую они нынче восстанавливают огнем и мечом. А пошла она двести с лишним лет назад из желания русских царей обрести вольготный доступ к своему стратегическому союзнику – Грузии, для чего требовался сущий пустяк – покорить «дикие» и «воинственные» горские племена. Вот, стало быть, при каких обстоятельствах начали «восстанавливать» ту самую «конституционную законность».

Короче, только при абсолютном невежестве можно вести себя по отношению к чеченскому народу так, как ведут себя эти деятели.

Даже советские энциклопедии и словари, при всей их лживости,

не посмели написать про Чечню, что она добровольно вошла в состав России (как они написали, допустим, про Ингушетию). «БЫЛА ПРИСОЕДИНЕНА» – вот и все, что отважились процедить сквозь зубы.

Однако нынешние покорители Чечни, подозреваю, не ведают даже этого, тупо долдоня про «незаконные бандформирования», про «кроважидных убийц и террористов»...

В сущности, мы словно по мановению волшебной палочки вернулись к худшим временам коммунистического режима, когда все, самые идиотские, решения принимал единолично Генсек (в данном случае он именуется президентом) при раболепно поддакивающим Политбюро (теперь оно называется Советом безопасности)...

Мы вернулись также к худшим временам войны с Гитлером, когда бездарные полководцы во главе со Сталиным вымачивали путь к победе тысячами и десятками тысяч солдатских тел вопреки ими же школярски повторяемому суворовскому девизу брать не числом, а умением...

Мы вернулись к временам безудержного вранья официальной пропаганды, когда казенные вральи с утра до вечера слали и слали в эфир высосанную из пальца «информацию» о наших замечательных победах и ничтожных потерях – в полном соответствии с заветами Геббельса: чем наглее ложь, тем скорее в нее поверят.

Господи, какими же наивными были наши прекраснотушные взаимоуверения, что мы далеко ушли от всего этого маразма, что возврата к нему нет! Маразм этот, видимо, прочно сидит в наших генах. И не одно поколение должно смениться, чтобы наш, как говорят биологи, наследственный аппарат освободился бы от него.

Если сравнивать, однако, нынешний кровавый эпизод нашей истории с аналогичными случавшимися в прошлом, – а они, повторяются, увы, регулярно, – кое от чего нам все же удалось уйти, кое в чем, как это ни странно звучит, мы сумели хоть на миллиметр, но продвинуться вперед по цивилизованному пути.

Что я имею в виду? Какое продвижение вперед? Прежде всего то, что в целом реакция российского общества на чеченскую авантюру кремлевских властителей была адекватной: общество не приняло, отвергло ее. Когда еще такое бывало? Во время позорной финской кампании 1939 года? Во время удушения Венгрии, Чехословакии? Во время войны в Афганистане? Конечно, и тогда было немало людей, отвергавших действия кремлевских безумцев, но масштабы тогдашней и нынешней реакции, разумеется, несопоставимы. Более или

менее адекватная реакция общества стала пробуждаться разве что во время тбилисских и вильнюсских событий. Но это было именно только пробуждение, только начало... Сейчас реакция обрела черты зрелости. Уже через несколько дней после ввода войск в Чечню 64 процента опрошенных Фондом «Общественное мнение» заявили, что они против этого ввода. Такие же цифры сохранились и в дальнейшем. По данным ВЦИОМа, в октябре 1995-го за вывод войск были 40 процентов опрошенных и плюс к этому за то, чтобы добиваться мирного решения проблемы, — 25. То есть те же шестьдесят с лишним процентов выступали против войны.

Вполне адекватной была и реакция основных политических сил на развязанную чеченскую бойню. Четко, словно на экране, высветилось, на кого опирается Ельцин в своей авантюре, а кто противостоит ему. Что мы увидели? Произошел даже не поворот на 180 градусов по сравнению, скажем, с октябрём 1993-го. Случилось гораздо более скверное. Да, поддержку Ельцину оказали его бывшие противники, но не все — худшая их часть: фашисты, крайние националисты, националисты-державники. В оппозиции же оказались прежде всего демократы, традиционная ельцинская опора, те, кто привел его к власти и поддерживал во многих начинаниях.

Все это признак того, что в России, худо ли бедно, образовался живой политический организм, который не только ориентируется на имена политических вождей, но и реально следует определенным принципам, с ними соразмеряет происходящие события и принимаемые решения.

Далее. Когда раньше бывало, чтобы безумная военная авантюра встречала такой дружный афронт со стороны прессы (под прессой я разумею не только газеты, но и все, что нынче называется средствами массовой информации — не люблю это словесное нагромождение)? В сущности, команде лжецов под руководством Сосковца, Егорова и Сергеева уже на первых порах удалось придушить только останкинские «Новости» и специально для такого случая вытасненное из нафталина «Время»... Ну, частью еще некоторые радиоканалы... В основном же вся информация, какую удавалось добыть (тут, разумеется, тоже чинились всяческие препоны), передавалась и печаталась свободно. Не говоря уж о комментариях.

Можете ли вы себе представить опять-таки, чтобы Хрущеву в 1956-м или Брежневу в 1968-м кто-то хотя бы одной печатной строкой резанул бы правду-матку в глаза, как нынче режут Ельцину?

Все-таки кое-какой свободы слова удалось добиться за эти годы,

что ни говори. Не так-то просто, оказывается, взять и прихлопнуть ее, даже если очень хочется. Конечно, может быть, в конце концов и прихлопнут, не на шутку разъярившись. Но, как бы то ни было, первый год чеченской войны прошел под дружный критический аккомпанемент «распоясавшихся» журналистов. Этого уже не зачеркнешь, не выкинешь из истории, как не удалось выкинуть, несмотря на все старания, несколько месяцев – с марта по ноябрь 1917-го – эфемерного бытия едва народившейся и тут же канувшей в вечность тогдашней российской демократии.

Наконец-то мы в полной мере смогли оценить, чего стоит независимое телевидение. Новости НТВ, хоть и начинались, как все прочие новостные программы (от приказа, стало быть, и они не могли уклониться), с вранья пресс-службы правительства, которое с постной миной зачитывали ведущие, все же главный упор делали на собственную, правдивую информацию, под пулями и под снарядами добываемую бесстрашными репортерами.

Впрочем, и Российское ТВ пыталось делать то же самое, хотя для него это было гораздо трудней: оно ведь – государственное.

Несмотря на фактическое военное положение, сохранилась и свобода социологических опросов. А также открытой публикации их результатов. Такого ведь тоже в подобные моменты отродясь не было. Как можно! Там ведь такого навыспрашивают! О процентах несогласия с вторжением в Чечню я уже говорил. Общественное мнение, опять-таки по данным ФОМ, так же четко назвало и виновников чеченской трагедии. На первом месте здесь стоит Ельцин (40 процентов опрошенных) и только на втором, с весьма заметным отрывом, – Дудаев (27 процентов).

Рейтинг Ельцина падал весь этот год, причем самым заметным его падение оказалось как раз после ввода войск в Чечню. Если в сентябре 1994-го у президента еще был наивысший среди ведущих политиков балл – 15, то в январе 1995-го – только 6. Сейчас его рейтинг – лишь 2 – 3 процента...

По достоинству оценило общественное мнение и тех, кто с самого начала воспротивился чеченской аванюре и после не менял этой своей принципиальной позиции. По опросам, на первое место в списке политиков, «ведущих себя наиболее достойно по отношению к событиям в Чечне», вышел Егор Гайдар.

Разумеется, сразу же возникла острая потребность обмарать, обгадить этого деятеля. Мигом возникла дискуссия, каким образом в Чечне оказалось столько военной техники (за три предыдущих года,

видите ли, не было случая об этом потолковать). Бывший труженик аппарата ЦК КПСС, а нынче вождь мирового пролетариата товарищ Зюганов, кажется, первым запустил «утку»: это-де Гайдар подарил Дудаеву горы оружия. Но и тут вышел конфуз: по документам, по свидетельствам выяснилось – опять-таки Грачев и Ельцин подарили.

Следующий важный момент: до предела обнажившаяся подлость, бесчеловечность власти послужила сплочению демократов. Я не имею в виду политиков, выступающих под демократическими знаменами. Над теми всегда довлеют различные шахматные комбинации, соображения тактики: кто с кем, кто против кого... Я имею в виду простых людей, для которых демократия – способ нравственного существования, отправная точка осознания окружающего мира и себя в этом мире. До сих пор, наблюдая за действиями власти, многие из этих людей колебались в симпатиях к ней: что-то она делала так, что-то не так. Теперь же, после лицемерия жестокой, остервенелой, безжалостной, бесчеловечной бойни, выявившей все глубоко упрятанные, скрытые инстинкты нынешней власти, для большинства демократов, думаю, стало ясно: это не наша власть. Чья угодно – Жириновских, Баркашовых, Невзоровых, млеющих от восторга при виде потоков крови, при созерцании разлагающихся неубранных трупов, – но только не наша. Данный приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Прозрение наступило и у деятелей в так называемых «субъектах Федерации». На примере Чечни они ясно увидели: несмотря на все пертурбации, перестройки и постперестройки, несмотря на развал «большой» империи – Советского Союза – и хоровое пение о достигнутой будто бы наконец гармонии между центром и регионами, несмотря на все явственно отдающие фальшью договоры о согласии, имперская сущность государства, называемого ныне Российской Федерацией, сохранилась во всей своей первозданности. Должно быть, она вмурована в сами кирпичи кремлевской стены, вмазана в Царь-колокол и Царь-пушку... А уж в бетон Дворца съездов – это точно... «Старший брат» (или «сестра»?) – Москва – остался тем же самым. За всеми дружескими объятиями, за многократно воспетым бардами и акынами «чувством семьи единой» стоит главный скрепляющий его элемент – сила. И стоит вам только немножко поотстраниться от этих жарких объятий, в ход немедленно пускается кулак. По зубам! По морде!

Еще один положительный момент: события в Чечне стали тем магическим кристаллом, сквозь который очень хорошо сделалось

видно, кто что из себя представляет. Как говаривал отец перестройки, кто есть ху. Примеров можно было бы привести множество, ограничусь одним. Пожалуй, самый яркий пример обретения предельной ясности, предельного знания о человеке – Андрей Козырев. Этот деятель долго числился в демократах. В трезвых и разумных людях. В чем ему и сейчас не откажешь – в даре артистического перевоплощения, в умении сыграть роль разумного, демократически настроенного человека. На самом деле никакой разумности, никакого демократизма, конечно, в помине нет – оценка Козыревым чеченских событий это показала. В угоду своему шефу министр иностранных дел взялся за совершенно безнадежное дело – попытался соорудить если и не железный занавес, то хотя бы этакий временный фанерный щит. Этакую непроницаемую ширму, которая заслонила бы от внешнего мира разбой, творимый в Чечне. Использовал для этого все тот же подручный материал: «внутреннее дело», «Конституция», «недопустимость вмешательства извне»... Не вышло. Вышло только в первое мгновение, когда главы ведущих государств мира никак еще не могли поверить, что их «друг Борис» способен на такое... Однако пришли они в себя довольно скоро. И козыревская фанера разлетелась в щепки. Пришлось ему говорить что-то извинительное насчет трагедии, насчет того, что события пошли не по тому сценарию, как ожидал Ельцин, что президент, мол, радеет о целостности России (словно бы противники братоубийственной войны отрицают эту целостность)...

Как мы помним, в декабре 1979-го политика разрядки – знаменитого «детанта», – о которой до этого в течение многих лет жужжали как о великой победе советской дипломатии, в одночасье была принесена в жертву военному Молоху, поименованному интернациональной помощью братскому Афганистану. Точно так же и сейчас в Чечне политика наведения мостов, ради которой вроде бы неустанно несколько лет трудился бывший демократ Козырев, без малейших колебаний брошена коту под хвост. На международной арене Россия опять в мгновение ока оказалась в наинизшей точке.

Следующее отрадное обстоятельство, вскрытое чеченскими событиями: в армии начинают появляться думающие люди. И не только думающие – способные протестовать против дурацких и подлых приказов, протестовать вплоть до принесения в жертву собственной карьеры. Людьми чести – в противовес незнакомому с таким словом, «честь», министру обороны – показали себя генералы Борис Громов, Александр Лебедь, заместитель командующего сухопутны-

ми войсками Эдуард Воробьев, командир Кантемировской дивизии Борис Поляков... Многие другие. Похоже, присказка «чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона» стареет на глазах. Не все там «дубы», хотя этих деревьев, конечно, хватает.

Самые опасные «дубы», разумеется, на самом верху. Ради своего блага, ради лишней звездочки на погонах они готовы спалить полстраны, изрешетить пулями и осколками половину населения. Такая вот «оборона». О министре этой «обороны» сказано уже достаточно. Хотел бы упомянуть еще одного героя чеченской войны – главнокомандующего ВВС Петра Дейнекина. Я думаю, со временем, когда все уляжется и утрясется, ему поставят в Чечне памятник – не станут восстанавливать какой-нибудь разрушенный его «соколами» родильный дом или больницу. А что, не правда ли, недурная идея? И мемориальную доску к этим развалинам прикрепят: «Во время российско-чеченской войны 1994 – ... годов соколы генерала П. Дейнекина, обладая абсолютным превосходством в воздухе (с противоположной стороны им не противостояло ни одного самолета), пользовались этим превосходством на полную катушку, уничтожая на земле прицельными «точечными» ударами все, что двигалось и не двигалось, все, что стояло, сидело и лежало, все, что уже умирало (от старости и от ран) или только еще рождалось (как в этом родильном доме)... Слава герою!!!»

Наконец, еще одна невиданная прежде вещь – мы стали считать деньги, которые тратятся на войну. Слыханное ли дело? Да заговори об этом кто-нибудь громко во время венгерской или чешской авантюры, во время Афгана, – его сочли бы сумасшедшим. Какие деньги! Тут такие важные, жизненно важные для государства, для мирового социализма проблемы решаются, а вы с вашими деньгами лезете... Да сколько потребуется, столько и потратим! Столько и вбухаем! И ни один министр финансов не пикнет. А пикнет – другого поставим. Вон сколько желающих в очереди толчется. Теперь, видим, по-другому. Все вдруг, как дважды два, стали понимать: война – это не только кровь и страдания, не только потеря человеческих жизней, материальных ценностей, это еще потеря бюджетных денег. Причем исчисляемая вполне определенной суммой. Какова эта сумма? Начинаясь счет с цифр очень смешных – кажется, со ста миллиардов. Теперь слюнявят, отсчитывают мысленно уже десятки триллионов. Вот вам и бюджет на следующий год! Можете сделать из него бумажного голубя и пустить с высокой трибуны Государственной думы.

Или же все-таки, поднабравшись хоть немного ума и совести,

отважитесь поступить по-другому – притормозить эту бессмысленную бойню, на которую у вас, помимо прочего, нет права из-за отсутствия надлежащих средств и которая просто-напросто посадит на хлеб и воду и без того нищую страну (а вы ведь ее вроде бы собирались осчастливить)?

* * *

Сегодня, сейчас уже вполне ясно: российская демократия споткнулась о Чечню. Великая либеральная революция, свершившаяся в нашем отечестве в конце XX века, понесла огромный урон из-за войны, развязанной тогда, в середине девяностых, на Северном Кавказе. Все последующие годы имперская, милитаристская, военно-полицейская психология расползалась, как чума, по российским городам и весям и в конце концов сделалась одним из главных компонентов психологии правящей бюрократии. Соответственно, в значительной степени ею оказались пропитаны клеточки и поры всей нашей жизни. Именно война в Чечне – как главенствующий, хотя и не единственный фактор – в дальнейшем открыла дорогу установлению в России авторитарного режима.

ТРАГЕДИЯ ПЕРВОМАЙСКОГО

Нападение на Кизляр

В начале января 1996 года произошел один из самых нелепых и кровавых эпизодов первой чеченской войны, наложивший отпечаток на всю президентскую предвыборную кампанию. Рано утром 9-го числа в дагестанский город Кизляр проник вооруженный отряд чеченских боевиков во главе с родственником Дудаева Салманом Радуевым. Численность отряда называлась разная – от 50 до 450 человек. В конце событий вроде бы утвердилась цифра 350...

В городе начались бои. Как позже выяснилось, основной целью нападавших был захват и уничтожение военных вертолетов, находившихся на специальной площадке в аэропорту. Однако решить эту задачу им не удалось. В их руках оказались центральная городская больница, родильный дом, железнодорожный вокзал.

В больницу и роддом радуевцы согнали множество местных жителей (назывались цифры от двух до пяти тысяч), объявив их заложниками. Был выдвинут ряд политических требований. Главное: Ельцин должен вступить в переговоры с Джохаром Дудаевым и вывести из Чечни федеральные войска, признать незаконными состоявшиеся незадолго перед тем, в декабре, выборы нового чеченского «президента» (как известно, им стал бывший республиканский коммунистический вождь Доку Завгаев).

Однако к вечеру, в результате переговоров с дагестанским руководством, Радуев отказался от своих требований, согласившись покинуть республику, если ему предоставят транспорт (десять автобусов и два грузовика) и гарантируют безопасность передвижения. Руководство Дагестана готово было выполнить эти условия...

Боевики уходят из города

Надо сказать, вообще с самого начала кизлярских событий из уст многих известных деятелей зазвучали слова о том, что первойшей

целью неизбежной в таких случаях силовой операции должно стать спасение ни в чем не повинных людей, оказавшихся в руках террористов. «Сейчас в Кизляре необходимы переговоры – жизнь заложников превыше всех амбиций и чести мундира руководителей силовых структур», – заявил, например, генерал Лебедь.

И вначале все вроде бы указывало на то, что именно это – спасение человеческих жизней – станет приоритетом для власти. Председатель Госсовета Дагестана Магомедали Магомадов связался с Черномырдиным. Очень важный момент: как сообщил журналистам депутат Госдумы Гамид Гамидов, **ЧЕРНОМЫРДИН ДАЛ ДАГЕСТАНСКОМУ ЛИДЕРУ ГАРАНТИИ, ЧТО ТЕРРОРИСТЫ СМОГУТ БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ РЕСПУБЛИКИ.**

Утром 10-го боевики вместе с заложниками выехали из Кизляра на предоставленном им транспорте и двинулись в сторону чеченской границы. Помимо рядовых жителей города (сообщалось, что таковых 165 человек), среди заложников находился ряд высокопоставленных дагестанских чиновников, добровольно сдавшихся боевикам в обмен на освобождение женщин и детей, – министр по делам национальностей, первый зам главы МВД, министр мелиорации и водного хозяйства, первый зам председателя Народного собрания, – а также депутат российской Госдумы и двое журналистов...

Вообще-то, как позднее утверждал дагестанский лидер Магомадов, согласно договоренности с боевиками, сопровождать их до блокпоста у села Первомайское на границе с Чечней должны были только заложники-добровольцы, однако вопреки соглашению радуевцы увезли с собой еще и те самые полторы с лишним сотни обычных горожан.

По разным подсчетам, приводившимся на тот момент, в Кизляре в результате радуевского нападения погибли от 20 до 33 человек. В их числе военные, милиционеры, мирные жители. В итоге всех событий была названа окончательная цифра – 35 погибших.

Если отвлечься от всего остального, сам факт беспрепятственного проникновения чеченских террористов в мирный дагестанский город – свидетельство вопиющей беспечности и разгильдяйства, царивших во властных и силовых структурах, местных и федеральных. Как сообщалось в прессе, еще 25 декабря в МВД Чечни была получена и документально зафиксирована «оперативная информация о том, что группа лиц из бандформирований, участвовавших в захвате Гудермеса (случившегося незадолго перед этим. – О.М.), намере-

на совершить налет на Кизляр. Об этом тут же были извещены подразделения ФСБ в Чечне, милиция в Кизляре, а через них представители военной разведки». И вот, несмотря на это предупреждение, отряд Радиева сумел спокойно попасть в город, хотя на пути его следования, как сказал потом Ельцин, распекая силовиков, были дислоцированы в разных местах несколько тысяч военнослужащих федеральных сил.

Как бы то ни было, до момента, когда налетчики покинули Кизляр, все вроде бы шло по буденновскому сценарию. Недаром же к этому делу подключился Черномырдин.

Радиева не выпускают из Дагестана

Продолжение, однако, было иным, чем в Буденновске. Когда голова колонны пересекала дагестанско-чеченскую границу, по ней неожиданно был открыт огонь с вертолета. Автобусы сразу же повернули назад и остановились в том самом расположенном неподалеку от границы дагестанском селе Первомайское. Здесь боевики разоружили и захватили 37 милиционеров новосибирского УВД, находившихся на блокпосту возле села.

В развитии событий наступил резкий перелом. Как заявили корреспонденту «Интерфакса» в руководстве Дагестана, в Кизляре им удалось достичь уникального успеха: «в течение суток договориться с террористами и освободить три тысячи заложников», – и вот эти результаты «оказались сведены на нет усилиями российских военных», «своими маневрами они сорвали достигнутые договоренности».

В действительности дело, конечно, было не в военных: соответствующие распоряжения, несомненно, исходили с самого верха. Но критиковать Кремль республиканское начальство, естественно, не осмелилось.

Все говорило о том, что в Москве решили не допустить повторения Буденновска. В общем-то почти всякий раз, оказываясь перед выбором – уничтожить террористов или спасти заложников? – наша власть отдавала предпочтение первому. Человеческая жизнь, как известно, у нас мало что стоит. Буденновск тут стал исключением. Теперь вот опять возвращались к правилу...

К тому же Буденновск, мы знаем, оказался связан с именем Чер-

номырдина. После него популярность премьера подскочила. Начинаясь предвыборная кампания и скрытое соперничество между ним и президентом требовали эту популярность понизить...

Начались затяжные, длившиеся несколько дней, переговоры боевиков с властями. Власти настаивали на полном освобождении всех заложников – это будто бы было оговорено еще в Кизляре: на границе заложники должны быть отпущены. Думаю, в действительности вряд ли боевики могли согласиться на такое условие, хоть в Кизляре, хоть где: со стороны Чечни приграничная территория представляла собой открытую местность – уничтожить здесь колонну, оставшуюся без заложников, не составляло никакого труда...

Кстати, после начала этого нового этапа радуевской эпопеи в СМИ появилось уточненное число пленников, находившихся в руках боевиков. Оно оказалось несколько меньше, чем считали ранее: 67 (а не 165) жителей Кизляра и 13 высокопоставленных добровольцев и журналистов. Плюс к этому – уже упомянутые 37 новосибирских милиционеров.

Против задержания колонны на границе тогда протестовали многие. Всем было ясно: это неминуемо приведет к большой крови. Особенно решительно были настроены дагестанские власти, республиканские силовые структуры, местное население. Сообщалось, например, что, согласно общему мнению работников управления ФСБ Дагестана, Салман Радуев и его сообщники должны быть без промедления выпущены вместе с заложниками на территорию Чечни, не следует доводить дело до силового решения.

«Если боевиков будут атаковать до того, как освободят заложников, и кто-либо из гражданских лиц пострадает, мы не отпустим российские войска из Дагестана», – заявил 12 января лидер Союза мусульман России Надир Хачилаев, прибывший в район осажденного села.

Все эти дни отчаянные попытки не допустить штурма Первомайского предпринимал заместитель председателя Совета Федерации Рамазан Абдулатипов. Уже 11 января в середине дня информагентства распространили его слова: «До сих пор никто не может объяснить причины блокирования группы вооруженных боевиков с заложниками в Первомайском, несмотря на то, что была достигнута договоренность с руководством Дагестана об их беспрепятственном продвижении в направлении к Чечне». 13 января Абдулатипов обратился к Ельцину и Черномырдину с настоятельной просьбой лично вмешаться в разрешение ситуации. В своем обращении он вновь отметил, что в результате переговоров руководства Дагестана с террористами «были освобожде-

ны более трех тысяч заложников и сам город Кизляр. Но достигнутые договоренности сорваны провокационными действиями федеральных силовых структур. В результате селение Первомайское и оставшиеся заложники блокированы вот уже несколько дней». Продолжение блокады, по словам Абдулатипова, «становится опасным фактором, который может породить несвойственные для дагестанцев антироссийские настроения... Развитие событий в этом направлении недопустимо. Уничтожение террористов необходимо – это бесспорно, но не за счет жизней заложников». Зампред Совета Федерации настаивал на том, чтобы «довести до конца» вариант освобождения заложников, «предложенный руководителем Дагестана Магомадовым», то есть предоставить боевикам возможность вернуться в Чечню.

В этот же день несколько тысяч жителей Махачкалы, Кизляра, Хасавюрта и других расположенных неподалеку населенных пунктов направились в сторону Первомайского, чтобы потребовать выполнения достигнутого в Кизляре соглашения о пропуске террористов в Чечню.

Однако федеральные власти пренебрегли всеми этими требованиями. Толпа дагестанцев числом около трех тысяч человек, пытавшаяся прорваться в Первомайское, уперлась в выставленные вокруг него войсковые кордоны...

Вечером переговоры с Радуевым и его боевиками были прерваны. Им предъявили «жесткие требования, носящие характер ультиматума».

14-го числа развернулась почти уже нескрываемая подготовка к штурму.

Начало штурма

Штурм начался 15 января в 9-00 вертолетной атакой на село. В результате артобстрела было подожжено несколько домов. Бои завязались непосредственно в Первомайском...

Накануне, как стало известно, состоялось экстренное заседание руководства Дагестана. Республиканский лидер Магомедали Магомадов сообщил, что его предложение отпустить боевиков в Чечню, к сожалению, не было поддержано на федеральном уровне, так как российские власти считают, что «нельзя каждый раз прощать террористов, нельзя, чтобы они ушли безнаказанно...».

Как мы помним, ранее у Черномырдина была другая позиция — он гарантировал, что боевики, отказавшиеся от своих политических требований, будут отпущены с миром.

Иными словами, МОСКВА ВЫСТАВИЛА РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РУКОВОДСТВО ДАГЕСТАНА В РОЛИ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ДЕРЖАТ СВОЕГО СЛОВА, что на Кавказе считается одним из самых тяжких грехов. Но что было делать? «Не воевать же нам из-за этого с Россией», — растерянно говорил Магомадов.

Вскоре после начала штурма Первомайского в Москве произошла знаменитая сцена, накрепко врезавшаяся в память всех, кто ее видел (а видели ее многие — она транслировалась по телевизору). Объясняя, как здорово подготовлена операция, Ельцин сказал журналистам: «Там 38 снайперов, и у каждого своя цель». При этом «в лицах» изобразил, как цепко каждый снайпер держит эту свою цель на мушке, отслеживая все ее передвижения. Эта глупенькая детская притча про 38 снайперов навсегда к нему прилипнет — так же, как случай с берлинским полицейским оркестром, которым наш президент по пьяной лавочке взялся дирижировать, и происшествие в Шенноне, когда, «нагрузившись» перед этим в Америке, он не смог выйти из самолета...

Позже, когда по Первомайскому лупили «Грады» и «Шилки», сметая и сжигая всех без разбора, этот наивно-нелепый рассказ про снайперов, предполагающий «точечную» операцию, наверное, многим вспоминался.

Из сообщений информагентств:

«15 января, 10-00. Несколько групп боевых вертолетов федеральных сил подвергли обстрелу неуправляемыми реактивными снарядами позиции боевиков, окопавшихся в пределах села...».

«15 января, 13-00. Ситуация в районе села Первомайское не меняется, работают вертолеты и боевые самолеты федеральных сил... Журналисты, находящиеся в полутора километрах от села, сообщают, что отчетливо видно, как оно пылает... После того, как штурмовые группы спецподразделений вошли в Первомайское, огонь из тяжелых вооружений по селу стих. Из самого села, окутанного плотными клубами дыма, доносится автоматнo-пулеметная стрельба. Изредка бьют крупнокалиберные орудия. В небе над Первомайским постоянно находятся 10 — 12 вертолетов огневой поддержки Ми-26... Разрывы видны в районе школы, где до сих пор удерживались заложники».

Как же так? Разве летчикам не известно, кто там удерживается (или, по крайней мере, удерживался «до сих пор»)?

«Без устали молотят по селу»

В интервью «Известиям», которое он дал через несколько часов после начала штурма Первомайского, министр по делам национальностей Дагестана Магомед-Салих Гусаев высказал принципиальную позицию руководства республики: крупномасштабную войсковую операцию в Первомайском проводить было нельзя. С боевиками, сказал министр, надо воевать, когда они только еще врываются в республику, в ее города, а не в тот момент, когда в их руках уже оказалось огромное число мирных граждан. В последнем случае война с ними неминуемо заканчивается большими жертвами. Министр вновь высказал сожаление, что полномочия по освобождению заложников, которые президент России передал руководству Дагестана, были прерваны вертолетной атакой в окрестностях Первомайского.

Протесты раздавались и в самой России. Остановить начавшиеся боевые действия призвал президента известный правозащитник депутат Госдумы Сергей Ковалев. «Борис Николаевич, – заявил он, – так называемая операция по освобождению заложников с огромной вероятностью превращается в операцию по уничтожению заложников... Только вы можете сейчас остановить бессмысленное уничтожение всего живого в Первомайском».

Между тем, несмотря ни на какие протесты, штурм Первомайского продолжался. Из сообщений СМИ:

«17 января. Третьи сутки авиация, артиллерия и остальные огневые средства войск без устали молотят по взятому в кольцо селу».

«17 января. Федеральные войска продолжают операцию... Утром по селу Первомайское велся непрерывный артиллерийский и ракетный огонь».

«17 января, 17-00... Примерно в 14 часов по московскому времени начался массированный обстрел села из ракетных установок «Град»... Корреспондент Франс Пресс, находящийся вблизи Первомайского, зафиксировал восемь залпов из этих установок в течение пяти минут. По селу, представляющему собой дымящиеся руины, наносят также ракетные удары российские вертолеты, слышна артиллерийская канонада».

«18 января, 13-30. Со стороны села Первомайское доносится сильная артиллерийская канонада...».

Вот такая ювелирная, «точечная» операция. Вот такие 38 снайперов. Как писали «Известия» 19 января, несколько дней «из всех видов оружия громили поселок на мирной дагестанской земле,

мешая с камнем и землей тела террористов и заложников, женщин, детей и мужчин, имевших святое право на жизнь».

Информационным апофеозом всей операции в Первомайском, по-видимому, стало заявление, сделанное начальником Центра общественных связей ФСБ генералом Михайловым 17 января где-то около семи вечера. Он сказал журналистам, что в данный момент завершается последний этап войсковой операции по овладению селом, что подразделения федеральных войск при мощной артиллерийской и авиационной поддержке подавляют оставшиеся огневые точки боевиков, но... надежды на освобождение каких-либо новых заложников уже нет – таковых просто не осталось в живых.

Эти слова генерала еще раз удостоверили всех, что в Первомайском была проведена не операция по спасению заложников, а обычная войсковая операция, при которой спасение невинных человеческих жизней – на двадцать пятом месте.

Кстати, возможно, именно это неосмотрительное заявление Михайлова, широко растиражированное средствами массовой информации, стоило ему должности – он лишился ее вскоре после Первомайского.

18 января днем, когда со стороны села еще доносилась сильная артиллерийская канонада, тот же генерал Михайлов сообщил журналистам, что операция по освобождению Первомайского «практически завершена»...

Что самое поразительное: несмотря на весь этот огненный кошмар, устроенный федеральными войсками, Радуев с большой группой сообщников в ночь с 17-го на 18-е сумел-таки вырваться из окружения. Более того, чеченцы увели с собой часть заложников – тех самых, которых накануне «похоронил» генерал Михайлов. В числе этих заложников – жители Кизляра, Первомайского, новосибирские милиционеры, захваченные в момент входа радуевцев в село, – всего 66 человек.

Информационная блокада

«По своей бездарности операция в Первомайском сравнима со штурмом Грозного и штурмом больницы в Буденновске, – писали «Известия» 19 января. – По количеству пролитой крови Грозный, конечно, на первом месте, но, будь в Первомайском столько жителей,

сколько в чеченской столице, убили бы больше. Впрочем, до сих пор неизвестно, сколько людей погибло в Грозном. Постараются скрыть и размер трагедии в Первомайском. Не привыкать врать».

При освещении событий в дагестанском селе действительно была установлена жесткая цензура. Журналисты в основном вынуждены были пересказывать все со слов генералов и пресс-секретарей МВД, ФСБ и прочих спецслужб. Отсюда бесконечные противоречия в приводимых цифрах, фактах, замалчивание неприятного, не соответствующего официальной версии событий, выдумывание того, чего на самом деле нет...

Обо всем этом возмущенные журналисты говорили на специально созванной 19 января пресс-конференции. Главная ее тема – почему нам опять врут? – неизменно присутствовала во всех выступлениях. По словам участников пресс-конференции, все официальные источники так или иначе искажают информацию, достоверные сведения поступают лишь от независимых журналистов, сумевших самостоятельно проникнуть на место событий. «Искажение фактов о событиях в Первомайском – намеренная и продуманная информационная политика государства» – это слова главного редактора «Известий» Игоря Голембиовского. Общий вывод: вся государственная политика в целом строится сегодня на дезинформации; но управлять Россией, основываясь на лжи, – нельзя, тем более в нынешних чрезвычайных условиях.

Если бы тогдашние ораторы смогли заглянуть на несколько лет вперед, разглядеть, какой станет «информационная политика» государства во время второй чеченской войны, когда единственным «журналистом», освещающим ход тамошних событий, окажется пухлощекий генерал Шабалкин – он будет вещать по всем каналам, сообщая строго дозированную информацию, на фоне неизменной маскировочной сетки!

Что касается журналистов, которые сумели на свой страх и риск проникнуть в Первомайское, одним из них был корреспондент тех же «Известий» Валерий Яков. Он находился в селе во время штурма. Его свидетельства напрочь опровергают многие заявления властей, и гражданских, и военных. Так, по утверждению журналиста, решение уничтожить отряд Радиева было принято не после провала переговоров в Первомайском, а еще до того, как автобусы с заложниками доехали до села. Десантные подразделения, дислоцированные в Чечне, получили приказ блокировать и уничтожить колонну, как только она покинет Дагестан. При этом предполагалось, правда, что заложники

будут отпущены на дагестанской территории. Так что радуевцы правильно предугадали опасность. В какой-то момент, однако, судьба заложников, по словам Валерия Якова, вообще перестала волновать генералов, руководивших операцией: любой ценой уничтожить боевиков и представить наверх победный рапорт – вот что стало для них главной целью.

Журналист опроверг и еще один нелепый миф, за который, помимо мифа о «38 снайперах», охотно ухватился Ельцин, – миф о хорошо оснащенном подземном «опорном пункте», будто бы заранее, «причем уже давно», устроенном боевиками в Первомайском. У людей, знающих истинное положение дел, ничего, кроме усмешки, разговоры об «опорной базе дудаевцев с бункерами, подземными ходами и арсеналами» не вызывали. Валерий Яков: «Понятно, что Ельцину об этой «базе» доложили Барсуков с Куликовым (директор ФСБ и глава МВД, командовавшие операцией. – О.М.)... Если бы они побывали в Первомайском или хотя бы в соседнем селе, они бы элементарно могли узнать, что в этих селах вообще нет подвалов». Весь свой арсенал боевики везли с собой на двух грузовиках, а подвалы там никто не копает: очень близко подходят грунтовые воды...

Одним словом, введенная властями цензура, как в большинстве случаев, оказалась малоэффективной: люди узнали то, что от них пытались скрыть. «Бездарность российской военно-полицейской машины, – писали «Известия», – не могла скрыться за бездарной ложью официальной пропаганды. Отсутствие военных и прочих необходимых к данному случаю талантов требовало жестокости, жестокости, жестокости... К числу полководцев, прославивших русское оружие, теперь можно отнести Ерина, Степашина, Грачева, Егорова, Барсукова...»

Каков же был итог «хорошо подготовленного» штурма и действий пресловутых «38 снайперов?» По свидетельству тогдашней прессы, это не только уничтожение боевиков (вернее, лишь части их), но и «убийство заложников, в том числе малолетних детей и женщин, разрушение школы, мечети, трехсот домов с хозяйственными постройками, имущества и скота жителей поселка, полное уничтожение всей инфраструктуры и лишение оставшихся в живых жителей всех средств к существованию».

Удар по Черномырдину

Одним из главных последствий бездарной операции, проведенной в Дагестане, стала волна всеобщего возмущения, поднявшаяся в этой республике. Обстановка здесь оказалась на грани взрыва. Характерные заголовки центральных газет той поры: «В Дагестане все громче звучат антироссийские лозунги», «Дагестанцы вооружаются и клеймят Москву», «Дагестан в трауре после «успешной операции»...

Еще свежа была в памяти история с нападением на Буденновск, закончившаяся совсем по-другому. Люди сравнивали ту историю с только что случившейся и недоумевали: чем объяснить, что здесь власти действовали так безжалостно по отношению к мирному населению?

Лидер Аварского народного фронта Гаджи Махачев:

«Почему в Буденновске не стали применять силу, а в Дагестане сочли это возможным? Теперь мы не можем считать себя гражданами России, поскольку ее руководство нас забыло. Если так будет продолжаться и дальше, мы поднимемся с оружием в руках вместе с Дудаевым против российской армии. После того, что произошло, российская армия должна немедленно покинуть республику».

Председатель Кумыкского совета Хасавюртовского района Абдулазим Хасбулатов:

«Почему в Буденновске в переговоры с террористами вступил сам Черномырдин, а в Дагестане Москва просто решила стереть с лица земли наше село, убить ни в чем не повинных людей? Я ездил по кумыкским селам, говорил с народом. После того, что сделала здесь Москва, удержать людей от стихийных выступлений будет очень трудно».

Лидер Лакского народного движения Магомет Хачилаев:

«Если российские войска и дальше так будут поступать на нашей территории, новый вооруженный конфликт будет фактически неизбежен!»

А действительно, почему в Кизляре и Первомайском решили не повторять сценарий Буденновска, почему выбрали самый жесткий вариант выхода из ситуации? Как уже говорилось, это, помимо прочего, по-видимому, объяснялось желанием Кремля не допустить, чтобы в преддверии президентских выборов вырос авторитет Черномырдина – общепризнанного героя буденновской эпопеи и одного из потенциальных претендентов на высший государственный пост. В

общественное сознание следовало внедрить мысль, что буденновский сценарий, главным автором и исполнителем которого считался премьер, был ошибкой (то, что Черномырдин действовал там, конечно, не без одобрения президента, как бы предлагалось забыть). Такое желание четко ощущалось в тогдашних выступлениях «ястребиной» части ельцинского окружения, да и в собственных выступлениях президента.

Одним из главных идеологов силового решения проблемы Первомайского, по-видимому, был руководитель Администрации президента Николай Егоров, недавно назначенный на эту должность. На своей первой пресс-конференции 16 января он назвал «вполне оправданным» применение силы в Первомайском. При этом обрушился на тот способ выхода из тяжелой ситуации, к которому прибегли в Буденновске: по его мнению, Кизляр и Первомайское – это как раз последствия политики «ни войны, ни мира», сформировавшейся после Буденновска. Как это часто бывает с деятелями такого рода, для обоснования своей позиции Егоров широко использовал философские, нравственные, психологические категории: мол, события в Буденновске, Кизляре, Первомайском «выходят за рамки понятий добра и зла» – это просто некая «патология». По словам Егорова, если бы федеральные власти поддались на «кровавый шантаж», предпринятый дудаевцами, у людей была бы потеряна вера в справедливость.

Нетрудно догадаться, чьи слова повторял потом Ельцин, публично прибегнув к аналогичной переоценке летних событий 1995 года на Ставрополье. Уже после завершения операции в Первомайском он открыто заявил, что тактика, примененная в Буденновске, была неправильной:

– Упустили тогда Басаева – большая часть этой банды пришла с Радиевым сюда, в Кизляр и Первомайское. Вот что мы сделали прошлым решением.

А сегодня в Дагестане гремят взрывы

Сегодня в Дагестане чуть ли не каждый день гремят взрывы. Гибнут люди. Некогда спокойная республика уже мало чем отличается от Чечни. Кто знает, может быть, истоки этого беспокойства в значительной степени – как раз в той нелепой операции по захвату

Первомайского. Спрашивается, ради чего было восстанавливать против себя население целой республики? То, что республика не поддерживает эту операцию, было вполне очевидно. Люди требовали спасти заложников. Нет, надо было, упершись рогами, стоять на своем: у нас, дескать, первейшая задача – дать урок боевикам, чтоб неповадно было. Вот и дали урок...

Вообще российские власти действуют на Северном Кавказе, как слон в посудной лавке. Первомайское, Беслан... Я уж не говорю обо всей Чечне... Будто бы специально наращивается заряд в пороховой бочке, подложенной под тамошние долины и горы. Возможно, до того, как во всю силу рванет, не так уж и много времени осталось...

Но никто вроде бы не задумывается об этих сроках (если б задумывались, наверное, действовали бы как-то иначе). Каждый живет одним днем.

Оно и понятно: за то, что будет завтра, никто с тебя не спросит – спросят за сегодня. Завтра будут совсем другие люди – им и разгребать доставшиеся от тебя завалы. Где сегодня все эти Барсуковы, Куликовы, Михайловы?... Да и Ельцин где? Вряд ли кому в голову придет спрашивать с них (не только с них, конечно) за нынешнюю «чеченизацию» Северного Кавказа. За то, что до самой малости уже сократились шансы удержать его в российской орбите.

И так всякий раз. Виноватых нет. За какие-то частные ошибки еще могут спросить. Но за стратегические промахи – никогда. Отсюда и происходит психология временщиков, безраздельно властвующая над всеми российскими деятелями, кто так или иначе прикасается к проблемам этого кусочка земли: после нас – хоть потоп.

Перед выборами Кремль меняет курс?

Еще не начинался штурм Первомайского, а генерал Лебедь уже высказал опасение, что трагические события в Кизляре могут негативно повлиять на июньские выборы: кивая на эти события, власть может попытаться «ввести чрезвычайное положение по всей стране и даже ликвидировать остатки демократии».

После штурма такого рода опасения еще более усилились. Жестокие и малоосмысленные действия Ельцина в Первомайском многих навели на мысль, что, ориентируясь на 16 июня, президент решил довольно круто изменить свою политику – наладить что-то

вроде компромисса с коммунистами и националистами. Такого рода подозрения укрепляло и то обстоятельство, что в это же время он произвел ряд замен в правительстве и своей администрации, усилив в них, так сказать, консервативную составляющую. Самым большим страхом в среде демократов было – как бы он не покусился на курс либеральных экономических реформ, которые худо ли бедно, но проводились до сих пор.

Вряд ли, однако, самим коммунистам в тот момент нужен был какой-то компромисс с предельно ослабленным и непопулярным президентом: перед ними открывались совсем другие перспективы, реальные перспективы возвращения к власти.

Естественно, они не преминули воспользоваться топорными действиями Кремля в Первомайском. 16 января, в разгар дагестанских событий, имея эти события в виду, Зюганов заявил: для всей страны будет лучше, если Борис Ельцин на выдвинет свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Впрочем, добавил коммунистический вождь, события в Первомайском уже никак не повлияют на отношение народа к президенту, так как его политика давно обанкротилась и провалилась.

Как мы помним, осенью 1999-го – зимой 2000-го жесткая чеченская политика Путина, как раз напротив, стала для него трамплином, стремительно вознесшим его на президентский пост: к тому времени общественное мнение России было развернуто на 180 градусов, подготовлено таким образом, что жаждало этой жесткости и безжалостности. Однако в 1996-м наблюдалась совсем иная картина: люди требовали мира, и ни один из кандидатов в президенты не мог с этим не считаться.

Вскоре осознал это и Ельцин. Шарахнувшись в Первомайском в сторону ужесточения действий на Северном Кавказе, он затем двинулся в обратную сторону. Вынужден был двинуться.

Россия, что с тобой случилось?

Кстати, вот тоже вопрос: как могло случиться, что за каких-то три года – с 1996-го по 1999-й – страна, Россия, так резко переменялась? Из сообщества людей, требующих мира, мира во что бы то ни стало, превратилась в сообщество, жаждущее войны. Ну, не жаждущее – мне возражат, что это сказано слишком сильно, – но, по крайней мере, «большинством голосов» поддерживающее эту войну (тут уж возражений, я полагаю, быть не может – опросы-то нам известны).

Думаю, как и в прежние времена, главную роль сыграла пропаганда. Наши соотечественники по-прежнему беззащитны перед ней. По-прежнему легко поддаются манипулированию. Как в тридцатые годы, когда огромные массы народа с необыкновенной легкостью удавалось уверить, что такой-то и такой-то – шпионы и предатели, не заслуживающие иной участи, как только немедленного расстрела.

И то сказать, если вам каждый день демонстрируют, как «чеченские бандиты» пытаются русских солдат (да и не только солдат), отрубая им головы, отстреливают пальцы, – трудно не вскипеть, не заразиться ненавистью, не прийти к мысли, что иначе как только с помощью оружия с ними нельзя вести разговоры.

При этом как-то не приходит на ум: а почему же нам не показывают аналогичные или даже еще более жестокие истязания, которым подвергают чеченцев «федеральные» костоломы в различных «фильтрационных пунктах», как казнят без суда и следствия, связав по несколько человек и подрывая такую связку тротилом? Да мало ли что еще не показывают...

Вообще почему-то никому не приходит в голову: что должна пережить, например, чеченка, перед тем как надеть на себя «пояс шахида» – через какие муки или созерцание мук своих близких она должна пройти? Или еще: откуда берутся «отморозки», наподобие тех, что захватили бесланскую школу? Может быть, перед этим их собственные дети были преданы такой же мученической смерти?

Им, «отморозкам», конечно, нет оправдания: верх дикости мстить ни в чем не повинному ребенку, – но все же... Будь нам известна ВСЯ правда о подобных делах, а не только лишь строго очерченная часть ее, может быть, наша ненависть, наше возмущение сконцентрировались бы не только на этих бандитах, – может быть, для нашей ненависти еще приоткрылась главная причина всех этих бед – бесчеловечная война, более десятка лет ведущаяся на Северном Кавказе.

Но «искусство» пропаганды в том и заключается, чтобы показывать лишь половину правды, ту, которая «нужна».

...Как-то уж больно вовремя подоспели в 1999-м и взрывы домов, и вторжение Басаева в Дагестан... Ну, тут уж, думалось, вообще все ясно: агрессия! Агрессию надо отражать.

Может быть, когда-нибудь откроется, почему именно в тот момент – ни раньше, ни позже – взлетели на воздух дома в Москве и Волгодонске, по какой причине Басаев и К⁰ пошли на столь очевидную глупость – на это самое вторжение, – в которой больше всех именно они не были заинтересованы...

По причине «низкой требовательности»

Избирательная кампания Ельцина между тем потихоньку разворачивалась. Началась она довольно странным и неожиданным образом. 16 января ушел со своего поста первый вице-премьер Анатолий Чубайс. С одной стороны, отставка произошла как бы добровольно — он сам подал соответствующее заявление. Однако с другой — решение его подать было принято после того, как Черномырдин, вернувшись из Кремля, сообщил своему первому заму, что президент весьма негативно оценивает его работу. То есть фактически в отставку Чубайса отправил Ельцин. Более того, в сообщении кремлевской пресс-службы прямо указывались названные самим Ельциным причины отставки: «низкая требовательность Анатолия Чубайса к подведомственным федеральным ведомствам, невыполнение ряда поручений президента».

Забавно, конечно: «низкая требовательность»... Кто знаком хотя бы отчасти со стилем работы «железного дровосека», как иногда называют Анатолия Борисовича, знает, насколько в действительности он требователен и к себе, и к другим. В то же время опровергнуть подобные формулировки невозможно: если в каком-нибудь министерстве кого-нибудь уличат в разгильдяйстве, куратора этого министерства — первого вице-преьера — всегда можно обвинить в низкой требовательности.

Вечером 16 января Чубайс собрал у себя в кабинете пресс-конференцию. В тот момент его заявление вроде бы еще не было подписано Ельциным, но, как сказал Анатолий Борисович, он «рассчитывает на то, что решение президентом будет принято», что «или сегодня в конце дня, или завтра с утра соответствующий указ будет подписан» (и действительно, о подписании такого документа вскорости стало известно).

По словам Чубайса, для него «самый ключевой» вопрос в президентском решении — «идет ли речь о замене фигуры», имея в виду его самого, Чубайса, или о смене всего экономического курса страны. В первом случае еще нет ничего катастрофического.

— В конце концов, — сказал Чубайс, — замена того или иного человека в команде правительства на другого, способного проводить ту же самую линию, не является трагедией. В то же время я глубоко убежден, что смена курса, особенно в экономической сфере, особенно сейчас, за пять месяцев до проведения президентских выборов, была бы чудовищной ошибкой, — ошибкой, которая накажет любого, кто попытается ее совершить. Я рассчитываю, что такая ошибка совершена не будет.

В вопросах журналистов звучала растерянность: международные организации давали деньги именно «под вас», не под Черномырдина, не под Сосковца, именно «под вас», — как же теперь здесь будут обстоять дела?

Чубайс ответил: по его убеждению, деньги, которые получала Россия, она получала прежде всего под обязательства проводить ответственную экономическую политику. В прошлом году, впервые за много лет, она сумела полностью, «от начала до конца», выполнить эти обязательства, «причем в ежемесячном разрезе по каждому из контрольных показателей». Благодаря этому страна завоевала авторитет в мировых финансовых сообществах, что дорогого стоит. Он, Чубайс, надеется, что и в 1996 году все важнейшие решения будут приниматься в рамках аналогичных обязательств.

Что касается наиболее важных конкретных результатов в экономике, Чубайс упомянул такие: в 1995-м впервые был остановлен спад производства, инфляцию удалось снизить до трех процентов в месяц, валютные резервы превысили 12 миллиардов долларов, опять-таки впервые страна вошла в новый год с утвержденным бюджетом...

В таком случае с чем же связана негативная оценка, которую Ельцин дал работе Чубайса? По мнению Анатолия Борисовича, дело здесь не только в экономике, но и в политической ситуации (точнее было бы сказать «не столько, сколько»):

— Ну, вот я упоминал, скажем, валютные резервы, превысившие 12 миллиардов долларов. Этот результат принципиально важен, он полностью меняет характер поведения государственных властей на всех финансовых рынках и характер самих финансовых рынков. Но что избирателю, условно скажем, Ивановской области от того, что валютные резервы в стране 12 миллиардов? Его реальная жизнь от этого не изменилась. Его реальная жизнь изменяется от того, есть ли у него вовремя зарплата или ее нет. А она есть, к сожалению, далеко не всегда. Или я сказал об утвержденном бюджете — важнейшая вещь, принципиально влияющая на всю финансово-экономическую

ситуацию. Но что избирателю на Камчатке, где я недавно был, от того, что бюджет страны утвержден 31 декабря? Мы сейчас находимся в такой вот коварной ситуации, когда принципиально важные экономические результаты, результаты, достичь которых было необычайно трудно, еще не могут дать реальной политической отдачи. А президент, как я понимаю, принимает решения исходя не из оценок экспертов по макроэкономической стабилизации, а исходя из настроений электората.

Чубайса спросили, сохранится ли в правительстве его команда. Ответ был: попытка удалить из кабинета собранную им команду привела бы к тяжелейшим результатам.

— Сегодня в правительстве, — сказал Чубайс, — собрана уникальная экономическая команда. Люди, квалификация которых уникальна не только для России, но и для мира в целом. Люди с международным авторитетом в своей области. Естественно, что каждый из них, и я в том числе, допускали и допускаем какие-то неточности, совершали и совершаем ошибки, просчеты, каждого из нас критикуют, — все это, безусловно, так, но сложность того, что сегодня делается, и, соответственно, уровень профессиональных требований к этим людям уникальны. Любая попытка заменить их мне представляется чудовищной ошибкой.

В угоду избирателю

Главная причина отставки Чубайса была, конечно, связана как раз с предстоящими президентскими выборами. Его противники из коммунистического, национал-патриотического лагеря, просто из среды консервативного чиновничества и директорского корпуса давно уже сумели сформировать в глазах людей соответствующий образ «отца приватизации», — представить его таким пугалом, главным виновником всех народных бед. Если раньше Ельцин еще мог закрывать на это глаза, то теперь — по существу, в катастрофической предвыборной ситуации, когда его рейтинг упал почти до нуля, — какие-то шансы на июньских выборах могли дать лишь некие решительные, обращенные к широкому кругу избирателей шаги. Одним из таких шагов и было сочтено удаление Чубайса из правительства, хотя оправданность этого шага была совсем не очевидна. Ситуация в экономике страны оставалась тяжелейшей, ряд вопросов требовали

срочного решения, и решить их мог только Чубайс. Уход главного борца с инфляцией грозил ее ростом, общим экономическим хаосом, что вполне могло привести к еще большему падению популярности самого Ельцина накануне выборов, то есть к прямо противоположному результату, нежели тот, который пытались достичь увольнением Чубайса. Вообще найти ему эквивалентную замену было практически невозможно. Однако на все это Ельцин закрыл глаза – ради того самого избирателя, одураченного чубайсовскими ненавистниками. Тем паче что этих ненавистников было достаточно и в ближнем круге президента – тот же Коржаков, тот же Сосковец... Если у Ельцина и были какие-то сомнения по поводу целесообразности отстранения Чубайса от должности, с помощью этих деятелей он их преодолел.

Кстати, спустя три дня, 19 января, выступая на пресс-конференции по итогам встречи глав государств СНГ, Ельцин повесил на Чубайса довольно странное обвинение, которое, однако, в какой-то степени раскрывало истинную причину отставки, – провал партии «Наш дом – Россия» на думских выборах: как мы помним, НДР получила там лишь около 10 процентов голосов. Президент весьма резко отозвался, в частности, о залоговых аукционах, где, по его словам, за бесценюк продавались российские предприятия. В общем, если брать приватизацию в целом, по мнению Ельцина, обманутые люди и предприятия-банкроты не могли хорошо относиться к Чубайсу, и если бы он ушел в отставку до выборов 17 декабря, за НДР проголосовали бы не менее 20 процентов избирателей. (Позднее Чубайс так ответил на это: «Борис Николаевич сильно переоценил мою роль, сказав о том, что 10 процентов голосов, недополученных НДР, это из-за Чубайса, который в НДР никогда не входил».)

Правда, Ельцин признал, что найти Чубайсу «сменщика» будет нелегко: «его интеллектуальный уровень высок». По словам президента, Чубайс был единственным руководителем «государственного масштаба», который на высоком профессиональном уровне мог, например, вникнуть в проблемы угольной отрасли, искренне стремился выполнять достигнутые договоренности и отвечать за данные обещания... (Забавно, что заменить Чубайса кем-то одним так и не сумели – его обязанности были разделены: должность первого вице-премьера, курирующего экономику в целом, занял Владимир Каданников, а пост вице-премьера и председателя Госкомимущества – Александр Казаков. При этом Ельцин как-то по-детски уверял, что эти двое в совокупности, «может быть, будут даже сильнее Чубайса»).

Как бы то ни было, по словам Ельцина, отправить Чубайса в отставку необходимо было до предстоящих выборов президента.

Всех здравомыслящих людей, как и самого Чубайса, волновал вопрос, означает ли его отставка смену курса в экономике, последует ли она за этой отставкой. Такая тревога возникала всякий раз на протяжении всех лет реформ, когда Ельцин отстранял от работы очередного реформатора. Так было, например, в момент ухода Гайдара. Надежды на твердость либеральных, реформаторских взглядов самого президента не было никакой. Тем не менее после отставки Чубайса и сам Ельцин, и Черномырдин, и другие деятели правительства и президентской администрации – например, помощник президента по экономическим вопросам Александр Лившиц – принялись уверять, что смены курса не произойдет. Однако серия явно популистских шагов, шагов, откровенно нацеленных на то, чтобы понравиться коммунистическому и национал-патриотическому избирателю, навевала сомнения на сей счет. Как далеко Ельцин готов пойти по пути дешевого заигрывания с электоратом в ущерб пострадавшему реформаторами курсу?

Одни одобряют, другие скорбят

Как и следовало ожидать, отклики на отставку Чубайса последовали полярно противоположные. Одни торжествовали, другие пребывали в печали и растерянности.

Естественно, «чувство глубокого удовлетворения» в связи с отставкой Чубайса испытали коммунисты. Так, новоиспеченный спикер Госдумы Геннадий Селезнев заявил 17 января по поводу этого события:

– Мы считаем, что отставка Чубайса, а также заявление президента о необходимости немедленно приступить к выплате заработной платы и пенсий являются положительными тенденциями и дают надежду на то, что правительство и президент поворачиваются в своих реформах в сторону большинства населения.

Как видим, имя Чубайса при каждом удобном случае демагогически увязывалось со всеми бедами народными.

Обрадовались отставке Чубайса его давние недруги – московский мэр Юрий Лужков и лидер Демпартии России Сергей Глазьев. По мнению Лужкова, «Чубайс ушел с запозданием, а нам остались в наследство разваленная им экономика и обманутое ваучерами население». (Тут, подобно Шурику из «Кавказской пленницы», хотелось спросить московского градоначальника: а развалины древней крепости на склонах горы – это тоже дело рук Чубайса?) «Если говорить о ваучерах, –

заявил мэр, — то нечистоплотными дельцами из разных инвестиционных фондов граждане страны ограблены на сумму порядка 60 триллионов рублей». Лужков призвал правительство пересмотреть политику ценообразования на топливно-энергетические ресурсы: «Цены должны регулироваться государством. А Чубайс их «отпустил», в результате в Москве лишь 20 процентов предприятий оказались платежеспособными, остальные лежат, сбитые реформами».

Не правда ли, у московского мэра довольно странное представление о том, кто чем должен заниматься: по его мнению, «нечистоплотных дельцов» обязан ловить первый вице-премьер правительства, курирующий экономику, а не правоохранительные органы, в том числе и столичные, наполовину подотчетные самому мэру. Эти органы проявили здесь абсолютное бессилие и бездарность.

Что касается отпуска цен на топливо, нетрудно себе представить, что было бы, если бы госрегулирование этих цен сохранилось: мы ведь помним советские километровые очереди на бензоколонках, ночные рейды несчастных автолюбителей в поисках «левых» автоцистерн с ворованным бензином и прочие подобные прелести командно-административной экономики.

Глазьев тоже назвал отставку первого вице-премьера «сильно запоздавшей». В специальном заявлении, разосланном в СМИ, он объяснил экономические неудачи страны «догматизмом и некомпетентностью лично Чубайса», его приверженностью «рекомендациям Международного валютного фонда и пожеланиям иностранных инвесторов». Бывший член правительства Гайдара, позднее переметнувшийся к коммунистам, выразил надежду, что отставка Чубайса — «это не политическое жертвоприношение, а признак перехода руководства России к продуманной, взвешенной и реалистичной экономической политике в интересах общества и государства».

Среди тех, кто оценивал роль Чубайса более адекватно, был директор Института экономического анализа Андрей Илларионов.

— То, что Чубайс сделал на посту первого вице-премьера, а до этого на посту вице-премьера и председателя Госкомимущества, — сказал он, — это своего рода уникальное явление в нашей нынешней российской истории. Как бы ни относиться к нему лично, чего нельзя у него отнять, — это человек, которого смело можно назвать гением административного управления, человек, который умел добиваться таких результатов, которых не мог добиться никто другой в нынешнем российском руководстве...

«Отставка Анатолия Чубайса — тяжелый удар по политике реформ», — заявил министр экономики Евгений Ясин. Правда, он

самокритично признал, что в работе первого вице-премьера, так же как и в работе Министерства экономики, были недостатки, за которые президент был вправе их критиковать. Однако, по словам министра, возложить всю ответственность за плохое состояние экономики на Чубайса можно с тем же успехом, как возлагать на директора Гидрометеоцентра ответственность за плохую погоду...

Любопытный развернутый отклик на отставку Чубайса дал известный экономист Михаил Делягин (в прошлом он нередко критиковал Анатолия Борисовича). Этот отклик, распространенный «Интерфаксом», был снабжен примечательным заголовком – «Он работал слишком хорошо, чтобы уцелеть».

«Официальная мотивировка причин отставки «последнего реформатора», – говорилось в отклике Делягина, – обескураживает полным игнорированием действительности. Парадоксально, но первая из предъявленных ему претензий – высокая задолженность бюджета по выплате заработной платы – вообще не имеет отношения к Чубайсу, так как наравне с нежеланием монополий платить налоги вызвана астрономическими (по оценкам, не менее 30 триллионов рублей в 1995 году), не предусмотренными в бюджете расходами на Чечню.

Вторая официальная претензия – плохое управление федеральным пакетом акций. Нелишне напоминать, что Чубайс был и по сей день остается единственным политиком, на деле, а не на словах активно пытавшимся реализовать права государства как собственника этих акций, добиться того, чтобы принадлежащие государству предприятия хотя бы платили ему налоги и не занимались прямым саботажем его политики. Именно управление Чубайсом федеральным пакетом акций в конце 1995 года в ходе залоговой приватизации фактически спасло государство от банкротства, позволило хоть как-то рассчитаться с долгами.

Не выдерживает критики и третье обвинение, предъявленное Чубайсу, – в плохой работе Госкомимущества, которым управляет уже другой человек, и в невыполнении части поручений курируемые им ведомствами (у которых есть свои – и вполне ответственные – начальники).

Реальные причины отставки скорее всего – ущемление интересов влиятельных коммерческих структур в ходе залоговой приватизации и крестовый поход Чубайса против крупнейших неплательщиков налогов. О том, что это именно так, можно судить по словам самого первого вице-премьера, которые он бросил в адрес одного из «нефтяных баронов»: «Или он будет платить налоги, или к Новому году один из нас будет уволен».

Те, кто рассчитывает задобрить коммунистов, «сдав» им неугодного Чубайса и обвинив его в наиболее болезненных социально-экономических проблемах, глубоко и трагически заблуждаются. На финише выборного марафона, когда оппозиция хочет власти, а не истины, компромисс с ней невозможен, и любая уступка за счет здравого смысла – трусость, не имеющая оправдания. Отставка Чубайса – намного более значительное достижение коммунистов, чем их победа на парламентских выборах.

Хотя его несбыточные обещания (наверное, имеются в виду пресловутые две «Волги» за ваучер. – О.М.) внесли свой вклад в дискредитацию государства в глазах россиян, он оставался оплотом здравого смысла в экономике. Именно Чубайс добился кардинального снижения инфляции, которое считалось невозможным, именно он втрое – до 2,7 процента ВВП к началу декабря 1995 года – сократил бюджетный дефицит. Именно он стал творцом политики, реализация которой впервые за последние семь лет стабилизировала российскую экономику и прекратила инвестиционный спад.

Он был единственным, кто всегда твердо и точно знал, что, как, когда и в какой последовательности делать. Даже ошибаясь, Чубайс вселял бодрость и мужество. Он принадлежал к тем немногим руководителям федеральных ведомств, кто действительно умел добиваться исполнения своих указаний. Уникальность «административного гения» Чубайса признавали даже его враги. Исключение его из процесса выработки и реализации экономической политики уже само по себе, вне зависимости от личности его преемника, означает существенное снижение ее эффективности, которое накануне выборов может стать роковым.

Сегодня России предстоит смягчить финансовую политику для преодоления системного кризиса, вызванного ее чрезмерным ужесточением, не перешагнув при этом «инфляционного порога». Для осуществления этого нужно сочетание высочайшего профессионализма (чтобы при смягчении политики не сорваться обратно в инфляционную пропасть) и железной воли – ибо единственным резервом, которым еще располагает государство, является наведение порядка в экономике. Чубайс был единственным политиком, сочетавшим в себе эти качества. И единственным, пытавшимся навести порядок в экономике».

Наконец, понятное дело, резко отрицательно о фактическом увольнении Чубайса отозвался его ближайший соратник и друг Егор Гайдар. По его словам, отставка первого вице-премьера означает «резкое ослабление позиции правительства Виктора Черномырдина». «Это очень тяжелый удар, причем удар, последствия которого начнут сказыв-

ваться немедленно в обострении текущих проблем, с которыми сталкивается правительство». Гайдар также не согласился с утверждением Ельцина, что если бы Чубайс был выведен из правительства перед выборами в Думу, то за движение «Наш дом – Россия» проголосовало бы на 10 процентов избирателей больше. «Думаю, – сказал Гайдар, – что у НДР больше всего голосов отнял Борис Николаевич Ельцин».

Реакция за рубежом

В те дни отставка Чубайса была главной российской новостью и для зарубежных газет. «Файнэншл таймс» (Великобритания):

«Решение российского президента сместить одного из главных реформаторов правительства, Анатолия Чубайса, с поста первого вице-премьера свидетельствует о том, что Ельцин намерен выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах и победить. В нынешних тяжелых экономических условиях, когда социальное недовольство реформами определяет общественный климат в России, а победа коммунистов на декабрьских выборах – яркое тому свидетельство, понятно, что Чубайс со своими жесткими антиинфляционными проектами попал под огонь критики. Но если отойти от эмоций и оперировать реальными цифрами, то станет очевидно, что антиинфляционные меры Чубайса дали неплохие результаты. Уровень месячной инфляции снизился с 17,8 процента в январе прошлого года до 3,2 процента в декабре. Разумеется, такие шаги не проходят безболезненно. В вину Чубайсу ставили задержку с выплатами зарплат и пенсий и резкое урезание дотаций государственным предприятиям, вызвавшее скачок безработицы.

Среди непосредственных причин отставки Чубайса нельзя недооценивать и борьбу за власть в высших российских структурах. Старый противник Чубайса, тоже первый вице-премьер российского правительства, Олег Сосковец, видимо, сделал все, чтобы убедить президента, что эта жертва необходима из тактических соображений для гарантий переизбрания Ельцина на июньских президентских выборах.

Главный вопрос: связана ли отставка Чубайса с грядущими изменениями экономической политики России? К сожалению, ответ будет определенно положительным. Экономические помощники Ельцина уже сообщили, что... правительство намерено замедлить

темпы приватизации и уделять более пристальное внимание государственному сектору».

«Иомиури» (Япония):

«Смещение Чубайса можно прямо расценивать как качественное изменение курса, суть которого составлял переход к рыночной экономике. До сих пор этот курс, несмотря на все перипетии, все же оставался в неприкосновенности».

«Таймс» (Великобритания):

«Отставка Чубайса как последнего сильного кремлевского реформатора ставит под угрозу получение Россией кредита Международного валютного фонда в размере 9 миллиардов долларов».

Би-Би-Си:

«Пойдет ли Запад на то, чтобы открыто, на соответствующем официальном уровне сказать Ельцину, что он не одобряет отставку Чубайса? С таким вопросом мы обратились к сотруднику Госдепартамента США Николасу Бернсу. «У нас будет масса возможностей сделать это, — заявил он. — Во-первых, премьер-министр Черномырдин... будет на следующей неделе в США, а затем госсекретарь Уоррен Кристофер проведет свою первую встречу с новым министром иностранных дел России Примаковым. Оба российских деятеля будут, безусловно, поставлены в известность о нашей озабоченности по поводу возможного изменения российского экономического курса и отказа от реформ».

Постоянный представитель МВФ в России Томас Вульф заявил в связи с отставкой Чубайса, что именно ему Россия «в значительной мере обязана той экономической политикой, которая дала свои плоды в 1995 году». «В частности, в прошлом году инфляция снизилась с 18 процентов в январе до 3 процентов в декабре», — сказал Вульф. Впрочем, он добавил при этом, что Россия будет по-прежнему получать финансовую поддержку от МВФ, ибо эта поддержка оказывается экономической политике государства, а не отдельным лицам.

Назначен виновным

(Из написанного в те дни. 22 января 1996 года)

В России ненавидят реформаторов.

Не станем вспоминать Петра, хотя, по справедливости, как раз с него и начинается их шеренга. О нем, о Петре, много написано. О других поменьше. Возьмем кого-нибудь более близкого к нам по вре-

мени. Михаила Сперанского, например. Именно он в пору, как было принято говорить, беспросветного самодержавия – выполняя, правда, как раз поручение самодержца – обратился к идее «умеренно-либеральных реформ», взялся составить «общий план преобразования общественно-политического строя» России.

Многие его идеи актуальны и поныне. Судите сами, будто для сегодняшнего дня написано:

- нормальное функционирование органов государственного управления возможно только в том случае, если они несут ответственность за свои действия;

- в основу государственного устройства страны следует положить принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную;

- законодательная власть осуществляется через систему выборных органов: на местах создаются волостные, окружные и губернские Думы, а в центре – Государственная дума...

На самом деле, как мы знаем, Дума появилась в России лишь спустя сотню лет. И воссоздана была еще через несколько десятилетий.

Общая же идея Сперанского – в стране должен властвовать закон, Конституция, а не произвол.

Довольно похожа на нашу ситуацию (точнее, на ту, которая была при развале СССР) была тогдашняя ситуация с финансами. Взять хотя бы бюджет на 1810 год: доходы – 125 миллионов рублей, расходы – 230 миллионов, долг – 577 миллионов; никаких резервов; рубль предельно обесценен. Катастрофа. Единственный способ покрытия дефицита правительство видит в выпуске все новых и новых «пустых» ассигнаций (точно так же, как в наше время, в начале 1990-х, его видели противники гайдаровских реформ).

В кратчайший срок Сперанский составляет «План финансов», нацеленный на сокращение и ликвидацию бюджетного дефицита. Для этого предлагается ряд радикальных мер. В их числе – прекращение выпуска необеспеченных денежных бумажек, изъятие «лишних» купюр из обращения, сокращение расходов всех государственных ведомств, упорядочение внутренней и внешней торговли, введение новых налогов, в том числе на дворянские имения.

Кстати, одним из шагов по погашению госрасходов, предложенных Сперанским, стала приватизация госимущества – распродажа частным лицам казенных лесов, арендных имений и т.д.

В результате уже в 1811 году доходы казны возросли до 300 мил-

лионов рублей, дефицит госбюджета сократился до шести миллионов. Страна готова была зажить нормальной финансовой жизнью.

И что же? Наградой великому реформатору стала... ссылка. Сначала в Нижний Новгород, а после в Пермь. После чего, как грустно замечает историк, «Россия в очередной раз выбрала не самый лучший путь своего развития».

Сам же Сперанский так — довольно простодушно, но абсолютно точно — объяснял причину своих неудач:

«Существенные преобразования, и особенно преобразования финансов, везде влекут за собой важное неудобство: прикосновение к частным интересам. Людей и интересы их никогда нельзя затрагивать безнаказанно. Наиболее опасны такие столкновения в таких государствах, где общественное мнение слишком слабо, чтобы защитить усердие и талант от нападений зависти и невежества. Вопиют против нововведений, не вникая ни в их свойства, ни в настоятельность причин».

Вот так: «вопиют против нововведений», не вникая в суть дела.

Теми же самыми словами можно было бы описать и то совершенно дикое сопротивление, на которое уже в наше время напоролась реформа Гайдара и его соратников.

Или взять нашего другого великого реформатора — Александра II, давшего волю крестьянам, обеспечившего гигантский рывок вперед безнадежно отсталой стране. Казалось бы, кому еще адресовать слова благодарности, как не ему. Ан нет, только за год, когда была осуществлена великая реформа — 1861-й, — в стране случилось почти 1200 крестьянских волнений, связанных с нею. Крестьяне были недовольны реформой. Если суммировать в целом причины этого недовольства, вчерашние рабы попросту не знали, что делать с обрушившейся на них свободой. Они вдруг поняли, что их уже никто не опекает — ни помещик, ни кто иной, — они предоставлены сами себе. Это похоже на нашу нынешнюю растерянность перед многократно для нас возросшими — по сравнению с недавним коммунистическим временем — степенями свободы. Неуютно как-то...

Парадокс: ни на одного из монархов не было столько покушений, как на Царя-Освободителя. Всего их случилось восемь (седьмое и восьмое произошли почти одновременно). С каким-то тупым упорством радители народных интересов стремились убить императора, который вроде бы пошел этим интересам навстречу. В него стреляли, метали в него бомбы, взрывали мосты, по которым он должен был проехать, один раз взорвали столовую в Зимнем, где собиралась

обедать царская семья... Наконец убили (взорвали) в Петербурге на набережной Екатерининского канала (здесь нынче возвышается Храм Спаса на Крови). Случилось это аккуратно через 20 лет после того, как государь осуществил великую реформу. Отметим юбилей.

Поражает, кстати, сколь небрежной была охрана у прежних монархов по сравнению с монархами нынешними. Что ни говори, а тогдашние властители больше доверяли своему народу.

Еще один великий российский реформатор – Петр Столыпин. Этот тоже взялся преобразовать самую тяжелую, самую неподъемную часть России – село. В центр всего поставил идею его освобождения от главной в то время удавки – общины. Он позволил крестьянам выходить из нее с землей, не считаясь с общинной волей, создавать хутора, отруба. Будущее сельского хозяйства виделось Столыпину как система мелких и средних фермерских хозяйств. Он делал ставку на «крепких и сильных» крестьян. За восемь лет – с 1907-го по 1915 год – из общины вышло 20 процентов домохозяев, более двух миллионов. Кроме того, к 1910 году около трети общинных дворов лишь формально состояли в общине: один из столыпинских законов позволял им иметь такой, вольный, статус.

Совокупность принятых Столыпиным мер – не только освобождение крестьянина от общинной петли – привела к неслыханному по тем временам подъему сельского хозяйства. Товарооборот его продукции увеличился за годы реформы на 46 процентов. Еще больше – на 61 процент – возрос ее экспорт. Россия стала крупнейшим производителем и экспортером хлеба и льна, ряда продуктов животноводства. В 1910 году, например, экспорт российской пшеницы составлял 36,4 процента общего мирового экспорта.

Но реформы Столыпина, как и всегда в России, не были доведены до конца. Сам он считал, что для их окончательного успеха требуется 15 – 20 лет. Этого срока ему не дали. Наградой за все его усилия была... пуля.

...Обратимся, однако, к нашим временам. Отправлен в отставку один из двух выдающихся реформаторов нашего времени – первый вице-премьер правительства Анатолий Чубайс. Ельцин «назначил» его виновным за провал «Партии власти» на выборах 17 декабря...

Это смещение, разумеется, означает нечто большее, чем просто одну из кадровых перестановок, ожидавшихся после думских выборов. Отстранен последний представитель гайдаровской команды, продержавшийся в правительстве дольше всех.

Как бы ни относиться к тем или иным сторонам его деятельно-

сти, Чубайс был прежде всего символом, знаком – знаком того, что экономические реформы в стране – а как раз они были главным объектом его попечения – еще не окончательно заглохли. Всем было ясно: пока Чубайс остается на своем посту, еще сохраняются какие-то надежды, что отката на исходные, дореформенные позиции, с неизбежностью случающегося в России всякий раз после краткого периода реформ, не произойдет. Сейчас такие надежды почти улетучились. Фраза Ельцина «Во всем виноват Чубайс!», без сомнения, будет подхвачена и истолкована предельно широко всеми противниками российских перемен, всеми тупыми обывателями, не способными понять, где истинный источник их бед.

Разумеется, невооруженным глазом было видно, что Чубайс – это чужеродный элемент в правительстве Черномырдина. Даже как психологический тип. Ну что, скажите, общего у этого молодого интеллигента, излучающего энергию, напор, оптимизм, убежденность в правоте своего дела, неподдельную заинтересованность в нем, – что общего у него с другим первым вице-премьером – скучным, скользким, серым Сосковцом? Или с Заверюхой? Или с Грачевым? Или, наконец, с самим премьером?.. Кабинет Гайдара был первым правительством молодых интеллигентов, случайно выскочившим на авансцену российской истории. Так вот Чубайс являл собой последний осколок этого интеллигентского правительства, опять-таки случайно задержавшийся в компании старой и новой номенклатуры.

Вообще-то, исходя из здоровой логики, можно было надеяться, что выравнивание российского экономического корабля, явно произошедшее в последние месяцы, несмотря на тотальную бестолковщину и разгильдяйство, массовое вдохновенное воровство, несмотря на чеченскую войну, также пожирающую триллионы, несмотря на героическое революционное сопротивление всяческих «радетелей народных интересов», – что это выравнивание зачтется и Чубайсу, позволит продолжить то дело, которому он посвятил последние годы, довести его до стадии необратимости. Ведь в том, что в стране был остановлен наконец спад производства, максимально снизилась инфляция, до 12 миллиардов долларов выросли валютные резервы, как никогда рано был принят вполне пристойный бюджет, – это в первую очередь его заслуга. Однако окружавшие его политики – вовсе не интеллигенты и отнюдь не альтруисты. Им абсолютно наплевать на Россию, на ее экономику и на стабилизацию этой экономики. Момент выдался уж больно хороший, чтобы скинуть ненавистного чужака, – поражение «партии власти» на думских выборах, поиск виноватых, надвигающиеся президентские выборы...

Впрочем, как всегда в России, дело не только в политиках. В публичных выступлениях последних дней сам Чубайс признает, что и в глазах рядового избирателя все эти экономические достижения последнего периода мало чего стоят. Что ему прекращение спада производства? Что ему 12 миллиардов долларов валютного резерва? На своей жизни, на своем кармане он это не ощущает.

Отчасти оно, конечно, так, хотя вряд ли подобная постановка вопроса универсально справедлива. В некоторых странах рядовой избиратель вполне осознает, что остановка спада производства прямо идет ему на пользу – открывается перспектива образования новых рабочих мест. Он осознает также, что и в уменьшении инфляции имеется для него прямая выгода – притормаживается рост цен; напротив, прибавка к зарплате и пенсии за счет «пустых» денег – чем обычно покупают избирателя – на самом деле никакой прибавки не дает, поскольку вызывает рост инфляции... Но это все, такое понимание – в других странах, не у нас в России. У нас же с помощью примитивной демагогии легко представить экономиста-реформатора злейшим врагом народных масс. Что и было проделано раньше с Гайдаром, а теперь с Чубайсом.

Одним словом, очередной российский реформатор, как всегда, пал жертвой не просто дворцовых интриг, но и умело вскипяченного недовольства различных слоев населения.

Что реально даст Ельцину смещение Чубайса? Неужели он надеется, что его критики и ненавистники – а их сейчас великое множество в самых разных политических лагерях – после очередной «сдачи» очередного порядочного человека, после нового ритуального жертвоприношения вдруг полюбят его? Тщетные надежды. Все это напоминает судорожное хватание за соломинку.

Нельзя без конца шарахаться из стороны в сторону, вибрировать, колебаться. Смещение Гайдара в декабре 1992-го и замена его Черномырдиным по большому счету привели лишь к одному – замедлению темпов реформ, бессмысленной потере времени, ухудшению жизни миллионов россиян и в конце концов – к возникновению нынешней критической ситуации, когда эти самые отчаявшиеся россияне возлагают свои надежды на политическую силу, которая завела Россию в исторический тупик. Какой бы могла быть наша дорога, не случись отставки Гайдара, отчетливо видно хотя бы на примере трех стран Балтии, сравнительно быстро и безболезненно преодолевших так называемый переходный период.

Но мы ведь не Балтия, мы – Россия. Для нас непереносимо целе-

устремленное, последовательное движение к реально достижимой цели. Нам привычнее биться лбом в одну и ту же стену. Отстранение от должности Чубайса и явно выдаваемое властями намерение изменить проводившийся до сих пор экономический курс на расточительно-популистский – это та же самая, один к одному, ошибка, что и отстранение Гайдара. Ни к чему хорошему это не приведет. Тактически – это очередная потеря темпа. Стратегически – это путь в очередной тупик, коими изобилует наша история.

Будет ли когда-нибудь конец всем этим плутаниям, петляниям, колебаниям?

В томике Тютчева вслед за цитируемым нынче на всех перекрестках «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить...» идет стихотворение-вопрос: «Ты долго ль будешь за туманом / Скрываться, Русская звезда?» Стихотворение-вопрос и одновременно – призыв:

*Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда -
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...*

Предчувствие неминуемой беды все явственнее разливается в воздухе по мере приближения 16 июня и по мере того, как власти едва ли не каждый день совершают безумные конвульсивные движения. Единственный способ предотвратить ее – всем нам очнуться от вековой российской спячки. Теперь иль никогда.

* * *

На протяжении всех лет после крушения коммунистического режима и до установления путинского авторитарного (о нем разговор особый) мы всякий раз убеждались: выборы – это, конечно, великое достижение демократии, но одновременно – это и великая беда. В период, предшествующий выборам, отодвигаются в сторону все иные интересы, кроме интересов избрания того или иного кандидата. Все подчиняется этим последним. Если в стране царит стабильность, такая концентрация внимания на одном в ущерб всему остальному в общем-то не страшна. Если ж страна переживает кризис – а Россия к началу 1996-го пребывала в нем уже несколько лет, – проявления легкомысленной предвыборной психологии смертельно опасны...

Заслуга Ельцина в том, что в тот судьбоносный момент он все же

в очередной раз твердо воспротивился изменению общего курса на демократию и реформы, не позволил развернуть корабль вспять, несмотря на огромный нажим и подталкивание в этом направлении. Хотя популистских обещаний раздал немало и бюджетных денег на их выполнение потратил тоже достаточно.

Так что опасения, которые в ту пору высказывали многие, к счастью, не сбылись. Но, может быть, отчасти они и не сбылись потому, что высказывались вслух и громко.

Еще одна заслуга президента — в том, что он вовремя осознал свою ошибку, касающуюся Чубайса, и быстро вернул его в свою команду.

Впрочем, может быть, Ельцин с самого начала понимал, что замены Чубайсу нет, и уже в тот момент, когда удалял его из правительства, предполагал в той или иной форме предпринять обратный маневр. Короче говоря, возможно, увольнение Чубайса с поста первого вице-премьера было все той же обычной «работой на публику», характерной для предвыборного времени.

Но это уже относится к области догадок.

ФАЛЬСТАРТ ЕЛЬЦИНА

На первые роли выдвигается Сосковец

Чубайса «задвинули» и одновременно принялись выдвигать и выпячивать другого первого вице-преьера – Олега Сосковца. Этому немало способствовал его друг-приятель – главный ельцинский охранник Коржаков. В своих воспоминаниях он сам рассказывает, как нахваливал Ельцину Сосковца: он-де «один из немногих», кто в правительстве «по-настоящему работает»; у Олега Николаевича «стахановские показатели» – он перекрывает «нормы» в несколько раз, «обрабатывает» три тысячи бумаг в год. Таков коржаковский уровень понимания существа дела: «по-настоящему» работает, допустим, не тот же Чубайс, благодаря которому в стране в 1995-м, впервые с начала реформ, удалось добиться просвета в экономике – резко снизить инфляцию, увеличить валютные резервы, остановить промышленный спад, принять нормальный бюджет, – а его, Коржакова, «другован» Сосковец, перелопачивающий горы бумажек.

Ну и, естественно, в тех же мемуарах бывшего начальника СБП в самом лучшем виде расписываются человеческие качества вице-преьера-«стахановца» (как говорил солженицынский Иван Денисович)...

Позже Коржаков сильно удивлялся, что после их совместной с Сосковцом и Барсуковым отставки бывший первый вице-премьер, как и управделами президента знаменитый Паша Бородин (как, наверное, многие другие), быстро предал его. Чего ж тут удивляться? Разве так уж трудно было распознать, какой породы эти люди? Ты им нужен, пока занимаешь пост...

А вот отрывок из книги Ельцина «Президентский марафон», повествующий о том же времени и тех же событиях:

«...В конце 1995 года в моем ближайшем окружении (а неформальным его лидером тогда был Александр Коржаков, руководитель моей охраны) стала обсуждаться идея: наследником Ельцина должен быть не проигравший думские выборы Виктор Черномырдин, а Олег Сосковец, первый вице-премьер. Статный мужчина «с открытым

русским лицом», настоящий хозяйственник, бывший директор металлургического завода, по сути дела, второй человек в правительстве, он был вполне достойной представительной фигурой. Тогда я еще не до конца понимал, насколько опасен Коржаков в роли «спасителя отечества», почему он так рьяно протезировал своему ближайшему другу Олегу Сосковцу. Мне никто ничего не говорил в открытую, но я и так видел, как упорно Коржаков подталкивает меня к тому, чтобы я отправил в отставку Черномырдина. Дальнейший ход событий просматривался тоже достаточно четко: на волне борьбы с чеченским сепаратизмом, на волне «коммунистической угрозы» к власти приходит полувоенная команда постсоветских генералов: начальник службы безопасности Александр Коржаков, директор ФСБ Михаил Барсуков, которых прикрывает своим могучим телом первый вице-премьер Олег Сосковец. Найдутся и другие...»

Спрашивается: почему же при столь отчетливом видении истинных устремлений этих людей Ельцин сразу же не отстранил от себя эту группу? В короткой цитате мы видим сразу несколько противоречивых утверждений: с одной стороны, автор пишет, что ему «никто ничего не говорил», но он «и так видел...», что «дальнейший ход событий» представал перед его мысленным взором «достаточно четко», с другой – тогда он «еще не до конца понимал...». На самом деле, конечно, опасность группы Коржакова – Барсукова – Сосковца президент разглядел много позже...

Кто управляет страной?

Между тем разглядеть, например, и амбиции самого Коржакова, и то, что он стремится продвинуть на самый верх своего друга – бывшего союзного металлургического министра, не составляло большого труда. Даже и стороннему человеку, не то что президенту. Поскольку подчас соответствующие телодвижения руководителя СБП проявлялись вполне публичным и даже скандальным образом.

Забавный случай произошел, например, в конце 1994 года. 30 ноября Коржаков направил Черномырдину письмо – то ли жалобу, то ли донос на бывшего министра экономики Шохина (кстати, ушедшего в отставку незадолго перед этим). Он, дескать, занимался чуть ли не вредительством, стремясь сделать более либеральным экспорт российской нефти, привлечь к этому делу иностранные инвестиции. «Но национальное хозяйство не может укрепиться за счет зарубежной

инвестиции в сырьевые отрасли экономики... – поучал генерал премьера. – Создание так называемого «недискриминационного» доступа к нефтепроводам... означает не что иное, как ограничение свободы экспортной политики российского ТЭК и навязывание собственных, выгодных МБРР (Международному банку реконструкции и развития. – О.М.), но невыгодных России финансовых соглашений».

Вот так вот: не нужны нам зарубежные инвестиции! Даром что все последние годы все российские начальники высокого ранга только и занимаются тем, что зазывают в страну зарубежных инвесторов.

Далее в письме следовали известные страшилки, касающиеся прихода на российскую землю иностранного капитала, – «усиление зависимости» от этого капитала, неизбежное «свертывание развития предприятий отечественной нефтеперерабатывающей промышленности», «снижение конкурентоспособности экспортного потенциала России» и т.д. и т.п.

В общем, знакомая песня: караул, Россию хотят распродать, разорить!

В заключительном абзаце письма содержалось главное, ради чего оно, собственно говоря, и было, по-видимому, написано: автор сообщал, что «в целях нормализации положения в нефтяном секторе российской экономики» «считает целесообразным» предложить председателю правительства поручить первому вице-премьеру Сосковцу создать комиссию для проведения «экспертной оценки» этих самых зловредных шагов бывшего министра экономики по привлечению иностранных инвестиций.

Стоит ли говорить, что появление этого письма вызвало великое удивление и у нас, и за рубежом: начальник президентской охраны читает лекцию премьер-министру, причем поучает его по вопросам, совершенно не относящимся к сфере его, охранника, компетенции. «Кто управляет страной – Ельцин, Черномырдин или генерал Коржаков?» – вопрошали в те дни «Известия». Вдоволь наудивлявшись по поводу того, что начальник СБП берет на себя смелость растолковывать «премьер-министру и не последнему в стране газовику», каково положение дел в сырьевых отраслях экономики, автор статьи приходил к вполне логичному заключению, что «идеи, высказанные в послании к Черномырдину, – на руку мощнейшей лоббистской группе: нефтяным спецэкспортерам» (был тогда такой институт особо избранных – допущенных к экспортной нефтяной трубе). И еще один вывод: «выдвижение Коржаковым Олега Сосковца на роль спасителя нефтяной отрасли» – это очередная попытка «вытащить из-под Черномырдина ТЭК».

Тогда еще не вполне очевидно было, что Коржаков не просто ТЭК из-под Черномырдина вытаскивает, а норовит извлечь из-под него премьерское кресло и усадить в него Сосковца.

Агентство Рейтер, комментируя письмо Коржакова, среди прочего задавало вопрос: знает ли президент об этом письме? И опять-таки выражало недоумение по поводу того, что «влияние начальника охраны, пусть даже первого лица в стране, простирается столь далеко за стены Кремля».

Все-таки нужно было обладать изрядной самоуверенностью, чтобы не скрытно, не конфиденциально, а вполне публично выступать с подобными посланиями.

– Он нормальный мужик. Совершенно нормальный, – говорил мне по поводу Коржакова Анатолий Чубайс, у которого, как известно, на каком-то этапе возникли непростые отношения с Коржаковым. – Я не то что отторжения к нему не испытывал, но по-человечески позитивно к нему относился. Это чистая правда. Но когда ты видишь, что этот хороший мужик активно пытается управлять государством, нефтяной промышленностью и другими отраслями, то понятно, что это просто абсурд, это абсолютный абсурд. Это такая дикость, которая совершенно очевидна не только какому-то эксперту и политологу, а просто любому нормальному человеку. Ясно, что в проблемах охраны он силен, а для этих дел он совершенно не годится.

Впрочем, понятно было, что не сам Коржаков сочинял это письмо Черномырдину: вряд ли он мог знать детали и подробности, которые упоминались в его обращении к премьеру. Сочинялось оно, по видимому, как раз теми, кто был непосредственно заинтересован в нефтяных делах, в сохранении привилегированного доступа к нефтяной трубе. Об этом тоже говорилось в откликах прессы.

Тогда же, кажется, впервые – то есть в конце 1994 года – в связи с этим письмом журналисты зафиксировали и «существование связи Коржаков – Сосковец».

Штаб по выборам... неизвестно кого

По воспоминаниям бывшего ельцинского охранника, где-то в начале января шеф сказал ему, что решил-таки идти на выборы и хочет назначить РУКОВОДИТЕЛЕМ СВОЕЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ Олега Сосковца (почему я выделяю слова насчет руко-

водителя кампании, читателю станет ясно позднее). Коржаков, естественно, одобрил оба этих ельцинских намерения и передал своему приятелю приятную новость о его предстоящем назначении. Услышав ее, Сосковец «воодушевился»: «Ну, мы завернем!»

«Завернуть», однако, не получилось, поскольку с самого начала все пошло как-то наперекосяк.

15 января Ельцин действительно сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС, что он создал Общероссийский штаб по выборам президента во главе с Сосковцом. Была названа также и фамилия того, кто намечается Сосковцу в заместители, — бывший глава Администрации президента Сергей Филатов.

Однако сразу же возник вопрос: а чей, собственно говоря, это штаб — Ельцина? Нет, на этот раз, публично, президент не сказал, что это ЕГО предвыборный штаб, заявил, что «пока штаб занят подготовительной работой и не привязан к какой-то конкретной фамилии», сам же он, Ельцин, «продолжает размышлять», баллотироваться ли ему на второй срок: «Я все еще думаю и выскажу свое мнение примерно 12-15 февраля».

По-видимому, Борис Николаевич решил еще месяцек побыть в роли эдакого принца Гамлета, мучительно раздумывающего, — быть или не быть (хотя, как мы теперь знаем, уже принял соответствующее решение). Возможно, на такую роль подтолкнул его своим советом кто-то из политехнологов: дескать, пусть россияне побудут в тревожном ожидании, — станет президент баллотироваться на новый срок или не станет; пусть осознают хорошенько, какие опасности их ожидают, если он уклонится от выборов, отойдет в сторону, — тогда, напуганные, и голосовать будут «как надо».

С этого момента начинается цепь нелепостей и несуразиц, связанных с возникшим по велению президента странным «штабом».

В общем-то всем было ясно, что штаб создан «под Ельцина». Уже 20 января Сосковец разъяснил, чем эта структура должна заниматься в первую очередь, — информировать избирателя, «какие меры руководство страны принимает для стабилизации экономического положения и начала роста промышленного производства». При отсутствии такой работы, по словам Сосковца, «сложится ситуация, когда представители партий, оппозиционных нынешнему курсу реформ, получат возможность критиковать президента и правительство».

Трудно заподозрить, чтобы такая «информационно-просветительская» работа преследовала цель принести пользу Зюганову или Жириновскому.

За самим фактом, что руководителем штаба назначен именно Сосковец, а не кто-либо, скажем, из Администрации президента — что было бы логично по крайней мере с формальной точки зрения, — опять-таки просматривался определенный умысел: была надежда, что первый вице-премьер сможет обеспечить Ельцину поддержку в тех регионах, где сосредоточены крупные предприятия ВПК, машиностроения и металлургии, — в традиционном «красном поясе»; считалось, что у Сосковца есть необходимые рычаги, чтобы переломить, хотя бы частично, господствующие там прозюгановские настроения, повернуть их в пользу Ельцина. Без труда расшифровывалось и назначение Сергея Филатова заместителем Сосковца: Филатов более тесно связан с традиционной частью ельцинского электората — демократической интеллигенцией, — умеет с ней работать.

Тем не менее в Кремле продолжали настаивать, что штаб к Ельцину не привязан, а призван заниматься подготовкой президентских выборов вообще. Естественно, это вызывало недоумение у деятелей ЦИКа: никто в этой структуре не просил создавать еще одну, дублирующую структуру. Причем, возможно, собирающуюся главенствовать над основной. 22 января председатель ЦИК Николай Рябов заявил, что Общероссийский штаб по подготовке выборов президента может лишь содействовать Центризбиркому в организации этих выборов, «ни в каком другом качестве этот штаб существовать не может». Рябов категорически исключил также возможность трансформации этой структуры в избирательный штаб одного кандидата — нынешнего президента.

Между тем, по сообщению «Интерфакса», на вторник 23 января была назначена пресс-конференция Олега Сосковца и нового руководителя Администрации президента Николая Егорова, на которой будто бы решили официально объявить о создании «структуры, которая займется организацией предвыборной кампании Бориса Ельцина по повторному избранию на пост Президента РФ». Однако 22-го пресс-конференцию отменили. Без объяснения причин.

В общем, с этим штабом сложилась какая-то нелепая ситуация. Было такое ощущение, что Ельцин велел его организовать, хорошенько не подумав. Его же подчиненным оставалось лишь выпутываться из этой ситуации.

Дума вызывает Сосковца «на ковер»

Известие о создании штаба, естественно, всполошило оппозиционно настроенную Думу. 23 января она приняла решение заслушать Сосковца: насколько законна эта акция и насколько законно, что он, первый вице-премьер, совмещает эту свою работу с должностью руководителя штаба? В частности, депутат от «Яблока» Виктор Шейнис предложил разобраться, «что это за государственная структура создается под видом общественной организации».

Одновременно с Сосковцом Дума вызвала «на ковер» председателя ЦИК Николая Рябова. К нему был тот же вопрос: правомерно ли первому вице-премьеру совмещать государственную должность с общественной деятельностью в упомянутом штабе?

Дальнейшее напоминало игру в кошки-мышки. 24-го Сосковец бодро сообщил журналистам, что готов выступить в Думе, разъяснить ситуацию со штабом и ответить на все вопросы, однако вскорости эта его готовность как-то растворилась и улетучилась. В этот же день ЦИК принял решение срочно запросить документы насчет штаба. Но, по словам Сосковца, «документов, которые бы регламентировали сегодня порядок организации какого-то конкретного штаба, не может быть, пока Борис Ельцин не примет решение об участии в выборах».

Вот так. Вам все понятно? Создан штаб по подготовке президентских выборов, не привязанный ни к какому конкретному кандидату, но документов на этот счет никаких нет, поскольку кандидат в президенты Ельцин еще не решил, будет ли он кандидатом. Замечательная логика, не правда ли?

31-го Сосковец в Думу не явился, а прислал нардепам письмо, в котором излагал, чем занимается возглавляемый им штаб. В нем говорилось, что в соответствии со статьей 22 закона о выборах президента государственные органы и должностные лица обязаны «оказывать содействие избирательным комиссиям в реализации их полномочий, в том числе в предоставлении необходимых материально-технических средств, сведений и материалов». «Именно этими положениями мы и руководствуемся в работе, связанной с подготовкой к выборам Президента РФ», — писал первый вице-премьер.

Как видите, все очень просто: оказываем содействие, и все...

Письменный ответ не удовлетворил депутатов, и они снова пригласили Сосковца, на этот раз — на 16 февраля. Сосковец снова прислал письмо. В нем опять говорилось, что единственная задача штаба

– оказание помощи образовавшимся к тому времени многочисленным «группам избирателей», озабоченных выдвижением кандидатов на должность президента России, а также содействие избирательным комиссиям «в реализации ими своих полномочий». Самое забавное: никаких «официальных решений» по организации штаба, его статусу, составу и руководству ни президент, ни правительство, как писал Сосковец, оказывается, не принимали. То есть штаба как бы и нет. А потому и разговор о нем на пленарном заседании Думы «беспредметен».

Однако и эта депеша депутатов не устроила. Следующей датой, на которую пригласили Сосковца, было 23 февраля. Как говорится в анекдоте, вы будете смеяться, но... Вы будете смеяться, но в День защитника отечества все опять повторилось один к одному – вместо первого вице-премьера его очередное послание народным избранникам: никаких официальных решений о создании штаба ни президентом, ни правительством «не принималось», «нет таких решений и по настоящее время». «Правительством Российской Федерации, – писал Сосковец, – а также мною лично каких-либо нарушений законодательства о выборах допущено не было... Никакой иной информацией по существу рассматриваемого вопроса я не располагаю».

Не известно, как долго еще длилась бы эта канитель, если бы 15 февраля Ельцин не объявил наконец, что решил баллотироваться на второй президентский срок. А как раз 23-го было объявлено, что Сосковец на общественных началах возглавит Координационный совет по проведению избирательной кампании Бориса Ельцина. Так и не родившийся Общероссийский штаб по выборам президента России был окончательно похоронен.

Не думаю, что комедия со штабом Сосковца принесла Ельцину какие-то очки в потихоньку начинавшейся предвыборной гонке. Скорее наоборот: она ярко высветила управленческий стиль, установившийся в Кремле, – воцарившиеся там сумятицу и неразбериху.

ДЕМОКРАТЫ МЕЧУТСЯ В ПОИСКАХ ЕДИНОГО КАНДИДАТА

Гайдар порывает с Ельциным

Приближение, казалось бы, неминуемой катастрофы заставило демократов начать мучительные поиски выхода из создавшейся почти тупиковой ситуации. Выход мог быть только один – найти подходящего кандидата в президенты, который был бы способен остановить коммунистов в их победном марше. Представлялось вроде бы совершенно ясным, что Ельцин на эту роль не годится, не годится ни по каким параметрам.

Особенно это сделалось очевидным после того, как он уволил Чубайса, – не просто уволил, но сопровождал это увольнение нелепым утверждением, что это, мол, он, Чубайс, провалил избирательную кампанию НДР.

Метания демократов в поисках подходящего кандидата – да и вообще смятение, которое переживала в тот драматический момент вся «продвинутая» часть российского общества, – лучше всего видны на примере «Демвыбора России». Они начались в декабре, сразу после думских выборов, ознаменовавшихся триумфом зюгановцев, и продлились ни много ни мало пять месяцев.

22 января лидер ДВР Егор Гайдар сообщил журналистам, что Политсовет его партии намерен обратиться к Ельцину с призывом не выдвигать свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Как сказал Гайдар, в случае если нынешний президент решит баллотироваться на второй срок, это будет «лучшим подарком, который можно сделать коммунистам», – их шансы на победу сразу же возрастут.

По словам Гайдара, последними шагами Ельцина, которые сделали поддержку его на выборах для ДВР делом «крайне проблематичным», стали штурм Первомайского и кадровые перестановки, в частности отстранение от своих должностей Анатолия Чубайса и Сергея Филатова. В Первомайском «неизвестно, чего было больше – беспомощности, жестокости или лжи». Отставка же Чубайса, сказал

Гайдар, «лишила правительство возможности вести какую бы то ни было осмысленную политику».

Если не Ельцин, то кто? Гайдар заявил, что пока будущим президентом России он не видит никого и надеется лишь на то, что «широкие умеренно демократические силы» найдут в своей среде единого кандидата. В числе других, по словам Гайдара, ДВР «будет готов к конструктивному обсуждению» кандидатуры премьера Виктора Черномырдина, если он примет решение баллотироваться в президенты России в июне.

В этот же день Гайдар направил Ельцину заявление о своем выходе из Президентского совета, мотивируя его несогласием с рядом последних шагов президентской власти.

То был некий рубеж в отношениях между этими двумя людьми, сыгравшими важнейшую роль в судьбах России в первой половине девяностых годов. Между ними и раньше не раз пробегала кошка, но до открытого разрыва дело не доходило. И вот этот разрыв произошел – по словам Гайдара, разрыв окончательный и бесповоротный.

«Не представляю ситуации, при которой я бы мог вернуться на позицию поддержки президента», – категорически заявил Гайдар, выступая по телеканалу НТВ. По его признанию, он столь долго сохранял лояльность Ельцину, так как «считал необходимым до последнего использовать потенциал воздействия и влияния» на него «по некоторым принципиальным вопросам». Гайдар с сожалением констатировал, что «президент образца 1991 года и президент начала 1996 года – два очень разных человека, с разным кругом общения и с разной реакцией» на происходящее, и что у него, Гайдара, «больше нет надежды отстоять Ельцина образца 1991 года».

Помимо Гайдара, из Президентского совета вышли Сергей Ковалев, Отто Лацис, Сергей Алексеев.

...На следующий день после заявления Гайдара о выходе из Президентского совета ФАПСИ обрезало у него в институтском кабинете телефон правительственной связи – так называемую «вертушку» (кстати, установленную на коммерческой основе). Поразительная мелочность, мелкая мстительность...

Впрочем, не уверен, что к этому «телефонному обрезанию» причастен сам Ельцин, – возможно, оно было сделано по инициативе кого-то из его чересчур ретивых и услужливых подчиненных.

Какое из зол – меньшее?

(Из написанного в те дни. 25 января 1996 года)

Партия «Демократический выбор России» обратилась к Ельцину с просьбой не выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах. Поскольку такое выдвижение было бы лучшим подарком для коммунистов.

«Выбороссы» собираются назвать какого-то своего кандидата. Какого – пока неизвестно.

Как эмоциональный порыв – после идиотской бойни в Первомайском, после связанных с ней ельцинских нелепых телевыступлений, после отстранения Чубайса – все это можно понять. Однако если без эмоций...

Во-первых, ну какого такого неизвестного политика можно сейчас, за оставшиеся уже четыре с половиной месяца до выборов, вытащить из политического небытия и сделать более или менее реальным кандидатом в президенты? Все реальные кандидаты известны.

Во-вторых, 3,8 процента голосов, которые «Демвыбор» получил на декабрьских выборах, – не Бог весть какой подарок для того деятеля, на котором партия остановит свое благосклонное внимание.

Реально демарш Гайдара может иметь несколько целей. Либо это желание просто-напросто еще раз обозначить свою совестливую позицию по отношению к позорным действиям властей, имевшим место в последнее время. Эта цель вполне достойная. Многие, особенно в среде интеллигенции, сегодня «по Гайдару» сверяют свою оценку происходящего.

Далее, выступление «Демвыбора» может иметь также целью оказать воздействие на Ельцина, запутавшегося в московской послевыборно-предвыборной и в чеченской ситуации. С некоторых пор Ельцин перестал брать трубку, когда ему звонит Гайдар, – об этом сказал сам Егор Тимурович. В таком случае последнему не остается ничего иного, как доносить до президента свое мнение через посредство публичных выступлений.

Если же предположить, что «Демвыбор» в самом деле желает, чтобы Ельцин не выдвигал свою кандидатуру на выборах, и собирается предложить демократическим и центристским силам реального и достаточно проходного единого кандидата, то таким кандидатом может быть, пожалуй, лишь Черномырдин.

На такие размышления наводит, в частности, то обстоятельство, что на той же самой пресс-конференции, где Гайдар сообщил о своем

намерении отговаривать Ельцина баллотироваться, он высказал и догадку, что через какое-то время вслед за Чубайсом президент принесет в жертву самого премьера.

В самом деле, дни Виктора Степановича на этом посту, по-видимому, сочтены. Если президентом станет коммунист – тут все ясно. Но и в случае, если вдруг – представим такое – им останется Ельцин, смена председателя правительства будет, по-видимому, неизбежна. Скорее всего, на этот пост выдвинут Сосковца, руководителя ельцинской избирательной кампании, – в полном соответствии с западными обычаями проведения выборов, на которые недавно сослался Ельцин. Да к тому же и вообще ближнее ельцинское окружение – Коржаков и другие – давно уже продвигает первого вице-премьера в премьерское кресло, одновременно стремясь вытряхнуть из него нынешнего его владельца.

Короче, для Черномырдина наступает час серьезных решений – быть или не быть? Он, конечно, связан обетом верности президенту. Не раз публично заверял, что не станет претендовать на президентский пост, если такие претензии выкажет его шеф. Но ведь он не может не понимать, что шеф-то как раз и «сдаст» его не моргнув глазом, едва только почувствует в том нужду, как «сдал» уже многих. Причем сопроводит эту «сдачу» какой-нибудь прибауткой в таком духе: не один, мол, Черномырдин добился успехов в стабилизации экономики, но есть ошибки, которые совершил он один... И еще – это уже вовсе был бы анекдот, – дескать, если бы Черномырдина сняли раньше, НДР в декабре получил бы не десять, а сорок процентов голосов.

Возможно, наилучшим для премьера решением – решением настоящего политика, настоящего мужчины – было бы самому, не дожидаясь ельцинского указа, подать в отставку и заявить о своем намерении баллотироваться на пост президента.

Но он, скорее всего, не станет этого делать. И не только потому, что, как говорится, кишка тонка, не только потому, что в нем глубоко засели уроки партийного воспитания, главный из которых – неизменное следование принципу «не высовываться, не идти поперек начальства». Прежде всего – по той причине, что нет никакой уверенности, состоится ли выбора вообще. Вероятность того, что Ельцин попытается отменить или отложить их, если окончательно уверится, что шансов быть переизбранным на второй срок у него нет никаких, весьма велика.

Никто сейчас, пожалуй, не сможет сказать, будет ли такая попыт-

ка удачной или нет. Одни, как Гайдар, считают ее совершенно перспективной. Другие держатся обратного мнения. С полной определенностью можно, наверное, утверждать лишь одно — что видов на победу в открытом, уличном противоборстве с оппозицией, которое неизбежно последует за такой попыткой, у Ельцина сейчас несравненно меньше, чем в сентябре — октябре 1993-го. А ведь мы помним, что уже и тогда победа далась ему с великим трудом.

В любом случае, если попытка отменить или отсрочить президентские выборы будет предпринята, никому ничего хорошего она не принесет. Снова будет стрельба, кровь и, не исключено, в конечном итоге на этот раз — установление военной диктатуры.

Однако независимо от того, чем может закончиться попытка обойтись без президентских выборов, Черномырдин не может не принимать ее в расчет.

Если не Черномырдин, то — кто? Беседую на эту тему с депутатом Госдумы Сергеем Юшенковым. Он, естественно, оговаривается, что высказывает сугубо свое личное мнение. Так вот, по его мнению, один из потенциальных кандидатов в президенты, которого могли бы поддержать демократы, — Горбачев.

— У Горби одна проблема — выход во второй тур, — считает Юшенков. — Но эта проблема решаема. Он может привлечь часть левого электората. Умеренно левого. Привлечь центристов. В конце концов интеллигенция не относится к нему резко отрицательно: на нем нет такой крови, как на Ельцине. Он в достаточно хорошей форме. У него сохранилась команда профессионалов. Если сравнивать, скажем, Бакатина и Барсукова, ясно, на чьей стороне преимущество... Примаков — из этой же команды... То есть определенные плюсы у него имеются. Хотя, конечно, и минусов много. Мы все о них знаем.

Правда, на Политсовете ДВР Юшенкова, по его словам, «активно высмеяли», когда он затеял разговор о Горбачеве. Однако он рассчитывает вернуться к этому разговору где-нибудь в марте или апреле, когда ситуация станет более ясной.

Что-то мне не верится, что Горбачев может стать серьезным участником президентской гонки. Ушло его время.

Более реальный кандидат, которого мог бы поддержать ДВР, — конечно, Явлинский. У этого, полагает Юшенков, больше шансов, чем у Горбачева, хорошо выступить в первом туре, но, по-видимому, практически нет перспективы победить во втором.

Юшенков, однако, считает, что Горбачев и Явлинский могли бы сыграть в пас. Тут я выражаю некоторое сомнение: неужели Григо-

рий Алексеевич способен добровольно расстаться со своей хрустальной мечтой – стать российским президентом, неужто он способен по собственному согласию уступить кому-то дорогу?

– Способен, – уверяет меня Юшенков. – Думаю, что у Горби достаточно влияния на Явлинского. И они могут договориться. Скажем, Горби берет его премьер-министром. Такой вариант не исключен. Кстати, на декабрьских выборах Горбачев, как мы знаем, голосовал за «Яблоко». Он ведь мог голосовать за социалистов, за социал-демократов и т.д., а он выбрал «Яблоко». Это свидетельствует, что он продвинулся в своих взглядах. И в этом движении сблизился со своим потенциальным партнером.

Хорошо, но Горбачев, Явлинский, скорее всего, будут выдвинуты сами по себе, независимо от «Демвыбора». Интересно: станет ли все-таки ДВР представлять своего собственного, отдельного кандидата, если к тому же в числе претендентов окажется и Черномырдин? Ответ Юшенкова:

– Станет. В любом случае. По крайней мере, я буду настаивать на этом. Потому что Черномырдина могут выдвинуть как ложного кандидата – после он снимет свою кандидатуру в пользу Ельцина, и мы останемся ни с чем...

Предположим, однако, Ельцин, несмотря ни на что, попадет во второй тур. Скажем, в паре с Зюгановым. Как тут быть демократу?

Юшенков уверен, что нынешний президент не выйдет во второй тур ни при каких обстоятельствах. Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Я возражаю: нынешняя главная, да, пожалуй, и единственная опора Ельцина – бюрократы, а они в России всегда были всесильны, еще и не такие крепости брали; подумаешь, какая тяжелая для них задача – протащить своего президента!

– Ельцина поддерживает только здешняя, московская бюрократия, – уверен Юшенков. – Региональная же полностью у коммунистов. Это надо четко осознавать. Полностью. И контроль там над всеми структурами мощный. Все у них. Ничто над ними не каплет, ничто не побуждает подыгрывать главному столичному руководителю. На декабрьских думских выборах федеральные власти могли влиять на ситуацию в семи-восьми областях: в той или иной степени манипулировать одним-двумя, максимум тремя процентами голосов. А коммунисты располагали и располагают, конечно, несравненно большими возможностями. И зачем им нужен Ельцин? Десять процентов голосов – вот самое большее, что он может получить.

Если же все-таки вопреки всем выкладкам и расчетам случается чудо и Ельцин выходит во второй тур, тогда, считает Юшенков, надо «голосовать ногами» – попросту бойкотировать выборы. Необходимая явка довольно высокая – пятьдесят процентов. И бойкот выборов вполне может быть успешным. За те несколько месяцев, которые потребуются для организации нового выборного цикла, демократы вполне могут обрести «более внятного», «более вразумительного» кандидата.

Не знаю. Мне-то кажется, что бойкот и срыв выборов ничего не дадут. Никакого нового, единого, стопроцентно проходного кандидата за три-четыре месяца у демократов не появится, раз уж он не появился почти за три года, если считать с момента образования ДВР и «Яблока».

Бойкот и срыв выборов сработают как раз в пользу Ельцина. В этом случае его президентство будет продлено автоматически.

Не хочу делать никаких определенных выводов. Просто размышляю. Вслух. Сейчас в стране две главные, отчасти противостоящие друг другу, отчасти согласные друг с другом силы – «партия власти» и партия коммунистов. Демократы не только оттеснены на политическую обочину, но еще и расколоты. Два их главных, наиболее дееспособных отряда – «Яблоко» и ДВР – какие-то разноцветные, разнополюсные. Причем очень мало надежды преодолеть эту разноцветность и разнополюсность.

Рассчитывать на некие хитрости и уловки, которые позволили бы демократам сыграть если не решающую, то хотя бы значительную роль на президентских выборах, конечно, можно. Можно, например, попытаться заставить «партию власти» выставить своим главным бойцом Черномырдина, а не Ельцина, а партию коммунистов – допустим, Романова, а не Зюганова. Но это все именно мелкие хитрости и уловки. В конце концов ясно ведь: дело самой партии, кого выставять.

Принципиальным же представляется один вопрос – какую из главных сил поддержать на выборах? Скрежеща зубами, преодолевая тошноту, но – поддержать. Как меньшее зло.

Да, конечно, Ельцин развязал войну в Чечне и не знает, как из нее выпутаться...

У ельцинского режима много очевидных провалов. Благое дело приватизации госсобственности в общем-то сделалось не так, как задумывалось. Собственность досталась не народу и не честным, толковым хозяевам – в значительной степени начальству и мафии. Сейчас вину за это будут, конечно, валить на Чубайса. Да уж и валят. Специально для этого держали. Готовили на роль «козла отпущения»...

При Ельцине разбухло и совершенно обнаглело чиновничество. Масштабы коррупции, воровства – фантастические...

Еще более обнаглели преступники. Милиция разбежалась по ларькам, по банкам. А та, что осталась, воюет в Чечне. Больше никому, видите ли, воевать...

Ельцинский режим оказался совершенно не в состоянии регулировать доходы граждан – попридержать их планку у наиболее обеспеченных и приподнять у самых малоимущих. Еще более вопиющее – допустил повсюду по стране многомесячную невыплату заработанного...

Главную вину за все это, естественно, несет сам Ельцин, явно неспособный к ежедневной последовательной, целеустремленной работе, к тому, чтобы довести до ума хотя бы одно из задуманных дел, проконтролировать выполнение собственных решений. Спорадические вспышки его августейшего гнева, адресованного «саботажникам», которые игнорируют его ценные указания, чаще всего оказываются невпадом и лишь оттеняют неумение твердо держать в руках бразды правления.

И все же... И все же надо ли доказывать: как бы ни был Ельцин слаб в качестве высшего руководителя, замена его президентом-коммунистом – перспектива для страны в тысячу раз более мрачная. Это просто катастрофа. Просто дорога в пропасть. Страна больше не выдержит коммунистического эксперимента. Ни в материально-вещественном, ни в духовном плане. Ее хозяйство снова будет отдано во власть «социалистической экономики», которая, как сказал когда-то ли Рейган, то ли Буш, означает смерть всякой экономики. Изломанный же за годы большевистского правления народный дух также будет окончательно разрушен.

Первое, что сделают большевики после второго своего пришествия, – постараются на десятилетия закрепить у власти. То есть сразу же уничтожат тот самый демократический выборный механизм, который их к власти и привел. А далее – сделают все, чтобы уже никогда впредь никакому грядущему Горбачеву не пришла в голову даже мысль о малейшей либерализации режима – не то что о масштабной перестройке.

Вот такая у нас веселенькая перспектива...

По этой причине следует на время – хотя бы в этом предвыборном цикле – несколько отстранить от себя моральные оценки и относиться к политике как к политике. То есть, извините за банальность, как к искусству возможного. Конечно, можно попытаться сыграть самим, не имея на руках ни одного козыря. Однако в какой-то момент,

когда безнадежность такой затеи станет очевидной, стоит, наверное, подыграть — по мере возможности — наименее опасному из сидящих за столом игроков.

Сейчас уже совершенно ясно, что за оставшиеся до выборов считанные недели надо попытаться сплотить не столько демократические — к тому же очень плохо поддающиеся сплочению, — сколько антикоммунистические силы. С тем чтобы предотвратить катастрофу.

* * *

Казалось бы, это так просто: когда иного выбора нет, приходится выбирать наименьшее зло (в данном случае таковым представлялся Ельцин). Важно лишь окончательно убедиться, что другого выбора действительно не существует.

Как ни странно, однако, не все тогда допускали такую возможность. Даже теоретически. Как это так: голосовать за очевидное зло! Это представлялось верхом абсурда. В том числе и людям достаточно проницательным, к каковым, безусловно, относился, например, известный писатель-диссидент Андрей Синявский. В одном из своих тогдашних интервью он и его супруга Мария Розанова стали дружно меня ругать за то, что я в своих статьях подробно пишу о многочисленных просчетах, ошибках, даже преступлениях Ельцина на посту президента (а что такое Чечня, если не преступление?), после же, в противоречие, дескать, самому себе, призываю, «скрежеща зубами, преодолевая тошноту», голосовать-таки за него. По словам Синявского, когда он на одной из своих лекций в США рассказал своим слушателям про такую вот странную позицию «почтенного» сотрудника московской «Литературной газеты» Олега Мороза, слушатели от души хохотали.

Оно конечно, не так-то просто разглядеть из Франции (где тогда жили Синявские) и из США, что происходит в России. Но в то же время и не настолько сложно: слушателям-студентам, может быть, здешняя ситуация действительно непонятна, но профессор, человек русский, мог бы понять, что к чему. Как говорится, не бином Ньютона. А между тем... «Во Франции... — говорил Синявский, — не будет трагедией, если Ширака не переизберут на второй срок. Точно так же не будет трагедии в Америке, если не выберут Клинтона. А почему в России обязательно трагедия?... Если не Ельцин, то трагедия».

Что же сравнивать тогдашнюю Россию с Францией и с Америкой? Нет, все-таки быстро улетучивается у человека представление о здешней жизни, как только он покидает родные края.

Забавно, что интервью это было опубликовано... в газете «Правда». Казалось бы, что общего между литератором, ставшим в свое время одной из самых известных жертв брежневского коммунистического режима, и главным рупором коммунистической пропаганды?

Десять лет спустя с позицией неприятия «меньшего зла» я столкнулся – тоже забавный случай – в электронной переписке с одним из ведущих радио «Свобода» священником Яковом Кротовым.

«Нет, извините, – писал мне отец Яков, – я не приемлю концепции «меньшего зла». Мне со злом не по пути, даже с маленьким. Тем более, что оценка Ельцина как «меньшего зла» достаточно субъективна. Для родственников чеченца, которого убили в 1996-м, самое большое зло – Ельцин. И, во всяком случае, делать меньшее зло символом борьбы с большим – странно. Все равно что вместо Рождества Христова праздновать день рождения Ленина под лозунгом «Ну Ленин же – не Гитлер».

Хорошо, конечно, этак встать в позу «чистого философа»: признаю только добро без малейшей примеси зла! Но в реальной жизни, что делать, добро и зло в чистом виде встречаются редко. Да, считай, и вовсе не встречаются. Наверное, есть один-единственный способ обрести такую чистоту – уйти от мира. Даже не в храм, даже не в монастырь (там тоже зла хватает и хватает компромиссов с ним) – в иноческую келью. Если выдержишь испытание безгрешной и бескомпромиссной жизнью отшельника, – тебя со временем могут посчитать святым. Но реальный мир вряд ли станет от этого намного лучше...

Что же касается критических моментов в истории страны – каковым, без сомнения, был 1996 год, – искать в такие моменты среди борющихся за власть политиков носителей чистого добра – это значит уж точно отдать страну во власть беспросветного зла.

Данные социологов

(30 января 1996 года)

Если президентские выборы состоятся, то они обязательно пройдут в два тура, заявил директор ВЦИОМа Юрий Левада.

По словам Левады, на сегодня «бесспорный фаворит» в президентской гонке – Геннадий Зюганов. За него, по данным на 26 января, высказались 11,3 процента опрошенных. Явлинский получил 7,7 процента голосов, Жириновский – 7,1, Лебедь – 5,5, Ельцин – 5,4, Черномырдин – 4,2, Святослав Федоров – 3,6.

Если же исчислять проценты от тех, кто решил участвовать в выборах, Зюганов, по словам Левады, может получить 20 процентов голосов, Явлинский – 13, Ельцин – 8, Черномырдин – 7.

Ельцин не хочет порывать с Гайдаром

В планы Ельцина, естественно, не входило утрачивать поддержку демократов, а вместе с ней и образ демократического правителя. 2 февраля, отвечая на демарш Гайдара – его антиельцинские заявления, выход из Президентского совета, – он направил ему письмо, в котором мягко упрекал его в излишне эмоциональной оценке событий.

«Егор Тимурович! – говорилось в письме. – Судьба свела нас в один из самых ответственных и опасных для страны моментов. В немалой степени благодаря Вашему мужеству удалось начать настоящую экономическую реформу, политические преобразования. Что бы ни говорили сейчас, остаюсь верен этому курсу.

Знаю, что Вы активно заняты политикой не ради корысти. Очень надеюсь, что при решении исключительно сложных политических проблем нынешнего года Вы, как и прежде, во главу угла будете ставить не эмоции, а интересы России, что в самые критические моменты Вы проявите ясное стратегическое видение».

В ответном письме Гайдар заверил Ельцина, что всегда помнит о том мужестве, с которым он, президент, в 1991 году взял на себя ответственность за начало «жизненно необходимых для страны», хотя и «политически столь опасных реформ». Однако сегодня, писал Гайдар, ему тяжело видеть, как люди, которым президент доверяет, компрометируют его «своими лживыми донесениями и беспомощными действиями, как это было, например, при разрешении кризиса с заложниками в Первомайском». По словам Гайдара, главный приоритет во всем, что он сам делает и будет делать в ближайшие месяцы, – «не допустить прихода к власти коммунистов, нового кровавого эксперимента», способного перечеркнуть многое из того, за что они вместе боролись; именно это, а не эмоции, будет определять его, Гайдара, позицию. Гайдар вновь вполне определенно подтверждал, что выдвижение кандидатуры действующего президента на предстоящих выборах «как центра противостояния коммунистам» не кажется ему правильным решением.

Есть варианты, помимо Ельцина...

11 февраля на партконференции Московской организации ДВР Гайдар предложил выдвинуть в связке двух кандидатов – на пост президента и премьер-министра. На первую должность предлагался нижегородский губернатор Борис Немцов, на вторую – Григорий Явлинский. Такой вот тандем. Правда, к тому времени сам Немцов уже заявил, что не намерен посягать на президентство. По его словам – он сказал это где-то в конце января, – выдвигать новых кандидатов за несколько месяцев до выборов бессмысленно: демократы должны договориться о поддержке кого-либо из уже существующих претендентов, отбросив личные симпатии и антипатии. Тем не менее надежда уломать нижегородского губернатора вроде бы еще оставалась.

Явлинский же, верный своему неизменному стремлению всегда быть первым, отказался поддерживать Немцова.

13 февраля Гайдар на пресс-конференции вновь выступил с предостережением против ельцинского выдвижения на второй президентский срок:

– Если Ельцин не участвует, предстоящие выборы – это голосование против коммунистов, если Ельцин участвует, – это голосование против Ельцина. И исход его, к сожалению, для меня достаточно очевиден... Вот я всячески хотел бы донести мысль до общества, до окружения президента, до самого президента о том, что ответственное решение для него – это не баллотироваться и что слухи о том, что нет других вариантов, способных привести к победе на выборах, не соответствуют действительности. Такие варианты есть. И у кандидатуры Черномырдина, да и того же самого Бориса Немцова, на мой взгляд (и это можно посчитать социологически), существенно больше шансов на выигрыш сегодня, чем у Бориса Николаевича Ельцина. Да, я прекрасно понимаю, что и Черномырдин, и Немцов – это люди, встроенные в вертикаль исполнительной власти, что для них дать согласие баллотироваться в президенты при баллотирующемся президенте – крайне сложно, но мне хотелось бы, чтобы мы понимали – и окружение Бориса Николаевича понимало, и он сам понимал, – что такие возможности, такие варианты существуют. И до 15 февраля, пока окончательное решение не принято, очень важно, чтобы мы сохраняли возможность такой свободы маневра. К сожалению, это факт: если через два дня Борис Николаевич Ельцин примет решение о своем участии в выборах, это, на мой взгляд, почти предопределяет победу Зюганова во втором туре.

Кстати, довольно интересную характеристику как возможному кандидату в президенты Гайдар дал Немцову:

– Немцов в этом смысле почти уникален – он достаточно широко известен и ни в чем не виноват перед российскими избирателями. Вот сочетание этих двух качеств – политик, имеющий практический опыт, широко известен и ни в чем не виноват, – оно почти уникально, другого такого политика нет.

Был ли Ельцин когда-либо демократом?

Гайдара попросили разъяснить поконкретнее, какие он видит различия между Ельциным 1991 года, когда он стал президентом, и им же сегодняшним.

– В девяносто первом году, – сказал Гайдар, – Борис Николаевич Ельцин был тараном, способным сокрушить монополию коммунистов на власть, существовавшую в этой стране 75 лет. Сегодня это человек, вольно или невольно, но прокладывающий, на мой взгляд, путь коммунистам к власти... В девяносто первом году вокруг Бориса Николаевича было очень много людей, способных говорить ему «нет»: «Вы не правы, Борис Николаевич, это не так, Борис Николаевич...» Сейчас же, в основном, в его окружении остались люди, способные говорить только «да»: «Это замечательно, Борис Николаевич, это гениально, Борис Николаевич...» А это опасно для любого политического деятеля...

И еще вопрос: что Гайдар думает о характеристике, которую дал Ельцину его бывший пресс-секретарь Вячеслав Костиков, – Ельцин никогда не был демократом?

Ответ Гайдара:

– Вы знаете, я бы сказал так: пока я с ним работал и тесно общался, у меня не было оснований так думать. У меня и сегодня нет достаточных оснований так думать. Я очень надеюсь, что Костиков в данном случае окажется не прав...

В самом деле, был ли Ельцин когда-либо демократом? Полагаю, четкого, однозначного ответа на этот вопрос не даст никто. Думаю, мы приблизимся к истине, если разделим вопрос надвое, станем рассматривать Ельцина, с одной стороны, как человека, как некий психологический тип и с другой – как политика, государственного деятеля. Думаю, психологически Борис Николаевич, всю жизнь посвятивший партийной карьере, вряд ли мог сформироваться как демократ, вну-

тренне ощущать себя демократом. Самое прискорбное следствие этого – среди близких ему людей, входивших, так сказать, в его ближний круг, не было, по сути, ни одного человека твердых демократических взглядов. Ну, какое отношение к демократии имели все эти Коржаковы, Барсуковы, Сосковцы и т.д. и т.п.? Между тем именно людьми этого круга и их протее при Ельцине часто подпитывались официальные государственные посты. Во многом отсюда – зигзагообразное, через пень-колоду продвижение по пути демократии и реформ.

В то же время, думаю, никто не станет отрицать, что ни один политик, ни один государственный деятель НЕ СДЕЛАЛ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО СДЕЛАЛ ЕЛЬЦИН. В этом смысле кого и считать демократом, как не его?

«Все ресурсы – на борьбу с коммунистами»

17 февраля на конференции Петербургского отделения ДВР предпринимается очередная попытка выдвинуть единого кандидата от демократических сил. На этот раз таким кандидатом коллеги предлагают стать самому Егору Гайдару. Он решительно отказывается. По его словам, подобное выдвижение не пойдет на пользу ни ему самому, ни российской демократии:

– Это будет выглядеть так – сначала Гайдар не выдвигает свою кандидатуру, потом выдвигает, потом он снимает свою кандидатуру, а потом вообще не знает, что делать. Будет просто ощущение беспомощной суеты в лагере демократов.

Гайдара в его отказничестве поддержал Анатолий Чубайс, сказав, что еще есть время посмотреть, как будут развиваться события, подумать и принять взвешенное решение. Главное – не отвлекаться от основной цели.

– Все ресурсы, которыми мы располагаем с вами все вместе и каждый в отдельности, – сказал Чубайс, – в ближайшие четыре месяца должны быть брошены на то, чтобы никаким образом, ни при каких условиях не допустить, чтобы в России победили коммунисты или фашисты.

Ради этой цели «Демвыбор России» готов объединиться и с «Яблоком», и с НДР. На конференции было подтверждено, что в оставшееся до окончания регистрации кандидатов время ДВР будет вести переговоры прежде всего с Ельциным и Явлинским.

Гайдар смягчает свою позицию

Двадцатые числа февраля. Гайдар продолжает настаивать, что своим решением участвовать в выборах Ельцин «прокладывает коммунистам дорогу к победе». Другие демократы не так категоричны в своем неприятии фигуры действующего президента в качестве кандидата на новый срок.

Впрочем, и отношение Гайдара к поддержке Ельцина мало-помалу начинает меняться. На пресс-конференции 26 февраля он сообщает, что Ельцин пригласил его встретиться и такая встреча, по-видимому, состоится в ближайшее время. Гайдар сказал также, что они ведут диалог с заместителем председателя ельцинского избирательного штаба Сергеем Филатовым. «Мы открыты для диалога – ситуация слишком серьезная», – пояснил Гайдар.

Наконец, он разъяснил, как обстоит дело с участием его коллеги Анатолия Чубайса в работе этого штаба: Чубайс «никогда не работал и не собирается работать в штабе по избранию Ельцина президентом»; вместе с тем он, как и все его единомышленники, считает важнейшей задачей недопущение коммунистов к власти, а потому делает все, что может, чтобы ее решить. «Но это существенно иная задача, чем переизбрание Бориса Николаевича Ельцина», – сказал Гайдар.

Журналисты в очередной раз поинтересовались, какие конкретные причины мешают «Демвыбору» поддержать кандидатуру Ельцина. Такой же вопрос был задан и в отношении кандидатуры Явлинского. Гайдар ответил: поддержать Ельцина им трудно потому, что он несет ответственность за продолжающуюся в России войну, «откровенно окружен людьми, которых трудно заподозрить в верности демократическим идеалам и убеждениям», наконец, потому, что в стране не ведется сколько-нибудь эффективной борьбы с коррупцией, не делаются важнейшие преобразования, которые необходимо делать, – в частности, не проводится военная реформа...

Что касается Явлинского, ответ был такой: «Нам не очень понятно, в какой мере «Яблоко» исключает для себя сотрудничество с коммунистами. Нам не очень понятно, исключило ли оно из своей предвыборной платформы предложения, которые ведут к развалу денежной системы страны (здесь прежде всего имелись в виду предложения «яблочников» по инфляционному финансированию экономики. – О.М.). Нам не очень понятно, в какой степени «Яблоко» готово гарантировать незыблемость частной собственности в России».

По словам Гайдара, окончательное решение о поддержке того или иного кандидата ДВР примет исходя из того, что каждый из них будет делать на протяжении ближайших месяцев. Возможно, это будет решение, опирающееся на тот самый принцип выбора «меньшего зла».

В те дни об этом принципе вообще много говорили.

Как бы то ни было, в словах Гайдара, мы видим, уже нет категорического неприятия кандидатуры Ельцина, которое еще совсем недавно было ему свойственно. По-видимому, влияние коллег, прежде всего Анатолия Чубайса, дало о себе знать.

Решительно против поддержки Ельцина по-прежнему выступает Сергей Ковалев. Он убежден, что в случае такой поддержки ДВР окончательно потеряет лицо и – словесная фигура, привычная для бывшего политзэка, – «его место будет у парашы».

На противоположной точке зрения твердо стоит все тот же Анатолий Чубайс. По его словам, он не собирается агитировать за Ельцина, но призывает коллег трезво взглянуть на вещи и подумать прежде всего не о партии, а о стране, которой реально угрожает коммунистический реванш, противостоять которому Явлинский вряд ли способен.

По всем признакам, мнение Чубайса в основном совпадает с мнением большинства рядовых членов ДВР. Здесь, кстати, стоит заметить, что январское категорическое заявление Гайдара, что он никогда больше не поддержит Ельцина, вызвало явный всплеск недовольства в ряде региональных организаций партии. Одно только упоминание имени Явлинского как альтернативного Ельцину кандидата в президенты вызывает у многих дэвээровцев резко отрицательную реакцию.

На пресс-конференции 26 февраля зашел также разговор о Черномырдине. Гайдар сказал, что здесь ситуация от демократов не зависит, ДВР своей позиции не менял: если бы Виктор Степанович согласился включиться в избирательную кампанию, Гайдар и его коллеги «очень серьезно рассмотрели бы вопрос о поддержке его кандидатуры». «Нам кажется, она по многим направлениям убедительна», – сказал Егор Тимурович. Однако, добавил он, насколько можно понять, Черномырдин достаточно определенно принял решение не баллотироваться.

Если коммунисты придут к власти...

На той же пресс-конференции 26 февраля Гайдар в очередной раз дал четкую характеристику рвущейся к власти зюгановской партии:

– Нынешняя КПРФ, на мой взгляд, – это партия, в которой доминируют национал-социалистические и просталинские тенденции. Чтобы в этом убедиться, не надо далеко ходить – достаточно прочитать последние труды г-на Зюганова. Там мы, например, найдем, что, оказывается, «хрущевская оттепель» – это был первый этап реализации дьявольского плана некоего врага – автор называет его «международной закулисой» – по развалу России. Соответственно, видимо, и хрущевская реабилитация репрессированных, возвращение их из лагерей тоже были элементами этого дьявольского плана. Отсюда вроде бы понятно, что будет делать г-н Зюганов в том случае, если его изберут президентом России. Перед нами возникнет опасность возврата к реальности до XX съезда.

Гайдара спросили, что он и его соратники станут делать, если победа коммунистов на выборах станет свершившимся фактом.

– Мы сделаем все возможное, – сказал Гайдар, – чтобы сохранить очаги здравого смысла и демократии в отдельных регионах России (а есть регионы, где наверняка у власти будут демократические или умеренные губернаторы, главы администраций, мэры городов). Мы попытаемся использовать эти регионы для сохранения элементов гражданского общества. Мы будем вести тяжелые арьергардные бои за защиту частной собственности в России, против попыток национализации. Мы будем участвовать в местных выборах и использовать их для того, чтобы количество некоммунистических регионов увеличилось, и использовать их для антикоммунистической пропаганды и агитации. И мы абсолютно убеждены в том, что провал очередного коммунистического эксперимента в значительной степени изменит общественное отношение в стране и к коммунистам, и к демократии и к демократическим реформам...

Гайдар едет в Нижний уговаривать Немцова

Помимо Ельцина и Явлинского, Гайдар все еще держит на прицеле Бориса Немцова. 7 марта он специально едет в Нижний Новго-

род, чтобы уговорить тамошнего губернатора изменить свое решение не баллотироваться в президенты. Объясняя депутатам местного законодательного собрания смысл предпринимаемых им усилий, Гайдар сказал, что, по его мнению, в деле противостояния коммунистам и кандидатура Ельцина, и кандидатура Явлинского достаточно уязвимы, поэтому он, Гайдар, надеется выдвинуть от демократов другую, более сильную кандидатуру.

Увы, этим надеждам не суждено было осуществиться. Переговоры Гайдара с Немцовым, проходившие за закрытыми дверями, длились около часа. По их окончании ни тот, ни другой ничего не сказали журналистам. Результат переговоров стал известен лишь вечером. На пресс-конференции Гайдар сообщил, что ему не удалось переубедить Немцова. Лидер ДВР был сильно расстроен и заявил, что дальнейшие поиски единого демократического кандидата считает бесперспективными.

И ВСЕ-ТАКИ, МОЖЕТ БЫТЬ, – ЧЕРНОМЫРДИН?

Герой Буденновска

Был ли все-таки какой-то выход из тогдашней почти беспросветной ситуации, не связанный с поддержкой безнадежной, как тогда казалось, кандидатуры Ельцина? Один из немногих достаточно перспективных вариантов такого выхода демократы, как уже говорилось, связывали с именем Черномырдина. Сделать ставку на него как на кандидата в президенты представлялось вполне логичным шагом. В момент его назначения главой правительства в декабре 1992 года никто не воспринимал Черномырдина как демократа. Однако, попав в русло либерально-демократических реформ, он мало-помалу пообтесался, пообкатался и стал выглядеть вполне приемлемым для демократического лагеря. Надежность и основательность «крепкого хозяйственника», которые поначалу настораживали, со временем, в обстановке перманентной нестабильности, напротив, стали казаться привлекательными качествами. В реформах он хоть и не сильно продвинулся вперед, но и отката не допустил. Была надежда, что, став президентом, он, по крайней мере, будет продолжать в таком же духе.

Особенные симпатии либеральной интеллигенции Черномырдин завоевал после Буденновска. Как мы помним, в качестве приоритета – не на словах, а на деле – он тогда принял спасение заложников, ради этого позволив боевикам уйти в Чечню. Такой расклад предпочтений, как известно, в общем-то совсем не характерен для российских властей. Разумеется, будучи осторожным чиновником, Черномырдин наверняка согласовал свои действия с Ельциным, не мог не согласовать, однако народная молва прочно связала этот благородный и гуманный вариант разрешения буденновской драмы именно с личностью премьера.

Линию на переговоры с дудаевцами Черномырдин отстаивал и в дальнейшем, что еще больше укрепило его авторитет среди демократов.

«Шамиль Басаев, я вас плохо слышу!»

(Из написанного в те дни. 30 января 1996 года)

Говорят: Восток понимает только силу. Однако прошлым летом мы могли убедиться, что и московский «Запад» с одной только силой и считается. Отчаянная, дерзкая диверсия Басаева в Буденновске сделала то, чего не смогли сделать ни увещевания настоящего Запада, ни протесты и требования отечественных демократов и правозащитников, — посадила кремлевских воителей за мирный стол переговоров. Только благодаря грубой силе в их мозги на короткий миг снизошло просветление.

В те неполных три месяца казалось, что разум наконец восторжествовал, что главное теперь — железное мужское терпение, способное устоять перед всяческими провокациями, позволяющее удержаться на мирной тропе, не вернуться на тропу войны.

Довольно долго такое терпение выказывал Черномырдин, не устававший повторять: «Мы будем продолжать переговоры... Мы будем продолжать переговоры...»

Это переговорное настроение премьера, мы помним, особенно четко обозначилось после того самого июньского телефонного разговора. Такого в нашей истории еще не было. Один из небожителей, олимпийцев беседовал с руководителем... «боевиков», «террористов», «бандитов»... Все ли поименования я перечислил? Короче, с тем самым Шамилем Басаевым. Так сказать, снизошел. Беседовал из самых что ни на есть правительственных покоев. Вся страна видела.

Итак, разговор об освобождении заложников. Важный момент — выбрать правильную интонацию. Все-таки на том конце провода — этакое чудовище, этакий монстр... Головорез. Черномырдин избрал привычный для него деловой тон. Есть некая проблема... Скажем даже так — хозяйственная проблема. Надо ее решить. Так в чем же дело? Что для этого требуется? Прекратить огонь в Чечне? Прекратим. Сесть за стол переговоров? Сядем. Как будто не просили об этом последние полгода газеты, демократические митинги, солдатские матери, наконец руководители зарубежных государств, деятели международных организаций... Единственным весомым аргументом для прекращения огня и начала переговоров оказалось дуло автомата, приставленное ко лбу. Ну, пусть не ко лбу самого Черномырдина — ко лбам тысячи с лишним заложников в Буденновске.

Так вот Черномырдин избрал привычный для себя деловой тон. Почему задержка? Какие проблемы? Что еще от меня требуется? Раз-

говаривал то на «вы», то на «ты», как и заведено в среде хозяйственных начальников. Даже терминологию использовал хозяйственную. Как, началась ЗАГРУЗКА в автобусы? Кто ЗАГРУЖАЕТСЯ? Раненые? Боевики? Требовал от Басаева скорейшего освобождения пленников таким тоном, как будто тот мешкал с выполнением квартального плана по добыче газа.

Переговоры с Басаевым, приведшие в конце концов к вызволению заложников, – большой политический успех Черномырдина, который, без всякого сомнения, зачтется ему в его будущей карьере (не важно, останется он премьером или нет). Ельцинская обслуга, да и сам Черномырдин (по понятным причинам) часть этого успеха сразу же поспешили откромсать в пользу главного кремлевского сидельца: он, дескать, все время был в курсе, с ним все обсуждалось и согласовывалось. Наверное, это и в самом деле так. Однако сам он, сиделец, почему-то пальцем о палец не ударил, чтобы предпринять что-либо подобное.

Мне говорят: бросьте, все это был просто хорошо разыгранный спектакль. Черномырдину дали отличиться, чтобы настроить в его пользу депутатов перед думским голосованием о доверии правительству. Ну что ж, спектакль так спектакль. Если он спасает сотни жизней, я за такие спектакли. Однако независимо от того, специально ли это все было разыграно или нет, та роль, которую взял на себя Черномырдин, весьма естественна и органична для него. Он прагматик, хозяйственный практик. Эта безумная чеченская война для него – как кость в горле. За месяцы, прошедшие с ее начала, он не однажды позволял себе всякого рода миротворческие заявления, хотя затем всякий раз, видимо осаживаемый Ельциным, произносил свою сакраментальную фразу: «В Чечне вести переговоры не с кем».

Как всякий достаточно умный человек, Черномырдин не может не понимать всю двусмысленность обвинений, адресуемых Басаеву, – обвинений в жестокости, бесчеловечности и т.д. Он, конечно, жесток, но вправе ли об этом говорить люди, отдавшие приказ о военных действиях в Чечне, – действиях, которые обернулись неслыханными зверствами по отношению к мирному населению в этой республике? Вправе ли выступать с обличениями те, кто непосредственно осуществляет эти неслыханные зверства, кто ежедневно обрушивает на чеченские города и села огонь «Градов» и «Ураганов», вакуумные, шариковые, игольчатые бомбы, напалм, отравляющие газы, кто избрел садистские фильтрационные пункты?.. Басаев, конечно, «бандит», но такой, у которого не считающие себя таковыми восстано-

тели «конституционного порядка» в Чечне убили, как сообщалось в прессе, почти всех родных, в том числе жену и шестерых малолетних детей. Это тоже стоит принимать в расчет.

Премьер разговаривает с диверсантом под наставленными на него зрачками телекамер... И контраст между простоватым, демократичным председателем правительства, с одной стороны, и вечно надувающим щеки, говорящим о своем величестве не иначе как в третьем лице президентом – с другой, очевиден. Ельцину советники и советчики, видимо, постоянно внушают, что он не должен вести разговоры и переговоры с кем попало, чтобы не уронить свое президентское достоинство. Будь эти советники и советчики поумней, они поняли бы, что иногда для сохранения этого достоинства следует как раз наплевать на все и всяческие условности.

Разумеется, во время деловых телефонных бесед премьер-министр без труда объегорил храброго и жестокого, но неискушенного в дипломатии, по-детски наивного чеченца. Прекращение боевых действий... На какой срок? На один день? На два? На неделю? Насовсем? Ничего этого не было оговорено. Начало переговоров... Так ведь сколько раз они уже начинались! И сколько раз заканчивались ничем. При желании все можно в одночасье прервать, поломать, порушить...

Уже на следующий день после освобождения заложников наследник генерала Ермолова милицейский полководец Куликов стал поливать из «Ураганов» район, где растворилась в горах и лесах группа Басаева, а на переговорах в Грозном предъявил чеченцам ультиматум о выдаче «террористов» в трехдневный срок. Иначе, дескать, переговоры будут прерваны. Как вы понимаете, договариваясь с Черномырдиным, Басаев совсем не такие переговоры имел в виду. На сей раз Черномырдин приструнил Ермолова-Куликова, – надолго ли?

В дни буденновского кризиса Басаев то и дело твердил, что ему не удастся найти с российской стороны ни одного человека, который отвечал бы за свои слова. Поэтому он и вынужден апеллировать на самый верх – к самому Черномырдину. Однако получилось так, что и Черномырдин своему слову не хозяин. В отличие от столь презираемого и поносимого всеми чеченского диверсанта, который, однако, выполнил все, что обещал.

Было хорошо видно, как премьера, проявившего склонность к мирным переговорам, обкладывают со всех сторон. Как спокойно, методично при этом действуют. Там взрыв, здесь взрыв... Там убийство русской семьи, здесь убийство русской семьи...

В один прекрасный день Черномырдина, олицетворявшего после Буденновска мирный курс в Чечне, небрежно, плечиком оттерли от чеченских дел – туда отправился Лобов, один из тех, кто, собственно, и затеял там бойню год назад...

Удержаться на мирной тропе не удалось. Вновь победила партия войны. Сигналом к ее возобновлению стало назначение выборов нового чеченского «президента». В сущности, кремлевские мудрецы снова вернулись к стратегии раскола чеченского общества – той самой стратегии, которую пытались реализовать до декабря 1994 года.

Конечно, расколотый народ легче скрутить в бараний рог, однако сегодня московские правители так же далеки от достижения этой своей первоначальной цели, как и год с лишним назад. Зато неисчислимым урон, который они нанесли чеченской войне России. И самим себе.

Введя войска в Чечню, Ельцин, по существу, совершил политическое самоубийство. Он поставил крест на том Ельцине, за которого голосовала страна 12 июня 1991 года. И что бы он теперь ни сделал, он уже не сможет в глазах народа вернуть себе свой прежний образ.

Из-за ввода войск было подорвано доверие ко всей нынешней правящей верхушке. За минувшие месяцы люди, в нее входящие, не раз имели возможность в этом убедиться.

Наконец, без сомнения, чеченская авантюра – одна из главных причин, почему коммунисты победили на недавних выборах в Думу.

Конечно, марксисты-ленинцы и сами никогда не останавливались перед развязыванием войны. Нападения на Польшу, Финляндию, Венгрию, Чехословакию, Афганистан – это все (и многое другое) на их совести. Да и над самой Чечней они в былые времена немало поизгалялись. Однако, к их счастью, народ наш не помнит старые грехи... Как и вообще плохо помнит свое прошлое – об этом уже говорилось.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать: если война будет продолжаться, большевики победят и на выборах президентских.

А потому самое малое, что следует сейчас сделать, – немедленно, пока до выборов еще остается какое-то время, вывести войска из Чечни. Других вариантов нет. Нелепый фарс с чеченским голосованием на «президентских выборах» – это последняя глупость из отпущенного российскому руководству лимита глупостей и ляпсусов.

При всем моем скептическом отношении к Черномырдину, мне иногда в голову приходит мысль: а может быть, действительно именно он способен сыграть ключевую роль в выводе войск и, соответ-

ственно, стать главным выдвиженцем от демократических сил на президентских выборах? Возможно, все-таки он – единственный, у кого есть хоть какие-то шансы остановить рвущегося в президентские апартаменты Зюганова. Укрепление приобретенного после Буденновска имиджа миротворца, без сомнения, окажет ему в этом благородном деле существенную подмогу.

Таково было мое настроение в те дни. Его разделяли многие. Хотя о необходимости скорейшего вывода войск говорилось, пожалуй, не так уж часто. От властей требовали переговоров. И власти, подталкиваемые предвыборным общественным мнением, потихоньку поворачивались в эту сторону. Политические очки набирали те деятели, кто хотя бы сквозь зубы, с оговорками и экивоками, признавал: переговоры действительно необходимы. Здесь ярко высвечивалась одна из главных ценностей демократической выборной процедуры: возможность обменять свои голоса на разумные, осмысленные действия властей предержащих – на действия, которых в любом ином случае народу, скорее всего, не удалось бы добиться.

Ельцин не хочет никаких дублеров

Черномырдина вовсе не обязательно было выставлять как альтернативу Ельцину, их вполне можно было бы выдвинуть кандидатами одновременно. Так, чтобы премьер играл роль президентского дублера. При том безнадежном рейтинге и при том состоянии здоровья, какие в тот момент были у Ельцина, такой дублер стал бы спасением и для самого президента, и для страны. В случае чего, если бы Ельцин сошел с дистанции (а мы теперь знаем, что он в самом деле не раз бывал на волоске от этого), премьер вполне мог бы его подменить, составить достойную альтернативу рвущимся к власти коммунистам.

Собственно говоря, многие ожидали именно такого развития событий. В одной из статей, опубликованной в «Известиях» 30 января, выдвигалось как раз такое предположение – что Ельцин и Черномырдин могут включиться в избирательную кампанию параллельно, что именно таков, в частности, тайный план «Нашего дома – России»

(официально НДР поддерживал выдвижение одного Ельцина). Благодаря одновременному вступлению Ельцина и Черномырдина в предвыборную кампанию будет обеспечена более массированная атака на коммунистов. При этом, как полагал автор, не исключено, что на каком-то этапе один из этих двоих (не обязательно Черномырдин) снимет свою кандидатуру в пользу партнера. Утверждалось, что такая схема предлагается некоторыми аналитиками даже в президентском окружении.

Увы, особенности ельцинского характера были таковы, что он и слышать не хотел ни о каком дублере. Трудно сказать, чего в этом нежелании было больше – безграничной самоуверенности – я, мол, и так выиграю выборы – или ревности к потенциальному претенденту на его, Ельцина, кресло.

Зная об этих ельцинских настроениях и строго соблюдая правила аппаратного этикета, сам Черномырдин, как говорится, руками и ногами отмахивался от предложений вступить в президентскую гонку. А таких предложений становилось все больше и больше. В конце января появились сообщения, что в Санкт-Петербурге, Оренбурге, других городах создаются инициативные группы по выдвижению Черномырдина кандидатом в президенты.

30 января в северной столице состоялось собрание такой группы. В нем участвовали представители ДВР, «ДемРоссии», Христианско-демократического союза, других организаций (представителей НДР замечено не было). В принятом заявлении говорилось, что необходимо сохранить преемственность в отношении курса реформ и объединить реформаторские силы вокруг авторитетной политической фигуры, каковой является Виктор Черномырдин. В числе главных плюсов премьера были как раз отмечены его миротворческие шаги, связанные с войной в Чечне. Черномырдина просили дать согласие баллотироваться на пост президента.

Позднее сопредседатель «ДемРоссии» Галина Старовойтова так объясняла смысл этого выдвижения: «Мы хотим ему (Черномырдину. – О.М.) помочь и вбить клин между ним и Ельциным, мы играем на победу умеренных реформированных коммунистов – Черномырдина, Лужкова, Сосковца, Бакатина, Вольского, Гончара...»

Однако уже на следующий день, 31 января, в интервью ИТАР-ТАСС Черномырдин, находившийся в тот момент в США, довольно резко отозвался обо всех этих хлопотах. «Я этого не приемлю, – сказал он. – Я об этом не слышал, и я этого не приемлю. Мы работаем с президентом, все будет идти как надо. Я в эти игрушки не играю».

3 февраля Черномырдин неожиданно отправился в двухнедельный «плановый» отпуск в Сочи. В прессе этот отъезд тоже связали с возникшей вокруг его фигуры странной предвыборной суетой. Дескать, у премьера был неприятный разговор с президентом и тот посоветовал ему на время покинуть столицу.

«Независимая газета»:

«Тот факт, что инициативная группа в Петербурге выдвинула Черномырдина кандидатом в президенты, и несмолкающие разговоры о Черномырдине как едином кандидате от демократов произвели, как утверждают, на Ельцина самое неблагоприятное впечатление. Что и ожидалось. И двухнедельный отпуск «возник» как следствие тяжелого разговора, состоявшегося между президентом и премьер-министром, в ходе которого премьеру было рекомендовано отъехать из столицы на отдых и не смущать своим присутствием, не «соблазнять» своей персоной демократов...»

Шли и еще дальше – утверждали, будто зимний отпуск Черномырдина – прелюдия к его скорой отставке.

Ельцинская пресс-служба все это опровергала: дескать, отпуск премьера – вполне рядовое событие, за которым ничего не скрывается.

8 февраля в беседе с группой журналистов Черномырдин разъяснил свою позицию насчет президентских выборов уже более спокойно и более вежливо (по отношению к своим поклонникам):

– Конечно, хотел бы поблагодарить за доверие... В то же время хочу сказать: по-человечески, да и по-мужски мне было бы нелегко, да и невозможно отступить от принципов товарищества, от пережитого за те три года, которые я проработал бок о бок с Борисом Николаевичем Ельциным. И если действующий президент сделает свой выбор баллотироваться на второй срок, то здесь я, конечно, соперником ему быть не хочу и не буду. Как глава правительства я реализую именно президентский курс на реформы, и никакой другой. Поэтому поддержка моей кандидатуры – это по сути вещей, по политической логике – прежде всего поддержка президента.

В свою очередь, лидер думской фракции «Наш дом – Россия» Сергей Беляев, разъясняя сложившуюся ситуацию, также упирал на этический момент: «Глубокая порядочность Черномырдина не позволяет ему выставлять самостоятельно свою кандидатуру или выставлять ее в противовес Ельцину».

Несмотря на все эти заявления, петербургская инициативная группа по выдвижению Черномырдина была в числе прочих зарегистри-

стрирована 9 февраля в Центризбиркоме. Собственное согласие кандидата на этом этапе не требовалось.

В общем-то можно сказать, что ситуация с невыдвижением Черномырдина в президенты – это свидетельство тогдашнего младенческого возраста нашей политической этики, неразвитости отношений между политиками, их, так сказать, совковости. При чем здесь «принципы товарищества», «пережитое за три года», «глубокая порядочность», когда речь идет о решении важнейшей для страны задачи – спасения ее от угрозы коммунистического реванша?

Впрочем, надо сказать, до момента окончания регистрации кандидатов – 15 апреля – у Черномырдина еще сохранялась теоретическая возможность стать-таки полноценным кандидатом в президенты – ведь инициативная группа по его выдвижению действовала, собирала необходимые подписи. Случись что до этого срока с Ельциным, и премьер вполне мог бы по-настоящему вступить в игру.

Черномырдин на крючке у Коржакова

Коржаков в своих мемуарах, разумеется, все это оборачивает против премьера. «Виктор Черномырдин, – пишет бывший ельцинский охранник, – тоже, правда негласно, собирал подписи, чтобы выставить свою кандидатуру на грядущих президентских выборах. И собрал почти полтора миллиона. Его доверенные лица старались работать с избирателями как можно незаметнее. Но, разумеется, Служба безопасности президента о «тайной» акции премьера знала».

Трудно себе представить, как это можно «негласно» и «незаметно» собрать полтора миллиона подписей. Вот уж действительно нужно быть выдающимися Шерлоками Холмсами, чтобы эту «тайную» акцию обнаружить. Как уже говорилось, инициативная группа собирала автографы избирателей вопреки воле Черномырдина, несмотря на его неоднократные протесты. Вряд ли он был тут неискренен.

Естественно, после того как коржаковская агентура «обнаружила» предвыборную активность Черномырдина, премьер оказался на крючке у начальника президентской охраны и стал, по уверениям Коржакова, искать с ним встречи, чтобы объясниться.

«С середины февраля, – пишет Коржаков, – Черномырдин постоянно предлагал мне встретиться и поговорить. Я же умышлен-

но тянул время, дожидаясь того момента, когда будет поздно нести подписные листы в Центральную избирательную комиссию. Внутреннее чутье подсказывало: без этого разговора премьер не решится выставить свою кандидатуру на выборах».

Регистрация кандидатов закончилась, как уже было сказано, 15 апреля, а разговор Черномырдина с Коржаковым состоялся аккуратно на следующий день, 16-го, в так называемом Президентском клубе — заведении для избранных, которое в свое время организовал сам Коржаков. Понимая, что его подслушивают и записывают, Черномырдин изъяснялся крайне осторожно, в основном поддакивал президентскому охраннику.

Больше всего в тот момент премьера беспокоило, что кто-то, как он полагал, «наговаривает» на него президенту. Насколько можно понять, в первую очередь он подозревал тут самого Коржакова: тот, мол, нашептывает Ельцину, что премьер собирается «подсидеть» его на президентском посту. Но прямо сказать о своих подозрениях Коржакову Черномырдин, естественно, не решился.

«**Черномырдин.** Еще один вопрос. Кому надо постоянно меня с шефом сталкивать?

Коржаков. В каком плане?

Черномырдин. Во всех планах. Даже, может быть, не сталкивают, а разводят. Видят во мне недруга. Мне, конечно, это по фигу, но всегда это исходило из Администрации... Я говорил Илюшину (первый помощник президента. — **О.М.**), что не могу понять, откуда происходит сталкивание.

Коржаков. Илюшин никогда в эти дела не вмешивается.

Черномырдин. Да, он мне сказал.

Коржаков. Он опытный партийный работник.

Черномырдин. Единственное, он мне подтвердил, что видит все. Если это дело Батурина... Но я не думаю, что он так близок к президенту, чтобы влиять. Но кому-то вот надо».

Самый близкий к президенту человек — Коржаков. Ему-то, без сомнения, прекрасно известно, кто и о чем уведомляет его шефа. Он не говорит, кто именно вкладывает в уши Ельцину негативную информацию о Черномырдине, но намекает премьеру, откуда ветер дует:

«**Коржаков.** Если вы едете в командировку, а люди ваши вечером потом собираются и пьют не за здоровье нашего президента, а за здоровье президента Черномырдина... Не стеснясь.

Черномырдин. Да ты что?!

Коржаков. Да.

Черномырдин. Вот те, которые рядом со мной?

Коржаков. Да, которые рядом с вами... Окружение делает вам много вреда.

Черномырдин. Я могу только одно сказать. Я не могу ни за кого поручиться, я не тот человек... Вот так взять и просто предать (имеется в виду – предать президента. – **О.М.**). Мне это противно. У меня и возраст такой, что мне это не надо. Я сам нахожусь на пределе. У меня работа непростая.

Коржаков. Конечно.

Черномырдин. И чтобы я в это время играл еще в какую-то вторую игру?

Коржаков. По идее, вам некогда играть. Но за вас ее играют.

Черномырдин. Опять где-то проскочило: «Дайте интервью, что вы не будете баллотироваться».

Коржаков. Виктор Степанович, а вообще кто придумал, что вам нужно баллотироваться? Ведь по Конституции, если с президентом что-то случается, за него вы так и так остаетесь. Вы могли спокойно всех отместить: «При живом президенте я не могу. Если что-то случится, тогда я и так буду (президентом. – **О.М.**)».

Черномырдин. Александр Васильевич, мне никто не мешал, если бы мне нужно было, я бы начал (собственную избирательную кампанию. – **О.М.**)».

Забавно видеть, как председатель правительства России заискивает перед президентским охранником, убеждает его в своей девственной чистоте и невинности. И ведь на этого человека многие собирались тогда ставить!

Коржаков уверяет Черномырдина, что это не он доносит президенту на премьера: он, дескать, о Черномырдине со своим шефом «последние два года вообще не разговаривал». «Другое дело, что я свое мнение со стороны могу иметь», – говорит начальник СБП.

Вряд ли Черномырдин верит этому. Прямо это неверие не выражает, но в общем-то в его речах оно проскальзывает. По его словам, «какое-то время он думал»: вся негативная информация о нем попадает к президенту именно через Коржакова, через его службу, – но теперь он убедился, что зря так думал: «Нет, это не ты. Но кто-то есть, я в этом не сомневаюсь».

Кто именно «стучит» на него Ельцину, Черномырдин в том разговоре доподлинно так и не узнал.

Коржаков продолжает намекать, что все зло исходит от черномырдинского окружения, а Черномырдин – уверять, что он ни сном ни духом не помышлял о «предательстве», то бишь о том, чтобы баллотироваться в президенты. Между тем, как мы видели, Коржакову известно о сборе подписей в пользу кандидатуры премьера. Такая вот игра в кошки-мышки.

«Черномырдин. ...За моей спиной, может быть, есть и предатели и что хотите, но я ничего такого не сделаю. Меня пытались и сейчас уговорить: «Давай» (то есть «выдвигай свою кандидатуру в президенты». – О.М.). Я говорю: «Нет, нельзя этого делать. Нам нужен сегодня Ельцин для того, чтобы удержать страну». И ему я это говорил тысячу раз: «Борис Николаевич, не надо меня толкать, не надо, только Ельцин сейчас нужен стране. Не Черномырдин и никто другой»...

Коржаков. Ваши помощники многие нечистоплотные.

Черномырдин. Согласен, наверное.

Коржаков. Ваши очень близкие люди.

Черномырдин. Меня это очень волнует... Вообще о нашей ситуации сейчас... Все смотрят и думают: «А вдруг там Черномырдин что-то выкинет». Не надо мне этого.

Коржаков. Я же говорю, что ваше окружение так говорило. Стоя выпивали не за нынешнего, а за будущего президента... Виктора Степановича Черномырдина. Чокались, не стесняясь. А я-то за нынешнего президента.

Черномырдин. Александр Васильевич, неужели вы думаете, что при мне так бывает? Никогда (во вполне партийно-советском стиле Черномырдин обращается к собеседнику то на «ты», то на «вы». – О.М.).

Коржаков. Но, наверное, какой-то повод для этого дается (еще бы не было повода – полтора миллиона собранных подписей! – О.М.).

Черномырдин. Нет, это исключено».

Черномырдин так и не решился зарегистрироваться в качестве кандидата на президентских выборах. Коржаков вполне логично предполагает, что именно остановило «одного из самых перспективных претендентов»: «Возможно, он понимал: если Ельцин победит, то никогда не простит измены. А в свою победу Виктор Степанович не очень-то верил».

Респектабельный коммунист

1 февраля в швейцарском Давосе открылся очередной Всемирный экономический форум, ставший в 90-е годы весьма популярным. Сразу же было объявлено – об этом сказал основатель форума и его президент Клаус Шваб, – что первостепенное внимание на нем будет уделено предстоящим в России президентским выборам и их влиянию на общую ситуацию в мире. Особый интерес к этой теме подогревался еще и тем, что на форуме самолично присутствовал фаворит предвыборной гонки – Геннадий Зюганов.

Он впервые появился в Давосе. К своему участию в форуме лидер российских коммунистов, по-видимому, подготовился тщательно. Было вполне очевидно, какую основную цель он себе поставил, – во что бы то ни стало убедить представителей западной экономической и политической элиты, что он как наиболее вероятный будущий президент России вполне приемлем для Запада, что он разделяет основные ценности западной цивилизации, более того – что с ним, Зюгановым, демократическому миру будет гораздо удобнее иметь дело, чем с Ельциным или с кем-либо еще. Цель, казалось бы, недостижимая, тем не менее нельзя сказать, что Зюганов не добился успеха, преследуя ее.

На все ключевые вопросы, интересующие западных участников форума, у него были готовы ответы, ласкающие слух аудитории. Приведу некоторые из них.

О многоукладности экономики (тема, которой Зюганов касался чаще всего и с видимым удовольствием):

– Надо найти правильное соотношение государственных, коллективно-долевых и частных форм собственности при условии, что все подчиняется закону, вовремя платят налоги и система организации хозяйства так построена, что выгодно работать, а не воровать и пьянствовать.

Не ясно, правда, каким конкретно представлялось Зюганову «правильное соотношение» различных форм собственности.

О национализации:

– Государственный контроль необходим в ключевых отраслях экономики, но не может быть и речи о широкой национализации собственности, если наша партия придет к власти. Мы понимаем, что если завтра у кого-то начнут отнимать, то послезавтра по всей стране – от Мурманска до Владивостока – будут стрелять. Те приватизированные предприятия, которые хорошо работают и соблюдают трудовое законодательство, будут иметь все возможности работать и дальше. Опасность будет грозить лишь тем предприятиям, которые уничтожают, ликвидируют, разворачивают производственную базу, но этим должны заниматься соответствующие органы, как в любой стране, строго по закону.

О потенциальных инвесторах, желающих вложить деньги в российскую экономику:

– Если они будут знать правила игры, если они получают свою выгоду, а мы будем развивать производство, долгосрочные программы, они с удовольствием будут вкладывать.

Еще о том же:

– Мы за долгосрочные связи. За то, чтобы они, вкладывая, получали и свои прибыли, а мы развивали современные технологии, создавали дополнительные рабочие места.

О ситуации в России:

– В нашей стране есть опасения у всех жителей, в том числе и у инвесторов, что положение может окончательно развалиться, дестабилизироваться. Поэтому наша точка зрения – и она сформулирована во всех документах, – надо без потрясений и гражданской войны нормализовать весь промышленно-производственный процесс.

Такое ощущение, что Зюганов действительно знает, как без потрясений все нормализовать и стабилизировать. Стоит только ему прийти к власти, и он обратит это знание в дело.

Отвечая тем, кто не находит больших различий между КПРФ и КПСС, Зюганов уверял, что различия между ними огромные: КПСС «была не партией, а системой управления страной», в то время как КПРФ – полноценная политическая партия, в отличие от своей предшественницы она выступает за многоукладную экономику и политический плюрализм, КПРФ отказалась от атеизма, открыта для диалога с любыми политическими силами.

Интерес к Зюганову в самом деле был необычайно велик. Его нарасхват приглашали на разнообразные завтраки и обеды, его выступления собирали полные залы. Параллельно он давал многочислен-

ные интервью зарубежной прессе. По его собственным подсчетам, уже в первый день форума их было пятнадцать. Естественно, в них он также пытался предстать современным респектабельным политиком. Так, в интервью агентству Рейтер 2 февраля он заявил, что возвращение к системе госмонополии в экономике – системе, существовавшей в советские годы, – ныне невозможно: это привело бы к кризису. По словам Зюганова, свою основную задачу коммунисты видят в том, чтобы создать условия, при которых люди могли бы ощутить адекватную отдачу от своего труда, независимо от того, в каком секторе экономики они работают – государственном или частном.

Ну, что вы скажете? В самом деле, этакий «умеренный социал-демократ», «коммунист с человеческим лицом»!

Надо сказать, усилия Зюганова не были напрасны. Многие собравшиеся в Давосе, хотя и далеко не все, готовы были принять либеральные речи российского коммунистического вожака за чистую монету.

В дело вступает Чубайс

4 февраля на форуме состоялось заключительное пленарное заседание по российской тематике. Казалось, эта тематика закрыта. Однако на следующий день она получила неожиданное предложение, причем совсем на другом уровне накала. В этот день пресс-конференцию провел Анатолий Чубайс. Было такое ощущение, что он специально примчался на швейцарский курорт, чтобы как-то нейтрализовать Зюганова, ослабить впечатление от его речей, магически действующих на многих – доверчивых и наивных – западных граждан.

Бывший первый вице-премьер 45 минут говорил по-английски и еще полтора часа по-русски. Он довольно быстро покончил с вопросом о своей отставке, сказав, что он прежде всего экономист, а не политик, и вообще президент вправе по своему усмотрению решать кадровые вопросы, после чего перешел к коммунистам и персонально к Зюганову. По словам Чубайса, сейчас, в 1996 году, у российских коммунистов есть последний, вполне реальный шанс прийти к власти, и они постараются его использовать. Этой цели подчинено, в частности, и то, что Зюганов делает здесь, в Давосе.

– Существует два Зюганова, – сказал Чубайс, – Зюганов для международных финансовых кругов и Зюганов для внутреннего употребления.

Первый, по словам Чубайса, — весьма привлекательная фигура. Он за многоукладность экономики, за частную собственность, против национализации, за зеленый свет для инвесторов, за политический плюрализм...

— Посмотрите, какая душка! — воскликнул Чубайс. — Просто душа радуется! Так и хочется вступить в КПРФ.

(Позднее, уже в Москве, Чубайс сказал, что за пять лет своих поездок на давосский форум он не дал столько обещаний иностранным инвесторам, сколько коммунистический вожак дал за пять дней пребывания на одном таком форуме.)

Зюганов для внутреннего употребления являет собой прямо противоположный образ. Чубайс сопоставил речи коммунистического вождя в Швейцарии с тем, что говорится по этому же поводу в программе КПРФ, принятой на III съезде этой партии в январе 1995 года, и с тем, что говорит об этом сам Зюганов, но уже в России. Так, во втором разделе партийной коммунистической программы утверждается, что необходимо «возвратить народу и взять под контроль государства имущество, присвоенное вопреки общественным интересам». Кто будет решать, вопреки оно «присвоено» или не вопреки? Надо полагать, сами же коммунисты и будут решать. Как после 1917 года. Впрочем, тогда с частными собственниками вообще не церемонились, все подряд у «эксплуататоров» отбирали. Далее в том же разделе программы говорится, что на первом этапе действительно необходимо сохранить «экономическую многоукладность» (то самое, о чем Зюганов без устали пел в Давосе), второй этап будет «переходным», а на третьем уже станут доминировать общественные, то есть в понимании коммунистов государственные, формы собственности, и мало-помалу утвердятся их «господство». Согласно программе, КПРФ будет добиваться «национализации или конфискации имущества, присвоенного вопреки закону, интересам страны и правам трудящихся» (опять эта загадочная формула — «вопреки интересам страны»).

Если сейчас в частном секторе производится 76 процентов ВВП, сказал Чубайс, то компартия домогается прямо противоположного — национализировать не менее 75 процентов частной собственности.

В общем получается, что на Западе «респектабельные» российские коммунисты заывают инвесторов, а в России, у национальных инвесторов, намереваются конфисковывать собственность.

Что касается собственных «российских» высказываний Зюганова, Чубайс сослался, в частности, на его интервью газете «Завтра», опубликованное в апреле 1995 года. В этом интервью Зюганов зая-

вил, что эмиссары из МВФ и прочих мировых финансовых центров ведут себя в России как гитлеровские гауляйтеры. А доллары, по его мнению, ударили по российской экономике сильнее фашистских танков и самолетов. Между тем в Давосе Зюганов упорно добивался – и добился-таки – встречи с этими самыми «гауляйлерами» – представителями МВФ.

Надо к тому же учесть, добавил Чубайс, что КПРФ входит в Союз компартий, а эта организация среди прочего планирует ввести государственную монополию на банковское дело, национализировать банковскую, биржевую и страховую деятельность. Своим кандидатом в президенты Зюганова считают и радикальные коммунисты Анпилова...

Холодный душ на разгоряченные головы

Чубайс высказал надежду, что после первой эйфории, в которую их погрузили сладкие речи Зюганова, иностранцы поймут: главное, за что он ратует, – это за возвращение Советов, национализацию предприятий, банков и т.д. Важно, чтобы западные слушатели Зюганова ясно осознавали, что стоит за его «либеральными» высказываниями.

То, что некоторые участники давосского форума приравнивают Зюганова к реформированным коммунистам, пришедшим к власти во многих восточноевропейских странах, сказал Чубайс, показывает: они «не понимают, что услышанное ими – все та же старая традиционная классическая коммунистическая ложь». Первым шагом коммунистов, если их лидер будет избран президентом, станет «подавление свободной прессы»: «им не выжить в условиях свободы слова и печати». Вслед за этим президент-коммунист «отправит всех своих политических оппонентов за решетку».

Выступление Чубайса стало холодным душем для тех на Западе, кто, ничтоже сумняшеся, записал Зюганова в «умеренные социал-демократы». Чубайс прямо заявил: Запад в немалой степени будет нести ответственность за возможный приход Зюганова к власти и за реванш коммунистических сил в России. По словам Чубайса, в реальности предлагаемая коммунистами политика «неизбежно приведет к большому кровопролитию в России». Миллионы россиян, для которых собственность стала средством существования – роз-

нические торговцы, ремесленники, мелкие производители, — окажутся перед выбором: бежать из страны или сражаться за нажитое.

В Давосе Анатолий Борисович в очередной раз удивил и Россию, и мир. Отбросив свои личные обиды, если они у него были, — обиды, связанные с недавним отстранением от высокой правительственной должности, — он предстал в новом качестве — в качестве наиболее энергичного борца против возвращения коммунистов к власти (опасность коммунистического реванша в России Чубайс оценил как очень высокую). Фактически по собственной инициативе, так сказать, на общественных началах (по его собственным словам, он находился в Давосе «в неопределенном качестве») он выступил как доверенное лицо Ельцина — единственного кандидата, который, как считал Чубайс, в тот момент был способен остановить победное шествие коммунистов.

Стоило ли его разоблачать?

В разговоре с Чубайсом, который у меня состоялся по прошествии многих лет, я спросил его, действительно ли он тогда отправился в Давос специально, чтобы «дать отлуп» Зюганову, который там в это время пудрил мозги наивной западной публике, прикидываясь таким социал-демократом, чуть ли не либералом.

— Да нет, — отмахнулся Анатолий Борисович. — Я просто ездил туда в то время каждый год в течение нескольких лет. И вот приехал в очередной раз. И там вдруг обнаружил Геннадия Андреевича и моих друзей — президентов крупнейших западных компаний, — танцующих вокруг него. Они, видите ли, все для себя уже решили: вот он, будущий российский президент. И я понял, что требуется какой-то сильный ответ на зюгановские речи, выступления, интервью, в которых он говорил прямо противоположное тому, что говорил здесь, в России. Насчет свободы, демократии, частной собственности...

Так ли уж опасно было, спрашиваю, что он пудрит мозги западным джентльменам и что они ему верят: от них ведь мало что зависело?

— Не скажите. От них действительно мало что зависело с точки зрения прямого электорального эффекта. Но с другой стороны, зависело многое: если Запад признает российского коммунистического лидера, это делает его фигуру более легитимной, увеличивает мас-

штаб политических ресурсов, которые он собирает вокруг себя... Если Запад демонстрирует, что Зюганов – приемлемый вариант, это сильно меняет и отношение к нему внутри российской элиты. Поэтому реагировать на давосский демарш Зюганова было предельно важно.

Это будет катастрофа!

В таком же духе высказался российский министр экономики Евгений Ясин, также присутствовавший в Давосе. Если в стране будет проводиться политический курс, к которому призывает КПрФ, сказал он, это будет означать крах российской экономики. Ясин, как и Чубайс, обвинил Зюганова в том, что тот по-разному излагает позицию своей партии, когда выступает перед представителями западного бизнеса и когда держит речь перед российской аудиторией. В России, по словам Ясина, коммунисты делают акцент на том, что они-де планируют увеличить социальные расходы и усилить государственное регулирование экономики; между тем, чтобы получить инвестиции, в которых страна сейчас остро нуждается, необходимо снизить уровень инфляции, а увеличение социальных расходов неизбежно привело бы к ее скачку. Об этом коммунисты умалчивают. Еще одно условие притока инвестиций, продолжал министр, – создание необходимых гарантий для них. Однако программа КПрФ их не создает. Наоборот, государственное регулирование, об усилении которого хлопочут коммунисты, – это прямой риск для инвестиций. Если же смотреть на дело более широко, приход КПрФ к власти в России – это огромный политический риск: истории не известны случаи, когда, получив власть, коммунисты добровольно отдавали бы ее.

Сами российские предприниматели, участвовавшие в давосском форуме, – по крайней мере многие из них – к вполне возможному второму пришествию коммунистов отнеслись как к подлинному Апокалипсису. На вопрос корреспондента «Открытого радио», стоит ли российским бизнесменам опасаться прихода к власти Зюганова и его единомышленников, известный финансист и политик Константин Боровой ответил однозначно:

– Я думаю, что не просто стоит опасаться, а это будет означать, что в условиях, когда и так нет полного законодательного регулирования по частной собственности, этой частной собственности вооб-

ше не будет. Значит, не будет рыночной экономики. Значит, будет такая зарегулированная коррумпированная административная система... Поэтому, как я знаю, многие предприниматели, просто на всякий случай, переводят сейчас свои капиталы за границу, готовятся к эвакуации. Это катастрофа, и никак не меньше, чем катастрофа. Это надо понимать.

Впрочем, добавил Боровой, спасение капиталов — это минимальная мера: в случае победы коммунистов на президентских выборах речь пойдет о более важном — о спасении своей жизни и жизни семьи.

По словам Борового, случившийся в декабре приход в Думу такого количества коммунистов и избрание Селезнева на должность спикера уже нанесли колоссальный ущерб российской экономике. Вопрос об иностранных инвестициях в нашу экономику сегодня уже вообще не стоит: всем ясно, что в Россию, где к власти могут прийти коммунисты, вкладывать деньги более чем рискованно.

Другой предприниматель, директор крупной производственной фирмы Давид Боренбойм, на тот же вопрос того же журналиста — стоит ли опасаться возвращения к власти коммунистов? — ответил так:

— Безусловно, стоит. Памятуя о том, как сложились судьбы многих российских предпринимателей после октября 1917 года. Как предприниматели будут реагировать на аналогичное событие сейчас? Я полагаю, это зависит от темперамента. Кто-то выберет полную сдачу в плен, кто-то, очевидно, вооруженную борьбу, кто-то, вероятно, эмиграцию. Думаю, многие бизнесмены уже решили, как они поведут себя при таком нежелательном, но вполне вероятном развитии событий.

«Сделаем всем хорошо!»

Если бы было время, Чубайс, я думаю, мог бы для сравнения добавить много еще чего любопытного и из прозвучавших на родине собственных зюгановских выступлений, и из речей его верных соратников, и из партийных документов КПРФ.

Любопытно было бы посмотреть, например, на реакцию давосской аудитории, в основном состоящей из людей, так сказать, экономически грамотных, во всяком случае знающих азы экономики (как-никак — Всемирный экономический форум), если бы Зюганов вздумал там воспроизвести те популистские требования к российским

властям, с которыми он постоянно выступал перед думскими выборами и которые, в частности, повторил в докладе на V пленуме ЦК КПРФ 18 января 1996 года. В нем лидер коммунистов, например, потребовал вернуть долги госпредприятиям и населению, при этом проиндексировав их; профинансировать «реальные потребности» науки, культуры, образования, здравоохранения, обороны; увеличить пенсии, стипендии, зарплату, ориентируясь на прожиточный минимум; осуществить «масштабный государственный заказ» на продукцию ВПК и товары народного потребления; снизить налоги. Причем сделать все это, по мнению коммунистического вожака, необходимо через внесение соответствующих поправок в уже принятый и действующий бюджет начавшегося года. Кроме того, Зюганов потребовал установить фиксированные цены на хлеб и заморозить квартплату. То есть, суммируя все требования лидера КПРФ, — необходимо всем сделать хорошо. И сделать это быстро.

Как всегда в таких случаях, Зюганов ни в малейшей степени не обременил себя вопросом, где взять деньги на эти по большей части действительно благие дела. Ответ у коммунистов и их единомышленников всегда был наготове — включить печатный станок. То, что вслед за этим неизбежно последует гигантский всплеск инфляции и прежний, царствовавший в советские годы тотальный дефицит, их в таких случаях абсолютно не волновало. Главное — показать, что ты горишь желанием облагодетельствовать весь российский народ.

Однако провозглашать подобные «экономические программы» перед квалифицированной аудиторией Давоса значило бы предстать либо полным профаном, либо примитивным политическим спекулянтом. Такое, конечно, в планы Зюганова не входило.

«Суд – это слишком долго»

Со всякого рода интересными заявлениями перед своими согражданами выступал, разумеется, не только Зюганов. Например, в одном из февральских номеров «Известий» читатели могли найти довольно любопытное интервью с членом думской фракции КПРФ, зампредом Комитета по законодательству адвокатом Юрием Ивановым (этот деятель уже упоминался мною ранее). Среди прочего Иванов довольно подробно излагал, как именно коммунисты, когда придут к власти, будут национализировать частную собственность.

Он сразу же признал, что национализация видится им, коммунистам, как «один из главных путей будущих перемен»: «никакой вечности и незыблемости формы собственности быть не может».

Иванов и его единомышленники уже наметили к тому времени ряд «крупнейших» предприятий, которые они, обрета власть, национализуют в первую очередь. Таковых было примерно двести. Безоговорочной национализации будут подлежать и коммерческие банки, по крайней мере 90 процентов из них (Иванов: «Тут надо быть решительными, ибо они – угроза обществу»).

Каков будет порядок национализации? Чтобы доказать, что предприятие было приватизировано «незаконно», можно, конечно, действовать через арбитражные суды, но это, по мнению коммунистов, слишком долго и мучительно. Новые старые властители намерены прибегнуть к «ускоренной процедуре» – через «комиссии, наделенные особыми полномочиями». Саму эту процедуру Иванов, если ему поручат, также берется разработать ускоренными темпами: «Я бы за месяц с небольшой группой ее разработал. Я тут проблем не вижу. Процедуру в рамках комиссии, а не судебных органов».

Как тут не вспомнить сталинские годы. Тогда, как известно, «ускоренные процедуры» применялись сплошь и рядом. Это была любимая форма отправления «правосудия». Пресловутые «тройки» даже к расстрелу человека приговаривали за каких-нибудь десять-пятнадцать минут.

Кстати, сам же Иванов в этом месте беседы вспоминает 1937 год: дескать, тогда, в 1937-м, процедура все-таки тоже была, хотя и «упрощенная». Да уж, проще некуда.

А что станет при коммунистах со свободой слова? Позволено ли будет журналистам так же критиковать новую власть, как это позволяет власть нынешняя? Тут Иванов пускается в рассуждения, что, мол, сегодня существует «беспредел» «четвертой власти», что она «встала над государством». По мнению юриста-коммуниста, необходимо пересмотреть закон о СМИ, с тем чтобы устранить чрезмерную «вольницу журналистов»: «ненормально, чтобы пресса издевалась над государством». Даже, мол, над Ельциным она издевается, «а он же президент пока».

Забавно, не правда ли: сам Ельцин стойко терпит критику в свой адрес (надо сказать, он сохранил к ней терпимость на протяжении всего времени своего президентства; обеспечение свободы слова в стране стало одной из его главных неоспоримых заслуг), а вот юристы-коммунисты непрошено заботятся о защите его «чести и досто-

инства». Нет, не привыкли они к свободному слову. И вряд ли когда привыкнут.

Короче говоря, восстановление цензуры – один из главных пунктов коммунистических мечтаний, хотя, разумеется, они и стараются не использовать это слово, «цензура», заменяя его вполне пристойным и благородным – «ответственность».

Кстати, как полагает Иванов, уже сегодня органы госбезопасности должны брать на заметку телевыступления «некоторых радикальных демократов», с тем чтобы в будущем, когда коммунисты придут к власти, можно было «со всей строгостью» с них спросить. Это вам, наверное, тоже что-то напоминает?

Как вы понимаете, в Давосе Зюганов ничего подобного не говорил. Там он благоразумно предпочел не распространяться ни о том, как он и его товарищи будут национализировать частную собственность, ни о том, как придушат свободу слова.

«Социализм» пишем, «коммунизм» – в уме

Читаем уже упоминавшуюся программу зюгановской партии, принятую в январе 1995-го, как раз в преддверии двух ключевых избирательных кампаний, и приуроченную к ним. Обычные для таких коммунистических документов потоки пафосной демагогии, утопических социальных фантазий в духе «снов Веры Павловны», всякого рода красивых деклараций перемежаются с относительно редкими упоминаниями конкретных практических мер, которые коммунисты намечают осуществить в более или менее обозримом будущем. Вот эти-то вкрапления и приходится выковыривать из остального, по большей части декларативного, текста, чтобы получить представление, что реально коммунисты собираются делать, придя к власти.

Из всей программы ясно следует, что они по-прежнему намерены строить в России социализм, держа при этом и коммунизм в поле зрения как окончательную цель. Трагический семидесятилетний опыт такого строительства их ничему не научил. «Социализм как учение, массовое движение и общественная система, – утверждает в их программе, – обретает свое второе дыхание». Надо полагать, после будет и третье, и четвертое дыхание... Если их не остановить. Так и будут биться головой об одну и ту же стенку. И бить об нее несчастную страну.

При этом выдвигается абсолютно ложная альтернатива: «либо великая держава и социализм, либо дальнейший распад страны и окончательное превращение ее в колонию». Они как бы забывают, что распад страны – СССР – произошел как раз при социализме, в результате его семидесятилетнего строительства. И социализм был, и «великая держава» была, а счастье так и не наступило. Весь мир, кроме Северной Кореи и Кубы, прекрасно обходится нынче без социализма – и ничего, не «распадается».

Громкий лозунг коммунистов – «Россия, труд, народовластие, социализм!». Главные «традиционные» ценности, привлекаемые ими, – соборность, державность, духовность, народность. Сравните со знаменитым уваровским – православие, самодержавие, народность. «Державность» тут перекликается с «самодержавием» (и в самом деле, сильно ли отличался от самодержавия, например, сталинский «державный» режим?). «Православие» же как бы воспроизводится парой «соборность» и «духовность»...

Кстати, никогда прежде понятие «соборность» коммунистами не употреблялось. Это одна из немногих зюгановских новаций. Коммунистические идеологи довольно комично ставят знак равенства между соборностью и коллективизмом. «Соборность» – это что-то такое церковное, хотя и не встречающееся ни у Даля, ни у Ожегова. «Коллективизм» же – напротив, сугубо светское, вознесенное наверх как раз коммунистами. Отождествлять соборность с коллективизмом – примерно то же самое, что причислять к коммунистам Христа (что, кстати, современные коммунисты, отказавшиеся от атеизма, и делают с необыкновенным удовольствием и великой назойливостью).

В программе воспроизводится традиционная для советских времен банально-лживая оценка большевистских «достижений»: дескать, после 1917-го была установлена «власть трудящегося большинства», осуществлен переход к плановому хозяйству «на основе общественной собственности»; к достижениям, естественно, отнесены и подорвавшая народные силы форсированная индустриализация, и уничтожившая российское крестьянство насильственная коллективизация... Ну, и, разумеется, вершина всего – случившиеся в советское время «расцвет науки и художественного творчества, прорыв человека в космос». «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей»...

Почувствуйте себя владельцем «ничьей» собственности

Впрочем, в программе содержится и некая критика в адрес коммунистических предшественников: чего-то они там недопоняли, что-то сделали не так. И в результате приехали не туда (то, что заехали в тупик, — это ведь факт, от этого никуда не денешься, так что волей-неволей и критиковать их приходится). «...Был в значительной степени, — говорится в коммунистической программе, — деформирован, подорван один из главных принципов социализма «От каждого — по способностям, каждому — по результатам его труда». Поскольку широкие слои трудящихся были лишены возможности реально распоряжаться результатами своего труда, постольку они и не чувствовали себя собственниками, совладельцами общенародного достояния. Это привело к социальному иждивенчеству, безразличию, пассивности».

В общем-то давно известно, как преодолеть это самое безразличие и пассивность: для этого надо сделать человека собственником. Вместо того чтобы признать эту простую истину, авторы программы делают вид, что есть какой-то способ заставить человека почувствовать себя «совладельцем общенародного достояния». И что им, авторам, этот способ известен, а вот их предшественники до него не додумались.

На самом деле никакого такого «общенародного достояния», общенародной собственности не существует в природе. Это не более чем литературная фигура. Есть государственная собственность — самая неэффективная из всех форм собственности. Неэффективная как раз потому, что при ней человек отчужден от реального владения предметом собственности и вследствие этого безразличен и пассивен. Вопреки всему мировому опыту, опыту стран, далеко обогнавших Россию по своему развитию, в программе вновь и вновь тупо утверждается, что «общественная собственность» — «наиболее жизнеспособная».

Все время ловишь себя на мысли: вот эти люди, писавшие эту программу, они действительно не понимают то, что давно известно любому грамотному человеку, — что без частной собственности не может быть никакой экономики, — или за годы советской власти они так привыкли врать, что не могут уже остановиться?

Уже из одного этого ясна сокровенная стратегическая цель коммунистов. Сколько бы они ни распинаясь о том, что они признают

все виды собственности, что они за развитие частной собственности, частного предпринимательства, — все это не более чем тактические уловки. Понятно, что при первой же возможности они придушат ростки частнособственнической экономики и в полном объеме восстановят свою любимую «социалистическую». Пусть абсолютно неэффективную, но зато соответствующую их «самой верной», «самой правильной» «теории».

Восстановят дефицит и будут его распределять

В программе подробно описывается, какой конкретно «социалистический» порядок коммунисты желают восстановить в стране. Порядок все тот же, который и был до перестройки и до реформ. Так что напрасно давосские слушатели Зюганова решили, что будет нечто новое. Естественно, коммунисты восстановят Советы «и другие формы народовластия» (на самом деле являвшие собой ширму, которая прикрывала всевластие партийной бюрократии). Будет восстановлено «научное планирование», то бишь, очевидно, Госплан. Введут «государственную монополию внешней торговли на товары стратегического назначения, в том числе на сырье, дефицитные виды продовольствия и другие предметы потребления»...

Стоит напомнить читателю, что к этому времени абсолютное большинство видов продовольствия и предметов потребления перестали быть дефицитными — каковыми они были в советское время, — так что само понятие «дефицит» исчезло из употребления, но авторы программы, видимо, вполне обоснованно предвидят, что, когда они придут к власти, большинство этих видов неминуемо снова превратятся в дефицит, и вот предусмотрительно собираются ввести госмонополию на их вывоз из страны.

Среди главных обещаний, призванных привлечь народные массы на сторону коммунистов, — «стабилизация и снижение цен на все основные виды продукции, прежде всего на продовольственные и промышленные товары первой необходимости». Вот вам верный путь к воссозданию того самого совкового тотального дефицита — регулирование цен. А вы говорите, что Зюганов — «умеренный социал-демократ».

Еще один замечательный пункт, разворачивающий экономику в том же обратном направлении, — «государственный контроль за дея-

тельностью коммерческих банков и других кредитно-финансовых учреждений, различных фондов; сосредоточение валютных операций в государственных банках». Выступая в Давосе, Чубайс, как мы помним, сказал, что национализация банков, введение госмонополии на банковское дело числятся среди задач, провозглашаемых Союзом компартий, куда входит и КПРФ. Но, как видим, та же цель записана и непосредственно в программе самой зюгановской партии.

А паразиты – никогда!

В числе первостепенных задач в случае победы коммуниста (Зюганова, естественно) на президентских выборах перечисляются такие, что не оставляют сомнения: коммунисты не мечтают ни о чем ином, как только о реставрации «социализма» в прежнем виде. Читаем:

«1. Провести новый экономический курс... путем принятия экстренных мер прямого государственного регулирования в целях стимулирования товаропроизводителей, капиталовложений в отечественное производство...»

Государственное регулирование – вот единственный способ оживления экономики, известный коммунистам. Они использовали его 70 с лишним лет, и единственный результат этого – полный крах этой экономики, полный развал страны. Никаких уроков из этого они извлекать не желают.

Далее в программе читаем:

«4. Восстановить контроль народа за деятельностью... производственных предприятий независимо от формы собственности, коммерческих структур, банков и других кредитно-финансовых учреждений, использующих сбережения населения. Ликвидировать все лазейки для получения нетрудовых доходов».

Никакой «народный контроль» никому никогда ни над чем установить не удавалось. Чиновничий контроль – это да. Приди коммунисты к власти, чиновники тут же и приберут к рукам предприятия всех форм собственности, коммерческие структуры, банки и т. д. На этом многоукладность экономики и закончится.

Что касается «нетрудовых доходов» – к трудовым коммунисты относят лишь зарплату наемных работников. Скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», где колхозница сжимает в руке серп, а рабочий – молот, – вот олицетворение их, коммунистов, подхода к этому

делу. Труд бизнесменов, финансистов – на котором сегодня держится экономика всех нормальных стран – они и трудом-то не считают вовсе.

Нет, не зря предприниматели сидят на чемоданах, готовые покинуть страну в случае воцарения коммунистического лидера.

Разжигают ксенофобию

Зюганов и его компаньоны обещают, когда придут к власти, «прекратить насаждение западничества и американизма». Интересно было бы посмотреть на реакцию слушателей Зюганова, если бы он в Давосе упомянул об этом пункте своей программы. Одно дело, когда ты выступаешь против бездуховности, цинизма, пошлости, распространяемых средствами масскульта, и другое – когда накрепко пристегиваешь их к США и вообще к Западу (как будто отечественный масскульт не производит ту же самую отраву). Ясно, что главная забота этих борцов против «вандализма, культа наживы, насилия и разврата, эгоизма и индивидуализма» – разжечь в стране ксенофобию, ненависть к наиболее «продвинутым», наиболее развитым странам и народам.

Понятное дело, коммунистический вождь в Давосе благоразумно об этом умолчал.

«У нас огромный политический опыт», – хвастаются авторы программы. Какой же такой опыт? Никакого другого опыта, кроме опыта работы в КПСС, у них нет. Но Зюганов от КПСС отрекся, упорно настаивая (впрочем, вполне справедливо), что она была не партией, а системой управления страной (крайне неэффективной системой, естественно). Собственный же их опыт в таком случае – крохотный, с 1990 года, когда была создана Компартия РСФСР, признаваемая ими предшественницей КПрФ. Так что похвастаться огромным опытом вроде бы нет ни малейших оснований.

Кстати, забавно читать в коммунистической программе то, что неоднократно утверждали противники коммунистов, – что на самом деле никакого пришествия демократов во власть после 1991 – 1992 годов не было, что у власти как была, так и осталась в основном партийная номенклатура. Одно из «крыльев» расколовшейся КПСС, «получившее наименование «президентской вертикали», говорится в программе, «претерпело незначительные кадровые изменения и укрепило свои позиции в управленческих структурах. Оно преврати-

лась в партию национальной измены и сегодня бесконтрольно хозяйничает в стране».

Так что же вы, спрашивается, хотите – чтобы оба «крыла» партноменклатуры восстановились у власти?

Наследники Ильи Муромца

Есть в коммунистической программе и высокая литература:
«Товарищи, друзья, соотечественники!

Былинный Илья Муромец, прежде чем поднялся во весь богатырский рост, просидел сиднем тридцать лет и три года. Ныне народ, одурманенный демложью и алкогольной сивухой, просидел сиднем почти десять лет. Пробуждаясь, обобраным и униженным стоит он у развилки трех дорог, с ужасом смотрит на то, что натворили временщики в родной стороне, и мучительно выбирает путь...

Россия ныне замерла над бездной. Она просит о помощи. Если придем все вместе поддержать ее, уберем от драки, она возродится, выйдет, как и ранее, из всех смут еще более могучей.

Вспомним, как собирались вокруг Москвы русские земли после тевтонских и монгольских нашествий. Как земские соборы помогли избыть лихолетье Смутного времени. Как прорубал Петр Великий «окно в Европу». Как воссоздавалось под руководством Ленина могучее государство после краха царизма в 1917 году. Как, сплоченные вокруг партии, одолели мы фашистского зверя и стремительно вышли на передовые позиции в мире.

Нам есть с чего брать пример. Главный урок наших предков в том, что без Сильного Государства не бывает Сильной России. Спаси и возроди страну можно, только поставив общенародные, общегосударственные интересы выше всех других ценностей, только сплотив на их защиту большинство народа.

Мы для России – Россия для нас!»

Это уже не Зюганов. Тот так красиво писать не умеет. Это, скорее, Проханов. Или кто-то из его «школы». Читая, хочется плакать и воздавать хвалу наследникам Ильи Муромца, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, наследникам Петра Великого, напрочь позабыв, что именно они, эти наследники – имея в виду российских коммунистов, – за десятилетия своего правления довели страну до величайшего разора и позора и вот теперь как ни в чем не бывало снова рвутся к власти.

Зюганов отказывается от диалога

В тот день, когда Чубайс выступил на пресс-конференции в Давосе, Зюганов как раз покинул этот швейцарский курорт. Уже в Москве журналисты его спросили, как он относится к утверждению Чубайса, что в России он, Зюганов, – одно, а за границей – совсем другое. Лидер коммунистов ответил, как всегда с важностью надувая щеки: дескать, Чубайс просто не понимает, что говорит.

– За мной по всей стране ездят иностранные корреспонденты, – сказал Зюганов. – Я в ходе выборов (в Думу. – О.М.) почти три сотни встреч провел, на которых минимум пять-шесть корреспондентов были, которые все видели, все слышали, все засняли и все давно нам показали и напечатали.

Надо полагать, показанное и напечатанное однозначно свидетельствует, что никакого такого двуличия в поведении и в речах коммунистического вожака нет.

Зюганов утверждал, что у Чубайса «просто страх сработал»: он прекрасно понимает, что «любой промышленник, предприниматель или политик на Западе с уважением относится к той партии, которая имеет почти 40 процентов голосов в законодательном собрании или парламенте; за этим стоит политика, налоги, финансы, инвестиции и многое другое».

Страх не страх, но тревогу, вызванную лицемерием того, с какой доверчивостью многие на Западе воспринимают зюгановскую демагогию, Чубайс – да и не только он – в самом деле тогда испытывал.

Кстати, Зюганов не преминул обвинить Чубайса в том, что тот, мол, решил «воспитывать» его заочно, уже после отъезда «воспитуемого» из Швейцарии:

– Если бы он при мне все это сказал, он бы получил сполна...

Вышло этак по-молодецки: будь я там, в Давосе, я бы ему показал! Знаете, как в уличных «разборках»: держите меня, а то я сам за себя не отвечаю! На самом деле Зюганов вскоре получил реальную возможность дать Чубайсу «сдачи»: ведущий телепрограммы «Итоги» Евгений Киселев предложил Чубайсу и Зюганову провести диалог в прямом эфире. Первый охотно дал согласие, второй... наотрез отказался. Вот вам и «получил бы сполна»! Впрочем, оно понятно: трудновато коммунистическому вождю тягаться с такими людьми, как Чубайс (несколько ранее он точно так же отказался и от диалога с Егором Гайдаром). Он все больше на монологи нажимал и нажима-

ет (на демагогические монологи — так бы я назвал этот излюбленный Зюгановым ораторский жанр).

— Может быть, — предположил телеведущий уже в эфире «Итогов» с Чубайсом, — Геннадий Андреевич просто понимает свои возможности как полемиста? Есть люди, которые способны вести дискуссию в прямом эфире, а есть такие, которые не обладают достаточным красноречием, хорошей реакцией и понимают, что в силу этих обстоятельств могут проиграть и потерять политические очки.

— Возможно, что и так, — отвечал на это Чубайс. — Я не берусь определять уровень полемических способностей г-на Зюганова и предъявлять требования к его красноречию, но я берусь предъявить требования к Зюганову как к политическому деятелю. Это уже не вопрос полемического мастерства, умения подбирать слова. Это вопрос элементарной ответственности. Любой политик должен отвечать за свои слова, тем более политик, который претендует стать ни много ни мало президентом страны. Если уж ты, дорогой, заявляешь что-то, будь добр отвечать за свои слова. Если такой человек лжет, говорит совсем разное, прямо противоположное, в зависимости от того, где он это говорит, это должно служить тревожным знаком для всех тех, кто с ним собирается иметь дело, и для тех, кто думает подержать этого человека на президентских выборах.

Так в чем же все-таки дело? Почему Зюганов испугался острой прямой дискуссии? Здесь стоит заметить, что Александр Николаевич Яковлев, бывший начальник Зюганова по цеховскому Агитпропу, отвечая как-то на вопрос журналиста о своем бывшем подчиненном, охарактеризовал его как обыкновенного верхогляда. «Мы хотели его уволить, — сказал Яковлев, — но он был капитаном волейбольной команды, весьма успешным, вот и держался».

Что ж, можно сказать, далеко пошел цеховский волейболист.

Кстати, убоявшись прямого теледиалога с Чубайсом, Зюганов потом, непосредственно перед выборами, постоянно вызывал на такой диалог Ельцина, заведомо зная, что тот на него не пойдет. Трусость, проявленную в первом случае, он как бы компенсировал «храбростью», демонстрируемой во втором.

Что касается Ельцина, тот отказывался от телеполемики с Зюгановым, поскольку помощники не советовали ему «опускаться до уровня» своих конкурентов. Да и вообще, по его признанию, за годы своего членства в партии он столько наслушался коммунистической демагогии, что его от нее уже тошнит.

Здесь я его вполне понимаю: зюгановскую демагогию не каждый может вынести, не ощутив приступа тошноты.

Анпилова зюгановский «либерализм» не смущает

Многие предполагали, что весьма остро, остро негативно,отреагируют на давосские «социал-демократические», «ревизионистские» выступления Зюганова коммунистические радикалы. Однако, как ни удивительно, этого не случилось. 11 февраля своего кандидата на пост президента выдвигали национал-патриотические движения России. В списке – единственный претендент на такую роль – вождь КПРФ. Выступающие уверяли, что этот претендент приемлем для всех, «почти ни у кого» нет на него аллергии. Даже у Анпилова.

– На мой взгляд, – заявил он, – это (выступления Зюганова в Давосе. – **О.М.**) тактический ход лидера КПРФ для того, чтобы привлечь на свою сторону Европу в борьбе против США. В любом случае я не рассматриваю тактику Зюганова в Давосе как капитулянтскую.

Вот ведь, оказывается, какой глубокий замысел, какая тонкая геополитика: привлечь на свою сторону Европу в борьбе против США. Ну, прямо не Зюганов, а какой-то Наполеон.

На самом деле, как разъяснили знающие люди, Анпилову просто выкрутили руки: если будешь оттягивать электорат у Зюганова, – смотри... окажешься в полной изоляции! Пришлось подчиниться.

Чубайс так прокомментировал единство «коммунистического интернационала» во лжи:

– Это означает только одно – что ложь, которую использует Зюганов, является для лидеров коммунистического движения в стране как бы нормальным, естественным приемом. Причем этот стиль поведения председателя КПРФ и людей, его поддерживающих, полностью воспроизводит хорошо всем нам известный, десятилетиями отработанный стиль поведения матерых аппаратчиков еще той, старой компартии.

Нас уверяют: коммунисты – это совсем не больно

(Из написанного в те дни. 12 февраля 1996 года)

Коммунисты пытаются представить себя вполне цивилизованными людьми. Признаки этого процесса видны сегодня повсюду. Не только в границах нашего отечества, но и за его пределами.

На прошлой неделе закончился Всемирный экономический

форум, ежегодно собираемый в швейцарском городе Давосе. В числе его участников был и вождь российского пролетариата товарищ Зюганов. Он буквально из кожи лез, чтобы предстать перед международной публикой человеком респектабельным и современным. Неожиданным. Опровергающим привычные представления о коммунистах.

Собственно говоря, он всегда хотел таковым казаться. Сколько я за ним наблюдаю — а началось мое наблюдение где-то с конца 80-х, — его любимая роль — роль такого «лектора ЦК», приезжающего в глубинку и сообщающего как бы особо доверенным слушателям информацию о событиях и веяниях там, «наверху», которую они нигде не прочтут и ни от кого не услышат, кроме как от него. Знаете, была такая категория лекторов. После общения с ним наивные провинциалы вырастали в собственных глазах, чувствовали себя приобщенными к большой политике, к музыке сфер.

И в Давосе участники форума слышали от председателя КПРФ много нового. Вы думаете, что коммунисты мечтают покончить с рынком, повсеместно восстановить госсобственность, с потолка, как прежде, назначать цены, поштучно планировать все, что только ни изготавливается в стране — от космических кораблей до канцелярских кнопок? А вот и нет, ошибаетесь, любезные! Нынешние коммунисты — люди практического, прагматического склада, до мелочей изучившие все плюсы и минусы социализма, капитализма и желающие только одного — соединить достоинства различных вариантов общественного устройства и отсеять недостатки.

Сколько мы слышали от коммунистов и «патриотов» в последние годы: «Караул! Демократы распродают Россию!» Однако в Швейцарии пролетарский вождь уверял всех, что он за укрепление демократии в стране, за реформы, за улучшение инвестиционного климата. «Мы будем поддерживать всех товаропроизводителей, независимо от формы собственности, создавая самые благоприятные условия для деловой активности», — заявил он. Зюганов отрицал, что, придя к власти, коммунисты примутся отбирать приватизированное: «Если завтра у кого-то начнут отнимать, то послезавтра по всей стране будут стрелять».

Между тем согласно программе КПРФ как минимум 70 процентов российских предприятий должны принадлежать государству. По этой же программе многоукладность экономики будет сохранена лишь на первом этапе нового коммунистического правления, а дальше большевики сделают упор на своих любимых «общественных» формах собственности.

Такая вот неувязка между программой и светскими речами. Что делать – разные жанры.

Самое забавное, однако, что многие на Западе приняли за чистую монету поток зюгановских либеральных словес. Западная пресса даже окрестила Зюганова «умеренным социал-демократом».

Вообще на швейцарском горнолыжном курорте он был таким бенефициантом: его приглашали на завтраки и обеды, он участвовал в дискуссиях и диалогах, давал многочисленные интервью и пресс-конференции.

Такое повышенное внимание напоминает ситуацию из времен капитана Кука: европейские путешественники встречают в джунглях аборигена с кольцом в ноздре и с изумлением рассматривают его, восторгаясь уже тем обстоятельством, что он никого из них не пытается сразу употребить в пищу, а, напротив, проявляет даже некоторые признаки цивилизованности.

Что на все на это сказать? Западу не впервой устраивать большевикам гигантскую бесплатную рекламу. Для них это шоу, развлечение. А то, что Россия после будет кровью харкать, – на это им наплевать.

Вряд ли Зюганов сейчас точно, во всех деталях представляет себе, какую он станет проводить политику, сделавшись президентом (предположим, что такое случится). Во многом это будет зависеть от соотношения сил «ястребов» и «голубей» – коммунистических ортодоксов и «социал-демократов» в партийной верхушке и приближенных к ней слоях партийных товарищей.

То, что оппозиция «социал-демократическим» веяниям, имеющим место в этой верхушке, существует, ни для кого не секрет. Зюганова давно уже обличают как оппортуниста другие коммунистические вожди, такие, как Анпилов, Тюлькин. А недавно в печати появилось письмо, исходящее как бы изнутри КПРФ, подписанное «группой журналистов редакции газеты «Правда». В нем опять-таки выражается тревога по поводу «соглашательской позиции верхушки КПРФ во главе с Г. Зюгановым». Беспокоит авторов и вопрос, «с кем группа г-на Зюганова собирается сотрудничать на предстоящих президентских выборах и в чью пользу».

Однако, кто бы ни оказался сильнее – ортодоксы или «социал-демократы», – после второго пришествия коммунистов неизбежно по крайней мере одно: полный обвал в экономике. Даже там, где о настоящих красных давным-давно думать позабыли – в странах с развитой демократией, крепкой рыночной экономикой, – действует почти универсальная закономерность: социал-демократы, приходя к

власти, «опускают» эту экономику до нижнего предела. Однако там подобное «опускание» не смертельно: либералы, которые в свой черед сменяют эсдеков, как правило, довольно быстро ликвидируют ущерб, нанесенный «радетелями народных интересов». У нас все будет иначе. Нашу экономику, скорее всего, постигнет такой коллапс, при котором нынешняя тяжелая экономическая ситуация покажется процветанием. Да в некоторых отношениях это и есть процветание — например, если судить по наполненности прилавков: такой наполненности никогда не было и не будет при коммунистах.

Разумеется, скорее всего, коллапс произойдет не сразу. В первый момент, возможно, Зюганову и К^О удастся использовать инерцию движения к экономической стабильности, созданную нынешними властями. Возможно, люди испытают даже некоторое улучшение жизни, ибо поначалу зюгановцы постараются, конечно, выполнить кое-какие из своих популистских предвыборных обещаний — повысить зарплату, пенсии, — не считаясь при этом с элементарными законами экономики (к тому же сомнительно, чтобы они вообще их знали).

Тем не менее обвал после этого коммунистического «медового месяца» неизбежен. Ибо нельзя тратить то, чего у тебя нет. А деньги в казне кончатся очень скоро, и в ход будет пущен печатный станок. Чтобы как-то смягчить этот неминуемый грядущий обвал, Зюганов сейчас и заигрывает с Западом, в частности с МВФ, уповая на то, что они хотя бы не сразу отсекут кредиты и инвестиции, оставят их на какое-то время хотя бы в минимальном объеме. Одно дело — митинговые вопли о распродаже России демократами, и совсем другое — потребности реальной жизни.

Однако нынешний флирт Зюганова с Западом рассчитан, конечно, не только на Запад, но и на Россию. Все в России должны увидеть: если уж коммунисты приняты в высшем свете, если к ним такое внимание, значит, их приход к власти — дело совсем не страшное.

Впрочем, тут и убеждать никого не требуется. Процесс, как говорится, пошел. Пошел сам собой. То, что «заря коммунизма» вскоре-сти опять загорится на российском горизонте и, кто знает, может, и не принесет с собой никаких бед, — это уже воспринимается как некое общее место, как сообщение о впадении Волги в Каспийское море.

Как-то незаметно, исподволь изменилась тональность газет, теле- и радиоэфира, еще недавно беспощадно обличавших тоталитарную коммунистическую систему. Ощущение такое, что внутренние все уже изготовились к появлению на небосклоне этой самой зари.

И вот уже идет словесное журчание, стрекотание... Чревоуещание.

Г. Валюжевич («АиФ – радиоверсия»):

«Нашим людям абсолютно все равно, как будет называться тот, кто станет президентом. Кто придет в Думу, – хоть кришнаитом. Им нужна просто человеческая, нормальная жизнь...»

Ну уж если кришнаита готовы принять, – что же говорить о коммунисте!

Т. Белоконь («Общая газета»):

«Наш народ заставляют платить за свободу слишком большую цену. Настала острая необходимость в защите интересов большинства... Если КПРФ сумеет превратиться в социал-демократическую партию западного образца и пойдет не назад, в социалистическое прошлое, а вперед, к политическим и экономическим свободам, но вместе с тем к защите большинства населения, то расширение круга ее приверженцев будет неизбежно».

Ясное дело: давайте отдадим коммунистам власть в расчете, что со временем они станут социал-демократами западного образца. Одна только незадача – а вдруг не станут? Расписку с них взять, что ли?

В. Никонов («Труд»):

«Коммунисты, продемонстрировавшие крепость своей позиции назначением Геннадия Селезнева на пост спикера, готовятся к фронтальному наступлению. Только вот будут ли сдвиги, вызванные напором КПРФ, во благо России – это большой вопрос».

Какие же тут в самом деле могут быть вопросы? Конечно, во благо. Сразу после второго пришествия коммунистов, надо полагать, будет назначен новый срок построения коммунизма (предыдущий, как мы помним, истек в 1980 году), и станем его дожидаться. Если же серьезно, сдвиги от коммунистического напора – в виде подскока инфляции – мы, говорят, ощутим уже в апреле-мае. А что будет после июня – июля – августа, о том лучше и не думать.

«Новая ежедневная газета» из номера в номер изгаляется над теми, кто будто бы, пугая призраком коммунизма, стремится протолкнуть Ельцина на второй срок. И в самом деле, подумаешь, какой страх – коммунисты. Жили ведь под ними 70 лет, и ничего. Не все подошли.

«Куранты» тоже шутят: давайте, мол, до июня предельно развалим экономику, чтобы после воцарения коммунистов полная экономическая катастрофа наступила не через полгода, как ожидается, а сразу же.

Это похоже на юмор висельников.

Кстати, новый, девятимиллиардный кредит МВФ, который

«Куранты» предлагают быстро, не дожидаясь выборов, раздать под популистские обещания Ельцина, рассыпаемые им нынче направо и налево, будет предоставляться только под реформы, ни подо что другое. Так что коммунисты в любом случае его не увидят.

Л. Баткин в «Литгазете» уверяет, что «коммунист почти ортодоксальный», то бишь Зюганов, во многих отношениях предпочтительней на посту президента, нежели «коммунист антикоммунистический» – стало быть, Ельцин. Тоже своего рода шутка: хотел бы я посмотреть, как при Зюганове Баткин станет печатать свои статьи, поносящие «преступную власть». Но не пора ли покончить с шутками? Момент уж больно серьезный.

Баткин набросал предвыборную программу для всех демократов – голосовать за Явлинского. Неважно, что он не пройдет в президенты, что президентом станет Зюганов. Важно, чтобы у Явлинского сейчас образовалась внушительная цифра голосов – скажем, не менее 45 процентов: это послужит ему хорошим трамплином на следующих президентских выборах.

Замечательно! Да откуда вы взяли, что следующие президентские выборы вообще состоятся? А оттуда... При таком соотношении сил в стране (у Явлинского – 45 процентов, у Зюганова – несколько больше) коммунисты, полагает автор, не в состоянии будут «наломать дров слишком уж много». «Примерно по той же причине, по которой Ельцин и его советники сейчас, как ни хотелось бы, не могут рискнуть переносом выборов».

Господи, да что же опять сравнивать коммунистов с Ельциным и строить разные умозрительные предположения! Вы когда-нибудь видели, чтобы коммунисты добровольно, мирно, путем выборов, отдавали бы власть? И что для них «соотношение сил»? Через месяц-другой после их второго пришествия благодаря вновь запущенной на полную катушку машине лжи и фальсификации, машине репрессий вы напрочь забудете обо всех этих соотношениях, кроме одного – «Народ и партия едины!».

Впрочем, даже если бы все пошло нормально и демократично, у Явлинского все равно не было бы никаких шансов стать президентом ни через пять, ни через десять, ни через двадцать лет... Не надо строить воздушных замков. Надо хоть немного понимать, в какой стране вы живете.

П. Воцанов в «Комсомольской правде» рисует совсем уж фантастический вариант событий. У него тоже нет сомнений, что именно коммунисты – грядущие хозяева положения. Пользуясь этим, они,

согласно Воцанову, постараются сорвать президентские выборы (не Ельцин, которого подозревают в таких намерениях, а как раз коммунисты), вообще отменить президентство и восстановить «парламентскую республику», наподобие той, какую представлял собой СССР...

Это все были мнения журналистов и политологов. Интересно послушать также высказывания различных политических деятелей, которых мы привыкли держать в своем представлении поодаль от большевиков. Тут тоже заметен явный дрейф в большевистскую сторону.

Офтальмолог Святослав Федоров, построивший, если судить по его словам, райскую жизнь в одном отдельно взятом учреждении – МНТК «Микрохирургия глаза», – готов подружиться с теми коммунистами, кто стоит на позиции «юного Маркса», провозгласившего принцип «От каждого по способности, каждому – по труду». Что ж, «младомарксисты» у нас и раньше были. При Брежневe их считали чуть ли не диссидентами – исключали из партии, выгоняли с работы... Однако, если Святослав Николаевич взял из «юного Маркса» только лозунг насчет способностей и труда, ему преследования в самом деле не грозят: как известно, это был лозунг «реального», «развитого», «с человеческим лицом» и всех прочих построенных у нас социализмов. Никто, разумеется, подобные лозунги всерьез не воспринимал, но в качестве красивых флажков для размахивания на официальных праздничных демонстрациях они вполне годились.

Депутат Госдумы от «Яблока» Вячеслав Игрунов:

«С Зюгановым, который, на мой взгляд, движется в сторону социал-демократии, можно обсуждать ряд проектов и направлений в развитии страны... Коммунистов нельзя считать нашими устойчивыми союзниками, но они вызывают у меня меньшую неприязнь, чем другие фракции – НДР, ЛДПР».

То, что Зюганов движется в сторону социал-демократии, мы слышали уже много раз. А вот куда катится «Яблоко» – это мы, наверное, узнаем в ближайшие месяцы. Или даже недели. Эх, яблочко, куды ты котишься?

Министр экономики Евгений Ясин:

«Я надеюсь, что приход коммунистов к власти не сможет остановить процесс реформ».

Что ж, как говорится, надежды юношей питают, отраду старым подают.

Московский мэр Юрий Лужков в ответ на вопрос корреспондента «Московских новостей», сможет ли он лично сработаться с комму-

нистами, коротко бросил: «Посмотрим». Характерная позиция людей, как бы не вовлеченных прямо в политику, но занимающих крупные хозяйственные посты.

На днях встречался с руководителем могучей организации, называемой Управление делами президента РФ, – знаменитым Пал Палычем Бородиным. Спросил его, чем он будет заниматься, если власть на дворе сменится. Мой собеседник ответил, что никакой смены власти не будет ни при каких обстоятельствах, что никого, кроме Бориса Николаевича, кто мог бы сейчас занять президентское кресло, в природе не существует, а все рейтинги – просто-напросто заказная оплаченная продукция. Такой вот оптимистический ответ. Ощущение, будто дана специальная установка – демонстрировать перед всеми показной безудержный оптимизм. После, однако, мой визави как ни в чем не бывало добавил: мол, без дела в случае чего он не останется – хозяйственные работники всякой власти требуются.

И уж самое забавное: даже Дудаев принялся заигрывать с наследниками Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, заявив, что он лично свой партбилет не сдавал. Так что они с Зюгановым вполне могут встретиться и побеседовать «на партийной основе» (в прежние времена это словосочетание подразумевало – с коньяком) и решить дело, как встарь, в духе соблюдения партийной дисциплины.

Один же из чеченских полевых командиров прямо заявил: «Конечно, нам выгоднее, чтобы победили коммунисты. Это вообще единственные приличные политики в России. Уж с ними-то мы договоримся без больших проблем».

Видно, забыли ребята, кто их депортировал в 1944-м. Память отшибло.

Кстати, и с федеральной стороны в Чечне наблюдается явное покраснение. БТРы разъезжают под красными флагами, а над местами дислокации войск нередко развевается не российский триколор, а все тот же серпастый-молоткастый.

То ли еще будет. Слышно, на швейных фабриках уже сейчас подскочили заказы на красные знамена.

Скверно все это, господа-товарищи. Так скверно, что скверней уж и некуда. На излете горбачевской перестройки мы на мгновение почувствовали себя баловнями истории: как же, именно нам довелось стать свидетелями крушения коммунистического режима, о чем еще недавно никто и помыслить не мог – этот режим казался вечным. И вот возвращаемся в коммунистическое стойло. Да еще как возвращаемся – по собственной доброй воле. Позорище-то какой!

Перспективу представить нетрудно. Вслед за экономическим обвалом, карточками, голодом все пойдет по обычному коммунистическому сценарию: жесткая цензура, репрессии, лагеря... Не потому, что так хочет лично товарищ Зюганов или кто-либо еще (в принципе кто-то из этой братии может такого сценария и не очень желать), — этого объективно потребуют интересы удержания власти. «Социал-демократическая» и вообще вся мягкотелая составляющая мгновенно исчезает из коммунистической правящей верхушки, как будто ее вовсе не было. Помните, как исчезли меньшевики и эсеры вскоре после 1917-го? В отношениях с Западом возобновляется «холодная война», причем такая, которая постоянно грозит перейти в «горячую». (Вот этот-то вариант событий и пытаются сегодня предусмотреть западные, восточноевропейские, прибалтийские политики, которые настаивают на продвижении НАТО на восток.) От Давоса остаются одни воспоминания...

Короче говоря, восстанавливается большевистский режим в худших его проявлениях.

Есть, однако, существенная разница между первым и вторым пришествием большевиков. В первое они захватили власть путем вооруженного переворота. Никто тогда нас — народ — не спрашивал, хотим ли мы их. Более того, выборы в Учредительное собрание ясно показали: не хотим! Наплевали на выборы, разогнали «Учредиловку». И в течение всех 70 лет большевистского правления ни один из них данным вопросом — желанны ли коммунисты для народа? — всерьез не интересовался. В самые худшие минуты это для нас служило оправданием: что поделывать, против силы не попрешь. Теперь другое. Никакого оправдания у нас уже не будет. Мы сами готовы за ручку привести марксистов-ленинцев во власть.

Вот уж поистине: имеем то, чего заслуживаем.

* * *

В ту пору меня кое-кто упрекал: дескать, сгущаете краски, расписывая опасность возвращения коммунистов во власть. Ну, и далее следовала все та же аргументация: дескать, коммунисты теперь другие и т.д. и т.п. Ни тогда, ни теперь я так не считал и не считаю. Если б были другие, они бы как минимум не таскали на своих шестивиях портреты Ленина и Сталина, не уверяли, что никаких таких массовых репрессий при этих людоедах не было. Ну, и многое другое сделали бы, чтобы уж всем раз и навсегда доказать, что они теперь «другие».

А то ведь как получается... В феврале Зюганов выступает в Давосе, стремясь представить себя и своих однопартийцев вполне цивилизованными людьми, этакими красными джентльменами, а чуть раньше, в январе в интервью журналу «Шпигель» доказывает, что разговоры о сталинских репрессиях — это все разговоры, в основном сажали за дело: «В моей родной деревне в то время арестовали двоих, и оба были преступниками. Надо бы точно изучить, кто находился в ГУЛАГах и по каким причинам». Как будто не изучено достаточно. Ни раскаяния, ни покаяния...

Если же нет раскаяния, значит, и нет гарантии, что все не повторится, да к тому ж в еще худшем виде.

ЕЛЬЦИН ИДЕТ НА ВЫБОРЫ

«ЦАРЬ БОРИС» ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Третий инфаркт президента

Как мы видели, весь период перед выборами в Думу Ельцин провел либо в больнице, либо в санатории, либо в отпуске на юге. Такая «интенсивная работа», конечно, не могла не сказаться и на его собственном рейтинге, и на голосах, которые достались 17 декабря пропрезидентской партии «Наш дом – Россия». Однако в том, что на думских выборах НДР фактически потерпела провал – получила лишь 10 процентов голосов, – как мы знаем, был обвинен не Ельцин, а совсем другой человек. Ельцин как раз выступил в роли обвинителя.

Перед президентскими, еще более серьезными выборами всех волновал вопрос: стоит ли Борису Николаевичу при таком здоровье принимать в них участие?

Очередной, третий, инфаркт случился у него накануне нового, 1996-го, года. Как пишет Коржаков, Ельцина «спрятали в санаторий в Барвихе».

На этот раз о болезни сообщалось скупое: ясно было, что все это как бы уже вообще выходит за рамки приличий – президенту впору не о новом сроке помышлять, а уходить на пенсию и оформлять инвалидность. Ельцина то переводили из санатория в ЦКБ, то возвращали обратно в санаторий...

Хотя в пресс-релизах, выпускавшихся президентской пресс-службой, присутствовали традиционные духоподъемные интонации – «состояние пациента стабилизировалось, несколько возросла его активность», – ясно было, что дела у кремлевского начальника обстоят неважно: третий сердечный приступ за полгода... (Слово «инфаркт», естественно, и на этот раз не употреблялось.)

Тем не менее Ельцин не оставлял намерения баллотироваться на второй срок. Как уже говорилось, Ельцин сообщил об этом своему главному охраннику где-то в начале января. Коржаков:

«В одно из моих посещений Борис Николаевич с трудом приподнял голову с подушки и тихо произнес:

– Александр Васильевич, я решил идти на выборы.

Я тут же поддержал его:

– Борис Николаевич, мы в этом никогда не сомневались. Другого, равного, кандидата все равно нет...»

Правда, несколькими строчками раньше в своих мемуарах тот же Коржаков пишет прямо противоположное – что всех в окружении президента как раз «одолевали сомнения», «можно ли в таком состоянии выдвигать Ельцина?» – но кто же из царедворцев осмелится открыто сказать об этих сомнениях самому царю!

«Выиграю, несмотря на низкие рейтинги»

Сам Ельцин в «Президентском марафоне» пишет, что решение идти на выборы он принял чуть раньше – в конце декабря 1995-го и что решение это далось ему нелегко. Но повествует он об этом, радуется, более пафосно, чем его бывший охранник:

«...Я стоял перед жизнью, продуваемый всеми ветрами, сквозняками, стоял и почти падал от порывов ветра: крепкий организм подвел; «ближайшие друзья» – уже нашли себе замену, как стая, которая исподволь, постепенно намечает нового вожака; наконец, отвернулись от тебя и те, на кого ты всегда опирался, кто был твоим последним рубежом, резервом, – духовные лидеры нации. А народ... Народ не может простить ни «шоковой терапии», ни позора в Буденновске и Грозном. Казалось бы, все проиграно.

В такие мгновения приходит прозрение. И вот с ясной головой я сказал себе: если иду на выборы – выигрываю их, вне всяких сомнений. Это я знаю точно. Несмотря на все прогнозы, несмотря на рейтинги, несмотря на политическую изоляцию. Но вот вопрос: иду ли? Может, действительно пора мне сойти с политической сцены?

Но мысль о том, что я тем самым буду способствовать приходу к власти коммунистов, показалась нестерпимой.

Вероятно, выручила моя всегдашняя страсть, воля к сопротивлению.

В конце декабря я свой выбор сделал...»

Явные признаки предвыборного поведения Ельцин начинает проявлять примерно через месяц, в конце января: чаще мелькает на экране, направо и налево раздает всевозможные обещания и щедрые подарки.

В одном из его телевизионных появлений 27 января слышим:

– Я подписал сегодня указ о повышении стипендий студентам и аспирантам по всей России на 20 процентов...

Заметьте – «по всей России». Этакая в самом деле широта и щедрость души.

Вместе с Лужковым навевается в «Русское бистро», демонстративно, как бы в пику «Макдональдсу», на радость «патриотам» (это как раз тот электорат, который предстоит привлечь). Нахваливает тамошнее питье:

– Хорош квасок, ядреный. С хреном.

Наверное, впервые за долгие годы – по-видимому, как раз с того времени, когда он, подобно рядовому горожанину, совершил поездку в троллейбусе, – держит в руках деньги и, расплачиваясь, осторожно пересчитывает их. Все должны видеть: президенту близки и понятны нужды простых людей.

В этот день президент сообщил, что о своем решении – идти или не идти на выборы – он объявит 15 февраля. Каким будет это решение, нетрудно было догадаться...

Всем было понятно, что без урегулирования чеченской проблемы или, по крайней мере, без каких-то серьезных шагов в этом направлении, нечего и думать об успехе на выборах. И вот 2 февраля появляется сообщение, что Ельцин на днях предложит свой вариант решения чеченского кризиса, причем основной упор будет сделан на мирное его урегулирование.

Люди замерли в ожидании.

Ельцин – кандидат националистов

Забавное происшествие случилось 11 февраля. В этот день в Петербурге состоялся Всероссийский съезд националистических партий. Основная цель съезда – согласовать действия накануне президентских выборов и выдвинуть единого кандидата на высший государственный пост.

Всего обсуждалось десять кандидатур. В их числе – Зюганов, Лебедь, Жириновский, Руцкой, Владимир Лысенко, Баркашов, Юрий Власов...

Накануне на съезде Национал-республиканской партии выбор пал на лидера КПРФ. Эту кандидатуру представители НРП и попы-

тались навязать общему националистическому форуму. Как ни странно, однако, поддержки не встретили. В результате долгих дискуссий участники съезда пришли к «тяжелому, нелегко доставшемуся решению», к решению поистине сенсационному – «в кандидаты от националистов целесообразно выдвинуть Ельцина Бориса Николаевича».

– Я уверен, что многих это решение шокирует, – объяснял такой шаг лидер национал-большевиков Эдуард Лимонов, – но основой для него послужили ввод войск в Чечню, борьба с преступностью и так далее и тому подобное...

Объяснение, как видим, не очень внятное. Никакой такой особенной борьбы с преступностью ни в те годы, ни позже в России не велось. Напротив, неудержимо растущая повсеместная коррупция все больше подпитывала прочие формы преступности, наращивая ее общий вал. А вот чеченская война – это да. Кровавая каша, на долгие годы заваренная на Северном Кавказе, в глазах националистов в самом деле могла выглядеть выдающейся заслугой действующего президента.

Ну и, конечно, очень понравилось им, что Ельцин отправил в отставку таких людей, как Чубайс, Козырев, Филатов, Шахрай. По мнению участников съезда, все это свидетельствовало, что президент «на верном пути» и что он нуждается в новых людях: сейчас, когда от него «бегут демократы», его «социальной базой» могут стать «национально настроенные силы российского общества».

Так что – исторический казус: националисты оказались в числе первых, кто выдвинул Ельцина на новый президентский срок.

Торжественный ритуал в Екатеринбурге

О своем вступлении в избирательную кампанию Ельцин решил оповестить мир из Екатеринбурга. Так сказать, из родных пенат. Этакая трогательная патриотическая символика.

Бывший министр внутренних дел Анатолий Куликов в своих мемуарах так описывает отлет президента на Урал для участия в ритуале исторической важности:

«...Он обвел всех провожавших его чиновников знаменитым ельцинским взглядом и задушевно спросил: «Ну что скажете, может, мне не стоит ввязываться в это дело?» В ответ, конечно, прозвучал дружный хор голосов: «Ну что вы, Борис Николаевич, как же так? Обязательно надо!»

Проверка на лояльность, кажется, не столько убедила президента в искренности людей из его ближайшего окружения, сколько в том, что он по-прежнему контролирует обстановку. «Раз надо – значит, надо!» – сказал он так твердо, что ни у кого не осталось сомнений, что этот большой, мощный и очень упрямый человек давным-давно все для себя решил и не потерпит рядом с собой никого, кто бы сомневался в его силах».

15 февраля Ельцин выступил во Дворце молодежи Екатеринбурга.

– Я решил баллотироваться на пост президента России, – сказал он, – и объявляю об этом здесь, в дорогом для меня зале, родном городе, вам, моим землякам, всем гражданам России, для сведения всего мира.

Ельцин подчеркнул, что 16 июня состоятся не просто выборы президента – в этот день россиянам предстоит определить судьбу России, свою собственную жизнь. Стране грозит опасность возврата в исходное коммунистическое состояние.

– Столько пережить, стоять на пороге цивилизованной жизни и снова откатиться назад? – воскликнул Ельцин. – Это будет нашим общим поражением и позором. Можно ли мне в этой ситуации не участвовать в президентских выборах? Пока есть угроза столкновения «красных» и «белых», мой человеческий, гражданский долг, мой долг политика, стоявшего у истока реформ, – добиться консолидации всех здоровых сил общества и предотвратить возможные потрясения, вплоть до гражданской войны.

Как видим, позиция Ельцина противоречива: с одной стороны, он идет на выборы, чтобы не допустить возврата «в исходное коммунистическое состояние», а с другой – на этот раз как бы не принимает твердо сторону «белых», на которой стоял еще недавно, а выбирает для себя роль миротворца, консолидатора нации, возвышающегося над схваткой.

С начала реформ прошло уже четыре года. Жизнь людей по-прежнему тяжела. Полностью отождествлять себя с реформаторами в этой ситуации опасно. Поэтому Ельцин растолковывает слушателям, что он «за реформы, но не любой ценой», он «за коррекцию курса, но не за возврат назад».

Вновь и вновь Ельцин провозглашает: «Нам надо сделать все возможное, чтобы и мы, россияне, и наша страна не погибли под красным колесом прошлого».

Главная задача следующих пятилетий, по Ельцину, – «добиться, чтобы свобода стала достоянием всех граждан, чтобы она обернулась

справедливостью, демократией и достатком, прежде всего для всех немощных и слабых». Однако на этом пути опять-таки встала угроза коммунистического реванша: уже три месяца, как иностранцы практически перестали инвестировать, вкладывать свои капиталы в Россию. Почему? Ждут президентских выборов. Хотят убедиться, останутся ли реформы или пойдут вспять. Сохранятся ли результаты приватизации или их уничтожат.

Говорил, естественно, Ельцин и о том, что «необходимо покончить с позорной практикой задержек заработной платы и пенсий». Пообещал, что все долги по зарплате будут выплачены уже в марте. При этом дал слово, что ни одного «деревянного», то есть не обеспеченного, рубля напечатано не будет.

Пообещал усилить борьбу с коррупцией. При этом сослался на уголовные дела, возбужденные против бывшего и.о. генпрокурора Илюшенко, председателя Роскомдрагмета Бычкова и главы администрации Вологодской области Подгорнова.

О Чечне сказал обтекаемо: этот кризис должен быть разрешен в максимально короткий срок, в ближайшие месяцы.

Закончил с пафосом:

— Мы сильнее тех, кто все эти годы вставлял палки в колеса, мешал нашему движению к великой и свободной России, к достойной жизни всех россиян. Мы сильнее собственных разочарований и сомнений. Мы устали, но мы вместе, и мы победим!

«Настроен я крепко»

После выступления в Екатеринбурге Ельцин совершил короткую предвыборную поездку по Уралу. Опять-таки делал бодрые заявления по волнующим людей социальным проблемам, по Чечне, по укрощению нерадивых и нечистых на руку чиновников...

— Настроен я крепко, — уверял он рабочих Челябинского трубопрокатного завода, выступая перед ними прямо в цехе. — Сейчас нескольких министров снял за то, что не выполняют указы, несколько глав администраций снял за то, что не выполняют указы и законы. И будем так же действовать. Должны быть дисциплина и порядок, как у металлургов. Любая неточность — и уже авария. Так и у нас. Любая ошибка — и уже авария.

Пообещал, что в ближайшую неделю будет подписан указ о

помощи обманутым вкладчикам, а с марта, повторил, наступит полный порядок с выплатой зарплат.

О Чечне на этот раз сказал кое-что конкретное:

– Если только оттуда армию вывести, перережут они друг друга. Но и не выводить тоже нельзя. Поэтому мы хотим постепенно на край границы чеченской вывести, чтобы если они будут баловаться опять, мы опять их прихватим.

Рабочие реагировали на президентские обещания сдержанно. Не раз уже слышали подобное из разных уст.

...Предполагалось, что такие поездки Ельцин теперь будет совершать, по крайней мере, раз в месяц.

* * *

В тот же самый день, 15 февраля, когда Ельцин объявил, что включается в избирательную кампанию, конференция КПРФ приняла решение поддержать выдвижение Зюганова единым кандидатом в президенты от коммунистов и народно-патриотических сил (само его выдвижение – от имени «инициативной группы граждан» – произошло еще 9 января, так что Зюганов тут более чем на месяц опередил Ельцина).

Как писали газеты, коммунисты четко осознают значение предстоящих выборов для собственного будущего. Они понимают, что президентская кампания 1996 года – их «последний и решительный бой». Другого такого шанса у них уже не будет.

Чубайс объединяется с предпринимателями

То, что Чубайс так энергично и непримиримо выступил в Давосе против зюгановской лжи, имело весьма важные последствия для всей президентской избирательной кампании. Так получилось, что именно после этого выступления поток событий вовлек его в активную борьбу против избрания Зюганова на пост президента, так что он быстро оказался на самом ее острие.

Первым, однако, об этом сообщил не сам Чубайс, а президент Ельцин. В своем выступлении в Екатеринбурге 15 февраля он среди прочего упомянул и бывшего первого вице-премьера. Сказав, что тот «допустил ошибки в приватизации, акционировании и особенно в

продаже акций предприятий», президент вместе с тем заявил, что Чубайс «остается в президентской команде» и «будет агитировать за президента», то есть за него, Ельцина. При этом Борис Николаевич разъяснил, в каком именно качестве Анатолий Борисович будет этим заниматься: он возглавил неформальное объединение бизнесменов, которые намерены оказывать помощь действующему президенту в переизбрании на второй срок.

У всех сложилось впечатление, что Чубайс чуть ли не приглашен работать в ельцинский предвыборный штаб. Однако на следующий день сам Анатолий Борисович опроверг распространившиеся слухи об этом, хотя и подтвердил: да, действительно после его давосской пресс-конференции к нему обратилась «группа серьезных российских предпринимателей», которые попросили его взять на себя роль объединителя «всех, кто выступает против избрания Зюганова на пост президента России».

17 февраля по прибытии в Петербург на региональную конференцию «Демвыбора России» Чубайс все разъяснил журналистам еще более определенно. В интерпретации корреспондента РИА «Новости» это звучало так. После недавней поездки в Швейцарию у Чубайса была встреча с группой «ключевых российских предпринимателей – банкиров и бизнесменов, обладающих большими, даже уникальными возможностями влиять на политическую и экономическую ситуацию». Эти люди, сказал Чубайс, прекрасно понимают, что с приходом к власти Зюганова в стране произойдет катастрофа, поэтому они готовы сделать все, чтобы этого не случилось. Речь, в частности, идет о создании центра по консолидации «всех имеющихся ресурсов» для недопущения победы на выборах кандидата-коммуниста. Чубайс, по его словам, принял предложение взяться за организацию такого центра и возглавить его.

По признанию Чубайса, ранее, уйдя в отставку, он планировал заняться совсем другим – деятельностью в сфере экономики и производства, но теперь его планы коренным образом изменились.

– Сегодня каждый здравомыслящий человек, – сказал Чубайс, – должен сделать все, чтобы не допустить прихода к власти в России коммунистов или фашистов.

При этом Чубайс особо подчеркнул: «группа поддержки демократического кандидата на президентских выборах», которую он возглавил, не обязательно будет поддерживать Бориса Ельцина – «есть и другие демократические кандидаты, которых она могла бы поддерживать». Иными словами, получалось, что Борис Николаевич несколь-

ко поторопился, зачислив Чубайса со товарищи исключительно в свои помощники.

То, что президент с этим сообщением поспешил, вроде бы подтверждалось и другим обстоятельством: в тот момент в ДВР все еще продолжалась активная дискуссия, на кого именно стоит сделать ставку. Как уже говорилось, лидер партии Егор Гайдар убедил единомышленников, что не следует «суетиться» – выдвигать на пост президента его самого, Гайдара, или кого-либо другого от ДВР: это бесполезно и бессмысленно. Отпал в качестве потенциального кандидата и Черномырдин, поскольку вроде бы сделалось окончательно ясно: стать кандидатом он не согласится ни при каких обстоятельствах. Остановились на том, что сейчас необходимо четко обозначить условия, при которых ДВР поддержит того или иного кандидата, и продолжить переговоры с наиболее вероятными претендентами на эту роль. Таковыми были Борис Ельцин и Григорий Явлинский.

И все же несмотря на публичное уточнение Чубайса – о том, что он и его друзья-бизнесмены не обязательно будут поддерживать на выборах действующего президента, – Ельцин продолжал гнуть свое. 21 февраля на встрече с руководителями СМИ он вновь заявил, что Чубайс будет работать в его предвыборной команде. Дескать, уже в ближайшие часы у него состоится встреча с бывшим первым вице-премьером, на которой они обсудят тактику избирательной кампании.

По всему было видно, что Ельцин твердо решил привлечь Чубайса к работе своего предвыборного штаба, более того, по-видимому, считает, что он должен сыграть в этой работе центральную роль. В общем-то оно и понятно: вряд ли он смог бы найти другого человека с такой целеустремленной энергией, с таким организаторским, менеджерским потенциалом.

Однако и Чубайс, со своей стороны, продолжал отрицать однозначную жесткую привязку собственной персоны к персоне Ельцина. 24 февраля на заседании политсовета ДВР (на нем снова обсуждалась возможность поддержки Ельцина или Явлинского) он заявил, что «не создавал и не создает штаба по ведению избирательной кампании Бориса Ельцина», не является и «заместителем Олега Сосковца по избирательному штабу Ельцина». По словам Чубайса, два дня назад он сказал об этом «лично Ельцину с глазу на глаз» во время их встречи. Анатолий Борисович в очередной раз повторил, что члены группы из ведущих российских предпринимателей, которую он возглавил, прежде всего намерены не допустить, чтобы на июньских выборах победил лидер КПрФ. По словам Чубайса, «в случае, если президентом станет Зюганов, этим людям придется либо бороться

против существующей власти, либо эмигрировать, поэтому они постараются сделать все, чтобы этого не произошло». «Я, со своей стороны, – добавил Чубайс, – постараюсь направить все ресурсы, которыми располагают эти люди, на то, чтобы Зюганов никогда не стал президентом».

Эти заявления Чубайса, неоднократно повторявшиеся в те дни, придавали импульс бодрости, уверенности всем, кто с ужасом смотрел на вполне реальную перспективу возвращения коммунистов во власть. Думалось: уж если Чубайс возглавил противостояние большевикам, так легко они эту власть не получат.

На пресс-конференции 26 февраля Егор Гайдар заявил об окончательно определившейся на тот момент позиции его партии в отношении наиболее приемлемого кандидата в президенты. Точнее говоря, эта позиция так и не определилась: по словам Гайдара, решение о поддержке того или иного кандидата ДВР примет «в ближайшие месяцы» и скорее всего выбирать будет по-прежнему между Ельциным и Явлинским.

– Очень трудно себе представить, – сказал Гайдар, – как после всего, что было сделано президентом за последние полтора года, ДВР и его единомышленники могли бы поддержать кандидатуру Бориса Ельцина. Но ясно, что если ценой неподдержки будет очередной коммунистический эксперимент, то мы можем поддержать его.

Гайдар разъяснил, какие именно требования ДВР предъявляет Ельцину и Явлинскому: действующий президент прежде всего должен создать условия для прекращения войны на Северном Кавказе и освободиться «от самых одиозных фигур в своем окружении»; что касается Явлинского, ему следует «решительно исключить» любую возможность сотрудничества с коммунистами и изъять из экономической программы «Яблока» все меры, которые могут привести к развалу денежной системы страны.

Гайдар вновь, причем в категорической форме, опроверг все еще циркулирующие слухи о том, что Чубайс намерен работать в ельцинском предвыборном штабе.

Между тем сам Чубайс для себя, по-видимому, все-таки давно уже решил, что единственный человек, который может остановить Зюганова, – это Ельцин. Между ним и Гайдаром – двумя соратниками и близкими друзьями – постоянно шёл острый спор по этому поводу. Гайдар утверждал, что к кандидатуре Ельцина следует обратиться в самом крайнем случае, если будут исчерпаны все другие варианты, а они пока не исчерпаны. Чубайс возражал, что нельзя терять время, его и так осталось слишком мало...

Чубайса прячут от избирателей

Недавно я спросил Чубайса, как все-таки обстояло дело с вот этим новым, предвыборным союзом между ним и Ельциным: действительно ли он, Чубайс, ничего не знал о том, что президент привлекает его к своей избирательной кампании, когда он громогласно объявил об этом в Екатеринбурге 15 февраля? А если все же такой союз в тот момент уже был заключен, кто был его инициатором – он или Ельцин?

– Нельзя сказать, будто я не знал, что Ельцин собирается выступить с таким заявлением, – ответил Анатолий Борисович, – что без меня меня женили. Мне об этом было известно. Инициатива исходила от президента, потому что я тогда вообще не имел возможности что-то предлагать: собственно говоря, я в ту пору был никем. Ко мне пришла Татьяна Борисовна с неким посланием от президента...

А чем объяснить, что Чубайс долго отрицал, что участвует в избирательной кампании Ельцина? И что Гайдар отрицал то же самое?

По словам Чубайса, все объясняется просто: это был один из элементов пиар-стратегии. Было ведь очевидно, что его публичное участие в избирательной кампании Ельцина дает больше минусов, чем плюсов – в электоральном смысле. Поэтому они это дело всячески затуманивали.

Думаю, помимо прочего, туман напускался еще и потому, что «Демвыбор», как уже говорилось, вообще долго не мог решить, кого ему поддерживать на выборах.

Интересуюсь у Чубайса: включаясь в избирательную кампанию Ельцина, беря на себя в ней центральную роль, не тяжело все-таки было преодолеть обиду за недавнюю отставку?

– Нет, – отвечает Чубайс.

– Вы не обидчивый человек?

– Да нет, не в этом дело. Дело в том, что я совершенно четко провожу черту между тем, что касается меня лично, и тем, что происходит в стране, какова в ней ситуация. Мало ли, какие у меня обиды на Бориса Николаевича или у него на меня. Есть вопросы поважнее. Тем более, что в тот момент я ясно понимал, что мы стоим в миллиметре от большой крови... Кстати, на пресс-конференции, которую я провел после увольнения, я сказал, что думаю о Борисе Николаевиче. Естественно, не о наших личных отношениях, а о его реальной роли в истории страны. Моя позиция и тогда, и теперь была и остается той же самой: это выдающаяся историческая личность... Хотя, конечно, обидно, когда тебя увольняют, но это другая тема. Это другая тема.

Данные социологов

(25 февраля 1996 года)

В конце февраля ВЦИОМ по заказу телепрограммы «Итоги» канала НТВ провел очередной опрос на тему «Если бы президентские выборы состоялись сегодня...» На первом месте по-прежнему Зюганов – 18 процентов голосов опрошенных. 10 процентов у Жириновского. На третье место поднялся Ельцин – 8 процентов. Столько же – у Явлинского. У Лебеда – 7 процентов. Далее идут: Святослав Федоров (6), Черномырдин (4), Гайдар (3), Горбачев (0,5).

В пересчете на тех, кто решил участвовать в выборах (их 63 процента), цифры получаются такие: Зюганов – 24 процента, Жириновский – 12, Ельцин – 11, Явлинский – 9, Лебедь – 8, Святослав Федоров – 7, Черномырдин – 5, Гайдар – 4, Горбачев – 0,6.

По мнению ВЦИОМа, шансы Ельцина на выход во второй тур теперь можно считать реальными, хотя в самом этом туре он пока не сможет выиграть у Зюганова.

Что касается деятельности на посту президента, наиболее резкую негативную оценку вызывает его политика по отношению к Чечне.

ДУМА ОТМЕНЯЕТ БЕЛОВЕЖСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Коммунисты желают возродить Советский Союз

О намерении коммунистов поднять в Думе вопрос о денонсации Беловежских соглашений было известно давно. Реальные контуры оно стало обретать к середине марта. Эта акция казалась зюгановцам весьма удачным предвыборным ходом: как же, ведь столько людей испытывает ностальгию по почившему в Бозе Советскому Союзу!

Если бы хоть кто-нибудь из авторов этой замечательной идеи способен был хотя бы на два хода просчитать последствия ее реализации!

Планы Зюганова и К^О вызвали в Кремле великое раздражение. 14 марта в интервью Российскому телевидению Ельцин заявил, что в случае, если Дума денонсирует Беловежские соглашения, он вынужден будет «принять крайние меры». Коммунисты идут на этот шаг, сказал президент, «понимая, что мы серьезно набираем очки – государства, входящие в СНГ, объединяются; для коммунистов это неприятный и неожиданный поворот».

Никакого серьезного объединения в рамках СНГ, разумеется, не произошло ни тогда, ни после. Однако некие телодвижения в этом направлении по инициативе Ельцина в ту пору действительно делались. Перехватить эту инициативу в преддверии выборов и стремились коммунисты.

Тут стоит напомнить, что марксисты-ленинцы участвовали во всех формальных шагах (не говоря уже о неформальных), которые привели к ликвидации СССР: голосовали 12 июня 1990 года на I съезде нардепов РСФСР за «Декларацию о суверенитете России», а 12 декабря 1991 года в Верховном Совете РСФСР – за ратификацию Беловежских соглашений... Однако в дальнейшем, уповая на забывчивость наших граждан, делали вид, что они тут ни при чем, что это кто-то другой – прежде всего Ельцин – виноват, что Союз перестал существовать. И вот, дескать, этот могильщик великой страны снова желает стать российским президентом.

Соглашения денонсированы

15 марта нижняя палата с подачи коммунистов, несмотря на предупреждения Ельцина, приняла-таки постановление, согласно которому решение Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года о денонсации Договора об образовании СССР признавалось утратившим силу. «За» проголосовали 250 депутатов (коммунисты, фракция народовластия, аграрии), «против» – 98 (Яблоко), НДР и другие демократы).

С этого дня, 15 марта 1996 года, СССР как бы считался восстановленным. По крайней мере, частично – в думской интерпретации.

Вряд ли думцы предвидели реакцию – в самой России, в СНГ, в дальнем зарубежье, – которую вызовет это их постановление. Если бы предвидели, еще и еще раз подумали бы...

Что касается реакции Ельцина, ее нетрудно было предугадать. Отвечая в этот же день на вопросы журналистов, он сказал, что у него, «кроме возмущения, ничего нет».

Впрочем, дал он и более развернутую оценку думскому решению. По его словам, последствия этого решения непредсказуемы. В частности, становится непонятным статус всей России, а значит, и самой Думы. «Что такое Россия? Что такое Госдума? – риторически вопрошал Ельцин. – В случае признания такого решения они не существуют».

(Несколько позже, подчеркивая абсурдность принятого Думой решения, депутат Сергей Юшенков выступит с предложением созвать Верховный Совет СССР, с тем чтобы он, следуя этому решению, распустил Думу. А другой депутат, Сергей Шахрай, продолжая ту же линию, предложит пересмотреть договор царской России о продаже Аляски Североамериканским Соединенным Штатам.)

По словам президента, денонсацией Беловежских соглашений коммунисты рассчитывают поднять шум и сорвать президентские выборы. Но из этого ничего не получится. Он, президент, не позволит, чтобы таким «безответственным актом» был остановлен процесс развития демократии в России.

Ельцин сообщил журналистам, что по его распоряжению были собраны послы стран СНГ, которым разъяснили, что никаких последствий это решение Государственной думы иметь не будет – на этот счет они могут быть спокойны.

От думского постановления открестились Александр Лебедь, Святослав Федоров, Григорий Явлинский – депутаты, собирающиеся

баллотироваться в президенты. «Беловежские соглашения имели широкомасштабные политические последствия, – говорилось в их совместном заявлении. – Новые независимые государства стали элементом международного правового и политического порядка. Односторонние попытки изменить этот порядок не могут привести ни к чему другому, кроме взрыва напряженности в мировом масштабе и резкого ухудшения отношений между нашими братскими народами».

Не хотят возвращаться в стойло

Несмотря на успокоительные речи, обращенные к послам СНГ, волна возмущения прокатилась по странам Содружества и Балтии. Первые отклики пришли уже 15 марта. «Решение российской Государственной думы о денонсации Беловежских соглашений следует расценить не иначе, как провокационную акцию, направленную против суверенитета стран – участниц Содружества Независимых Государств», – говорилось в заявлении президента Армении Левона Тер-Петросяна. «Постановление Государственной думы России может подорвать хрупкие ростки взаимного доверия и начавшиеся интеграционные процессы в Содружестве Независимых Государств», – отозвался об известии из Москвы президент Грузии Эдуард Шеварднадзе. Лидер Народного Руха Украины Вячеслав Чорновил назвал решение Госдумы «чисто пропагандистским трюком». Власти Казахстана категорично заявили, что возврат к прежнему Союзу невозможен...

На следующий день гневные или, напротив, презрительно-спокойные отклики бывших «братьев», которых насильно пытаются вернуть в «единую семью братских народов» (ох уж эти навязшие в зубах совковые пропагандистские клише!) продолжали приходить в российскую столицу. Несмотря на вчерашнее решение российской Государственной думы, «Азербайджан остается верен избранному курсу, взятому на политический суверенитет и самостоятельное государственное развитие», заявил корреспонденту РИА «Новости» заместитель председателя Национального меджлиса – парламента Азербайджана Яшар Алиев. Как «прямое покушение на независимость и суверенитет Молдавии» расценил МИД этой страны решение о денонсации Беловежских соглашений, принятое Госдумой России. Вчерашнее решение Госдумы – это внутреннее дело России, сказал на пресс-конференции в Ташкенте председатель олий мажлиса (парламента) Узе-

кистана Эркин Халилов. Он напомнил, что Узбекистан провозгласил свою независимость еще до Беловежских соглашений, а 31 декабря 1991 года в республике был проведен референдум, на котором свыше 98 процентов граждан высказались за независимость.

Президент Украины Леонид Кучма заявил, что решение российской Думы лишь подогревает желание бывших советских республик вступить в НАТО. «С правовой и юридической точки зрения такие решения не имеют для нас никаких последствий», – сказал украинский президент.

В таком же духе отозвались о думском решении и другие страны СНГ и Балтии. «Достаточно однозначная реакция почти всех государств, сформированных на базе бывшего Советского Союза, – заявил по этому поводу Егор Гайдар, – продемонстрировала обществу иллюзорность существующих надежд, что можно так вот попросту взять и восстановить СССР».

Отрицательно реагировали на постановление Госдумы и ведущие страны Запада. Госсекретарь США Уоррен Кристофер в ходе визита на Украину заявил, что решение российской Думы о восстановлении Советского Союза – крайне безответственное. Соединенные Штаты, по его словам, встревожены им не меньше, чем Украина. Кристофер напомнил, что Украина и другие страны, образовавшиеся на месте СССР, – это суверенные независимые государства, и любые попытки в одностороннем порядке изменить существующее положение будут отвергнуты международным сообществом. Министр иностранных дел ФРГ Клаус Кинкель, комментируя постановление Думы, предостерег своих западных коллег, сказав, что в создавшейся обстановке Западу надо проявлять «осторожность и бдительность».

Обеспокоенность решением Госдумы выразил Генсек ООН Бутрос Бутрос Гали.

Первое реальное дело коммунистов

В сущности, денонсация Беловежских соглашений была первым реальным делом зюгановцев. Не риторикой, не предвыборной демагогией, а реальным, практическим шагом, который они предприняли, пользуясь своим доминирующим положением в Госдуме.

– Для меня здесь важно то, что, по сути дела, это первый случай, когда зюгановцы, российская коммунистическая партия приняла

официальное государственное решение, – сказал в интервью РТР Анатолий Чубайс. – Это уже не речь на митинге, это не программа партии, это решение одного из высших государственных органов, которое было продиктовано коммунистами. Иными словами, впервые страна, весь мир получили возможность не просто услышать то, что задумано, что обещается, что произносится, а увидеть то, что делается коммунистами как партией, которая сегодня реально руководит Госдумой... Это показывает, а что же будет делаться и что будет происходить в действительности, если вдруг коммунисты окажутся у власти в июне 1996 года... Впервые лозунги, призывы, обещания восстановить Союз, великое государство оказались облечены в форму практического решения, которое в действительности ведет ровно к противоположному результату. Все то, что наработывалось все эти годы, с трудом, с ошибками, но тем не менее наработывалось шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком по выстраиванию взаимоотношений между Россией и Белоруссией, Россией и Казахстаном, другими бывшими союзными республиками по формированию таможенного союза, десяткам других направлений – все это сегодня поставлено под вопрос... То же самое будет с любыми другими решениями. Когда эти люди хотят восстановить связи между государствами, они их разрушают. Когда эти люди пытаются защитить пенсионеров, они их наказывают. Когда эти люди пытаются поднять зарплату, в действительности они снижают уровень жизни и т. д.

ЕЛЬЦИН: «РАЗОГНАТЬ ДУМУ И ЗАПРЕТИТЬ КПРФ!»

Контратака президента

Словесной перепалкой, однако, дело не ограничилось, хотя на слуху у широкой публики была лишь она. Что происходило помимо нее, в то время мало кто знал. О том, какие тучи вновь нависли в те дни над Россией, стало известно лишь позже. В середине марта 1996 года страна в очередной раз прошла по краю пропасти...

Коржаков и К^О давно подбивали Ельцина на силовое разрешение вопроса об удержании власти. Отмена прокоммунистической Думой Беловежских соглашений вроде бы предоставляла удобный повод для этого. Ельцин в «Президентском марафоне» приводит тогдашний совет своего главного охранника: «С трехпроцентным рейтингом бороться бессмысленно, Борис Николаевич. Сейчас упустим время за всеми этими предвыборными играми, а потом что?»

Не уверен, что Ельцин (или его литзаписчик Юмашев) здесь точно цитирует Коржакова. Тот скорее говорил не о трехпроцентном рейтинге (правда о низком рейтинге от президента скрывалась), а о том, что выборы несут с собой большую степень неопределенности, так что лучше их просто-напросто отложить.

«Чего греха таить: я всегда был склонен к простым решениям, — признается Ельцин. — Всегда мне казалось, что разрубить гордиев узел легче, чем распутывать его годами. На каком-то этапе, сравнивая две стратегии, предложенные мне разными по менталитету и по подходу к ситуации командами, я почувствовал: ждать результата выборов в июне нельзя... Действовать надо сейчас!».

Главные действия намечались такие — запретить компартию, распустить Думу, перенести президентские выборы на более поздний срок... При этом Ельцин четко осознавал, что он снова, как в 1993-м, «выходит за конституционное поле». Оправданием для него, как он считал, было то, что наконец-то он решает «одну из своих главных задач», поставленных им перед собой «еще в начале президентства», но так до сих пор и не решенных, — «навсегда покончить с компартией в России».

Напомню: Дума денонсировала Беловежские соглашения 15 марта. А подготовку к ответным силовым акциям Кремль начал уже через день. По воспоминаниям одного из главных участников тех событий – бывшего министра внутренних дел Анатолия Куликова, в воскресенье 17 марта рано утром ему позвонил Коржаков и пригласил к одиннадцати в Кремль на встречу с президентом. Среди приглашенных были и другие высокие чины – министр юстиции Валентин Ковалев, генпрокурор Юрий Скуратов, директор ФСБ Михаил Барсуков, председатель Конституционного Суда Владимир Туманов... В кабинет все заходили поодиночке. Куликов оказался у президента после Скуратова.

«Ельцин показался мне взбудораженным, – вспоминает Анатолий Сергеевич. – Пожал руку и без лишних разговоров объявил: «Я решил распустить Государственную думу. Она превысила свои полномочия. Я больше не намерен терпеть этого. Нужно запретить коммунистическую партию, перенести выборы». «Мне нужно два года, – он несколько раз, как заклинание, повторил эту фразу: «Мне нужно два года», – и я такое решение принял. Во второй половине дня вы получите указ».

Первой реакцией Куликова была реакция военного служаки, привыкшего беспрекословно подчиняться начальству:

«Борис Николаевич, – сказал я, – вы – президент и верховный главнокомандующий и можете принимать такие решения. Мы все обязаны им подчиниться. Я прямо сейчас отдам все необходимые распоряжения на этот счет».

Однако вслед за этим последовала и вторая реакция.

«Но если вы не возражаете, – сказал министр президенту, – я бы хотел продумать и доложить вам сегодня, к 17 часам, свои соображения более подробно».

Ельцин не возражал.

После посещения президентского кабинета был еще некий сбор в кабинете Коржакова для уточнения «деталей замысла». На нем бурно обсуждали принятое Ельциным решение. Среди прочего, чтобы предотвратить развитие событий по сценарию 1993 года, когда здание Верховного Совета оказалось набитым людьми, которых так и не удалось оттуда выкурить, решили, по предложению Куликова, объявить депутатское прибежище на Охотном Ряду заминированным, эвакуировать всех оттуда и взять здание под охрану.

Приехав в свое министерство, Куликов собрал коллегию, рассказал о решении президента и приказал «готовить расчет сил и

средств». То есть машина очередного серьезнейшего гражданского конфликта – по крайней мере, в том, что касается МВД, – была запущена на полный ход.

Бунт на корабле

В полдень в кабинет к Ельцину были приглашены его помощники Илюшин, Сатаров, Краснов, Батурин, а также депутат Госдумы Сергей Шахрай, по существу также игравший тогда роль президентского помощника. Ельцин сообщил им о своих намерениях, дал поручение подготовить соответствующий указ и обращение к народу. Реакция помощников на президентские планы была отрицательной, однако Ельцин не стал слушать их возражений и выпроводил из кабинета.

Помощники принялись за работу, однако – неслыханное дело! – к 17 часам вместо указа и обращения из-под их перьев вышел совсем другой документ, в котором доказывалась пагубность и бесперспективность ельцинских намерений. Документ назывался «Контрдоводы и альтернатива». Привожу его текст с некоторыми сокращениями:

- «1. Правовых обоснований жесткого варианта практически нет.
2. Такой вариант – реакция на решения Думы не адекватными реальной опасности средствами.

Оба постановления Думы (о денонсации Беловежских соглашений. – **О.М.**) вполне могут быть отменены Конституционным Судом...

К тому же весьма вероятно, что Совет Федерации осудит постановления Думы и предложит Президенту принять меры либо сам обратится в КС.

3. Судя по всему, принятие постановлений – это заранее спланированное провоцирование Президента на силовые действия...

4. Ответные шаги по постановлениям вызовут, скорее всего, отторжение и у многих некоммунистических слоев. Мотив: Президентом приняты неадекватные меры. Кризиса нет. Дума просто сама себя высекла. Короче, действительно на угрозу конституционному строю постановления не тянут.

Тем более Президент РФ сам сказал, что юридических последствий постановления Думы не имеют.

5. Нельзя назвать оптимистическими прогнозы относительно

реакции законодательных собраний регионов (и провинции вообще). Если не через СМИ, то через законодательные собрания может быть организовано сопротивление исполнению Указа. Тем самым нависает угроза гражданской войны. В этом случае придется открыто вводить президентское правление и отменить действие Конституции РФ.

Альтернатива:

– Письмо Президента в Совет Федерации.

– Понедельник (напомню, этот документ писался в воскресенье 17 марта. – **О.М.**) – работа среди членов СФ.

– Вторник – заявление СФ с оценкой решения ГД и о невозможности в создавшейся ситуации проводить выборы Президента РФ.

4. На основе решения СФ Указ Президента о переносе выборов Президента на 2 года и о прекращении деятельности КПРФ + Обращение к народу».

Как видим, у помощников все же не хватило духа полностью отвергнуть «план Коржакова». В качестве альтернативных шагов они лишь предложили, заручившись соответствующим решением Совета Федерации, отложить выборы президента и запретить деятельность КПРФ. Думу же трогать поостереглись.

Свою записку помощники передали Ельцину то ли вечером 17-го, то ли утром 18 марта.

Министр сомневается, министр возражает

В промежутке между 11-ю и 17-ю часами 17 марта министр внутренних дел также стал обдумывать ситуацию. У него тоже появились вполне естественные сомнения:

«Приказ мы выполним, но что станет со страной? Запрет компартии всколыхнет всю Россию, и на улицу выйдут сотни тысяч ее сторонников. Обязательно выйдут и те, кого доняли «сильные» ходы Бориса Ельцина. Общество, уставшее от перманентного политического кризиса, от военных потерь, от ежедневного чувства безнадежности, уже не связывает своих надежд с первым российским президентом и не встанет на его защиту. В обстановке хаоса возникает кровавый облик братоубийственной гражданской войны. Впереди тысячи погибших и искалеченных соотечественников. Распад Федерации. Изоляция страны. Невосполнимые потери в экономике.

Вывод один: этого делать нельзя! Нельзя ни в коем случае!»

Куликов принялся искать, как он пишет, «союзников и сторонников». Выяснилось, что примерно такого же мнения о ельцинских планах и другие высокопоставленные чиновники – Скуратов, Туманов... А кто «за»?

«Что-то говорило мне, – вспоминает Куликов, – президента кто-то здорово накручивает. На это указывало излишнее возбуждение Олега Сосковца и Александра Коржакова. Делая вид, что решение президента для них столь же неожиданно, как и для остальных, они немного переигрывали. И было понятно: Сосковец провалил первоначальный этап предвыборной кампании, а его штаб не был в состоянии привести Ельцина к победе. Война, которую затевал президент, могла списать все эти промахи, а Коржаков, который, как оказалось потом, чуть ли не выращивал из Сосковца будущего российского президента, действовал с ним заодно. Ради власти этих людей – сегодняшней и будущей – в принципе и была придумана вся эта комбинация. Ельцина попросту провоцировали, играли на его слабых струнах. И в какой-то момент он поддался на уговоры, приняв, как это он сам говорил впоследствии, вот эту «стратегию».

На прием к Ельцину к 17-00, не спросив разрешения у самого президента, Куликов пригласил генпрокурора и председателя Конституционного Суда. Сцена последовала тяжелая:

«Президент... был мрачен: лицо землистого цвета, неприветлив... Я коротко доложил: «Борис Николаевич, работа по выполнению вашего решения идет, расчеты производятся. Но мы, – я указал на Юрия Скуратова и Владимира Туманова, – считаем его ошибочным». Предлагаю высказаться своим коллегам – они говорят в принципе то же самое.

Президенту страшно не понравилось, что мы пришли втроем. Вроде как я подбил остальных на групповое неповиновение. Говорит мне с упреком: «Но вы же утром мне ничего не сказали». Уточняю: «Борис Николаевич, я ничего и не мог вам сказать. Поэтому попросил принять меня в 17 часов и выслушать предложения. Так вот – наше предложение заключается в том, что этого делать нельзя. Я готов объяснить, почему». Начал с того, что до выборов еще много времени, что рейтинг еще можно поднять. Но самая главная опасность заключается в том, что в стране возможен социальный взрыв, а вот сил, для того чтобы контролировать ситуацию, у нас нет и не предвидится... Они в Чечне. Они еще воюют. Сказал, что нам проще всего было шелкнуть каблуками, а потом все свалить на президента. Но мы решили не скрывать своих опасений.

Ельцин меня прервал: «Министр, я вами недоволен! Указ последует. Идите! Готовьтесь и выполняйте!».

Вскоре Куликов узнал, что против ельцинских планов настроены и люди, которым поручено непосредственно подготовить президентский указ. Позже ему стало известно также, что к команде несогласных присоединился Виктор Черномырдин...

Здание Думы занято вооруженными людьми

Между тем план Ельцина вроде бы начал уже осуществляться. 17-го числа ближе к вечеру здание Госдумы было занято подразделениями ОМОНа и ГУО (Главного управления охраны). Всего, по оценкам свидетелей, в нем оказалось около полутора сотен человек с оружием. Всех служащих и депутатов, кто находился в этот момент в здании, оттуда выдворили. Снаружи никого не пускали. Ко всему прочему в Думе еще выключили и свет (это совсем уж напоминало осень 1993-го в Белом доме).

За связь с силовыми структурами в Думе отвечал вице-спикер, известный армянский полярный мореплаватель Артур Чилингаров. Ему и пришлось первому реагировать на разворачивающиеся события.

«В воскресенье в 18 часов, — рассказывал он, — я получил звонок от ответственного дежурного по Государственной думе, что в помещении ищут бомбу (был некий анонимный звонок или даже несколько звонков. — О.М.). Я подъехал, так как по распределению обязанностей отвечаю за взаимодействие с этими структурами. Меня не пустили в Думу. Было сказано, что депутатов приказано не пускать. Пришлось проявить максимум настойчивости, чтобы все-таки вызвать ответственных лиц... Поднялся к ответственному дежурному, получил информацию. Да, действительно, собаки ходят, ищут бомбу... В это время я встретил здесь руководство ГУВД Москвы и Главного управления охраны, которые сказали, что, кроме того, в Подмоскowie находятся террористы, не исключено, что придется защищаться и организовывать защиту здания... Я еще раз вернулся, но больше меня в Государственную думу не пустили...»

Какое-то время здание Госдумы оставалось недоступным для депутатов и думских чиновников и на следующий день, 18-го. Депутат Владимир Гусев:

«В 6-50 в понедельник я пришел на работу... меня встретили молодые люди в милицейской форме... На все мои вопросы они отвечали, что в здании высокий уровень радиации, получен приказ: не пускать никого. Десять минут моего разговора, беседы с военными... Их было очень много – я думаю, несколько сотен человек вооруженных стояли у здания... Рассуждения привели к тому, что депутатам дан отдых в понедельник. Чтобы шли они домой...»

Вот, оказывается, как просто захватить здание парламента – достаточно одного телефонного звонка о заложенной бомбе. Так, чтобы этот звонок раздался в субботу или воскресенье. Как подумаешь, чего стоило реализовать такой сценарий в сентябре 1993-го! Не было бы этого моря пролитой крови. Впрочем, тогда его реализовать не удалось бы, обстановка была совсем другая. Депутаты не покидали свои места даже в выходные, вместе с толпами сочувствующих готовились к вооруженному отпору.

Помимо сообщений о «минировании» и захвате здания Госдумы была и другая тревожная информация. Ряд зарубежных информационных агентств сообщили, что в повышенную боевую готовность приведены части, которые обычно участвуют во внутренних конфликтах, – дивизия Дзержинского, Таманская, Кантемировская дивизии, бригада, дислоцированная в Теплом Стане...

«Идите. Ждите команды»

На следующий день очередное совещание у Ельцина состоялось уже совсем рано – в шесть утра. Куликов вновь попытался отговорить президента от «решительных действий». Вот как описывает это совещание бывший глава МВД:

«Заходим в кабинет. Президент еще мрачнее, чем был накануне. Ни с кем не поздоровался. Когда сели, я спросил: «Борис Николаевич, разрешите доложить?» – «Нет. Садитесь, я не с вас хочу начать, – Ельцин сразу обозначил свое отрицательное отношение ко мне, – я сейчас послушаю московских...» А Коржаков тем временем подсовывает ему под руку записочку с именами-отчествами милицейских генералов (двоих однофамильцев министра внутренних дел – начальника ГУВД Москвы генерал-полковника милиции Николая Куликова и его коллеги из Московской области генерал-полковника милиции Александра Куликова. – **О.М.**). Ельцин прочел ее и поднял с места

начальника ГУВД Московской области: «Доложите, Александр Николаевич, как идет подготовка!» Тот сообщил о работе, которая уже проведена: «В соответствии с полученной от министра задачей произведен расчет сил и средств, взяты под охрану объекты, 16 тысяч человек задействованы, требуются дополнительно еще как минимум 13 тысяч».

Президент с деланным удовлетворением на лице: «Ну вот, хорошо идут дела в Московской области, не то что в Министерстве внутренних дел!..» Я понял, что на столе перед ним лежит еще один указ – о моем освобождении от занимаемой должности. Это обычные листки бумаги, только перевернутые, чтобы никто не мог прочитать их содержание. Но один из них, верхний, все-таки просвечивался, и было видно, что там совсем немного текста. Один абзац – освободить прежнего министра. Другой абзац – назначить следующего. Но мне в тот момент это было абсолютно безразлично. Я для себя решил, что в этой аванюре я участвовать не буду.

Когда президент посадил моих однофамильцев, я все-таки еще раз попросил разрешения доложить. Говорю: «Борис Николаевич, это ведь не только мое мнение, но и моих заместителей».

Он тут же меня прерывает. Смотрит зло, раздраженно: «Они у вас что, все коммунисты?..» – «Нет, не коммунисты, – парирую я, – но в 91-м и в 93-м годах у вас были все основания для подобных действий. Сейчас их нет. Это похоже на авантюру. Последствия не просчитаны. Разгон Думы – антиконституционный акт, а сегодняшняя Конституция – это ваша, Борис Николаевич, Конституция...»

Ельцин прерывает меня и говорит: «Это уже мое, а не ваше дело, какой это акт!» Я не сдаюсь: «Разрешите продолжить?» Молчит. «Привлечь коммунистов к уголовной ответственности не за что. Если вести речь об уголовной статье за измену Родине, то ведь они выступают за сохранение целостности СССР... За что их привлекать?» После этого президент не выдерживает, вскипает: «Вы как себя здесь ведете? Что вы мне не дадите слово сказать?! Это вы там, у себя, совещания проводите, как хотите, а здесь вы находитесь у меня в кабинете!» Подавил гнев, смотрит на меня разочарованно. Я гну свое: «Разрешите продолжить?» Молчит. «Уход коммунистов в подполье создаст им образ гонимых властью людей. Сейчас у них пять различных направлений, но они будут консолидированы. Это будет мощная сила. Туда пойдет молодежь».

Пользуюсь тем, что Ельцин меня не останавливает, и задаю очень важный вопрос: «А почему на этом совещании нет Грачева?

Кто просчитал реакцию Вооруженных Сил? У меня нет уверенности, что они вас поддержат. Спросите у Барсукова, он подтвердит, что у военной контрразведки имеются данные о том, что в случае выступления некоторых частей Вооруженных Сил им обещана поддержка. Расчет делается на инертность народа, на то, что никто не выйдет поддержать коммунистов. На это же рассчитывал и Крючков в 91-м году... И проиграл. Он тоже говорил, что народ не выйдет, и уповал на демонстрацию военной силы. Сейчас это делаем уже мы».

И тут выкладываю последние козыри: «Здесь должны присутствовать генеральный прокурор и председатель Конституционного Суда. Они разделяют мою позицию». Ельцин уже просто ворчит: «Вы за себя говорите! Вы за других не говорите! Я знаю их точку зрения». Мне тоже приходится перейти на более мирные тона: «Ответственность в данном случае будет лежать на вас. Президент России – это объединитель нации, а вам, Борис Николаевич, навязывают войну. Даже непонятно, кто дает такие советы!...»

...Я ожидал, что именно сейчас президент перевернет лист на столе и подпишет указ о моем освобождении. После тяжелой паузы Ельцин произнес, как мне показалось, через силу: «Да, их нужно разогнать. Мне нужны два этих года. Указ готов к подписанию. Проблему решим, наверно, так: поэтапно... Помещение Госдумы и компартии пока не занимать! (Между тем здание Госдумы уже занято. – **О.М.**) Сегодня я буду говорить со Строевым и с Лужковым. Идите. Ждите команды».

Когда Ельцин это сказал, я понял, что ничего страшного уже не случится. У президента хватило мудрости перешагнуть через себя, через свой характер. Он понял, что затея может кончиться трагически, что его пытаются использовать. Я не сомневался, что ельцинская фраза «Ждите команды» – это уже слабый отголосок пролетевшей грозы. Последними раскатами грома были и начатое блокирование здания Госдумы, и объявление, что оно заминировано. Но уже около 8-00 Крапивин (начальник Главного управления охраны. – **О.М.**), позвонивший мне в министерство, начисто рассеял все мои сомнения: «Дана команда думцев запускать!»

В довершение всего сразу после совещания Куликов попросил одного из своих генералов-однофамильцев – начальника столичного ГУВД – встретить в аэропорту московского мэра Юрия Лужкова, возвращающегося из какой-то поездки, и рассказать ему, о чем говорилось на совещании у президента, чтобы он был готов к разговору с Ельциным. Лужков, по словам Куликова, также категорично высказался против разгона Думы и запрета компартии.

Почти всякий автор мемуаров стремится представить в них себя в наилучшем свете. Так что читать их, мемуары, надо, всегда имея это в виду, делая на это скидку. Может быть, в реальности, возражая Ельцину, Куликов и не был так настойчив и храбр. В частности, не уверен, что он, находясь в кабинете президента, мог в глаза ему сказать, что задуманное им «похоже на авантюру». Однако в целом, думаю, примерно так оно в действительности и было, как пишет Куликов. Подтверждением тому служат слова самого Ельцина — что против его планов «неожиданно резко» выступил министр внутренних дел и что ту же позицию занял премьер Черномырдин.

И все-таки большинство — «за»

Однако в целом сам Ельцин то утреннее совещание 18 марта (он ошибочно датирует его 23-м), его исход и настроение большинства тех, кто на нем присутствовал, описывает несколько иначе. Упомянув, что против его планов высказались Куликов и Черномырдин, президент пишет, что большинство участников совещания поддержали идею переноса выборов:

«Борис Николаевич, — говорили мне, — вы же не отказываетесь от выборов, вы только переносите их на два года, поэтому обвинить вас в нарушении демократических принципов нельзя. Народ не хочет никаких выборов. Все привыкли к вам. И с коммунистами можно покончить только решительными действиями. Сколько лет они будут людям головы морочить, отравлять всем мозги?! Сейчас, может быть, тот самый благоприятный момент, когда это можно сделать. У вас пошел рейтинг вверх, за вами все пойдут».

Наконец я сказал: «Все понятно. Большинство — «за». Совещание закончено. Идите, я подумаю сам».

Последнюю точку ставит Чубайс

Перелом в своем настроении Ельцин объясняет не возражениями помощников, не сопротивлением Куликова и других высокопоставленных чиновников. По крайней мере, считает он, не это сыграло решающую роль. После описанного совещания он все еще продол-

жал раздумывать, как поступить. Окончательное решение надо было принять быстро, в течение суток, пока информация о его планах не распространилась за пределы узкого круга посвященных. В этот момент, как пишет Ельцин, инициативу взяла на себя его дочь Татьяна. Она пригласила в Кремль Анатолия Чубайса, не занимавшего, как мы знаем, в ту пору никаких официальных постов, и попросила отца принять его и выслушать «другое мнение». По словам Ельцина, именно разговор с Чубайсом оказался решающим. Сам президент так излагает его:

«Борис Николаевич, – сказал Чубайс, – это не девяносто третий год. Отличие нынешнего момента в том, что сейчас сгорит первым тот, кто выйдет за конституционное поле. Хотя, в сущности, и в девяносто третьем первыми за флажки вышли они. Это безумная идея – таким образом расправиться с коммунистами. Коммунистическая идеология – она же в головах у людей. Указом президента людям новые головы не приставишь. Когда мы выстроим нормальную, сильную, богатую страну, тогда только с коммунизмом будет покончено. Отменять выборы нельзя».

...Мы разговаривали около часа. Я возражал. Повышал голос. Практически кричал, чего вообще никогда не делаю. И все-таки отменил уже почти принятое решение. До сих пор я благодарен судьбе, благодарен Анатолию Борисовичу и Тане за то, что в этот момент прозвучал другой голос – и мне, обладающему огромной властью и силой, стало стыдно перед теми, кто в меня верил...

Кстати, Ельцин добавляет, что именно после этого разговора – напомним, состоявшегося 18 марта, – после этой «важной психологической и идеологической победы», одержанной Чубайсом, вскоре созданная и возглавленная им аналитическая группа «стала главным центром принятия всех политических решений». В то время как «предвыборный штаб Сосковца перестал существовать».

«Он не хотел меня видеть, не хотел со мной говорить»

У Чубайса в тот год было несколько критически важных разговоров с Ельциным. Один из них – 20 июня, когда по распоряжению Коржакова были задержаны два сотрудника Чубайса по избирательному штабу – Естафьев и Лисовский. Другой, который напрашивается на сравнение с тем, июньским, – вот этот, 18 марта, когда на Рос-

сию надвигались события, похожие на 3 – 4 октября 1993 года. Спрашиваю Анатолия Борисовича, какой из этих двух разговоров был для него сложнее?

– Пожалуй, 18 марта, – отвечает мне Чубайс. – Я бы не сказал, что 20 июня дело обстояло так: вот я пришел к Ельцину и переубеждал его. Я думаю, что, располагая той информацией, которую он уже получил к моменту моего прихода, он всю картину достаточно хорошо понимал. Вернее, может быть, не понимал, а чувствовал своим исключительным чутьем. И я со своими словами мог оказаться тут всего лишь последней каплей... Гораздо более тяжелым был мой разговор с Ельциным 18 марта, когда я уговаривал его не распускать Думу и не запрещать КПРФ. Там я попал в ситуацию абсолютного открытого противостояния с ним. Было совершенно очевидно, что он просто не хочет меня видеть, не хочет со мной говорить, не хочет обсуждать эту тему, не хочет слушать моих аргументов... У него все уже сложилось в голове. А когда у него сложится в голове, изменить здесь что-то – это, я вам скажу, задача такая, практически невыполнимая. В общем тогда мне приходилось давать всему делу некий стартовый импульс.

– А вам не кажется, – говорю, – что в той ситуации подход, которого придерживался Коржаков и его друзья, – отменить (перенести) выборы – имел право на существование: ведь положение Ельцина (низкий рейтинг, череда инфарктов) было практически безнадежным?

– Категорически нет. И тогда так считал, и сейчас считаю. По двум группам причин. Первая группа – чисто юридическая: юридической технологии, с помощью которой можно было бы реализовать это решение – отменить или перенести выборы, – не существовало. Это было совершенно очевидно...

– В 1993-м такой технологии тоже ведь не существовало...

– Это не совсем так. Если вы имеете в виду, что Указ президента № 1400 о приостановке действия Съезда и Верховного Совета нарушал Конституцию, – это чистая правда. Но есть еще политическая группа причин. В общем нетрудно было спрогнозировать: если бы тогда, в 1996-м, Ельцин отменил или перенес выборы, его действия получили бы совершенно однозначную трактовку не только со стороны коммунистов, но и со стороны большей части политических сил. Эта трактовка очевидна: президент испугался прямых выборов, он испугался той самой демократии, которую сам создал, он сворачивает эту демократию. Таким образом мы получили бы ситуацию,

когда против нас были бы не только наши традиционные оппоненты, но у нас был бы и абсолютно расколотый собственный лагерь. Политические последствия этого были бы просто чудовищные. Коржаков этого просто не мог понять. Я как-то обсуждал с ним это. Разговор был примерно таким. «Александр Васильевич, – говорю, – ну хорошо, вы предлагаете отменить или перенести выборы... А как это сделать?» – «Да ну как – указ написал: перенести, – и все». – «Подожди, указ, – но ведь есть Конституция, есть закон о президенте... Там прописан срок его полномочий. Когда срок истекает, полномочия прекращаются...» – «Да ладно, указ написал – и все». – «Ну хорошо, а что делать с Конституционным Судом, в который, естественно, сразу же обратится та сторона? Мы это дело проиграем, указ будет отменен мгновенно, в течение семи-восьми суток. Что мы тогда будем делать?» – «Что делать? Да указ написал – и все. О чем там еще говорить!» То есть обсуждение было бессмысленным. Это была абсолютно убийственная стратегия, которая привела бы Ельцина к политической катастрофе практически мгновенно.

– Когда у вас испортились отношения с Коржаковым – сразу, как только вы включились в избирательную кампанию, или через какое-то время? Что было тому причиной – взаимная личная неприязнь, психологическая несовместимость или разница во взглядах на ситуацию – он гнул в сторону переноса выборов, а вы были категорически против этого?

– Нет, ну я же к этому времени уже много лет его знал, и отношения между нами уже вполне сложились. Мы десятки, сотни раз встречались по сотням различных текущих вопросов. Парадокс состоит в том, что как раз ничего личностного в наших отношениях не было.

– Ельцин все время колебался в выборе между вами и Коржаковым или сначала в основном ориентировался на своего охранника, а в дальнейшем, особенно после 18 марта, когда вы уговорили его не распускать Думу и не запрещать КПРФ, – на вас (кстати, он сам отмечает эту веху в своих мемуарах)?

– Мне трудно сказать, колебался ли он. Я думаю, выбор был для него непростым... Дело в том, что на старте избирательной кампании Ельцин был уверен, что она идет хорошо. Ему же докладывали Сосковец и Коржаков: все классно, все замечательно, ваш рейтинг растет, народ требует, чтобы вы оставались президентом. Это продолжалось, пока не пришли мы и не показали ему, что рейтинги катастрофически низкие. Тогда он развернулся...

– В сущности, 17 марта Ельцин ведь фактически уже начал осуществлять план Коржакова. Как мы знаем, в 6 часов вечера Думу захватили омовцы и сотрудники Главного управления охраны – под предлогом проверки анонимного звонка о том, что она заминирована. Всех депутатов, кто там находился, чиновников, технических работников удалили из здания и никого не пускали.

– Да, то, что Борис Николаевич на это согласился, можно трактовать как колебания, которые он постоянно испытывал. Конечно, два этих больших сценария – провести нормальные выборы или отложить их года на два – он всегда держал в голове и так или иначе соотносил друг с другом. И должен был это делать. А в тот момент – 17 – 18 марта – мы просто прошли по краю пропасти.

– Многие считают, что главным факельщиком, главным зачинателем всех этих интриг был не сам Коржаков, а Сосковец. Собственно говоря, к нему и прилепился – кажется, с вашей подачи – соответствующий титул: «их духовный отец – Сосковец»...

– Безусловно. Сосковец по своему потенциалу был из них самым масштабным. Но в принципе существовала целостная группировка, очень мощная и сплоченная. Группировка, которая объединяла по политическим интересам Сосковца, Коржакова, Барсукова... Это была серьезная политическая сила, аппаратная политическая сила. Они уже могли поставить Генерального прокурора, какого хотели, других высоких должностных лиц... В числе их главных задач было добиться отмены или, по крайней мере, переноса президентских выборов. И с определенного момента я для этой группировки стал врагом номер один.

Да, это уже был не 1993 год

Почему все-таки в марте 1996-го не повторилось то, что случилось в сентябре – октябре 1993-го? Вроде бы все было готово к такому повтору. Оставалось сделать последний шаг – подмахнуть указ, аналог того прежнего Указа №1400. Ельцин его не подмахнул...

Сам он не объясняет, что именно побудило его отказаться от этого шага – слова ли Чубайса о том, что «указом президента людям новые головы не приставишь», или что-то еще. Тот давнишний Указ №1400 тоже ведь не был рассчитан на то, чтобы приставить кому-то новую голову, но он сделал свое дело.

Думаю, ситуация на этот раз была совсем другая, не та, что в 1993 году... И Ельцин не тот... В 1993-м было достаточно очевидно: реформы – возможно, главное жизненное дело президента – уперлись в глухую стену. Надо было эту стену взорвать, разрушить. И он ее взорвал. Теперь же, в 1996-м, никакой глухой стены не было. Противников реформ оставалось достаточно, но их сопротивление не представлялось смертельно опасным, вполне преодолевалось в рамках Конституции. Выходить за ее пределы не требовалось. Угроза была не реформам, а его, ельцинскому, второму президентскому сроку. Подпиши он «разгонный» указ, указ о переносе выборов на два года, – все бы восприняли это однозначно: а, он не в силах победить соперника-коммуниста законно – вот и использует незаконные силовые методы! Ресурс поддержки Ельцина народом, силовыми структурами, уже и в 1993 году пребывавший «на грани», теперь, в 1996-м, сделался бы отрицательным.

Не тем уже был и сам Ельцин. Вроде бы ну что такое три года! Даже два с половиной... Но за это время он сильно сдал. Победа 1993 года оказала на него сильное разрушающее действие. Неприятные казусы в Пекине... Берлине... Шенноне... Следующие один за другим инфаркты... Все еще низкий (хотя и несколько подросший в последнее время) рейтинг... Вряд ли на этот раз, из очередного столкновения с противником, он смог бы выйти триумфатором...

Коммунисты встревожены

Как всегда, тайные планы Ельцина не удалось утаить от его противников: слишком многие и на этот раз, как накануне 21 сентября 1993 года, в них оказались посвящены, в том числе те, кто отнюдь не симпатизировал президенту.

К тому же агрессивные ельцинские намерения не особенно и пытались скрывать: в воздухе носилось – готовится что-то серьезное. Для принятия неких чрезвычайных мер был как бы создан соответствующий фон (хотя истинная причина тревоги, естественно, утаивалась): как уже говорилось, 17 марта пришел сигнал, что взрывчатка заложена в Думе, и из здания пришлось всех спешно эвакуировать. В этот же день в одном из московских автобусов обнаружили мощное взрывное устройство. В общем, якобы из-за угрозы терактов в столице были приняты дополнительные меры безопасности, а московская

милиция в очередной раз переведена на усиленный режим несения службы. Тему поддержания правопорядка Ельцин принялся обсуждать с только что приехавшим из аэропорта московским мэром Лужковым...

Правда, реакция ельцинских оппонентов на нависшую над ними угрозу оказалась несколько запоздалой. Лишь 18 марта, когда, по сути, уже был дан отбой, Зюганов выступил перед журналистами с предупреждением, что в Кремле готовится «силовой вариант» ответа на решение Государственной думы по Беловежью.

Бывший российский вице-президент Руцкой, большой знаток по части силовых кремлевских действий, напротив, высказывал сомнение, что Ельцин на этот раз на подобные действия решится:

— Если это и готовится, то это просто сумасшедшие в окружении президента. Потому что сегодня ситуация в России — это не 1993 год, тут можно и в ответ получить так, что потом не успеешь и ноги унести.

В Кремле, естественно, отрицали «силовые» намерения. Об этом, в частности, сказал 18 марта сам Ельцин, отвечая на вопрос Интерфакса: дескать, опасения коммунистов «лишены оснований».

Вполне адекватно, хотя тоже несколько запоздало, оценили коммунисты историю с «минированием» Госдумы.

«Ни о каких учениях по поиску бомбы (была запущена еще одна версия — учения. — **О.М.**) в здании Государственной думы речи вести нельзя, — заявил 20 марта по «Эху Москвы» председатель Комитета Госдумы по безопасности Виктор Илюхин, — слишком они совпали с теми решениями, которые принимала Дума 15 марта, и с той негативной реакцией, которая последовала со стороны президентских структур». По словам Илюхина, «речь идет о попытке разрешить ситуацию силовыми методами». «Это был первый шаг к тому, чтобы блокировать вообще работу Государственной думы, — сказал Илюхин. — Просто на каком-то этапе развитие силового варианта было приостановлено... По моей информации, произошла борьба двух групп в окружении президента. Одна из них выступала за конституционное разрешение конфликта, а другая настаивала на его силовом разрешении. Сегодня можно с удовлетворением сказать, что в этой борьбе победил разум... Если бы это было учение, то оно должно быть согласовано хотя бы с руководством Государственной думы... Кроме того, действия в Думе совпали по времени с определенными командами в войска, спецслужбы, спецназ, которые последовали чуть раньше и в процессе этих так называемых учений. В повышенную боеготов-

ность были приведены некоторые подразделения, в том числе 2-я и 4-я дивизии Московского военного округа. Некоторые милицмейские части были введены в Москву дополнительно... Все это совпало по времени, и это не случайно».

Тревога, однако, улеглась не сразу. 23 марта Жириновский, известный игрок на политической бирже, выступая на пленарном заседании Госдумы, сообщил, что, по его данным, в Администрации президента «подготовлен указ о роспуске нижней палаты парламента».

В этот день ряд депутатов Госдумы – главным образом коммунисты и их союзники (Зюганов, Жириновский, Бабурин, Горячева, Илюхин и др.) – выступили с обращением «к генералам, офицерам и военнослужащим всех родов войск». Авторы уверяли, что постановление Думы по Беловежским соглашениям «ни малейшим образом не посягает на суверенитет государств – участников СНГ, на добровольный, поэтапный характер их взаимного сближения», оно является «справедливым актом», который «поддержал народ». Депутаты призвали военных «быть бдительными и не поддаваться на возможные провокации». «Оставайтесь в рамках закона и верности своему народу!» – говорилось в обращении.

Помимо прочего, думы поручили соответствующим службам подыскать в Москве резервный зал, где бы они могли проводить заседания в случае, если их не пустят в здание на Охотном Ряду.

Совет Федерации призывает Думу еще раз подумать

Отказавшись от силового варианта, Ельцин решил действовать мирными, парламентскими средствами. 18 марта он направил в Совет Федерации письмо, осуждающее решение Думы по Беловежским соглашениям. К обсуждению его верхняя палата приступила уже на следующий день, 19-го. Во время этого, многочасового, обсуждения в адрес Думы было высказано немало резких слов. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев, например, назвал думское постановление «попыткой дестабилизировать обстановку в России», а глава администрации Московской области Анатолий Тяжлов даже не исключил, что «это – начало готовящегося государственного переворота».

Впрочем, раздавались и слова в поддержку...

В итоге верхняя палата обратилась к нижней с довольно мягкой просьбой «еще раз тщательно проанализировать возможные послед-

ствия» принятого постановления. Видимо, учитывая эту мягкость, думцы отказались вернуться к обсуждению своего постановления и направили обращение сенаторов во фракции и депутатские группы для «предварительного рассмотрения». Дело легло в долгий ящик...

Они не понимают: поезд ушел

Однако в целом реакция на думское постановление, как уже говорилось, была весьма резкой. Судя по всему коммунисты и их союзники не ожидали такой реакции и не знали, как выпутаться из сложившейся ситуации. Их разъяснения, что они-де не хотели ликвидировать СНГ и восстанавливать Советский Союз, напоминали детский лепет.

Вообще эту историю с «восстановлением» СССР, обернувшуюся жалкой комедией, неплохо бы вспоминать всякий раз, когда очередной «советский патриот», бия себя в грудь, начинает перед телекамерой рыдать по погибшей империи и призывать немедленно, ну прямо вот сейчас, сию минуту воссоздать ее в целости и сохранности (а свидетелями таких сцен мы до сих пор регулярно становимся). Ясно ведь всем: ну нет на просторах бывшего Союза сколько-нибудь существенного числа желающих заниматься таким воссозданием, способствовать ему! Нет и нет! Особенно таковых желающих не наскребешь за пределами России, в бывших советских республиках, ставших суверенными и независимыми. Но и в самой Российской Федерации их немного: понимают люди всю несбыточность подобных мечтаний – все, поезд ушел.

Впрочем, подобная ситуация была вполне оформившейся уже тогда, в начале 1996-го. Так что «предвыборная» затея коммунистов с денонсацией Беловежских соглашений оказалась совершенно провальной. Как отмечали тогда российские и зарубежные СМИ, Ельцин «выиграл этот раунд» избирательной кампании.

Всякому приходило на ум: если левые не в состоянии просчитать последствия хотя бы одного своего решения, – как же они собираются справляться со всем государственным управлением в случае своей победы на выборах?

Впрочем, сами коммунисты, по-видимому, считали иначе. Наиболее вероятную логику их рассуждений и дальнейших действий в интервью РИА «Новости» изложил депутат Госдумы Сергей Шах-

рай. По его мнению, Дума не пересмотрит своего постановления, по крайней мере до выборов. «Компартии РФ и ее союзникам, инициировавшим принятие Думой нашумевшего постановления, нужна конфронтация с властью в период предвыборной кампании, – сказал Шахрай, – на этом пути коммунисты собираются мобилизовать, консолидировать свой электорат». Как считал депутат, ошибка коммунистов заключалась в двух вещах: «Во-первых, они дезавуировали Думу, которая теперь, исходя из принятых ею же постановлений, не конституционна, и ее решения могут не выполняться. А во-вторых, компартия, судя по всему, рассчитывала или на силовой ответ президента, или на игнорирование им принятых документов». Шахрай выразил удовлетворение тем, что Ельцин не пошел ни по первому, ни по второму пути: «Реакция президента была выдержанной и конструктивной...»

Сегодня мы знаем, что в действительности это совсем не так. Ельцин собирался-таки предпринять мощную силовую акцию, и лишь несогласие части его окружения – в том числе силовиков, – угрозы Чубайса помешали этому.

Данные социологов

(17 марта 1996 года)

9 – 10 марта независимый институт Российского общественного мнения и исследования рынка (РОМИР) по заказу «Итогов» провел опрос на тему «За кого вы отдали бы голос, если бы выборы президента были сегодня?». По данным института, Зюганов получил бы 26 процентов активной части электората (то есть тех, кто собирается участвовать в выборах), Ельцин – 17, Явлинский – 9, Жириновский – 7, Лебедь – 6, Святослав Федоров – 5, Черномырдин – 4, Гайдар – 3, Руцкой – 2, Горбачев – менее одного процента.

Примерно такие же цифры получил и ВЦИОМ, проводивший аналогичный опрос 13 марта: Зюганов – 25 процентов, Ельцин – 15, Явлинский – 11, Жириновский – 9, Лебедь – 8, Святослав Федоров – 7, Черномырдин – 4, Гайдар – 3, Горбачев – 1.

Социологи отмечают: у Зюганова рейтинг уже не растет так быстро, в то время как у Ельцина он увеличивается довольно значительными темпами. Как считает Юрий Левада, рейтинг Зюганова «почти подошел к своему пределу», тогда как у нынешнего президента «еще есть возможности, и его предел – около 30 процентов». Одна-

ко, несмотря на разницу в темпах роста, к середине июня рейтинг Зюганова, по прогнозу ВЦИОМа, все же будет опережать рейтинг Ельцина на 3 – 5 процентов. Вообще позиции Зюганова пока весьма прочны. Если бы второй тур президентских выборов проводился сейчас, он, по опросу РОМИРа, победил бы любого из потенциальных соперников: Жириновского – с соотношением голосов 44 : 13, Лебедя – 40 : 22, Явлинского – 38 : 29, Ельцина – 40 : 31.

По словам Левады, главное, чего население ждет от Ельцина и чего требует от него, – покончить с войной в Чечне. Нерешенность этой проблемы социологи считают самым большим препятствием для победы Ельцина на выборах. Далее следуют такие требования: он должен обеспечить законность и порядок, возродить статус России как великой державы, добиться справедливого распределения доходов, вернуть людям потерянное в ходе реформ и продолжить их без социальных издержек. Воссоединение республик бывшего СССР к числу приоритетных задач относят лишь около 13 процентов населения...

КОМАНДА ЧУБАЙСА СТАНОВИТСЯ У РУЛЯ

Ельцину раскрывают глаза

19 марта произошло весьма важное событие, резко изменившее весь ход избирательной кампании Ельцина. В этот день президент вновь принял у себя в Кремле Чубайса. Вместе с ним приема удостоились предприниматели, которые сгруппировались вокруг Анатолия Борисовича после Давоса. Ельцин так описывает это радеву:

«...Я встретился в Кремле с руководителями крупнейших банковских и медиа-групп: с Гусинским, Ходорковским, Потаниным, Березовским, Фридманом и другими известными бизнесменами... Это была первая моя встреча с представителями российского бизнеса в таком составе. Она состоялась по их инициативе, к которой я поначалу отнесся довольно сдержанно. Понимал, что деваться им некуда, все равно будут меня поддерживать, и думал, что речь пойдет, видимо, о финансировании моей предвыборной кампании. Но речь пошла совсем о другом. «Борис Николаевич, то, что происходит в вашем предвыборном штабе во главе с Сосковцом, в вашем окружении, — это уже почти крах. Именно эта ситуация заставляет одних бизнесменов идти договариваться с коммунистами, других — упаковывать чемоданы. Нам договариваться не с кем. Нас коммунисты на столбах повесят. Если сейчас кардинально не переломить ситуацию, через месяц будет поздно» Такого жесткого разговора я, конечно, не ожидал».

Ельцин здесь не уточняет, кому принадлежали эти (или похожие) слова о том, что Сосковец довел его избирательную кампанию почти до краха, до катастрофы. Вообще-то требовалась немалая храбрость, чтобы взять на себя роль гонца, приносящего дурную весть, в данном случае — попытаться раскрыть президенту глаза на истинное, весьма плачевное положение дел: до сих пор ведь его уверяли, что эти дела обстоят прекрасно, народная поддержка ширится, рейтинг растет... Кто же был этот смельчак?

В книге американского автора Дэвида Хоффмана «Олигархи: капитал и власть в новой России», вышедшей в Нью-Йорке в 2002 году, читаем:

«...Кто-то должен был сказать Ельцину горькую правду – он больше не популярен. Кто конкретно? Чубайс водрузил портфель на элегантно сервированный стол, открыл и вытащил бумаги. «Борис Николаевич, – бесстрашно начал он, – ситуация непростая. Ваш рейтинг – пять процентов!» Президент глянул на бумаги, отшвырнул в сторону: «Полная чушь!» Затем медленно, сдерживая гнев, но сильно покраснев, проговорил: «Анатолий Борисович, надо выяснить, кто подготовил эти рейтинги. Я думаю, они не верны». Он сделал ударение на последних словах – «не верны». Пришла очередь краснеть Чубайсу. Повисла долгая пауза. Затем голос подал Гусинский: «Борис Николаевич, все, что ваши люди говорят вам, – это все ложь». Ельцин повернулся и впился взглядом в Гусинского. «А откуда вы знаете, что мои люди говорят мне?» – «Борис Николаевич, – ответил Гусинский, – я это вижу по тому, как вы себя ведете. Они дают вам неверные сведения». Еще одна долгая пауза... Однако разговор через пень-колоду, но все-таки продолжился. Банкиры предложили Чубайса в качестве ответственного за ведение избирательной кампании. И ушли, обменявшись на прощание с Ельциным рукопожатием, но так и не поняв, с каким результатом закончилась встреча».

Спрашиваю Чубайса, так ли все было на самом деле.

– В принципе Хоффман прав, – отвечает Анатолий Борисович, – но с одним уточнением: я произнес не одну фразу, а небольшую речь – минут на пять-семь, но очень наступательно. Потом уже меня поддержал Гусинский.

Я бы еще добавил, что в тот момент – в середине марта – рейтинг Ельцина составлял уже не пять, а, как мы видели, 15 – 17 процентов (думаю, неточность здесь допустил скорее автор книги, а не Чубайс). Но это все равно было примерно на 10 процентов ниже зюгановского рейтинга.

Сам Ельцин, понятное дело, не упоминает о приступе ярости, охватившей его в первые минуты после того, как ему сообщили «пре-неприятное известие» (кто не помнит, это из Гоголя, из «Ревизора») о катастрофической ситуации с его избирательной кампанией. Сообщает только, что после неожиданного для него «жесткого разговора» его посетители «предложили использовать в предвыборной кампании весь их ресурс – информационный, региональный, финансовый, но самое главное – человеческий». «Они, – пишет Ельцин, – рекомендовали в штаб своих лучших людей. Тогда и появилась так называемая аналитическая группа, куда вошли Игорь Малашенко, Сергей Зверев, Василий Шахновский, независимый социолог Александр Ослон и другие молодые, сильные аналитики...»

По словам Ельцина, в этот же момент, согласно общему желанию его посетителей, свершилось и назначение Анатолия Чубайса руководителем этой аналитической группы. Одним из лидеров президентского избирательного штаба – главным его идеологом и стратегом – стал человек, который, как считает нужным напомнить Ельцин, «буквально за два месяца до этого был в очередной раз с треском уволен из правительства» («в очередной раз группа Коржакова – Сосковца сумела меня с ним поссорить»).

«Вульгарное и бесплодное администрирование»

Надо сказать, удар по Сосковцу был тогда нанесен с двух сторон. Параллельно с демаршем, который предприняли Чубайс и олигархи (впрочем, тогда их еще так не называли), весьма резкое письмо с сугубо негативной оценкой деятельности руководителя ельцинского избирательного штаба подготовили эксперты и аналитики при Службе помощников президента.

«Уважаемый Борис Николаевич! – говорилось в нем. – Наше обращение к Вам вызвано глубокой обеспокоенностью ходом подготовки и проведения Вашей избирательной кампании. Наблюдения аналитиков и наши собственные убеждают нас в том, что проблемы кампании упираются в личность и деятельность О.Н. Сосковца.

Ясно, что он не специалист в публичной политике и избирательных технологиях, и это сразу проявилось. Но это не компенсировалось его возможными достоинствами, на которые Вы, видимо, рассчитывали.

О.Н. Сосковец не проявил организационных способностей – нормальная работа штаба до сих пор не началась. Он не может контактировать с людьми, отличными от него по складу ума, но необходимыми в кампании. Его влияние на руководство регионов обернулось вульгарным и бесплодным администрированием, которое не только компрометирует Президента, но и отталкивает от него возможных сторонников. Те же методы с тем же результатом применяются им и в работе с правительственными ведомствами, представителями СМИ, коммерческих и банковских кругов. Самое странное, что О.Н.Сосковец не смог решить самую важную задачу: мобилизовать за короткое время необходимые финансовые ресурсы для проведения кампании.

В результате безвозвратно потеряно больше месяца; не организована и не скоординирована работа всех предвыборных структур; в большинстве регионов подготовка кампании еще не начиналась, а в остальных создались конкурирующие, мешающие друг другу структуры. Внешние проявления бездеятельности или непрофессиональной деятельности штаба создают у одних ощущение обреченности, а у других – нежелание поддерживать Президента.

В обществе начали курсировать два слуха, рожденных, видимо, попытками объяснить странную деятельность О.Н. Сосковца: первый – президента «сдали» коммунистам и потому предатели саботируют развертывание кампании; второй – плохой организацией (а точнее – провалом) избирательной кампании Президента затаскивают в ситуацию, в которой он вынужден будет отменить либо выборы, либо их результаты.

Борис Николаевич, мы, уверенные, что спасение России – только в Вашей победе на выборах, обязаны сказать: положение катастрофическое. Времени для терапевтических мер уже нет. Сейчас Вашу избирательную кампанию можно спасти только немедленной ампутацией – О.Н. Сосковец должен быть отстранен от руководства штабом...

Борис Николаевич, это обращение к Вам – наша последняя возможность сегодня помочь Вам в победе на выборах. Если О.Н. Сосковец продолжит руководить кампанией, то любые наши усилия, направленные на организацию избирательной кампании, агитацию и т.п., будут напрасными. В этом случае нам останется искать другие сферы, в которых мы могли бы быть Вам полезны.

Мы надеемся на Вашу мудрость и решительность».

Вместо штаба Сосковца авторы предлагали создать «небольшой штаб из энергичных людей, знающих, что такое выборы, и отвечающих за определенные направления в кампании». В качестве одного из возможных кандидатов на роль руководителя штаба они предлагали Юрия Ярова (в то время вице-премьера правительства).

Вместо штаба – Совет

На деле все повернулось несколько иначе. 19 марта после встречи с Чубайсом и олигархами Ельцин подписал документ, согласно которому вместо штаба Сосковца создавался Совет избирательной кампании под председательством самого Бориса Ельцина. Известно об этом стало 20-го числа.

Кое у кого, правда, возникли сомнения, имеет ли Ельцин право брать на себя руководство собственной избирательной кампанией: вроде бы подобные прецеденты не известны в мировой практике. Однако помощник президента по юридическим вопросам Михаил Краснов подобные сомнения пресек: что не запрещено, то разрешено; дескать, то, что Ельцин выделяется тут среди глав других государств, — «этим мы, может быть, даже должны гордиться»: «это решение президента показывает, что он не боится брать на себя ответственность в критические для страны дни».

Государственные информагентства со ссылкой на «источники в Кремле и правительстве» в те дни усиленно распространяли версию о том, что, мол, намерение Ельцина возглавить свою избирательную кампанию знаменует собой «начало нового этапа» подготовки главы государства к выборам и «должно сплотить пока еще разрозненные реформаторские силы».

23 марта Ельцин собрал вновь созданный Совет на первое заседание. Собрал в Кремле, подчеркивая тем самым особое значение этого мероприятия.

В тот же день впервые был обнародован состав Совета. В него вошли Виктор Илюшин (в роли зампреда), Виктор Черномырдин, а также «ущемленный в правах» первый вице-премьер Олег Сосковец, директор ФСБ Михаил Барсуков, дочь Ельцина Татьяна Дьяченко, руководитель Администрации президента Николай Егоров, начальник президентской Службы безопасности Александр Коржаков (как видим, вся коржаковская троица сохранилась в избирательном штабе — Совете, хотя и была отодвинута несколько в сторону), мэр Москвы Юрий Лужков, президент НТВ Игорь Малащенко, вице-премьер Юрий Яров и руководитель Общероссийского движения общественной поддержки президента (ОДОПП) Сергей Филатов.

Как нетрудно заметить, в Совет избирательной кампании президента без особых затей, без какого-либо камуфляжа был включен ряд высокопоставленных государственных мужей, пребывающих «при должности».

Впрочем, кое-какую маскировку все же навели. Было объявлено, например, что Виктор Илюшин (второе лицо в Совете после Ельцина) уходит в отпуск «без сохранения содержания». Про других говорилось, что они работают в Совете «на общественных началах». Но все это, конечно, было именно легкой маскировкой. На самом деле административный ресурс предполагалось использовать на полную катушку и не особенно скрываясь. В ходе кампании и сам Ельцин, и

члены его избирательного Совета прямо давали различные распоряжения и членам правительства, и руководителям федеральных органов исполнительной власти, и прочим, более мелким чиновникам...

В заседании 23 марта участвовал также Анатолий Чубайс, хотя его имя в составе Совета опять-таки не упоминалось. На самом деле он, разумеется, тоже входил в этот состав.

В Совете избирательной кампании были три основные структуры: аналитическая группа, возглавляемая Чубайсом, исполком во главе с Яровым (он должен был взять на себя всю организационную работу) и Координационный совет ОДОПП во главе с Филатовым.

Как пишет в своих мемуарах Ельцин, «главным центром принятия всех политических решений» стала аналитическая группа Чубайса. В нее, помимо руководителя, вошли Георгий Сатаров, Борис Березовский, Сергей Шахрай, Татьяна Дьяченко, Игорь Малашенко, Василий Шахновский, Александр Ослон, Вячеслав Никонов, Сергей Зверев.

Здесь я снова хочу привести слова Ельцина, подчеркивающие главенствующую роль этой группы:

«Предвыборный штаб Сосковца перестал существовать, команда Чубайса развернулась в полной мере».

Заметьте, Ельцин делает ударение именно на такой «рокировке»: на смену штабу Сосковца пришел не Совет избирательной кампании (хотя формально это было именно так), а «команда Чубайса».

Российская Клод Ширак

В недавнем разговоре, зная, что во время избирательной кампании Анатолий Борисович тесно сотрудничал с дочерью президента, спросил его:

– Привлечь к предвыборной работе Татьяну Дьяченко – это была ваша идея?

– Нет, прежде я не был знаком с Таней. Если я не ошибаюсь, это была идея Юмашева.

(После посмотрел: эту версию подтверждает и сам Ельцин в «Президентском марафоне», подробно описывая, как ему в качестве ближайшей помощницы сосватал его дочь ее будущий муж. Правда, Ельцин допускает некоторую неточность, говоря, что он включил свою дочь лишь в свой «новый» предвыборный Совет – Совет избиратель-

ной кампании, созданный 19 марта. На самом деле Татьяна Дьяченко входила и в «старый» избирательный штаб – штаб Сосковца.)

– Дочь президента сыграла свою роль в избирательной кампании отца?

– Она сыграла фантастическую роль. Просто фантастическую.

– Обеспечила вашей команде прямой доступ к Ельцину?

– Конечно, но ее огромная роль заключалась не только в этом. Она привнесла здравый смысл во всю кампанию. Это главное, чего не хватало.

– Даже так?

– Конечно. Ей достаточно было один раз прийти на заседание штаба Сосковца, на котором произносились эти победные рапорты... Допустим, вставал министр путей сообщения и докладывал: столько-то миллионов железнодорожников, работающих у нас, все как один поддерживают Бориса Николаевича; а вместе с членами семей это еще больше. Замечательно! А как у нас в металлургии? В металлургии такая же единоклубная поддержка. Замечательно! Ситуация была доведена до такого абсурда, что нужен был просто элементарный здравый смысл, чтобы показать, что это полная чушь от начала до конца. Не имеющая никакого отношения к жизни. Для Тани это все было очевидно. И она об этом сказала. Если бы это сказал, допустим, я, это было бы понято так: Борис Николаевич, смотрите, какие они плохие, а мы какие хорошие, вы их выгоните, а нас возьмите. А когда это сказала Таня, которая просто пришла послушать, это имело гораздо больший эффект.

Включая дочь в состав избирательного штаба, а затем назначая своим советником, Ельцин, по его словам, ориентировался тут, так сказать, на «западноевропейский опыт»: как известно, дочь французского президента Клод Ширак активно помогала отцу и во время избирательной кампании, и после. Ельцин даже посылал к ней Татьяну «за опытом».

Главное – защитить собственность

Поскольку Анатолий Чубайс стал главным идеологом и стратегом избирательной кампании Ельцина, общественное внимание, естественно, в очередной раз оказалось приковано к его персоне.

26 марта сразу две газеты – «Коммерсант» и «Труд» – напечатали обширные, текстуально весьма похожие интервью с Анатолием Борисовичем. Можно сказать, что этот дуплет был его программным выступлением.

В обоих интервью Чубайс сообщает читателям, что «вместе с коллегами и друзьями» он создал «Фонд защиты частной собственности», что такая защита – это сейчас «глубинная наша проблема», не только экономическая, но и политическая, она касается десятков миллионов людей – не только держателей крупных пакетов акций, но и любого простого человека, который приватизировал свою квартиру и завещал ее детям или внукам, человека, у которого есть садовый участок, где он отдыхает или выращивает картошку...

Защита частной собственности сейчас прямо стыкуется с предвыборной политической борьбой.

– Позиция наша проста, – сказал Чубайс. – Мы исходим из того, что тем политическим силам, которые требуют пересмотра прав собственности, ее перераспределения, конфискации у одних и передачи другим, – таким политическим силам в цивилизованной России места быть не должно. Мы сделаем все для того, чтобы эти силы не победили на июньских президентских выборах. Для нас это прежде всего зюгановцы, которые напрямую с этим выступают, открыто этого требуют...

По словам Чубайса, главное даже не в том, что, придя к власти, коммунисты собираются прибегнуть к конфискации собственности, а в том, как именно они собираются ее конфисковывать. Использовать нормальную судебную процедуру они не намерены. Чубайс тут сослался на слова «одного из главных идеологов зюгановского движения» Юрия Иванова в том самом, уже цитированном мною интервью в «Известиях»: дескать, какие там суды, зачем такая волокита? – мы будем действовать через специальные комиссии, которые и решат, что правильно приватизировано, а что нет.

– Вот это для меня и есть самое главное, – продолжал Чубайс, – мы ведь хорошо знаем, что это за комиссии, которые создаются обкомами, райкомами и горкомами. Хорошо знаем, как они действуют. Уж не будем вспоминать комиссии сталинского времени, но совершенно очевидно: конфискация, планируемая зюгановцами, также никакого отношения к закону не имеет. Если завтра такая комиссия, неизвестная мне, созданная неизвестно по каким законам, придет в мою квартиру и скажет мне, что эта квартира приватизирована неправильно и из нее нужно выехать, мне некуда будет жаловаться, я не смогу защитить себя и свои права...

Возврат коммунистов вполне реален

И вновь Чубайсу задают вопрос, насколько серьезна сейчас, по его мнению, коммунистическая угроза. Следует все тот же совершенно определенный ответ:

— Я оцениваю ее как вполне реальную.

Неужели в конце XX века люди по-прежнему готовы следовать за ветхозаветным марксистским призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Да нет, разумеется. Смешно об этом говорить. Главное здесь то, полагает Чубайс, что у миллионов пенсионеров сегодня действительно тяжелейшая жизнь, мизерные пенсии, да и те постоянно задерживают. Пенсионеры не могут подработать, как молодые, у них нет никаких других доходов. Конечно, для них это целая трагедия. Кто-то из них включает телевизор и слышит выступление того же Зюганова, который говорит: «Защитим, поддержим, поможем!» В этом-то все и дело. Пенсионеру трудно доказать, что обещания, которыми коммунисты его кормят, невозможно реализовать. Что ни один из принципов экономической программы Зюганова не приведет к тому результату, который он обещает. Это все одни слова.

Такая тревожная ситуация сохранится до тех пор, пока экономический кризис не будет преодолен. Сейчас мы проходим его низшую точку, констатирует Чубайс, и в этом главная опасность. По всем направлениям экономики эта низшая точка пришлась как раз на первую половину 1996 года. Наверное, можно было преодолеть ее раньше, как это сделали, например, в Польше, Чехии, где рост производства сегодня уже составляет 8 – 10 процентов. Но именно их опыт нас и вдохновляет, говорит Чубайс: они смогли преодолеть нижнюю точку кризиса, когда инфляция в стране упала, и войти в стадию подъема. По всем признакам, мы идем по пятам за ними, следуем тому же сценарию, тоже вот-вот войдем в период роста. Но это все-таки завтрашний день. А сегодня плохо. И голосовать люди будут сегодня. Именно в этом главная опасность, главное, что открывает зюгановцам дорогу к власти.

Фантики вместо денег

Все-таки что конкретно произойдет с экономикой, если они придут к власти? В обоих интервью Чубайс довольно подробно останавливается на этом. Прежде всего коммунисты против жесткого бюджета, они считают, что его дефицит должен быть увеличен. А это

означает кредитную эмиссию, печатание пустых денег. Как только принимается соответствующее решение, на финансовых рынках страны сразу же начинается паника, потому что бюджет государства устроен так же, как и обыкновенный семейный бюджет: если у вас не хватает до получки денег, вы у кого-то одалживаете, причем вам дают в долг только в том случае, если уверены, что вы отдадите. То же самое и с федеральным бюджетом: для покрытия дефицита государство заимствует средства на внутреннем и внешнем рынках. На внутреннем рынке банки и другие финансовые структуры дают государству в долг только тогда, когда они понимают, что им вернут одолженные деньги. Так, гигантский рынок ГКО (70 триллионов рублей), возникший в последнее время, функционирует только потому, что те, кто на нем работает, верят государству, не сомневаются, что оно отдаст им деньги, вложенные ими в ценные бумаги. А верят потому, что знают характер проводимой политики. Как только эта политика изменится, как только государство начнет печатать пустые деньги, первое, что произойдет, — банки унесут ноги с этого рынка. Произойдет катастрофа колоссальных масштабов. Заткнуть образовавшуюся дыру в 70 триллионов рублей можно будет единственным способом — опять-таки пустыми деньгами, напечатанными Центробанком. Маховик станет раскручиваться еще сильнее. Вслед за этим разразится катастрофа в банковской системе. Возникнет ситуация, когда через банки не проходят платежи — из одного банка в другой не проходит ни одна платежка. Это означает, например, что завод ничего не получает за отгруженную продукцию, нет денег на заработную плату, начинаются забастовки и массовые протесты. Как исправлять это положение? Тем же самым способом — печатать еще больше пустых денег. В общем, как только сделают первый шаг, — начнут покрывать дефицит бюджета пустыми деньгами, — начнет раскручиваться жесткая экономическая спираль, которая на каждом следующем витке будет приводить ко все более тяжелым последствиям.

Они будут следовать своей программе

Что еще будут делать коммунисты, обосновавшись во власти? Все то, что записано в их программе, отвечает Чубайс на соответствующий вопрос корреспондента. Примут решение о замораживании цен. Прежде всего, как они говорят, на продовольствие. На первый взгляд, вроде бы очень хорошо — цены перестанут расти. А что в

реальной жизни? А в реальной жизни будет то, что мы все уже проходили, все уже хорошо знаем. Как только вводятся государственные цены на продукты, — они тут же исчезают из продажи. И вместо того чтобы просто пойти и купить их в магазине, вы будете покупать их с заднего хода, переплачивая в несколько раз. Потом будете вспоминать, кто из ваших родственников или знакомых работает на базе или в магазине, через кого можно что-то добыть. Далее возникают еще более тяжелые проблемы, которые, может быть, не очень видны простому покупателю, но видны экономисту. Если вы вводите фиксированную цену на продовольствие, скоро оказывается, что тот, кто его производит, не покрывает свои затраты. Их не в состоянии возмещать весь АПК страны. В результате в эту отрасль, чтобы она могла существовать, придется бросать десятки триллионов рублей дополнительных дотаций. Само собой разумеется, иностранные государства прекращают все кредитование российской экономики, останавливают кредиты МВФ. Лондонский клуб, с которым российское правительство при Чубайсе договорилось на крайне выгодных для России условиях о 25-летней отсрочке выплаты долга, и Парижский клуб, с которым уже практически договорилось о том же, естественно, отказываются от этих договоренностей. Дальше начинается признание России страной-должником, после чего следует арест российской собственности — судов, недвижимости и т. д., — находящейся за рубежом. В общем, стремительно приближается коллапс, на грани которого мы стояли в конце 1991 года и от которого с громадным трудом и с большими потерями, в результате осуществления правительством Гайдара базовых рыночных реформ сумели уйти. Сегодня вся программа коммунистов, говорит Чубайс, ведет к повторению этой ситуации, причем в еще более тяжелом варианте.

Могут ли коммунисты всего этого избежать? Могут, но только при одном непереносимом условии — что они полностью откажутся от всей своей программы, от всех своих обещаний, полностью забудут о них и вместо этого начнут проводить прямо противоположную политику. Можно ли на это рассчитывать? Вряд ли.

Все решают кадры

В обоих интервью Чубайса собеседники коснулись и вопроса о кадрах: какие кадры сегодня требуются экономике и на какие могут рассчитывать коммунисты в случае прихода к власти? Анатолий Бори-

сович сослался на собственный опыт работы в правительстве. Чтобы принимать сложнейшие профессиональные решения, сказал он, мне абсолютно необходимо было иметь минимум 20 – 25 ключевых специалистов высшей квалификации. Эти люди работали в основных министерствах и ведомствах на уровне заместителей начальников подразделений, главков. Без них невозможно было выбрать правильный сценарий поведения в финансово-экономической политике. Так вот, ни один из этих людей не будет работать с коммунистами, это невозможно. А у самих коммунистов просто нет людей подобной квалификации. И не может быть, потому что для них макроэкономика – это ругательное слово, это «чикагский монетаризм», который составляет «основу антинародной политики правительства Ельцина – Черномырдина». При таком подходе у них в принципе не может быть людей, которые во всем этом профессионально разбираются. И наоборот, у них много людей с опытом работы в советской экономике. Например, главный их экономист товарищ Маслюков – бывший председатель советского Госплана. Но сегодня у нас совершенно другая страна, которая требует совершенно других знаний.

В общем, признался Чубайс, как я ни старался, не смог представить себе сценарий, при котором Зюганов как президент не разрушил бы до основания экономику России. Такого сценария просто не существует...

Зюганов – это российский Квасьневский?

Один из козырей, к которым часто прибегали тогда Зюганов и К^О, – вот ведь в ряде стран Восточной Европы к власти сейчас пришли левые, и ничего ужасного не произошло... По этому поводу Чубайс в своих интервью заметил, что для него позиция тех левых «находится в пределах здравого смысла». Те левые способны отвечать за решения, которые принимают. Эти люди не называют себя коммунистами, они называют себя социалистами, социал-демократами, Партией труда и т. д. Уже одним этим российская ситуация принципиально отличается, например, от ситуации в Польше. Когда говорят, что Зюганов – это российский Квасьневский, сказал Чубайс, мне становится смешно. Если уж подбирать какие-то аналогии, российский Квасьневский – это Черномырдин, хотя все это весьма условно. Квасьневский – социал-демократ, он никогда не провозглашал лозунгов конфискации частной

собственности. У него мощная команда высокообразованных экономистов-профессионалов, макроэкономистов, прекрасно знающих и теорию, и практику, и монетаризм, и альтернативную концепцию, умеющих воплощать все это в жизнь. Ничего подобного нет и не может быть у Зюганова. В России всегда все происходит несколько иначе, чем даже в Восточной Европе. При всем драматизме тех же самых польских выборов там никогда не возникал вопрос: пойдет ли страна вперед или она будет возвращаться назад? Там решался другой вопрос – будет ли существующий курс изменен серьезно или только слегка откорректирован. И экономисты из команды Квасьневского разговаривали на одном языке с экономистами команды Леха Валенсы. Это люди одного образования, одной культуры, одного уровня профессионализма. Просто у них несколько различные взгляды. У нас же ситуация, как всегда, черно-белая – все решается по принципу «вперед или назад?»

Можно ли было все сделать по-другому?

Интервьюер «Труда» вновь задал Чубайсу вопрос, который много раз задавался российским реформаторам: насколько неизбежны были невзгоды, под прессом которых оказались при проведении реформ самые слабые, самые незащищенные люди, нельзя ли было как-то их скорректировать, чтобы уменьшить эту тяжесть?

Анатолий Борисович признал, что да, цена тех реформ, которые произошли в России, наверное, могла быть меньше, плата за них могла бы быть распределена не так несправедливо, как это произошло на деле; действительно больше всего страдают самые слабые – пожилые или больные – люди: реформы идут уже несколько лет, а социальная защита до сих пор не сформирована. Причем в глазах многих, как всегда, во всем «виноват Чубайс», он олицетворяет собой вселенское зло.

– И все же, – сказал Чубайс, – для меня очень важно, за что заплачена столь высокая цена, что в результате получено. Если бы в итоге реформ мы вновь оказались в той точке, где находились в конце 1991 года, – валютные резервы разорены, капиталы отсутствуют, разрушительно, катастрофически нарастает инфляция, – тогда действительно можно было бы ставить на себе и на всем, что я сделал, жирный крест. Однако, к счастью, это совсем не так. Ситуация сейчас несопоставима с той. И, повторяю, я убежден, что мы стоим на пороге экономического роста.

«Мы сделали все, что смогли»

Несколько позже Чубайс написал более четко и определенно, действительно ли реформы и реформаторы были истинными виновниками народных бед и действительно ли нельзя все было сделать как-то по-другому.

Впрочем, поскольку в начале 1990-х Анатолий Борисович отвечал главным образом за приватизацию, речь в том тексте, который я собираюсь процитировать, идет прежде всего о ней. Этот текст – из знаменитой книги «Приватизация по-русски», вызвавшей в свое время известный «писательский скандал». Читаем в ней:

«Приватизация состоялась. Мы ее сделали»

Теперь нам часто говорят: «Плохо сделали. Не то. И не так». К нам и к нашей приватизации предъявляют длинный список претензий. И самая болезненная для нас: приватизация привела к жесточайшему расслоению, к обнищанию большей части населения; приватизация оказалась несправедливой.

Это очень неоднозначная, зыбкая тема: «справедливость – несправедливость», «расслоение – равенство». Не будем утверждать, что по итогам приватизации собственность досталась всем поровну. Не будем говорить также о том, что стартовые шансы были у всех равны. Конечно, заранее было понятно, что возможность получить хороший кусок собственности у работников промышленных предприятий была больше, чем у учителей и врачей, а у директоров – больше, чем у рабочих.

Но такая несправедливость была обусловлена (и мы уже не раз говорили об этом в книге) объективным раскладом сил накануне приватизации: слабое государство – сильные группы влияния. В той ситуации мы делали все от нас зависящее, чтобы максимально возможно выровнять стартовые шансы. Жесткие правила игры, конкурсное начало, контроль, контроль и еще раз контроль – эти позиции мы отстаивали вопреки многочисленным желающим закрепить за собой иные приоритеты.

Но усилия КУЧКИ ПРИВАТИЗАТОРОВ (выделено мной. – О.М.) не могли компенсировать слабость и, извиняюсь, недалекость всей государственной власти. В то время как наша команда (тоже часть государственной власти) отстаивала принцип равного доступа к собственности всех социальных групп населения, другая часть государственной власти (Верховный Совет, высокопоставленные и не очень чиновники из аппарата правительства) упорно протаскива-

ли всевозможные льготы для избранных, а то и вообще откровенно боролись с приватизацией.

Сложившуюся в итоге ситуацию можно охарактеризовать так: **МЫ ПОЛУЧИЛИ ПРИВАТИЗАЦИЮ, СПРАВЕДЛИВУЮ РОВНО НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО СОСТОЯТЕЛЬНОЙ И ВМЕНЯЕМОЙ БЫЛА САМА ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА** (выделено мной. – О.М.).

Беремся утверждать, что в той ситуации у России не было альтернативы: приватизация справедливая – несправедливая. Альтернатива была: приватизация справедливая по возможности – отсутствие приватизации вообще. Последнее автоматически означало полный крах экономического механизма, возврат к «красной диктатуре».

Конечно, приватизация привела к расслоению населения. Но если бы ее не было, растаскивание страны происходило бы в неуправляемом режиме и расслоение было бы еще более сильным.

Вообще реальная проблема, требующая внимания и активных действий, заключается не в том, что кто-то богаче, а кто-то беднее. Страшно другое: когда в результате чудовищного расслоения часть населения нищает и оказывается за гранью достойного человеческого существования. И в этом смысле мы категорически не согласны с тезисом о том, что приватизация породила нищету.

Проблема беднейших в России – это вовсе не приватизационная проблема. Многолетняя накачка экономики пустыми деньгами и связанная с этим инфляция; отсутствие сбалансированной бюджетной политики; оголтелое лоббирование интересов самых различных групп влияния и возникающие в результате бесконечные льготы для избранных и приближенных; наконец, слабость государственных программ по защите беднейших – вот далеко не полный перечень причин, вызвавших в конечном счете обнищание значительной части российского населения.

О том, почему проблемы эти не решались годами, в нескольких словах не объяснишь...

Демократическая общественность бросает нам: вы построили номенклатурный капитализм. Извините, каково общество, таков и капитализм. Приватизация не выращивалась в инкубаторе, в специально создаваемой идеальной среде. Она возникла и проходила в реальном обществе со всеми его плюсами и минусами, ужасами и прелестями.

Российское общество уже в 1992 году было крайне неоднородно – стратифицированно, выражаясь ученым языком. Страты – социаль-

ные и политические группы – в радикальной степени отличались друг от друга. И в ходе приватизации они не изменили своих свойств и характеристик. Наивно было бы полагать, что с помощью приватизации мы уничтожим, например, класс бывших работников райкомов и обкомов. Так что эта проблема существует. Но мы не считали бы ее роковой.

Главное вовсе не в том, участвует или не участвует номенклатура в приватизации. Вопрос в другом: создана ли в экономике ситуация, когда:

- а) собственник защищен,
- б) эффективный собственник выживает и растет,
- в) неэффективный собственник разоряется.

При соблюдении этих трех условий любой собственник – будь он номенклатурный или не номенклатурный, – если он обнаруживает неспособность защитить и нарастить свою собственность, оказывается на улице. И наоборот, удача приходит к тому, кто в нормальных условиях способен работать эффективно. В этом же контексте мы склонны рассматривать и обвинение приватизации в том, что она не создала эффективного собственника. Да, пока не создала, согласны. Но, разрабатывая концепцию приватизации, мы и не мечтали о том, что этот собственник возникнет немедленно.

Для формирования эффективного собственника нужны годы. Приватизация же только запустила этот процесс. Но уже сейчас видно, что он не стоит на месте...

В России начал формироваться стратегический инвестор. Это уже не бабочки-однодневки, готовые сорвать куш и бросить растерзанное предприятие на произвол судьбы. Стратегический инвестор заинтересован в эффективном производстве, в завтрашнем дне предприятия.

Но опять говорят нам: не тот инвестор, не такой! Не любят в России «новых русских». Что ответить? Чудес на свете не бывает. Стратегический инвестор, кристально чистый и честный, не спустится к нам из некоей заоблачной выси. И наши «новые русские» – они либо из старого советского директората, со всеми его минусами и плюсами. Либо из бывших кооператоров и всяких прочих коммерсантов от перестройки. Либо из представителей бывших региональных политических элит. У всех у них свои «родимые пятна», но именно из них и рекрутируется реальный стратегический собственник.

Не роите могилу своим детям и внукам!

(Из написанного в те дни. 28 марта 1996 года)

Первое, что бросается в глаза на коммунистических митингах и собраниях, – один и тот же пейзаж: лысины, седины... Согбенные фигуры... Старики. Почти сплошь старики. Ну, еще – пожилые.

Хотя, наверное, организаторы прилагают немало сил, чтобы и молодежь притянуть. Время от времени мелькнет в толпе не старый еще человек. Однако таких немного.

И статистика подтверждает визуальный расклад. По данным ВЦИОМа (на конец декабря прошлого года), в электорате КПРФ 49 процентов – люди в возрасте 55 лет и старше (для сравнения: у НДР – 31 процент, у ЛДПР – 26, у «Яблока» – 25). Еще 32 процента – избиратели от 40 до 54.

Пенсионеров в коммунистическом электорате, точнее говоря, в электорате КПРФ, – 46 процентов (у НДР – 32, ЛДПР – 23, «Яблока» – 20).

Людей же самого деятельного, самого активного возраста – от 18 до 39 – у коммунистов совсем немного – 19 процентов (у «Яблока» – 48, у ЛДПР – 40, у НДР – 38).

Одним словом, и активисты, и избиратели КПРФ – это в основном уходящее поколение.

Считается, что в Союзе было около трех миллионов всяческих функционеров. Вместе с родственниками, вполне отождествлявшими себя с тогдашним «новым классом» (по Джиласу), – миллионов десять. Какая-то часть этого сословия уже отправилась в мир иной. Однако миллиона четыре-пять бывшей номенклатуры и ее присных, по-видимому, имеется в наличии. О былом житье-бытье они, конечно, вспоминают со вздохом сожаления, хотя многие и сегодня живут неплохо.

В целом за коммунистов как за партию на декабрьских выборах проголосовали более 15 миллионов человек. Из них люди в возрасте 50 лет и старше составляют примерно 60 процентов, то есть девять миллионов. Стало быть, можно считать, что только около половины этих избирателей принадлежит к бывшим привилегированным лицам, другая же половина никаких привилегий не имела. Они-то что так стремятся назад в коммунизм?

«Я помню, как учился, не платя ни копейки, как жил в общежитии, – пишет в редакцию «Литературной газеты» Н. Городонов из Междуреченска. – Стипендии мне на жизнь хватало. Затем молодым специалистом получил двухкомнатную квартиру на второй год рабо-

ты. И работал сразу на инженерной должности, потом – в НИИ... А теперь бегаю ищу работу, чтобы хоть как-то прокормить семью (мне без малого 50 лет)». В декабре автор этого письма голосовал за коммунистов, собирается отдать им свой голос и в июне, с тем чтобы они «убрали дураков от власти».

Что на это сказать? С квартирой Городонову здорово повезло. Не у всех такое везение случалось. Более того, мы знаем: оно было редчайшим исключением. Простой человек, бывало, в очереди за жильем стоял годами и десятилетиями. И не всякий его дожидался в отпущенный для жизни срок. Еще один читатель – В. Демишев из Краснодара – рассказывает о совсем другой истории. Пока он ездил по командировкам, «большевики» в его родном городе, как он пишет, получали и делили между собой их квартиры. Хотя он был первый на очереди. В конце концов, «рассвирепев», Демишев «вломился» в кабинет председателя профкома, потребовал объяснений, куда девались очередные пять квартир. Но тот, по словам Демишева, «невозмутимо объяснил, что я есть быдло». А пять квартир, оказывается, забрал городской прокурор. Себе и своим друзьям.

Вот эта история, пожалуй, более характерна для коммунистических времен, чем получение квартиры молодым специалистом на второй год работы. Несмотря на все уравнилельные лозунги патриции и плебеи той эпохи обладали совершенно разными правами. Номенклатура быстро смекнула, что рай для всех, провозглашенный в качестве цели отцами-основателями марксизма, не получится ни при каких обстоятельствах, а уж при мертвой обобществленной экономике о нем и думать нечего. По этой причине создавали рай исключительно для себя. Так сказать, спецрай (эта универсальная приставка «спец» была изобретена довольно быстро). Спецмагазины, спецраспределители, спецполиклиники, спецбольницы, спецпансионаты, спецсанатории... Спецтранспорт... Спецобслуживание...

Замечательное изобретение! На уровне лучших человеческих придумок. Во-первых, филологически замечательное: ни о каких таких привилегиях приставка «спец» не говорит. Ну, спец и спец, вроде бы что тут такого? Есть ведь, например, спецназ – так там вообще без головы в два счета можно остаться. И по сути придумка, конечно, выдающаяся, убедительно доказывающая, что коммунизм на земле все-таки можно построить, хотя и не для всех – только для отдельного ограниченного контингента.

А чтобы коммунистический спецрай не слишком резал глаза на окружающем безысходном фоне, для этого тоже много чего было

сделано-устроено: бесплатная медицина, бесплатное образование, бесплатное жилье... О качестве всего этого еще в советские времена много было писано-переписано, так что вроде бы уже и добавить нечего. Об участковых врачах, которые успевали только рецепты и прочие бумажки заполнять, о больничных палатах, похожих скорее на тюремные камеры, о свежестроенных домах, в которых штукатурка начинала сыпаться сразу же после ухода приемной комиссии, да и такое-то жилье, повторяю, приходилось ждать годами и десятилетиями... О дипломах высшего образования, которые не признавались нигде в мире... Об отсутствовавшей у нас безработице. Официально отсутствовавшей. Хотя на деле огромное число работавших под видом зарплаты фактически получало пособие по этой самой безработице...

«Я обыкновенный человек. Всю жизнь я проработала в детской библиотеке, – так начинает свое письмо Т.Тырник из города Советска Тульской области. – Теперь вот отрабатываю последние месяцы и ухожу на пенсию. Представляете, какая «сладкая» жизнь меня ждет... Реформаторы нас упрекают, что мы забыли очереди за разным дефицитом. Да ничего мы не забыли! И в очередях в свое время стояли. Но ведь так было не всегда. Мы помним, что при нашей всегда скудной зарплате у меня в доме не переводилась минеральная вода, а теперь я не могу себе позволить купить ни воды, ни сока. И много чего еще мне не по карману. И какая мне разница, отчего у меня нет продуктов, – оттого, что их нет в магазине или оттого, что у меня нет денег, чтобы их приобрести? Раньше я приходила в аптеку и могла купить разные лекарства, которых у нас теперь просто нет. А те, которые есть, стоят баснословно дорого».

Вроде бы ничего и не возразишь. В самом деле, какая разница – нет товаров или нет денег на их покупку? Но разница все же есть. Дефицит товаров – органическая черта коммунистической системы, не дающей людям никакой надежды, никакой перспективы. Дефицит был у нас во всем, все 70 лет. Воцарись снова эта система, не только нынешнему поколению всегда будет всего не хватать, но и детям, и внукам. Напротив, дефицит денег – характерный признак системы рыночной. А она способна к саморазвитию, подразумевает его. Даже если нам с вами сейчас трудно, по крайней мере есть надежда, что детям будет легче, что они сумеют заработать необходимое им для жизни. Впрочем, они – повзрослевшие дети – и сейчас уже зарабатывают, как правило, гораздо больше, чем старшее поколение.

Разумеется, отладка экономического, социального механизма не

произойдет сама собой, автоматически. Она потребует от всех огромных усилий, преодоления огромного сопротивления (которое ни на минуту не ослабевает с первых дней горбачевской перестройки). Но как именно этот механизм отлаживать, в каком направлении, уже и сейчас хорошо видно...

Минеральная вода, дешевые лекарства – это, конечно, то, что должно быть в каждом доме. Но право же, уважаемая читательница, неужто это в самом деле символы благополучия, за пределы которых уж и мечтам нашим невозможно простираться? Неужто так до конца жизни мы и помыслить не вправе о нормальных доходах, нормальных заработках? Не только о грошовых лекарствах, грошовой минеральной воде.

Собственно говоря, перестройка, реформы и были ведь затеяны ради того, чтобы приблизиться к достойной человеческой жизни. Не так уж она, эта жизнь, и недостижима. Хватило бы только терпения продолжать то, что начали. Тут, как говорится, виден свет в конце тоннеля. Да и сейчас уже, при всех наших бедах, мы все-таки живем лучше, чем любая другая страна СНГ, – именно благодаря тому, что меньше других топтались на старте реформ.

А вот если, как не раз бывало, тупо встанем посреди дороги, повернем назад к сияющим вершинам коммунизма, тогда действительно всякие мечты о нормальной жизни сделаются бессмысленными. При коммунистической экономике никакого просвета впереди не было, нет и быть не может. Поскольку абсолютно тупиковый это «прешпект». Никуда не ведущий. Во всем мире это давно поняли, только мы никак уразуметь не можем. Хотя вроде бы больше других горьким опытом должны быть научены.

«Через несколько дней новый, 1996 год, а на почте безнадежно сидят старики и ждут пенсии за декабрь, – пишет М. Карамулин из Удомли Тверской области. – На окошке предупреждение: пенсия может быть выдана только тем, кто ее получит не позднее 8-го числа. Но и для тех денег нет...»

Что делать, уважаемый читатель, вы же знаете, в какой стране мы с вами живем, – в стране жуликов и разгильдяев. Сейчас на головы тех, кто задерживает пенсию и зарплату, прокручивая деньги в коммерческих банках, обрушились громы и молнии – сняты высокие чины в Министерстве связи, в Пенсионном фонде. А чего же, спрашивается, раньше-то не чухались? Обязательно надо было ждать, когда вода в котле закипит? До этого никак нельзя было принять меры?

Опять рынок ругают — он, дескать, во всем виноват. Однако действительно ли это неременная, органическая черта рыночной экономики — прокручивание не принадлежащих тебе денег, денег, которые ты должен быстро и четко перевести людям, которым без них просто не на что купить себе хлеб насущный? Нет, разумеется. То, что этот беспредел допускается на протяжении уже многих месяцев, — яркое свидетельство бездарности и коррумпированности чиновников (кстати, большей частью сохранившихся со времен советской власти), мало на что способных, да к тому же и не заинтересованных в том, чтобы быстро реагировать на вполне очевидное жульничество, имеющих, по-видимому, от этого немалый навар.

«И пенсия-то какая! — продолжает М. Карамулин. — У меня, бывшего энергетика-атомщика со стажем почти 40 лет, с учетом индекса пенсия летом была равна половине моей студенческой стипендии. Но не обо мне речь. Речь о том, за кого станут голосовать на выборах униженные и оскорбленные. А голосов у питомцев Минсоцзащиты набирается порядочно. Ну что их пугать ужасами ГУЛАГа (в случае, если придут коммунисты)?»

Вроде бы опять нечего возразить... Разве что опять зацепиться за ГУЛАГ. Разумеется, старикам-пенсионерам ГУЛАГ уже не так страшен. Он угрожает молодым. Но о них-то в первую очередь и надо бы подумать, принимая решение возле избирательной урны...

Что касается размеров пенсий, в прошлом они ведь тоже разные бывали. Тетка моя, отбарабанив полсотни лет в колхозе (а работа была известно какая — от зари до зари), получала... 10 рублей. Нет, извините, 12. Вот такие щедрые были большевики. Ну, конечно, энергетики-атомщики имели больше. Но тоже ведь по мировым меркам — копейки.

И пенсию, и зарплату уже в прошлом году можно было бы поднять, если бы не бесконечная череда глупостей (и то сказать — глупостей ли?), упорно совершаемых теми, от кого это зависит. Одни только льготы по импорту разного рода «афганским» и «спортивным» организациям, по подсчетам Николая Шмелева, умыкнули из казны в 1995-м около четырех миллиардов долларов (для сравнения — весь бюджет Российской академии наук в прошлом году составил 140 миллионов «зеленых»).

При чем здесь демократия? При чем здесь рыночная экономика? Это просто безумство (а скорее определенный умысел) высоко вознесенных чиновников. Такое же, как чеченская война. Как множество других столь же бездарных и возмутительных действий, ведущих к

гигантским потерям средств, которые могли бы быть направлены на помощь нуждающимся людям.

Со всем этим, конечно, нельзя мириться. Всему этому надо, сколько есть силы, противостоять. Однако при чем тут коммунисты? При них, что ли, разгильдяйства и беззакония было меньше? Не надо, мы при коммунистах прожили... Да, уворовываемые суммы в ту пору были поскромнее. Тут действительно сказывается специфика рынка. Но ведь опять-таки не сам рынок виноват, что с преступниками по-серьезному никто не борется...

Короче, как ни банально это звучит, во все времена человеку требуется отстаивать свои права. Выдирать из власти каждую толику этих прав. Выдирать зубами и ногтями. Сами чиновники, по доброй воле, ничего вам не отдадут – такова уж их природа.

Однако при этом хорошо бы раз и навсегда понять: наследники Маркса и Ленина к этой вашей справедливой борьбе не имеют ни малейшего отношения. Хотя они всякий раз норовят пристроиться впереди колонн со своими красными хоругвями. Их нисколько не интересуют ваши права – они озабочены лишь собственной властью. Их заботит собственный спецрай, который они мечтают во всей целостности восстановить.

Реформы повсюду, не только в России, протекают болезненно. У наших бывших друзей в Восточной Европе кульминация недуга пришлась на 1989 – 1993 годы. Производство повсюду упало. Однако 1994-й стал поворотным. Спад прекратился, наметился рост. При этом вперед вырвались три страны – Польша, Чехия и Венгрия.

Что дальше? Долго ли ждать того, что можно было бы хотя бы условно назвать благополучием? Считается, что Польше – наиболее продвинутой в реформах – потребуется не менее 15 лет, чтобы приблизиться к сегодняшнему уровню наиболее отсталой из стран Западной Европы – Португалии.

У нас провал покруче польского или чешского. Хотя ко всяческим цифрам, которыми сегодня жонглируют, надо относиться с великой осторожностью. Противники власти стараются их представить как можно более черными. Правительство, напротив, изо всей мочи стремится подбелить и приукрасить. Лучше всего прислушиваться к людям независимым.

То же и со спадом производства, услуг. Лондонский еженедельник «Экономист» считает, что данные о падении ВВП в странах бывшего Союза недостоверны: ради уклонения от налогов многие предприятия, особенно частные, приуменьшают цифры своей деловой

активности, что в конечном итоге сказывается и на общих показателях по стране. На самом деле падение производства значительно меньше, чем принято считать.

Не будем забывать к тому же, что советская экономика, от которой ведется отсчет, была предельно милитаризована. Случившееся за последние годы сокращение производства танков, орудий, ракет, прочей военной техники – это не то, по поводу чего следует сильно сокрушаться. Как и по поводу сокращения некачественных товаров, не находивших сбыта даже в условиях советского тотального дефицита.

Как бы то ни было, нам, чтобы выкарабкаться из ямы, потребуется, конечно, больший срок, чем, допустим, той же Польше или Венгрии. Так что стоит запастись терпением.

Уходящее поколение не желает терпеть. И по логике вещей в том нетерпении вроде бы есть правота: времени у людей почти не осталось...

Тут, однако, более права иная логика. Хотя мы и «однова живем», на нас жизнь, понятное дело, не кончается. Способность приподнять свой взор, направить его чуть поверх земли, подумать не только о себе, но и о тех, кто только еще вступает в жизнь, – эта способность всегда считалась верхом человеческой мудрости и благородства. Нам же сейчас, многим, этих качеств недостает. Так же, как недостает элементарного видения перспективы. Помутневшим своим и затуманенным взором мы – в немалой своей части – не различаем пути, открывшегося перед нами благодаря реформам, того пути, по которому идут все разумные, успешные страны, норовим опять свернуть в лабиринты бессмысленных социально-экономических экспериментов, по которым за 70 лет уже достаточно поплутали.

Сколько же нам надо по ним бродить, чтобы озарило нас наконец: совершенно нелепое, безнадежное это занятие! Не 70, а 170 лет? Или, может быть, 570? Так ведь все дело в том, что эти патологические блуждания небезразличны для самой нашей физиологии. В этих катакомбах мы просто физически как народ деградируем, растрачиваем остатки генофонда. И кто знает, вынырнув в следующий раз на поверхность, сумеем ли мы предпринять хотя бы что-то подобное тому, что предприняли в последнее десятилетие. Или же, оглядевшись окрест окончательно осоловелыми глазами, уже даже и не вспомним и не подумаем о возможности какой-то иной жизни.

Да, в пору реформ – да и после них – тяжелее всего пришлось людям малообеспеченным, прежде всего пенсионерам, инвалидам... Но сегодня, спустя годы, могу повторить то же, что говорил и тогда: виноваты в том были не столько реформы, сколько чиновники, которых более всего заботили и заботят интересы собственной шкуры. На людей им наплевать. Могу снова сказать то же самое: во все времена человеку требуется отстаивать свои права, выдирать из власти каждую толику этих прав, выдирать зубами и ногтями; сами чиновники, по доброй воле, ничего вам не отдадут – такова уж их природа. Однако при этом хорошо бы помнить: коммунисты к этой вашей справедливой борьбе не имеют никакого отношения, они уже выполнили свою «просветительскую миссию» – выманили огромную часть человечества на свою дорожку, дорожка оказалась ложной, кровавой оказалась дорожка...

Данные социологов

(31 марта 1996 года)

Результаты опроса, проведенного в конце марта ВЦИОМом по заказу «Итогов»: Зюганов – 25 процентов тех, кто твердо решил идти на выборы, Ельцин – 18, Лебедь – 10, Явлинский и Жириновский – по 9, Черномырдин и Гайдар – по 3, Горбачев – 1.

Социологи отмечают ту же тенденцию: рейтинг Зюганова застыл на месте, у Ельцина он продолжает расти.

Результаты, полученные в этот же период РОМИРом: Зюганов – 27, Ельцин – 19, Лебедь – 9, Явлинский – 8, Жириновский – 7, Святослав Федоров – 7, Черномырдин – 3, Гайдар – 2, Руцкой – 1, Горбачев – 1.

По данным РОМИРа, Зюганов по-прежнему побеждает во втором туре всех своих возможных соперников: Жириновского – 45 : 12, Лебедя – 38 : 24, Явлинского – 38 : 29, Ельцина – 40 : 30.

Однако у ВЦИОМа другие данные: если в январе Зюганов победил бы Ельцина во втором туре с разрывом в 20 процентов голосов, в феврале – с разрывом в 12 процентов, в первой половине марта – 8, то во второй половине этого месяца такой разрыв составил бы лишь 3 процента (36 : 33). По словам Юрия Левады, учитывая статистическую погрешность результатов опросов, у обоих претендентов «практически равные шансы» на победу во втором туре.

Трудно сказать, чем объясняется такая разница в данных, полученных двумя разными группами социологов.

По данным ВЦИОМа, в конце марта 35 процентов опрошенных высказали мнение, что президентом станет все-таки Ельцин, 28 — что им будет Зюганов. По мнению социологов, наиболее существенный вывод, который можно сделать из этого, следующий: шансы Ельцина остаться президентом на второй срок в результате законных конкурентных выборов, которые казались призрачными в конце прошлого года и сомнительными в январе, уже в феврале стали реальными, а к концу марта — весьма серьезными.

ВДОГОНКУ ЗА ЗЮГАНОВЫМ

Операция «Зарплата»

Пожалуй, самой болезненной проблемой для людей была в то время задержка с выплатой зарплат, пенсий, пособий... Представлялось очевидным: для президента, желающего оказаться избранным на второй срок, решить эту проблему необходимо было в первую очередь. Операция «Зарплата» началась еще в конце января. Но особенно энергично за нее взялись где-то с середины марта.

В книге «Эпоха Ельцина» бывшие помощники президента так вспоминают об этой поре:

«Ликвидацию долгов по пенсиям и зарплатам Президент контролировал ежедневно. Особенно интересовался тем, доходят ли деньги до получателей. Давал грозные поручения. Каждый руководитель знал, что за умыкание бюджетных денег можно незамедлительно лишиться поста. Тем более что для острастки Президент действительно снял с работы несколько губернаторов и федеральных чиновников...

Поскольку народ понял, что деньги действительно дают, объем обращений к Президенту превысил все мыслимые пределы. Приходилось чуть ли не вручную регулировать финансовые потоки, устанавливая губернаторам сроки для погашения долгов по зарплате в отдельной школе, больнице и т.д. Был налажен ежедневный контакт с Минфином (бюджетники), Пенсионным фондом (пенсионеры), Минтопэнерго (никого не отключать!), МПС (не повышать цены на билеты в электричках!), «силовиками» (зарплата), аппаратом правительства, губернаторами.

Каждое утро Президенту надо было докладывать о том, как идут дела у пенсионеров, бюджетников, военных, шахтеров. Это была изнурительная процедура. Ельцин нервничал, стал приезжать в Кремль все раньше и раньше. Как-то Лившица (помощник президента по экономическим вопросам. — **О.М.**) вызвали на доклад к 7-00. Тогда и случился небольшой конфуз. Помощник пожаловался, что

приходится доходить чуть ли не до каждого райцентра, а особенно добирается какой-то поселок Бутка в Свердловской области. «Вовсе не какой-то, – обиделся Президент, – я там родился».

Естественно, как всегда в таких случаях на земле российской, только часть рассылаемых денег достигала тех, кому они предназначались. Огромные же их суммы, несмотря на угрозы и реальные кары, оседали в чиновничьих карманах.

«Воровали повсюду, – вспоминают бывшие помощники Ельцина, – и порой казалось, что воровали все... В целом под дымовой завесой избирательной кампании «при массированном передвижении денег в регионы» были разворованы огромные средства. Но рейтинг Президента снова начал расти».

«Драть губернаторов!»

Естественно, кампания по выплате зарплаты, пенсии и т.д., развернутая именно в пору избирательной кампании, была ярким примером использования административного ресурса. Немало было и других подобных действий со стороны президентской команды.

Особенно большими поклонниками административных методов привлечения избирателей были все те же Сосковец, Коржаков, а также его ставленник на посту главы Администрации президента Николай Егоров (бывший полпред президента в Чечне, в 37 лет заочно закончивший сельхозинститут).

Еще в ту пору, когда Сосковец возглавлял избирательный штаб, случилось несколько «электоральных» скандалов. Стало известно, например, что в ряде мест железнодорожникам не выдавали зарплату, пока она не поставят подпись в поддержку Ельцина...

Сам Ельцин формально отрекся от таких методов. И даже постарался извлечь для себя выгоду, отгасив чиновников за уши за подобные фокусы: дескать, царь – хороший, бояре – плохие. «Я сделал хорошую накачку и Сосковцу, начальнику штаба, и Фадееву, министру путей сообщения, за такое администрирование», – заявил он тогда.

Кстати, такого рода «проколы» Ельцин позже упоминал в числе причин, почему он отстранил Сосковца от руководства избирательной кампанией.

Но, разумеется, администрирование продолжалось и позже, когда кампанию формально возглавил сам Ельцин. Например, в начале апреля стало известно, что группа высокопоставленных офицеров

Московского гарнизона решила обратиться в Конституционный Суд и Генпрокуратуру с требованием дать правовую оценку действиям бывшего главы Администрации президента Сергея Филатова, министра обороны Павла Грачева, а также ряда чиновников Минобороны, которые в ходе встреч в военных округах, частях и гарнизонах открыто призывали военнослужащих на предстоящих выборах голосовать за Ельцина. Как известно, агитация в армии – а как еще расценить такие призывы? – категорически запрещена законом. Но и это еще не все. В ряде гарнизонов командование просто приказывало офицерам собирать подписи солдат в пользу одного из кандидатов (понятно, какого).

В общем, безобразие. Хотя, если посмотреть на дело несколько шире... Попробовали бы эти жалобщики при Путине пикнуть о чем-нибудь подобном... «Голосование строем» – это обычная для нас особенность армейского «волеизъявления».

Кстати, вот забавный фрагмент из уже цитировавшегося разговора Коржакова с Черномырдиным в Президентском клубе. Этот разговор, как уже говорилось, состоялся 16 апреля и был записан президентским охранником на пленку. Коржаков приводит его в своих воспоминаниях. Фрагмент не относится к армейской тематике, но имеет прямое отношение к использованию административного ресурса вообще. Начальник СБП упрекает премьера за то, что тот недостаточно «агитирует» за президента. Премьер оправдывается, прямо-таки как нашкодивший школьник:

«Коржаков. Если вы вызовете какого-нибудь губернатора и ему скажете: «Ну-ка давай, чтобы у Ельцина все было хорошо». Но вы же их не вызываете. Вы со всеми хороший, со всеми мирный...

Черномырдин. А кто тебе сказал, что я не вызываю и не говорю? Тебе кто-нибудь говорил, что я так не говорю?

Коржаков. Нет. Но вы практически никогда не говорили, официально не заявляли: «Давайте голосовать за Ельцина».

Черномырдин. Да ты что?

Коржаков. Да ничего. Практически всегда такая немножко сторонняя позиция.

Черномырдин. У меня?

Коржаков. Если вы считаете, что я на вас напраслину возвожу, можете поинтересоваться у Бориса Николаевича...

Черномырдин. ...Кто тебе говорит, что я не говорю как надо с губернаторами на правительстве и на совещаниях?

Коржаков. Может, я не так выразился. Просто губернаторы вас слушаются, они знают, что по вашему представлению назначают, по вашему представлению снимают, и они вас боятся. Причем не нужно

говорить: «Давайте агитируйте». Вы можете просто сказать: «Чтобы 60 процентов голосов было за Ельцина». И выполнят... Я по их пассивной позиции делаю нормальный вывод, что работа не ведется.

Черномырдин. Нет, неправда».

В пример Черномырдину Коржаков ставит того же Егорова, который, в соответствии с вверенным ему «участком» избирательной кампании, уже не однажды «вызывал губернаторов, драл на месте», «вызывал к себе министров...».

Вот так надо работать. Вызывать и «драть», вызывать и «драть»...

Ельцин – кандидат

3 апреля Ельцин был официально зарегистрирован кандидатом на пост президента, вторым после Зюганова. После церемонии регистрации кто-то из журналистов его спросил, не боится ли он проиграть выборы. «Конечно, я волнуюсь... – признался Ельцин. – Борьба будет непростая, поскольку соперник достался сильный. Но я не боюсь».

Трудно сказать, что в действительности испытывал Борис Николаевич в тот момент. Сомнения и даже состояние, близкое к депрессии, конечно, у него бывали, если судить по свидетельствам близких знавших его людей. Но он их никогда не выказывал, никогда в них не признавался. Напротив, всегда демонстрировал уверенность в себе, убежденность в успехе того, что делает. Так и теперь – постоянно твердил, что выиграет выборы, даже в первом туре (тут уж он повергал в изумление даже самых близких своих соратников).

Кстати, Ельцин похвастался журналистам, что свое первое «кандидатское» обещание он уже выполнил – «все долги федерального бюджета по зарплате погашены; полностью на сто процентов все регионы получили что полагается».

«Не торопитесь менять портреты!»

Спустя три дня, 6 апреля, Ельцин выступил на съезде Общероссийского движения общественной поддержки президента (ОДОПП) – детища Сергея Филатова. На этот раз тон его выступления был ско-

рее покаянный и озабоченный. Президент откровенно заявил, что не удовлетворен тем, что сделал за время руководства страной: «Почти половина населения живет плохо, а десять процентов – очень хорошо. Начал образовываться паразитический капитал и раздел национального богатства вместо его преумножения». Впрочем, за этим признанием последовала обычная обтекаемая формула, к которой Ельцин постоянно прибегал с самого начала реформ, с 1992 года, – необходимо «несколько скорректировать» курс, не менять его, а внести лишь некоторые поправки.

Увы, обещанное тогда Ельциным до сих пор не реализовано. Вопиющий разрыв между бедным большинством и богатым меньшинством не только не сократился, но продолжает разрастаться. Национальное богатство по-прежнему не растет, а только разбазаривается.

Остановился Ельцин и на Чечне – одной из главных болевых тем, волновавших тогда россиян. Сказал, что видит свой долг в том, чтобы сдвинуть этот кризис с мертвой точки. Напомнил: он предложил Дудаеву начать переговоры через посредников. Посредники – Минтимер Шаймиев и Нурсултан Назарбаев – «уже начали свою деятельность»...

В целом, завершая выступление, Ельцин выделил десять главных направлений предстоящей работы: борьба с бедностью на основе экономического роста; защита семьи, материнства и детства; развитие культуры, образования и науки; борьба с преступностью и коррупцией; правовая реформа; мир в Чечне; военная реформа; отстаивание российских интересов за рубежом; интеграция с соседями по СНГ; установление гражданского мира в России.

Под самый конец вновь перешел на уверенный наступательный тон:

– Слабонервных прошу не суетиться, не торопиться со сменой портретов в кабинетах. В этот переломный для страны момент я не имею права отпускать штурвал управления российским государством. Этому не бывать!

«Россия сыта революциями»

В тот же день несколько позже, беседуя с журналистами, Ельцин объявил, что именно сегодня «дан старт предвыборной кампании и с настоящего момента начинается вся пропагандистская работа». Через своих собеседников президент призвал россиян голосовать на

выборах за него, – «чтобы не было смены курса, не было революций». «Россия сыта революциями», – сказал он. При этом напомнил, что «ни в одном веке ни одни реформы» в России не были доведены до конца. «Поэтому дайте довести реформу до конца тому, кто ее начал! И тогда будет все в порядке – и экономика, и уровень жизни, как в цивилизованных странах. Возможность для этого есть, так как самый тяжелый период в реформировании мы прошли».

Увы, «довести реформу до конца» и на этот раз не удалось. По крайней мере, самому Ельцину. Сил не хватило. Так и смотрим, облизываясь, оставаясь далеко позади, на уровень жизни «как в цивилизованных странах». Всерьез наша правящая бюрократия озабочена только собственным уровнем жизни. Там дела обстоят по-другому. Там большого разрыва с цивилизованными странами давно уже нет. Напротив, по сравнению с их средней отметкой уже вырвались далеко вперед...

Естественно, голосовать за Ельцина призвал и сам съезд – как за «единственную фигуру общероссийского масштаба, которая может сегодня гарантировать гражданский мир, обеспечить преемственность во внутренней и внешней политике». «Никто из нынешних претендентов на пост главы государства, – говорилось в обращении, принятом на съезде, – не может сравниться с Борисом Ельциным по опыту, по проводимому им взвешенному курсу...»

«Только глядя людям в глаза...»

Ясно было, что самый эффективный способ «пропагандистской работы», о которой говорил Ельцин, – это его собственные поездки по стране, живое общение с людьми. Слова самого президента: «Только глядя людям в глаза, можно повлиять на них, ответить на волнующие их вопросы, рассказать о будущем устройстве России».

Но как на это решиться? Такие поездки – тяжелая нагрузка даже для здорового человека, а в том состоянии, в котором пребывал Ельцин, совершавший в ту пору другой, скорбный, путь – от инфаркта к инфаркту, – то была прямая дорога к могиле.

Против таких поездок категорически возражал Коржаков: «...Интенсивные предвыборные мероприятия могли уложить шефа в могилу и привести к политическому кризису... Риск казался неоправданным и кощунственным по отношению к гражданам России».

И все же Ельцин решился, как он говорил, в рамках предвыборной кампании объехать «почти всю Россию».

На юг, к казакам

Об этом своем намерении президент объявил в поездке пока что недалекой – на московское НПО «Энергомаш». Здесь он продолжал предаваться бодряческой, наступательной риторике: «Я не сдамся. Я в хорошей физической форме и отлично себя чувствую».

Твердя раз за разом о своей «хорошей физической форме», Ельцин, возможно, старался убедить не столько своих слушателей, сколько самого себя.

Одной из первых поездок на этом начальном – по определению самого Ельцина – этапе была поездка на юг – в Краснодарский и Ставропольский края. Регион этот традиционно консервативный, слабо поддерживающий Ельцина: на президентских выборах 1991 года в обоих краях за него проголосовало всего лишь по 46 процентов избирателей (это при том, что на родине президента, в Свердловской области, – 85, в Самарской – 68, в Москве – 72...).

Предстояло эти края завоевать. Характерный для Ельцина прием: 16 апреля в Краснодаре, поинтересовавшись для проформы (будто прежде не знал), что волнует местных казаков – весьма влиятельную, как известно, часть тамошнего населения, – президент лихо, прямо на площади, перед строем казаков подписал три жизненно важных для них указа – о вопросах Главного управления казачьих войск при Президенте РФ, о предоставлении земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр, о льготах казачьим обществам, взявшим на себя обязательство по несению государственной службы...

Зная особое, более жесткое, чем в других местах, отношение тамошних жителей к чеченской проблеме, Ельцин заверил их, что «никогда не сядет за стол переговоров с Дудаевым», поскольку лидер чеченских сепаратистов – «бандит» (это при том, что совсем еще недавно, в Москве, напирал на другое – мол, переговоры с чеченским генералом уже ведутся, правда, через посредников).

В Краснодаре же Ельцин разоткровенничался (неизвестно, правда, насколько откровенно – извините за тавтологию) о главном, что будто бы побудило его баллотироваться на второй срок. «Если начистоту, – сказал он, – нет достойного преемника».

Как известно, «достойный преемник» появился лишь спустя три с половиной года.

Кстати, как после оказалось, эта поездка Ельцина на юг по своему предвыборному эффекту оказалась не слишком удачной. По дан-

ным социологов, лишь 15 процентов опрошенных жителей Краснодарского края ответили, что их отношение к президенту после его пребывания здесь улучшилось, а 13 заявили, что ухудшилось. На Ставрополье результат был еще хуже – соответственно 9 и 19 процентов. В чем дело?

На ближайшем заседании Совета избирательной кампании Чубайс положил перед Ельциным две фотографии: на одной – Борис Николаевич во время президентской кампании 1991 года, стремительно идет куда-то, окруженный тесным кольцом преданных сторонников, смотрящих на него с восторгом; на другой – тот же Ельцин во время последней поездки на Ставрополье: вокруг него плотная стена охранников и лишь где-то вдали – отсеченная от кандидата хмурая толпа рядовых избирателей.

Ельцин все понял. Дал нагоняй Коржакову за то, что подчиненное ему «население в штатском» препятствует его, Ельцина, контактам с обычным населением. С той поры «общение президента с народом» стало больше походить на то, каким оно было в прежние времена.

Всего во время своей предвыборной кампании Ельцин, преодолевая нездоровье, совершил более тридцати поездок по стране. На востоке добрался до Хабаровского края, на севере – до Архангельска и Сыктывкара... Последний его маршрут перед выборами был тот же, что и первый, – на родину, в Екатеринбург.

А ведь кроме этого были еще и зарубежные поездки – в Египет (в марте), Китай и Казахстан (в конце апреля).

Данные социологов

(14 апреля 1996 года)

Очередной опрос, проведенный ВЦИОМом по заказу «Итогов» с 4 по 10 апреля, дал такие результаты. На выборы собираются пойти 68 процентов опрошенных. 26 процентов из их числа готовы проголосовать за Зюганова, 18 – за Ельцина, по 10 – за Явлинского и Лебеда, по 8 – за Жириновского и Святослава Федорова, 4 – за Черномырдина, 3 – за Гайдара, 1 – за Горбачева.

Согласно опросу РОМИРа (6 – 7 апреля), у Зюганова 27 процентов потенциальных голосов, у Ельцина – 22, у Лебеда – 8, у Явлинского – 7, у Жириновского и Святослава Федорова – по 6, у Руцкого – 2, у Черномырдина, Гайдара и Горбачева – по одному.

Во втором туре выборов, если бы он состоялся в начале апреля,

согласно опросу РОМИРа, Зюганов победил бы Ельцина с соотношением голосов 40 : 34 (две недели назад это соотношение составляло 40 : 30).

Разрыв сокращается

Как видим, от опроса к опросу Ельцин сокращал отставание от Зюганова. Хотя догнать своего главного соперника он в первой декаде апреля еще не сумел, многие сходились во мнении, что задачу выхода во второй тур он скорее всего уже решил.

Анатолий Чубайс:

— Ельцину пришлось совершить длинный рывок. Еще пару месяцев назад многие потенциальные избиратели просто не верили в его перспективы и потому выбирали себе других фаворитов. Ельцин, вырвавшись на твердое второе место, заставил поверить в реальность своего переизбрания и воспринимать себя как наиболее сильного, проходного соперника коммунистов... Да, негативный рейтинг Ельцина выше, чем у Зюганова, однако не следует забывать, что во втором туре, в ситуации жесткого выбора, к относительно небольшому числу людей, не приемлющих лично коммунистического вождя, прибавится значительно большее число избирателей, не желающих возвращения власти коммунистической партии в целом.

Кому – ресторан, кому – столовая...

Пока Ельцин разъезжал по стране, его московский штаб (назовем его все-таки этим словом), естественно, продолжал работать. Любопытную зарисовку об этой работе сделала в двадцатых числах апреля корреспондентка «Коммерсанта»:

«Через проходную «Президент-отеля» вереницей идут знаменитости: Александр Абдулов, Александр Малинин, Элина Быстрицкая – доверенные лица президента Ельцина. В гостинице расположен его избирательный штаб, занимая там три этажа: восьмой, девятый и десятый...

На восьмом этаже располагается служба Георгия Рогозина, замначальника президентской службы безопасности. Его задача, понятное дело, – обеспечивать безопасность штабистов, среди которых

есть весьма высокопоставленные. Но в свободное от прямых обязанностей время он принимает активное участие в работе над имиджем кандидата. В частности, как утверждают, дает весьма дельные советы по поводу цвета костюмов.

На девятом этаже разместился исполком штаба во главе с Юрием Яровым, а также первый помощник Ельцина Виктор Илюшин... Здесь же – кабинет дочери президента Татьяны Дьяченко, которая, как известно, вошла в совет по переизбранию. Неформальной, но, по сути, основной целью ее присутствия здесь является осуществление прямой связи между избирательным штабом и кандидатом.

Десятый этаж занял аппарат Общероссийского движения общественной поддержки президента (ОДОПП) во главе с Сергеем Филатовым. Этот плацдарм ему удалось отстоять в конкуренции с руководством НДР, претендовавшим на особую роль в кампании. Положение дел таково: силами НДР в ельцинском штабе обеспечивается только функционирование пресс-центра. Вся остальная практическая работа возложена на людей из филатовского движения, основная задача которых – привлечение демократической общественности к поддержке на предстоящих выборах кандидатуры Ельцина.

Аппарат ОДОПП не сплошь состоит из чиновников: там есть люди, обладающие опытом ведения избирательных кампаний – кадры в нынешних условиях наиболее ценные. Однако быт их устроен хуже, чем быт соседей: у них более тесно и меньше комфорта. Кормят их в столовой для обслуживающего персонала гостиницы, где за более или менее приемлемую цену можно получить комплексный обед. А их коллеги с восьмого и девятого этажей обедают в гостиничном ресторане.

Конечно, эти подробности принципиального значения не имеют, но в них все же дает о себе знать номенклатурный подход к делу...

Служба Вячеслава Никонова – это первая инстанция, через которую идут платежи на финансирование предвыборных мероприятий.

Обычно платежные документы проходят по такой цепочке: Никонов – Филатов – Яров – Чубайс. Но не всякий документ, попавший к Чубайсу, обязательно будет оплачен. У него есть группа аналитиков, которые дают рекомендации относительно судьбы той или иной платежки. Кто эти люди – неизвестно. Высказываются предположения, что это могут быть представители структур, финансирующих избирательную кампанию Ельцина.

В принципе «звено Чубайса», по многим оценкам, в предвыборной команде – одно из самых эффективных (тогда еще не все знали,

что функция команды Чубайса отнюдь не сводится к финансированию избирательной кампании Ельцина, что это не просто «одно из самых эффективных» звеньев, а что это и есть настоящий штаб избирательной кампании, ее мозговой центр. — **О.М.**)

На посту главного имиджмейкера, видимо, окончательно закрепился сегодня Игорь Минтусов, исполнительный директор «Никколо М»...

В прошлую пятницу на пост первого заместителя Филатова была назначена Виктория Митина, о которой рядовым работникам было известно лишь, что она дружна с дочерью Ельцина. Однако за прошедшую неделю штабисты убедились, что дружба с Татьяной Дьяченко — не единственное достоинство г-жи Митиной: она оказалась толковым и расторопным организатором, хорошо знакомым с избирательными технологиями. Из личной беседы с г-жой Митиной я выяснила, что она работает с Ельциным в качестве доверенного лица уже в третий раз с 1989 года. Она для Ельцина — почти уже талисман».

Диагноз: чубайсофобия

Внутри Совета постоянно шли распри. Основной их фронт пролегал между группой Коржакова и все той же компанией либеральных интеллигентов — все той же командой Чубайса.

Конечно, главным поводом было стремление главного телохранителя во что бы то ни стало, несмотря на мартовское поражение, удержаться вблизи главного государственного «тела» и удержать в соответствующей позиции свою креатуру — Сосковца, — протолкнуть его в премьерское кресло. Но была тут и просто ненависть, лютая ненависть крестьянина, мещанина (по генотипу, по психологии, отчасти по жизненному опыту) к интеллигентам. Желая польстить Черномырдину, Коржаков говорит: «...Кем бы был Чубайс, если бы не Ельцин?.. Они все (Чубайс, Гайдар и др. — **О.М.**) вышли откуда? Из лаборатории. Черномырдин прошел все ступенечки — от и до, Ельцин прошел. А эти — студенты, аспиранты».

Студенты, аспиранты... «Ученые мальчики в розовых штанишках»... А туда же, лезут на высокие государственные посты. Вы одолейте всю лестницу, какую положено, — от рядового рабочего, мастера до начальника цеха, директора завода — а тогда уж претендуйте на правительственные кабинеты и машины с мигалками!

Удивительно, что с обратной стороны – со стороны Чубайса – аналогичной ненависти к президентскому охраннику не было. Во всяком случае сам Чубайс именно так излагает дело. Я уже приводил характеристику, которую он дал Коржакову: «Нормальный мужик. Совершенно нормальный. Я не то что отторжения к нему не испытывал, но по-человечески позитивно к нему относился». Спрашиваю Анатолия Борисовича, неужто он не чувствовал той лютой, той животной ненависти, какую этот «нормальный мужик», «хороший мужик» к нему, Чубайсу, испытывал, неужто при личном общении Коржаков так хорошо это скрывал.

– Да конечно, чувствовал, – отвечает Чубайс. – Просто я всегда стараюсь отделять отношение человека ко мне от оценки его личностных качеств.

Ненависть Коржакова к Чубайсу возникла задолго до избирательной кампании, проявившись, в частности, в «телегах», которые обер-охранник регулярно писал на «выскачку-приватизатора». Так, еще в начале 1995-го он положил на стол Ельцину бумагу под вроде бы невинным названием «О некоторых аспектах функционирования российских средств массовой информации». «Некоторые аспекты» сводились главным образом к тому, что российские СМИ – и государственные, и негосударственные – «успешно задействует в собственных интересах» первый вице-премьер Чубайс. По утверждению автора, он, Чубайс, не только «эффективно работает в отношении региональных СМИ», распространяет на них свое влияние, но и «разворачивает борьбу за центральные средства массовой информации». Пресс-секретарь Чубайса Аркадий Евстафьев «с прямой подачи своего шефа» назначен заместителем гендиректора ОРТ, «опекаемое Чубайсом» Госкомимущество стало стопроцентным держателем акций компании «РТВ-пресс», его руководителю Егору Яковлеву предоставлены «значительные материальные средства», на базе которых он выпускает, в частности, «Общую газету», «отличающуюся антипрезидентской направленностью». Кроме того, Чубайс «вынашивает» различные злокозненные планы – в частности, планы «полного подчинения Госкомимуществу, а следовательно, собственным интересам», трех информационно-издательских концернов, которые еще только создаются. Ну, и т.д. и т.п.

Из всего этого автор депеши делает «однозначный вывод»: государственные рычаги влияния на СМИ «концентрируются в одних руках и используются не во благо государству, но во благо одной персоне и группе стоящих за ней лиц». В результате этого, как полагает

автор, «существует опасность того, что в ходе предвыборной кампании Президент может оказаться заложником этих людей и их амбициозных корыстных интересов».

Вот ведь что забавно: Коржаков не допускает даже мысли, что Чубайсом могут двигать не «амбициозные корыстные интересы», а элементарное стремление усилить демократическую струю в хаотичном броуновском движении российских СМИ.

Как видим, вон еще когда, за год с лишним до того, как они вместе начали работать в ельцинском избирательном Совете, Коржаков узрел в лице Чубайса опасного конкурента и принялся отодвигать его от возможного участия в избирательной кампании. Уже тогда были созданы предпосылки к тому, что ельцинский предвыборный штаб в какой-то степени будет действовать по принципу «лебедь, рак и щука».

Во время самой кампании нападки на Чубайса, естественно, продолжились с новой силой. Чубайс, будучи прагматиком, старался не допустить, чтобы распри внутри ельцинского штаба снижали эффективность его работы. «Сейчас все известные и неизвестные противоречия нужно завернуть в тряпочку и забыть про них, если нас интересуют не взаимоотношения, а победа Ельцина на выборах, – заявил он 15 апреля в интервью «Эху Москвы». – Именно такое требование выдвигает и сам Борис Ельцин». Увы, эти призывы к миру остались без ответа.

Коржаковская сторона обвиняла своих конкурентов не только в неправильной тактике – заставляют кандидата, полуживого старика, таскаться по городам и весям, толкать длинные речевки, плясать твист и шейк вместе с девицами в мини-юбках (упрек, отчасти, наверное, справедливый), – но и в ошибочной «идеологической» линии.

Грехи НТВ

Помимо Чубайса, особенно доставалось здесь Игорю Малашенко и руководимому им каналу НТВ. От этого канала требовали, чтобы он прекратил «травлю» Ельцина. В качестве примеров «травли» приводились репортажи о кроваво-бездарных побоищах в Чечне. Это, мол, «глумление над Россией, властью, нашими солдатами». Таким же «глумлением» считались и сюжеты о казнокрадстве в правительстве Завгаева. Дескать, в предвыборную пору об этом лучше бы помолчать. Каналу НТВ ставилось также в вину, что он «в упор

расстреливает» белорусского батьку Лукашенко, тем самым бросая тень и на российского президента, подписавшего с ним договор о Сообществе двух государств. Неважно, что все нормальные люди смотрели и смотрят на этого батьку как на некое историческое недоразумение, как на «последнего диктатора Европы», ожидая лишь момента, когда ветер-сквозняк проснувшейся народной воли сдует его в политическое небытие.

Обвинялся телеканал и в том, что он выпячивает антикоммунизм Ельцина – а ведь у коммунистов «30 – 40 миллионов сочувствующих».

Короче говоря, от НТВ требовали отказаться от объективности, независимости, критичности, сделаться пропагандистским рупором «ястребиной» части президентского окружения. Уступил он этим требованиям, это бы фактически означало конец его существования как независимого телеканала. Что, собственно, и произошло позднее, уже при Путине.

Наконец, еще один «грех» НТВ – чересчур лояльное отношение к премьеру. Так, в одном из интервью Черномырдин, дескать, был представлен как «гарант президента» на случай, если «не дай Бог, с ним что-то произойдет». Неспроста это! Здесь явно какой-то умысел, какой-то подвох. Хотя, казалось бы, функция премьера как президентского дублера и преемника достаточно четко прописана в Конституции. Коржаков и К^О постоянно и с недоверием следили за председателем правительства, подозревая, что тот готовится самостоятельно включиться в избирательную кампанию.

На одном из заседаний Совета, посвященном пропаганде, Коржаков прямо процитировал «гадости», посвященные Ельцину. Предполагал, что президент его поддержит, возмутится. Но тот неожиданно занял сторону президента НТВ.

– Я полностью согласен с Малашенко, – сказал Ельцин. – Это раньше так было, что генсеков воспевали, нахваливали, а теперь нужна другая политика, нужно быть умнее.

Ельцин нередко бывал неожиданным.

Замена главного лозунга

Тем не менее кое-какие коржаковские идеи брались на вооружение. Либо же так получалось, что его предложения совпадали с пред-

ложениями других штабистов и получали одобрение. Например, в середине апреля главный – антикоммунистический – лозунг кампании был заменен другим, менее наступательным, более миролюбивым. Глашатаем этой замены выступил Сергей Филатов. «Не борьба против коммунистической оппозиции, а единство и согласие общества – вот основной стратегический девиз предвыборной кампании Бориса Ельцина», – заявил он 16 апреля в Ярославле. По его словам, главная задача президента – консолидация общества. Эту свою концепцию Ельцин противопоставил домогательствам коммунистической оппозиции, которая снова «навязывает обществу борьбу и образ врага». Сейчас общество настолько накалено, сказал Филатов, что необходимо отказаться от «монополии антикоммунистической пропаганды». «Мы – единый народ, хотя у всех свои взгляды и политические пристрастия». Соответственно, по мнению Филатова, на выборах не должно быть победителей, «не должно быть подавления инакомыслия». В общем – «Ребята, давайте жить дружно!».

Председатель Координационного комитета ОДОПП заявил, что эта миролюбивая концепция ельцинской избирательной кампании разработана различными специалистами – политологами, психологами, социологами – и «является документом, обязательным для всех».

Надо сказать, лично я – в ту пору обозреватель «Литературной газеты», – естественно, ни в малейшей мере не считал себя обязанным следовать этому «документу» и продолжал публиковать антикоммунистические статьи. При этом, однако, и я испытал на себе определенное давление – со стороны коллег, читателей, начальства: ну, что ты, дескать, заиклился на коммунистах, они уже лежат сверху лапками, не представляют никакой реальной опасности... Интересное кино: «сверху лапками». Да они вот-вот придут к власти и всех нас передавят и передушат! Единственная возможность открыть дорогу к победе Ельцина, полагал я (как, впрочем, и многие), – мобилизовать электорат, категорически не приемлющий коммунистов.

24 апреля состоялся III съезд движения НДР – одной из политических сил, поддерживающих кандидатуру Ельцина. Он подтвердил смену лозунгов, хотя и в более мягкой форме: дескать, «антикоммунистические лозунги, используемые активистами НДР в пропагандистской работе, окончательно не сняты, но основными уже не являются». Причина все та же: «Ельцин выдвигается как кандидат, который может устроить максимально широкие слои общества, предотвратить в нем раскол».

На вопрос корреспондента ИМА-пресс, не ослабит ли отказ от антикоммунистической пропаганды позиции Ельцина, тот же Филатов, участвовавший в работе съезда, ответил: «Мы не отказываемся от такой пропаганды полностью, но сегодня для нас важнее убедить избирателей в необходимости продолжить курс реформ». Как будто одно противоречит другому.

Впрочем, не все в избирательном штабе Ельцина восприняли разговоры об отходе от «антикоммунистической линии» как руководство к действию. Анатолий Чубайс в недавнем моем с ним разговоре интерпретировал эту тогдашнюю «смену вех» по-своему.

– Проект по разоблачению коммунистов и коммунизма, – говорит он, – был, если можно так сказать, моим любимым проектом. Он всегда осуществлялся очень тщательно и мощно. Я считаю, что это было одним из самых удачных направлений кампании. Другое дело, что в рамках этого проекта Борису Николаевичу отводилась особая роль: он сам не должен был нападать, набрасываться на коммунистов, ему следовало держаться достаточно отстраненно от этого. Ельцин – президент. А если президент, то есть человек сильный, нападает на кого-то, это интерпретируется так: сильный нападает на слабого. Все симпатии разворачиваются в сторону этого слабого. Поэтому напрямую Ельцин, как правило, на коммунистов не нападал. Хотя и над схваткой не оставался. Его антикоммунистическая позиция тоже четко обозначалась.

Лично я – скажу еще раз – считал и считаю, что если у Ельцина на выборах 1996 года и был какой-то шанс победить, то вовсе не потому, что избиратели предпочтут его Зюганову, а только по той причине, что они с отвращением отвернутся от фигуры коммунистического лидера и от того кошмарного прошлого, которое стоит за этой фигурой.

**НАКАНУНЕ
ГОЛОСОВАНИЯ**

А НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ВЫБОРЫ ВСЕ ЖЕ ОТМЕНИТЬ?

Самое простое решение

В принципе, несмотря ни на что, выборы в том году вполне могли все-таки не состояться. Низкий рейтинг Ельцина, его плохое физическое состояние вроде бы подсказывали простой выход из положения – отменить их или, по крайней мере, перенести их года на два. Эта идея носилась в воздухе. Как уже говорилось, ее активно продвигала часть президентского окружения – та, что группировалась вокруг начальника Службы безопасности президента Коржакова. Политики демократического толка эту идею, естественно, отвергали. Так, Егор Гайдар уже в самом начале избирательной кампании, 22 января, заявил в интервью «Интерфаксу», что если кто и попытается отменить выборы, успех такой попытки «абсолютно исключен». «Это был бы предельно непопулярный шаг, – сказал Гайдар, – который толком никто бы не поддержал и который поставил бы власть в полную зависимость от силовых структур».

Как мы видели, Ельцин попытался реализовать эту идею 17 – 18 марта. Соответственно на эти и последующие дни пришелся наибольший всплеск разговоров о возможной отмене выборов. Одни просто считали, что наиболее вероятной реакцией Ельцина на денонсацию Думой Беловежских соглашений будет именно такой шаг, другие вполне достоверно знали, что президент реально готов пойти на это. Так, Сергей Филатов на пресс-конференции в Калуге 18 марта, отвечая на вопрос по поводу упомянутой денонсации, сказал, что она направлена на конфронтацию и на то, чтобы подтолкнуть Ельцина на тот или иной резкий шаг в отношении коммунистов, в частности – на изменение сроков проведения выборов.

На следующий день слово взяли сами коммунисты. Зюганов заявил журналистам: у него, мол, «есть основания полагать, что сегодня на заседании Совета Федерации будет поднят вопрос о продлении полномочий президента еще на два года и отмене в связи с этим

выборов». «Власти, — сказал Зюганов, — стараются торпедировать президентские выборы, ухватившись за постановление Думы от 15 марта о денонсации Беловежских соглашений...»

20 марта состоялась встреча Ельцина с политологами и экспертами. В сообщении президентской пресс-службы об этой встрече среди прочего говорилось: дескать, на ней «было отмечено» (неизвестно, правда, кем), что постановление Госдумы по Беловежским соглашениям «ставит под вопрос проведение президентских выборов в июне этого года».

Однако пик публичных высказываний на тему возможной отмены или переноса выборов почему-то пришелся на 21 марта. Высказывания, естественно, были разные. Так, председатель ЦИК Николай Рябов заявил в этот день, что оснований для переноса сроков президентских выборов пока нет, однако эти основания пытались создать депутаты Госдумы, принимая постановление относительно Беловежских соглашений. Рябов сказал, что «только благодаря спокойной, взвешенной реакции президента и Совета Федерации удастся пока держать ситуацию в строгих рамках».

Мы знаем, какой «спокойной и взвешенной» была на самом деле реакция Ельцина.

Сергей Шахрай в уже упоминавшемся интервью корреспонденту РИА «Новости» выразил надежду, что президентские выборы состоятся точно в намеченный срок, хотя он и не исключает возможности их переноса. «Если конфронтация будет раскручиваться, — предположил Шахрай, — и Дума не станет идти ни на какие компромиссы по поводу принятых ею документов (о денонсации Беловежских соглашений. — О.М.) ни с Советом Федерации, ни с президентом, то значительная часть общества может усомниться в целесообразности проведения выборов в такой ситуации».

Помощник президента по правовым вопросам Михаил Краснов также не исключил, что президентские выборы могут быть перенесены — в случае «возникновения в стране кризиса». По словам Краснова, пока для этого нет никаких юридических оснований, однако ситуация может измениться. «Я боюсь, что в стране может возникнуть кризис», — заявил помощник президента, добавив, что уже сейчас видно, кто подталкивает страну к этому. Комментируя постановление Думы о денонсации Беловежских соглашений, Краснов констатировал: депутаты «фактически приняли поправку к Конституции» и подорвали основу, на которой базируется сама нижняя палата.

Еще один именитый депутат, председатель Фонда «Стратегия» Геннадий Бурбулис, выступая 22 марта по «Радио России», сказал,

что сегодня ни у одного кандидата в президенты нет уверенности в безусловной победе на выборах, и отсюда как бы общая негласная заинтересованность: лучше бы их вообще не проводить.

Иными словами, по крайней мере пять дней – с 18 по 22 марта – тема отмены выборов звучала в публичных речах непрерывно.

В дальнейшем все вроде бы поутихло и успокоилось: после того как Ельцина удалось убедить не предпринимать резких шагов и кризис миновал, эта идея должна была потихоньку затухнуть.

О том, что некоторое успокоение на этот счет действительно наступило, говорит, в частности, заявление, сделанное 13 апреля на пресс-конференции лидеров питерского отделения ДВР: «Если бы не позиция Гайдара и не конкретная работа Чубайса, мы бы на сегодняшний день могли иметь указ президента о переносе выборов на два года и о роспуске Госдумы, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Коржаков торгуется с коммунистами

В действительности, однако, никакого успокоения не произошло. Коржаков и его единомышленники продолжали носиться с этой идеей.

Тема отмены – переноса выборов всплыла в уже упоминавшемся разговоре Коржакова с Черномырдиным в Президентском клубе 16 апреля.

Забавная деталь. Хотя Черномырдина никто, естественно, не уведомил, что все говоримое им записывается, он, без сомнения, догадывался об этом. Не ребенок. Прекрасно знал, что все заведения такого рода нашпигованы «жучками». По этой причине отвечал односложно, междометиями, в основном поддакивал собеседнику, невинно переспрашивал... Так что, получилось, Коржаков как бы записывает сам себя.

Читая эту запись, видишь, как начальник СБП пытается склонить премьера в свою веру, рассказывает, что ведет соответствующие переговоры с коммунистами. И вроде бы склоняет...

«Коржаков. ...Я за то, чтобы выборы отменить.

Черномырдин. ... (Надо полагать, этот проставленный Коржаковым знак пунктуации – отточие – выражает что-то вроде недоумения, испытанного Черномырдиным. – О.М.)

Коржаков. Потому что думаю, Ельцин победит с небольшим перевесом, наберет 51 – 52 процента голосов. Тут оппозиция начнет орать: «Это подтасовка!» Еще начнут все громить...

Черномырдин. Да ну.

Коржаков. Запросто. Этот сценарий мы прошли уже в октябре (1993 года. – **О.М.**). Если же Ельцин проиграет, то этого тем более допустить нельзя. Инициатива о переносе выборов должна исходить от коммунистов. Я им сказал: «Смотрите, ребята, не шутите, мы власть не отдадим».

Вот так: «мы», то есть Ельцин и Коржаков. Вряд ли человек, незнакомый с тогдашней российской действительностью, поверил бы, что все это говорит начальник президентской охраны, чьи функции, по идее, должны ограничиваться сбережением в целостности главного «тела» страны и не распространяться за пределы этого.

Черномырдин, естественно, опять – «...». Слишком ответственное заявление – «власть не отдадим», – чтобы как-то его комментировать, под магнитофон проявлять свою позицию.

Далее идет подробный разговор о том, как уломать коммунистов, чтобы они сами выступили с инициативой отмены (переноса) выборов.

«Коржаков. Но Зоркальцев (один из тогдашних коммунистических руководителей. – **О.М.**) меня убеждает, что коммунисты теперь хорошие. Почему тогда у них Руцкой, Умалатова, Анпилов?..

Черномырдин. А как с Зоркальцевым?

Коржаков. С Зоркальцевым мы договорились, что будем еще встречаться. Он сам пришел ко мне организовать встречу Зюганова с шефом. Шеф пока не отказался. И было бы неплохо это устроить 22 апреля, поздравить Зюганова в день рождения Ленина. Но коммунисты должны с чем-то прийти...

Черномырдин. Мы вчера как раз обсуждали, что такие попытки Борису Николаевичу самому инициировать нельзя. Он может пригласить, допустим, руководителей фракций.

Коржаков. Он встречается с ним как с руководителем фракции. Только так.

Черномырдин. А Зоркальцев приходил, чтобы организовать встречу?

Коржаков. Да.

Черномырдин. Тогда надо делать.

Коржаков. Я ему прямо сказал: «Вы думаете, мы вам власть отдадим? Вы поняли, что у нас намерения серьезные, когда Думу зах-

вашили в воскресенье, 17-го числа (то есть 17 марта. — О.М.). Так что не отдадим. Давайте по-хорошему договариваться. Может, портфели поделим какие-то».

Черномырдин. У коммунистов самая лучшая позиция — быть в оппозиции.

Коржаков. Если бы они от этих дураков крайних отмежевались, то пожалуйста, берите портфели в правительстве, какие нужны, и работайте. В Италии компартия самая большая, но там никаких революций нет, спокойно все существуют. Во Франции тоже никаких проблем. А почему мы не можем так же?»

Вот опять: начальник президентской охраны, призванный всего лишь обеспечивать безопасность главы государства, торгуется с политическими противниками президента, предлагает им министерские должности в обмен на перенос выборов... Чудны дела твои, Господи!

Знал ли Ельцин об этих переговорах? Может, и знал. Даже наверняка знал: недаром же он «пока не отказался» от встречи с Зюгановым, которую предлагал провести Зоркальцев. (Кстати, замечу в скобках, что один из ведущих членов ельцинского штаба Сергей Филатов еще 5 апреля уверял журналистов, что «какие-либо контакты» Ельцина «с представителями КПРФ» исключены. Видимо, Коржакову все-таки лучше было известно, что исключено, что не исключено.) О чем предполагалось говорить на этой встрече? Возможно, как раз о «портфелях в правительстве» как плате, которую могут получить коммунисты, если согласятся на перенос выборов.

Правда, потом Ельцин начнет одергивать своего охранника: не лезь в политику! Но это еще ничего не значит: публично можно одергивать, а за кулисами, втихую поощрять такое «залезание». Или, по крайней мере, просто закрывать на него глаза...

Председатель правительства охотно поддакивает своему собеседнику. И — несмотря на магнитофонную запись! — соглашается, что выборы надо отменять, даже если ценой такой отмены станет предоставление коммунистам министерских постов.

«Черномырдин. Для меня никакой разницы нет, красный министр или еще какой-нибудь. Все равно будет делать то, что мне надо... Да-а... Самый лучший вариант — это отменить выборы.

Коржаков. Инициатива должна идти от коммунистов.

Черномырдин. Как это сделать?..

Коржаков. Я поставил коммунистам жесткое условие: если готовы обсуждать идею по отмене выборов, то давайте конкретные

предложения. 70 лет рулили, теперь дайте нам 70 лет порулить. Вот если мы за этот срок не вырулим, тогда обратно власть отдадим».

Вот такой циничный разговор. Предельно циничный. По всему видно: Коржаков плохо понимает, какова суть перемен, происходящих в стране. Для него все просто: одна группировка – к которой принадлежит и он сам – перехватила власть у другой и не собирается ее отдавать. В крайнем случае, отдаст лет через семьдесят, если очередной эксперимент по «рулению» окажется столь же неудачным, как и коммунистический.

А Черномырдин? Тоже не понимает?

Впрочем, скорее, оба они все прекрасно понимают, но... Плевать они на все это хотели! Главное для них – как для многих, дорвавшихся до высоких постов, – власть! В этом и заключается цинизм деятелей такого рода.

В отличие от своего визави, Черномырдин не согласен отдавать власть обратно. Ни при каких обстоятельствах. Даже и через 70 лет. У него к этому времени образовалось крупное состояние, и вернись коммунисты к власти – непременно все отнимут, национализировать. Как в анекдоте про брежневскую маму. Посмотрев, как прекрасно сын живет, мама расплакалась: «Потому плачу, сынок, что придут большевики – все ведь отберут!» Жалко маму.

«**Черномырдин.** Обратно (отдавать власть. – **О.М.**) – нет.

Коржаков. Да это я условно говорю. Но Зоркальцев, чувствует-ся, испуган. Хочет мирного исхода.

Черномырдин. Значит, это серьезно у них.

Коржаков. Они дрогнули. Шеф сказал, что от идеи запрета компартии еще не отказался.

Черномырдин. Правильно, надо запрещать и думать выше. Конечно, нам выборы не нужны.

Коржаков. Будоражить людей, отрывать от работы...

Черномырдин. Все равно готовиться надо.

Коржаков. Самое главное, что шеф сам будет против этой идеи (то есть против отмены выборов. – **О.М.**). Но его можно уломать.

Черномырдин. Конечно, все согласятся.

Коржаков. Коммунисты сейчас уже не те, на «Ауди» катаются, в Снегирях живут. Это те, кому от власти что-то досталось. А вот те, кому ничего...

Черномырдин. Те и орут.

Коржаков. А через два года у каждого будет свое дело.

Черномырдин. Только выборы не отменять, а переносить.

Коржаков. Только перенос... Какая отмена, у нас демократия!..

Черномырдин. Тогда давай давить. Тогда я сейчас это буду Борису Николаевичу говорить...»

Эти циники никогда не воспринимали слово «демократия» всерьез. Если и употребляли его, то лишь в насмешливом контексте.

На протяжении разговора они еще раз возвращаются к теме отмены – переноса выборов. Причем инициатором возврата уже выступает Черномырдин, по всей видимости к этому времени окончательно созревший для соответствующего направления мыслей. Утратив осторожность, он как бы со всей широтой души устремляется навстречу своему собеседнику (у него для этого есть свои особые резоны). Впрочем, не исключено, что тут сказывается действие виски, употребляемого премьером в процессе разговора.

«Черномырдин. Александр Васильевич, надо нам стратегию разработать. Сейчас наступают решающие дни. Если мы с коммунистами выйдем на какой-то диалог, то лучше выборы перенести. Это лучший вариант (вроде бы уже обо всем договорились – переносить; казалось бы, чего снова о том же самом талдычить? – О.М.).

Коржаков. Коммунисты же видят, как народ Ельцина поддерживает. Краснодар встречал шефа, как будто это Белодар! Город весь высыпал на улицы. Мы обалдели! Мы приехали-то ночью. Молодежь вообще вся за Ельцина, просто влюблена. С народом шеф не боится общаться, он полемист известный! (На самом деле реакция краснодарцев, как и ставропольцев, на пребывание Ельцина в их краях, как мы видели, была не такой уж благоприятной для него. – О.М.)

Черномырдин. Как бы устроить встречу с Зюгановым до 22-го? Нельзя затягивать.

Коржаков. День рождения Ленина. Коммунисты наверняка венки возложат к Мавзолею, это святое дело. А наше дело – не довести до бунта. Я Зоркальцеву говорю: «Я больше всех заинтересован в мире, потому что наши чубы прежде всего полетят»...».

Через некоторое время Коржаков уже в открытую, не только за рюмкой в Президентском клубе, примется проталкивать свою идею о переносе выборов. Как говорится, пойдет ва-банк...

Знал ли об этом Ельцин?

Тот же самый вопрос – знал ли Ельцин об этих переговорах своего охранника с коммунистами? – задаю Чубайсу. И знал ли о них он

сам, Чубайс? Пытался ли как-то противодействовать этой торговле: отмена (перенос) выборов в обмен на посты в правительстве?

– Честно говоря, я об этом толком ничего не знал, – признается Анатолий Борисович. – Хотя предполагал, что такое возможно. Знал ли об этом Борис Николаевич, тоже не могу сказать. Но мне было совершенно ясно, что как переговорщик и как политик Коржаков на несколько уровней слабее, чем даже Зюганов. Так что у Коржакова были нулевые шансы в ходе этих переговоров выстроить какую-то выгодную для ельцинской стороны политическую конструкцию. Это было нереально.

– Он с Зоркальцевым вел переговоры.

– Неважно, с кем. То, что вы называете переговорами, я думаю, выглядело примерно так: «Слушай, Витя, ну чего ты? Давай договоримся!» – «Да как, Александр Васильевич, да у нас же выборы...» – «Да ладно, кончай ты! Выборы... Что мы с тобой договориться не можем, что ли?» Это вот примерно такого уровня разговор. Он по определению не может дать результатов.

ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ В ЧЕЧНЕ!

Главное условие победы на выборах

Преобладающее общественное настроение относительно президентских выборов в тот, десятилетней давности, период было вполне определенное: Ельцину нечего и думать об успехе на этих выборах, если он не предпримет каких-то решительных шагов по прекращению чеченской войны. Как мы знаем, Путин спустя всего лишь три года, напротив, стал президентом именно благодаря возобновлению этой войны. Главным образом благодаря ей же долгое время поддерживался его высокий рейтинг. В 1996-м все было в точности наоборот. Требование установить мир в Чечне считалось как бы само собой разумеющимся. Даже такие осторожные политики, как Шаймиев, высказывали его едва ли не в каждом своем публичном выступлении.

Уже 2 февраля после первой встречи с Ельциным недавно избранный спикер Госдумы Геннадий Селезнев сообщил, что президент на днях «предложит свой вариант по разрешению чеченского кризиса», причем, как он, Селезнев, понял, «во главу угла будет поставлено мирное решение проблемы».

17 февраля на встрече с редакторами центральных СМИ, состоявшейся в ИТАР-ТАСС, Ельцин представил семь (!) вариантов урегулирования конфликта в Чечне. Впрочем, все это были наметки одного плана, который мало-помалу вызревал в головах различных групп экспертов.

7 марта состоялось заседание Совета безопасности, на котором, по словам Ельцина, стоял один вопрос – утверждение программы урегулирования чеченского кризиса. Программа была составлена с учетом предложений двух комиссий – правительственной во главе с Черномырдиным и Президентского совета под руководством Эмиля Паина, а также «предложений президентских структур». Однако окончательное политическое решение и на этот раз не приняли. Как сказал Ельцин, договорились «в общем одобрить программу», но за неделю ее «подкорректировать», после чего окончательно утвердить на Совете безопасности.

По-видимому, дело осложнилось еще и тем, что как раз накануне, 6 марта, дудаевцы предприняли штурм Грозного. Именно в то время, когда в Москве заседал Совет безопасности, в разных районах чеченской столицы развернулись ожесточенные бои. Атакующих было, по разным оценкам, от семисот до полутора тысяч. Они вывели из строя крупнейшие теплоэлектроцентрали, нефтеперерабатывающий завод, насосную станцию водоснабжения... Боевикам удалось подойти почти вплотную к комплексу правительственных зданий. Их натиск был настолько мощным, что на помощь внутренним войскам и чеченской милиции, явно «проседавшим» под этим натиском, в город пришлось ввести подразделения Минобороны. Тем не менее к вечеру дудаевцы контролировали уже третью часть территории города...

Было очевидно, что штурм, предпринятый боевиками, привязан по времени к заседанию Совета безопасности в Москве. Но что именно Дудаев хотел продемонстрировать этим штурмом? Показать свою силу, так чтобы авторы составляемой в российской столице программы примирения пошли на более серьезные уступки? Если такие соображения действительно были, вряд ли их можно считать оправданными. Эти демонстративные действия скорее добавляли аргументов московским «ястребам», осложняли задачу президента.

Не исключено и то, что Дудаев сознательно стремился усложнить задачу вторичного избрания Ельцина: как известно, его симпатии были на стороне коммунистов.

В самом ельцинском штабе вряд ли кто-то всерьез рассчитывал, что чеченскую проблему удастся решить достаточно скоро, даже если президент по-настоящему проявит тут волю. Во всяком случае, было ясно, что до выборов это сделать уже не удастся: слишком мало остается времени. Так, 18 марта на пресс-конференции в Калуге Сергей Филатов определенно заявил: «война не будет завершена до выборов, так как там очень много проблем». Вместе с тем это по-прежнему одна из важнейших целей президента. По словам Филатова, в ближайшее время Ельцин огласит решение Совета безопасности по чеченской проблеме, которое предусматривает «комбинированный путь» ее решения.

И вновь о тогдашнем общественном мнении. В двадцатых числах марта ВЦИОМ провел опрос по поводу Чечни. На вопрос «Какой путь решения чеченской проблемы Вам кажется правильным?», 46 процентов (самая большая цифра) выбрали ответ – нужно «как можно скорее вывести федеральные войска, а потом решать

вопросы отношений Чечни с Россией». На вопрос «одобрили бы Вы в сложившейся ситуации прямые переговоры Ельцина с Дудаевым?» «безусловно да» ответили 34 процента, «скорее да» – 23, «скорее нет» – 13, «безусловно нет» – 15.

Большинство по-прежнему желало скорейшего заключения мира через переговоры и вывод войск из Чечни.

Дудаев желает, чтобы российским президентом стал Зюганов

(Из написанного в те дни. 18 марта 1996 года)

В чем видится Ельцину главная сложность решения чеченской проблемы? Об этом он так сказал рабочим в Челябинске, во время поездки по Уралу:

– Если только оттуда армию вывести, перережут они друг друга. Но и не выводить тоже нельзя... Без этого нечего мне и думать о том, чтобы идти на выборы.

Как же преодолеть эту фундаментальную трудность – как вывести войска, не выводя их? Несколько недель мудрейшие из мудрейших по поручению президента решали эту задачу.

От всей этой многодневной суеты, от кипучей деятельности различных комиссий и групп, скрупулезно изучавших различные варианты, простые люди с надеждой ждали только одного – чтобы прекратилась война, перестала литься кровь. Дождались ли?

Боюсь, что нет. Хотя программа по Чечне до сих пор не обнародована, кое о чем уже можно судить. Еще до того, как был принят окончательный ее вариант, после первого тура обсуждения Ельцин так аттестовал ее:

– Программа комплексная. То есть это программа прежде всего достижения мира. Мирная программа. Второе – это программа военная. Чтобы все-таки завершить... И тех преступников, которые виновны и замешаны в убийствах и т.д., в террористических актах, – они должны быть преданы суду, привлечены к ответственности. И мы должны это обязательно сделать, чтобы не было по-вашему другим.

Уже из этих слов ясно, что бойня будет продолжаться. Ибо предать суду своих противников в Чечне Кремль мечтает с самого начала чеченской кампании, с декабря 1994-го.

Но отслоить чистых от нечистых не так-то просто. Хотя бы пото-

му, что противник четко осознает эту заветную мечту московских правителей. На днях Джохар Дудаев в интервью радио «Свобода» заявил по этому поводу:

— Попытки отделить боевиков от чеченского народа и сделать войну внутричеченским конфликтом обречены на провал. Война идет против чеченской нации как нации... И никого из народа Чеченской Республики и ее граждан этот блеф не обманет.

То, что «боевик» — понятие в Чечне относительное, давно известно. Вчера человек был мирным обывателем, а сегодня у него убили семью... Теперь его семья — автомат. Борис Немцов, выступая по НТВ, привел свидетельства нижегородских соборников, которые участвовали в грозненских событиях 6 марта: «Да, там были боевики, но это было восстание. В нас стреляли даже десятилетние дети».

Что будем с детьми делать, Борис Николаевич? Какие кары для них придумаем в назидание другим?

Как именно предполагается наказать «преступников, которые замешаны в убийствах», видно по несколько обновленной тактике федеральных войск, обозначившейся в последнее время. Видимо, в соответствии с разработанным планом. То или иное чеченское село, где, как предполагается, есть боевики, окружается тройным кольцом, после чего по нему несколько дней лупят артиллерия и авиация. Затем МВД проводит свою пресловутую «зачистку» (слово-то какое!). Тактика, разумеется, гениальная. Странно, что генерал Куликов до сих пор не додумался таким же способом ликвидировать солнцевских или люберецких преступников. Значит, так: окружаем соответствующий жилой район, подтягиваем гаубицы...

Намечаются также шаги невоенные, шаги, так сказать, экономического свойства. Здесь упор сделан на различении мирных и немирных районов (похожим образом во времена генерала Ермолова различались мирные и немирные аулы).

— ...Мы будем финансировать только те районы, где будет стабилизировано положение и не будет бандитов, — так разъяснил Ельцин эту часть программы. — Стабилизировалась обстановка, подписали договор — мы финансируем этот район. Пожалуйста — восстановление, зарплата, пенсия... Все, что полагается. Если там есть бандиты, мы финансировать эти районы не будем.

Этакий в самом деле тонкий инструмент: выказываете смирение и покорность — получите и распишитесь в ведомости. Покорный теленок, как известно, двух маток сосет. Одна беда: мы даже в Рязань из Москвы перевести деньги толком не можем, перевести и раздать

кому надо ту же зарплату, пенсию. Что же о Чечне говорить?! Неужто нашему президенту неизвестно, что миллиарды и триллионы исчезают там бесследно? Что только три категории населения исправно получают в этой республике бюджетные деньги – дудаевцы, продажные «правительственные» чиновники и прямые уголовники. Ну, и за пределами Чечни, ближе к российской столице, от этих денег всяческого ворья тоже кормится немало.

И еще: каким все-таки районам, спрашивается, платить, каким не платить? Известно ведь: дудаевские ополченцы совершенно свободно перемещаются почти по всей территории Чечни, свободно посещают большинство городов и сел, входят и выходят из них, когда им заблагорассудится. Сегодня их здесь нет, а завтра – вот они. Так было, например, с Серноводском, который до последнего времени считался мирным и нейтральным.

Так что все эти договоры и соглашения стоят не больше, чем бумага, на которой они написаны.

Наконец, вообще попытка купить благорасположение горцев, деньгами склонить их к предательству означает либо полное незнание их менталитета, либо оскорбительное пренебрежение им.

Просто удивительно, как наши правители любят самообманываться. Прямо страсть какая-то. Вроде бы обожглись на Хаджиеве и Автурханове (руководители промосковской антидудаевской «оппозиции». – О.М.). Казалось бы, достаточно. Нет, теперь делают ставку на Завгаева.

Неужто не ясно, что никакой властью в Чечне этот деятель не обладает? Боятся высунуть нос за пределы грозненского аэропорта. А все дни последних боев в чеченской столице вообще просидел в Москве. Это вместо того, чтобы броситься к себе в Чечню при первых же сообщениях о штурме Грозного.

Но как раз во время грозненских боев Ельцин заявляет, что Завгаев «довольно уверенно работает сейчас».

Бывает, конечно, что работа ладится и в отсутствие начальника. Здесь, однако, не тот случай. В сущности, чеченская милиция не оказала никакого сопротивления отряду Басаева, предпринявшему штурм Грозного 6 марта. Перед началом штурма Басаев ее предупредил: все, кого застигнут с оружием в руках, будут расстреляны. И посоветовал милиционерам разойтись по домам. После этого милицейские начальники стали выступать один за другим по местному телевидению и заверять, что не будут воевать с дудаевскими ополченцами.

Правда, несколько милиционеров все же погибли. Однако вовсе не потому, что решили оборонять Грозный: просто дудаевцы напали на два милицйских райотдела, у них с милицией были какие-то свои счѣты.

Так что грозные требования российского министра Куликова, обращенные к Завгаеву и его «правительству» — взять на себя поддержание порядка в Чечне, — это не более чем начальственная риторика. Министр сам прекрасно знает, что Завгаев ни на что подобное не способен.

К тому же у него сейчас другое хобби — он занят сейчас раскруткой так называемого внутрйчеченского диалога. По уверениям Завгаева, в этот диалог втягивается все больше и больше чеченцев.

С чего бы это, кажется? Да, конечно, море пролитой крови, усталость дают о себе знать. Но происходит и другое: по мере того как федеральные силы продолжают зверствовать, убивать без разбора правых и виноватых, стариков, женщин, детей (самые свежие примеры этих зверств — тот же Серноводск, те же Самашки), все больше чеченцев берется за оружие. Это ведь давно известно: сами же российские военные заботятся о пополнении отрядов Дудаева.

С самого начала чеченской войны стали раздаваться трезвые голоса: мол, переговоры надо вести не с подставными лицами, которых вы сами же назначаете — то ли в оппозицию, то ли в правительство, — а с реальными политическими фигурами, с теми, кто действительно влияет на ситуацию в Чечне. Попросту говоря, с Дудаевым и его соратниками. Отношение начальства к этим призывам пережило все мыслимые фазы — от решительного неприятия («Никаких переговоров с бандитами!») до сдержанного согласия и практического воплощения. Положительная фаза, как мы знаем, началась после нападения Басаева на Буденновск. Благодаря Черномырдину.

Сейчас мы снова пребываем в крайне отрицательной фазе. Дудаев для нас снова бандит, террорист, уголовник и т. д. и т. п. Приклеивание к противнику всяческих ругательных ярлыков — это еще одна разновидность самогипноза.

Была, правда, недавно попытка стряхнуть с себя этот самогипноз и самообман. Как ни странно, ее предпринял поносимый нынче на всех перекрестках и назначенный всеми к скорому увольнению министр обороны Павел Грачев. Он предложил Дудаеву встретиться и обсудить ситуацию. Однако его тут же одернул генпрокуратор: дескать, такие контакты незаконны — Дудаев находится во всероссийском розыске...

Господи, да неужели вам больше некого разыскивать? Разыщите-ка, сделайте милость, тех, кто убил Листьева. Или Холодова...

Еще одна форма самообмана: власти уверяют себя, что они имеют боеспособную армию и нормальное, компетентное военное руководство, которым по плечу осуществить все их, властей, глубокие стратегические замыслы. О реальной боеспособности этих войск можно судить хотя бы по недавнему факту, когда доблестные восстановители конституционного порядка, отмечая вместе с дудаевцами Международный женский день, должно быть, по пьянке продали им за шесть тысяч долларов танк и БТР. Теперь, надо полагать, эта техника по ним же, продавцам, и по их товарищам лупит из пушек и пулеметов...

Что же касается профессиональных и моральных качеств военного начальства, Борис Немцов так о них отозвался:

— Как с таким командованием чеченской операций можно вести войну?.. Для этого нужно, чтобы командиры — я имею в виду командиров достаточно высокого ранга — не боялись брать на себя ответственность, нужно, чтобы они были квалифицированными людьми, и нужно, чтобы они не были подхалимами и трусами. Это можно сейчас сделать? Я говорю: этого сделать нельзя.

Тем не менее Совет безопасности, по-видимому, снова одобрил войну. Хотя и в несколько переиначенном виде. Если нельзя, но очень хочется, то — можно.

В последние дни на телеэкранах то и дело возникают похоронные процессии. Пермь, Нижний Новгород, Екатеринбург... Хоронят молодых ребят, погибших в Грозном. Погибших по вине бездарных генералов. Точно так же год назад в том же городе на убой были брошены парни из Майкопской бригады, других подразделений... (Кстати, сейчас Майкопскую бригаду, разваленную и деморализованную, снова направляют в чеченское пекло.) Время идет, но генералы упорно не желают ничему учиться. Спроса с этих бездарей никакого. Путь у них только один — наверх. Наказать их могут лишь в единственном случае — если они станут перечить начальству. Так были наказаны Громов, Кондратьев, Воробьев, Лебедь...

За кого будут голосовать тысячи людей, идущие нынче за гробами тех, кто погиб в Чечне? Думаю, не за Ельцина.

Полагаю, это и была одна из главных целей Дудаева, затеявшего 6 марта нападение на Грозный, — восстановить против российского президента в перспективе приближающихся выборов как можно большее число его соотечественников. Более того, показать, что

исход этих выборов во многом определяет именно он, Дудаев. Он ведь давно заявляет: дескать, сделает все от него зависящее, чтобы Ельцин не был переизбран на второй срок.

А сделать он действительно может немало. До последнего времени кремлевские мудрецы почему-то полагали, что в решении чеченской проблемы главное зависит от них. Они могут придумать семь вариантов, а могут – двадцать семь. Захотят – могут закончить войну в январе-феврале, а могут в апреле-мае. Предполагалось, что у противостоящей, дудаевской, стороны если и есть здесь какая-то роль, то лишь второстепенная, подчиненная. Страдательная.

И вот вдруг обнаружилось: какие бы варианты ни придумывали в Кремле и в Белом доме, в конечном-то счете как раз Дудаев решает, принять их или отвергнуть. Но у него сейчас – собственный вариант.

Разработана специальная тактика, как не допустить вторичного избрания Ельцина. Решено не предпринимать никаких шагов – наподобие Буденновска или Кизляра, – которые могли бы дать Ельцину повод отложить или отсрочить выборы. Такое решение принял Комитет обороны Ичкерии. В то же время операции, подобные грозненской, будут, конечно, продолжаться. Нет никакого сомнения: тот же Шамиль Басаев при желании с такой же легкостью сможет повторить атаку на Грозный буквально накануне выборов – и 10-го, и 11-го, и 12 июня... С такой же легкостью и с таким же блестящим для себя результатом. И снова по российским городам будут хоронить бойцов СОБРа и ОМОНа. Обычных солдат и офицеров. И эта предвыборная антиельцинская агитация будет самой сильной, какую только можно придумать.

Наконец, если федеральные войска будут продолжать свой беспредел – совершенно безумную варварскую тактику окружения и уничтожения чеченских сел, чеченцы могут перейти не только к поголовному расстрелу заложников и пленных (чем они уже сейчас угрожают), но и к индивидуальному террору – тому самому, который применяют сегодня в Израиле палестинцы. А от него, как известно, нет защиты.

Неужто эта ясная перспектива не видна кремлевским начальникам и состоящим у них на службе доблестным генералам?

Дудаев и его окружение подают знаки приветствия российским большевикам, готовящимся нынче к своему последнему и решительному бою. Сам чеченский авиагенерал заявляет, что он никому не сдавал своего партбилета, прозрачно намекая: мол, считайте меня коммунистом. Членом КПРФ он, разумеется, быть не желает, но опять-таки

шлет намека – вот если бы не развалился СССР... Он, дескать, был против такого развала.

И надо ж так случиться: зюгановцы, управляющие Госдумой, как раз в этот момент «отменяют» Беловежские соглашения. Поразительная синхронность и духовная близость.

Близкие сподвижники Дудаева – например, бывший актер Ахмед Закаев – также делают заявления: коммунисты, мол, самые серьезные из российских политиков; когда они придут к власти, чеченцам с ними совсем нетрудно будет договориться.

Неужто и сам Дудаев питает такие надежды? Я понимаю, в советских военных академиях – впрочем, как и повсюду – историю КПСС преподавали в припудренном и подрумяненном виде. Генерал, однако, не может не знать, что право народов на самоопределение большевики признавали только на заре туманной юности, в самом начале своего политического существования. Да и то больше на бумаге. Правда, придя к власти, с пылу, с жару, не разобравшись толком, что к чему, в самом деле позволили кое-кому отделиться. Финляндии, например... После этого, однако, быстро захлопнули дверь бывшей «тюрьмы народов», навсегда позабыв свои юношеские романтические бредни. После этого самое малейшее сомнение в добровольности вхождения кого бы то ни было в братскую семью советских народов считалось величайшим из всех мыслимых грехов. Такое сомнение нельзя было высказывать даже шепотом.

Какие же у Дудаева основания надеяться, что, когда на трон в первопрестольной взгромоздится великий вождь и любимый руководитель красный профессор товарищ Зюганов, он поднесет чеченцам на блюдечке с голубой каемочкой право на выход из ненавистой для них России? Абсолютно никаких. Никакого блюдечка, разумеется, не будет.

Впрочем, Дудаев на него, конечно, и не рассчитывает. Логика у него совсем иная. Логика простая. Кто бы ни пришел вместо Ельцина, хуже уже не будет. Почти все, что можно было разрушить, – разрушено. Десятки тысяч чеченцев – и тех, кто сражался за независимость, и вполне мирных, – убиты...

В то же время кто знает, как могут обернуться события, если в Кремле произойдет смена караула. Глядишь, что-нибудь да переменится. Новый правитель всегда испытывает желание отстраниться от наиболее грязных дел своего предшественника. Чечня, разумеется, стоит первой в этом списке.

И наконец, Дудаев просто жаждет отомстить Ельцину. Вспоминаю

свой разговор с чеченским президентом летом 1992 года. Я спросил его тогда, почему он допускает свободное хождение оружия в республике. Он ответил: это, мол, соответствует кавказским традициям – тот мужчина не мужчина, кто не носит оружия. Но это же приведет к всплеску преступности, убийств, сказал я. Никакого всплеска не будет, отвечал генерал, у чеченцев, как вы знаете, есть принцип кровной мести, так что на убийство соплеменников здесь мало кто решается...

Полагаю, Дудаев давно уже считает Ельцина своим «кровником». Стремится отомстить ему за тех самых погубленных своих соотечественников, имя которым – легион. За разбомбленные города и села... Уничтожить российского президента физически ему, конечно, трудновато: генерал Коржаков не дремлет. Однако и политически уничтожить – тоже немало. К этому, я думаю, сейчас устремлены все помыслы Дудаева. Этого сегодня он жаждет, пожалуй, даже больше, чем собственно чеченской независимости.

Вот почему Дудаев отдает сегодня предпочтение вождю российских пролетариев. Парадоксальным образом закрывая глаза даже на то, что этот вождь – прямой наследник «лучшего друга чеченцев», погрузившего в 1944-м их в вагоны для скота и отправившего прямоком в Казахстан и Сибирь.

Многokrатно уже признано: введение войск в Чечню было ошибкой. Сам же Ельцин не раз это признавал: ночами, дескать, думаю об этом...

По ночам лучше бы спать, а ошибки – исправлять, а не замазывать. Нарушение этой простой логики мстит за себя. Замазывание ошибки ведет к ее удешевлению, продлевает страдания людей, населяющих Чечню, приводит к новым разрушениям, новым смертям, новым похоронкам...

Никакие половинчатые решения делу не помогут. Не надо себя обманывать, существует только один вариант: прекращение огня – переговоры – вывод войск – прекращение войны...

Говорят: даже если Россия уйдет из Чечни, Дудаев в покое Россию не оставит. А вот это уже извините. Это уже будет совсем другое дело. За свою землю народ поднимется как один. Как раз про такие моменты написано: «Идет война народная, священная война». Да и не так глуп Дудаев, чтобы в самом деле переносить войну на российскую территорию, сколько бы он ни угрожал на словах таким переносом.

Итак, ничего путного в отношении Чечни в Москве, по-видимому, не придумали, несмотря на все авансы и громогласные заявления, что вот, мол, еще немного – и будет рождено нечто историческое и эпохальное. Нечто судьбоносное. Какое-то объяснение такому слабо-

му, мутному, невразумительному решению можно найти, если предположить, что оно все-таки носит промежуточный характер. Что вслед за этим через какое-то время, когда неэффективность намеченной программы станет для всех очевидна, Ельцин, как не раз уже бывало, собрав волю в кулак, пойдет-таки на тот единственно возможный радикальный шаг, которого от него давно все ждут. На фоне вялой, замудренной программы СБ он будет выглядеть особенно эффектно. Хорошо бы только не слишком вольтануть с этим: до 16 июня времени – всего ничего.

Впрочем, не исключено, что, принимая нынешний план по Чечне, план, явно ухудшающий его предвыборные шансы, Ельцин имеет в виду, что выборы все-таки будут отложены или вовсе отменены. В таком случае с решением чеченской проблемы ему в самом деле незачем торопиться. Однако это уже тема для совсем другого разговора.

* * *

Это писалось по горячим следам – после решения Совета безопасности, касающегося Чечни. Тогда не очень верилось, что Ельцин всерьез начнет движение к миру в этой северокавказской республике. Соответствующие громогласные заявления он делал уже неоднократно, и всегда они кончались ничем. Однако на этот раз острая предвыборная ситуация побудила Ельцина более серьезно отнестись к делу. Ясно было, что пустыми «миролюбивыми» декларациями избирателей не привлечешь. Требовалось реальное движение к миру, реальные шаги к прекращению бессмысленной бойни.

Президент делает решающий шаг

31 марта Ельцин выступил по телевидению с обращением к гражданам России. Он сказал, что выполняет свое обещание познакомить всех с программой урегулирования кризиса в Чеченской Республике. По его словам, чеченский кризис – «это самая тяжелая проблема России; простого пути разрешения этого конфликта нет и быть не может». Тем не менее программа урегулирования кризиса в ЧР после двукратного обсуждения на Совете безопасности и доработки принята и вступает в действие.

– В соответствии с программой, – сказал Ельцин, – с 24 часов 31 марта этого года войсковые операции на территории Чечни прекращаются... Начинается поэтапный вывод федеральных сил из спокойных районов Чечни на ее административные границы... Параллельно чеченское руководство будет вести работу по расширению зон согласия, безопасности и мира в Чеченской Республике. Сегодня они составляют почти две трети ее территории.

Ельцин предупредил, что федеральные власти не станут мириться с террористическими акциями – ответы на них будут адекватными, но эти ответы «не могут и не будут подменять собой политических решений, которые предусмотрены программой урегулирования кризиса».

– Вторая задача, – продолжал президент, – проведение на всей территории свободных демократических выборов в парламент республики, в котором должны быть представлены интересы всего населения Чечни... Избрание парламента будет важным шагом в воссоздании в Чеченской Республике государственных органов власти... По мере укрепления системы власти в Чечне ответственность и полномочия по окончательному урегулированию ситуации переходят от правительства Российской Федерации к главе, правительству и парламенту Чеченской Республики. Этот процесс должен быть закреплен договором о разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и Чеченской Республики.

Главный камень преткновения, конечно, – это вопрос о государственном статусе Чечни. Он выносится за рамки принятой программы. По словам Ельцина, к его решению предстоит приступить в ближайшие месяцы. Президент напомнил: «Конституция России допускает, что статус может быть изменен по взаимному согласованию между Россией и самими субъектами Федерации». Как уверен Ельцин, главное условие, при котором может начаться согласование вопроса о статусе Чечни, – это «нормализация обстановки в республике, установление здесь мира, спокойствия и стабильности».

– Ради этого, – сказал Ельцин, – мы готовы пойти на переговоры с дудаевской стороной через посредников.

Очень важный момент. Тут впервые с начала чеченской войны открывается – официально открывается! – возможность, хоть и через посредников, но вести переговоры с людьми, контакты с которыми до той поры допускались только через мушку прицела.

Еще шаг навстречу сепаратистам. Госдуме предлагается обя-

вить амнистию участникам вооруженных действий в Чечне, кроме тех, кто совершил тяжкие уголовные преступления.

— Предстоит большая работа по реализации этой программы, — сказал в заключение Ельцин, — но я верю, что она увенчается успехом. И прежде всего потому, что мир, спокойствие и безопасность нужны чеченскому народу, всем народам России.

Знаменательна самая последняя фраза ельцинского выступления:

— Мы с военными твердо настроены на мирное решение этого вопроса.

«Мы трижды предлагали ему переговоры»

Конечно, согласие Ельцина начать переговоры с Дудаевым прозвучало как сенсация. Однако вскоре выяснилось, что переговоры предлагались Дудаеву уже не однажды.

— Мы три раза делали попытку склонить его на мирные переговоры, — сказал Ельцин на пресс-конференции сразу после своего телевыступления, — и три раза ничего не получилось. Три раза он отказывался от этих переговоров. Это сейчас он согласен, как нам говорят посредники...

Журналисты поинтересовались, кто эти посредники. Ельцин сказал, что свои услуги предлагают разные люди: бывший советский диссидент Юрий Орлов, казахский президент Нурсултан Назарбаев и даже некий арабский шейх...

— В общем посредники эти достаточно серьезные, — сказал Ельцин.

Коснулся он и вопроса о будущем статусе Чечни:

— Самое главное, через что мы не можем переступить и с чем не можем согласиться: то, что Чечня — независимая, вне России. Это уже нарушение целостности России. Это уже нарушение Конституции. На это мы пойти не можем.

Ельцин выразил надежду, что переговоры с Дудаевым приведут «к какому-то более мягкому варианту» — скажем, к такому уровню самостоятельности Чечни, каким довольствуется Татарстан...

На пресс-конференции Ельцин сообщил, что собирается посетить воинские части, расквартированные в Чечне, «в энное время».

В конце он еще раз подчеркнул, каковы должны быть главные

шаги по урегулированию чеченского кризиса: первое – это прекращение боевых действий, второе – создание условий для формирования парламента Чеченской Республики.

– Наши усилия должны предотвратить дальнейшую гибель людей, – сказал Ельцин.

Если бы такая цель всегда ставилась российскими правителями на первое место!

Гладко было на бумаге...

Вскоре, однако, выяснилось, что войну гораздо легче начать, чем кончить. Формально все вроде бы делалось для скорейшего ее прекращения, как и предписывалось президентом. Так, уже 1 апреля командующий Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне Вячеслав Тихомиров заявил, что «сегодня» с нуля часов подчиненные ему войска прекратили все войсковые операции на территории республики, что военные поддерживают мирные инициативы президента и намерены «неукоснительно проводить в жизнь» все его планы по прекращению вооруженного конфликта. В то же время, по словам генерала, это не означает отказа федеральных сил от проведения «специальных операций против бандформирований и террористов».

Уже из этих слов было ясно, что никакого прекращения бойни в реальности не случится – произойдут лишь перемены в терминологии: не будет войсковых операций, но будут операции «специальные».

Так оно и вышло. Тогда же, 1 апреля, генерал Тихомиров обвинил противоположную сторону в продолжающихся провокациях: дескать, за прошедшую ночь боевики 11 раз обстреливали позиции федеральных сил. Понятное дело, тем приходилось отвечать...

Такое же «примирение» продолжалось и в следующие дни.

А «на бумаге» все вроде бы двигалось к миру. Тихомиров сообщил, что уже готова «схема передислокации войск и их вывода из спокойных районов Чечни» – она будет реализовываться «по мере развития оперативной обстановки». Еще до провозглашения ельцинского плана примирения по всей республике начали подписывать тройственные мирные соглашения – между представителями федеральных войск, промосковского завгаевского правительства и мест-

ных администраций. По этим соглашениям военные брали на себя обязательства не обстреливать соответствующие населенные пункты, проводить разминирование, а местные жители – не пускать к себе боевиков. Таких соглашений становилось все больше и больше: уже к 5 апреля их набралось 156 (всего в Чечне – 365 городов и сел). Ясно было, однако, что все это филькины грамоты: ни федеральные военные, ни боевики ни у кого не спрашивали разрешения, где и когда им появляться и по каким целям вести огонь.

После мирного договора – бомбежка

Чего стоили все эти мирные договоры, говорит хотя бы случай с селом Шалажи. Поселок сугубо мирный. За весь период боевых действий его жители, по их утверждению, ни разу не допустили к себе ни одного боевика. 2 апреля они по собственной инициативе, в присутствии высокого гражданского и военного начальства подписали этот самый договор о мире и согласии. А ночью на 3-е по селу был нанесен мощный ракетно-бомбовый удар с воздуха...

Воинские чины, естественно, отреклись, что отдавали приказ о бомбардировке...

Конечно, можно было бы сослаться на то, что все произошло случайно. Обычно в подобных случаях так и утверждается: дескать, какой-то пьяный наводчик установил не тот прицел. Но здесь, повторяю, была бомбардировка с воздуха. По рассказам очевидцев, самолеты попарно около семи раз заходили на село. Какая уж тут случайность!

В результате бомбежки было разрушено семнадцать домов, около трехсот повреждено.

Но и на этом дело не кончилось. 4-го вечером Шалажи вновь подверглось бомбардировке. На этот раз на село заходили по четыре самолета. Было уничтожено еще несколько домов. Ранения получили более тридцати жителей, один погиб.

Корреспондент ИТАР-ТАСС, пройдя часть села, насчитал и сфотографировал по меньшей мере шесть воронок глубиной около четырех и диаметром около девяти метров, более десятка воронок меньшей глубины и диаметра.

В общем-то эта двукратная бомбардировка мирного села имела некий символический смысл. Ее зачинщики как бы показывали, что плевать они хотели на все эти мирные договоры, на разглагольство-

вания о прекращении боевых действий, что у них собственные планы насчет «мирного урегулирования» в Чечне, отличающиеся от ельцинских. Утверждение Дудаева, что в Москве существует мощная «партия войны», словно бы получало наглядное подтверждение.

Свое возмущение по поводу этих инцидентов осмелилось высказать даже кормящееся с руки Кремля завгаевское правительство. «Это провокация, направленная на срыв мирного процесса в Чечне», – заявил пресс-секретарь Завгаева Руслан Мартагов. По его словам, если расследование этих бомбардировок не будет доведено до конца и виновные не понесут наказание, «народ полностью перестанет верить российскому руководству».

С еще более мощным протестом выступили Президиум Верховного Совета и Комитет национального согласия Чеченской Республики. 6 апреля они приняли совместное заявление, адресованное российской Госдуме. В нем, в частности, говорилось:

«Народ Чечни и вся прогрессивная Россия с большой надеждой восприняли обращение президента России с изложением программ урегулирования кризиса в Чеченской Республике и поверили, что действительно прекратятся военные действия и перестанут гибнуть мирные люди. Однако военные действия и крупномасштабные войсковые операции не только не прекращены, а продолжается нанесение ударов по тем населенным пунктам, которые сделали шаг к миру, подписали соглашение или изъявили желание скрепить его подписями. Так было в Новогрозненском, Катыр-Юрте, теперь это Шалажи – поселок, который традиционно находился в оппозиции к власти Дудаева».

В заявлении выражалась просьба к Госдуме «принять меры по прекращению гибели мирных жителей Чечни и военнослужащих российской армии». Если же Госдума не в состоянии оказать воздействие на исполнительную власть, авторы просили ее «обратиться к мировому сообществу, к руководителям международных организаций с призывом обратить внимание на трагедию чеченского народа и сделать все от них зависящее, чтобы прекратить кровавую бойню».

Увы, об истинных виновниках авианалетов на Шалажи мы так ничего и не узнали. Зато в оборот была запущена версия, будто село бомбили некие неизвестные самолеты, взлетевшие с территории Азербайджана.

Как видим, не прошло и недели с момента обнародования ельцинской программы мирного урегулирования в Чечне, а ее реальность уже была поставлена под большое сомнение.

Тем не менее миролюбивые заверения высокопоставленных российских чиновников, поддакивающих Ельцину, продолжали журчать,

как и прежде. Будто мирная ельцинская программа не поставлена под угрозу срыва, будто в Чечне не продолжает реками литься кровь. «Выполняя указ президента, мы не проводим в Чечне войсковые операции», – успокаивал журналистов 3 апреля министр обороны Павел Грачев. «Приказ президента России Бориса Ельцина о прекращении военных действий в Чечне будет неукоснительно выполняться», – заверял 7 апреля в программе «Итоги» Виктор Черномырдин.

Шаймиев почти встретился с Дудаевым

Как мы видели, в числе посредников на переговорах с Дудаевым Ельцин назвал татарского президента Минтимера Шаймиева. Однако к моменту, когда переговоры должны были вроде бы начаться, он находился на отдыхе в дальних краях – в Объединенных Арабских Эмиратах. В прессе появились сообщения, что ввиду важности возложенной на него миссии он готов прервать отпуск и отправиться в мятежную республику. Однако 12 апреля эта информация была опровергнута: Шаймиев остается в Эмиратах, а вместо него в контакт с чеченским лидером вступит советник татарского президента Рафаил Хакимов – он-де уже находится в Чечне «неподалеку от ставки Джохара Дудаева».

Впрочем, в тот же день, 12-го, Хакимов прилетел в Москву и сообщил, что встретиться с Дудаевым ему так и не удалось: помешали боевые действия и дожди, сделавшие чеченские дороги непроходимыми. Тем не менее, по его словам, он провел переговоры с представителями Дудаева. «Говорить с ними непросто, – сказал Хакимов, – есть ряд проблем, однако я вижу перспективы». «При благоприятном стечении обстоятельств, – считает он, – встреча Минтимера Шаймиева с Джохаром Дудаевым возможна 20 – 25 апреля».

Увы, эта встреча так и не состоялась.

Разгром под Ярыш-Марды

15 апреля начался первый этап вывода федеральных войск из Чечни. А 16-го случился один из самых трагических для российской стороны эпизодов первой чеченской войны.

В этот день на горной дороге между населенными пунктами Дачу-Борзой и Ярыш-Марды в засаду попала колонна федеральных войск. Как почти всегда бывает в таких случаях, армейское начальство попыталось замазать истинную картину случившегося, приуменьшить истинные масштабы трагедии. Некий «официальный представитель командования федеральной группировки» 17 апреля (то есть на следующий день после случившегося) сообщил по телефону из Грозного в ИТАР-ТАСС, что группа боевиков, проникшая на территорию Шатойского района, который подписал мирный договор, «предприняла безуспешную попытку» нападения на армейскую колонну с целью захвата перевозимого продовольствия. По словам этого официального представителя, «ответным огнем противник был рассеян, при этом часть боевиков уничтожена».

Однако уже вскоре в этот же день стало ясно, что все это сплошное вранье. Одному из корреспондентов ИТАР-ТАСС удалось самому проникнуть в зону произошедшего накануне боя. Он сообщил (впрочем, сообщение тоже, наверное, было подвергнуто цензуре), что «насчитал еще дымящиеся остовы 37 единиц военной техники, включая один танк и несколько БМП. Многие из них сброшены в реку Аргун. Дорога в этом месте усеяна гильзами от снарядов и патронов, валяются сапоги, шапки и каски... Узнать объективную картину происшедшего и количество потерь с обеих сторон не удалось, так как военные в разговоры не вступают».

Такая вот «безуспешная попытка» и «ответным огнем рассеяны...».

Позднее цифры человеческих потерь и уничтоженной техники приводились разные, меняясь в зависимости от степени осведомленности и честности источника. РИА «Новости», ссылаясь на «источник, близкий к штабу 58-й армии», сообщила 19 апреля, что колонна, которую атаковали не менее сотни боевиков, была уничтожена «практически за несколько минут». Погибли 92, ранены 56 военнослужащих (целыми и невредимыми остались лишь 12 солдат). Уничтожена 21 единица бронетехники.

В общем, скрыть правду на этот раз не удалось. Более того, по поводу разгрома под Ярыш-Марды министру обороны пришлось объясняться с депутатами Госдумы. Он рассказал о подробностях случившегося и привел свои цифры потерь, несколько меньшие, чем приводило РИА «Новости». По словам министра, всего в составе колонны 245-го стрелкового полка, которая вышла 16 апреля в 12 часов из Ханкалы, было три танка, пять БМП, КамАЗ, боевая маши-

на для разминирования, боевая разведдесантная машина и 199 воен-
нослужащих. В 13-30 колонна пришла в базовый центр 324-го полка,
где к ней присоединилась еще одна мотострелковая рота. В 14-30 в
полутора километрах южнее селения Ярыш-Марды на российских
военных напали около двухсот боевиков, на вооружении которых
было стрелковое оружие, гранатометы, минометы и крупнокалибер-
ные пулеметы.

Министр обороны, естественно, не мог себе позволить признать,
что столь мощную армаду федеральных войск боевики разгромили
всего за несколько минут. По его версии, бой продолжался с 14-30 до
17-30. В результате погибло 53 российских военнослужащих, 52
были ранены, выведена из строя 21 единица техники.

С этого момента с бодряческой риторикой, которой высокопо-
ставленные российские чиновники старались придерживаться после
выступления Ельцина 31 марта (дескать, все хорошо, все прекрасно,
замирение идет по плану), было покончено. В своем выступлении
Грачев сделал особый акцент на том, что после принятия президент-
ского плана урегулирования чеченского конфликта люди продолжают
гибнуть: «Со времени его опубликования уже убито 122 российских
военнослужащих, причем 104 «армейских», а остальные – из соста-
ва внутренних войск». Министр обороны прямо заявил, что «никакие
действия не принесут желаемого результата, если армия будет нахо-
диться в состоянии «ни мира, ни войны».

О том, что он потрясен случившимся, заявил и Ельцин. «Теперь
ясно, кто хочет мира, а кто войны», – сказал он, заметив, что траге-
дия произошла в спокойном, мирном районе Чечни, соглашение с
которым было подписано одним из первых.

Как будто не ясно было, чего стоят все эти соглашения.

Тем не менее, по словам Ельцина, несмотря на эту трагедию, он
за то, чтобы продолжать план мирного урегулирования.

Если оценивать в целом события, последовавшие после ельцин-
ского выступления 31 марта, – они в самом деле показали, что мощ-
ные «партии войны» имеются на обеих сторонах конфликта. Соот-
ветственно и сопротивление на пути к миру придется преодолевать с
обеих сторон.

ГИБЕЛЬ ДУДАЕВА

Жив он или мертв?

Поздно вечером 23 апреля известный чеченский полевой командир Шамиль Басаев выступил по подпольному телеканалу боевиков и сообщил, что в ночь с 21 на 22-е погиб президент Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев. Басаев сообщил также, что в Чечне объявляется трехдневный траур по погибшему лидеру, и заверил: несмотря на его гибель сторонники Дудаева будут бороться за свободу, сколько бы времени ни понадобилось для ее обретения – «хоть пятьдесят, хоть сто лет». Исполнение обязанностей президента, по словам Басаева, принял на себя вице-президент Зелимхан Яндарбиев.

Вскоре стали известны некоторые подробности случившегося. Утверждалось, что Дудаев и несколько его спутников попали под ракетный обстрел возле села Гехи-Чу в тридцати километрах от Грозного, где чеченский лидер проводил сеанс космической связи с кем-то в российской столице (позже известный московский бизнесмен и политик Константин Боровой станет утверждать, что Дудаев говорил именно с ним).

Сразу же объявились люди, которые уверяли, что своими глазами видели тело погибшего чеченского лидера.

Несмотря на это реакция Москвы была недоверчивой: уж слишком неожиданной оказалась весть. Так, в середине дня 24 апреля некий источник во внутренних войсках МВД сообщил корреспонденту РИА «Новости», что силовые структуры России «пока не располагают никакой достоверной информацией о гибели Джохара Дудаева». По его словам, эксперты не исключают, что сообщения о гибели Дудаева – просто-напросто провокация, призванная «замаскировать» «отъезд мятежного генерала в Турцию или другую мусульманскую страну». Как считают эти эксперты, «понимая неизбежность военного поражения в столкновениях с федеральными войсками», Дудаев, мол, собирался сформировать где-нибудь за границей «правительство Ичкерии в изгнании».

Примерно такого же мнения были многие политические деятели в России. Председатель думского Комитета по безопасности Виктор Илюхин заявил: с его точки зрения, известие о гибели Дудаева может быть дезинформацией, имеющей целью уклониться от переговоров по мирному урегулированию. «Я смогу поверить в смерть Дудаева только после того, как будет произведена эксгумация его предполагаемого трупа», – сказал Илюхин.

Председатель Госдумы Геннадий Селезнев также заявил, что считает информацию о смерти Дудаева не соответствующей действительности: «Это уже третья смерть Дудаева в текущем году».

Неверие российских официальных лиц продолжалось довольно долго. Еще и вечером 26 апреля, то есть спустя трое суток после первых сообщений о гибели Дудаева, министр по делам национальностей и федеративным отношениям Вячеслав Михайлов говорил журналистам, что у него «нет твердой уверенности», что Джохар Дудаев действительно погиб.

Между тем подтверждений факта этой гибели становилось все больше и больше. Впрочем, строго говоря, их было вполне достаточно уже 24 апреля. В этот день утром «по месту жительства» ичкерийского президента стали собираться его родственники с выражением соболезнования. Учитывая местные нравы – доказательство достоверности случившегося, не менее убедительное, чем акты эксгумации и судебно-медицинские заключения. А 24-го вечером, следуя чеченским традициям, о кончине Джохара Дудаева объявили старейшины. Это уж и вовсе было, по существу, окончательным официальным признанием факта смерти человека.

Его убийством не решается ни одна задача

(Из написанного в те дни. 25 апреля 1996 года)

Что подвигло российских начальников на убийство Дудаева?

Не думаю, что на этот подвиг их подтолкнул кошмарный разгром воинской колонны 16 апреля под Ярыш-Марды, хотя хронология событий вроде бы подсказывает такую версию. Ну кто, в самом деле, станет мстить за простых солдат и офицеров? Сколько таких колонн было разгромлено за месяцы чеченской войны! Вот если бы генерала какого-нибудь ухлопали, тогда другое дело...

Не думаю также, что условие ликвидации чеченского лидера содержалось в плане мирного урегулирования в Чечне, принятом на

Совете безопасности в марте этого года (скажем так – в закрытой его части). В этом случае Ельцин в своем телевыступлении 31 марта вряд ли стал бы делать такой упор на возможных переговорах с Дудаевым.

Правда, такие предложения могли содержаться в предварительных наметках экспертов, представленных Ельцину. Но вряд ли, повторяю, они вошли в окончательный вариант плана.

Еще одна линия предположений: после 16 апреля, после Ярыш-Марды для всех сделалось очевидно: ельцинский план мирного урегулирования в Чечне терпит полный провал; время идет, а война не то что бы не прекращается – напротив, становится все ожесточенней. Надо было что-то делать. Предпринимать нечто решительное...

Некоторые уже высказывали догадку, что вскорости после 31 марта, осознав всю слабость, невразумительность, неэффективность принятого плана, Ельцин вынужден будет сделать некий нетривиальный шаг. Таким шагом мог бы стать, например, полный вывод войск из Чечни. Однако на ум невольно приходит и другое: а может быть, в качестве «нетривиального шага» было выбрано нечто противоположное?... Но нет, непохоже, чтобы уничтожение Дудаева в этих обстоятельствах стало сознательным выбором Ельцина.

Конечно, всем давно уже сделалось ясно: с Дудаевым трудно о чем-то договориться. Его требования были известны: полный вывод российских войск, полная независимость Чечни.

Дудаев желал, чтобы к власти в России пришли коммунисты. Не потому, что он так уж их любил, – из тактических соображений. Вполне в его силах было в любой момент, хотя бы накануне 16 июня, сколь угодно резко обострить ситуацию в России. В этом смысле он представлял серьезную опасность для предвыборной кампании Бориса Ельцина...

Главное, однако, для Ельцина, как представляется: всячески демонстрировать, что он-то, президент, искренне желает мира, искренне стремится к нему, а уж если противник отталкивает протягиваемую руку, это от него, от Ельцина, не зависит...

Впрочем, не исключено, что Дудаева по своей инициативе, нико-го не спросив, ликвидировали спецслужбы. Это вполне в их стиле. В любом случае, по словам охранников чеченского лидера, в последние дни за ним велась настоящая охота...

...Летом 1992-го у нас с Дудаевым был разговор насчет того, как он относится к возможности покушения на него.

– Говоря честно, ничего я не боюсь, – сказал генерал. – И никого, кроме Всевышнего. От всего не перестраخуешься. И если какому-

то дураку вздумается выстрелить, от этого тоже не уйдешь. Это все ерунда – охрана, защита, бронированные машины, спецаппаратура... Шлепали и президентов Соединенных Штатов...

Он удостоился большей чести, чем все американские президенты, на которых только совершались покушения: на Дудаева потратили несколько самонаводящихся ракет – говорят, его убили с пятой попытки.

Нетрудно видеть, что убийством Дудаева ни одна из поставленных целей не достигается. Война, конечно, не прекратится. Напротив, теперь, с уходом вождя, у чеченцев развязываются руки. Отныне они, пожалуй, в полной мере смогут применять наиболее для них подходящую, наиболее эффективную тактику боевых действий. Меня всегда поражало, зачем они вязнут в селах, строят там укрепления, позволяют себя окружать, вступают в лобовые столкновения с регулярными войсками. Селения эти разрушаются авиацией, артиллерией... Страдают мирные жители. В конце концов ополченцы выскользают, но на месте селений остаются руины. Да и сами боевики несут потери... Для чего все это делается? Неужели, допустим, Аслан Масхадов, опытный, умный военный, не видит бессмысленности всего этого?

По-видимому, это делалось не в последнюю очередь ради подтверждения президентского статуса Дудаева. Да, фактически ополченцы контролируют большую часть чеченской территории, но ему также нужно было, чтобы какой-то минимум населенных пунктов находился под его контролем «де-юре», чтобы там официально была его власть. Ради этой же цели придумывались «фронты» и «направления» в структуре дудаевских войск – южное, юго-западное, восточное... Дескать, ведется правильная война между двумя государствами, с линией фронта, с флангами, с тылом...

Теперь потребность во всей этой мишуре, во всех этих детских играх отпала. Война становится полностью партизанской. Точнее, партизанско-диверсионной. Нет ни тыла, ни передовой. Ополченцы действуют небольшими мобильными группами, как правило, вне населенных пунктов...

Российские генералы по-прежнему тупо стремятся захватить «территорию противника», войска несут огромные потери, особенно в горах. А после оказывается, что противник – в тылу, с флангов... Он блокирует дороги, перекрывает коммуникации, устраивает засады (как 16 апреля под тем же Ярыш-Марды)... Появляется там, где его совсем не ждут и где он вроде бы не должен быть, – в тех райо-

нах, где местная администрация подписала с войсками мирное соглашение.

«Это невозможная ситуация – ни войны, ни мира», – стонет в Госдуме наш выдающийся полководец, собиравшийся покорить Чечню силами одного полка. Так австрийские генералы у Толстого искренне возмущались, что война ведется не по правилам, в сражениях не соблюдаются диспозиции, то бишь заранее расписанные сценарии. На самом деле «ни войны, ни мира» – это и есть та самая партизанско-диверсионная война. Самое неприятное, с чем может столкнуться регулярная армия, особенно руководимая бездарными военачальниками.

Долго ли такая война продлится? Да сколько угодно. В Северной Ирландии она идет, как известно, уже более двадцати лет.

Очень занимает нашу прессу в последние дни вопрос о том, кто станет реальным преемником Дудаева. Думаю, абсолютно никакого значения это не имеет. Руководитель чеченского сопротивления вовсе не обладает чрезмерной властью. Боевые отряды действуют в значительной степени автономно. Возглавляющие их полевые командиры – вот ключевые фигуры всего движения. Их коллективный голос – главный при принятии любых важных решений.

В печати уже приводились слова Шамиля Басаева, сказанные им еще при жизни вождя: «Кто такой Масхадов?! Кто такой Дудаев?! Я подчиняюсь лишь одному Аллаху!»

Сегодня российские военные вроде бы могут ликовать: убит главный враг. Однако, если подумать, поводов для их ликования немного. Ведь на их головы в первую очередь и обрушится месть. Культ мести, как известно, силен среди чеченцев. Тысячи людей сегодня воздают «федералам» за убитых близких. Без всякого сомнения, к этому прибавится и месть за первого чеченского президента. Она сплотит всех чеченцев, которые держат в руках оружие. Среди тех же, кто его не держит, усилятся ненависть к русским...

Конечно, у чеченского сопротивления больше не будет, по крайней мере в ближайшие годы, харизматического вождя, каким был Джохар Дудаев. Но мученическая смерть общепризнанного лидера, бывает, объединяет сильнее, чем даже сам он, будучи живым.

Можно ли сегодня, после убийства Дудаева, ожидать со стороны его приверженцев диверсий и терактов, в том числе на территории самой России? Разумеется, можно. В рядах ополченцев немало смертников, отчаянных голов, которые потеряли в этой войне всех близких, вообще все, что у них было в жизни. Их уже ничем не оста-

новишь, они будут стрелять и взрывать до тех пор, пока сами не отправятся к Аллаху. Убийство Джохара Дудаева, конечно, удесятерит их желание мстить русским за все, что они совершили на их земле.

Однако вряд ли авантюрные диверсии буденновско-кизлярского типа будут общей линией, принятой руководством сопротивления. При всем том, что российские полководцы провели операцию в Первомайском исключительно бездарно, варварски, вероломно, после нее стало ясно: набеги в глубь России, захват заложников – все это для чеченцев абсолютно бесперспективно. Генералы – такие, как Барсуков и Куликов, – готовы не моргнув глазом уничтожать террористов вместе с заложниками. Судьба последних их нисколько не интересует.

Чеченцы не могут себе позволить столь крупные потери, какие понес, допустим, отряд Радуева во время кизлярско-первомайской операции. У них не так много людских резервов, как, например, у палестинцев. Или курдов...

Политическим руководителем чеченского сопротивления назначен Зелимхан Яндарбиев. Главнокомандующим боевых формирований стал Шамиль Басаев. Иными словами, он взял на себя военную часть функций Дудаева. В этом и заключается – если рассуждать цинично-прагматически – главный довод против убийства того или иного лидера: ну убьешь, а дальше что? Ему на смену может прийти тот, кто окажется для тебя еще хуже...

В свое время российские власти совершили немалую глупость, чуть ли не официально объявив Дудаева бандитом, объявив его во всероссийский розыск и т.д. Следуя этой линии, Ельцин упорно отказывался идти с ним на какие-либо контакты, хотя ему было ясно, что это единственный способ добиться мира в Чечне. Наконец согласился на переговоры, но – только через посредников. Этих посредников искали и уговаривали чуть не целый месяц. А чего бы, кажется, плюнуть на все, взять бы да набрать номер чеченского лидера, поговорить без чинов, забыв про всяческие обиды. Ведь сколько человеческих жизней было бы сохранено!

Сегодня есть полная возможность не повторять прежние глупости. Кто бы ни был объявлен руководителем Ичкерии – Яндарбиев, Идигов, Масхадов, Басаев, Закаев, Гелаев, – не отталкивайте его категорично и безапелляционно. Садитесь, ведите с ним переговоры! Заканчивайте эту чертову войну!

Увы... Как заявляют лидеры чеченского сопротивления, никаких

переговоров они вести с Москвой не станут, пока не будут найдены убийцы Джохара Дудаева.

Снова беспросветный тупик?

* * *

Эта запись была сделана по горячим следам событий, когда информации о случившемся – гибели чеченского президента – было еще немного. Позже картина сделалась яснее...

Все планы рушатся...

Скажу еще раз: казалось бы, ликвидация Дудаева должна быть однозначно воспринята российскими властями как крупный успех, крупная победа. Однако в тех конкретных обстоятельствах для такого восприятия были кое-какие препятствия. В Кремле настроились на замирение с Дудаевым, это сделалось одним из центральных пунктов предвыборной ельцинской программы – и вот тебе на! Все планы рушились. Все надо было отстраивать заново. Яндарбиев? Он считается еще более решительным сторонником чеченской независимости, чем Дудаев. Более непримиримым по отношению к России. Да и вообще не очень понятно, насколько тверда только что обретенная им власть. Насколько весома эта фигура на фоне других чеченских лидеров. Не заменит ли в ближайшее время Яндарбиева на президентском посту тот же Шамиль Басаев (уж его-то авторитет среди полевых командиров непререкаем)? Тогда на переговорах и на достижении мира вообще можно будет поставить крест. Лучшим вариантом для Москвы был бы начальник штаба ичкерийских боевиков Аслан Масхадов, однако его выход на первые роли пока что маловероятен... В любом случае несравненно легче иметь дело с одним признанным лидером, чем с несколькими соперничающими друг с другом претендентами на освободившийся трон.

В общем, все говорило о том, что в данной политической ситуации гибель Дудаева – это для Москвы скорее минус, чем плюс. Собственно говоря, тут особенно и рассуждать было нечего: уже 23 апреля по каналам ИТАР-ТАСС было распространено заявление правительства Ичкерии: в связи с гибелью Дудаева оно отвергает план мирного урегулирования в Чечне, предложенный Ельциным.

В этом заявлении были отражены преобладающие настроения, установившиеся в те дни среди чеченских полевых командиров. Зелимхан Яндарбиев на своей первой, тайной пресс-конференции, проведенной 25 апреля в одном из чеченских сел, прямо сказал об этом: полевые командиры оказывают на него давление, требуя отомстить за смерть Дудаева. По словам Яндарбиева, мирные переговоры с Москвой откладываются до тех пор, пока не будут найдены виновники гибели его предшественника.

То же самое подтвердил известный дагестанский политик председатель Союза мусульман России Надир Хачилаев, совершивший тогда поездку в Чечню: «После предполагаемой гибели Дудаева настроения в среде полевых командиров относительно переговоров с Россией изменились. Может быть, мне показалось и это чисто эмоциональная реакция, но настроение такое – никаких переговоров».

«Его убили свои»

В качестве реакции на заявление ичкерийского правительства и на соответствующие настроения чеченских полевых командиров последовали твердые заверения российского президента и других представителей Кремля: мир в Чечне будет достигнут в любом случае – «с Дудаевым или без него».

Одновременно, чтобы снять ответственность с российской стороны, ее функционеры принялись отрешиваться от этого подвига. Как заявил руководитель Рабочей группы при президенте по урегулированию ситуации в Чечне Эмиль Паин, «задача физического уничтожения Дудаева российскими властями никогда не ставилась». Словно бы подтверждая этот тезис, командующий Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне генерал-лейтенант Вячеслав Тихомиров уже 24 апреля сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС по телефону из Ханкалы (на ленте агентства эта информация появилась в 16-00), что «федеральные войска никакого отношения к гибели Джохара Дудаева не имеют». По словам генерала, «ни авиация, ни артиллерия в ночь с 21 на 22 апреля в районе села Гехи-Чу боевых действий не проводили».

Наиболее весомыми в ряду подобных утверждений стали, пожалуй, слова председателя российского правительства Виктора Черномырдина, сказанные им на пресс-конференции вечером 25 апреля:

«Министры обороны и внутренних дел заявили, что никаких активных действий в районе гибели Дудаева их войска не проводили».

Спрашивается, кто же тогда убил Дудаева? Вроде бы остается один-единственный вариант – убили свои же, друзья и соратники ичкерийского лидера. На это как будто и решила нажимать кремлевская контрпропаганда. 25 апреля в середине дня РИА «Новости», со ссылкой на «хорошо информированные круги российских спецслужб», открытым текстом сообщило, что Джохар Дудаев был убит «членами своего ближайшего окружения». Убийство было совершенно скорее всего с помощью мощного взрывного устройства. По мнению российских спецслужб, говорилось в сообщении, главный мотив убийства Дудаева заключался в том, чтобы не допустить каких-либо уступок с его стороны на переговорах по урегулированию в Чечне. В последнее время Дудаев давал понять о своей готовности к таким уступкам. Что касается версии, будто Дудаев был уничтожен с помощью ракеты, наведенной по радиолучу, то один из специалистов-электронщиков пояснил корреспонденту РИА «Новости»: пеленг и тем более перехват спутниковой радиосвязи, которой пользовался Дудаев, практически невозможен.

Несколько позже в этот же день опять-таки РИА «Новости», ссылаясь уже на «высокопоставленный военный источник», вновь распространило версию об убийстве Дудаева «людьми из его ближайшего окружения». На этот раз предполагаемые мотивы убийства выдвигались несколько иные: мол, с некоторых пор у Дудаева «возникли серьезные финансовые разногласия с полевыми командирами» – в последнее время, по данным военных, лидер чеченских сепаратистов сократил выдачу валюты наемникам за их услуги, а также стал нерегулярно выплачивать причитающиеся деньги полевым командирам, что не могло не вызвать недовольства с их стороны. Готовность Дудаева приступить к мирным переговорам с руководством России также подрывали его позиции среди «непримиримых». Уже к апрелю Дудаев, мол, «стал терять контроль над обстановкой». В этих условиях, как считает военный источник, «не исключено, что близкие к Дудаеву лица решили избавиться от него». Они организовали дистанционный взрыв фугаса, от которого, очевидно, и погиб лидер мятежников. Заодно таким способом был инсценирован «ракетно-бомбовый налет со стороны федеральных сил».

Странность подобных сообщений заключалось в том, что еще рано утром 24 апреля «Радио России» процитировало слова министра обороны Павла Грачева: «Разведывательные подразделения федеральных войск уточняют результаты ударов, нанесенных по предполагаемому

месту нахождения Джохара Дудаева». В этот же день, согласно утверждению «Независимой газеты», некий «высокопоставленный сотрудник российского Генерального штаба» также заявил, что по месту расположения Дудаева был нанесен ракетный удар с воздуха. Так что говорить о какой-то инсценировке вроде бы не приходилось. Правда, в дальнейшем эти заявления министра и анонимного генштабиста на какое-то время постарались забыть, замолчать. В прессе развернулась полемика между специалистами, часть из которых с упоением доказывала, что у российских Вооруженных Сил, в частности у авиации, нет таких ракет, которые могли бы нанести столь точный удар...

Но Министерство обороны упорно не желало, чтобы у него так запросто отобрали этот подвиг — уничтожение главного врага: ведь именно военнослужащие этого министерства сделали то, чего никак не могли сделать спецслужбы (вечное соперничество между армией и спецслужбами тут снова дало о себе знать). И в конце концов разговоры о том, что Дудаева убили свои, сошли на нет. Хотя и вокруг версии, что это все-таки акция федеральных сил, оставалось достаточно тумана.

Была ли эта акция чем-то сверхординарным (запеленгован телефонный разговор Дудаева, по радиосигналу этого телефона была наведена какая-то особая сверхточная ракета и т.д.)? Опять-таки из Ханкалы, в противовес тому, что говорил генерал Тихомиров, пришла несколько иная информация: в ночь с 21 на 22 апреля в районе села Гехи-Чу авиация все-таки «работала», но «работала» «в режиме свободного поиска»; такой режим не был чем-то необычным, характерным лишь для той ночи, — он применяется военными периодически, «в зависимости от оперативной обстановки — в местах скопления боевиков».

В общем, мало-помалу истинная картина гибели Дудаева делалась ясна. Все очевиднее становилось: он действительно погиб в результате ракетного удара с воздуха. Однако никакого сверхточного оружия при этом скорее всего не применялось. По-видимому, ликвидация ичкерийского лидера произошла достаточно случайно, в ходе обычной, рутинной операции, какие федеральная авиация проводила регулярно, без какой-либо особой надежды на столь ошеломительный успех.

Как бы то ни было, дело было сделано. Соответствующие награды — в обстановке секретности — надо полагать, вручены. Поводов для гордости имелось более чем достаточно. «Армия наглядно продемонстрировала, что при необходимости она способна самостоятельно решать любые нестандартные задачи в условиях, когда предназначенные для этого спецслужбы оказываются бессильны», — писал в те дни один из авторов «Независимой газеты».

Вслед за Дудаевым – Яндарбиев

На этом, однако, «чеченские» сенсации не закончились. 29 апреля где-то около часа дня ИТАР-ТАСС передало сообщение, что вслед за Дудаевым убит и его преемник на посту президента Ичкерии Зелимхан Яндарбиев.

В течение дня приходили все новые и новые известия о деталях случившегося. Наконец к вечеру сложилась более или менее полная картина. Утверждалось, что накануне в Урус-Мартановском районе, в том самом селе Шалажи, где прежде, как утверждалось, не ступала нога боевика, состоялось совещание полевых командиров, на котором командующим всеми боевыми отрядами был избран Шамиль Басаев. Не вполне ясно, означал ли этот шаг, что свежее испеченному президенту Чечни Зелимхану Яндарбиеву оказано недоверие, но сразу после окончания совещания по дороге из Шалажи в Урус-Мартан он был убит.

Правда, вся эта информация исходила от промосковского правительства Чечни, возглавляемого Доку Завгаевым. Источник, прямо скажем, не очень надежный, далеко небеспристрастный, но тем не менее...

Всеми овладела какая-то растерянность и недоумение: за одну неделю убиты два главных ичкерийских лидера; ничего даже отдаленно похожего федералы не могли добиться за все предыдущие полтора года войны. Создавалось ощущение, что кто-то неведомый, действуя весьма энергично и целенаправленно, стремится во что бы то ни стало сорвать мирные переговоры по Чечне и тем самым нанести ощутимый удар по избирательной кампании Ельцина.

Слухи о его смерти сильно преувеличены

Однако уже на следующий день сообщения о гибели Яндарбиева были опровергнуты. Один из лидеров чеченской диаспоры президент благотворительного фонда «Единение» Хож-Ахмед Яриханов сообщил «Интерфаксу», что преемник Джохара Дудаева жив и здоров. По его словам, в ночь на 29-е машина с Яндарбиевым действительно попала в засаду в Урус-Мартановском районе, при этом погиб один из его охранников, но сам он не пострадал.

В ночь на 1 мая Яндарбиев предстал уже собственной персоной

на подпольном чеченском телеканале. Он вновь заявил, что борьба за независимость будет продолжаться «до последнего чеченца».

А днем 1 мая новый ичкерийский президент появился перед журналистами на пресс-конференции, которую он провел вместе с Асланом Масхадовым где-то на юге Чечни. Среди прочего здесь было заявлено, что ни о каком расколе в рядах чеченской оппозиции нет и речи – все это, как сказал Яндарбиев, «стоцентная выдумка российских спецслужб, направленная на то, чтобы расшатать монолит наших рядов».

Что касается перспективы мирных переговоров, новый чеченский лидер подтвердил свою крайне жесткую позицию: «Их условием должен быть полный вывод войск. Без решения этого вопроса встреча, может быть, и состоится, но переговоры могут не состояться».

Так что гибель чеченского писателя и политика откладывалась. Смерть от руки киллеров – по-видимому, российского происхождения – настигнет его лишь восемь лет спустя, в феврале 2004-го в Катаре.

Реакция Москвы на жесткие заявления воскресшего Яндарбиева была достаточно спокойной. «Чтобы по достоинству оценить слова Зелимхана Яндарбиева по поводу переговоров, надо знать – это его личная точка зрения или консолидированная позиция сепаратистов», – заявил 2 мая пресс-секретарь Ельцина Сергей Медведев. Он заметил, что со стороны дудаевцев было много высказываний ультимативного характера, так что очередной ультиматум ни у кого не должен вызывать удивления. «В любом случае урегулировать обстановку в Чечне можно только путем переговоров. Так считает президент, и он будет придерживаться своего плана урегулирования в Чеченской Республике, одобренного Советом безопасности», – заверил пресс-секретарь.

Генерал-майор авиации

С Дудаевым мы встретились в июле 1992-го. Обстоятельства этой встречи были довольно забавны. Чеченскому президенту меня рекомендовал его хороший московский знакомый, а потому встречать меня в Грозном, по всем приметам, должны были «на высшем уровне», в соответствии со всеми канонами знаменитого кавказского гостеприимства.

И в самом деле, в грозненском аэропорту прямо к трапу – самолет прилетел поздно ночью – подкатила шикарная BMW. Двое чечен-

цев – сотрудники аппарата Дудаева – доставили меня в гостиницу «Кавказ», прямо в центре города, напротив президентского дворца. Заехать за мной пообещали в восемь утра. День должен был начаться с «культурной программы» (все как у людей).

И тут дернула меня нелегкая сказать дудаевским помощникам, что я еще должен связаться со Звиадом Гамсахурдиа и выяснить, когда он меня примет (едучи в Грозный, я решил совместить два дела – побеседовать и с чеченским президентом, и с грузинским экс-президентом, который в качестве изгнанника жил в то время в чеченской столице). Трудно описать, какое впечатление произвело на встречающих меня чеченцев мое сообщение насчет Гамсахурдиа. Это был настоящий шок. «Как – Гамсахурдиа! – бормотали они в растерянности. – Здесь один хозяин – чеченский президент». Они не в состоянии были допустить даже мысли, что, приехав на встречу с президентом Дудаевым, я мог себе позволить одновременно думать еще о чем-то другом – о встрече с каким-то Гамсахурдиа.

Естественно, ни в восемь, ни позже никто за мной не приехал. Никто даже не позвонил. Ни о какой «культурной программе» уже не было и речи. Поговорил с бывшим грузинским президентом (он принял меня без промедления). После сам себе организовал «культурную программу» – погулял по городу, тогда еще целому, не разрушенному.

На следующее утро стал названивать помощнику Дудаева Мовлену Саламову. Звонил из автомата (в гостинице телефон не работал). Около двенадцати явился в дудаевскую приемную на один из верхних этажей президентского дворца и прождал там... до десяти вечера. Мимо меня в кабинет Дудаева проходили все кому не лень, все, кто только появлялся в приемной, а меня он все не принимал и не принимал: слишком сильно я перед ним провинился.

Наконец около десяти я вошел в обширный кабинет чеченского руководителя. Дудаев сидел в левом углу на диване, а напротив справа, отдельной группой, располагались человек двадцать его приближенных. Как я понимаю, все – или почти все – будущие полевые командиры будущего чеченского сопротивления. Жаль, что в ту пору я никого из них не знал в лицо, а то, не исключено, разглядел бы и Басаева, и Масхадова, и Яндарбиева... Все два часа (около того), что мы разговаривали с Дудаевым, они молча, терпеливо слушали наш разговор. Лишь к концу его стали проявлять некоторое нетерпение, так что Мовлен Саламов подскочил ко мне и прошипел злобно: «Вы опоздаете на самолет!» Но Дудаев жестом отстранил его: дескать, ничего, дай поговорить. Видно, разговор был ему небезынтересен.

А начал он его с нескрываемым злорадством: «Ну что, устали ждать?» Стало окончательно ясно, что инициатор наказания, которому я подвергся, — именно он. Я ответил, что ожидание для меня дело привычное, такова моя профессия. И в самом деле, помнится, в Вильнюсе беседы с Ландсбергисом мне пришлось дожидаться примерно столько же. Правда, тогда у литовского руководителя были извиняющие обстоятельства. Это была мартовская ночь 1990 года, на Вильнюс, принявший незадолго перед этим акт о независимости Литвы, со стороны Каунаса двигался российский механизированный полк — несколько десятков то ли танков, то ли БТРов или БМП (вся информация поступала в республиканский Верховный Совет от людей, не очень разбирающихся в военной технике). Все были уверены, что Кремль решил скинуть своевольную литовскую власть...

Я спросил Дудаева, как он считает, действительно ли Чечня созрела, чтобы существовать независимо, отдельно от России. Ни малейших сомнений на этот счет у моего собеседника не было:

— Безусловно. Прежде всего она достигла зрелости по состоянию своего человеческого потенциала, уровню его развития. Главное, что характерно для нашего народа, — осознание того, что самостоятельность является единственным приемлемым вариантом его будущего. Ни один народ на земле не прошел такую проверку на зрелость, как чеченский народ. Природные ресурсы, научно-технический потенциал, производственный потенциал, географическое положение, особенности исторического развития — все это в совокупности также создает предпосылки для нашей независимости. Если нам не будут мешать, наша республика, без сомнения, в ближайшем будущем совершит мощный скачок и в области экономики, и в области гражданского строительства, обеспечения демократических и правовых норм жизни.

— К сожалению, — добавил Дудаев, — метрополия не только не осознала своей ответственности за все, что сотворено с этим народом, но и делает все, чтобы усугубить тяжесть его положения после выпавших на его долю испытаний.

На вопрос, когда у него впервые возникла мысль заняться той деятельностью, которой он теперь занимается, Дудаев ответил, что готовился к ней всю свою сознательную жизнь.

— Несправедливость насилия, его тягостный пресс, давящий на мою душу, на душу моего народа, да и не только моего, я осознал еще у ту пору, когда рос в землянке с рождения, в сибирских условиях, в голоде, в нужде, в репрессиях... Самое страшное было — это ощущение

ние полного бесправия и незащищенности ни со стороны закона, ни со стороны государства. Наоборот, твое уничтожение как человека, как личности ставилось целью.

До новой чеченской войны оставалось более двух лет. Что Дудаев думал в тот момент по поводу возможного вооруженного конфликта с Россией? Как собирался действовать в случае, если он возникнет?

— Сколько можно! — воскликнул чеченский президент, отвечая на соответствующий мой вопрос. — За триста лет Россия уже столько навязала нам военных конфликтов! Чего только мы не натерпелись от нее. И чего только не продолжаем терпеть. Сюда вводились войска. Осуществлялась прямая агрессия... Наши сыновья гибли и гибли... Наш народ был поставлен на грань физического уничтожения... Но в дальнейшем любое вооруженное вмешательство России в дела Чечни будет означать новую кавказскую войну, смею вас заверить. Причем войну жестокую, учитывая наличие современного оружия и фактор колоссального перемешивания населения на огромных территориях бывшего Союза, в том числе и чеченцев, их нахождения во всех концах земного шара. За последние триста лет нас научили выживать. Причем выживать не индивидуально, а в качестве единой нации. Да и другие кавказские народы готовы вспыхнуть, как порох... Кавказ своеобразен. И стоит начать с Чечни, как вспыхнет сильнейший пожар. Соседние народы не останутся в стороне. А ведь есть безмозглые головы, которые усиленно провоцируют эту войну.

Предсказание Дудаева насчет широкого распространения войны по кавказской территории, которое тогда казалось не очень обоснованным, сегодня, при Путине, похоже, начинает сбываться. Помимо Чечни, стрельба, взрывы слышны уже в Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии...

Еще один дудаевский прогноз, тоже тогда казавшийся довольно странным:

— На своей территории мы воевать не собираемся. Хватит трехсот лет кровопролития на этой земле. Нас хорошо научили переносить эти войны туда, откуда они исходят. Это будет война без правил.

Тогда это обещание представлялось неким хвастовством. Но сегодня, вспоминая многочисленные теракты едва ли не по всей России — взрывы в метро, в поездах, в самолетах, на рынках, в жилых домах, на улицах российских городов, Норд-Ост, Беслан, — понимаешь, что именно подразумевал чеченский лидер под войной без правил и за пределами чеченской территории (хотя ее-то собственную территорию огонь войны обуглил и опалил в первую очередь).

Острый вопрос – о роли ислама в Чечне. Его главенствующая роль в этой республике при Дудаеве, а особенно после него, общеизвестна. Однако сам он, судя по его ответу, относился к исламу довольно сдержанно.

– Я бы хотел, – сказал он мне тогда, – чтобы Чеченская Республика была конституционным светским государством. К этому мы стремимся, этот идеал преследуем. Религия как духовная среда должна играть исключительно важную роль в духовном обогащении народа, в развитии морали и человечности. Если же религия берет верх над светским конституционным устройством – появляется испанская инквизиция, исламский фундаментализм в ярко выраженном виде... Ни одной религии, оказавшейся во главе государственных структур, не удастся выдерживать чисто религиозную целевую программу, вытекающую из ее существа... Неизбежно возникает противостояние, противоборство.

Чувствует ли он себя продолжателем дела Шамиля? Ответ лапидарно-отрицательный:

– Я не чувствую себя продолжателем дела кого-либо.

Не боится ли Дудаев за свою безопасность? В его ответе (его я уже цитировал) слышна бравада:

– Говоря честно, ничего я не боюсь. И никого, кроме Всевышнего. От всего не перестрахуешься. И если какому-то дураку вздумается выстрелить, от этого тоже не уйдешь. Это все ерунда – охрана, защита, бронированные машины, спецаппаратура... Все это ерунда. Шлепали и президентов Соединенных Штатов...

По словам Дудаева, его охрану составляют четверо парней-добровольцев, не получающих за это никаких денег (дескать, озаботиться зарплатой своих охранников ему, президенту, как-то неловко).

У меня самого сложилось несколько иное впечатление о президентской охране. Пока я дожидался приема, имел возможность наблюдать за работой дудаевской службы безопасности. Множество людей, вооруженных пистолетами и автоматами, постоянно ходили туда-сюда. Когда Дудаеву потребовалось перейти из кабинета в зал совещаний – это рядом, – они заставили всех посетителей выйти из приемной в вестибюль, там отгеснили всех к стенке, образовав живой коридор, и только после этого провели президента по нему. Меня несколько раз подозрительно спрашивали, почему я так долго сижу в приемной, хотя, как уже говорилось, это совсем не от меня зависело. Наконец, непосредственно перед дверью дудаевского кабинета попросили открыть «дипломат» и тщательно осмотрели его.

На все это Дудаев возражал, что, должно быть, я принял за его охрану кого-то из комендантского взвода или из других подразделений.

Так или иначе, все эти охранники не уберегли авиационного генерала от авиационной ракеты.

Отклики на гибель Дудаева

Ведущие страны практически не откликнулись на гибель Дудаева, посчитав это внутренним российским делом. Кое-какой отклик – правда, тоже неофициальный – пришел из Турции, Прибалтики, Украины (Львовщина, Крым)...

Самой массовой была реакция в Турции. 26 апреля десятки тысяч жителей совершили намаз в связи с гибелью чеченского лидера. Манифестации под антироссийскими и прочеченскими лозунгами прошли во всех крупных городах страны. Особенно многочисленными они были в Анкаре и Стамбуле. Одна из улиц турецкой столицы по решению муниципалитета была названа именем Джохара Дудаева.

Его же имя волей рижской городской Думы присвоили одной из улиц латвийской столицы. Однако официально, на государственном уровне выражать соболезнование в связи с гибелью президента Ичкерии не стали, чтобы не портить отношения с Россией. Соответствующие телеграммы послали лишь отдельные депутаты.

Так же было в Литве и Эстонии.

Неугомонный Витаутас Ландсбергис на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы призвал почтить память Дудаева вставанием и минутой молчания. Его призыву последовали лишь около двух десятков человек...

Еще одна табличка с фамилией Дудаева появилась во Львове. Именем чеченского генерала была названа бывшая улица русского офицера Лермонтова, который, как известно, тоже участвовал в колониальной войне на Кавказе (во Львове припомнили ему это).

Весьма резко на убийство Дудаева отреагировали крымские татары. На своем экстренном заседании, прошедшем уже 24 апреля, меджлис принял заявление по этому поводу. «Имя Джохара Дудаева для крымских татар, как и для их чеченских братьев, всегда будет символом нестигаемого борца, подвижника, шиита – человека, отдавшего жизнь за свой народ, – говорилось в нем. – Убийство пре-

зидента Республики Ичкерия Джохара Дудаева ляжет несмываемым позором на нынешнее руководство России, страны, возведшей терроризм в ранг государственной политики... Кровь тысяч жертв войны в Чечне никогда не даст забыть ни одному народу, что политика России несет в себе прямую угрозу для всего человечества».

Отклики российских деятелей на гибель Дудаева свелись к полемике, облегчит ли она разрешение чеченского конфликта или не облегчит. Мнений «за» и «против» было примерно поровну.

Данные социологов

(28 апреля 1996 года)

Если бы выборы состоялись «сегодня», за Зюганова проголосовали бы 27 процентов собирающихся участвовать в голосовании, за Ельцина – 21, за Явлинского – 11, за Жириновского – 9, за Лебеда – 8, за Святослава Федорова – 4, за Горбачева – 2.

На выборы предполагают пойти 70 процентов опрошенных.

Таковы данные опроса, проведенного ВЦИОМом с 17 по 24 апреля по заказу «Итогов».

Почти такие же данные получены в результате опроса, проведенного РОМИРом 20 – 21 апреля (также по заказу «Итогов»): Зюганов – 28 процентов, Ельцин – 22, Явлинский и Лебедь – по 8, Жириновский и Святослав Федоров – по 6, Горбачев – 2.

Во втором туре Зюганов по-прежнему побеждает Ельцина, но уже с менее убедительным, чем прежде, результатом – 40 : 36 (прежние результаты, по данным РОМИРа, напомним: в конце марта – 40 : 30, в начале апреля – 40 : 34).

ПЕРЕГОВОРЫ С ЯНДАРБИЕВЫМ

Новое прозвище Ельцина: «волкодав»

Несмотря на «рокировку» ичкерийских лидеров и неутихающие разговоры о непримиримости Яндарбиева Ельцин упорно шел к намеченной цели – переговорам. 23 мая в Вене было распространено заявление главы миссии ОБСЕ в Чечне Тима Гульдманна: в ближайшее время в Москве планируется провести встречу президента России Бориса Ельцина и лидера чеченских сепаратистов Зелимхана Яндарбиева.

Синхронно, в этот же день, пресс-секретарь Ельцина Сергей Медведев сообщил, что президент «ведет интенсивную подготовку» к переговорам с чеченцами и «настроен на то, чтобы они начались как можно быстрее». Пресс-секретарь пообещал, что всем участникам переговоров, где бы они ни проводились, будет гарантирована безопасность.

Наконец опять-таки 23 мая о готовящихся переговорах сказал и сам Ельцин, находившийся в тот момент в Архангельске. Свое сообщение он сопроводил словами: «Лед тронулся – достигнуто согласие».

Встреча состоялась 27 мая в банкетном зале кремлевской резиденции президента. Проходила она в закрытом режиме, без журналистов. В чеченской делегации – пять человек. Сам Яндарбиев одет в полевую форму защитного цвета, на голове – каракулевая папаха, неизменная деталь национального облачения. Его спутники – в обычных европейских костюмах.

Еще не начавшись, переговоры едва не оказались сорваны. Яндарбиев потребовал такой рассадки за столом переговоров, чтобы она соответствовала его представлению о собственном статусе – статусе главы независимого государства: руководители делегаций, как равные, сидят по бокам стола друг напротив друга. Ельцин, уже занявший было привычное место в торце стола, в конце концов, после некоторого обмена раздраженными репликами, вынужден был уступить.

В целом разговаривал он с «посланцами гор» довольно жестко, причем выдержал эту жесткость до конца встречи, заслужив от своего визави вроде бы лестную в устах чеченца характеристику: «волкодав».

Отчитал чеченцев за более чем двухчасовое опоздание: когда президент приглашает, опаздывать не может никто.

Забавно, не правда ли: будто и нет войны, не проливается реками кровь, будто Яндарбиев не предводитель мятежных сил, а обычный региональный российский чиновник (его вызвали на ковер к президенту, а он позволил себе опоздать)?

Ельцин отмел попытку ичкерийского лидера не допустить, чтобы в переговорах участвовал глава промосковского правительства Чечни Доку Завгаев (это было изначальное требование Яндарбиева, выдвинутое им еще на дальних подступах к переговорам). Завгаев оказался таки за переговорным столом, правда, не вполне ясно, в каком именно качестве – то ли как руководитель не признаваемого сепаратистами грозненского кабинета, то ли просто как член российской делегации (на это Яндарбиев еще соглашался). В ходе переговоров лидер чеченской оппозиции попросил Ельцина о встрече наедине, но тот отказал ему и в этом: дескать, нам нечего скрывать от присутствующих. Угадал, зачем Яндарбиеву понадобилось это уединение: опять-таки, хотя бы на время, оставить Завгаева за бортом переговоров.

В подписанных сторонами документах вообще не упоминалась Ичкерия, хотя чеченцы пытались ее туда вставить, будь то в названиях своих должностей или еще как. Под основным документом – достигнутой на встрече договоренностью – оказались две подписи: просто Черномырдина и просто Яндарбиева, без указания титулов.

Главная задача – прекратить огонь

На переговорах обе делегации, по их утверждению, исходили из одной главной задачи – прекратить боевые действия в Чечне.

Вскоре после начала встречи чеченцы попросили предоставить им минут двадцать, чтобы они могли сформулировать свои предложения. Ельцин согласился, и российская делегация покинула зал. Затем переговоры возобновились. В итоговом документе оказалось три пункта: первый – с нуля часов 1 июня в Чечне полностью прекращается огонь и боевые действия; второй – в течение двух недель освобождаются все, кто «насильственно удерживается» в этой се-

рокавказской республике; третий – переговоры не исчерпываются данной встречей, а продолжаются на уровне специальных комиссий, созданных той и другой стороной. Предполагалось, что эти комиссии должны выработать конкретные механизмы прекращения боевых действий, обмена пленными и т.д.

Эту работу намечалось начать уже во второй день московских переговоров, 28-го, с участием силовых ведомств, Министерства по делам национальностей и федеративным отношениям, членов Госкомиссии по контролю за урегулированием в Чечне.

Разговор о статусе Чечни, как заранее было условлено, на переговорах не поднимался, оставлялся на потом.

Естественно, сразу же возник вопрос, будет ли выполняться достигнутая договоренность. Такой вопрос первым задал Яндарбиев. Ельцин заверил его: «У нас единовластие». И в свою очередь поинтересовался: «А будет ли исполнять договоренность чеченская сторона?» «У нас единовластия еще больше», – в тон ему отвечал Яндарбиев. Он твердо заявил, что гарантирует: «огонь в Чечне вести не будет», все полевые командиры будут выполнять его приказы.

Выступая с кратким словом на церемонии подписания, Ельцин – надо полагать, с великим облегчением, – заявил: «Главный вопрос о мире в Чечне мы решили». Он сказал, что министерства внутренних дел и обороны – Анатолий Куликов и Павел Грачев – получают официальные приказы в соответствии с только что подписанной договоренностью. «Посмотрим, как будет реализовываться договоренность на самом деле. В случае, если она будет нарушена, то найдем потом каждого...» – пригрозил президент.

Этот день – 27 мая 1996 года – Ельцин назвал «историческим днем, историческим моментом», поскольку мир в Чечне достигнут.

В действительности, как мы знаем, мира там нет и поныне. Нет не только мира, но даже особого желания достичь его. Господствует иной порыв – все решить силой. Человеческая жизнь вновь не ставится ни в грош.

Неожиданная поездка Ельцина в Чечню

28 мая Ельцин удивил всех. В этот день утром он неожиданно вылетел в Чечню. Президент, правда, и раньше говорил, что собирается посетить северокавказскую республику, но так вот сорваться вроде бы в самый неподходящий момент... Чеченская делегация,

прибывшая в Москву на переговоры с ним, оказалась в довольно нелепом положении. Не очень-то вежливым показал себя хозяин Кремля. Но чего не сделаешь ради успеха избирательной кампании...

В 11 утра президентский самолет приземлился в Моздоке. Здесь Ельцин объяснил цель своей неожиданной поездки:

– Надо продемонстрировать, что Чеченская Республика – в составе Российской Федерации, и нигде более.

В самом деле, слова словами, но когда президент вдруг появляется посреди мятежной республики собственной персоной – это, наверное, убедительнее слов: он и не думает уступать сепаратистам, переговоры в Москве совсем не о том.

Из Моздока Ельцин отправился в направлении Грозного. Меры безопасности – неслыханные (Басаев давно угрожал, что в случае приезда Ельцина в Чечню, он «там и останется»). В президентском кортеже – около десятка вертолетов. Определить, в каком именно находится президент, невозможно. Параллельным курсом на предельно малых высотах летят штурмовые «вертушки», которым отдан приказ уничтожать все, что вызывает подозрения, в радиусе нескольких километров.

Слава Богу, все обошлось.

Первая остановка – в одном из сел неподалеку от чеченской столицы. Здесь, прямо на публике, как он это нередко делал, в данном случае даже более картинно – на броне БТРа, – Ельцин подписал указ о повсеместном переходе военных на контрактную службу с 2000 года...

2000-й год позади, но повсеместной контрактной службы, мы знаем, как не было, так и нет. Так что этот ельцинский широкий жест остался предвыборным жестом.

Далее последовал перелет ельцинской армады в аэропорт Северный, расположенный на окраине Грозного.

В чеченской столице Ельцин встретился с «общественностью» и военными. «Общественность» – «представителей чеченского народа» – подвезли около полудня к блокпосту перед аэропортом. Здесь она прождала более часа, после чего ей позволили выехать на встречу с президентом.

Ельцин рассказал о договоренности, достигнутой накануне на переговорах с Яндарбиевым и предусматривающей прекращение огня, другие меры по урегулированию вооруженного конфликта в Чечне. Солдат и офицеров он поблагодарил за мужество и героизм, сообщил, что подписал указ о досрочной демобилизации «срочников» – тех, кто прослужил полтора года, из которых полгода провел в горя-

чих точках... Согласно другому подписанному им указу, к 1 июня должен быть опубликован проект договора между федеральными властями и Чеченской Республикой. По словам Ельцина, этим договором Чечне предоставляется максимальная самостоятельность: в ведении Москвы остается лишь армия, внешняя политика и некоторые другие вопросы. На обсуждение этого документа в Чечне отводился месяц.

Примерно в половине шестого Ельцин вылетел обратно в Москву.

Из простых жителей Грозного его пребывание в городе мало кто заметил. Большинство узнавало о нем разве что из теленовостей. Даже солдаты, проводившие накануне ночью тщательную уборку в аэропорту Северном, понятия не имели, по случаю чего они это делают.

«Ястреб», ставший «голубем»

Хотя было очевидно, что с помощью этой двухходовой комбинации – приглашения чеченской делегации в Москву и собственной внезапной поездки в Чечню – Ельцин переиграл Яндарбиева, чеченцы были вполне удовлетворены переговорами. Или делали вид, что удовлетворены. А что им еще оставалось делать?..

Впрочем, второй день переговоров прошел не так гладко, как первый. Возможно, на настроение чеченцев повлияло осознание того, что с ними поступили не вполне по-джентльменски, не поставив даже в известность о предстоящей поездке российского президента. Так или иначе, они не согласились со схемой прекращения боевых действий, которую предложила российская сторона. Вопреки предварительной договоренности, помощники Яндарбиева – сам он не участвовал в этой фазе переговоров – заявили: прежде чем принимать ту или иную схему, необходимо решить вопрос о политической независимости Чечни (как видим, эта тема все-таки всплыла!). Впрочем, пообещали рассмотреть предложенный Москвой план по возвращении в республику...

Трения возникли и по поводу общения гостей с журналистами. Провести отдельную заключительную пресс-конференцию – как они того хотели – чеченцам не дали, предложив дожидаться возвращения Ельцина и предстать перед прессой вместе с ним, для чего задержаться в Москве еще на сутки. Чеченцы на это не пошли и после жаловались, что их изолировали от прессы. (Хотя это было не совсем так: кое-какие контакты со СМИ – агентством «Интерфакс», радиостанцией «Эхо Москвы» – у них все же были.)

Изоляция касалась и телефонных разговоров: все телефонные звонки чеченской делегации строго контролировались, так что позвонить родным или знакомым ни один член делегации не мог. Вряд ли эти действия российских спецслужб были сколько-нибудь осмысленными — скорее все делалось так, по привычке, на рефлекторном уровне.

И все же переговоры Ельцина и Яндарбиева стали явным прорывом. Все убедились: с «бандитами», «террористами», «преступниками» можно встречаться и договариваться.

Многие тогда задавали себе вопрос: чем объяснить столь стремительную метаморфозу, случившуюся с Зелимханом Яндарбиевым? Человек считался крайне непокладистым, непримиримым, не идущим ни на какие компромиссы. Достаточно вспомнить его заявление сразу после гибели Дудаева: он не будет вести с Москвой никаких переговоров до тех пор, пока не выяснит, кто несет ответственность за смерть Джохара, война будет продолжаться, пока Чечня не станет свободной. И вот не прошло и сорока дней с момента гибели президента-генерала, а Яндарбиев уже в Кремле, как ни в чем не бывало беседует со своим злейшим врагом. Что, он уже нашел виноватых? Нет, конечно. Непосредственные организаторы и исполнители убийства Дудаева не названы до сих пор. Дело независимости Чечни не продвинулось ни на миллиметр.

Думаю, столь разительная перемена в настроении нового ичкерийского лидера вполне обычна для подобных ситуаций: приходя к власти (пусть, как в данном случае, — к власти внутри оппозиции), осознавая связанную с ней ответственность, человек становится более умеренным и осмотрительным, смягчает свой радикализм.

Чинят помехи миру

В прессе отмечалось: поскольку подписанная договоренность значительно повышает предвыборные шансы Ельцина, нет никаких гарантий, что кто-то, не заинтересованный в таком повышении, не попытается эту договоренность сорвать. Или, по крайней мере, осложнить ее выполнение.

В этом направлении, в частности, явно действовала российская контрпропаганда, находящаяся в руках спецслужб. Уже во время переговоров в прессе появились сообщения, будто среди лидеров чеченской оппозиции существуют острые разногласия по поводу их целесо-

образности. Произошел-де даже раскол. Так, по информации РИА «Новости» от 28 мая, «чеченский террорист» Шамиль Басаев заявил о том, что «по возвращении из Москвы Зелимхан Яндарбиев понесет ответственность, так как ему никто не давал полномочий вести переговоры с Россией». При этом агентство ссылалось на «источник в российских силовых структурах». Спрашивается, что, нет других источников? В ту пору, в отличие от второй, путинской, чеченской войны, в республике было полно обычных журналистов, не в погонах, напрямую общавшихся и с Басаевым и с другими полевыми командирами.

Как бы в подкрепление этой басаевской угрозы, ИТАР-ТАСС через два дня сообщил:

«На участке дороги Новые Атаги – Шали, по которому возвращалась из Москвы делегация во главе с Яндарбиевым, был обнаружен и обезврежен саперами федеральных сил самодельный фугас большой мощности. Инцидент произошел 29 мая за полчаса до прохождения колонны. В присутствии членов делегации взрывное устройство было уничтожено путем подрыва. Военные источники (опять они! – **О.М.**) считают, что данный факт является свидетельством обострения разногласий между лидерами чеченских сепаратистов после подписания в Москве соглашения об окончании боевых действий».

Поди проверь, кто заложил этот «самодельный фугас». Уж больно ловко все получилось: «за полчаса до прохождения колонны...»

Могут сказать, что таким нехитрым способом, такими вот сообщениями и, возможно, инсценировками российские спецслужбы просто пытались посеять распри в рядах противника, по одной и той же схеме, без особой фантазии преследовали эту цель и до переговоров, и во время них, и после. Может, и так. Однако, на мой взгляд, более вероятно другое. Эти сообщения были явно ориентированы на российского обывателя (противник, если даже они попадались ему на глаза, пропускал их мимо ушей, хорошо зная приемы российской контрпропаганды). Из них выходило: никакого мира Ельцин в Чечне не добился, поскольку Яндарбиев, заключивший этот мир, не пользуется у боевиков никаким авторитетом; они, боевики, будут действовать так, как действовали до сих пор, несмотря ни на какие договоренности.

...Так или иначе решающий шаг в сторону мира был сделан. 3 июня на встрече с главами государств Закавказья и руководителями автономных республик, краев и областей Северного Кавказа Ельцин подтвердил, что российские федеральные власти будут неукоснительно соблюдать договоренность с руководителями вооруженных формирований Чечни.

ОБРАЩЕНИЕ ТРИНАДЦАТИ

«Выйти из тупика!»

Вечером 24 апреля в программе «Вести» Российского телевидения прозвучало сообщение, что в ходе предвыборной гонки, похоже, нарождается еще одна, четвертая, сила: согласно сообщению некоего «осведомленного источника», в последнее время «группа крупнейших российских промышленников и предпринимателей вела консультации с командами двух претендентов на пост президента России – Ельцина и Зюганова; результатом этих консультаций, вероятно, завтра станет открытое обращение предпринимателей к кандидатам в президенты».

Обращение появилось не «завтра», то есть не 25-го, а 27 апреля. Называлось оно «Выйти из тупика!». Текст подписали люди известные в зарождающемся мире российского бизнеса (вновь повторю, тогда они еще не именовались олигархами) – президент «ЛогоВАЗа» Борис Березовский, председатель правления Сибирской нефтяной компании Виктор Городилов, председатель совета директоров Группы «Мост» Владимир Гусинский, президент КБ имени Яковлева Александр Дундуков, президент Межгосударственной акционерной компании «Вымпел» Николай Михайлов, президент нефтяной компании «ЮКОС» Сергей Муравленко, президент компании «Роспром» Леонид Невзлин, гендиректор «АвтоВАЗа» Алексей Николаев, председатель правления банка «Возрождение» Дмитрий Орлов, президент «ОНЭКСИМбанка» Владимир Потанин, президент «Столичного банка сбережений» Александр Смоленский, председатель совета директоров консорциума «Альфа-групп» Михаил Фридман, председатель совета директоров банка «Менатеп» Михаил Ходорковский.

Четко, по пунктам, в обращении было изложено, что тревожит авторов в сложившейся перед выборами драматической ситуации и что они предлагают, чтобы избежать надвигающейся, по их мнению, катастрофы.

«Общество расколото, – говорилось в тексте. – Этот раскол ката-

строфически нарастает с каждым днем. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России. Накаленность предвыборной борьбы побуждает противоборствующих политиков к тому, чтобы одним ударом разрубить узел проблем. Силы, стоящие за спиной политиков, ждут своего часа. Они выйдут на следующий день после победы любой из сторон. Это произойдет с роковой неизбежностью вопреки воле отдельных личностей. Ибо после июньского голосования фактически от лица меньшинства, каким бы оно ни было – красным или белым, – будет получен мандат на реализацию правил жизни, категорически отвергаемых огромной частью общества. В итоге победит не чья-то правда, а дух насилия и смуты. Взаимное отторжение политических сил столь велико, что утвердиться одна из них может только путем, ведущим к гражданской войне и распаду России».

Нетрудно видеть, что в этой констатации заключено лукавство: в действительности никто – в том числе, не сомневаюсь, и авторы обращения, – конечно, не опасался, что в случае победы Ельцина в стране начнется гражданская война (ведь к тому времени он был у власти уже не первый год), а вот если верх одержит Зюганов, тогда действительно она вполне вероятна. Но авторы желают соблюсти полностью «объективный» и «симметричный» подход: победа любой из противоборствующих сторон одинаково опасна. Они стараются сделать вид, что соблюдают нейтралитет, стоят над схваткой, посередине. Между тем истинная позиция большинства из них была хорошо известна: более всего их тревожила как раз перспектива коммунистического реванша. Именно эти люди – по крайней мере, ядро этой группы – некоторое время назад сплотилось вокруг Чубайса, чтобы предотвратить этот реванш.

Ну, хорошо, предположим, что теперь, усомнившись в эффективности такой тактики, в возможности привести Ельцина к победе, они изменили, скорректировали свою позицию. Где же выход из этого самого тупика, о котором они пишут? Собственно говоря, предложение у авторов одно:

«В этот ответственный час мы, предприниматели России, предлагаем интеллектуалам, военным, представителям исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов и средств массовой информации, всем тем, в чьих руках сегодня сосредоточена реальная власть и от кого зависит судьба России, объединить усилия для поиска политического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие основным интересам России, самой ее государственности... Российских политиков необходимо побудить

к весьма серьезным взаимным уступкам, к стратегическим политическим договоренностям и их правовому закреплению. Иного выхода просто не существует. Понятна правда каждой из политических сил. Но ни одна из сил не имеет права навязывать насильственно свою правду всему обществу».

Золотые слова. «Компромисс», «взаимные уступки», «стратегические договоренности»... Вопрос только: как конкретно всего этого достичь? Как скрестить ужа с ежом – совместить движение к демократическому рыночному мироустройству и возвратную тягу в мертвое болото «социалистического» тоталитаризма?

Авторы расшаркиваются перед своими традиционными противниками – «патриотами», – в то же время мягко пытаясь их образумить:

«Мы разделяем особую озабоченность патриотических сил судьбой России как исторически сложившегося союза народов, в котором русские играли и играют собирательную роль. Однако надо четко проводить грань между конструктивной политикой и политическими спекуляциями на национальной теме. В России более половины детей – от смешанных браков. Мы все – россияне, и попытка разделить нас на чистокровных и инородцев противоречит самой сути державного собрания народов России».

Одновременно в угоду «патриотам» и коммунистам предприниматели журят своих традиционных союзников – демократов:

«Деятельность отдельных политических фигур и политических партий привела к тому, что слово «демократия» превратилось для многих наших сограждан чуть ли не в синоним антигосударственности. Оплевывание исторического пути России и ее святынь, растаптывание советского периода истории России должны быть отвергнуты и прекращены».

Кто ж это, интересно, оплевывает исторический путь России, ее святыни? Тут в угоду коммуно-патриотам в текст наспех вставляют пропагандистские клише из их собственной, коммуно-патриотической, прессы.

Впрочем, спохватившись, опять-таки для равновесия, авторы отдают должное и демократии:

«Вместе с тем нельзя допустить, чтобы оказались дискредитированы великие идеи свободы, гражданственности, справедливости, права и правды – это и есть то главное, что несет с собой действительное народовластие. Именно это отстаивается миллионами россиян, вопреки издержкам реформ голосующих за демократов и демократию...»

Далее все-таки вразрез с «объективностью» и «нейтралитетом», заявленными вначале, в обращении открыто говорится, в чем авторы видят главную угрозу:

«Серьезная политическая угроза таится в том, что в случае победы на президентских выборах коммунисты реально могут предпринять попытку идеологического реванша... Мы понимаем коммунистов и признаем их политическую роль как выразителей интересов социальных групп, пострадавших в ходе непростых, а часто и ошибочных реформ (опять, как видим, расшаркивание. — О.М.). Однако коммунисты не должны настаивать на отказе общества от мучительных достижений последнего десятилетия. Осуждая исторические итоги этого десятилетия, обвиняя все другие силы в губительных шагах, коммунисты как минимум должны разделить с ними ответственность за развал СССР. На КПСС, преемницей которой объявила себя КПРФ, лежит и ответственность за поражения застоя. Именно под руководством КПСС страна проспала две технологические революции: современную индустриальную в 60-е годы и информационную в 70-е. Именно верхушка КПСС повинна в развале СССР. Именно этот развал повлек за собой необходимость проводить реформы в условиях дефицита государственного управления, и именно «аварийность» этого реформирования привела к столь болезненным социальным издержкам. Используя в борьбе за власть ностальгию, тоску по безвозвратно утерянному образу жизни 70-х годов, коммунисты фактически делают то же, что и их противники! Те эксплуатировали несбыточную мечту населения о скором обретении западного благополучия. Эти эксплуатируют мечту о мгновенном возврате к стандартам жизни эпохи застоя».

Здесь, как видим, авторы снова выходят на позицию «нейтралитета»: дескать, и реформаторы, и противники реформ одинаково виноваты перед страной — первые «в борьбе за власть» эксплуатировали «несбыточную мечту населения о скором обретении западного благополучия», а вторые — «тоску по безвозвратно утерянному образу жизни 70-х годов» (интересно, какой такой замечательный «образ жизни» был в Стране Советов в 70-е годы и чем он принципиально отличался от жизни в 60-е или 80-е?).

И уж совсем комично выглядит перечень прегрешений коммунистов перед российским народом — организовали при Брежневе застой, «проспали две технологические революции», «развалили СССР». Будто и не было ничего более серьезного — развязанной коммунистами Гражданской войны, разорения и уничтожения крестьянства, организации голодомора в 30-е, сталинского репрессивного

геноцида (все это привело к истреблению десятков миллионов людей, цвета нации), ликвидации рыночной экономики и построения на ее месте абсолютно нежизнеспособной командно-административной, соучастия в развязывании Второй мировой войны, насильственного распространения порочной «социалистической» системы на множество других стран и т.д. и т.п.

В последнем пункте своего обращения предприниматели прибегают, соответственно, к последнему аргументу для вразумления тех политиков, в чьих головах «государственные интересы» все больше вытесняются «узкополитическими целями». Не ограничиваясь угрозами, они решают прыгнуть этих твердолобых:

«Мы не хотим заниматься изурительной и бесплодной педагогикой! Те, кто посягает на российскую государственность, ставя на идеологический реваншизм, на социальную конфронтацию, должны понимать, что отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия и на слишком беспринципных, и на слишком бескомпромиссных политиков».

Этот последний пункт по своей стилистике явно выпадает из остального, «миролюбивого», текста. Кто знает, может быть, именно эта угроза, попытки реализовать ее, причем не только в отношении «идеологических реваншистов», стали причиной главных неприятностей, которые обрушились в последующие годы на голову многих олигархов (именование, прилепившееся вскорости к крупным предпринимателям): то, что они в самом деле обладают «необходимыми ресурсами и волей» для вмешательства в политику, сделалось очевидным. Так или иначе, к моменту, когда пишутся эти строки, на плаву остались лишь немногие из подписавших обращение тринадцати. Последним из тех, кто на плаву не удержался, стал Михаил Ходорковский, подвергнутый разнузданной псевдосудебной расправе и отосланный в зону в край урановых рудников.

Что означает слово «компромисс»

Обращение тринадцати комментировалось весьма оживленно — политиками, прессой. Однако наибольший интерес, естественно, представляла реакция двух людей — Ельцина и Зюганова.

Лидер КПРФ сразу же решил повторить спектакль в духе Давоса. Уже на следующий день, 28-го, в Сосновом Бору под Петербургом он сообщил журналистам, что готов к диалогу с представителями

деловых кругов, а в случае победы на выборах собирается «поддерживать всех, кто умеет трудиться, независимо от форм собственности» (этой туманной формулой, как мы знаем, коммунисты, словно фиговым листком, прикрывали свое традиционное негативное отношение к частным собственникам, особенно крупным, которые, по их мнению, «трудиться» не умеют).

Двумя днями позже Зюганов опубликовал открытое письмо, адресованное тринадцати предпринимателям. Он вновь приветствовал их инициативу и в качестве шага, направленного на поиск компромисса со своим главным противником, предложил провести с ним диалог в прямом эфире: дескать, «состязательное обнародование взглядов и программных позиций претендентов на высший государственный пост» — одно из главных условий «демократичности избирательного процесса». Как уже говорилось, это был беспроигрышный ход, который Зюганов в ту пору повторял не раз, — послать Ельцину приглашение на теледебаты, заранее зная, что тот его не примет (явно пребывает не в форме, да и вообще не любитель таких шоу). Не то чтобы сам Зюганов был блестящим полемистом — как мы знаем, некоторое время назад он опасливо уклонился от теледиалога с Чубайсом, справедливо полагая, что не сможет составить ему конкуренцию в прямом публичном споре, — но тут, с Ельциным, выдалась такая великолепная возможность показать, что сам-то он, коммунистический вожак, всегда готов к бою, да вот его противники слабоваты в коленках...

Зюганов сообщил также, что намерен встретиться с «широкой аудиторией предпринимателей», включая авторов обращения тринадцати, «для открытого, прямого и честного обсуждения экономических, социальных, политических и моральных проблем» (очень любил коммунистический вожда нагромождение «красивых» эпитетов).

Такая встреча состоялась 30 апреля. В ней участвовали «некоторые» из предпринимателей, подписавших обращение. Разговор продолжался около двух часов, прошел, как сообщалось, «в достаточно конструктивном русле» и выявил «сходство» в оценке многих событий в России.

Помимо этих общих обтекаемых слов, в прессе появилось и кое-что более конкретное об этой в общем-то конфиденциальной встрече. В частности, Борис Березовский сообщил будто бы, что предприниматели предложили Зюганову три варианта компромисса между ним и Ельциным. Один из вариантов — «легитимный» перенос прези-

дентских выборов. Реакция Зюганова на это предложение осталась неизвестной. Как, впрочем, не вполне ясным осталось и то, действительно ли предприниматели выступали с таким предложением (свою позицию по поводу переноса выборов они прояснили некоторое время спустя).

Что касается собственных представлений коммунистов о том, каким может быть компромисс... Уже непосредственно в момент публикации обращения тринадцати – а некоторые коммунистические газеты также опубликовали его – «Советская Россия» (обращение было напечатано и здесь) написала в своем комментарии, что Ельцину и Зюганову в первую очередь следует обсудить поправки к Конституции, которые поставили бы исполнительную власть под более твердый контроль власти законодательной. Другими словами, желанный компромисс виделся этому изданию в возврате к ситуации, предшествовавшей октябрьскому мятежу 1993 года. Сам Зюганов в ответ на обращение предпринимателей заявил примерно то же самое, – что в качестве компромисса его устроит «ограничение полномочий президента и наделение Госдумы правом формировать правительство», то есть опять-таки выход за пределы действующей Конституции и дрейф в сторону того, что было три года назад.

29 апреля обозначилась и реакция ельцинского окружения на обращение предпринимателей. Ее «озвучил» помощник президента Георгий Сатаров. Он назвал это обращение «ответственным гражданским поступком». Признав, что «предстоящие выборы усиливают существующую в обществе поляризацию», Сатаров сообщил, что Совет избирательной кампании Бориса Ельцина «прорабатывает механизмы ее снижения», к чему, собственно, и призывают бизнесмены. В частности, по словам ельцинского помощника, в ближайшее время президент планирует провести серию политических консультаций, в том числе с представителями КПРФ.

На следующий день, чтобы не было уже никаких сомнений, и пресс-секретарь Ельцина Сергей Медведев подтвердил: президент «очень хорошо осведомлен» об идее, заключенной в недавнем обращении группы банкиров и предпринимателей, он встречался с представителями этой группы и сейчас «ждет, как будет развиваться эта инициатива дальше».

Что, собственно говоря, понималось под таким «развитием»? По логике вещей, «развить инициативу» в состоянии были прежде всего те, к кому оно и было обращено.

Компромисс компромиссу рознь

Резко против обращения тринадцати, хотя и с некоторым запозданием, выступил академик Александр Николаевич Яковлев, опубликовавший в «Известиях» обширную статью «Банкиры и большевики». По убеждению автора, надежда достичь компромисса с руководством КПРФ — это что-то такое «из сказочного замка призраков».

«Я тоже за компромиссы, — писал Яковлев. — Без них нет нормальной жизни. Но компромисс компромиссу — рознь. Благородный Георгий Плеханов долго искал компромисса с Ульяновым-Лениным, но так и умер оплеванным. Александр Керенский пошел на компромисс с ним же против генерала Лавра Корнилова. И что стало с Керенским? Что стало с Корниловым? Труп героя германской войны, в которой Ленин требовал поражения российского Отечества, а также превращения этой войны в войну гражданскую, что и было сделано, — труп этого героя большевики в течение многих дней возили по кубанским станицам, надо полагать, демонстрируя компромисс. Николай Бухарин тоже пытался найти компромисс с Иосифом Джугашвили и нашел его в застенках НКВД. Михаил Горбачев искал компромисс с Крючковым — одним из организаторов венгерской бойни, паханом путча августа 91-го года, мелким лгунишкой по натуре. Чем кончился этот компромисс? Устранением Горбачева от власти...

В общем-то, большевики имеют богатую историю «компромиссов». И с патриархом Тихоном, и с национальными гениями Есениным, Булгаковым, Солженицыным, Сахаровым.

Уместно напомнить и «компромиссы» большевиков с социалистами. Последние взяли на себя тяжкий грех, пойдя на союз с большевиками, — они вместе пошли на переворот 1917 года, но очень скоро поплатились за легкомыслие, если не хуже. Сразу же после переворота начались безжалостные гонения на все социалистические партии. Уже в январе — феврале 1918 года в Петрограде и Москве было закрыто около 70 оппозиционных газет, включая социалистические. ВЧК — ГПУ взяло на учет всех членов соцпартий, даже тех, кто уже заявил о выходе из них, и установило за ними самое тщательное наблюдение. На места пошла инструкция: «Надо создать особо гибкий и прочный информационный аппарат, добиваясь того, чтобы каждый коммунист был вашим осведомителем». После кронштадтских событий началась массовая ликвидация организаций социалистов по всей стране. К 1941 году в тюрьмах и лагерях было уничтожено до 98 процентов социалистов.

Полагаю излишним морализировать по этому поводу. Авторы письма – достаточно грамотные люди и, надо думать, знают обо всем этом. Но если так, то как понять призыв к «стратегическому компромиссу» – тем более, что КПРФ объявила себя правопреемницей КПСС?..»

Александр Николаевич напоминает о тех самых «выдающихся заслугах» коммунистов перед Россией, о которых деликатно умалчивают авторы обращения тринадцати, попрекающие их лишь застоем и двумя «технологическими революциями», которые они проспали:

«Три революции, Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая войны, индустриализация и коллективизация, массовый террор. НАСИЛЬСТВЕННО УНИЧТОЖЕНО БОЛЕЕ ШЕСТИДЕСЯТИ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, В ОСНОВНОМ МОЛОДЫХ И ЗДОРОВЫХ. ИХ НЕТ. ПОДОРВАНА САМА КОРНЕВАЯ СИСТЕМА НАРОДА (выделено мной. – О.М.)».

Любимый контраргумент Зюганова и К^О, к которому они прибегают всякий раз, когда слышат напоминания о фантастических преступлениях своих предшественников и духовных наставников, – они, дескать, нынешние, совсем-совсем другие, не те, что прежние, они ужас какие хорошие.

«Говорят, что нынешние большевики «не те», – пишет академик Яковлев. – Вот те раз! Это ведь они говорят, что «не те». До переворота в 1917 году они тоже говорили о свободе, демократии, справедливости и прочем. А что получилось? Сегодня мы видим поразительную по цинизму картину многоликости большевизма. Обновлены ортодоксы, аграрники, национал-социалисты и шовинисты. Все они клянутся в верности демократии, паразитируют на ее процедурах, одновременно обещая уничтожить ее незамедлительно, начиная с Конституции, как только придут к власти. Уже денонсированы Беловежские соглашения. Они и дальше будут действовать по принципу – чем хуже для страны, тем лучше для них. Для Анпиловых, Крючковых, Илюхиных, Ивановых, Макашовых, Варенниковых и прочих Сталин был недостаточно крут...

Лично я уверен, что Россия погибнет, если к власти снова придут борцы «за свободу на кладбище». Обидно, что Россию, как кролика, постоянно тянет в пасть удава».

Яковлев обращает внимание на то самое требование «тринадцати», о котором уже упоминалось, – насчет «оплевывания исторического пути России и ее святынь»: это оплевывание «должно быть отвергнуто и прекращено»:

«Ошеломляющее заявление! Господа банкиры, позвольте спросить вас: а кто физически истребил носителей и хранителей России – дворянство, купечество, духовенство, офицерство? Кто уничтожил крестьянство России и тем самым уничтожил Россию? Кто взрывал храмы? Кто денно и нощно восхвалял сам себя и лгал о всемирно исторических успехах?..»

Автор напоминает предпринимателям о печальной судьбе их дооктябрьских предшественников, которые так же благодушно, как они, нынешние, смотрели на большевиков, финансировали их разрушительную деятельность:

«Весьма загадочно заявление «тринадцати» и о том, что они «понимают коммунистов» и «признают их политическую роль». То же самое, если вспомнить историю, говорили и Савва Морозов, и Павел Рябушинский, помогавшие большевистской партии прийти к власти, помогавшие, естественно, деньгами. Где оказались тогдашние промышленники и банкиры России?»

Совершенно недопустимо, пишет академик Яковлев, ставить на одну доску реформаторов и оголтелых противников реформ:

«Уже в первом пункте «Обращения тринадцати» содержатся запутанные утверждения, например, о трещине, разделяющей нас на красных и белых, своих и чужих, которая проходит через сердце России. Конечно, проходит, а как же иначе? Ибо речь идет о судьбе страны, о том, по какому пути идти дальше. То ли вперед, по пути реформ, то ли назад, к окончательной гибели. Далее утверждается, что в случае победы любой из сторон – подчеркиваю, любой, – произойдут всякие страшные вещи, а в итоге победит не чья-то правда, а дух насилия и смуты, а это может привести к гражданской войне и распаду России. К таким рассуждениям и приклеивается призыв объединить усилия в поиске политического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие российской государственности. Полный бред. Во-первых, ставятся на одну доску силы реформ, во главе которых стоит президент Ельцин, и силы, которые пишат на своих знаменах идеи о возвращении к социализму, запамятавав, что именно они привели страну к разрушению. Реформаторы повернули страну к свободе и демократии. Работает свобода слова, митингов и собраний. Действует демократическая Конституция, в которой закреплены права человека, провозглашаются институт частной собственности и другие весьма позитивные демократические процедуры. Но реформаторство, судя по «Обращению», оказывается столь же опасным, что и «кладбищенские крестосеятели»,

которые 75 лет всячески душили свободу, объявляя ее то буржуазной, то контрреволюционной, то антисоветской идеологией. Так о каком же компромиссе идет речь?..»

«Нельзя строить политику на компромиссе живого с трупом! – пишет в заключение академик Яковлев. – Нельзя протаптывать дорожку к капитуляции. Любой реванш еще злее того, что он хочет восстановить. Ибо любой реванш возбуждает самые низменные чувства мести, кровавых расправ, всего того, что уже привело к трагедии России».

Ударившиеся в панику

Чем все-таки объяснить появление этого обращения? Казалось бы, еще совсем недавно эти люди были настроены на решительное противостояние с коммунистами, на сопротивление попыткам коммунистического реванша. Именно они – точнее говоря, ядро этой группы – обратились к Чубайсу с предложением возглавить эту борьбу, и вот – столь резкий поворот. Ничем другим это не объяснишь, как только возникшей в их рядах паникой. Хотя рейтинг Ельцина и поднялся, предприниматели, по-видимому, пришли к заключению, что его победа на выборах маловероятна (напомню: то был конец апреля). Отсюда этот призыв к компромиссу, расшаркивание перед коммуно-патриотами, критические стрелы в адрес демократов.

И снова – что же они подразумевали под словом «компромисс»? Трудно себе представить, чтобы это была некая отвлеченная метафора в духе известного пожелания: «Ребята, давайте жить дружно!» Бизнесмены – люди конкретные. Вряд ли под компромиссом они имели в виду что-то другое, кроме переноса выборов. Переноса на основе обоюдного согласия двух главных соперников. Хотя вслух об этом и не говорилось...

Впрочем, была, по-видимому, и еще кое-какая конкретика. Годы спустя, сидя в «Матросской тишине», Михаил Ходорковский в написанной там известной статье «Левый поворот» среди прочего честно и откровенно признался:

«Идея письма была очень проста, и, самое главное, мы в нее верили. Президентом России должен оставаться Борис Ельцин – как гарант гражданских свобод и человеческих прав. Но премьер-министром, причем, несомненно, с расширенными полномочиями, должен

стать глава КПРФ. Потому что экономическая и социальная политика не могут не «покраснеть» – иначе «послевыборная война», как говорилось в тексте обращения, неизбежна. Нужен левый поворот, чтобы примирить свободу и справедливость, немногих выигравших и многих, ощущающих себя проигравшими от всеобщей либерализации».

Что выходит из попыток примирения идеи свободы с коммунистическим пониманием «справедливости», хорошо известно на опыте российской – и не только российской – истории.

«Это был один из пунктов, где наши пути разошлись»

Спрашиваю Чубайса, как он отнесся к обращению тринадцати. Ведь его подписало большинство тех предпринимателей, с которыми он работал по продвижению Ельцина. Между тем в обращении, как мы видели, упор делался на некий – правда, не очень понятный, – компромисс между Ельциным и Зюгановым... Причем Зюганова авторы собирались сделать премьер-министром «с расширенными полномочиями».

– Отрицательно отнесся, – отвечает Анатолий Борисович. – Выступить с таким обращением – это, по-моему, была идея Березовского. А может быть, и Ходорковского. Он ведь, как известно, тогда был близок с коммунистами. Но я точно не помню, боюсь соврать. Нет, кажется, вспомнил – это придумал Кургинян (политолог коммуно-патриотической ориентации. – О.М.). Идея такого обращения с самого начала казалась мне дикой и неправильной. Тем не менее публикацию этого письма я остановить не мог. Постарался лишь как-то минимизировать масштаб ущерба. По-моему, какие-то поправки внес в текст, самые дикие вещи оттуда убрал.

– Вы уговаривали ваших коллег не выступать с этим обращением?

– Да, именно так.

– А в ответ что слышали?

– Уже не помню точно, какие-то сложные, витиеватые аргументы, смысл которых сводился к тому, что это нужно для победы Ельцина. Это был один из немногих пунктов в стратегии избирательной кампании, где наши позиции разошлись.

И все же в целом, я думаю, обращение тринадцати, хотя оно и было навеяно не столько рациональным, сколько паническим восприятием обстановки, сыграло свою роль в правильном ориентировании избирателей. Не прямым, но косвенным образом. Как раз благодаря своим паническим интонациям. Думалось: уж если такие хладнокровные, уверенные в себе люди оказываются в смятении, — значит, вероятность катастрофы действительно велика.

Президентский охранник выходит из тени

В начале мая весьма неожиданный и весьма решительный ПУБЛИЧНЫЙ шаг предпринял Александр Коржаков. В интервью лондонской газете «Обсервер», которое он дал сразу же после первомайского митинга коммунистов, он открыто заявил о том, о чем, как мы знаем, до той поры распространялся кулуарно, – что президентские выборы в России следует отложить, чтобы избежать беспорядков, которые неминуемо последуют при любом их исходе. По словам Коржакова, в случае победы Бориса Ельцина радикальная оппозиция не признает результаты выборов, заявит, что они фальсифицированы, и выйдет на улицу; если же победит Зюганов, те же самые люди не позволят ему проводить умеренную политику, а это будет опять-таки чревато драматическими конфликтами.

Интервью было опубликовано в воскресенье 5 мая и вызвало почти такую же шумиху в прессе, как и обращение тринадцати, тем паче что многие усмотрели прямую связь между тем и другим: в своем интервью Коржаков утверждал, что его точку зрения разделяют «многие влиятельные люди».

Несколько позже Коржаков разъяснил свою позицию в интервью «Интерфаксу». «Сегодня, – сказал он, – нельзя всерьез надеяться на то, что везде в России выборы президента пройдут на цивилизованном уровне» – есть «целые регионы, где цивилизованное волеизъявление людей пока невозможно».

Странное дело, это вроде бы уже были не первые выборы в постсоветской России, и до сих пор никаких разговоров о «нецивилизованных» регионах как-то не возникало. По утверждению генерала, «информация о безусловном принятии всеми идеи выборов не соответствует действительности». По мнению Коржакова, этот вопрос можно было бы обсудить «и прийти к единому мнению, потому что все разумные люди не хотят для России новой крови». «Общество раскалывается, раскалываются даже семьи: одни – за Ельцина, другие – за Зюганова... Такое расслоение душ опасно», – заявил начальник Службы безопасности президента.

«Я сказал ему, чтобы он в политику не лез»

Что означал этот коржаковский демарш? Был ли он пробным шаром, согласованным с самим Ельциным? Многие так и истолковали эти интервью «Обсерверу» и «Интерфаксу»: трудно было представить, чтобы главный президентский охранник осмелился бы на подобное вольнодумство, не получив благословения самого президента.

Однако Ельцин немедленно открестился от требований своего телохранителя, касающихся переноса выборов. Впрочем, кое в чем с ним согласившись. 6 мая в интервью тому же «Интерфаксу» Ельцин заявил: не один, мол, Коржаков считает, что победа Зюганова «стала бы началом гражданской войны». «И все же я верю, — сказал президент, — в мудрость российских избирателей, поэтому выборы состоятся в конституционные сроки». При этом добавил небрежно: он, дескать, уже «сказал Коржакову, чтобы он в политику не лез и таких заявлений больше не делал».

Вот так, вот и весь разговор.

Через полтора месяца, перед вторым туром выборов, когда Коржаков, не вняв этому начальственному увещеванию, пойдет ва-банк, Ельцин просто отстранит его от должности, а затем и вовсе уволит из армии.

Зюганов, как и Ельцин, осудил идею переноса выборов, назвав ее «опасной». Отрицательно отнеслось к ней большинство других политиков. Согласно данным социологов, категорически против их переноса высказались 58 процентов опрошенных.

Председатель Центризбиркома Николай Рябов заверил: подготовка к выборам идет своим чередом. В довершение всего в Конституционном Суде «Интерфаксу» заявили, что никаких возможностей для их переноса ни Конституция России, ни вообще российское законодательство не предусматривают...

Второе письмо тринадцати

7 мая те же тринадцать предпринимателей опубликовали еще одно заявление, где разъяснили свою позицию, в частности касающуюся переноса выборов. По словам авторов, события последних дней (прежде всего тут, по-видимому, имелось в виду интервью Кор-

жакова газете «Обсервер» и реакция на него различных политиков) усилили их озабоченность ближайшим будущим страны: радикальные силы, стоящие за основными участниками политического процесса, вновь отчетливо обозначили себя – это проявилось как в призывах бороться до последней капли крови, так и в требованиях неконституционного переноса выборов.

Итак, предприниматели – по крайней мере, официально, – против переноса выборов. Смысл слова «компромисс», к которому они призвали Ельцина и Зюганова, снова подернулся загадочной пеленой.

За генералом Коржаковым – генерал Кузнецов

Казалось бы, с переносом выборов все ясно: переноса не будет. Однако 7 мая объявился еще один генерал с той же самой идеей – отложить голосование. С соответствующим заявлением выступил человек, которому по его статусу вроде бы менее всего пристало участвовать в публичных обсуждениях подобных вопросов – командующий Московским военным округом генерал-полковник Леонтий Кузнецов. В интервью все тому же «Интерфаксу», которое он дал накануне парада войск Московского гарнизона в честь Дня Победы – ему предстояло этим парадом командовать, – он высказал мнение, что «сейчас не время заниматься выборами»: как полагал Кузнецов, предстоящее голосование может превратиться «в политическую возню», которая «взбудоражит всю Россию», в том числе и военных. При этом генерал оговорился, что это не только его мнение – точно так же думают «многие командиры в Московском округе». Довольно резко командующий МВО отозвался о «кандидатах в президенты от оппозиции»: дескать, если они придут к власти, то займутся не столько сменой политического курса, сколько «самыми настоящими разборками».

Нетрудно заметить, что все это в общем-то было почти дословным повторением ранее сказанного Коржаковым. Самое странное заключалось в том, что со своим заявлением генерал Кузнецов выступил уже после того, как свое слово сказал верховный главнокомандующий, сделавший нагоняй своему телохранителю.

По этому поводу в голову приходили разные мысли. Достаточно тревожные...

Комментируя в те дни эти назойливо повторяемые требования о переносе выборов, телеведущий Николай Сванидзе в своей програм-

ме «Зеркало» поведал миллионам телезрителей о расколе в ближнем круге ельцинских сотрудников и о связи, которая имеется-таки между обращением тринадцати и демаршем Коржакова:

– В окружении президента уже давно существуют две партии. Одна из них не верит рейтинговым опросам, считая, что все они от лукавого, и полагает, что наилучший вариант – отмена выборов через так называемый компромисс с Зюгановым, который, будучи человеком осторожным, тоже, возможно, предпочел бы не рисковать. К лидерам этой партии можно отнести Александра Коржакова и близкого ему лично первого вице-премьера Олега Сосковца. Сюда же, по настойчивой информации, примыкает и крупный предприниматель, фактический руководитель телеканала ОРТ и один из наиболее энергичных авторов «письма тринадцати» Борис Березовский. Таким образом, связь между позицией Александра Коржакова и походом авторов «обращения тринадцати» на переговоры к Геннадию Зюганову прямая. Однако непосредственное руководство президентской (избирательной) кампанией с некоторых пор осуществляет другая партия... которая считает выборы не только необходимыми по закону, но единственно целесообразными по политической ситуации. Президент не договаривался с Коржаковым, а, напротив, был раздосадован его самостоятельностью, пусть и продиктованной искренними побуждениями... Тринадцать предпринимателей после первой же реакции Ельцина сочли необходимым уточнить свою позицию. Они подчеркнули необходимость выборов и встретились с еще одним кандидатом в президенты, Александром Лебедем. В результате впечатление, что деловые люди готовы разговаривать исключительно с лидером коммунистов, было снято. Предприниматели как бы молча признались в том, что несколько погорячились на предыдущем этапе, проявив излишнюю политическую активность. И теперь готовы к конструктивной и обдуманной работе...

На чьей стороне армия?

Все-таки это неожиданное политическое заявление высокопоставленного военного – генерала Кузнецова, – сделанное как бы «поперек» заявлениям президента, оставило странное впечатление. Как всегда в таких случаях, у многих в голове зашевелился вопрос: а собственно говоря, на чьей стороне в этот грозный час армия, в какой

степени она контролируется верховным главнокомандующим – президентом?

Как бы отвечая на этот вопрос, «Независимая газета» опубликовала 17 мая статью под красноречивым заголовком «Приказ будет выполнен (Коллегия Министерства обороны РФ готова поддержать любые шаги Бориса Ельцина)». Какие же шаги ожидались от президента и какие его приказы военные готовы были выполнить? В статье говорилось, что летом, после выборов может возникнуть ситуация двоевластия, когда победившего на них Геннадия Зюганова «не пустят в Кремль под предлогом «борьбы с коммунистической реставрацией, новым ГУЛАГом и грядущими репрессиями». Вот тогда-то Ельцину и понадобится «мощная поддержка армии в лице ее высшего руководства». Корреспонденту газеты, как он пишет, удалось «довольно откровенно» побеседовать «с одним из высокопоставленных генералов, входящим в так называемую группу Грачева». По мнению этого генерала, заявление командующего МВО – не случайный поступок, а акция, «увязанная с мнением Коржакова» (думаю, в этом мало кто сомневался). Собеседник заверил автора статьи, что «любой письменный приказ Бориса Ельцина в качестве верховного главнокомандующего Вооруженными Силами РФ будет выполнен беспрекословно, возможные шаги президента по недопущению в Кремль Геннадия Зюганова получат одобрение большинства членов коллегии Минобороны. «Может быть, один-два человека и подадут в отставку, но приказы Бориса Ельцина как верховного главнокомандующего мы будем выполнять», – заявил генерал.

Не знаю, насколько серьезны были подобные заверения (генерал просил не называть его фамилию в газете) и чего больше – пользы или вреда – они могли принести Ельцину. Думаю, в случае проигрыша на выборах он действительно мог прибегнуть к силовым мерам, следуя тому самому завету Коржакова: «Смотрите, ребята, не шутите, мы власть не отдадим».

Впрочем, на поддержку армии стремился опереться и Зюганов, хотя у того, разумеется, возможностей было меньше. При каждом удобном случае он пытался прозондировать позицию военных, привлечь их на свою сторону. Так, во время одной из «консультаций» с «некоторыми военачальниками» лидер КПРФ сообщил им, что после своей победы готов провести в Министерстве обороны ряд кадровых перестановок – выдвинуть на руководящие посты преданных ему генералов с последующим присвоением воинских званий «генерал армии»...

Данные социологов

(12 мая 1996 года)

Главный результат опроса, проведенного ВЦИОМом по заказу «Итогов» с 26 апреля по 5 мая: впервые на первое место вышел Ельцин – «сегодня» за него проголосовали бы 28 процентов тех, кто собирается пойти на выборы. За Зюганова – 27 процентов, за Явлинского – 9, за Жириновского и Святослава Федорова – 7, за Лебеда – 6, за Тулеева – 2, за Горбачева – 1.

11 процентов пока не решили, за кого будут голосовать.

В выборах намерены принять участие 73 процента опрошенных.

Схожие результаты получил РОМИР (опрос был проведен 4 – 5 мая, также по заказу «Итогов»): Ельцин – 29 процентов, Зюганов – 25, Явлинский – 8, Жириновский и Лебедь – по 6, Святослав Федоров – 4, Горбачев и Тулеев – по одному.

18 процентов собирающихся участвовать в выборах пока не решили, за кого будут голосовать. Вот за эти-то 11 – 18 процентов (по данным ВЦИОМа – 11) и предстоит бороться кандидатам.

По опросам, Ельцин выходит вперед и во втором туре. Согласно РОМИРу, он побеждает Зюганова с соотношением голосов 41 : 33. По данным ВЦИОМа, это соотношение – 37 : 31 в пользу Ельцина.

ТРУДНЫЙ ВЫБОР «ДЕМВЫБОРА»

Гайдар призывает голосовать за Ельцина

Как мы видели, первые три месяца 1996 года «Демвыбор России» — одна из тогдашних ведущих наших демократических сил — провел в тщетных поисках приемлемого кандидата в президенты. Мало-помалу, однако, большинство в этой партии склонялось к выводу, что при выборе кандидата придется остановиться на Ельцине.

На Гайдара, по-видимому, среди прочего повлияла его личная встреча с президентом, состоявшаяся 29 февраля. Перед взором руководителя «Демвыбора» вдруг предстала некая метаморфоза, случившаяся с его собеседником.

«В ходе разговора, — вспоминает Егор Тимурович, — неожиданно поймал себя на мысли, что вижу перед собой отнюдь не того Ельцина, который буквально месяц тому назад говорил с телеэкрана что-то невнятное о тридцати восьми снайперах и укрепрайоне в Первомайском. Он четок, собран, энергичен, на лету ловит мысль собеседника. Такое ощущение, что не было этих пяти лет, как будто мы снова в октябре 1991 года, на нашей первой встрече, открывшей правительству реформ возможность действовать. После разговора, впервые за последние месяцы, зарождается надежда, что, может быть, сейчас, в ключевой для России момент, Ельцин сумеет резко измениться, набрать былую энергию и восстановить контакт с избирателями».

И действительно, благотворную перемену в Ельцине тогда заметили многие. Гайдар:

«...В марте 1996 года народ вдруг видит перед собой совершенно другого, уже забытого президента: Ельцина образца 1991 года, с его уникальным умением разговаривать с людьми, привлекать симпатию энергией, напором. Такое ощущение, что наш Илья Муромец наконец встряхнулся. Первое известие о росте популярности Ельцина воспринимается все же недоверчиво: так просто не может быть. Но быстро приходит понимание — общественное настроение действительно переменялось, и становится действительно ясно: борьба на предстоящих выборах развернется между ним и Зюгановым».

Способность неожиданно восстанавливаться, мобилизоваться в критические моменты вообще, по-видимому, была свойственна Ельцину. Казалось бы, человек безвозвратно куда-то ухнул, необратимо утратил свои лучшие качества, — ан нет, вдруг он слышал звук какой-то неведомой призывной трубы и вот уже обрел прежнюю боевую форму, вот уже он предстает перед нами в прежнем виде — решительный, энергичный, дееспособный. Словно бы никакого провала и в помине не было.

По словам Гайдара, в течение марта Ельцин сделал «предвыборную ситуацию в стране двухполюсной», то есть продемонстрировал всем, что он — единственная альтернатива коммунистическому вождю.

Однако еще и в середине апреля, за два месяца до выборов, ДВР никак не может решить, на кого ему делать ставку — на Ельцина или на Явлинского. За первого по-прежнему твердо стоит Анатолий Чубайс, за второго — Сергей Ковалев.

Из последних ельцинских шагов демократы со знаком плюс отмечают мирный план по Чечне, указ о земле... По-прежнему их не устраивает кадровая политика президента.

У Явлинского дэвээровцев, как и прежде, настораживают «аморфность и расплывчатость» подходов к финансовым проблемам и к сотрудничеству с коммунистами.

Постепенно, однако, выкристаллизовывается окончательный выбор. 27 апреля Егор Гайдар впервые во всеуслышание заявляет, что в середине мая на съезде партии он призовет своих единомышленников голосовать за Ельцина. По словам Гайдара, победа Ельцина «не гарантирована, все будут решать доли процента», поэтому нельзя «отсиживаться в сторонке с чистыми руками».

Что касается Явлинского, за ним, как сказал Гайдар, «два серьезных дела: в 1993-м и 1995 году он обеспечил раскол демократов и наше общее поражение на выборах».

Гайдара поддержали другие члены руководства партии и большинство участников ее московской конференции, где, собственно, и происходил разговор. Анатолий Чубайс заявил по поводу кандидатуры Явлинского:

— Для меня абсолютно очевидно, что Явлинский не будет президентом России. Рискну предположить, что это очевидно и самому Григорию Алексеевичу. Поэтому все голоса, отданные за него, реально будут работать на коммунистов.

Чубайс призвал лидера «Яблока» снять свою кандидатуру и вступить в предвыборную команду Ельцина.

Таким образом выбор между Ельциным и Явлинским был сделан. По крайней мере, на уровне Политсовета партии и ее столичной организации.

Два члена руководства ДВР – Сергей Ковалев и Аркадий Мурашов – заявили, что будут продолжать оказывать поддержку Явлинскому.

Предполагалось, что решающее слово должен сказать съезд партии.

Он состоялся 18 мая. Съезд поддержал Бориса Ельцина как кандидата на пост российского президента (Ковалев и Мурашов остались верны себе – они вошли в группу поддержки Явлинского).

Думаю, на многих дэвэровцев произвели впечатление слова их лидера – Егора Гайдара – о том, что над Россией вновь нависла «очень серьезная коммунистическая угроза»: «Если мы не поддержим нынешнего президента, то возьмем на себя огромную ответственность перед историей за возможный приход к власти национал-социалистов в стране, которая обладает ядерным оружием».

«У них нет ничего, кроме реваншистских идей»

Весной 1996-го ситуация действительно была «черно-белая», страна в очередной раз оказалась перед выбором: вперед или назад? Приход к власти коммунистов рассматривался вполне серьезно. Люди задумывались, как жить при таком повороте событий. Словно бы и не прожили эти десятилетия при «диктатуре пролетариата». Отвыкли уже.

Где-то в середине апреля у нас в редакции «Литературной газеты» побывал Анатолий Собчак. Через месяц, 19 мая, в Санкт-Петербурге должны были состояться выборы мэра. Анатолия Александровича спросили, как он думает, станет ли после этих выборов Петербург красным.

– Красного мэра в Питере не будет, – уверенно ответил Собчак. – Ни при каких условиях. Потому что весь коммунистический электорат в нашем городе исчерпывается максимум десятью – двенадцатью процентами. Для того, чтобы победить, этого явно недостаточно.

Тут надо сказать, что в тот момент под самим Собчаком в Петербурге зашаталось кресло. Один из самых выдающихся демократов первой волны, обретший мировую известность и популярность

(достаточно сказать, что он стал первым после 1917 года российским политиком, который посетил Лондон по приглашению королевы), Анатолий Александрович не мог не вызвать ревнивое недовольство Ельцина своей самостоятельностью и независимостью, в частности тем, что позволял себе критиковать чеченскую политику президента. У Собчака возникли трудности с аудиенцией у первого лица государства, в северную столицу стали наезжать какие-то комиссии – в частности, из Генпрокуратуры, – «копающие» под мэра... А в двадцатых числах марта вдруг возник новый, непростой соперник Собчака на предстоящих выборах мэра – губернатор Ленинградской области Анатолий Беляков (на этом посту он находился как ельцинский назначенец). Поскольку фигура эта появилась после тайного однодневного визита в Питер все того же кремлевского «серого кардинала» – Александра Коржакова (он побывал там 20 марта) – все восприняли это как вотум недоверия Кремля Анатолию Собчаку, как «черную метку», посланную ему.

Тем не менее Анатолий Александрович не терял присутствия духа. Грядущие президентские выборы он явно считал событием несопоставимо более важным, чем выборы питерского мэра, на которых должна была решиться его собственная судьба.

Наш разговор продолжался. Итак, по уверению Собчака, кто бы ни стал в Петербурге в мае мэром, это будет мэр-некоммунист. А если президентом сделается Зюганов? Я пошутил:

– В таком случае Санкт-Петербург будет отделяться от России?

– Шутка неплохая, – сказал Собчак. – Но если серьезно, то ни Петербург без России, ни Россия без Петербурга существовать не могут... Случись, не дай Бог, смена президента (я рассчитываю, что этого не произойдет), у нас будет достаточно много законных демократических рычагов сопротивления.

Господи, да какими же законными демократическими рычагами можно воздействовать на марксистов-ленинцев, прорвавшихся к власти! В прошлом, в коммунистические времена, многие пытались сопротивляться – и где они оказались? Учитывает ли, скажем, наш собеседник печальный опыт Учредительного собрания – это ведь была одна из первых попыток мирного демократического сопротивления произволу большевиков?

– Я все учитываю, – сказал Собчак. – Включая возможность своего ареста...

Тем не менее мэр Санкт-Петербурга заверил, что из России он никуда не уедет и будет бороться до конца.

В том разговоре Собчак дал исчерпывающую характеристику Зюганову и его партайгеноссе:

– Те, кто сегодня представляет так называемую КПРФ, это в общем и не коммунисты. У них даже нет адекватных коммунистическому движению лозунгов. Нет ничего, кроме реваншистских идей! А все потому, что перед нами не борцы за «светлое будущее», а неудачники из числа прежней номенклатуры. Те, кто после 1991 года не нашел своего места в жизни... Сегодня у них одна идея – вернуться и отомстить. Все эти Макашovy, Купцовы, Шеины, Лукьяновы... Вы посмотрите на них! Неудавшиеся заговорщики-путчисты, потерпевшие поражение в 91-м и в 93-м. Да у них же руки чешутся: вот уж вернемся и посчитаемся за все. Крайне опасные люди. Повторяю, это не коммунисты, а партия реванша, которая ничего, кроме страданий и крови, стране не принесет. Путь репрессий, поисков «врагов народа» для них неизбежен...

Еще один мой вопрос: как полагает петербургский мэр, смогут ли Зюганов и компания, придя к власти, решить какие-то проблемы, стоящие перед страной?

– Никаких проблем они не решат, – уверен Собчак. – Проблемы останутся. И еще обострятся. Первое – мы не получим ни рубля иностранных инвестиций. Ни от международных организаций, ни от других государств, ни от частных инвесторов. Взять, например, Петербург. Все договоры, которые сегодня заключены у нас с Международным банком реконструкции и развития, с Европейским банком, с другими международными организациями, – все поставлено в зависимость от результатов выборов 16 июня. Ни один контракт пока не реализуется. Второе – в случае победы коммунистов никто не будет возвращать из-за границы и вкладывать в России находящиеся там сейчас деньги. Они уже начали было возвращаться из-за рубежа. В Петербурге в прошлом году объем российских инвестиций впервые превысил объем иностранных. Но сейчас все затормозилось... Третье – начнется массовая эмиграция. Первыми уедут те, кто создал себе за кордоном определенный тыл, то есть не самые бездарные...

– В этих условиях, – заключил Собчак, – у коммунистов опять-таки будет только один выход – «государственный» террор. А начнешь его – потом уже не остановишь...

Они опять желают немного поэкспериментировать над нами

(Из написанного в те дни. 20 мая 1996 года)

Подходит к концу XX век... Его по-разному называют – веком электроники, веком атома... Для России, помимо прочего, это был век чудовищного эксперимента над генофондом народа, осуществленного коммунистами.

Какая великолепная по своей простоте идея: уничтожить высший класс – «класс эксплуататоров» – и сразу наступит счастливая жизнь. Ведь сколько поколений, с самого сотворения мира, терзалось-мучилось – где она, дорога к счастью, а эта дорога, оказывается, прямо вот тут, под ногами. «Ксплататоров» принялись изничтожать со всей революционной энергией и страстью. И все всматривались из-под руки, скоро ли откроются райские ландшафты.

Не сомневаюсь, многие, кого прямо не затронул этот безбрежный красный террор, нравственно содрогались, испытывали непереносимые душевные муки при виде его (хотя большевики, разумеется, старались делать все втихую, чтобы все было шито-крыто). Жалели неповинных людей. Однако мало кто в ту пору задумывался, к чему может повести массовое уничтожение, скажем так, не самых худших представителей народа.

Страна серела на глазах, превращалась в страну Шариковых. «На рассвете начинаю глядеть в потолок и тарашу глаза до тех пор, пока за окном не установится жизнь – кепка, платок, платок, кепка. Фу, какая скука!» – писал Булгаков Вересаеву.

Дело, разумеется, было не только в скучной одежде.

На днях нынешний пролетарский вожь товарищ Зюганов с похвалой отзывался об усопшем вожде мирового пролетариата: дескать, принял разваленную страну (как будто кто-то его заставлял «принимать»), а оставил в полном порядке – с нэпом, с крепким рублем... Забыл только упомянуть кандидат в претенденты: с 1917-го по 1922-й благодаря развязанному покойником террору и Гражданской войне население осчастливленной им страны сократилось на 13 миллионов человек. В этой топке среди прочих сгорели сотни тысяч лучших россиян – дворяне, офицеры, купцы, чиновники, духовенство, интеллигенция, оптом причисленные к «буржуям». Два миллиона, не дожидаясь большевистской пули, покинули Россию...

Пьесе Булгакова «Бег» – об исходе из страны этих самых «ксплататоров» – так и не дали ходу, поскольку, по заключению комиссаров

от искусства, эта пьеса понадобилась-де автору «не для подчеркивания исторической правоты завоеваний Октября, а для того, чтобы поднять своих героев-эмигрантов на более высшую ступень интеллектуального превосходства». Словно бы в реальности они не были на этой ступени.

Профессор Алексей Акифьев в своей книге «Гены. Человек. Общество» рассказывает про обширное исследование, которое провел доктор медицинских наук Владимир Лупандин. Он изучал психику жителей ряда сельских районов России и Украины, где интенсивность сталинского террора несколько различалась. В дореволюционном селе, как известно, было три категории крестьян: крестьянин-землевладелец (так называемый «кулак»), середняк и сельский люмпен – безземельный крестьянин. У «кулаков» – энергичных, трудолюбивых, расторопных хозяев, – как правило, были большие семьи, они могли себе позволить иметь много детей и были заинтересованы в том, чтобы на их земле работало как можно больше родственников. Это была крестьянская элита. Среди бедняков же, напротив, имелось множество маргиналов – людей с так называемой пограничной психикой. Пограничной – между нормой и слабоумием, а иногда просто слабоумных. В пору коллективизации уничтожены были главным образом как раз трудолюбивые, хозяйственные крестьяне.

Сколько всего было выбито крестьянской элиты? Великий вождь всех народов в свое время поведал в беседе с Черчиллем, что пришлось-де расправиться с десятью миллионами «кулаков», из которых «громадное большинство» было «уничтожено», остальные же высланы в Сибирь. Как считает Роберт Конквист, автор известной книги «Большой террор», около трех миллионов высланных там, в лагерях, и окончили свою жизнь... То есть были изведены практически все, кого считали «кулаками».

Люмпенов же, напротив, коммунистическая власть обласкала, провозгласила своими союзниками. Они выжили, произвели наследников. В результате, по подсчетам Лупандина, в селах и деревнях тех мест, где террор против «кулаков» был особенно силен, доля маргиналов – бездельников, алкашей, уголовников – достигает сейчас 20 – 50 и даже 80 процентов.

Вот вам и ответ, почему на селе так велико сопротивление новым веяниям, почему до сих пор пользуются поддержкой такие безумные, нигде не встречающиеся формы организации труда, как колхозы и совхозы, а у фермеров, напротив, травят скот, поджигают усадьбы, ломают технику...

В 50-е годы потомки тех самых уцелевших в годы коллективизации сельских люмпенов хлынули в города, образовали многочисленную антиэлиту – так называемую «лимиту» – уже там.

Как полагают ученые, нынешнее российское население даст прирост, в котором 7 процентов будут составлять маргиналы. «И это в стране, где имеется ядерное оружие в количестве, достаточном, чтобы неоднократно уничтожить все высшие формы жизни на Земле!» – комментирует эту цифру профессор Акифьев.

О том, как коммунисты разбирались со своими, нам – большинству советских жителей – открыто (или полуоткрыто) поведали раньше, чем о репрессиях против «не своих», против «классово чуждых», – вскоре после XX съезда. Мы очень долго искренне жалели Косиора, Рудзутака, Эйхе, Чубаря, Постышева, Тухачевского, Якира, Уборевича... Множество других. И лишь потом узнали, что они стали жертвой той самой репрессивной машины, которую сами же налаживали и в работе которой прилежно участвовали. Достаточно сказать, например, что первые пятеро из перечисленных выше были членами Политбюро...

Уничтожая «эксплуататоров», большевики уничтожали элиту российского общества. А как обстояло дело с репрессиями против «своих»? В общем-то, точно так же. И в своих рядах они тоже выбивали лучших. Как мы знаем, постоянно срезались верхние слои партийного, советского, хозяйственного аппарата, верхние слои военных... Да и самих же спецслужб... А ведь наверх, особенно в первые послеоктябрьские годы, тоже попадали не самые худшие.

Характерный пример – убийство одаренного военачальника Михаила Фрунзе на операционном столе. И замена его на посту наркома по военным и морским делам бездарным, но абсолютно покорным Сталину Ворошиловым.

Позднее репрессии против верхушки армии проводились уже открыто. К началу войны были уничтожены трое из пяти маршалов, 14 из 16 командармов 1-го и 2-го ранга (чинов высшего комсостава), все восемь флагманов 1-го и 2-го ранга (адмиралов), 60 из 67 комкоров, 136 из 199 комдивов, 221 из 391 комбригов. Расстреляли всех заместителей наркома обороны числом одиннадцать, 75 из 80 членов Высшего военного совета. Вырубили около половины всего армейского комсостава – 35 тысяч человек... Одним словом, велась вполне целенаправленная селекция.

Можете ли вы себе представить, чтобы немцы – или кто-либо еще – с таким же усердием уничтожали бы свою военную элиту, да еще перед самой войной?

Кстати, того же главного принципа – истреблять в первую очередь лучших – большевики придерживались и в других странах, куда только дотягивалась их рука. Достаточно вспомнить убийство тысяч польских офицеров – элиты польского общества – в Катыни и других местах.

Такая же селекция проводилась и в рядах самой большевистской политической полиции. «...В органах НКВД шел особый отбор, – пишет историк Рой Медведев, – одни работники, немного умнее и гуманнее других, отсеивались, другие, самые худшие и невежественные, оставались».

Носители ума, хотя бы зачатков совести повсюду были первыми кандидатами на социальную и физическую выбраковку. Поощрялись же такие качества, как конформизм, нерассуждающая исполнительность, преданность начальству...

Планка интеллекта, не говоря уже о нравственных качествах (таковых попросту не имелось), которую установил вождь всех народов, была, прямо скажем, невысока. Историки отмечают, что в первом послеленинском Политбюро Сталин был одним из двух его членов, производивших впечатление явно неинтеллигентных людей. Соответственно и окружение вождя не имело права подниматься над этой планкой. Более того – приближаться к ней. Анекдот даже такой ходил: «Кавказ подо мною. Один в вышине стою над снегами у края стремнины: орел, с отдаленной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне...» Со мной наравне? Гм... Лаврентий Павлович, убери орла!»

У членов сталинского окружения было свое окружение. Где действовал тот же принцип – «убери орла!» И так – на всех уровнях, вплоть до самых нижних. Этим способом формировалась та самая антиэлита. Причем принципы ее формирования сохранились и после Сталина. Хотя массовые расстрелы прекратились.

«Принадлежность многих руководящих деятелей КПСС к антиэлите отчетливо можно проследить на примере Политбюро, избранного на последнем брежневском съезде в 1981 году, или на примере хотя бы того же ГКЧП, – пишет профессор Акифьев. – Резкое понижение интеллектуального уровня высшего руководства компартии, как мне представляется, стало одной из важнейших причин стремительного ее ухода с политической арены».

Большевики в своих агитках продекларировали грандиозную цель – создать «нового» человека, отвечавшего придуманным ими идеалам. Трудно сказать, много ли было таких, кто всерьез мечтал об

этой цели. Для большинства это была просто-напросто пропагандистская трескотня. Но от этого самим «перековываемым» было не легче. Ибо методы «перековки» были отнюдь не высокогуманными. Так, Бухарин, один из главных большевистских теоретиков, провозглашал, что «цель большевиков – воспитание нового человека самыми разнообразными средствами, включая расстрелы».

Интересно, вспоминал ли он об этом замечательном лозунге в те недолгие секунды, когда ожидал пулю в собственный затылок?

Что касается Кобы и ему подобных, они, нисколько не сомневаясь, никогда не придавали этой болтовне об идеалах и о перевоспитании человека сколько-нибудь серьезного значения. Их единственной реальной целью было удержание власти путем уничтожения всех реальных или потенциальных противников и соперников. К потенциальным врагам, как уже говорилось, безоговорочно относились все, чьи интеллектуальные способности хоть ненамного превосходили умственные задатки главных большевистских вождей. Число уничтожаемых – сотни ли тысяч, миллионы ли, десятки миллионов – абсолютно никакого значения не имело. Такого слова, как «генофонд», они просто не знали. А если бы и знали – плюнули и растерли бы мягким, изготовленным по спецзаказу сапогом.

Слабым отголоском большевистских пропагандистских потуг 20-х – 50-х годов стала высосанная из пальца на Старой площади уже в брежневские времена идея провозгласить весь «советский народ» «новой исторической общностью». От застойной скуки, поскольку никаких реальных достижений в наличии не имелось (если не считать космические запуски, изрядно уже всем надоевшие своим однообразием), решили наделить всех скопом членов этой «общности» всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами. А тот факт, что на земле неожиданно объявилась таковая «общность», отнести, разумеется, на счет «личных заслуг» пятизвездного Генсека (помните: «Гол с подачи Блохина забивает Балтача. Это личная заслуга Леонида Ильича»?)

И опять пошло: всех недостойных числиться в такой замечательной «общности» принялись с утроенной энергией рассовывать по лагерям, по психушкам... Под эту очередную кампанию опять-таки, понятное дело, попадали действительно лучшие. Отрицательный противоестественный отбор продолжал действовать, хотя и в меньших, чем сталинские, масштабах.

Профессор Акифьев приводит такие данные. В 1912 году в России – без Финляндии и Польши – проживало 155 миллионов человек.

Согласно прогнозам, к 1936 году ее население должно было вырасти до 247 миллионов. В действительности в 1939 году в нашей стране насчитывалось только 167 миллионов жителей. Иными словами, в результате террора и войн мы лишились не менее одной трети соотечественников, причем главным образом – представителей элиты общества.

«Нельзя, конечно, говорить, что представители элитарных генетических программ у нас уничтожены полностью... – пишет Акифьев. – Однако их стало заметно меньше, и поэтому, если оценить социально значимый генетический потенциал среднего россиянина 1912 года, допустим, в 10 баллов, то сейчас он едва ли больше пяти».

Иными словами, многое из своего генофонда мы бездарно растеряли. Такова горькая правда.

Все, что мы наблюдали при советской власти и сейчас наблюдаем – падение нравственности, дисциплины, лень, крайне низкую производительность труда, плохое качество производимых в стране товаров (90 процентов из них неконкурентоспособны на мировом рынке), стремление везде, где только можно, сжульничать, обмануть, ощущение гордости за совершенный обман, за мелкое жульничество, невероятное по масштабам пьянство, бессмысленную, доходящую до садизма жестокость (как, например, дедовщина в армии), – все это в совокупности, как считает Акифьев, проистекает не только из пороков системы, но и в значительной степени отражает генетическую деградацию нации, случившуюся в пору господства коммунистов.

Иногда говорят, что коммунисты установили рекорд в убийствах своих соотечественников. Однако слово «рекорд» тут не совсем подходит. Рекорд – это когда достижения соперников хоть и превышаются, но, как правило, не намного. Здесь же цифра **СОВЕРШЕННО ДРУГОГО ПОРЯДКА**. За все время существования инквизиции ее жертвами стали около 350 тысяч человек. Десятки тысяч жизней унесла опричнина Ивана Грозного. В годы якобинского террора во Франции на гильотину были отправлены 17 тысяч человек...

За весь XIX век в России по политическим мотивам были казнены несколько десятков человек и не менее тысячи умерли в тюрьмах и на каторге...

Правда, в начале XX-го, после подавления бунтов 1905 года, по приговорам военно-полевых судов были расстреляны десятки тысяч человек. Однако все эти цифры, конечно, не идут ни в какое сравнение с **ДЕСЯТКАМИ МИЛЛИОНОВ** убитых большевиками (одних только жертв их прямых репрессий, по-видимому, более 40 миллионов).

Семидесятилетнее коммунистическое иго оказалось для нашего отечества пострашнее двухсотпятидесятилетнего татаро-монгольского. Не только потому, что ордынцы и помыслить не могли об уничтожении такого числа наших предков. По-видимому, несопоставимо меньшим оказался урон, нанесенный кочевниками генофонду россиян. Хотя у нас и принято обвинять восточных завоевателей в ухудшении нашей «породы», которое, мол, сказывается до сих пор. Дело в том, что, в отличие от коммунистов, ордынцы не ставили себе задачей вырубать ВСЮ элиту русской нации, ограничившись уничтожением элиты ВОЕННОЙ. Изводить же, допустим, церковную или тем более крестьянскую элиту они не видели смысла, понимая, что в этом случае будет подорвана способность русских платить им дань. Зачем же рубить сук, на котором сидишь? Что касается коммунистических вождей, их этот крестьянский сук нисколько не волновал. Они были уверены: покуда есть рабский труд заключенных, есть нефть и газ в российских недрах, их личному благополучию ничто не грозит.

Итак, в результате геноцида, который большевики осуществили против национальной элиты – в широком понимании этого слова, – произошло резкое ухудшение генофонда нации, ухудшилось качество народонаселения. Каковы прогнозы? Можно ли устранить нанесенный ущерб? Мнение профессора Алексея Акифьева:

«Потерянные гены сразу, то есть в течение одного-двух поколений, восстановить не удастся. Да и едва ли кто-либо сейчас может сказать, когда это произойдет, и вообще, возможно ли восстановление генофонда россиян...»

Сейчас коммунисты снова идут в наступление, снова желают порулить, поуправлять страной. Что означает эта неодолимая тяга красных к ускользнувшей было от них власти с точки зрения социобиологии? Что побуждает их постоянно держать всю страну в напряжении, вновь и вновь создавать кризисы? Мнение профессора Акифьева: «Подлинный источник политических кризисов... – это стремление антиэлиты продолжать паразитическое существование за счет траты невосполнимых национальных богатств нашей родины».

Они не только желают опять порулить – они жаждут продолжить эксперименты над нами, вылепливать из нас новые разновидности гомо советикуса, составлять какие-то новые невиданные, утопические «общности»...

И что же? Снова безропотно согласимся стать подопытными кроликами? Со смирением закроем глаза на перспективу собственной дальнейшей деградации?

Эти строки написаны весной 1996 года, в преддверии президентских выборов. За минувшее десятилетие масштабы красного террора, пронесшегося над нашей страной, словно ураган, стали еще ясней. Главная заслуга в обретении этой ясности принадлежит недавно скончавшемуся выдающемуся гражданину нашей страны Александру Николаевичу Яковлеву. Как известно, все последние годы он возглавлял Комиссию при президенте России по реабилитации жертв политических репрессий, благодаря своему авторитету имел доступ во многие архивные хранилища, которые теперь, после его смерти, снова наглухо захлопнутся перед независимыми исследователями. Я с ним встречался не однажды. В последний раз – летом 2001 года. Текст нашей беседы вскоре после этого был опубликован под характерным заголовком: «У нас был фашизм почище гитлеровского».

– Когда я начинал эту работу в 1988 году, – сказал тогда бывший член Политбюро ЦК КПСС, – у меня было представление, что при Ленине и Сталине у нас был тоталитарный режим, режим личной диктатуры. К чему я пришел в результате моей работы, в результате документального знакомства со всеми ужасами, которые прежде были засекречены (они прекрасно понимали, что все это надо засекречивать)? Я пришел к выводу, что ошибался. На самом деле фашистом номер один в прошлом веке был не Гитлер, а Ленин. Он был организатором фашистского государства. В российском, разумеется, исполнении. Сталинский режим – это дальнейшее развитие фашистского государства. Развитие не в смысле развития принципов – Сталин ничего нового не придумал, – а в смысле расширения масштабов репрессивной деятельности. Ничего не придумал и Гитлер. По сравнению с Лениным.

– Гитлер – сволочь, это понятно, – продолжал Александр Николаевич. – Но концлагеря, газовые камеры мы придумали раньше его. А еще придумали кое-что, чего даже и у него не было. Практика захвата детей-заложников у него была? Нет. А у нас была. Гитлер с 1933-го по 1939-й уничтожил десять тысяч своих политических противников. У нас же, как известно, были убиты миллионы. Причем подавляющее большинство из них никакими политическими противниками режима в действительности никогда не были... Ведь что творилось при Сталине? У нас в деревне конюха расстреляли за то, что слишком узко связывал лодыжки коням, когда выпускал их в ночное, – они их стерли. Явный вредитель... Или еще. Я недавно прочитал

одно личное дело — Зинаиды Адмиральской. Работала ткачихой в Иванове. Было указание выдвигать из рабочих на руководящую работу. Ее избрали первым секретарем Ивановского обкома комсомола. Вызвали в КГБ, показали некий список: слушай, вот это люди, которые, по нашему мнению, замысливают террористический акт против руководителей партии и правительства, против Сталина; ты стань во главе их, донеси нам, что они все твои сообщники по этому заговору, а мы тебя потом выведем из этого дела. Она отказалась. Ее все равно взяли и расстреляли. Непосредственно перед казнью она попросила зеркальце, чтобы поправить волосы, чтобы умереть в достойном виде. Меня поразил этот факт. И ведь расстрелянных таким образом, после таких подстав, было полно.

Среди прочего, я попросил Александра Николаевича уточнить, сколько же все-таки, по его мнению, было прямых жертв большевистской репрессивной машины.

— Я лично считаю, — сказал Яковлев, — не меньше двадцати миллионов. Расстрелянных, погибших в лагерях, умерших от голода... От голода, умышленно организованного в 30-е годы. Это пять с половиной миллионов. Или от голода в Гражданскую войну. Тоже товарищ Ленин организовал. Считайте, пять миллионов. Только от голода погибло десять с половиной миллионов...

Добавьте еще сюда 13 миллионов, погубленных в Гражданскую войну...

Главный вопрос — где та грань, за которой генофонд народа необратимо уничтожается? Не был ли, в частности, в ходе безумных репрессий, в ходе последних жесточайших войн невосвратно подорван, разрушен генофонд русского народа, окончательно обескровлена нация?

— Да, она была обескровлена, — печально соглашается со мной Александр Николаевич. — Генофонд, конечно, подорван. Это очень серьезная проблема. Самая активная часть общества была уничтожена. А войнами, в которых не в последнюю очередь тоже были повинны большевики, — самая молодая. Ведь было уничтожено будущее страны — те тридцать миллионов, которые погибли во время войны 1941 — 1945 годов. Погибли будущие писатели, академики, ученые... Гении... Самые молодые и самые одаренные.

Данные социологов

(26 мая 1996 года)

Очередной опрос по заказу «Итогов» ВЦИОМ провел 21 – 22 мая. На вопрос «За кого из кандидатов вы проголосуете на выборах президента 16 июня?» 33 процента намеревающихся прийти к избирательным урнам ответили – за Ельцина, 26 – за Зюганова, 9 – за Явлинского, 7 – за Жириновского и Лебеда, 4 – за Святослава Федорова, по одному проценту – за Горбачева, Тулеева и Шакума.

В выборах собираются участвовать 73 процента опрошенных.

Результаты опроса, проведенного 18–19 мая РОМИРом: Ельцин – 31 процент, Зюганов – 27, Явлинский – 7, Жириновский и Святослав Федоров – по 5, Лебедь – 4, Горбачев и Тулеев – по одному проценту.

17 процентов, согласно РОМИРу, хоть и собираются участвовать в выборах, но пока не решили, за кого голосовать.

В телепрограмме «Итоги» оглашены также данные, которые получены Франкфуртским институтом социальных исследований. Согласно этим данным, Ельцин наберет в первом туре 34 процента голосов, Зюганов – 30.

Данные, касающиеся второго тура: РОМИР – 43 : 32 (с таким перевесом Ельцин выигрывает у Зюганова), ВЦИОМ – 50 : 37 в пользу Ельцина.

Как видим, электорат Ельцина продолжает расти. Директор ВЦИОМа Юрий Левада отмечает, что это происходит за счет противников Зюганова и вообще тех, кто не приемлет коммунистов. В последнем опросе социологов выяснилось, что из числа собирающихся голосовать за Ельцина во втором туре чуть более половины (53 процента) поступят так, потому что они его поддерживают, а 42 – потому что не хотят видеть президентом Зюганова.

* * *

Итак, Ельцин впереди. Хоть и ненамного. Эту лидирующую позицию он сохраняет уже месяц. Отпали все разговоры, что его рейтинг безнадежно низок. Ясно, что он выходит вместе с Зюгановым во второй тур. Займет ли он в первом туре первое или второе место, не так уж важно. Важно лишь с точки зрения символики. И еще психологически важно: если он окажется впереди, это прибавит вдохновения и ему самому, и его сторонникам...

Непосредственно перед выборами опросы проводятся все чаще.

Данные социологов

(9 июня 1996 года)

До выборов – неделя. Результаты опроса, проведенного ВЦИОМом по заказу «Итогов» с 31 мая по 5 июня: Ельцин – 37 процентов так называемых активных избирателей, то есть тех, кто решил участвовать в выборах, Зюганов – 26 процентов, Лебедь и Явлинский – по 7, Жириновский – 5, Святослав Федоров – 3, Горбачев и Тулеев – по одному проценту, Брынцалов, Власов, Шаккум – ноль.

В выборах собираются принять участие 76 процентов опрошенных.

Данные РОМИРа (опрос проводился 2 – 3 июня) почти такие же: Ельцин – 35 процентов, Зюганов – 23, Лебедь и Явлинский – по 7, Жириновский – 4, Святослав Федоров – 2, Тулеев – 1, Брынцалов, Горбачев, Власов, Шаккум – 0.

В выборах, согласно РОМИРу, будут участвовать 87 процентов опрошенных.

17 процентов пока не решили, за кого будут голосовать.

Во втором туре верх одерживает Ельцин: согласно РОМИРу – 49 : 31, согласно ВЦИОМу – 52 : 36.

НЕОЖИДАННАЯ УГРОЗА ЕЛЬЦИНУ: СОЮЗ ЗЮГАНОВА С ЖИРИНОВСКИМ

В поисках выгодных альянсов

В ситуации примерного равенства двух главных противоборствующих сил – Ельцина и Зюганова, – складывающегося перед первым туром, становилось ясно: итоги второго тура будут зависеть от того, насколько выгодными окажутся союзы, которые удастся заключить каждому из соперников. В роли потенциальных союзников выступали аутсайдеры предвыборной гонки, у которых не было шансов продвинуться дальше первого тура.

Наиболее привлекательными среди них, если судить по данным опросов, были Лебедь, Явлинский, Жириновский, Святослав Федоров. Каждый из них – может быть, за исключением известного офтальмолога, – норовил продать свое союзничество подороже...

Впрочем, один из союзов неожиданно обозначился уже перед первым туром: союз Зюганова с Жириновским. Хотя обозначился он не сразу, и в ельцинском лагере, по-видимому, недооценили его опасность.

Голосуют за клоуна

В 1991 году на предыдущих, первых, президентских выборах в России появился совершенно новый для нее феномен – политический клоун. Фамилия – Жириновский. И неожиданно выяснилось: многим в нашем отечестве политическая клоунада нравится. Многие почему-то решили, что пошлейший балаган, который разыгрывается на их глазах, – это и есть настоящая политика. Может быть, здесь сказалось то обстоятельство, что долгие десятилетия политика была делом бесконечно далеким от простого человека, сугубо официальным, застегнутым на все пуговицы, к тому же страшноватые, мундирные.

На упомянутых выборах 1991 года Жириновский получил почти 8 процентов голосов (более 6 миллионов) и выскочил аж на третье место после Ельцина и Николая Рыжкова. Однако наибольший успех он пережил на думских выборах в декабре 1993 года – возглавляемая им Либерально-демократическая партия (провокационное название оголтело националистического образования, не имеющего никакого отношения ни к демократии, ни к либерализму) совершенно неожиданно заняла первое место при голосовании по партийным спискам (почти 23 процента, более 12 миллионов голосов).

...Вся дальнейшая политическая деятельность Жириновского свелась в основном к тому, чтобы поддерживать на некотором, вполне осязаемом, уровне свою электоральную популярность и выгодно торговать голосами своих избирателей и членов своей думской фракции.

Оппозиционер, любящий власть

В 1996-м Жириновского, естественно, снова выдвинули кандидатом в президенты. Случилось это 10 января на очередном съезде ЛДПР. Казалось бы, у человека «праздник души, именины сердца». Все его помыслы и речи должны быть посвящены тому, как он станет президентом (неважно, что он им никогда не станет). Однако, обладая развитым верхним чутьем, Жириновский принялся распинаться не про свои выборные перспективы, а про ельцинские (это при том, что в тот момент они были никакие): «Если он размажет по стенке всех террористов, прекратит войну на Кавказе и вернет деньги старикам, восстановив их вклады, тогда он имеет шансы победить, а мы снова будем на втором месте».

Как водится, выдвижение Жириновского сопровождалось спектаклем в духе провинциального театра: вождь ЛДПР встал на колени, поцеловал знамя и от имени своей партии попросил прощения «у всего русского народа» «за издевательства», жертвой которых тот был на протяжении XX столетия.

Впрочем, спектакль не спектакль, но официальная власть так и не сообразовала принести народу подобные извинения.

В заключение своего доклада Жириновский, как он это обычно делает из-за полного отсутствия голоса и музыкального слуха, принялся под музыку декламировать тексты некогда популярных русских и советских произведений. Делегаты услышали в его исполне-

нии «Прощание славянки», «Широка страна моя родная», гимн Советского Союза...

В двадцатых числах января вождь ЛДПР принялся нахваливать выступление Ельцина в Совете Федерации: дескать, в нем «правильно расставлены акценты в отношении терроризма на территории России и в отношении дальнейшего курса реформ».

При этом не уставал повторять, что сам-то он находится в оппозиции к Кремлю, и, расхваливая его, картинно сокрушался, что ЛДПР «как оппозиционной партии будет практически невозможно критиковать какие-либо аспекты деятельности исполнительной власти, если она скорректирует курс реформ в интересах всех россиян».

Очень удобная позиция, не правда ли: и в оппозиции, и не в оппозиции. Сразу стрижешь двойные купоны.

Это стремление Жириновского прильнуть, прислониться к Кремлю (благоклонно встречаемое, как казалось, и самой властью), естественно, вызывало подозрения у других политиков (впрочем, в ту пору вряд ли вполне оправданные). Григорий Явлинский, например, по этому поводу как-то заметил, что смысл «намечающегося союза между партией Жириновского и партией власти» вполне очевиден: Ельцин желает «протащить Жириновского во второй тур, чтобы обеспечить себе легкую победу».

Скандалы, скандалы, скандалы...

Излюбленный способ, с помощью которого Жириновский накачивает свой рейтинг, — скандал. Защищая будто бы русский народ, Россию (и почивший в Бозе Советский Союз), человек готов кому угодно «пасть порвать». Многим такой «патриотизм» ласкает слух.

10 февраля на совместной с его французским другом Ле Пенем пресс-конференции Жириновский обрушился на бывшие соцстраны, собирающиеся вступить в НАТО. Польшу он сравнил с проституткой, которая бежит от одного клиента к другому — от Советского Союза к Североатлантическому блоку. Она, мол, дождется, что очередной клиент ее просто придушит. По словам Жириновского, если наши соседи позволят натовским солдатам оказаться у российских границ, Россия, дескать, покончит и с этими соседями, и с самим НАТО, нанеся по ним превентивные удары. Он, Жириновский, не будет, как Сталин, дожидаться 22 июня...

Правда, самого Ле Пена – известного французского радикал-националиста – он успокоил, сказав, что риск вооруженного столкновения между Россией и Францией исключен и что, «даже если мы будем сражаться в Румынии или на территории какой-либо другой страны – нового члена НАТО, солдатами будут только французские негры или чеченцы».

На официальном уровне, естественно, тогда, как и ныне, мало кто относился к Жириновскому всерьез. Глава польского государства Александр Квасьневский просто отмахнулся от бредовых заявлений вождя ЛДПР: «Слишком большая честь для г-на Жириновского, чтобы президент Польши комментировал его выступления официально».

Впрочем, МИД Польши и Румынии сочли нужным выразить протест в связи с провокационными речами Жириновского – как-никак депутат парламента, глава одной из самых крупных фракций.

Не оставила без внимания эти речи и пресса. В общем требуемый скандальный эффект, как всегда, был достигнут.

На проблеме расширения НАТО Жириновский топтался в своих речах, считай, в течение всей избирательной кампании. 11 апреля в интервью братиславской «Правде» он вновь принялся страшать восточноевропейцев: «Вступайте... в эту организацию! Когда станете членами НАТО, будете кормить армию альянса, чистить им сапоги, а они будут гулять с вашими девушками... Пусть в этот блок вступают все – румыны, словаки, поляки. Может быть, тогда поймут, что такое натовская демократия. Вы скоро узнаете, что это такое... Потом будете просить, чтобы мы вам помогли, но не дождетесь».

Наскокам Жириновского подвергались не только Польша, Румыния, Словакия... В феврале он довольно фамильярно пригласил президента США Билла Клинтона в Москву поучаствовать в теледебатах с ним, Жириновским. А что? «Вы действующий президент, я кандидат в президенты, – говорилось в пригласительном письме. – И я уверен, уже сейчас нам есть о чем поговорить и что обсудить».

О чем, собственно, предводитель российских маргиналов намеревался говорить с руководителем великой страны, в интервью «Радио России» разъяснил пресс-секретарь ЛДПР отставной генерал Виктор Филатов. Его собеседницей была женщина-журналистка, но это ничуть не остановило пресс-секретаря в употреблении определенного набора слов и словесных конструкций. Стиль разъяснения все тот же – хамский, развязный, «а-ля Жириновский». Одной из пла-

нируемых тем полемики российских люмпенов с американским президентом опять-таки было расширение НАТО.

— А вы что, хотите, чтобы НАТО у нас было под окнами, что ли? — сразу же взял быка за рога пресс-генерал. — Чтоб уже американский солдат вас заставил ему кальсоны стирать? Это они везде делают от Вьетнама до Колумбии, там, куда они приходят. Вы не хотите, чтобы это было, или хотите, чтобы это было? Тогда мы и будем говорить Клинтону, чтобы он убирался со своими солдатами подальше.

— Но это может негативно сказаться на наших отношениях, — робко пыталась возражать корреспондентка.

— Наплевать нам! Это их проблемы. Нам надо сказать, что мы думаем и что мы хотим. Нам надо защищать свои интересы. А когда они у нас стоят под Москвой и мы еще начинаем думать, чего хочет левая нога этого саксофониста (Клинтон, как известно, в свободное время играет на саксофоне. — О.М.), то это уже полный завал. Вот как только мы их загоним обратно в Штаты, вот тогда мы будем думать, как с ними разговаривать дальше. А сейчас нечего с ними разговаривать! Их гнать надо в шею.

— То есть это будут не дебаты, а просто Клинтону намекнут на то, что?..

— Что значит — дебаты?.. Это что же, мы будем лизать сапог оккупанта американского в лице Клинтона, да? Или мы будем ему говорить прямо и не юля? Это как понимать? Ну, вы даете, мальчики и девочки. Ты ведь русская. Ну как же по-другому? Они же нас оккупировали после холодной войны. Это же открытым текстом... И Клинтон говорил на 50-летие Победы, что мы разгромили русских, русские теперь не существуют. Уже оккупированная страна. Бжезинский... А вы опять мне говорите: «А не обидится ли Клинтон?» Пошел он, этот Клинтон, оккупант! Непонятно, чего вы хотите! Лобызаться с оккупантами? Ну, тогда это ваши проблемы. Но не наши, русские. У русских проблема — освободиться от оккупации.

— Вопрос о дебатах согласован с посольством американским?

— Да наплевать нам на эти посольства, наплевать нам на все эти конторы! Мы сами свободные люди, и мы можем это сказать от лица русских. МИД проводил интересы американцев. Мы свалили Козырева, мы ставили десять раз вопрос в Думе, чтобы его убрать.

— Призыв к дебатам был обнародован только в СМИ?

— Жириновский послал его прямо в Белый дом. И там обсуждают сейчас.

– А ответа не поступало пока?

– Поступит, поступит, моя дорогая. Поступит.

Однако ответа на свое приглашение Жириновский, естественно, так и не дождался.

Когда в апреле Клинтон посетил Москву и была организована его встреча с ведущими российскими политиками, вождь ЛДПР, понятное дело, не получил на нее приглашения (это при том, что его удостоился даже Зюганов).

Многие приличные страны с давних пор отказывали и отказывают Жириновскому во въезде. Правда, получают от него за это по заслугам. Как-то в начале июня 1996 года он пожаловался журналистам, что правительства Франции, Великобритании, Голландии не предоставили ему въездных виз. По этой причине народы упомянутых государств были названы им «слабыми и умирающими». «А вот другие страны разрешают мне свободно ездить, – похвастался Жириновский, показывая корреспондентам свой паспорт. – Ирак. Куба, Ливия, Северная Корея...»

Вот уж поистине, скажи мне, кто твой друг...

Зюганов или Жириновский?

В какой-то момент (в конце февраля – начале марта) – сейчас это представляется невероятным – стало казаться, что во второй тур скорее всего выйдут... Зюганов и Жириновский. 26 февраля Егор Гайдар заявил, что не исключает такой возможности. В таком случае, по его словам, ДВР «вынужден будет призвать своих единомышленников голосовать против обоих».

В начале марта стало известно, что лидеры движения «Демократическая Россия», Партии экономической свободы и «Демократического союза России» ведут даже переговоры о создании общего движения под названием «Нет» – на случай, если во второй тур выйдут вожди КПРФ и ЛДПР. В таком случае это движение также выступит с призывом голосовать «против всех», так, чтобы выборы были признаны недействительными и отложены на несколько месяцев.

По словам сопредседателя «ДемРоссии» Галины Старовойтовой, «не нужно закрывать глаза на то, что сегодняшняя предвыборная ситуация в России очень тяжелая», и, «по данным всех надежных

социологических опросов», во второй тур проходят именно Зюганов и Жириновский.

Впрочем, довольно скоро ситуация в социологических прогнозах изменилась – лидер ЛДПР перестал быть вторым номером в предвыборном соревновании.

Продать голоса подороже

Тем не менее мешок с потенциальными голосами у Жириновского за плечами всегда колыбался, то несколько худея, то полнея, но оставаясь достаточно весомым. В любой момент он мог подарить эти голоса – по крайней мере, значительную их часть – любому из главных конкурентов в президентской гонке (не задаром, разумеется). Тем оставалось лишь внимательно отслеживать его намерения и действия.

В середине февраля, когда Ельцин официально объявил, что идет на выборы, и предложил заключить своего рода «пакт о ненападении» между различными политическими силами, Жириновский охотно откликнулся на это предложение: «Мы приветствуем такой пакт и готовы вести переговоры с кем угодно».

«С кем угодно» означало: кто даст более высокую цену, с тем и пойду. В своих публичных речах он по-прежнему больше склонялся к Ельцину (несмотря ни на какое фрондерство, страх и трепет перед действующей властью заложены у него глубоко в генах), но это вовсе не означало, что в случае чего он не может перекинуться и на другую сторону. Известный политолог Лилия Шевцова писала тогда в «Известиях»: «...Не стоит преувеличивать включенность Жириновского в сценарий Ельцина – лидер ЛДПР может сделать свой выбор самостоятельно, и вовсе не обязательно, что он сдаст свои голоса Ельцину».

Эти слова Шевцовой подтвердила заочная перепалка между лидером думской фракции НДР – тогдашней партии власти – Сергеем Беляевым и тем же пресс-секретарем ЛДПР Виктором Филатовым, состоявшаяся в середине марта. Беляев высказал предположение, что на каком-то этапе президентской гонки «возможны переговоры с Владимиром Жириновским о снятии его кандидатуры в пользу Бориса Ельцина». По словам Беляева, Жириновский «очень хорошо оценивает свои шансы» и на нынешних выборах, и на ближайшие

пять лет. Филатов ответил Беляеву уже на следующий день: никому своих голосов ЛДПР отдавать не собирается, и снимать в чью-то пользу свою кандидатуру ни в первом, ни во втором туре Жириновский не будет.

Позиция понятная. До выборов еще слишком далеко, избирательские голоса еще не набрали свою настоящую цену.

К этому разговору в тот же день подключился и сам Жириновский, предложивший не «сдавать голоса» кому-то одному, а заранее договориться о разделе исполнительной власти между тремя-четырьмя ведущими политическими силами, которые могут получить на выборах наибольшее число голосов: президентом, естественно, станет тот, у кого будет максимальный их процент, а остальные поделят между собой посты вице-президента, премьер-министра и первых вице-премьеров. По мнению лидера ЛДПР, эти должности в итоге достанутся Ельцину, Зюганову, самому Жириновскому, Лебедю, Явлинскому и, возможно, Святославу Федорову.

Если же его предложение не будет принято, события, по словам Жириновского, могут привести к «силовому варианту» разрешения предвыборной ситуации, включая «попытки перенести или сорвать выборы».

В общем-то такие настроения, как мы знаем, в то время носились в воздухе. Чтобы их почувствовать, не требовалось особой проницательности.

Уговаривает и запугивает

В марте – апреле Жириновский продолжал лавировать между Ельциным и Зюгановым, страдая при этом публику почти неизбежными, по его словам, предвыборными столкновениями и беспорядками.

22 марта он публично признался, что, оказывается, не раз предлагал коммунистам создать единую оппозицию и выдвинуть «единого нейтрального кандидата» «типа какого-нибудь хорошего хозяйственника из Сибири», не принадлежащего «ни к белым, ни к красным».

Непонятно, как можно было всерьез предлагать марксистам-ленинцам, свято держащимся за свою «красноту», подобный вариант.

Однако уже спустя неделю Жириновский ратовал за то, чтобы «белые» и «красные» поскорее перегрызли друг другу глотки: «Когда

коммунисты и демократы добьются друг друга, тогда и для ЛДПР останется много свободного места для движения вперед».

12 апреля на пресс-конференции в Госдуме он представил очередной черный сценарий ближайшего развития событий. По его прогнозу, 1 или 9 мая в стране будут спровоцированы вооруженные столкновения между левыми и правыми радикалами. «В Москве и других городах России появятся трупы, – предрекал Жириновский, – в результате чего возмущенные люди выйдут на улицы». Как итог – президент разгонит Думу и отменит выборы.

Многие усматривали в этом нагнетании страха предвыборный трюк. Смысл его, по-видимому, был все тот же: оттолкнуть перепуганных избирателей от борющихся друг с другом политических сил – от «белых» и «красных», – привлечь к себе как к деятелю, стоящему над схваткой.

Кстати, на той же пресс-конференции Жириновский в очередной раз упрекнул вождя КПРФ в том, что тот не принял его предложение снять обе свои – Жириновского и Зюганова – кандидатуры в пользу некоего общего «нейтрального» кандидата от оппозиции.

Впрочем, при желании можно было заподозрить, что такого рода предложения – результат некоей тайной договоренности лидера ЛДПР с Кремлем. Думаю, в коммунистическом лагере так к нему и относились.

Легкость в мыслях необыкновенная

Чем ближе к выборам, тем громче Жириновский вещал о различных фантастических выборных комбинациях и кандидатских коалициях. С одинаковым пылом предлагал варианты, где сокрушительную победу одерживает то Ельцин, то Зюганов (при этом не внакладе, естественно, оказывается и сам он, Жириновский).

Так, 16 мая на пресс-конференции он предложил создать «огромную, широкую коалицию», «чтобы избиратель, голосуя за Ельцина, знал, что голосует за команду, куда уже включены другие политические силы». Ельцин, по словам Жириновского, должен победить уже в первом туре. (Вот так! О подобном повороте событий, кроме Жириновского, говорил разве что лишь сам Борис Николаевич, смущая этим свое окружение.)

24 мая на встрече с российскими банкирами лидер ЛДПР пред-

ложил несколько компромиссных предвыборных вариантов (хотя времени до выборов вроде бы уже осталось всего ничего). «Никто не хочет прихода к власти коммунистов», — сказал Жириновский, а потому, по его словам, Ельцин должен подумать о назначении первыми вице-премьерами лидеров думских фракций (ну очень Владимиру Вольфовичу хотелось занять высокое правительственное кресло!) Иначе — заметьте, какая альтернатива, — Жириновский, Зюганов и Лебедь объединятся и одержат «сокрушительную победу» опять-таки в первом туре. Распределение должностей при этом будет таким: «Зюганов — президент, я — премьер-министр, Лебедь — министр обороны».

Вот тебе и «никто не хочет прихода к власти коммунистов»! Легкость в мыслях необыкновенная.

Спустя несколько дней, 29-го, Жириновский заявил еще более определенно о желании заключить союз с Зюгановым и Лебедем все для той же «сокрушительной победы» в первом туре. Условие только одно — чтобы Зюганов «бросился ему и Лебедю в ноги».

Впрочем, как всегда оговорился, что не исключает компромиссов и с существующей властью.

Зюганов пропустил эти фантазии Жириновского мимо ушей, а Лебедь уже на следующий день назвал это предложение «абсолютно неприемлемым»: он не стремится и никогда не стремился к подобным альянсам, особенно с названными политиками. По словам генерала, он не собирается «торговать голосами своих избирателей» и снимать свою кандидатуру в обмен на правительственные посты. «Торг здесь неуместен», — сказал Лебедь, как отрезал.

Жириновский начинает переговоры с вождем КПРФ

В начале июня, однако, появились более ощутимые признаки намечающегося союза Жириновского и Зюганова, нежели одни только заявления и декларации о намерениях. 3-го числа состоялась полтора-часовая встреча этих двух деятелей. По официальной версии ЛДПР, ничего особенного на ней не обсуждалось — так, общие места: «шел разговор о том, чтобы на выборах все прошло мирно, честно», чтобы «не было никаких подтасовок, на всех избирательных участках было больше контроля, были наблюдатели от той и другой партии».

Зюганов также сказал, что это, дескать, его «обычная практика», и в ближайшее время он собирается провести еще ряд встреч с лидерами различных партий и движений. Но, по его словам, по-настоящему примериваться друг к другу кандидаты в президенты начнут лишь после первого тура выборов, когда станут ясны полученные ими в этом туре результаты. Тогда характер консультаций будет изменен: «После 16 июня мы посмотрим политический вес каждого и потом будем определяться в своей тактике и стратегии».

Слабо, однако, верилось, что и на прошедшей встрече не обсуждались серьезные вопросы. Как говорится, ежу было ясно, что основной темой переговоров была возможность союза двух претендентов на президентский пост, его условия и перспективы.

Правда, и президентская сторона вела кое-какие игры с Жириновским (это при том, что сам Ельцин относился к нему резко отрицательно; в одном из тогдашних интервью он без обиняков заявил: избрание президентом Зюганова или Жириновского «принесет России беды: в первом случае, возможно, чуть позже, во втором – незамедлительно»). В печати сообщалось, что лидера ЛДПР несколько раз принимал Черномырдин, в том числе и 3 июня – в тот же день, когда Жириновский встречался с Зюгановым. Но складывалось впечатление, что коммунисты тянут его в свою сторону несравненно сильнее.

10 июня одно из информагентств, ссылаясь на надежный источник, сообщило, что в случае, если Зюганов победит на выборах, Жириновскому обещано пять мест в коммунистическом «правительстве народного доверия». При этом ему не обязательно снимать свою кандидатуру в пользу председателя КПрФ – достаточно будет, чтобы он агитировал за Зюганова между двумя турами голосования.

Возможность такого союза в этот же день подтвердил и сам Зюганов, правда, вновь оговорившись, что все будет зависеть от «политического веса» Жириновского, каким он предстанет после первого тура. Кроме того, чуть позже вождь коммунистов стал отрицать, что Жириновскому предлагались места в правительстве. Но это уже мало что меняло: контуры складывающегося союза проступали все более отчетливо.

Наконец пришло сообщение о том, что на 17 июня, то есть на следующий день после первого тура, намечено расширенное заседание ЦК КПрФ и, среди прочего, на нем предполагается решить вопрос об оформлении коалиции между Народно-патриотическим блоком и ЛДПР. Дескать, Зюганов не желает брать на себя единоличную ответственность по этому вопросу и хочет, чтобы с ним ее разделили партайгеноссе.

Многие, кто следил тогда за предвыборной ситуацией, сходились на том, что в случае, если лидер ЛДПР займет третье место, альянс Зюганов – Жириновский накануне второго тура будет достаточно опасен для Ельцина. Соответственно, многим показалось несколько легкомысленным заявление президентского помощника Георгия Сатарова: мол, упомянутый альянс «на руку Ельцину, поскольку этот альянс будет способствовать консолидации демократических сил».

Опасен ли для Ельцина этот альянс?

(Из написанного в те дни. 12 июня 1996 года)

Вроде бы все причастные к власти давно согласились: Жириновский – человек неприличный. Общаться с ним – дело в высшей степени предосудительное. Никто и не общался. По крайней мере прилюдно. Все последние годы, в течение которых эта странная фигура, не имеющая аналогов в российской истории (в некотором смысле – по степени неприличия – предтечей его можно считать разве что Распутина), маячила на политической сцене, делали вид, что данного персонажа как бы не существует.

Разумеется, это был просчет. Опять спутали политику с морализаторством (сейчас некоторые наши общественные деятели совершают аналогичную ошибку, морализаторски подходу к самому Ельцину, упорно не желая признать, что никакого другого барьера, кроме нехорошего президента, на пути коммунистов к власти нет; ни Явлинский, ни кто другой не создает на этом пути даже малейшей шероховатости). Да, конечно, Жириновский – неприличный человек. Но и Россия в некотором роде не очень приличная страна: куда уж дальше, на выборах двадцать с лишним процентов, бывает, голосуют за этого то ли Хлестакова, то ли Ноздрева. Каждый пятый, стало быть.

Нетрудно, конечно, было предвидеть, что упомянутый просчет рано или поздно как-нибудь выйдет боком. Скажется в самый критический момент – во время тех же президентских выборов. Нельзя отмахиваться от человека, в арсенале которого столь солидный запас голосов и который в принципе готов стать вашим союзником. Однако предвидеть это, как всегда, не достало ума. Обычных мозгов. Многочисленные компьютеризированные аналитические центры тут не в счет. Они не помогли и не могли помочь: здесь требовался обычный здравый рассудок.

Где-то в середине марта Жириновский, мы помним, через Черномырдина попросил Ельцина о личной встрече. Было ясно: он собирается говорить с президентом о совместных действиях во время предвыборной кампании. Ответом было молчание.

И вот на позапрошлой неделе Жириновский предложил союз... Зюганову. Возник как раз тот вариант, просчитать который было так же просто, как цифру 4 при умножении 2 на 2, но который крупнейшие стратеги и мыслители из президентского окружения почему-то так и не сумели вовремя вычислить.

Надо полагать, при известии об этом шаге вождя ЛДПР там произошла немая сцена. Всеобщий шок.

Чем же объяснить такую элементарную промашку президентской бригады? По-видимому, тем, что Жириновский постоянно дудел о своем антикоммунизме. Более того, сами же власти в последнее время то и дело использовали его как подсобную силу в противостоянии с зюгановской командой. В частности, при голосовании в Думе, оплачивая эти мелкие услуги всевозможными мелкими и не мелкими подачками. Это-то все, надо полагать, и усыпило бдительность кремлевских прогнозистов...

Уповать на последовательный антикоммунизм Жириновского не было, конечно, никаких оснований. Он не антикоммунист. Впрочем, точно так же, разумеется, как и не приспешник коммунистов. Он не социалист, не националист, не интернационалист... Никакой, конечно, не либерал и не демократ... Это человек без каких-либо принципов, авантюрист, игрок, ловец удачи... Алхимик, переплавляющий в золото избирательские голоса... Изобретатель вечного двигателя, использующий энергию бессмертной человеческой глупости.

При всем при том, как известно, на политической сцене этот «сын юриста» играет роль русского национал-патриота, и его союз с коммунистами не кажется столь уж противоестественным: ведь в составе зюгановского блока уже имеются — и в немалом количестве — означенные национал-патриоты, хотя и несколько иного этнического происхождения.

Жириновский уверяет, что его союз с Зюгановым принесет коммунистическому папе безоговорочную победу. Причем уже в первом туре. Вот как он говорил об этом 31 мая на обеде, данном в его честь иностранными журналистами (вообще журналисты — и наши, и зарубежные — очень заботливо его обслуживают; собственно говоря, им мы и обязаны сотворением этой политической фигуры):

— ...Кремль должен знать, что мое объединение с Зюгановым — это победа Зюганова. Это победа. И даже в первом туре может быть победа. И второго может не быть. Как в Госдуме: мои голоса и голоса фракции Зюганова — все, у нас большинство, нам другие фракции, независимые, не нужны.

И далее:

— Я не сторонник коммунистов. Но если я пойду с Зюгановым 16 июня, мы победим подавляющим большинством голосов. 60 процентов — не надо нам 50 плюс один голос! — 60 процентов, не меньше, мы получим вместе с ним. Вот это Ельцин должен знать: он не только в первом не победит... уже в первом победит Зюганов... Чтобы он понял, что его окружение его подводит.

Насчет первого тура — тут, конечно, уже ничего не получится: у Жириновского уже просто нет времени объяснить своим избирателям, почему им следует голосовать не за него, а за папу Зю. Во втором же туре он в самом деле может оказать любителям Маркса и Энгельса существенную подмогу. Хотя, наверное, ее величину Владимир Вольфович по своей хлестаковской привычке несколько преувеличивает. Но вот вопрос: namного ли?

По разным оценкам, к Зюганову могут перейти от 10 до 20 процентов избирателей Жириновского. Нижнюю цифру дает ВЦИОМ, верхнюю — Институт социологии парламентаризма Нугзара Бетанели. Учитывая, что в последнее время рейтинг Жириновского опустился до 5–6 процентов, это соответственно 0,5–1,2 процента избирательских голосов. Не густо, конечно, но и это на дороге не валяется. Во втором туре будет жесткая драка за каждую долю процента.

К тому же это, так сказать, стихийные предпочтения. Если же Владимир Вольфович обратится к своим избирателям с пламенной речью, употребит весь свой ораторский пыл для агитации в пользу вождя российского пролетариата, цифры, я думаю, могут увеличиться.

Самое же опасное: Жириновский вообще, как известно, от выборов к выборам преподносит сюрпризы. Число его истинных сторонников не улавливается социологическими опросами. Как правило, за него голосует больше народа, чем ожидается: люди просто стесняются признаваться в своих симпатиях к этому деятелю, но избирательной урне, скрыто и анонимно, доверяют свою заставляющую стыдливо краснеть тайну.

И все же по части союза с Жириновским для президента и его команды еще не все потеряно. Вождь ЛДПР не может не понимать:

союз с коммунистами для него абсолютно бесперспективен. Из истории хорошо известно, как большевики поступают со своими тактическими союзниками, помогающими им прийти к власти. Вспомнить хотя бы, чем кончили меньшевики, эсеры... Если уж добившиеся триумфа зюгановцы и не поставят главного «либерал-демократа» в числе первых к стенке, то первый вагон на Север (его собственная любимая страшилка) ему наверняка обеспечен. В любом случае его неугомонное мельтешение в сфере политики будет решительно, раз и навсегда пресечено, об этом и говорить нечего.

Жириновский все это прекрасно понимает, и его флирт с Зюгановым – чистой воды шантаж, адресованный Ельцину. Помните кадры психической атаки из фильма «Чапаев»: белогвардейские офицеры-капеллевы во всем черном, в полный рост, шеренга за шеренгой, как на параде, идут с винтовками наперевес на окопы красных, не страшась их ураганных пуль. И красные не выдерживают нервного напряжения, в панике бегут со своих позиций... Точно так же и Владимир Вольфович ведет психическую атаку на президентские окопы.

Обратите внимание: хвастаясь тем, что он без труда может принести Зюганову безоговорочную победу, он то и дело апеллирует к Ельцину: «Кремль должен знать...», «Вот что Ельцин должен знать...», Ельцин должен понять, «что его окружение его подводит...»

Впрочем, Жириновский открытым текстом говорит, что он может присоединиться и к Зюганову, и к Ельцину. В зависимости от того, кто ему что предложит. И даже готов служить им обоим одновременно:

– Он (Ельцин. – **О.М.**) может привлечь всех нас. Кто ему мешает? Ельцин остается президентом, Зюганов – председатель правительства, Явлинский, я, Федоров и Лебедь – вице-премьеры. Явлинский экономику курирует, Федоров – здравоохранение и социальную сферу, Лебедь – силовые министерства, я готов взять любое... И тут возможны два варианта. Возможна узкая коалиция: я и Зюганов. Возможна широкая: я, Зюганов, Лебедь, Федоров... Так что я готов и к широкой коалиции, и к узкой, и с тем, и с другим флангом при условии корректировки курса: Ельцин – вперед, но другой курс реформ, Зюганов – вперед, а не назад, не в социализм.

Наконец вождь ЛДПР готов вовсе уйти в тень:

– Если вы говорите, что я *enfant terrible*, я вообще могу не участвовать... Пожалуйста. Я готов на компромисс, когда я не участвую

ни в блоке с Ельциным, ни в блоке с коммунистами. Но чтобы не было осложнения обстановки у нас. Чтобы мы спокойно перешли рубеж... Чтобы выборы были. И чтобы все хотели вот этого нового широкого народного правительства. Коалиционного правительства. Вот моя позиция. Я вовсе не ищу поста и денег.

Но это уже, конечно, просто благородная поза. Этаким благородный жест. В конце концов, на дворе предвыборная пора. И избирателям надо постоянно «делать красиво».

Итак, в действительности Жириновский, конечно, желает союза не с Зюгановым: при коммунистической власти ему совершенно ничего не светит. На самом деле Жириновский ищет союза с Ельциным.

При всем при том, однако, о действующем президенте он отзывается крайне уничижительно. Вот, например, как он аттестовал его во время упомянутого обеда:

— Он по бумажкам все говорит... И он ведь ничего уже сам не может... Я же видел его вблизи... У него сплошной марафет на лице... Там сплошная какая-то лекарственная подкачка... У него будет возможность повыступать, потом — в ЦКБ на полгода. Он может пять лет протянуть. У нас есть больные — лежат восемь лет в койке. Восемь лет в параличе. Ничего не делают. Вон Романов лежит уже полгода, командующий, без мозгов. Лежит просто так. У меня у приятеля теща восемь лет лежала. Кушает, ест, пьет, но не встает. Улыбается. И умерла, когда легкий сквозняк открыли возле нее. А так лежала. Поэтому здоровье не имеет большого значения. Важно, что он НЕ УПРАВЛЯЕТ.

Как понять весь этот словесный понос? Вы желаете союза с человеком, всячески перед ним заискиваете и в то же время даете ему такую убийственную характеристику перед собравшимися со всего света журналистами, которые ее по всему свету и разнесут.

Тщетно искать в этом что-то рациональное. Это какая-то крайняя степень невменяемости. Зачем? Кто вас, спрашивается, за язык тянет? Нет, хочется вновь и вновь чем-нибудь этаким ублажить слушателей. Тридцать пять тысяч одних курьеров...

Впрочем, может быть, есть тут и нечто осмысленное. Мы ведь помним, как Ельцин сказал о демократах: они все равно ко мне придут, куда им деваться? Теперь примерно то же самое о нем самом говорит Жириновский: он все равно ко мне придет, что бы я вам тут о нем ни рассказывал.

А что, и придет. Насчет ельцинского никудышного здоровья Жириновский расписывал в пятницу 31 мая, а уже в понедельник 3 июня его как ни в чем не бывало принял Черномырдин. Надо пола-

гать, по поручению самого Ельцина. И обещал-таки устроить ему встречу с президентом. Стало быть, все же добился своего Владимир Вольфович. Не мытьем, так катаньем. И несмотря ни на какие граничащие с хулиганством выходки.

Добьется ли он поста вице-премьера в грядущем правительстве Ельцина (если тот победит на выборах)? Лично мне трудно его представить на этом посту, но, возможно, тут просто сказывается скудость моего воображения. В принципе, я думаю, ничего невозможного здесь нет.

Не раз уже было подмечено: в последнее время Жириновский совершает довольно крутую эволюцию — в сторону остепенения. Такие вот эстрадные номера, как процитированный выше монолог насчет президентского здоровья, у него все реже. Он чувствует, что время политической клоунады для него проходит. Такова участь всякого популярного лицедея. Надоедают часто снимающиеся кинодивы. Надоедают каждодневно мелькающие телеведущие, конферансье, юмористы... Наступает пора, когда надо покинуть сцену, телеэкран, куда-то деться. Куда деться Жириновскому? Он видит для себя единственный исход — во власть. В настоящую власть. Многого он не просит. Чтобы приняли хотя бы на вторые роли. Дали хотя бы пост вице-премьера, курирующего опять-таки какие-нибудь второстепенные отрасли, — этого для него вполне достаточно.

Предоставит ли ему Ельцин этот пост? Думаю, будут приложены гигантские усилия, чтобы как-нибудь откупиться от Владимира Вольфовича — и буквально откупиться, деньгами, и всяческими посулами и услугами... Постараются заключить с ним какое-то негласное соглашение. Если же откупиться не удастся... Трудно, ох как трудно будет принимать такое решение... Но куда же деваться?

Уже одни только переговоры президента с Жириновским вызовут праведный гнев многих. Сторонники морализаторской линии в политике, конечно, осудят и Черномырдина, и Ельцина за то, что они, дескать, так низко пали, в такой степени поступились своим достоинством. Но кто его знает, где оно, это достоинство. Ельцин упорно не желал иметь дело с «бандитом» Дудаевым. Из-за этого упрямства снесены пол-Чечни, погублены десятки тысяч душ, десятки, а то и сотни тысяч ни в чем не повинных людей сделались калеками... Вы спросите у матерей погибших солдат, надо ли было так строго блюсти президентское достоинство.

Приход Зюганова к власти грозит тысячекратно большими бедами, нежели чеченская война. Бедами для всей России, а не для одно-

го только крохотного пятачка на Северном Кавказе. Вся Россия превратится в полыхающую Чечню. Или, если хотите, в полыхающую Югославию. Если представляется возможность отобрать у грядущего коммунистического диктатора хотя бы один, два, пять процентов голосов, стоит ли подсчитывать обиды, становится в позу?

Отвернется ли от Ельцина часть избирателей, если он заключит союз с Жириновским? Не думаю. За него ведь сейчас собираются голосовать не потому, что он такой хороший, чистый, святой. Одной Чечни достаточно, чтобы не питать на этот счет никаких иллюзий. В большинстве своем, я полагаю, голосующие за Ельцина будут голосовать не за него, — они будут голосовать против коммунистов.

Остается последний вопрос: решится ли Жириновский на союз с Зюгановым, если президент все же его отвергнет? Или шантаж так и останется шантажом? Учитывая авантюристичность и непредсказуемость нашего героя, думаю, вполне может решиться. Несмотря на то, что соглашение с коммунистами, как уже говорилось, для него абсолютно бесперспективно. Иррациональность — его стихия. В ней он чувствует себя как рыба в воде.

Больше того, уже ведь сделаны конкретные практические шаги к такому союзу. Хотя попервоначально Зюганов отмахнулся от Жириновского, сославшись на его ненадежность как партнера, тем не менее вскорости встретился с ним (забавно, что встреча произошла в тот же день, что и свидание Жириновского с Черномырдиным). По словам пресс-секретаря ЛДПР, обсуждалось предложение: кто наберет в первом туре больше голосов, на того и будут играть во втором; если при такой игре в пас президентом становится Зюганов, он тут же назначает Жириновского премьер-министром... Сам пролетарский вождь сказал, что не видит необходимости в создании коалиции в первом туре, а во втором — «подсчитаем, посмотрим»...

Так что союз Жириновского и Зюганова вполне возможен. Он крайне опасен. Его нельзя допустить.

* * *

Перечитывая сегодня эти строки, думаешь: забавно все-таки, что в предвыборном пасьянсе тех дней такой человек, как Жириновский, мог сыграть вполне значимую, вполне существенную роль. А он мог ее сыграть. Все зависело от того, как лягут карты. Бедная Россия!

Данные социологов

(12 июня 1996 года)

5 – 11 июня ВЦИОМ по заказу НТВ провел последний перед выборами опрос на тему «За кого из кандидатов вы проголосуете на выборах президента 16 июня?». Голоса распределились так: Ельцин – 36 процентов из числа тех, кто решил участвовать в выборах (таких – 80 процентов), Зюганов – 24 процента, Лебедь – 10, Явлинский – 8, Жириновский – 6, Святослав Федоров – 3, Тулеев – 1, Брынцалов, Власов, Горбачев, Шаккум – 0.

9 процентов еще не решили, за кого будут голосовать.

Исходя из некоторых своих соображений – в чью сторону в конце концов склонятся колеблющиеся, – сотрудники ВЦИОМа прогнозируют, что Ельцин в первом туре наберет 36 процентов голосов (плюс-минус 2), Зюганов – 29 (опять-таки плюс-минус 2).

Как отметил директор ВЦИОМа Юрий Левада, электорат Зюганова определился почти сразу – уже в январе-феврале – и все последующие месяцы оставался примерно на одном уровне. Что касается Ельцина, его рейтинг постоянно рос – с 8 процентов в январе до 37 процентов в начале июня. Как полагают социологи, в значительной мере это связано с тем, что в марте за него решили проголосовать те, кто собирался отдать свои голоса Черномырдину и Гайдари, отказавшимся баллотироваться, а в мае – кто надеялся на появление третьей силы во главе с Явлинским, так и не сложившейся.

Как и в предыдущих опросах, почти такую же картину, как ВЦИОМ, дает РОМИР (опрос проводился 8 – 10 июня): Ельцин – 34 процента, Зюганов – 23, Лебедь – 8, Явлинский – 7, Жириновский – 5, Святослав Федоров – 2, Горбачев, Власов, Шаккум – по одному проценту, Брынцалов – ноль.

Согласно РОМИРу, в выборах собираются участвовать 85 процентов опрошенных. 18 процентов участников опроса пока не решили, кому отдадут предпочтение. По мнению сотрудников ВЦИОМа, до 5 процентов опрошенных, затруднившихся с ответом, могут склониться к голосованию за Зюганова, так что в итоге он может набрать в первом туре до 28 процентов голосов.

Во втором туре, по данным РОМИРа, Ельцин может выиграть у Зюганова с раскладом голосов 46 : 30, по данным ВЦИОМа – 53 : 36.

По мнению директора Института социологии парламентаризма Нугзара Бетанели, Ельцин получит в первом туре 40 процентов голо-

сов, Зюганов – 31, Явлинский – 11, Лебедь – 9, Жириновский – 5, Святослав Федоров – 3. Остальные претенденты не наберут и одного процента.

Служба «Vox Populi» опубликовала так называемый «экспертный прогноз», составленный по итогам опроса политиков, руководителей властных структур, главных редакторов СМИ. Согласно этому опросу, Ельцин и Зюганов могут набрать примерно равное число голосов – в пределах от 25 до 35 процентов, Жириновский и Явлинский – от 5 до 15, Лебедь может получить 5 – 7 процентов, Федоров – 3, Горбачев – 1,5.

Как считает Бетанели, в промежутке между первым и вторым будут иметь место «жесткая борьба и удивительное сочетание коалиций».

КОММУНИСТЫ ГОТОВЯТ ЗАГОВОР?

Сатаров предупреждает

Незадолго перед выборами, 30 мая, помощник президента Георгий Сатаров заявил на пресс-конференции, что коммунисты «готовят сценарий нелегитимного перехвата власти», который собираются ввести в действие, если на выборах победит Борис Ельцин. Сценарий этот состоит в следующем. Якобы для того, чтобы предотвратить фальсификацию выборов со стороны «партии власти» (о ее неизбежности они начали говорить еще в апреле), деятели КПРФ намереваются вести параллельный подсчет голосов, даже организовать для этого «свой народный Центризбирком». В результате подтасовок, которые они сами же и устроят, между результатами этого «народного» и официального Центризбиркома, естественно, возникнет значительная разница. Официальные данные будут объявлены ложными, сторонников КПРФ подтолкнут на массовые акции протеста, что приведет к серьезной дестабилизации обстановки в стране, вплоть до гражданской войны.

Впрочем, возможен, по словам Сатарова, и другой сценарий. Чувствуя явное преимущество Бориса Ельцина, коммунисты могут «нажать на спусковой крючок» еще до выборов – выведут на улицы свои боевые отряды.

Реакция противной стороны последовала уже на следующий день. «КПРФ, – заявил первый зам Зюганова Валентин Купцов, – не исключает возможности обращения в суд за клевету на помощника президента РФ Георгия Сатарова в связи с его заявлением о том, что у коммунистов имеются «боевые отряды»... Пусть Сатаров предъявит нам документы, где и когда он видел наши «боевые отряды».

3 июня на совете думской фракции КПРФ действительно было принято решение подать на Сатарова в суд.

Спецдоклад: тайные планы КПРФ

Вскоре, однако, на страницы прессы выплеснулась гораздо более обширная и детальная информация о заговорщических планах коммунистов. 8 июня в «Независимой газете» был опубликован анонимный (составленный, видимо, Федеральной службой безопасности или Службой безопасности президента) «аналитический доклад», в котором, как и у Сатарова, речь шла о намерениях коммунистов «резко обострить» политическую ситуацию в случае неблагоприятного для них результата голосования в первом туре.

Как говорилось в тексте, доклад был основан на «конфиденциальной информации источников внутри коммунистического движения, закрытых программных и аналитических разработках партии, документах внутреннего пользования (протоколах и стенограммах заседаний и пленумов ЦК, совещаний лидеров партии), достоверных сообщениях по каналам СМИ и общественных организаций». Собственно говоря, на эту информацию, по-видимому, опирался и Сатаров, предупреждая общественность об опасности коммунистического заговора.

Как мы знаем, в начале избирательной кампании ситуация была исключительно благоприятной для Зюганова. Однако в мае, отмечалось в докладе, «произошел решительный перелом» в ее развитии. «Президент Ельцин преодолел серьезный разрыв в рейтингах со своим основным оппонентом и продолжал наращивать преимущество, привлекая на свою сторону потенциальные голоса центристского и не определившегося электората». Шансы действующего президента на победу во втором туре значительно возросли, и этот рост продолжается. В то же время в избирательной кампании Зюганова возникла «кризисная ситуация». В докладе перечислялись ее приметы:

« — Зюганов не сумел выйти за пределы традиционного аграрно-коммунистического электората (менее трети избирателей) и привлечь на свою сторону голоса умеренных избирателей;

— разрекламированный «народно-патриотический блок» оказался фикцией. В его состав включены малозначимые или вообще не существующие организации; более того, возникли скандалы с подлогом — включением ряда организаций без ведома их официального руководства. В сущности, речь идет о прежнем аграрно-коммунистическом блоке, заgrimированном под «народно-патриотический фронт» за счет участия некоторых националистических организаций;

— Зюганов не сумел получить широкого доступа к СМИ, в пер-

вую очередь – к телевидению. В то же время упор на устную агитацию и использование радикальных коммунистических активистов в качестве агитаторов дает обратный эффект, так как подрывает образ Зюганова как умеренного конструктивного политика;

- не оправдала себя ставка на чисто негативное ведение кампании. Фокус общественного интереса переключился с тягот недавнего прошлого и настоящего на вопросы будущего устройства жизни и возможности улучшения ситуации. Кандидат от блока национал-коммунистических сил оказался не в состоянии выработать и представить избирателям убедительную программу своей деятельности;

- организационные и финансовые возможности КПРФ находятся на пределе и не могут обеспечить эффективное ведение кампании во втором туре; обостряющиеся разногласия и интриги внутри КПРФ вносят элементы дезорганизации в избирательную кампанию коммунистов и снижают ее эффективность;

- согласно опросам общественного мнения, избиратели скептически воспринимают обещания Зюганова, и многие опасаются серьезных потрясений и резкого ухудшения ситуации в случае прихода коммунистов к власти».

В этой ситуации, говорилось в докладе, «КПРФ теряет последние шансы на победу демократическим путем». Соответственно возникает перспектива «перехода непримиримой оппозиции к силовым методам борьбы за власть после ее поражения на выборах или недостаточно определенного итога выборов (примерное равенство голосов, поданных за каждого из двух основных кандидатов)».

Пленум идет за радикалами

18 мая состоялся закрытый VI пленум ЦК КПРФ, который пришел к заключению, что Зюганов ведет свою избирательную кампанию неудовлетворительно. Первый зампред ЦК КПРФ и, как говорилось в докладе, «реальный руководитель партии» Валентин Купцов заявил, в частности, что народно-патриотический кандидат проиграл крупные города, имеющие ключевое значение на выборах.

Именно на этом пленуме был сделан вывод, что «относительно демократический период борьбы КПРФ за власть подошел к концу» и на повестке дня стоит вопрос о переходе к новой стратегии и тактике, в основе которой – активные массовые действия и внепарламентские методы борьбы с «антинародным режимом».

На пленуме дало о себе знать резко возросшее влияние радикальной группировки, в которую входили такие известные «ястребы», как генералы Варенников, Макашов, бывший гзкачепист Лукьянов, другие деятели подобного же рода. Как раз радикалы выдвинули лозунг покончить с «парламентскими иллюзиями» и переходить к революционным методам борьбы за власть.

Руководство партии в принципе, хоть и с некоторыми оговорками, поддержало радикалов.

Приватизация избиркомов

В принципе реализовать затею с «народным Центризбиркомом» и параллельным подсчетом голосов Зюганову и К^О было не так уж трудно. Как пишут авторы доклада, многие избирательные комиссии «на низовом уровне» давно уже находились под сильным влиянием коммунистов: по одним данным, по меньшей мере треть их членов состояла в КПРФ или сочувствовала зюгановцам, по другим – прокоммунистически настроены были не менее половины их членов, а во многих регионах низовые комиссии полностью контролировались коммунистами.

Помимо использования этих эмиссаров и мобилизации новых, КПРФ планировала организовать гигантскую – более чем в сотню тысяч человек – сеть «наблюдателей» на избирательных участках. Их задача – вместе с подконтрольными избиркомами создать условия для подтасовки результатов голосования (методы известны: изменение списков, уничтожение и подбрасывание бюллетеней, изготовление дополнительных открепительных талонов, бесконтрольное использование переносных урн и т.д.).

Однако не сильно надеясь, как уже говорилось, на выборный успех, коммунисты отводили «своим» членам избиркомов и «наблюдателям» весьма важную роль и в случае неуспеха. Читаем в докладе:

«Из внутренних документов КПРФ следует, что партия ведет подготовку к тому, чтобы отказаться признать результаты народного волеизъявления в случае своего поражения на выборах. Именно этой цели служит провокационная пропагандистская кампания КПРФ о якобы неизбежной фальсификации итогов выборов Центризбиркомом по указке властей... Разрабатываемые КПРФ сценарии «перехвата власти» предусматривают крайне авантюристические действия,

способные втянуть страну в гражданскую войну и поставить ее на грань национальной катастрофы».

Что это за сценарии? Опираясь на собственные результаты подсчета голосов и заявляя о массовых нарушениях и фальсификациях, предпринятых будто бы противоположной стороной (здесь-то и нужны «наблюдатели»!), КПРФ объявляет выборы недействительными и отказывается признать их итоги. Коммунисты организуют то самое «массовое движение народного протеста» против фальсификации выборов, за отставку «незаконного» президента и правительства, за гражданское неповиновение, в поддержку прокоммунистического правительства «народного доверия». Согласно собственным подсчетам КПРФ, победителем, то есть законным президентом России, провозглашается Зюганов. Прокоммунистическая Дума сразу же принимает резолюцию в поддержку «законного президента» и обращается к гражданам, силовым структурам и органам государственной власти с призывом поддержать его и подчиняться только его распоряжениям. Неизбежно возникающие при этом вооруженные стычки переходят в бои сначала «местного значения», а затем все более масштабные. Страна втягивается в гражданскую войну.

«Боевые отряды» коммунистов

Самый большой шум, как мы видели, Зюганов и его команда подняли по поводу утверждения Георгия Сатарова, будто на случай проигрыша на выборах они готовят «боевые отряды». В «аналитическом докладе», опубликованном в «Независимой газете», разъясняется, что, собственно говоря, тут имеется в виду.

Прежде всего, особую ставку коммунисты делают на армию и другие силовые структуры. КПРФ располагает весьма прочными связями как в среде армейского руководства (на уровне командующих некоторыми родами войск и военными округами, а также их заместителей), так и в спецслужбах. Не ограничиваясь этим, коммунисты стараются расширить эти связи, привлечь на свою сторону как можно больше сотрудников армии, ФСБ, МВД, особенно высокопоставленных. Именно им отводится решающая роль в осуществлении подготавливаемого государственного переворота.

«Сделав выводы из событий октября 1993-го, — говорится в докладе, — КПРФ с 1994 года активно работает в войсках, прежде всего с высшим и средним командным составом, пытаясь сформиро-

вать себе опору в армии. Как показывают записи конфиденциальных бесед, за поддержку офицерам и генералам обещаются более высокие звания, чины и должности, особые права в сфере внешнеэкономической деятельности, государственное обеспечение «по высшему разряду», личная неприкосновенность».

По данным авторов доклада, уже на заседании ЦК КПРФ 8 февраля было заявлено, что партия располагает четырьмя армейскими дивизиями, готовыми в любой момент выступить на стороне коммунистов.

Помимо регулярных воинских частей, находящихся под влиянием коммунистов, КПРФ возлагает надежды и на собственные вооруженные отряды. Так, партийной «гвардией» считается «Ачаловский полк», сформированный осенью 1993 года и развязавший кровавые события у мэрии, Белого дома и в Останкине. В данный момент в его состав входят несколько крупных подразделений, в числе которых – «Ударная бригада», батальоны «Русь» и «Рабочая гвардия», «Полк Верховного Совета». В этих подразделениях регулярно проводятся учения и тренировочные стрельбы, отрабатывается тактика уличных боев, накапливается вооружение и обмундирование.

По существу, военной структурой КПРФ можно считать и Союз офицеров, возглавляемый небезызвестным Станиславом Тереховым. Эта организация, объединяющая бывших кадровых офицеров, может быть быстро развернута в массовую военизированную структуру за счет включения в нее рабочих дружин «Трудовой России» Виктора Анпилова и Российской коммунистической рабочей партии Виктора Тюлькина.

«По имеющейся оперативной информации, – утверждают авторы доклада, – Анпиловым разработан план по переходу на полуполигальное положение и развертыванию массовой уличной борьбы с «антинародным режимом» в случае поражения коммунистов на выборах».

«Политический и военный союз радикал-коммунистов и национал-патриотов, – говорится в докладе, – уже проявил себя в кровавых событиях октября 1993 года... Эти люди уже показали, что они готовы на все и что прошлое их ничему не научило. Сейчас они готовятся, но уже с гораздо большим размахом, к новой попытке вооруженного мятежа».

Консультант опровергает...

Ответом на публикацию «аналитического доклада» стала статья-опровержение, принадлежавшее перу консультанта фракции КПРФ в Госдуме Владимира Владимировича Акимова (так он был представлен) и опубликованное спустя несколько дней в той же «Независимой газете». Опровержение, надо сказать, было не слишком серьезным. Позубоскалив над некоторыми неточностями, которые он обнаружил в докладе, консультант принялся стыдить авторов за несанкционированное, по его мнению, прослушивание телефонных разговоров и «конфиденциальных бесед».

«Господа «аналитики»! – восклицал консультант. – Не будет ли вам угодно опубликовать не только пустую ссылку на «оперативные материалы», но и копию соответствующего судебного решения (то есть решения, разрешающего прослушивание. – **О.М.**)?»

Оно, конечно, нехорошо подслушивать и прослушивать без соответствующей санкции, но все-таки подготовка мятежа, если она действительно ведется, – дело серьезное...

Впрочем, консультант сам признает, что его статья – вовсе не опровержение. «Напомню, – пишет он, – обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». И далее следовала ссылка на соответствующую статью Конституции.

В общем у читателя оставалось ощущение, что и оперативные материалы, использованные в докладе, вполне достоверны, и в целом обвинения, которые адресуются авторами коммунистам, достаточно обоснованны.

Существовал ли заговор?

Действительно ли коммунисты готовились осуществить вооруженный переворот или обвинения, которые предъявила им президентская сторона буквально накануне первого тура выборов, были просто пропагандистской акцией, последней пиар-точкой в ельцинской избирательной кампании? В принципе, если брать по отдельности куски той обличительной информации, которые были представлены на суд общественности Сатаровым и авторами «аналитического доклада», многое в ней, наверное, соответствовало действительности. Велись,

по-видимому, между коммунистическими функционерами и всякого рода разговоры (зафиксированные спецслужбами) с угрозами в адрес «антинародного режима», произносились и соответствующие речи на закрытых пленумах, лежали где-то в сейфах и разнообразные документы ДСП (для служебного пользования), в которых речь шла о необходимости перейти к «революционным» методам борьбы за власть... Однако не думаю, чтобы существовал единый, законченный, принятый и одобренный «национал-патриотическим» начальством план вооруженного захвата власти. Простая логика подсказывает: если бы Кремль действительно раскрыл подготовку коммунистического заговора и вооруженного переворота, он бы не ограничился обличительными выступлениями на пресс-конференциях и публикациями в прессе, а принял бы какие-то более серьезные меры – арестовал бы и предал суду предполагаемых зачинщиков, тех же неутомонных в своей агрессивности отставных коммунистических генералов, командиров этих самых «боевых отрядов», ликвидировал бы лагеря, в которых эти отряды проходят подготовку... Ничего такого сделано не было.

В книге «Эпоха Ельцина», вышедшей в 2001 году в издательстве «Вагриус», Сатаров и другие бывшие помощники Ельцина пишут об эпизоде с «коммунистическим заговором» довольно вяло, без особого обличительного нажима: коммунисты-де «подзадоривали друг друга рассказами о боевых дружинах, готовых в любой момент подняться по их команде», из регионов поступали сигналы от отставных военных о «попытках их вербовки»... Маловато для заговора.

Реальную угрозу представляла, пожалуй, лишь развернутая противниками Ельцина пропагандистская кампания с утверждением, будто президентская команда непременно фальсифицирует выборы, и намерение коммунистов «вывести народ на улицы» в знак протеста против этой заранее предрекаемой ими фальсификации.

Коммунисты идут в контратаку

11 июня Зюганов сообщил на пресс-конференции, что думская фракция КПРФ «подала материалы в Генпрокуратуру» теперь уже не только в связи с утверждениями Сатарова о подготовке коммунистами боевых отрядов, но и в связи с публикацией в «Независимой газете». Как заявил «народно-патриотический» кандидат, власти «продолжают раскручивать напряженность» и «наводняют все фальшивками».

Не ограничиваясь этим, коммунисты перешли в контрнаступление, предъявив президентской стороне примерно такое же обвинение, что и та предъявила им (видимо, на большее фантазии не хватило). В прессу была запущена информация, что активисты компартии будут «с пристальным вниманием» следить за поездкой Ельцина в Екатеринбург, намеченной на 14 июня. Что-то тут, дескать, нечисто. Если президент возьмет в Москве открепительный талон и останется голосовать на Урале, стало быть, дело ясное: сбежал из столицы, предвидя свой проигрыш и беспорядки, которые будут спровоцированы после этого на московских улицах его сторонниками. К тому же оппозиция, мол, располагает сведениями, что Служба безопасности президента готовит для Ельцина в Екатеринбурге секретный «объект № 1» — подземный бункер, в который намечалось эвакуировать правительство России в августе 1991 года, если бы гэкачепистам удалось одержать победу в Москве.

В такой вот обстановке взаимных подозрений, угроз и обвинений, которыми осыпали друг друга команды двух главных соперников, страна подошла к первому туру выборов.

ПЕРВЫЙ ТУР ВЫБОРОВ. НЕ СЛИШКОМ НАДЕЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ЕЛЬЦИНА

Президент – впереди

Как мы видели, по последнему перед выборами опросу ВЦИОМа, за Ельцина 16 июня собирались проголосовать 36 процентов опрошенных, за Зюганова – 24. Разрыв довольно внушительный. В самом ельцинском штабе в него не очень верили. По словам Георгия Сатарова, исходили из более скромного прогноза: действующий президент в первом туре получит 35 процентов, вождь коммунистов – 30.

В действительности разница в голосах с самого начала наметилась еще меньшая. По данным Центризбиркома, на половину первого ночи 17 июня у Ельцина было 34,4, у Зюганова – 31,38 процента.

Этот наметившийся с самого начала разрыв – примерно в три процента – сохранялся и в дальнейшем, то несколько сокращаясь, то вновь увеличиваясь. Три часа утра: Ельцин – 34,35, Зюганов – 31,97. Пять утра: Ельцин – 34,69, Зюганов – 31,92. Семь утра: Ельцин – 34,27, Зюганов – 32,45. Восемь утра: Ельцин – 34,3, Зюганов – 32,5. Десять утра: Ельцин – 35,02, Зюганов – 31,53. Двенадцать дня: Ельцин – 34,8, Зюганов – 32,31. Шесть вечера (представлены данные по 88 субъектам Федерации из 89): Ельцин – 34,82, Зюганов – 32,13.

На 11 утра 18 июня разрыв между двумя главными конкурентами снова несколько увеличился: Ельцин – 35 процентов, Зюганов – 31,96.

Вечером Центризбирком опубликовал предварительные результаты первого тура: Ельцин – 35,06 процента голосов, Зюганов – 31,96.

Окончательные итоги были объявлены 20 июня. У Ельцина – 35,28 процента, у Зюганова – 32,03. В общем-то разница пустяковая. Почти полное равенство. Но все-таки... Ельцин впереди. Для его сторонников это важно.

Три следующих места распределились так: Лебедь – 14,52

(довольно неожиданно для многих), Явлинский – 7,34, Жириновский – 5,7. Из прочих кандидатов – Святослав Федоров, Горбачев, Шаккум, Власов, Брынцалов – ни один не набрал более процента.

Всего в выборах приняли участие 69,81 процента избирателей, внесенных в списки. Процент довольно высокий. Особенно это важно для сторонников действующего президента: считается, что именно высокая явка может обеспечить ему победу: такая явка достигается за счет молодежи, а она в основном за действующего президента.

Были ли они честными?

Были ли выборы честными? Это центральный вопрос. Сегодня, спустя годы, людям старательно вдалбливается, что итоги голосования были фальсифицированы в пользу Ельцина: дескать, при таком низком, почти нулевом, рейтинге, да к тому же будучи разбитым болезнью, он никак не мог победить. Те, кто это утверждает, надеются, что никто уже не помнит: низкий, околонулевой рейтинг у Ельцина был лишь в начале избирательной кампании, в дальнейшем он мало-помалу поднимался и уже к первому туру догнал и превзошел рейтинг Зюганова...

Конечно, нарушения в первом туре были. Без них не обходятся ни одни выборы. Но были они с обеих сторон. Во всяком случае каждая из противоборствующих команд обвиняла в них другую.

Уже днем 16 июня заместитель думской фракции проправительственного «Нашего дома – России» Владимир Рыжков заявил на брифинге: хотя в основном выборы идут нормально и говорить о массовых фальсификациях нет никаких оснований, тем не менее нарушений довольно много, причем по большей части – со стороны приверженцев КПРФ. Самые типичные: в день выборов ведется открытая агитация за Зюганова; многие избиркомы – об этом мы уже слышали – состоят в основном из коммунистов (по некоторым данным, они и их единомышленники контролируют 60 процентов избирательных участков), даже зюгановские избирательные штабы подчас располагаются в кабинетах членов избирательных комиссий; наблюдатели от КПРФ нередко заполняют бюллетени от имени тех, кто не пришел на выборы, в то время как наблюдатели от Бориса Ельцина на избирательные участки просто не допускаются; на некоторых участках

обнаружены изготовленные на ксероксе и заверенные печатями и подписями членов избиркома бюллетени с проставленной галочкой «за Зюганова»...

Со своей стороны, и коммунисты не скупились на обвинения. Один из лидеров КПРФ, председатель думского Комитета по безопасности Виктор Илюхин заявил в интервью «Эху Москвы»: дескать, из регионов поступают сведения о «попытках» фальсификации в пользу Ельцина; так, в Ростовской области на некоторых избирательных участках «пытались» бросать в урны целые пачки бюллетеней «за Ельцина», а бюллетени, поданные за других кандидатов, напротив, изымались.

Впрочем, главное, о чем, по мнению Илюхина, надо говорить, — еще до голосования претенденты на президентский пост были поставлены в неравные условия: «60 процентов телевизионного времени, 60 процентов на радио были отданы в пользу Ельцина... Вся исполнительная вертикаль власти, по сути, была включена в избирательную кампанию. Многие штабы по переизбранию Ельцина возглавлялись главами администраций краев, областей, руководителями республик. На места спускались директивы и указания, как голосовать, как вести агитационную кампанию. Шло откровенное злоупотребление служебным положением в интересах именно Ельцина».

И еще. Как сказал Илюхин, «надо ставить перед Центризбиркомом вопрос о сокращении числа голосов, поданных за Ельцина, так как в Вооруженные Силы РФ и МВД шли не прямые указания и распоряжения голосовать именно за Ельцина».

В общем-то это было похоже на правду. Так называемым административным ресурсом ельцинская сторона пользовалась на полную катушку. Хотя в «красном поясе» то же самое делали и коммунисты (а «пояс» этот простирался ни много ни мало едва ли не на полстраны; забегая вперед, скажу, что Зюганов одержал победу в 42 регионах страны из 88 — Чечню в расчет брать не будем). Что касается армии, МВД, других силовых структур, им никаких особенных директив от Зюганова и не требовалось: коммунистических приверженцев в них всегда было предостаточно.

Илюхину, на том же радио, ответил Константин Боровой. По его словам, «данные, которые начали поступать из регионов, где победу одержал Геннадий Зюганов (таковых, еще раз скажу, в конечном счете оказалось 42 из 88. — О.М.), позволяют предположить, что там имела место массовая фальсификация»: прямо перед выборами из избирательных комиссий были удалены многие люди с «нормальны-

ми» политическими взглядами или аполитичные, и во многие комиссии введены сторонники коммунистов; в результате эти комиссии «дают очень высокий процент голосов, поданный за Зюганова, — до 80 процентов»; такой аномально высокий процент явно свидетельствует о фальсификации.

Любопытное свидетельство того, как в некоторых местах удавалось предотвращать фальсификацию, планируемую коммунистами, приводят бывшие помощники президента в книге «Эпоха Ельцина»:

«Еще до первого тура группа аналитиков во главе с Л.Смирнягиным вычислила, в каких районах можно ожидать наибольшее число нарушений в пользу КПРФ. Оказалось, что это, в первую очередь, сельская местность так называемого «красного пояса». Чтобы не дать противнику воспользоваться привычными приемами «заполучения» там голосов, была задумана и реализована операция «Молодежный десант». В ночь перед первым туром из центра Москвы отправилась колонна автобусов со студентами московских вузов в качестве общественных наблюдателей... Маршруты молодежных бригад пролегли по глухим дорогам центральных областей, где в сельских участках привыкли набивать урны лишними бюллетенями, объяснять старушкам, где надо ставить галочки, и делать многое другое, что позволяло затем гордо отчитываться перед вышестоящей партийной организацией. Подобные колонны выезжали и из некоторых областных центров. Акция оказалась успешной, и во время второго тура ее размах был удвоен».

Всего за время предвыборной кампании в Генпрокуратуру поступило свыше 130 сигналов о различных нарушениях (не все из них, конечно, подтвердились). Непосредственно 16 июня специально созданная Генпрокуратурой рабочая группа зафиксировала 20 нарушений. При этом, однако, прокурорские работники уверяли, что массовой фальсификации не было.

Тем не менее по трем грубым нарушениям (одно в Ростовской области, два — в Москве) были заведены уголовные дела.

Коммунисты оспорили в Верховном суде результаты первого тура выборов в Татарии. По их утверждению, в пяти районах Казани их наблюдатели обнаружили несоответствия в протоколах избиркомов, так что Ельцину будто бы приписали более 45 тысяч лишних голосов, а у Зюганова отняли более девяти тысяч (потери понесли также Лебедь, Явлинский, Жириновский). Представители КПРФ потребовали внести изменения в официальные результаты первого тура.

Никаких последствий этот иск не имел. Впрочем, если бы даже суд удовлетворил его, это лишь в малой степени повлияло бы на общий исход голосования.

Один из признаков того, что серьезных фальсификаций в первом туре не было, — обнаружившаяся после голосования достаточная точность предшествовавших ему прогнозов. Близкими к итоговым результатам первого тура оказались многие из них. Наиболее точным было признано предсказание Центра стратегического анализа и прогноза Дмитрия Ольшанского: он прогнозировал, что Ельцин получит 36 процентов голосов, Зюганов — 33. Напомню: в реальности у первого оказалось 35,28, у второго — 32,03. Как видим, по крайней мере, разница между голосами соперников угадана почти идеально — те самые три процента. Как в аптеке. Если результаты подтасовываются, такого не бывает.

Наблюдатели одобряют

Что касается многочисленных международных наблюдателей, они были единодушны: выборы прошли нормально, с соблюдением законов и демократических норм. Именно так, в частности, оценили их наблюдатели от Парламентской ассамблеи ОБСЕ, Европарламента и Совета Европы: по их словам, они не обнаружили «никаких серьезных нарушений и фальсификаций», а те, которые были отмечены, — малозначительны и не влияют на окончательные итоги голосования. Руководитель делегации наблюдателей от Европарламента Констанция Крель сказала, что накануне выборов ей и ее коллегам удалось встретиться и побеседовать «практически со всеми» кандидатами в президенты и при каждой встрече их «настойчиво убеждали об опасности фальсификации итогов голосования». Однако в действительности никаких признаков этого они не заметили. Констанция Крель считает прошедшие выборы «хорошо подготовленными, без манипуляций и фальсификаций». Такого же мнения глава делегации Парламентской ассамблеи ОБСЕ Андраш Баршонь: выборы «в целом были проведены справедливо и честно», «в полном соответствии с российской Конституцией и демократическими нормами». По словам Баршоня, наблюдатели ОБСЕ «не усмотрели каких-либо серьезных нарушений в ходе голосования». Американский сенатор Джон Маккейн, возглавлявший миссию наблюдателей от Междуна-

родного республиканского института (американской частной некоммерческой организации), подтвердил, что выборы президента России проводились «в основном открыто и честно» и «не были омрачены какими-либо значительными отклонениями от установленных процедур». Большое впечатление на Маккейна произвели «высокий уровень вовлеченности граждан в процесс контроля за выборами» и «присутствие наблюдателей от различных политических партий».

Пожалуй, самым категоричным было мнение, высказанное кем-то из иностранных наблюдателей на пресс-конференции в посольстве Израиля: «На состоявшихся выборах не было ни малейшей возможности совершить подтасовку итогов». И еще: «Уже то, как распределились голоса между кандидатами на пост президента, однозначно свидетельствует о честности и беспристрастности выборов в России». За последние полтора десятка лет на территории бывшего Советского Союза проходило множество выборов. И редко когда мнение международных наблюдателей об этих выборах было таким единодушно одобрительным. Мы ведь знаем: если что не так, эти наблюдатели не стесняются резать правду-матку в глаза. Что касается выборов российских, я такого единодушия, откровенно говоря, вообще не помню.

Правда, от внимания наблюдателей не ускользнуло «несбалансированное освещение» в печати и на телевидении процесса подготовки к выборам, преимущественное внимание, которое СМИ уделяли президенту, но это был, пожалуй, единственный серьезный упрек.

Ельцин недоволен

Президентская команда, естественно, могла быть довольна итогами первого тура. Все понимали: при тех обстоятельствах, которые сложились к моменту выборов, на большее рассчитывать было трудно. Однако сам Ельцин демонстрировал недовольство. Он и раньше, к удивлению окружающих, невзирая на все рейтинги, безапелляционно утверждал, что выиграет выборы уже в первом туре, а теперь, соответственно, сокрушался — он, дескать, не удовлетворен его итогами: блиц-крига не получилось. Об этом он начал говорить уже утром 17-го на совещании с членами аналитической группы своего избирательного штаба. Тем, кто оценивал ситуацию более трезво, оставалось лишь пожимать плечами.

В этот же день, не дожидаясь окончательных результатов голосования, президент выступил с телеобращением по итогам первого тура. Он призвал сторонников Лебеда, Явлинского и Святослава Федорова объединиться с его, Ельцина, избирателями. По словам президента, после первого тура «выбор предельно ясен»: «либо назад – к революциям и потрясениям, либо вперед – к стабильности и благополучию».

В штабе Ельцина были уверены: при явке порядка 70 процентов у Зюганова во втором туре нет шансов на победу. И напротив, по расчетам Вячеслава Никонова, при явке ниже 60 процентов возникает вполне осязаемая вероятность победы коммунистов.

Между тем, мы видели, как раз та самая достаточно высокая явка, почти такая – 69,81 процента – уже была достигнута в первом туре, но при этом победа Ельцина оказалась не так что бы уж слишком убедительной. Ко второму туру требовалось приготовить что-то еще, помимо семидесятипроцентной явки...

Что касается коммунистов, их отношения к результатам первого тура, – они тоже, как и окружение Ельцина (исключая его самого), вроде бы были довольны, не особенно шумели по поводу «сфальсифицированных» выборов. Их протесты против «подтасовок» носили в основном ритуальный характер, обычный для поведения проигравшей стороны. Уже 17 июня в конце дня, выступая на пресс-конференции в московской мэрии, Зюганов «выразил удовлетворение» итогами выборов (в тот момент – предварительными, но в дальнейшем они мало изменились). В целом, сказал он, выборы прошли «нормально», хотя «есть некоторые факты, свидетельствующие о попытках фальсификации на некоторых избирательных участках». Народно-патриотический блок, по словам Зюганова, получил в первом туре «солидную» поддержку (словечко «солидный» – вообще одно из любимых зюгановских словечек; он и сам во всех своих действиях всегда старается выглядеть жутко солидным, в отличие от какого-нибудь суетливо-крикливого Анпилова). По оценке коммунистического лидера, «красный пояс» «расширился и укрепился», коммунисты имеют неплохие перспективы во втором туре, так что в ближайшие дни он, Зюганов, уже собирается обсудить с соратниками «персональный состав» будущего «правительства народного доверия». Оратор сообщил, что намерен также встретиться со всеми кандидатами в президенты, «набравшими более одного процента голосов избирателей».

В специальном обращении – оно было распространено среди журналистов – Зюганов официально призвал Александра Лебеда и Святослава Федорова «объединить свои усилия с блоком народно-па-

триотических сил перед вторым туром президентских выборов». «Мы должны понять и простить друг друга, вступить в диалог», – говорилось в обращении.

Понять и простить... Этакая трогательная христианская формула. При этом Явлинский и Жириновский, набравшие больше одного процента, почему-то остались за пределами зюгановского внимания. Зато этого внимания удостоился Святослав Федоров, не преодолевший, как известно, однопроцентного барьера.

По-настоящему же Зюганова интересовал, конечно, лишь генерал Лебедь. Переметнись он к коммунистам, шансы их лидера на президентство сразу сделались бы более чем реальными. Так и представляешь генерала-десантника, которого в разные стороны, каждый к себе, тянут два главных претендента на президентский трон.

...Перелом в настроении Зюганова и в его оценке первого тура произошел 20 июня – в связи с событиями, о которых речь впереди.

Выборы в Чечне

В Чечне 16 июня состоялись не только выборы президента, но и местного парламента. Впрочем, слово «состоялись» следует сопроводить большим жирным знаком вопроса.

По официальным данным, представленным республиканской избирательной комиссией, в парламентских выборах приняло участие 58 процентов избирателей, в президентских – 60. Все вроде бы чинно и благородно. Однако российские и зарубежные журналисты, находившиеся 16 июня в Чечне (тогда еще туда журналистов пускали), дружно свидетельствовали: население фактически бойкотировало выборы. Об этом, в частности, рассказали корреспонденты «Московских новостей» и телепрограммы «Взгляд», посетившие Самашки, Серноводск, Чери-Юрт, Курчалой, Бачи-Юрт, Ачхой-Мартан, Новогрозненский...

Это же подтвердило и руководство чеченской оппозиции. В заявлении, которое оно распространило 18 июня, говорилось, что «население полностью проигнорировало фарс с выборами 16 июня».

Весьма резко отозвался о выборах Постоянный совет Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, заявив, что они не были «свободными и справедливыми» и «не соответствовали принципам ОБСЕ».

В общем-то выборный спектакль, устроенный промосковским правительством Доку Завгаева, был вопиющим отступлением от линии мирных переговоров, которой, как мы знаем, в предвыборные недели вроде бы стал придерживаться Ельцин. На это в заявлении Постоянного совета ОБСЕ обращалось особое внимание: выборы «противоречат духу протокола по прекращению огня и урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики, подписанного 10 июня в Назрани (Ингушетия)» (переговоры в Назрани, как мы знаем, были продолжением московских переговоров между Ельциным и Яндарбиевым). Напоминалось, что, согласно упомянутому протоколу, стороны договорились «о необходимости провести местные выборы после вывода федеральных войск и демилитаризации Чеченской Республики»...

В общем, всякого, кто пытался вникнуть в смысл происходящего, начинало одолевать сомнение: действительно ли Ельцин всерьез желает добиться мира в Чечне, не представляют ли собой все его разговоры о нем обычный предвыборный трюк?

Коммунисты, назад!

(Из написанного в те дни. 18 июня 1996 года)

Собственно говоря, для чего нужны президентские выборы? Вроде бы ясно – чтобы оценить действующего главу государства и, если он не слишком хорош, заменить его другим.

У нас, однако, не так. При общем правильном векторе движения страны Ельцин наделал такую кучу чудовищных ошибок, что необходимость его замены как будто должна была быть ясна каждому. А вот насчет целесообразности президентской рокировки – дело сложнее.

Какие ошибки имеются в виду? Они известны. Прежде всего, конечно, позорная война в Чечне, апофеозом которой стал настоящий геноцид, развязанный российскими войсками против чеченцев. Причем, как ни дико звучит, он продолжался и в ходе «мирного урегулирования» по ельцинскому плану.

Говорят, не все осуждают эту бойню. Так что продолжение ее вроде бы не очень вредит Ельцину в глазах избирателей. Между тем опрос ВЦИОМа, проведенный в середине марта, дал такие цифры: соотношение тех, кто стоит за немедленный вывод войск, и полагающих, что с этим можно не торопиться, – 51 : 31. Стало быть, если бы

выборы проводились именно в эту пору и если бы при голосовании учитывался только чеченский фактор – не видать бы Ельцину повторного президентства.

Еще один провал – чуть ли не повсеместная задержка зарплаты. Недавно помощник президента Александр Лившиц с чувством глубокого облегчения сообщил, что бюджетные деньги на погашение этих долгов переведены во все российские регионы. Но, во-первых, как можно было допустить такой всесветный конфуз? Куда, спрашивается, смотрел президент в течение долгих месяцев, когда творилось это безобразие? Во-вторых, действительно ли все долги отданы? Известный экономист Андрей Илларионов считает, что на самом деле они не только не сократились, но даже возросли, и вообще трудно себе представить, что в ближайшее время эта проблема будет полностью решена. «Обещание президента было большой ошибкой, – полагает Илларионов. – Такое обещание нельзя было давать ни при каких условиях».

Короче, одна ошибка наезжает на другую. Это характерно для Ельцина.

Немало и других провалов. Их можно долго перечислять. Совершенно обнаглела преступность... Дело дошло до того, что киллеры спокойно стреляют по окнам председателя Центробанка, живущего в центре Москвы. В охраняемом доме. Что же тогда говорить о рядовых российских гражданах? Им-то с какой стороны ждать защиты? Столь же обнаглело чиновничество... Обнаглело, разбухло, погрязло в воровстве и взятках. Стало настоящим проклятием для простого человека. Образовался режущий глаза своим неумеренным богатством, купающийся в роскоши слой нуворишей, отвратительно контрастирующий с нищетой большинства россиян... Ведь не это же роскошество кучки обитателей бывшего Совка (многие из которых – тривиальные уголовники) было истинной первоначальной целью экономических реформ...

Сколько бы, однако, мы ни перечисляли ошибки и просчеты Ельцина, ЭТО НЕ ДАЕТ НАМ ПРАВА ГОЛОСОВАТЬ ПРОТИВ НЕГО. Причина простая, известная: альтернативу ему составляют коммунисты, чей прорыв к власти будет означать для России, без всяких оговорок, национальную катастрофу.

Короче говоря, несмотря на формально провозглашенные свободные выборы, НИКАКОГО ВЫБОРА У НАС НЕТ. И как всегда – по крайней мере, начиная с 1917 года, – виной тому наследники Маркса и Ленина. Если прежде они препятствовали свободному

волеизъявлению людей, следуя своим природным диктаторским замашкам, то теперь такое препятствие представляет само наличие в избирательном бюллетене их кандидата – любимого вождя и уважаемого руководителя, уроженца деревни Мырино Орловской губернии товарища Зюганова.

Позвольте, мне возразят, но разве представленная избирателю теперь вот во втором туре комбинация «Ельцин – Зюганов» – это не доказательство, что свободные выборы все-таки имеют место? Нет, разумеется. Избиратель поставлен перед **ВЫНУЖДЕННЫМ** выбором между долгой болезнью, исход которой не ясен, и гарантированной немедленной кончиной. **НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ СВОБОДНЫМИ ВЫБОРЫ ПЕРЕД УГРОЗОЙ НЕИЗБЕЖНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ.**

Да, но такова была, скажут, воля избирателей – чтобы на финише схлестнулись два упомянутых кандидата, две непримиримые силы. Насчет воли избирателей можно говорить очень долго. Ясно ведь, что страна поражена тяжелым недугом. Недуг этот социально-психиатрического свойства. Происхождение его скрывается в темных годах массового террора, осуществлявшегося теми же коммунистами, которые наладили в свое время **ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР**, поставили на поток физическую выбраковку лучших представителей народа...

«Ельцин – Зюганов» – это не альтернатива для нормальных выборов. Таковой можно было бы считать, допустим, пару Ельцин – Явлинский. Или Ельцин – Святослав Федоров. Или, наконец, Ельцин – Горбачев... Но таких пар не появилось. И не могло появиться.

Коммунисты не только мешают россиянам сделать нормальный выбор – они не дают зарубежным политикам оказать в необходимых случаях давление на Ельцина. Недавно, например, стало известно, что американцы, оказывается, регулярно делают российской стороне представления по поводу ее неправомερных действий в Чечне. Однако делают их конфиденциально, втихомолку. Опять-таки – чтобы не навредить Ельцину в его противоборстве с красными. Ясно, что эффект от таких негласных представлений практически нулевой.

Понятное дело: не давая нам возможности голосовать против Ельцина, не позволяя международному общественному мнению оказывать ему противодействие в его ошибочных и неправомερных решениях, коммунисты полностью разделяют с ним ответственность за все его просчеты и провалы.

Известен стих Межирова, в свое время принесший ему славу:

«И тогда еле слышно сказал комиссар: «Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!» Сегодня хочется крикнуть другое: «Коммунисты, назад!» Назад – не в смысле назад, в прошлое. Туда они и без моих призывов тянут что есть мочи. «Назад!» – в смысле «Ну-ка, осадите маленько!»

Если бы Зюганов был умным и ответственным политиком, он без труда понял бы, что пришествие его к власти принесет России неисчислимые беды. Независимо от того, каковы его собственные субъективные мечты и желания. Та сила, которая его поднимает, толкает на президентский трон, – страшная, разрушительная сила. Она не оставит от России камня на камне. От России и от прилегающих стран. А может быть, и от отдаленных, учитывая, что у этой силы в руках окажется ядерное оружие.

Не надо мне возражать, что, мол, коммунисты уже владели им в прошлые времена и ничего такого не случилось: то были коммунисты, ОБЛАДАВШИЕ ВЛАСТЬЮ, эти же – РВУЩИЕСЯ к ней, то есть заряженные несравненно большим потенциалом агрессии. Да к тому же это вообще не столько коммунисты, сколько люди несколько иной окраски. Егор Гайдар уже предупреждал нас: впервые ядерное оружие может оказаться в руках национал-социалистов (перед одной только мыслью об этом в конце Второй мировой войны, мы помним, трепетал весь мир).

Зюганов мог бы понять, что, сделавшись президентом, он не справится ни с одной из проблем, которые стоят перед страной сегодня и тяжесть которых удесятерится в случае его, Зюганова, победы. Они просто погребут его под собой подобно снежной лавине.

Он мог бы понять, наконец, что президентство не обещает ничего хорошего и ему лично. Достаточно вспомнить судьбу тех, кто стоял во главе октябрьского переворота 1917 года. Многие ли из них дожили до преклонных лет? Утверждение у власти нынешнего поколения большевиков, без сомнения, будет происходить примерно по той же схеме, что и в ленинско-сталинские времена: интриги, заговоры, тайные и открытые убийства соперников... Станет ли именно Зюганов новым Кобой или на эту роль логика подковерных драк вытолкнет кого-то другого, более хитрого и беспощадного? Да и в случае, если новым диктатором сделается все-таки сам бывший мымринский абориген, много ли ему от этого будет корысти, если взглянуть на дело в широком историческом плане? Кто сейчас Сталин в сознании миллионов нормальных людей?

Прикидывая в уме все эти безрадостные для Зюганова перспек-

тивы, можно сделать однозначный вывод: наилучшим для него сейчас было бы ОТКАЗАТЬСЯ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ В ПРЕЗИДЕНТЫ, снять свою кандидатуру. Это был бы поистине достойный, мужской поступок. Поступок, который поставил бы его в один ряд с лучшими людьми российской истории.

Но, разумеется, этого не произойдет. На такие поступки способны только личности совершенно иного масштаба, нежели наш доктор марксистско-ленинских наук. Достаточно посмотреть, какое безмерное счастье разливается по его лоснящейся физиономии, когда восторженные массы приветствуют его где-нибудь на митинге или на торжественном заседании. Нет, можно точно сказать: не существует на свете таких мотивов, которые подвигли бы его добровольно отказаться от этих приветствий, аплодисментов и от, кажется, плывущей ему прямо в руки, уже такой близкой почти неограниченной власти.

Да и не дадут ему стать вероотступником. В случае чего и шлепнуть могут. За этим у них дело не станет.

Итак, альтернатива – Ельцин или Зюганов? Эта альтернатива, повторяю, не для свободных мирных выборов. Она – для жесткого бескомпромиссного противостояния в духе ельцинско-хасбулатовской схватки 1993 года. И тогда, и сейчас идет борьба не на жизнь, а на смерть. Тогда она имела форму противоборства законодательной и исполнительной власти, вылившегося в конце концов в уличные кровавые столкновения, сейчас – форму президентских выборов. Никто сегодня не даст гарантии, что финал этого раунда не станет таким же, как в памятном октябре два с половиной года назад.

Вообще, что за мысль – наваливать такой тяжелый груз на процедуру голосования, решать с ее помощью, идти ли России вперед, в направлении рынка и демократии, или поворачивать оглобли назад, в светлое брежневско-черненко-ское прошлое? Допустим, Зюганов получит на треть процента больше... Ну и что? Может быть, просто кто-то в подсчетах чуть-чуть ошибся? К тому же специалисты уверяют, что и на прошлых, и на позапрошлых думских выборах имела место широкомасштабная фальсификация в пользу коммунистов и жириновцев, достигавшая и десяти, и двадцати процентов. Где гарантия, что то же самое не случится и на этот раз? Если какому-нибудь наперсточнику снова удастся охмурить г-на Рябова (а он, мы знаем, не очень-то и склонен разбираться с этими фокусниками), стало быть, разворачивать вспять огромную, только начинающую набирать скорость страну? Нет, это вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали.

Не надо быть Штирлицем, чтобы заметить в действиях и той, и другой стороны признаки подготовки к событиям несравненно более серьезным, нежели простое опускание бумаги в повсеместно расставленные ящики. Одна из очевидных примет – путь провокаций, выбранный коммунистической оппозицией. В числе первых, разумеется, денонация Беловежских соглашений. Множество крупнейших мыслителей в последние недели так и сяк судили и рядили, кто выиграл, а кто проиграл от этого футбольного финта. Но ни один не обратил внимания, как бы это сказать, на медицинско-физиологическую сторону дела. Абсолютно уверен: в числе главных задач авторов этой затеи было – вывести Ельцина из себя. И они-таки этого добились: мы видели президента в состоянии аффекта. Выброс адреналина в кровь – не самое лучшее, что можно пожелать человеку, страдающему ишемической болезнью и перенесшему, как говорят, уже несколько инфарктов. Расшатать здоровье Ельцина, вызвать очередной сердечный приступ – без сомнения, вот к чему, среди прочего, стремятся его сегодняшние политические противники. При всей примитивности такого пути он может оказаться наиболее эффективным.

В оставшееся до второго тура время можно нанести еще немало таких ударов. Под дых, по почкам, по печени... Как, вы готовы к ним, Борис Николаевич?

Кстати, элементарная логика подсказывает (и об этом уже говорилось): Ельцину тут нужен был бы дублер, параллельный кандидат в президенты. Так, на всякий случай. Для страховки. Но элементарная логика – это не для нас.

Ельцин отвечает коммунистам не менее жестко. Как известно, в ответ на думское решение по Беловежью в здание Думы был введен ОМОН. Якобы для поиска заложенной там мины. На самом же деле, полагаю, – чтобы напомнить депутатам о не столь уж отдаленных временах октября 1993-го...

Как всегда в такие поры, президент особо привечает армию, внутренние войска, ФСБ. Посещает воинские части, раздает награды, очередные звания... Его противники, однако, не отстают от него. Давняя ельцинская ненавистница дальневосточная железная леди Горячева проговорила недавно, что думцы ведут переговоры с силовыми структурами на случай возможного осложнения политической ситуации при поражении Ельцина на выборах. Вице-спикерша уверена, что добровольно, без сопротивления, Ельцин не отдаст власть своему преемнику, то бишь Зюганову. По мнению приморского прокурора, эти самые структуры должны быть безоговорочно

переподчинены мымринскому уроженцу уже на следующий день после оглашения итогов голосования (победного, как она полагает, для Зюганова).

Каково: вести переговоры с Минобороны, МВД, госбезопасностью за спиной у действующего президента, которому эти ведомства напрямую подчинены! Это ли не очередной крюк слева? И сильно ли это отличается от осени 1993-го?

Многим, конечно, ясен главный дефект идущих ныне выборов – отсутствие выбора. В принципе мы должны снять шляпу перед людьми, пытавшимися составить так называемую третью силу. Они предпринимали отчаянные попытки добиться, чтобы народное волеизъявление оказалось действительно свободным, чтобы дело не ограничивалось выбором между Ельциным и Зюгановым. Чтобы он, этот выбор, не был вынужденным.

Ясно, однако: третий, четвертый, пятый претенденты на президентское кресло должны быть реальными, хотя бы теоретически проходными. А вот с этим у третьей силы было как раз плоховато. Если сложить рейтинги Лебеда, Явлинского, Святослава Федорова, вроде бы получалось и ничего – что-то около 26 процентов. Но стали бы в случае чего сторонники высокоученого автора программы «500 дней», например, голосовать за braveго приднестровского генерала, с которого незабвенный Александр Сергеевич Грибоедов вполне мог бы списать своего полковника Скалозуба? Думаю, если и стали бы, то немногие. Точно так же, как поклонники Лебеда вряд ли в большом числе поддержали бы Явлинского. Так что арифметика тут мало что дает, сложение рейтингов вряд ли могло бы случиться.

Теперь, после первого тура, нам, думаю, стоит не только шляпу снять перед этими деятелями, но и в ножки им повалиться – чтобы они не упустили момент, когда следует стряхнуть с себя груз огорчений и обид и призвать своих избирателей голосовать за Ельцина. Иначе всем нам будет худо.

О настоящих свободных выборах в России можно будет говорить разве что лет через 10 – 15. Когда всяческие экстремисты, в первую очередь красного цвета, будут вытеснены на дальнюю периферию политического спектра, где их постоянным уделом станут несколько процентов общего числа голосов, как во всех приличных странах.

Что касается следующего – через пять лет – выборного цикла, в нем, пожалуй, опять повторится нынешнее бесхитростное силовое противостояние: партия коммунистов – против партии власти, хотя победа ельцинским наследникам, наверное, достанется уже меньшей ценой (это, конечно, при условии, что сейчас, во втором туре, Ельци-

ну удастся одолеть Зюганова). Перемены в социальной структуре общества и естественное поредение боевых шеренг пламенных революционеров, надо полагать, сделают свое дело.

По-настоящему свободные выборы мы получим лишь тогда, когда в обществе сложатся и окрепнут новые силы, новые слои, прежде всего средний класс. Что-то давно о нем и разговоры примолкли, а надо бы про этот класс не только говорить – надо бы его целенаправленно формировать. Он бы и мог стать реальной опорой и для третьей, и для четвертой, и для какой угодно силы.

* * *

Итак, мой тогдашний прогноз был таков:

«О настоящих свободных выборах в России можно будет говорить разве что лет через 10–15. Когда всяческие экстремисты, в первую очередь красного цвета, будут вытеснены на дальнюю периферию политического спектра, где их постоянным уделом станут несколько процентов общего числа голосов, как во всех приличных странах.

Что касается следующего – через пять лет – выборного цикла, в нем, пожалуй, опять повторится нынешнее бесхитростное силовое противостояние: партия коммунистов – против партии власти, хотя победа ельцинским наследникам, наверное, достанется уже меньшей ценой (это, конечно, при условии, что сейчас, во втором туре, Ельцину удастся одолеть Зюганова). Перемены в социальной структуре общества и естественное поредение боевых шеренг пламенных революционеров, надо полагать, сделают свое дело».

Этот прогноз сбылся лишь наполовину. В 2000-м Зюганов и К^О действительно не составили серьезной конкуренции ельцинским наследникам. Напряжения и драматизма, присущего 1996 году, в следующем выборном президентском цикле уже не было. Однако не пришли мы после этого и к свободным выборам. Напротив, отдалились от них. Помехой тут стали уже не обессилевшие красные, а как раз ельцинские наследники, которыми оказались совсем не те люди, которых ожидали многие, помнившие о Ельцине конца 80-х – начала 90-х годов. К власти пришли отнюдь не демократы, а кондовая, в значительной степени гзбэшная, бюрократия, от которой и ожидать-то чего-либо наподобие свободных выборов было верхом наивности.

Вот так обстоит дело с прогнозами.

ГЕНЕРАЛ ИДЕТ НА ПОМОЩЬ ПРЕЗИДЕНТУ

Лебедь обещает «сделать всем хорошо»

Как мы видели, на третье место в первом туре, набрав 14 с половиной процентов голосов, вышел генерал Лебедь. С одной стороны, вышел довольно неожиданно: такого высокого общероссийского рейтинга у него никогда не было. С другой – возможность подобного генеральского рывка многие интуитивно ожидали: было в десаннике нечто притягательное – недаром же в декабре на думских выборах он с блеском победил в тульском одномандатном округе, набрав около 43 процентов голосов и опередив десяток соперников, в том числе местного мэра (это при том, что Конгресс русских общин – а Лебедь шел в Думу еще и по общефедеральному списку этой организации – не преодолел пятипроцентного барьера). Популярность генерала росла. Потому и тянули его к себе на разрыв разнообразные политические силы.

Вряд ли, однако, Лебедь самостоятельно получил бы столь высокий процент. С определенного момента – по-видимому, с того самого, когда генерал согласился в той или иной форме союзничать с президентом (а соответствующие переговоры с Явлинским, напротив, провалились), – Кремль стал оказывать Лебедю мощную финансовую, информационную, административную поддержку. Собственно говоря, бывшие помощники президента в книге «Эпоха Ельцина» прямо об этом пишут:

«Тогда (после провала переговоров с Явлинским. – О.М.) основное внимание было переключено на Лебедея... Здесь все выглядело гораздо проще. И сразу после согласия генерала ему на подмогу были брошены серьезные организационные и информационные ресурсы. Это не замедлило сказаться на росте рейтинга генерала и позволило Лебедю занять третье место в первом туре с результатом, на который он вряд ли рассчитывал».

Кандидатом в президенты Лебеда выдвинул тот самый Конгресс русских общин. Произошло это 11 января. В интервью «Интерфак-

су», которое генерал дал по этому поводу 15-го числа, он изложил наметки своей президентской программы.

Главным в этой программе было – «навести порядок». Порядок, порядок и порядок! В той обстановке разброда и безвластия это подкупало многих. Порядок, естественно, предполагалось навести при помощи государства: «В драматические периоды нашей истории государство объединяло силы общества для выхода из кризиса». Но как это сделать, если государство разъедено коррупцией, в основном, по словам самого Лебедева, «обслуживает интересы чиновничества» и вообще находится «на грани краха»? Генерал уверен, что ему удастся найти некий «ясный и вразумительный способ востребования ответственности за последствия каждого шага» «на всех этапах строительства новой экономики». Чиновника, берущего взятки, он предлагает считать «государственным преступником», «ибо именно он расшатывает основы общества».

Больше всего к порядку «приучены» люди в погонах, поэтому им, как считает Лебедь, должна быть отведена особая роль в управлении страной: «Сейчас надо спасать Родину, а это священная обязанность военных».

При этом, однако, из вполне понятных соображений генерал обкладывает пуфиками неизменно связываемый с его именем тезис о необходимости «жесткой руки»: «Жесткая рука» сегодня нужна России. Но это, в моем понимании, не означает руку зубодробительную. Это умная, властная, распорядительная рука, где-то даже добрая».

В дальнейшем ему еще не раз придется обращаться к этой теме, разъяснять, как он относится к Пиночету и другим подобным персонажам.

В то, что генерал сумеет ужесточить борьбу с преступностью, взяточничеством – по крайней мере, попытается это сделать, – верилось довольно легко. Хуже обстояло дело с лебедевскими уверениями, будто он способен построить какую-то «новую экономику». Экономические воззрения генерала представляли собой *tabula rasa*, чистый лист, на котором писали Сергей Глазьев и другие подобные деятели.

Лебедь – разумеется, с подачи Глазьева – сразу же заявил, что он «резко отрицательно» относится к «жесткой финансовой политике» правительства Черномырдина: дескать, именно из-за этой политики, которая «пошла еще от Бориса Федорова» (на самом деле, как всем хорошо известно, она составляла основу гайдаровских реформ), людям по несколько месяцев не платят зарплату...

Конечно, предвыборные словеса в защиту «нищих российских граждан» – дело вполне обычное и понятное, однако не худо было бы при этом называть истинные, а не придуманные (кем-то подсказанные) причины невыплаты зарплат. Таковыми была все та же коррупция и некомпетентность чиновников разного уровня, директоров предприятий, прочих управленцев (по-новомодному – менеджеров)...

Вроде бы к тому времени уже стало избитым местом ругать приватизацию, однако Лебедь не избегает и этого соблазна – тоже обрушивается на нее. «Приватизация не была одобрена ни разогнанным Верховным Советом, ни ушедшей Государственной думой, – уверяет генерал. – Она проводилась в жизнь под нажимом Черномырдина и Чубайса, указами президента и постановлениями правительства».

Казалось бы, так ли уж трудно заглянуть хотя бы в подшивки газет соответствующего времени и убедиться, что приватизация, да и вообще реформы начала девяностых осуществлялись с полного благословения Съезда народных депутатов и Верховного Совета, на основе принятых ими законов и прочих юридических документов, а не «под нажимом Черномырдина и Чубайса»?

Впрочем, как и положено в предвыборную пору, Лебедь успокаивает: если он станет президентом, «не будет ни глобального передела собственности, ни безумной национализации. Россия устала от революций, перестроек и переделов». Вообще всем будет хорошо: «В экономической сфере мы стоим за опору на собственные силы (ну, чем не корейское чу-чхе? – **О.М.**), защиту интересов отечественных трудящихся и товаропроизводителей, за оживление всего нашего научно-технического потенциала с учетом собственных традиций и с использованием собственных конкурентных преимуществ. Мы намерены пресечь политику обесценивания текущих доходов и сбережений граждан, на которых сегодня лежит основное бремя инфляции...»

Вполне в духе «государственничества» и «патриотизма» Лебедь отрицает частную собственность на землю: «Земля – последнее, что у нас осталось дорогого. Если ее сейчас бросить на продажу, то через полгода-год появятся громаднейшие латифундии, а мы останемся ни с чем...»

Вполне коммунистический подход. Наверное, этот и другие подобные лебедевские тезисы и давали коммунистам надежду, что в конце концов, несмотря ни на что, им-таки удастся привлечь генерала к сотрудничеству и союзничеству.

«Чеченская гангрена должна быть прооперирована»

Особое место в программе Лебеда, естественно, занимает проблема Чечни. Здесь он чувствует себя гораздо увереннее, чем в сфере экономики, особо не нуждается ни в чьих подсказках: как-никак прошел Афганистан, Приднестровье... Впрочем, признает, что не чужд колебаний в этом вопросе:

«Я до недавнего времени говорил, что надо из Чечни вывести войска и решать проблему политическими и экономическими методами. Сейчас я считаю, что заблуждался. Заблуждение базировалось на том, что чеченцы – это воины и мужчины. После того как они начали воевать с женщинами и грудными младенцами (по-видимому, имеются в виду Буденновск, Кизляр, Первомайское. – **О.М.**), мнение, естественно, изменилось. Гангрена должна быть прооперирована».

Уже через три недели (выше, напомним, цитировались генеральские тезисы, высказанные им 15 января) Лебедь вновь изменил свое мнение о путях решения чеченской проблемы, вернулся к прежним своим взглядам, от которых вроде бы отрекся. В интервью «Итогам» 4 февраля он заявил: «Это проблема, прежде всего, экономическая, потом – политическая, а уже потом – военная. Ключи от решения проблемы лежат здесь, в Москве». По мнению генерала (впрочем, тогда оно вообще было весьма распространенным), война идет из-за нефти – «там просто бьются вокруг нефтепровода через Чечню, в обход Чечни...». Не случайно, мол, всплыли «эти два населенных пункта – Буденновск и Кизляр»: «это как раз по маршруту» – намечаемому маршруту нефтепровода. Так что военная операция в Чечне – дело ненужное.

Еще одно подтверждение того, что на Северном Кавказе все решается, как уверен Лебедь, не военным путем, а какими-то тайными закулисными соглашениями, – странности операции в Первомайском: «Ну как можно было прорвать тройную блокаду (имеется в виду тройное оцепление села, занятого боевиками, которое организовали федеральные силы. – **О.М.**), и не просто ее прорвать, а уйти, уведя с собой более шестидесяти заложников? Значит, здесь что-то другое... Значит, был оставлен коридор. Кто его оставил, почему его оставил, по договоренности с кем? Тут интересные вопросы». На вопрос ведущего, знает ли он, Лебедь, ответы на них, генерал ответил уклончиво: «Отчасти». Поделиться же своим знанием отказался.

Чечня неизменно присутствовала в планах Лебеда. Проблему

этой северокавказской республики он обещал решить окончательно и бесповоротно. Впрочем, как и большинство других ключевых проблем. Подчас эти его обещания звучали достаточно комично: «Война в Чечне – прекращу, преступность – уберу, социализм восстановить – восстановлю, капитализм построить – построим...»

Лебедь – преемник Ельцина?

Во время своей избирательной кампании Лебедь, естественно, как и положено кандидату-конкуренту, не стеснялся критиковать Ельцина. По его словам, Ельцин уже не сделает для России больше, чем смог сделать. Теперь президент «должен поставить красивую точку в своей политической карьере».

Однако по мере того как становилось ясно, что Борис Николаевич свою карьеру заканчивать не собирается, а, напротив, обретает все больше шансов продолжить ее, тон генеральских высказываний о президенте начал меняться, становиться более благосклонным по отношению к главе государства. Тем паче что и сам Ельцин принялся подавать ему некие знаки, как бы в желании привлечь генерала на свою сторону.

14 июня, выступая во время своей избирательной кампании в Екатеринбурге, завершая эту кампанию, президент произнес загадочную фразу – заявил, что знает имя своего преемника, человека, который станет хозяином Кремля в 2000 году. Естественно, сразу же пошли толки и догадки, кто бы это мог быть. Большинство быстро склонилось к одной фигуре – генерала Лебеда. В обоснование такой версии на все лады расписывались замечательные качества бывшего приднестровского командарма – прямота, честность, твердость... Все то, что притягивает людей, истосковавшихся по порядку.

Впрочем, многие хоть и соглашались, что президент подразумевал под своим преемником именно Лебеда, не склонны были чересчур серьезно относиться к самому слову «преемник»: подозревали, что Ельцин просто хочет привлечь в союзники политика, который скорее всего – это уже видно – наберет в первом туре достаточно много голосов, окажется на четвертом, а может быть, и на третьем месте. Если во втором туре образуется связка Ельцин – Лебедь, она вполне может перевесить другую вполне вероятную связку – Зюганов – Жириновский.

Версию о том, что своим преемником действующий президент числит именно его, охотно подхватил и сам Лебедь. Опуская бюллетень в урну 16-го числа, он так прокомментировал екатеринбургский пассаж Ельцина о престолонаследнике: «Я имею сильное подозрение, что это я».

Стоит также отметить еще два любопытных заявления, сделанных генералом там же. Первое – насчет возможной фальсификации выборов: «Мы – страна неустоявшейся демократии, у нас фальсификация неизбежна. Она будет, но маленькая, цивилизованная – четыре процента».

Второе заявление – опять насчет «жесткой руки», насчет Пиночета (этот крест в те дни Лебедю постоянно приходилось тащить). Генерал в очередной раз отверг аналогию между ним и бывшим чилийским диктатором, как и вообще возможность установления в стране жесткого режима на манер пиночетовского: «Россия все свои жесткие режимы пережила и очень дорого за это заплатила. Никаких жестких режимов – только человеческий». По словам Лебеда, чтобы установить порядок в стране, необходимо, чтобы «государство забрало у бандитов и чиновников зря отданные им функции». «Построить рай невозможно, но не допустить ада – следует обязательно».

Как всегда, генерал сыпал неотразимыми афоризмами.

По мере того, как становилось ясно, что в первом туре Лебедь действительно выйдет на третье место, слова Ельцина о преемнике (имея в виду генерала) представлялись все менее фантастичными, все более вытекающими из трезвой оценки реальности. Уже вечером 16-го, когда выборы еще продолжались, один из ведущих сотрудников аналитической группы Чубайса политолог Вячеслав Никонов заявил корреспонденту ИТАР-ТАСС: «Третье место в ходе сегодняшнего голосования действительно станет серьезной заявкой на президентство в 2000 году... Если его займет Александр Лебедь, это подтвердит намек Бориса Ельцина на то, что он уже знает, кто будет президентом на следующих выборах».

Этой все более проявляющейся ясности насчет того, кто станет третьим, разумеется, соответствовало все более возрастающее уныние в лагере «Яблока» (именно его лидер больше других претендовал на бронзовый приз). В то время как результат Явлинского – «восемь плюс-минус два процента» – был здесь вполне ожидаем, «рывок на выборах Александра Лебеда», как сказал член «яблочной» думской фракции Алексей Захаров, для многих «стал полной неожиданностью».

«Я выбираю новую идею»

Неизбежен ли был союз Лебеда с Ельциным перед вторым туром? Думаю, скорее да, чем нет. Формы этого союза могли быть разные. Но поскольку люди, близко знавшие генерала, отзывались о нем как о человеке принципов, по этим принципам и можно было судить, каков окажется его выбор. Сам Лебедь несколько позже так этот выбор объяснил: «У нас есть две идеи: есть старая, потасканная, изжившая себя, стоившая нам очень большой крови, бесчисленных страданий и жертв, идея; есть новая идея — идея, к сожалению, на сегодняшний день очень скверно реализуемая, но она есть. Можно и нужно сделать так, чтобы мы начали, наконец, жить. Весь земной шар, за малым исключением, живет, а мы почему-то, победители величайшей из войн, существуем... И вот я выбираю новую идею».

Впрочем, ситуацию с генеральскими принципами вряд ли стоит считать такой уж однозначной. Случись победить Зюганову, он, возможно, и от него не стал бы нос воротить.

Тем не менее реально после первого тура ситуация, как мы знаем, явно складывалась в пользу Ельцина. О том, что Лебедь войдет в связку с ним, первым, если не ошибаюсь, — уже утром 17 июня — заявил в интервью радиостанции «Эхо Москвы» как раз один из близких Лебедю людей — бывший военный комендант Тирасполя полковник Михаил Бергман: «Александр Лебедь, несомненно, поддерживает во втором туре президентских выборов кандидатуру Бориса Ельцина».

Определил Бергман и место Лебеда в команде президента: «Если Борис Николаевич трезво подойдет к этому делу, Лебедь должен заняться преступностью и армией... Ельцин обязан предложить ему сейчас пост во главе силовых структур. Лебедь с этим справится с честью».

Ну и, разумеется, полковник абсолютно уверен в будущем президентстве генерала: «Нет никаких сомнений, что в 2000 году Лебедь станет президентом России. На его кандидатуру должны поставить все, потому что это — честный, порядочный, принципиальный человек».

Непосредственно в штабе Лебеда после первого тура рассматривали уже более конкретные варианты его союза с Ельциным. Варианты эти, естественно, не афишировались, но по некоторым сведениям (по сведениям «осведомленных источников из окружения Лебеда»), наиболее вероятным считалось назначение генерала первым вице-премьером, курирующим силовые структуры. Второй вариант, менее

вероятный (под него требовалось бы внести изменения в Конституцию), – предоставление ему поста вице-президента. В любом случае речь шла о «легитимном введении генерала Лебеда в высшие эшелоны власти».

Соответственно, в лебедевском штабе готовилось несколько обращений к избирателям, проголосовавшим за Лебеда в первом туре, с призывом отдать свои голоса во втором туре за Ельцина.

Встреча Ельцина с Лебедем ожидалась уже 17-го во второй половине дня...

Назначение состоялось

Реально президенту и генералу понадобились две встречи. Первая, как и ожидалось, произошла 17 июня, вторая, короткая (в основном все, видимо, уже было решено на первой и в промежутке между встречами) – утром 18-го.

Конечно, сам факт перехода Лебеда в лагерь Ельцина вовсе не означал, что и все его избиратели – те самые проголосовавшие за него в первом туре 14 с половиной процентов – разом кинутся вслед за ним в этот лагерь. Но ясно было, что какая-то их часть, особенно преданная ему, несомненно, последует за генералом. Социологи строили разные прогнозы. Директор ВЦИОМа Юрий Левада «навскидку» называл «половинную» цифру – 7-8 процентов. Что ж, они тоже, как уже говорилось по другому поводу, на дороге не валяются. Так что генерал шел на randevу с президентом не с пустыми руками.

Можно предположить, что в обмен на свою поддержку – и на голоса готовых последовать за ним избирателей – Лебедь намеревался получить один из тех самых постов, о котором говорили в его штабе. Однако Ельцину вряд ли хотелось назначать генерала первым вице-премьером, курирующим силовые структуры. Учреждать такой пост – значило бы создавать опасный прецедент. Как известно, эти структуры находятся в прямом подчинении президенту, передавать их кому-либо другому или хотя бы разделять с кем-то свою власть над ними – такого желания у Ельцина, по-видимому, не было.

Что касается восстановления поста вице-президента – об этом, думаю, Ельцин и вовсе не хотел слышать: слишком свежа еще была память о другом генерале, оказавшемся волею судеб и его, Ельцина, волей на этом посту...

По словам Лебеда, Ельцин предложил ему на выбор либо пост секретаря Совета безопасности, либо – министра обороны. Генерал отказался от обоих постов. В интервью радиостанции «Свобода», которое Лебедь дал в тот же день, 17-го (чем, по-видимому, вызвал немалое недовольство Ельцина и его окружения), он назвал секретарство в СБ «кабинетной работой», а пост главы Минобороны посчитал «должностью с ограниченным кругом полномочий». «Необходимо что-то к чему-то добавить», – сказал Лебедь.

«Добавили» ему два довеска. Во-первых, еще одну должность – помощника президента по национальной безопасности и, во-вторых, – дополнительные полномочия в соответствии с его собственными предложениями. Вроде бы невелика фигура – помощник президента, но в такой комбинации – «помощник по нацбезопасности» – в памяти сразу же всплывала аналогичная должность помощника президента США, действительно весьма важная...

Указ о назначении Лебеда на эти два поста был подписан Ельциным непосредственно во время второй встречи с генералом – 18 июня. На короткой импровизированной пресс-конференции сразу после нее и президент, и генерал успели сказать много высоких слов, призванных в самом лучшем виде представить перед избирателями их действия и побудить избирателей Лебеда голосовать во втором туре за Ельцина.

Ельцин:

– То, что я подписал указ... по назначению его секретарем СБ и помощником президента по вопросам национальной безопасности – это не просто назначение, а это объединение двух политиков. Это объединение двух программ, то есть как бы его программные действия обогащаются программными действиями президента РФ. Те, кто проголосовал за Александра Ивановича, я считаю, они дали наказ президенту выполнять именно то, что они увидели хорошего в программе Александра Лебеда. Поэтому я должен откорректировать несколько свою программу соответственно и включить туда такие вопросы, как вопросы армии, реформы в армии, вопросы безопасности, вопросы борьбы с преступностью, борьбы с коррупцией и ряд других вопросов... И сам Александр Лебедь, не будучи избранным президентом, на своей новой должности сможет реально влиять на реализацию своей программы.

Лебедь:

– Одиннадцать миллионов человек мне поверили, что я способен навести в стране порядок и обеспечить их безопасность. Я офицер,

мне остается выдержать свое слово. Поэтому, придя к финишу третьим, я возлагаю на себя эти многосложные, многотрудные обязанности. Глубоко убежден, что не менее 80 процентов моих избирателей меня поймут правильно и пойдут за мной. Я в этом глубоко убежден.

Среди прочего, выяснилось, что одновременно с назначением Лебеда уволен министр обороны Павел Грачев — как сказал президент, «в соответствии с поданным рапортом».

«Спасти Россию от потрясений!»

Видимо, чувствуя, что у его сторонников все-таки остается какое-то недоумение по поводу его поступка, какие-то вопросы к нему, Лебедь не скупится на объяснения. 18 июня во второй половине дня он устраивает пресс-конференцию, на которой пытается убедить журналистов — а через них и своих избирателей, — что заключенный им союз с Ельциным — это шаг, который позволит ему выполнить некую важнейшую в данных обстоятельствах миссию, спасти страну от кровавых потрясений.

— Сегодня, сейчас, — говорит он, — необходимо устранить опасность обострения социального и политического противостояния, способного потенциально перерасти в вооруженный конфликт, необходимо удержать все стороны этого противостояния от желания применить силу, необходимо создать реальный механизм контроля над военной силой... Народ России не должен больше страдать от разборок политиков... Свой выбор я сделал, сделал его окончательно... Я солдат, я навоевался, я профессионально ненавижу войну, я сделаю все для того, чтобы на земле России войны больше не было.

Но в России уже идет война. Естественно, Лебеда спрашивают и о ней — как он собирается покончить с бойней на Северном Кавказе? Генерал уже бесчисленное число раз говорил об этом, а потому отсылает спрашивающих к своей предвыборной программе: там-де все четко сказано. Единственное, что добавляет (как всегда, афористично): «Чечня — это язва на теле России». И еще: «Драться хватит. Больше не будем».

(Кстати, здесь стоит сказать, что чеченская оппозиция отнеслась к назначению Лебеда секретарем российского СБ и к тому обстоятельству, что именно ему Ельцин поручил решать чеченскую пробле-

му, можно сказать, с осторожным оптимизмом. Министр печати и информации Ичкерии Мовлади Удугов заявил «Интерфаксу» 19 июня: «Хотя обстановка в республике на сегодняшний день уже не связана с какими-то конкретными политиками, тем не менее руководство оппозиции считает, что новые люди, такие, как Лебедь, которые не были замешаны с самого начала и в дальнейшем в этой войне, имеют больше возможностей для политического маневра с целью ее прекращения».)

Вновь всплывает вопрос о Лебеде как о ельцинском преемнике. Не следует ли воспринимать его нынешнее назначение как «поэтапную передачу власти» от Ельцина к Лебедю? А с другой стороны, — не опасается ли генерал, служа в подручных у Ельцина, испачкать свои «белые одежды» в преддверии собственного будущего президентства? На этот раз в разговоре о своем возможном президентстве Лебедь весьма осторожен: тема для него — теперь уже госчиновника — довольно скользкая. Насчет «белых одежд»... «За белые одежды я никогда не беспокоился, ибо никогда в них не рядился. Многогрешен. Не бывает безгрешных десантных генералов...» А что касается поэтапной передачи власти... «Президент мне об этом не говорил... Я еще раз хочу повторить: я занимаюсь конкретным делом...»

Лебедь разъяснил, какие дополнительные полномочия ему как секретарю СБ «будут предоставлены или уже предоставлены». Они связаны с тем, что сегодня расширяется само понятие «национальная безопасность»: «Кому-то может показаться странным или даже смешным, но вопросами национальной безопасности сегодня являются такие, например, вопросы, как наша все нарастающая зависимость от импорта продовольствия, как вопрос обострения межрегиональных экономических отношений, усиление бегства капитала за рубеж, вопросы приватизации и даже вопросы компенсации вкладов населения — тоже вопрос национальной безопасности. По стране миллионы обманутых людей...»

Конечно, верхом наивности было полагать, будто формально предоставленные Лебедю «дополнительные полномочия» позволят ему как секретарю СБ вмешиваться буквально во все сферы жизни страны (а говоря строго, понятие «национальная безопасность» действительно распространяется на все ее сферы). И до, и после генерала Совет безопасности был и остается совещательной структурой, полностью подчиненной президенту. Вряд ли кто, кроме Лебеда, когда-либо всерьез собирался менять такой порядок.

Наконец снова — в который уже раз — тема Пиночета. Аналогия

между ним и Лебедем уже стала как бы аксиомой: ну кто же не знает, что наш генерал – двойник генерала чилийского (как написал нам в «Литературную газету» один из читателей, мысленно обращаясь к Лебедею: «Приди к нам, русский Пиночет! Сведи всю мафию на нет!»)? Так что один из журналистов со спокойной душой спрашивает генерала: вы, мол, не однажды говорили, что ваш кумир – Пиночет; так вот, не могли бы вы уточнить, что именно вам в нем нравится – форма или содержание: то, что он установил порядок «железной руки» (форма) или что он «в принципе передумал всех коммунистов, чтобы они не мешали ему строить рыночную экономику» (содержание)?

Ответ Лебеда: он будет весьма признателен автору вопроса, если тот предоставит ему хотя бы одно документальное свидетельство, что он, Лебедь, когда-либо говорил что-либо подобное: будто генерал Аугусто Пиночет – его кумир. На самом деле он никогда ничего такого не говорил. «Мне это приписывают».

Коммунисты пытаются перетянуть Лебеда на свою сторону

Конечно, многим бросалось в глаза: назначение Лебеда на достаточно высокий государственный пост произошло слишком поспешно и грубо. Иначе как акт своеобразной покупки его трудно было расценить, что бы там ни говорил генерал в свое оправдание («Я не продаюсь» и проч.). Некоторые выражали опасение, что в результате такой поспешности произойдет отток части лебедевского электората в противоположную от Ельцина сторону – к Зюганову. Дескать, лучше было бы осуществить ту же операцию непосредственно перед вторым туром.

Между тем торопливость, с какой Ельцин назначил Лебеда секретарем Совета безопасности, объяснялась просто (тут – по крайней мере, во мнении кремлевских политтехнологов – не существовало других вариантов): необходимо было во что бы то ни стало опередить коммунистов, у которых насчет Лебеда имелись свои планы.

Завлекать генерала в свое будущее «правительство народного доверия» Зюганов начал задолго до выборов, не устал делать соответствующие предложения и заявления вплоть до первого тура. Так, 5 июня, находясь в предвыборной поездке в Новосибирске, лидер

КПРФ заявил, что в случае своего избрания президентом хотел бы видеть в своем правительстве политических деятелей, которых принято относить к «третьей силе», в том числе Александра Лебеда (помимо генерала, в состав «третьей силы», напомним, входили Григорий Явлинский и Святослав Федоров).

Переход Лебеда в стан Ельцина ничего тут не изменил – Зюганов продолжал домогаться генеральского союзничества, не без оснований рассчитывая на то, что в результате этих домогательств если и не сам генерал, то хотя бы часть его избирателей примкнет не к Ельцину, а к нему, Зюганову.

Вечером 19 июня состоялась полторачасовая встреча Зюганова с Лебедем. Официально сообщалось, что основной темой разговора была «текущая политическая ситуация», а также «обеспечение безопасности в стране накануне и после второго тура выборов главы государства». Говорилось также, что Лебедь разъяснил Зюганову «причины, по которым он принял предложение Бориса Ельцина занять ответственный пост в его команде».

После встречи Зюганов вновь подтвердил, что согласен включить генерала в свое правительство в случае прихода к власти. На пресс-конференции в Госдуме журналисты задали руководителю КПРФ вопрос: «Сохранит ли Лебедь при Зюганове свой нынешний пост секретаря Совета безопасности?» Зюганов ответил уклончиво: «Безопасность важна и для левых, и для правых. Пусть Лебедь спокойно работает, ему будет предложена хорошая должность».

Зюганов также утверждал, что несмотря на переход Лебеда в лагерь Ельцина значительная часть лебедевских избирателей проголосует за него, Зюганова: «Мы рассчитываем на две трети электората Лебеда».

В общем нетрудно догадаться, что главным на встрече вожака коммунистов и секретаря СБ были не абстрактные вопросы безопасности, а тема несостоявшегося, но все еще возможного союза между Зюгановым и Лебедем. Скорее всего, лидер КПРФ популярно объяснял генералу – новичку в политике, – что, связавшись с Ельциным, тот сделал грубую ошибку, что Ельцин его элементарно «использует» и при первой возможности «кинёт»...

Можно ли предположить, хотя бы теоретически, что Лебедь при каких-то обстоятельствах мог бы оказаться по другую сторону баррикад? В принципе, думаю, ничего невозможного тут нет. Да, из двух противостоящих «идей» – «старой» и «новой» – генерал выбрал вторую. Он не устал повторять об этом: «На старых идеях далеко не уе-

дешь, кончились они. Я признаю право коммунистической идеи на существование, она красивая идея – равенство, братство, счастье. Только почему-то ни в одной стране мира она до сих пор не реализована... Так пусть ее реализуют где-нибудь в другом месте, мы же будем просто жить нормально сегодня, а не в светлом будущем». Вот так. Но если бы обстоятельства повернулись как-то иначе, если бы чаша весов стала склоняться в противоположную сторону, можно вполне допустить: выбор генерала мог бы оказаться другим. Его помощник Владимир Титов прямо сказал об этом: «Лебедь уважает право народа и будет работать с тем президентом, которого изберет народ».

Поможет ли генерал президенту?

(Из написанного в те дни. 22 июня 1996 года)

Все течет, все изменяется. Год назад президент Ельцин фактически с подачи министра обороны Павла Грачева уволил командующего 14-й армией генерал-лейтенанта Александра Лебеда. Теперь тот же Ельцин, по существу выполняя требование бывшего командарма, отправил в отставку министра обороны. Сила силу пересилила. Верх взяла сила народной поддержки, оказанной на выборах опальному генералу.

Когда такое бывало в России? Никогда. Ни при коммунистах, ни при царе, ни при царе Горохе.

Если даже ничего другого нынешние выборы не принесут, уже за одно это им надо сказать спасибо. За очевидный прорыв к настоящему народовластию. Простые люди, простые избиратели поставили на один из высших постов в государстве, точнее, на два, того, кого хотели. Из всех миллионов, кто 16-го числа пришел к урнам, в первую очередь надо поздравить с победой именно сторонников генерала Лебеда.

Однако за два дня до этого Ельцин оказал Лебедю несравненно большую честь. В одном из своих выступлений он – так его все поняли – указал на генерала как на своего наиболее вероятного преемника на посту президента России в 2000 году. Не знаю, что людей ошеломило больше – практическое ли предоставление бывшему приднестровскому командующему конкретного места во властных структурах, так сказать, выдача синицы прямо в руки, или предсказание насчет летящего в поднебесье журавля.

Сбудется ли это пророчество? И возрадоваться ли перспективе, что в грядущий век Россия войдет во главе с генералом Лебедем? Не знаю. Слишком стремителен был его взлет. Мы и рассмотреть-то толком его не успели. В печати даже было предсказано и другое – что через пару лет бравый генерал отправится в политическое небытие вслед за Жириновским, чью «подспудную суть» он, дескать, во многом позаимствовал и у которого отобрал голоса.

Суровый прогноз. Насчет голосов скажу попозже, а по поводу сути... Не знаю. Ну да, и Жириновский, и Лебедь – экзотические фигуры в политике. Но экзотика эта совсем разной природы. Жириновский бесконечно и утомительно актерствует. Лебедь предельно искренен. Не может сыграть даже небольшого клочка жизни, даже тогда, когда вроде бы надо сыграть.

То, что Жириновский – абсолютная пустышка, абсолютный нуль, тот самый, который, по Кельвину, видно было с самого начала невооруженным глазом. Сказать то же самое про Лебеда не могу. Уже одно то, что Лебедь воевал в Афганистане, воевал не сидючи в штабах – был комбатом, десантником, достойно и мужественно вел себя в дни августовского путча в Москве, отказавшись подчиняться приказам ГКЧП, после в качестве командарма сумел загасить пожар в Приднестровье и несколько лет не давал ему вновь разгореться, – уже одно это не позволяет ставить его в один ряд с «сыном юриста», у которого за спиной ничего такого нет и в принципе быть не может.

Вместе с тем, конечно, фигура эта, как обожают сейчас говорить, неоднозначная. Вспомнить хотя бы его метания в начале политической карьеры (давно ли оно было?). То метнулся в КРО в объятия к Скокову, то – к «плачущему большевику» Николаю Рыжкову... Ну да, неопытность, разумеется. Но наберется ли он опыта к 2000 году?

А взять его оценки известных событий. И три года назад, и позже, вплоть до недавнего времени, Лебедь считал, что Ельцин использует «жупел красной угрозы» для укрепления своей личной власти. Вроде бы на самом деле опасности коммунистического реванша не было и нет, а есть один только шантаж избирателя, предвыборные пропагандистские «страшилки». Отсюда же его обвинения в адрес его преемника по Приднестровью генерал-лейтенанта Валерия Евневича, принявшего в 1993 году участие в подавлении октябрьского мятежа в Москве: у него, дескать, «руки по локоть в крови» (теперь, после должностного воспарения Лебеда, Евневичу не позавидуешь).

С другой стороны, в одной из своих статей Лебедь сам же признал, что «многие обиженные люди, голосующие за коммунистов,

ждут реванша, настоящего, не картонного. И если уж КПРФ придет к власти, они потребуют оплаты векселей». Так где же, спрашивается, пропагандистские «страшилки»? Вот вы и сами подтверждаете, что жажда реванша вовсе не выдумана, она вполне реальна, так же как и перспектива «большой крови» в случае реставрации коммунистов.

Ощущение такое, что только в момент своего назначения секретарем Совета безопасности Лебедь наконец в полной мере разобрался, что к чему: «У нас есть две идеи: есть старая, потасканная, изжившая себя, стоившая нам очень большой крови, бесчисленных страданий и жертв, идея; есть новая идея – идея, к сожалению, на сегодняшний день очень скверно реализуемая, но она есть. Можно и нужно сделать так, чтобы мы начали, наконец, жить. Весь земной шар, за малым исключением, живет, а мы почему-то, победители величайшей из войн, существуем... И вот я выбираю новую идею».

Но ведь эта сшибка между новым и старым, между «вперед» и «назад» и составляет главный стержень политических конфликтов в России на протяжении последних десяти лет. Что ж тут было не понять? Сшибка эта почти равновесная. В октябре 1993-го старое при помощи грубой силы, при помощи оружия едва-едва не опрокинуло противника. То же и сегодня: мобилизовав темные, в значительной степени крестьянские, массы, без сомнения, мухлюя по деревням, по захолустьям с избирательными ящиками (уже говорилось: коммунисты контролируют более 60 процентов избирательных участков), старое добилось хоть и проигрышной для себя, но минимальной – в 3 процента – разницы в голосах. Какие уж тут «страшилки»! Все опять висит на волоске.

Лебедь считал «полноценным» разогнанный Ельциным Верховный Совет. Накануне прошлогодних выборов предсказывал, что президент не допустит избрания нелояльного ему состава Думы – для этого, дескать, прибегнут к искусственной дестабилизации обстановки в стране, введут чрезвычайное положение, выборы будут перенесены. Вообще этот мотив насчет дестабилизации и ЧП, замышляемых будто бы Ельциным, одно время постоянно присутствовал в генеральских речах. То, что ни одного подобного случая так и не произошло, думаю, лучше всего говорит о способности генерала к политическим прогнозам.

По многим вопросам его суждения крайне примитивны. Так, в одной из публикаций он принялся рассуждать, возможна ли в России социал-демократия. И пришел к заключению, что нет, невозможна, поскольку-де «Россия не Швеция» и «это вообще, извините, не для

нашего климата». Социал-демократия почему-то ассоциируется у Лебеда главным образом с защитой прав сексуальных меньшинств.

Столь же наивны и размышления генерала о возможности фашизма в России:

«Сколько бы ни болтали профессиональные антифашисты, в России этой проблемы нет. Есть провокаторы, шпана со свастиками – вот и все. В разном нас, русских, можно винить, но не в шовинизме. Раз уж у нас самую националистическую партию возглавляет Владимир Вольфович – то странные мы националисты».

Как говаривал Швейк, осмелюсь доложить, господин генерал: Владимир Вольфович в роли русского шовиниста – это не более чем исторический казус. «Сыном юриста» это идеологическое направление не начинается и не заканчивается. Шовинизм, национализм да и фашизм в России имеют давнюю историю. Бывали долгие периоды, когда шовинизм, антисемитизм, ксенофобия почти официально поддерживались властями, церковью. Смешно все сводить к проделкам шпаны.

В общем в политике Лебедь плавает. Еще больше плавает в экономике. Присоединившись к КРО, он уверял, что спасение страны возможно только через пробуждение национального самосознания русских. Одно время обещал, что отыщет для России какой-то третий путь – между социализмом и капитализмом. Опять, стало быть, ковылять своим особым, самобытным прешпектом, колобродить по историческим лабиринтам, кочкам и болотам. Одно лишь это обещание способно вогнать в судороги любого здравомыслящего человека.

Правда, нашлись ребята, умельцы, сварганили генералу неплохую экономическую программу, принесшую ему похвалу прогрессивной прессы, которая нашла, что по своим предпочтениям в экономике генерал тяготеет к фрайбургской школе. Думаю, о существовании такой школы военачальник узнал как раз в тот момент, когда почтальон принес ему эти газетные комплименты.

Кстати, в числе своих экономических советников Лебедь называет небезызвестного Сергея Глазьева, однополчанина по недолгой службе в Конгрессе русских общин. К какой школе относится этот деятель, мы примерно представляем.

Одним словом, Лебедь находится в процессе ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗРЕВАНИЯ. Весь вопрос в том, долго ли оно продлится и каким результатом увенчается.

Пожалуй, наиболее привлекательны идеи Лебеда, касающиеся наведения порядка в стране, борьбы с преступностью, с коррупцией.

Его планы по наступлению на уголовщину достаточно просты, военному прямолинейны и логичны.

«В МВД известны почти все главари оргпреступности, – говорит он. – Это понятно: они не скрываются, уверенные в своей неуязвимости. На этом и погибнут. Я издам президентские указы... которые позволят на основе имеющихся оперативных данных арестовать главарей группировок. Если будет нанесен такой массовый, оглушающий удар одновременно по всей стране, спрут будет поражен в самое сердце... Моя цель – сжать преступность, оторвать ее от бюрократического аппарата и загнать в те ниши, где она существует во всем мире, – в сферу собственно криминального бизнеса. Там с ней надо вести позиционную войну. Но чтобы сбить ее с захваченных стратегических высот, необходим мощный удар. И он будет нанесен».

Не правда ли, и в самом деле просто? Непонятно одно: почему Ерин, Куликов до сих пор до этого не додумались? Впрочем, понятно, разумеется: чтобы затеять такое, нужна команда, а команды нет. И потом, начнешь брать авторитетов, много интересного узнаешь о сферах самых высоких. Но это как раз такое знание, в котором для милицейских чинов будет много печали. Как бы то ни было, если и взаправду Лебедь решится на что-то подобное, популярность его в народе возрастет неслыханно.

Привлекательна и программа Лебеда по Чечне:

«Если действительно большинство чеченского народа на референдуме потребует отделения от России, держать их кнутом и пряником не стану. Не буду вышвыривать триллионы рублей в чеченскую дыру (а фактически в карманы разных гантамировых) и выпрашивать: «Возьмите, только останьтесь». Тем более не стану лить русскую кровь в борьбе с террористами в Чечне. Россия обойдется без Чечни, если Чечня считает, что обойдется без России. Большинство за отделение – ступайте вон и живите, как умеете. Помощи не ждите».

Кто ж сомневается, как чеченцы проголосуют? Двести лет или даже дольше они только о том и просят – чтобы их оставили без российской помощи.

Но это президентская программа Лебеда. Вряд ли ему как секретарю СБ позволят отпустить Чечню на волю. Тут он, конечно, натолкнется на еще большие железобетонные надолбы, чем при попытке начать всероссийский месячник по отлову уголовных авторитетов.

В моменты смуты, сумятицы, хаоса – а Россия сейчас переживает именно такой момент – почти физически ощущается потребность,

чтобы вперед выдвинулся, взял игру на себя носитель ярко выраженного, более того – форсированного мужского начала.

Собственно, ничего нового в выдвижении генерала Лебеда на политическую авансцену нет. Недавняя история знает и других генералов, взявших на себя ключевую роль в сходной ситуации. И Хуана Перона, и Пиночета... И, главное, де Голля, чья политическая карьера, пожалуй, наиболее поучительна. В некотором роде это эталон деятельности кадрового военного на высшем государственном посту. Сумевшего благодаря неслыханной концентрации воли, энергии, целеустремленности совершить прорыв из царившего во Франции разброда и раздраз на спокойную воду процветания и благополучия.

В том разброде и раздраз один Алжир чего стоил. Орешек покрепче Чечни. Хотя бы такое сравнение. Чеченские русские, кто еще не уехал оттуда, готовы в любой момент уехать – дайте только прибежище, где жить. Французские колонисты в Алжире, в том числе военные, напротив, намертво вцепились в африканскую землю. Казалось, клещами не оторвешь. «Алжир – французский!» Де Голль оторвал. Безжалостно подавил мятеж своих бывших сослуживцев. Заставил откатиться за море, вернуться в метрополию, присмиреть. Отпустил колонию с Богом. Предоставил собственной судьбе. Хотя противники этого шага тоже на все лады дудели о величии Франции, единой и неделимой, которое генерал будто бы попирает и растаптывает. На самом деле де Голль затоптал очаг смуты, грозивший перекинуться на всю страну...

Мировая литература – от незабвенного Вазир-Мухтара до нынешних авторов «Кукол» – не устает потешаться над социально-психологическим типом ограниченного служаки в полковничьих или генеральских погонах, переносящего примитивно-прямолинейные методы гарнизонной службы на непростые гражданские дела. «Упал – отжался!» – вот и вся философия. «Я князь Григорию и вам фельдфебеля в Вольтеры дам!..» Но иногда такой тип – не шаржированный, разумеется, – в самом деле является почти как мессия.

Наверное, в истории любой страны случаются периоды, когда особенно остро ощущается дефицит воли правителей. Это как наваждение. Надо бы то сделать и это, но... Не отверзаются очи, не поднимается длань. Как раз в такой вот момент появление волевого человека и воспринимается как благоволение неба.

Не думаю, чтобы политическая траектория Лебеда была скоротечна. В стране, жаждущей хотя бы элементарного порядка, перспек-

тивы деятеля, который этот порядок обещает – причем не связывает его с коммунистическим дебилизмом, – не так уж плохи и коротки.

Но это перспективы. Нас же больше сейчас интересует вопрос: какую поддержку Борису Ельцину сможет оказать Александр Лебедь в ближайшие дни?

В предвыборных соцопросах опять отличился Нугзар Бетанели: он единственный предсказал Лебедю 15 процентов в первом туре. Сколько из них перетекут теперь к Ельцину? По опросам ВЦИОМа, к нынешнему президенту должны переметнуться 10 процентов лебедевских избирателей (к Зюганову – 11). Бетанели считает, что Ельцин может получить в подарок от Лебеда 21 процент (Зюганов – 29).

Но это майские опросы. В ту пору на дворе была совсем другая ситуация. Теперь, пожалуй, к Ельцину могут перейти также 24 процента генеральских избирателей, собиравшихся в мае, если Лебедь сойдет с дистанции, голосовать за Святослава Федорова, и 12 процентов намеревавшихся присоединиться к электорату Явлинского. Итого – 46 процентов, почти половина, что даст президенту прибавку в 7 – 8 процентов голосов.

Впрочем, ситуация сейчас действительно другая: у приверженцев Лебеда теперь имеется возможность не просто решать, за кого им голосовать вместо генерала – они могут отдать свой голос за связку «Ельцин – Лебедь».

Поначалу Лебедь обмолвился, что не станет призывать своих сторонников оказать поддержку Ельцину. После призвал-таки, но туманно и иносказательно: дескать, он надеется, что не менее 80 процентов тех, кто проголосовал за него в первом туре, последуют за ним после его нового назначения.

Конечно, связки и спайки в ходе выборов – дело обычное для демократических стран. И все-таки соглашение между Ельциным и Лебедем оставило некоторое чувство неловкости. Уж больно скоро-течно и прямолинейно был заключен этот союз. Людей эмоциональных и впечатлительных это оттолкнет. Люди же рациональные, прагматичные оценят в этом соглашении главное – Лебедь действительно получил возможность реализовать свои планы в части наведения порядка. По крайней мере попытаться это сделать. А уж что получится – поглядим.

Говорят, был и другой вариант назначения Лебеда на высокие посты – не столь скоропалительный. Но выбрали именно этот, незамедлительный, сценарий. Мотивы президентской команды ясны: еще до второго тура Лебедь должен успеть развернуться и показать всем

россиянам, что на этот раз борьба с преступностью и коррупцией не останется пустой болтовней.

Долго ли он продержится в связке с Кремлем? В первый момент казалось: не очень долго. Может быть, месяц-два после выборов. Может быть, полгода... Невооруженным же глазом было видно: у него АБСОЛЮТНАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ с ближайшим ельцинским окружением. Последующие события несколько поколебали такое представление. В любом случае ясно: как только он убедится, что на посту секретаря СБ он не в состоянии реализовать ту программу обеспечения безопасности страны и ее граждан, к которой он стремится, он тут же покинет этот пост. Остаться на нем в роли бесправного чиновника в самом деле означало бы для него политическую смерть – ту самую, которую ему предрек товарищ Селезнев.

Перед ним ясная – и теперь уже вполне достижимая – цель: стать президентом. И он будет последовательно, шаг за шагом к ней приближаться, будет делать только то, что сокращает расстояние до нее.

Роль наследника трона – а именно в этой роли оказался сейчас Лебедь, – конечно, необычайно тяжела. Необычайно. И, разумеется, смертельно опасна. Вспомним хотя бы судьбу Линь Бяо, наследника председателя Мао. Кстати, тоже генерала. Дай Бог Лебедю выдержать испытание этой ролью.

Вообще-то не очень понятно, какую силу имеет договор между Ельциным и Лебедем. И не уволит ли президент генерала через короткий срок после 3 июля. В конце концов, что ему мешает это сделать? Это ведь просто джентльменское соглашение...

Как бы то ни было, договор состоялся. Провалились предсказания политологов, что Ельцин ни в коем случае не поступится даже частью своих полномочий, касающихся силовых министерств, будет насмерть их защищать, как защищал от посягательств и хасбулатовского Верховного Совета, и Думы. Он поступился довольно легко, передал Лебедю долю этих полномочий (хотя остается тот же вопрос: надолго ли?). Это вновь показывает способность Ельцина проявлять большую гибкость, его готовность к широкому маневру.

Еще одна замечательная деталь – увольнение Грачева. Ни увещевания демократов, ни разоблачения прессы так и не подвигли Ельцина на то, чтобы прогнать одиознейшего министра. Он сделал это только тогда, когда осознал ПОЛИТИЧЕСКУЮ необходимость такого шага. Это еще раз показало, что Ельцин прежде всего политик, политик до мозга костей.

Вот так виделись перспективы Лебеда из июня 1996 года. В действительности они оказались более скромными. Довольно скоро стало ясно, что Ельцин нуждался в нем в основном лишь как в помощнике во втором туре президентских выборов и отчасти в деле замирения в Чечне. В целом же на посту секретаря СБ генерал с его наполеоновскими планами явно был для него неудобен.

Неужели Лебедь в самом деле не видел всю шаткость, всю ненадежность соглашения, которое он заключил с Ельциным, не понимал, что после выборов тот в любую минуту может отказаться от его услуг? Думаю, его не очень это беспокоило. Главным устремлением генерала в ту пору было – самому стать президентом. По-видимому, он пребывал в уверенности – как нам известно, небезосновательной, – что Ельцин долго не протянет. Об этом его устремлении, надо полагать, хорошо знало его ближайшее окружение, но иногда оно прорывалось и за его пределы. Так, 23 июня на вопрос журнала «Шпигель», видит ли он себя в 2000 году президентом России, Лебедь неосмотрительно ответил: «Возможно, еще раньше». По словам генерала, он рассматривает свою нынешнюю должность секретаря СБ всего лишь как «промежуточный этап», который позволяет ему выполнить свои предвыборные обещания: навести порядок в стране, обеспечить безопасность граждан.

После ему пришлось выкручиваться, уверять, что немецкие журналисты исказили его слова: «Это была шутка. Немцы не поняли русского юмора». Однако мало кого убедили эти увертки.

Эта-то неукротимая, не признающая никаких преград тяга к высшей власти и стала главной причиной того, что он недолго продержался на своем посту. 17 октября – всего только через четыре месяца после назначения – Ельцин отправил его в отставку. Отправил при весьма драматических обстоятельствах (о них чуть позже).

По логике вещей, по взаимному согласию всех сторон, генерала Лебеда, думаю, необычайно эффективно можно было бы использовать для той миссии, для которой он самим Богом был, возможно, предназначен, – для борьбы с преступностью и самой мерзкой ее частью – коррупцией. Ни до, ни после не было у нас в соответствующих государственных сферах деятелей, кто хотя бы отдаленно мог бы тут – в этом своем потенциале – с ним сравниться. Но – не сложилось. В своем воображении Лебедь, по-видимому, готовил себя к несравненно более важному предназначению, видел себя на гораздо

более высоком государственном посту. Это-то и привело к тому, что союз Ельцина с Лебедем, обещавший вроде бы столь многое, причем не только в пределах президентских выборов, распался весьма быстро и весьма драматически.

Все же еще в одном важном деле — не уместившемся в пределах одной только президентской избирательной кампании, вышедшем за ее пределы, хотя и связанном с ней, — Лебедь сыграл ключевую роль. Я имею в виду его роль в чеченском примирении. Об этом речь несколько позже.

КОРОБКА ИЗ-ПОД КСЕРОКСА

Коржаков советует Чубайсу поменьше мелькать по телевизору

Итак, первый тур позади. Впереди – второй. Все вроде бы движется по накатанным рельсам. Опасаться каких-то обострений политической ситуации как будто нет особых причин. Тем не менее такое обострение происходит.

18 июня на заседании ельцинского Совета избирательной кампании Коржаков обрушился на ведущих деятелей конкурирующей группировки – Чубайса и Филатова, посоветовав им, а также Сатарову и Лившицу (коих на заседании не было) «порее появляться на телеэкране», поскольку их «не воспринимает народ».

(Такие формулировки – «порее появляться...», «не воспринимает народ» – приводились в прессе. Сам Коржаков в своих воспоминаниях цитирует свою речь в несколько ином, хотя и близком, виде:

«– Уважаемые господа Чубайс и Филатов! Очень вас прошу и передайте, пожалуйста, своим друзьям Сатарову и Лившицу, чтобы в решающие две недели до выборов вы все вместе преодолели соблазн и не показывали свои физиономии на телеэкране. К сожалению, ваши лица отталкивают потенциальных избирателей президента».

Впрочем, в разных изданиях мемуаров Коржаков приводит разные варианты этой своей речи.)

Вообще-то это было совсем не дело Коржакова – диктовать, кому и как часто выступать по телевидению, по радио, в газетах. Такого рода установки при необходимости мог бы дать, скажем, сам президент, «де-юре» возглавлявший собственный избирательный штаб. Выпад начальника СБП однозначно воспринимался как открытое объявление войны его политическим противникам внутри ельцинского окружения.

Последовавшие вскоре события показали, что это «иду на вы» не было просто угрожающей риторикой. И обострение обстановки не ограничилось узкими пределами Совета избирательной кампании Ельцина.

Лебедь разоблачает «ГКЧП-3»

Еще об одном очаге обострения страна узнала от генерала Лебеда.

Как мы помним, 18 июня Ельцин назначил его секретарем Совета безопасности и своим помощником по национальной безопасности. Генерал сразу же кинулся в бой, стремясь доказать, что не собирается даром есть свой хлеб на новой должности. По-видимому, именно «с подачи» Лебеда Ельцин немедленно отправил в отставку министра обороны Павла Грачева. По слухам, таково было одно из условий, на которых Лебедь соглашался занять новый пост: у него с министром были давние счеты. Правда, сам он говорил об этом более осторожно: «Этот вопрос (об отставке Грачева. — **О.М.**) был согласован в беседе с президентом. Этот вопрос давно стоял в повестке дня. Данный шаг вытекает из сложившейся ситуации».

Во второй половине дня 18-го новый секретарь СБ провел свою первую пресс-конференцию. Здесь журналистов ожидала настоящая сенсация. Один из корреспондентов в довольно льстивом тоне («в представлении миллионов людей вы — человек конкретного дела») задал генералу вопрос, какие же именно конкретные дела он собирается сделать в ближайшее время — видимо, не предполагая, сколь неожиданным будет ответ. «Я сегодня уже одно конкретное дело решил, — сказал Лебедь. — Круги, близкие к министру обороны, попытались организовать «ГКЧП номер три», волну подняли».

Эту «волну» генерал, по его словам, погасил уже в самом начале, решительно и твердо:

«Прокатился по штабам Московского военного округа и воздушно-десантных войск, добился, я считаю, полнейшей лояльности Вооруженных Сил. Вот конкретное дело — я точно знаю, что никаких смут не будет. Это — вполне конкретное дело...»

И заключил благодушно-ворчливо, как бы про себя: дескать, его назначили-то всего два часа назад, а от него уже конкретных дел требуют.

Реакцией зала были аплодисменты. А как еще следовало реагировать? Действительно, едва заняв должность, человек уже предотвратил смертельную угрозу для страны...

В тот же день вечером в программе НТВ «Герой дня» Лебедь подтвердил это свое заявление о раскрытом им заговоре и предотвращенном перевороте, сообщил кое-какие детали. По словам секретаря СБ, 18 июня между девятью и десятью утра в комнате отдыха при кабинете Павла Грачева — которого к тому моменту уже попросили, по-види-

тому, написать рапорт об увольнении, — ряд высокопоставленных сотрудников министерства «угovarивали министра обороны поднять войска по тревоге и тем самым оказать давление на президента». Несколько более подробно Лебедь рассказал и о принятых им мерах: «дал команду дежурному генералу Центрального командного пункта Генерального штаба, запретил ему передавать любые распоряжения министра обороны в войска»; кроме того, Лебедь побывал в штабе Московского военного округа, отправил оттуда телеграмму, в которой «уведомил войска о смещении Павла Грачева» и обратился к ним с просьбой «сохранять спокойствие и продолжать заниматься плановой боевой оперативной подготовкой»; Лебедь наведлся также в штаб воздушно-десантных войск, где получил от командующего ВДВ заверение, что у него «только один верховный главнокомандующий».

Наконец, Лебедь назвал имена заговорщиков. В их числе были упомянуты первый заместитель начальника Генштаба, он же начальник его Главного оперативного управления генерал-полковник Виктор Барынькин, замначальника Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант Владимир Шуликов, начальник вооружения Минобороны генерал-полковник Анатолий Ситнов, начальник Главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковник Дмитрий Харченко, помощник министра генерал-полковник Валерий Лапшов, помощник министра по связям с общественностью Елена Агапова. В список попал также министр обороны Грузии Вардико Надебандзе, участвовавший в этом утреннем собрании.

Страна разбужена по тревоге

Но одним лишь «министерским» заговором дело не ограничилось. Ночью с девятнадцатого на двадцатое июня в 1-20, прервав очередную передачу НТВ, в эфир вышел экстренный выпуск программы «Сегодня». Появившийся на экране телеведущий Евгений Киселев взволнованным голосом зачитал следующее сообщение:

«Нам только что сообщили высокопоставленные представители предвыборного штаба президента Бориса Ельцина, что сегодня (точнее, уже вчера. — **О.М.**) около 18-00 по московскому времени (в действительности, как потом выяснилось, несколько раньше — в 17-20. — **О.М.**) была предпринята акция, которая является первым шагом в осуществлении сценария по отмене второго тура президентских

выборов. По распоряжению руководителя ФСБ генерала Михаила Барсукова и руководителя Службы безопасности президента генерала Александра Коржакова были задержаны ключевые фигуры кампании по переизбранию Бориса Ельцина на второй срок – Сергей Лисовский и Аркадий Евстафьев. Сергей Лисовский организовал и возглавил кампанию «Голосуй или проиграешь» в поддержку кандидатуры Ельцина, привлек к ней практически всех самых ярких звезд российской эстрады, популярной музыки и тем самым принес в копилку президента миллионы голосов молодых избирателей. Аркадий Евстафьев являлся ближайшим помощником одного из руководителей предвыборной кампании президента Анатолия Чубайса. Только что, уже когда начался этот специальный выпуск, мне передали, что директор ФСБ генерал Барсуков в телефонном разговоре с одним из руководителей предвыборного штаба Бориса Ельцина подтвердил факт задержания Лисовского и Евстафьева. Совершенно очевидно, что данный шаг носит провокационный характер и логически вытекает из известной позиции руководителей силовых ведомств, выступающих за свертывание демократии и отмену президентских выборов, – позиции, которая была публично сформулирована генералом Коржаковым в его известных интервью, которые получили широчайшую огласку у нас в России и за рубежом в начале мая. Похоже, страна находится на грани политической катастрофы».

Аналогичные сообщения были переданы через ОРТ, ИТАР-ТАСС, «Эхо Москвы».

С этого момента страна была поставлена, как говорится, на уши. Было полное ощущение, что вновь повторяется 19 августа 1991 года или 3 октября 1993-го.

В половине четвертого ночи программа «Сегодня» повторила сообщение о задержании Лисовского и Евстафьева, связав это событие с тремя предыдущими – тем самым первомайским интервью Коржакова, в котором он призвал перенести выборы президента, его, Коржакова, агрессивным выступлением на заседании ельцинского предвыборного штаба 18 июня и с попыткой заговора («ГКЧП-3»), будто бы планировавшегося в окружении отставного министра обороны Павла Грачева, о которой рассказал на своей пресс-конференции и по НТВ генерал Лебедь. По мнению авторов сообщения, похоже, что все это звенья одной цепи.

Ночь, исполненная напряжения

Для Чубайса и его единомышленников, так или иначе работавших на избирательную кампанию Ельцина, эта ночь – с 19-го на 20 июня – была мало сказать тревожной. Напряжение достигло предела. Если бы Ельцин принял сторону Коржакова и Барсукова – а вероятность такого поворота была достаточно велика, – второй тур выборов скорее всего не состоялся бы. Что случилось бы дальше, трудно было предсказать...

В особняке ЛогоВАЗа собрались члены аналитической группы Чубайса (естественно, он сам, Березовский, Малашенко, другие), «сочувствующие» – Гусинский, Немцов, телевизионщики, прочие журналисты. Около часа ночи подъехала Татьяна Дьяченко.

По сообщению охраны, на крышах ближних домов замечены снайперы, а вокруг здания – сотрудники в штатском. Крепло ощущение, что из ЛогоВАЗа никого не выпустят. Разве что присутствие дочери президента служило какой-то «охранной грамотой». Собственно, так об этом пишет и сам Ельцин:

«Таня сидела там до пяти утра, пила кофе, успокаивала всех: не бойтесь. И она была права. Ни арест, ни какая-либо провокация были невозможны, пока в офисе находилась она».

(После я поинтересовался у Чубайса, действительно ли на крышах вокруг здания, где они находились в ту ночь, расположились снайперы, а на земле – сотрудники спецслужб.

– Я лично снайперов не видел, – ответил Чубайс, – хотя разговоры об этом были. Но то, что Коржаков обложил нас со всех сторон, это было очевидно. И «прослушка» была, и наружное наблюдение... Тут сомнений никаких не было.)

Татьяна Дьяченко звонила Барсукову, Коржакову, требуя немедленно освободить Евстафьева и Лисовского.

В начале первого Коржакову позвонил сам президент, видимо, разбуженный дочерью. Спросил, что произошло. Коржаков уговорил его отложить объяснение до утра – завтра, мол, он обо всем доложит. Заверил, что в прессу никакая информация о случившемся не попадет...

Однако вскоре после этого разговора в прессе как раз и начался шум, организованный Чубайсом, Малашенко, Березовским.

Параллельно продолжались звонки. К делу подключилась супруга Ельцина Наина Иосифовна. Требование то же – отпустить задержанных.

К восьми утра 20 июня Коржаков и Барсуков были вызваны к

президенту. Вопрос прежний: «Что там случилось?» Барсуков доложил, прочитал рапорта милиционеров, как бы задержавших Евстафьева и Лисовского (сотрудники СБП и ФСБ словно бы к этому не причастны), потом показания самих задержанных...

Все вроде бы нормально: люди выносили крупную сумму денег без соответствующих документов, их задержали... Ельцин никак не мог «врубиться», из-за чего шум.

Лебедь грозит мятежникам карами

В сообщении телепрограммы «Сегодня», вышедшем в эфир в половине четвертого ночи (или уже утра) 20 июня, приводился текст нового заявления генерала Лебеда, связанный, как можно было понять, с событиями, случившимися в Белом доме накануне вечером:

«Секретарь Совета безопасности Александр Лебедь заявил, что СБ не допустит нарушения Конституции и действующего законодательства РФ и решительно пресечет любые действия руководства силовых ведомств, направленные на дестабилизацию политической ситуации в стране и срыв второго тура президентских выборов. Лебедь заявил, что выводы проводимого им расследования будут немедленно доложены президенту Ельцину с конкретными предложениями о наказании виновных».

Журналисты распространили и другие аналогичные заявления Лебеда. Он появился на Старой площади (где располагался Совет безопасности) уже в 4-20. Здесь его поджидали корреспонденты. Состоялась еще одна, импровизированная, пресс-конференция.

— Единственное, чего мы за пять лет добились, — сказал генерал, не дожидаясь вопросов, — чтобы эти выборы прошли, и то, видите, второй тур пытаются сорвать. Это мое первое впечатление. В деталях еще разберусь... Не допущу. Любой мятеж будет подавлен, и подавлен предельно жестоко. Тот, кто хочет ввергнуть страну в пучину кровавого хаоса, не заслуживает ни малейшей жалости.

Журналисты спросили Лебеда, были ли для него неожиданными произошедшие накануне события — то есть задержание Евстафьева и Лисовского, — ведь он сам, буквально за сутки до этого, говорил о возможности политического заговора. Генерал подтвердил, что да, это висело, «плавало» в воздухе и неожиданностью для него не стало.

В действительности в тот момент Лебедь, по-видимому, еще не решил, что считать попыткой путча, военного переворота – только ли «заговор генералов» в Министерстве обороны или же этот «заговор» вкупе с акцией Коржакова и Барсукова.

Из воспоминаний бывшего министра внутренних дел Анатолия Куликова, которого Лебедь пригласил к себе 20-го рано утром (еще не было шести), можно заключить, что какое-то – очень небольшое – время Лебедь склонялся к тому, чтобы объединить эти два «заговора». Действия Коржакова и Барсукова Лебедь, по-видимому, собирался интерпретировать так: Ельцин серьезно болен или его, как Горбачева в Форосе, собираются объявить серьезно больным – по этой-то причине близкие к президенту кремлевские генералы и затеяли бузу – чтобы успеть поделить ключевые властные должности. При этом минобороновский «заговор» становился как бы придатком другого, основного, «заговора» – кремлевского.

Однако уже очень скоро – непосредственно во время разговора с Куликовым, прямо у него на глазах – Лебедь отказался от такой интерпретации коржаковско-барсуковских действий: было ясно, что президент хоть и болен, но не настолько, чтобы упустить власть из рук, и объявлять его «серьезно больным» никто не собирался...

«Этих людей нужно уволить»

Более перспективным для себя, перспективным во всех отношениях, Лебедь, по-видимому, посчитал разоблачение «генеральского заговора», связанного с уходом в отставку Павла Грачева. Куликов:

«Лебедь неожиданно начал разговор совсем издалека: «Анатолий Сергеевич, вы знаете, в Министерстве обороны готовился новый ГКЧП...»

В изложении А.И. Лебеда «новый ГКЧП» представлял собой круг генералов, которые обменивались злокозненными замыслами в кабинете министра обороны Павла Грачева. Кроме неизвестно как оказавшегося среди них министра обороны Грузии Вардико Надебидзе, Лебедем в числе заговорщиков были упомянуты имена еще нескольких военачальников, многие из которых оказались моими однокашниками по Академии Генерального штаба. Так как я учился в одно время с Грачевым, мои однокашники в равной степени были и товарищами Павла Сергеевича».

У Куликова утверждения Лебеда о «новом ГКЧП» сразу же вызвали большие сомнения (напомню, разговор двух генералов происходит 20 июня между пятью и шестью утра):

«Я их всех (то есть перечисленных Лебедем «заговорщиков». — **О.М.**) очень хорошо знал и, честно говоря, словам Лебеда не поверил. Разве можно считать мятежом посиделки умных и знающих людей, которые совершенно в духе Академии Генштаба привыкли говорить друг с другом откровенно и оценивать ситуацию объективно — без боязни называть вещи своими именами?»

Сам Лебедь в нашей академии не учился, и это обстоятельство очень сильно сказывалось на всем, что он делал до и после своего похода на Кремль. И во время похода — тоже...»

Куликов довольно непочтительно прервал хозяина кабинета и перевел разговор на другую тему. Однако вскоре — в шесть утра — Лебедею позвонил Ельцин, и информацию о «заговоре» генерал «вложил в уши» уже ему. Это было уже более серьезно (для тех, чьи имена были сообщены верховному главнокомандующему):

«Лебедь... начал бойко докладывать Ельцину о... заговоре в Министерстве обороны и начал перечислять фамилии. Я понял, что эти люди обречены. Понял по обрывкам разговора, когда, судя по всему, президент задал вопрос «Что делать?» и получил в ответ дословный ответ Александра Ивановича, начавшего работу на ниве государственной безопасности: «Борис Николаевич, Боже упаси давать вам какие-либо советы, но я думаю, что этих людей нужно уволить». Дальше все по-военному: «Понял!.. Есть!.. Понял!..»

Довольно странная деталь: секретарь Совета безопасности докладывает о заговоре главе государства лишь 20 июня; между тем всей стране он «доложил» о нем еще 18-го...

25 июня Ельцин своим указом освободил от занимаемых должностей семерых генералов, хотя и не совсем тех, которых первоначально упоминал Лебедь в качестве «заговорщиков». Из числа упомянутых им в отставку были отправлены Барынькин, Шуликов, Харченко, Лапшов. Этот список дополнили заместители начальника Генштаба генерал-полковник Анатолий Богданов и генерал-полковник Вячеслав Жеребцов, а также начальник Главного управления воспитательной работы Минобороны генерал-лейтенант Сергей Здориков.

Рассказывают Евстафьев и Лисовский

Аркадий Евстафьев вскоре после своего освобождения (его с Лисовским отпустили около трех ночи) рассказал корреспонденту РТР, что 19 июня в 17 часов (снова время упоминалось приблизительно) на территории Белого дома его без объяснения причин «схватили люди, представившиеся сотрудниками Службы безопасности президента». В качестве «подкрепления» к ним был приставлен милиционер с автоматом. Задержавшие имели распоряжение «стрелять при малейшей попытке движения» (надо полагать, — движения задержанных). Евстафьева и Лисовского привели в комнату, в которой и держали до трех часов ночи, опять-таки не объясняя причин и не говоря, то ли они задержаны, то ли арестованы. «Беседа», которую с ними вели, была «очень неровная», так что пересказать ее, особенно после бессонной ночи, довольно трудно. Очень много вопросов задавали по выборам. Евстафьева весьма поразил один пассаж, который он услышал от своих собеседников: ему было сказано, что президент-то все равно победит, но победит не благодаря тем, кто к нему примазался, а благодаря «истинным патриотам».

В свою очередь, Сергей Лисовский (об этом, правда, сообщило уже не РТР, а ИТАР-ТАСС) рассказал, что у него и у Евстафьева сотрудники спецслужб пытались получить «любого рода компромат» на организаторов предвыборной кампании Бориса Ельцина — Чубайса и почему-то Черномырдина.

Комментарий Николая Сванидзе, которым РТР сопроводило рассказ о событиях минувшего дня и ночи (все это вышло в эфир уже в восемь утра 20 июня), был таков:

«Ситуация очень острая. Конечно, пока она не похожа на путч в чистом виде, однако если действие влиятельных чиновников носит антиконституционный характер и может привести к отмене президентских выборов, оно вполне подпадает под определение «попытка государственного переворота». А произошло вот что: вырвалось, наконец, со свистом наружу принципиальное противоречие между двумя командами президента — той, которая готовила его к выборам, и той, которая выборов не хотела вовсе. Первые усиливали свое влияние на президента Ельцина, который более чем уверенно провел предвыборную кампанию, вторые это влияние теряли, и сейчас у них, вероятно, последний шанс вернуть все назад. Зато у генерала Лебеда есть шанс продемонстрировать силу. От решения президента

зависит, кто свой шанс лучше использует. От этого, скорее всего, зависит судьба президентских выборов».

Под двумя командами, естественно, подразумевались, с одной стороны, команда Коржакова, с другой – противоположная, в которой ключевую роль играл Чубайс.

С деньгами, но без документов...

Евстафьев и Лисовский были отпущены вскоре после того как антикоржаковская команда подключила прессу, а также другие, еще более эффективные, рычаги воздействия. Такое ощущение, что коржаковцы не ожидали столь мощного отпора и изрядно перепугались. Об этом можно судить по рассказам самих задержанных: сразу же после того, как в прессе начался шум, тон «беседы»-допроса резко изменился, стал гораздо более мягким...

Объясняя причины задержания, директор ФСБ Михаил Барсуков заявил журналистам, что Евстафьев и Лисовский «имели с собой крупную сумму в валюте без соответствующих сопроводительных документов». При этом он категорически отрицал, что задержание имеет политическую подоплеку, назвал подобные утверждения «абсолютной провокацией».

С другой стороны, по данным ИТАР-ТАСС, полученным «от источников в аппарате российского правительства» (это сообщение было передано около полудня), «в конечном итоге... Евстафьев предъявил сопроводительные документы на эту сумму, однако их проверка заняла определенное время». После проверки задержанные, мол, и были отпущены.

Позднее Коржаков и Барсуков тоже вроде бы подтвердили, что задержанных отпустили, когда «вопрос с бумагами на валюту решился» (странным, что для этого потребовалось ни много ни мало десять часов).

Со своей стороны, Чубайс, ссылаясь на самого Евстафьева, утверждал, что никаких денег у того вообще не было...

О степени перепуга спецслужб, оказавшихся в центре неслыханного скандала, пожалуй, лучше всего можно судить по интервью начальника УФСБ по Москве и Московской области Анатолия Трофимова, которое он дал корреспондентке ИТАР-ТАСС. «Лисовского и Евстафьева, которые находились в Белом доме, – сказал Трофимов,

– пригласила охрана здания для выяснения правонарушений, возможно, материально-экономического характера. Никакого компромата ни на кого у них не требовали. Беседа шла в цивилизованной форме, с чаем и кофе». В заключение Трофимов еще раз повторил: ни задержания, ни ареста не было – речь шла не более чем о «беседе с охраной Белого дома».

Сюда же можно отнести и эпизод, случившийся перед заседанием Совета безопасности 20 июня – о нем рассказывает Анатолий Куликов. В разговоре с ним Коржаков и Барсуков попытались все свалить на милиционеров из охраны Белого дома: дескать, именно они задержали Евстафьева и Лисовского, а СБП и ФСБ тут ни при чем. На что Куликов, зная сверхосторожные повадки своих подчиненных, лишь усмехнулся: как же, задержат они по собственной инициативе таких людей – тоже мне нашли храбрецов!

Здесь надо сказать, что силы к разрешению этого скандала действительно были подключены серьезные, было отчего испугаться. Сам Анатолий Чубайс, по его словам, узнал о задержании его коллег спустя три часа после этого события. Затем благодаря ему, Чубайсу, о нем довольно быстро были проинформированы председатель правительства Виктор Черномырдин, секретарь Совета безопасности Александр Лебедь и президент страны Борис Ельцин. И хотя, как уже говорилось, Борис Николаевич долго не мог понять, в чем там дело, из-за чего сыр-бор разгорелся, сам факт, что он оповещен о событиях, конечно, сыграл свою роль...

Заседание СБ было скоротечным

В одиннадцать утра 20 июня состоялось заседание Совета безопасности. Официальные сообщения о нем были скупы и вполне тривиальны. Ельцин представил Лебеда как вновь назначенного секретаря СБ и своего помощника. Он был утвержден единогласно... Затем разговор пошел о делах текущих – о перебоях в снабжении военных объектов электроэнергией и топливом, о недопустимости таких перебоев... Следующий вопрос – злоупотребления в использовании бюджетных средств, в том числе в Министерстве обороны (случайно ли именно оно было приведено в качестве примера?). Ельцин потребовал навести порядок в этом деле... В общем, все достаточно обычно и рутинно.

В действительности заседание проходило не совсем обычно. Вот как описывает его в своих воспоминаниях Анатолий Куликов:

«Все начиналось на высокой ноте (это когда Ельцин представлял Лебедя. – **О.М.**). Правда, после поздравлений Борис Николаевич оставшуюся часть заседания провел стремительно и грозно. Отменил обсуждение вопроса, который стоял в повестке дня, и поднял со своего места Барсукова. Негодование Ельцина было столь бурным, что не оставалось никаких сомнений: президент воспринял происходящее как личную обиду, как предательство. «Вы, – сказал он Барсукову, – превысили свои полномочия! Вы лезете, – голос президента наливался металлом, – куда вас не просят! Я вас отстраняю от участия в работе штаба по выборам президента!» После этого Ельцин обратился ко всем остальным: «Все, – отрезал он, – Совбез закончен! Расходимся!..»

Пока что, как видим, Ельцин отстранил директора ФСБ лишь от одной из общественных обязанностей, хотя и важной, но оставил его на основном посту. После заседания Коржаков и Барсуков еще перешучивались по этому поводу. Куликов:

«В настроении Коржакова и Барсукова, бывших между собой друзьями, я отметил в тот раз нарочитую браваду. «Вот видишь, меня уже вывели из штаба. Тебе, наверное, тоже перепадет», – говорил один другому, и весь их по-курсантски задиристый вид свидетельствовал о том, что президентский гнев не кажется им долговечным».

Однако вскоре перешучиваться друзьям-генералам, надо полагать, расхотелось.

«Лишь только я переступил порог кабинета, сел за стол и раскрыл документы, – продолжает Куликов, – по президентскому коммутатору позвонил Примаков (в то время директор Службы внешней разведки. – **О.М.**): «Анатолий Сергеевич, ты слышал: только что объявили, что от своих должностей освобождены Коржаков и Барсуков? Как это понять?» – «Вот так новость! – удивился я. – Надо же... Ведь президент сказал Барсукову, что лишь выводит из предвыборного штаба...» – «Да нет, все произошло, пока мы ехали из Кремля».

Я включил телевизор: новость о смещении со своих постов Коржакова и Барсукова (а вместе с ними и их «духовного отца», как его тогда окрестили, – Сосковца. – **О.М.**) уже передавалась во всеуслышанье».

Сам Ельцин отрицал, что смещение столь крупных фигур как-то связано с инцидентом на проходной Белого дома. Журналистам он объяснил это смещение весьма туманно: «Они (то есть Коржаков, Барсуков, Сосковец. – **О.М.**) слишком много брали и слишком мало отдавали».

Чубайс направляется к Ельцину

Что же произошло между моментом, когда закончилось заседание Совета безопасности, и появлением этого сенсационного известия?

Само по себе освобождение Евстафьева и Лисовского не сняло возникшего напряжения. Попытка сорвать второй тур президентских выборов, о которой было объявлено по телевизионным и радиоканалам, по каналам информагентств, требовала какой-то более серьезной реакции.

На десять утра в гостинице «Рэдиссон-Славянская» была назначена пресс-конференция Анатолия Чубайса с участием двоих задержанных и отпущенных, на которой Анатолий Борисович, как ожидалось, должен был изложить собственный взгляд на события и дать им исчерпывающую оценку. Однако пресс-конференция задерживалась. В 11-30 пресс-секретарь Чубайса Андрей Трапезников сообщил, что в полдень его шеф встречается с президентом, этим и объясняется задержка с пресс-конференцией, она переносится на 13-00.

Снова, как и в марте, разговор Чубайса с Ельциным стал ключевым событием, приведшим к разрешению кризиса. По словам Анатолия Борисовича, он занял около 25 минут...

Перед ним в кабинет президента зашел Черномырдин, которому Чубайс, по его словам, «популярно объяснил, что будет, если вся власть перейдет к этой троице» – Коржакову, Барсукову, Сосковцу (после чего «Степаныч страшно завелся»). Выйдя из кабинета «крайне разгоряченным», он только бросил: «Ну, я ему все сказал...» Было не ясно, сумел ли он в чем-либо убедить Ельцина.

Какие слова нашел Чубайс, чтобы совершить, казалось бы, невозможное – побудить президента отправить в отставку человека, к которому долгие годы тот был необычайно привязан? Я имею в виду Коржакова.

Анатолий Куликов, опираясь, понятное дело, на чей-то рассказ (сам он при этом не присутствовал), пишет, что Чубайс поставил Ельцину жесткое условие: «Решайте: либо вы избираетесь на второй срок, либо не избираетесь и остаетесь с ними!» После этого указ был немедленно подписан. Как пишет Куликов, «Ельцин недолго стоял на распутье».

Все обстояло несколько иначе

Сам Чубайс о разговоре с президентом рассказывает несколько иначе.

Спрашиваю его, трудно ли было пробиться к президенту. Хотя можно было бы, наверное, и не спрашивать.

– Разумеется, очень трудно. Это был очень драматический момент. В течение нескольких часов он вообще не воспринимал всерьез проблему ареста Евстафьева и Лисовского, говорил, что это какая-то частность, нечего ее обсуждать, ничего страшного тут нет. Я не знаю, что это было – непонимание ситуации или что-то другое.

– Он ведь говорил, что все сделано правильно – предотвращена кража денег из Белого дома.

– Да, совершенно верно.

– Но у вас была прямая телефонная связь с ним...

– Я специально и поехал из приемной ЛогоВАЗа к себе в кабинет в здании мэрии, чтобы позвонить ему оттуда. Только ради этого.

– Он не брал трубку?

– Не брал. Но потом взял. Я ему сказал, что нужна срочная встреча.

– Он не хотел вас принимать?

– Не очень хотел. Но все-таки согласился принять.

– Когда вы шли на эту встречу, у вас была уверенность, что Ельцин вас поддержит?

– Нет, скорее наоборот.

– Наоборот? Было ощущение безнадежности?

– Не то что безнадежности. Было ясное ощущение, что это ситуация черно-белая: либо я его убеждаю, либо это будет просто катастрофа с тяжелыми последствиями для страны. Думаю, скорее всего, было бы поражение во втором туре.

– Как происходил ваш разговор? Вот вы входите в кабинет Ельцина...

– Разговор, естественно, был продуман мной до деталей. Но не только мой разговор. С каждым, кто мог еще до меня хоть что-то сказать президенту по интересующей нас теме и как-то воздействовать на ситуацию, провели соответствующую беседу. Ключевой фигурой тут был Виктор Степанович Черномырдин. Он переговорил с Ельциным непосредственно передо мной. Хотя и коротко. Я как раз его застал на выходе из президентского кабинета. Он был сильно возбужден. Не знаю, какие слова от него услышал Ельцин, мне он лишь бросил: «Ну, я ему все сказал...» И тут же исчез. Деталей своего разго-

вора с президентом я не помню, но он был такой черно-белый. Я бы не сказал, что дело обстояло так: вот я пришел к Ельцину и переубеждал его. Я думаю, что, располагая той информацией, которую он уже получил к этому времени, он всю картину достаточно хорошо понимал. Вернее, может быть, не понимал, а чувствовал своим исключительным чутьем. И я со своими словами мог оказаться тут всего лишь последней каплей... Гораздо более тяжелым был мой разговор с Ельциным 18 марта, когда я уговаривал его не распускать Думу и не запрещать КПРФ. Там я попал в ситуацию абсолютного открытого противостояния с ним. Было совершенно очевидно, что он просто не хочет меня видеть, не хочет со мной говорить, не хочет обсуждать эту тему, не хочет слушать моих аргументов... У него все уже сложилось в голове. А когда у него сложится в голове, изменить здесь что-то — это, я вам скажу, задача такая, практически невыполнимая. В общем тогда мне приходилось давать всему делу некий стартовый импульс. Здесь же, повторяю, все было немножко по-другому. Мне казалось, что в результате какого-то внутреннего процесса он уже был подведен к необходимому решению. Мне оставалось лишь доубедить его. Ну, а результат известен.

— Анатолий Куликов в своих мемуарах пишет, будто вы «поставили жесткое условие президенту»: «Решайте: либо вы избираетесь на второй срок, либо не избираетесь и остаетесь с ними!» Могло быть такое?

— Извините, это полная чушь. Хотел бы я посмотреть на человека, который ставит Ельцину ультиматумы. Во-первых, я не считал, что альтернатива именно такова. Во-вторых, у меня не было ни морального, ни политического права так говорить с президентом. Я ему просто рассказал, что на самом деле произошло. Только и всего.

Пресс-конференция Чубайса

Пресс-конференция Чубайса началась 20 июня в 13-30. Выступление Анатолия Борисовича было исполнено драматизма и победного пафоса (победа одержана только что, еще и напряжение не прошло, еще чувства не остыли). Оратор сразу же поставил точку над i: сказал, что «попытка ареста двух ключевых членов избирательного штаба Ельцина» — это «завершающая стадия достаточно длительной и тяжелой борьбы — борьбы между той частью ельцинской админи-

страции, которая работала на победу Ельцина в демократических выборах, и той, которая предпочитала выход на силовые решения». Лидерами первой были «господа Сосковец, Коржаков, Барсуков» (именно в такой последовательности).

По словам Чубайса, то, что это группа «возлагала свои надежды на силовые варианты решения выборных задач в России», в последнее время проявлялось многократно, начиная с того момента, как в феврале текущего года «эта команда была отстранена Ельциным от руководства избирательной кампанией (здесь Анатолий Борисович допустил некоторую неточность – на самом деле она была отстранена 19 марта. – О.М.)». Чубайс тут сослался на хорошо известный факт – «некоторые из членов этой команды (прежде всего тут подразумевался, естественно, Коржаков. – О.М.) проговаривались и прямо говорили о том, что выборы в России надо переносить».

Чубайс пояснил, почему, по его мнению, «критический момент» для упомянутой троицы, подтолкнувший ее к решительным действиям, наступил именно после первого тура выборов. Во-первых, победа Ельцина в первом туре делала почти бессмысленными попытки «перевода ситуации в силовое русло». Почти, но не совсем. Вот если еще немного промедлить, тогда действительно будет поздно. Во-вторых, после того как Ельцин назначил генерала Лебеда секретарем Совета безопасности и приступил к «обновлению руководителей силовых структур», для «господ Коржакова, Барсукова и их духовного отца – господина Сосковца» (так и прилепилось с тех пор к Сосковцу это определение – «духовный отец», как когда-то к Шепилову – «примкнувший к ним...») стало очевидно, что «надежд на сохранение их во власти без силовых решений не существует». Именно поэтому они «сфабриковали безумную провокацию, арестовали двух ключевых членов команды президента, работавших на выборы».

Ситуация, как сказал Чубайс, развивалась непросто, но итог час назад подвел президент Ельцин, приняв решение об увольнении «господина Сосковца, господина Коржакова и господина Барсукова» с занимаемых ими постов.

Во время своего выступления и вообще в те победные часы Чубайс неоднократно с великой похвалой и признательностью отзывался о действиях генерала Лебеда во время только что разрешившегося кризиса.

– Я бы особо отметил, – сказал он во вступительном слове на пресс-конференции, – роль, которую сыграл в этом процессе вновь назначенный секретарь Совета безопасности Лебедь, который своей

жесткостью, твердостью, способностью ясно и последовательно отстаивать те цели, которые изложены в его программе под названием «Правда и порядок», оказал важную поддержку Борису Ельцину в ключевой для него момент. По сути дела, мы с вами стали свидетелями того, как вновь образованный политический союз не просто подтвердил свою работоспособность, а доказал, что именно в рамках этого союза российские власти способны преодолевать самые тяжелые, самые опасные кризисы власти на любых уровнях. В моем представлении, три дня назад, когда Борис Ельцин назначил Лебеда секретарем Совета безопасности, **БЫЛ ВБИТ ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ В КРЫШКУ ГРОБА ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КОММУНИЗМА** (выделено мной. — **О.М.**). Сегодня ночью и днем, когда Борис Ельцин принял решение об увольнении господ Сосковца, Барсукова и Коржакова, был вбит последний гвоздь в крышку гроба иллюзий по поводу военного переворота в российском государстве.

Что касается самого Ельцина, все разговоры о его недееспособности, связанной с болезнью, следует напрочь отбросить.

— Для нас абсолютно очевидно, — сказал Чубайс в заключение, — что это мощное, волевое решение президента еще раз доказывает уникальный политический потенциал этого человека, еще раз доказывает его потрясающую способность глубоко и стратегически оценивать ежедневные события и принимать по ним абсолютно необходимые решения в абсолютно необходимый момент. Или — обобщая все то, что сказано, — с моей точки зрения, то, что произошло сегодня, означает неизбежную победу Ельцина во втором туре президентских выборов 3 июля этого года.

Далее последовала менее пафосная часть пресс-конференции — вопросы и ответы. Чубайса спросили, что же все-таки за деньги выносили Евстафьев и Лисовский, откуда они взялись и кому предназначались. Чубайс ответил, что он, «естественно, не обладает пока следственными данными» (хотя считает, что следствие должно быть проведено), но глубоко убежден, что «так называемая коробка с деньгами является одним из традиционных элементов традиционной кагэбэшной советской провокации, опыт которых в нашей стране чрезвычайно велик».

— Мы хорошо знаем, — сказал Чубайс, — как российским диссидентам, да и не только им, подбрасывались валюта, деньги. А недавно были свидетелями подобной ситуации с подбрасыванием наркотиков. К сожалению, это демонстрация тех методов, которые стали

почти обыденными вновь для господ Барсукова и Коржакова. И я убежден в том, что эта провокация, эта фальсификация в ближайшее время будет на официальной основе правоохранительными органами полностью развеяна.

Это утверждение (сделанное, впрочем, не со стопроцентной уверенностью) – о том, что коробку с деньгами Евстафьеву и Лисовскому подбросили при задержании, – было одной из редких для Чубайса ошибок. Чем ее объяснить? Объяснение, думаю, может быть единственное: излишняя доверчивость, с какой он отнесся к информации, предоставленной ему кем-то из его коллег.

Впрочем, сам же Анатолий Борисович и сказал, на чью именно информацию он опирается – на рассказ своего помощника Евстафьева:

– Аркадий Евстафьев уже сделал заявление о том, что никаких денег он лично не вносил в Белый дом и не выносил из Белого дома. Это было заявлено им однозначно, заявлено официально, я могу здесь это только повторить.

Быть может, Чубайс не заметил, что Евстафьев делает упор на то, что «он лично» не выносил денег? Но ведь он выходил из Белого дома не один – с ним был еще и Сергей Лисовский. Как бы то ни было, уверен, что в тот момент Чубайс действительно не знал, как в действительности обстояло дело с коробкой с деньгами. Если бы знал и просто хотел бы вывернуться, надо полагать, придумал бы что-нибудь другое, более серьезное...

Чубайс рассказал о некоторых деталях допроса, которому подверглись задержанные. По его словам, допрос велся «омерзительными, грязными методами», вели его «так называемые специалисты того подразделения Службы безопасности президента, которыми командует некто господин Стрелецкий, – тот самый Стрелецкий, который был назначен руководителем Фонда спорта после ареста господина Федорова».

(В скобках напомним, что в то время вокруг этого фонда, получившего право на беспошлинный ввоз некоторых товаров из-за границы и превратившегося вследствие этого в гнездо воровства и коррупции, не утихали скандалы.)

Еще интересная деталь:

– Грязный допрос, который велся по отношению к Евстафьеву и Лисовскому, ровно в тот момент, когда впервые по телевидению, около двух часов ночи, чуть пораньше, прошла информация о том, что сделано, – ровно с этого момента неожиданно изменился на очень ласковый и вежливый тон по отношению к ним, допрашивав-

шие их специалисты господина Коржакова вдруг стали нежными и ласковыми, стали говорить о том, что проблем особенно нету, у нас и претензий к вам особых нету, мы расстанемся с вами в самое ближайшее время, самое главное – не надо телевизионных лишних скандалов, да и вы ведите себя тихо, и на этом мы, собственно, и закончим все то, что произошло...

Каковы все-таки были стратегические цели Коржакова и К^О? Ну, задержали они Евстафьева и Лисовского, а что дальше?

– Мы убеждены в том, – сказал Чубайс, – что арест Евстафьева и Лисовского – это лишь первый шаг. Целью этого ареста было заставить замолчать руководителя аналитической группы (то есть самого Чубайса. – **О.М.**), руководителя штаба президента (по-видимому, тут имелся в виду Виктор Илюшин, занимавший пост заместителя Ельцина в Совете избирательной кампании. – **О.М.**), подмять их под себя, выбить почву из-под ног. Следом за этим должны были последовать, как я полагаю, силовые решения в отношении ключевых деятелей штаба Ельцина.

Так что же это было? Путч? Анатолий Чубайс:

– Если судить по тем действиям, которые реально были осуществлены, здесь о путче говорить нет оснований, но если судить об этих действиях как о начале последовательного сценария, раскручивавшегося лидерами влиятельнейших силовых структур, в моем представлении речь шла именно об этом...

Однако теперь, после принятого президентом «кадрового» решения, угроза миновала:

– Могу сказать ясно и определенно: никакого путча в России не будет. В России будут выборы – выборы 3 июля... Выборы 3 июля, на которых, по моему глубокому убеждению, победит не просто президент Ельцин, – победит новый Ельцин, с новой командой, с обновленной командой, способной привести Россию к 2000 году.

В общем, как сказал Чубайс, «реальная российская демократия защитила страну от абсолютно реальной опасности военного переворота».

* * *

Некоторое время назад (со времени описываемых событий прошло уже без малого десять лет) я спросил Чубайса, откуда ему было известно, что вслед за задержанием Евстафьева и Лисовского «должны были последовать аресты других ключевых фигур из ельцинско-

го предвыборного штаба, занимающих гораздо более высокие посты».

— В то время у меня была соответствующая информация, — отвечал Чубайс. — А сегодня это все широко опубликовано. Например, в книге самого Коржакова помещено его письмо Ельцину. Там прямо говорится, что он готов представить президенту «план незамедлительных действий» для возбуждения против Чубайса «и его приспешников» целого ряда уголовных дел. Это он пишет уже после отставки. А до отставки были бы уже не просто слова, а дела. Возможностей, чтобы реализовать эти его планы — и силовых, и юридических, — у него было более чем достаточно.

Коржаков просится назад

В этой только что упомянутой книге своих мемуаров — в основном ее тексте — Коржаков изображает дело так, будто он принял свою отставку спокойно, с достоинством, с юмором (мол, помимо прочего, и военная пенсия у него уже есть). В противоречие с этим входит то самое письмо, которое он написал Ельцину через два дня после отставки и которое также — видимо, по оплошности, — приводит в своей книге. Письмо довольно истеричное, исполненное надежды, как говорит сам автор, что «еще многое можно исправить», то есть, надо полагать, вернуть его, уволенного, на прежний или какой-нибудь другой, эквивалентный, пост.

Центральная тема этого письма — «разоблачение» злодея Чубайса.

«...Надеюсь, вы понимаете, — пишет бывший начальник СБП своему, опять-таки бывшему, шефу, — насколько губительно и опасно для Вас приближение к себе человека, которого ненавидит вся страна, — А. Чубайса.

Не зная тонкостей рыночной экономики, люди прекрасно понимают, что именно Чубайс разорил их, обменяв деньги на ничего не стоящие ваучеры (какие же это, интересно, деньги были обменены на ваучеры? Как известно, приватизационные чеки раздавались бесплатно. — **О.М.**), именно Чубайс обещал им квартиры к 2000 году (квартиры к 2000 году, как известно, обещал Горбачев; ну да ладно, какая разница, все ведь знают: во всем виноват Чубайс. — **О.М.**) и автомашины «Волги» за каждый купленный ваучер, именно Чубайс уверял в наступлении экономической стабилизации в то время, как в

стране более 40 миллионов находились за чертой бедности (во всем, во всем виноват Чубайс! – **О.М.**).

Все знают, что именно этот человек несет главную ответственность за то, что в руках иностранцев теперь находятся российские заводы и фабрики, что были распроданы за бесценок российские недра и сырье, были подписаны невыгодные контракты на кабальных условиях, что страна оказалась полностью зависимой от Международного валютного фонда (даже Зюганов не предъявлял Чубайсу таких вздорных обвинений. – **О.М.**). Люди не знают тонкостей экономики, но они твердо уверены в том, что Чубайс – это враг России (в общем «враг народа», которого надо немедленно поставить к стенке. – **О.М.**). И теперь этот человек находится рядом с Вами».

И снова:

«Вместе с Чубайсом к власти в России рвутся транснациональные компании, уже опутавшие страну в экономическом плане, но не имеющие пока реальной политической власти. Эти силы ставят не на Вас, а на людей послушных и управляемых. Об этом свидетельствует содержание многих докладов, написанных в администрации Белого дома в Вашингтоне».

В общем старая совковая песня про козни международного, прежде всего американского, империализма.

Читаем дальше:

«Основной целью транснациональной стратегии является сделать Вас недееспособным и подтолкнуть к отречению от власти, не брезгуя для этого никакими средствами, втираясь в доверие даже к Вашей семье. Первый шаг уже сделан – в результате специально инсценированной провокации оказались деморализованными основные спецслужбы России и нависла угроза ее безопасности».

За этим следует вовсе уж зловещая фантастика:

«Обладая хорошо отточенными навыками психического воздействия, прошедший специальную подготовку в этой области (надо полагать, в ЦРУ? – **О.М.**), Чубайс заставил Вас принять неадекватное решение (то есть уволить Коржакова, Барсукова и Сосковца. – **О.М.**), в результате чего Вы оказались беззащитным. Он заставил Вас отказаться от тех, кто был рядом с Вами и защищал Вас от подлецов, торгующих Родиной... Кроме того, Чубайс уже пытается заставить Вас заявить о своем преемнике и не остановится до тех пор, пока Вы не отдадите власть тому, кто выберут для России транснациональные корпорации (это Лебедь, что ли, которого Ельцин – впрочем, не назы-

вая имени генерала и без всякой помощи Чубайса, – прочил тогда в преемники, продаст Родину проклятым империалистам? – О.М.)»

Коржаков уверяет Ельцина, что он и уволенные вместе с ним Барсуков и Соковец – «самые близкие и преданные» президенту люди, что он, Коржаков, «хотел бы искренне помочь» ему в сложной ситуации перед вторым туром:

«Я готов помочь Вам в эту трудную минуту. У нас есть возможности, профессиональные аналитики и эксперты для того, чтобы выиграть кампанию и обеспечить Вам победу во втором туре... «Один в поле не воин» – поймите это и разрешите помочь Вам.

Мы готовы в самое короткое время представить Вам план незамедлительных действий для отстранения Чубайса от деятельности в штабе избирательной кампании (самая главная, стратегическая задача! – О.М.) и возбуждения против него и его приспешников целого ряда уголовных дел... Мы... готовы оказать Вам любую поддержку и помощь».

Вряд ли, пребывая в спокойном, уравновешенном состоянии, можно было рассчитывать, что подобный текст окажет какое-то – желаемое для автора – воздействие на адресата. Письмо явно написано в состоянии крайнего нервного, точнее неврастенического возбуждения, неадекватного восприятия реальности.

Желаемого воздействия на президента послание действительно не оказало. Получив его, Ельцин, как пишет сам Коржаков, «крайне удивился»:

«– А что, Коржаков здесь?

– Так точно, каждый день приезжает на службу... – начал было докладывать адъютант...

– Немедленно опечатать кабинет, отобрать у него удостоверение, машину, отключить связь!...»

Впрочем, может быть, в тот момент Ельцин еще не прочел положенную ему на стол бумагу. Однако никакой другой реакции на эту депешу от него в дальнейшем не последовало.

Кстати, любопытно сравнить стиль пространного коржаковского письма его бывшему шефу со стилем его книги. Это небо и земля. Оно, конечно, разные жанры. И все же трудно отделаться от мысли, что письмо действительно написано отставным президентским охранником, а книга – кем-то другим...

Он хотел быть вторым после президента

И все же не до конца понятно, что двигало Коржаковым, когда он решил предпринять столь рискованный для него шаг – задержать Евстафьева и Лисовского (фактически своих коллег по ельцинскому избирательному штабу) с этой самой коробкой из-под ксерокса. Действительно ли стремление сорвать второй тур выборов, в чем его тогда сразу же обвинили? Или главной задачей было – оттереть от Ельцина конкурентов, в первую очередь Чубайса?

– Нет, я не думаю, что он хотел сорвать второй тур, – говорит Анатолий Борисович. – Этого не было. Но было понятно, что политически он идет к своему проигрышу и что мы находимся в ситуации просто лобового противостояния. Задерживая Евстафьева и Лисовского, он рассчитывал выправить ситуацию в свою пользу – продемонстрировать президенту, что только на него и его команду Борис Николаевич может опереться, а все другие, кто работает в штабе, – жулики и воры.

– А какой проигрыш грозил Коржакову, если бы он не предпринял этот шаг, ставший для него роковым? Ельцин остается президентом, он, Коржаков, остается главным президентским охранником... Где тут проигрыш?

– А он не собирался оставаться охранником. В том-то и дело, что в это время он не считал себя охранником. Он считал себя вторым лицом в государстве, управляющим матушкой-Русью. В том-то и была для него беда, что после своей победы Ельцин мог сделать его именно охранником, больше никем. Это означало бы для него абсолютную катастрофу.

– Что значит вторым лицом? Это кем? Премьером? Поста вице-президента уж не было...

– Да визирем! Какая разница! Я имею в виду не название должности, а суть, масштаб влияния. Ведь он общался с Борисом Николаевичем целыми днями, завтракал, обедал, ужинал с ним, подписывал у него указы, не прошедшие никаких согласований, вне всякого регламента, – это колоссальный объем влияния.

– Но разве это срывалось?

– Полностью.

– А почему срывалось-то? Ельцин по-прежнему президент, Коржаков – при нем. Он, как и раньше, сидит с ним за обеденным столом, проводит ночи неподалеку от его спальни... Ходит с ним в баню... Ездит на охоту...

– А где в это время Чубайс со всей своей «группировкой»?

– Чубайс мешает, да?

– Конечно. Еще как. Коржаков – человек с природным умом. Он много чего не понимал в тонких государственных механизмах и тем более в экономике, но у него был природный ум, абсолютно цепкий и здравый. Он ясно понимал, что прежнего влияния у него уже не будет. Поэтому он и пошел ва-банк.

Примерно так же смотрят на существо дела и бывшие помощники президента. В книге «Эпоха Ельцина», объясняя, почему главный ельцинский охранник решил пресечь «разворовывание денег» (а по существу – использование для оплаты некоторых расходов так называемого «черного нала») именно после первого тура, хотя прекрасно знал о нем и раньше, они пишут:

«Ответ очевиден. Именно тогда, особенно после удачной комбинации с Лебедем, стало совершенно ясно, что Ельцин побеждает и становится президентом на второй срок. Во весь рост вставала извечная проблема – кто воспользуется плодами победы. Ведь победа на выборах для многих – это не только почетные грамоты за содействие, это посты, влияние, доступ к ресурсам. В условиях конфронтации между различными сегментами президентского окружения плоды победы – это не только вопрос о доступе к «кормушке», но и проблема политического выживания.

Именно этим объясняется попытка скомпрометировать Чубайса, отстранить его от руководства кампанией, перехватить на последней стадии управление и проехать под триумфальной аркой второго тура со всеми приятными последствиями».

Лебедь отстраняется от Чубайса и от «коробки из-под ксерокса»

Несмотря на многочисленные комплименты, расточаемые Чубайсом в адрес Лебеда, генерал уже с середины дня 20 июня стал стремительно отдаляться и от него, и от «мутной истории» с задержанием Евстафьева и Лисовского («Эта мутная история меня не интересует», – презрительно сказал он журналистам после заседания Совета безопасности, отвечая на вопрос, обсуждалась ли она, эта «история», на прошедшем заседании).

В общем-то такой поворот нетрудно объяснить и соображениями

политической выгоды (малопонятная, я бы даже сказал – мистически загадочная патологическая нелюбовь большого числа трудящихся к Анатолию Борисовичу достаточно известна), и близостью генерала к таким лютым ненавистникам Чубайса, как Rogozin и Glazev.

В дальнейшем самоотстранение Лебеда от Чубайса и от «коробки» шло по нарастающей. 27 июня он заявил в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС: «Я решительно отвергаю то, что якобы при моем участии, после моего вмешательства были отпущены господа Лисовский и Евстафьев». А 2 июля вечером, в самый канун второго тура президентских выборов, комментируя утверждение Чубайса, будто он, Лебедь, причастен к увольнению Коржакова, Барсукова и Сосковца, вообще хлестанул Анатолия Борисовича наотмашь, заявив по окончании проведенного им брифинга: «Ни малейшего отношения не имею к команде торжествующего Чубайса, хотя должен констатировать факт, что он, конечно же, продемонстрировал лишний раз аппаратную ловкость и мощь».

Возможно, произнося эту тираду, Лебедь, среди прочего, полагал даже, что такими эскападами окажет услугу Ельцину, в очередной раз принизив человека, которого народные массы так ненавидят, пусть даже не очень святой и не очень праведной ненавистью.

Расхождение было неизбежно

А что сам Чубайс думает по поводу тогдашнего вроде бы неожиданного и стремительного дрейфа новоиспеченного секретаря Совета безопасности в сторону от него, Чубайса?

– Да это же было вполне предопределено – такое отдаление, – считает Анатолий Борисович.

– Сказывалось влияние его тогдашних друзей – Rogozina, Glazeva?..

– Не столько влияние... Лебедь считал себя человеком, который почти уже стал президентом. Он даже не скрывал этого. Взять хотя бы его интервью журналу «Шпигель». То есть это у него внутри сидело. А человек с таким отношением к себе неизбежно начинает себя вести, как почти президент, – заметьте, при живом президенте. Это и было причиной нашего расхождения, а в дальнейшем – лобовой политической драки. Мы шли к ней абсолютно последовательно и закономерно. Кстати, Куликов сыграл в ней очень важную роль.

— Вы имеете в виду еще один драматический эпизод, случившийся уже после выборов, — увольнение Лебеда с поста секретаря Совбе-за в октябре 1996-го?

— Ну да. Возглавляемое Куликовым МВД — это тогда был единственный силовой ресурс, который не контролировался Лебедем. Это ведь легко сказать — увольнение Лебеда... То была целая операция, когда мы «усиливали» Кремль, в том числе БТРами, когда поминутно расписывали программу силовых действий с момента объявления Лебеду указа о его увольнении и до момента отключения его телефонов, замены охраны и сопровождения до кабинета... Это было более чем серьезно. Представьте себе: секретарь Совета безопасности, у которого практически в конституционном подчинении находятся Минобороны, МВД, ФСБ... И вот вы говорите ему: «Вы уволены». Он может выйти, снять телефонную трубку прямой связи с Минобороны: «Значит так, Кантемировской, Таманской дивизиям немедленно выдвигаться в район Кремля...». А его приказ в этот момент еще обязателен к исполнению. Представляете, какую это несло в себе угрозу при его влиянии на силовиков и особенно на части специального назначения. И при том, что он специально этим занимался, много и серьезно готовился к подобному развитию событий. Здесь ситуация опять-таки была черно-белая: либо ты его задавил сразу, так что он уже деморализован, либо ты получаешь драку с человеком, который командует всеми силовыми структурами.

— Всеми, кроме МВД...

— Да, Куликов его ненавидел всеми фибрами души.

— Но и тот ненавидел Куликова.

— Двое пернатых в одной берлоге... Это как раз по поводу их отношений было сказано.

Дело о «генеральском заговоре» разваливается

Вернемся, однако, из октября в июнь 1996 года. Хотя Главная военная прокуратура начала проверку по обоим «делам» — и по утверждению Лебеда о заговоре в Министерстве обороны, и по инциденту с задержанием Евстафьева и Лисовского, — версия нового секретаря СБ о «новом ГКЧП» сразу же напоролась на серьезную критику. Что, разумеется, было неудивительно: невооруженным глазом было видно — никаких серьезных доказательств, кроме «опера-

тивных», — попросту говоря, донесений каких-то стукачей или обычной «прослушки» (соответствующим образом интерпретированной), — за этой версией не стоит.

Уже на следующий день, 19-го, ряд думских депутатов публично усомнился в достоверности приводимых Лебедем сведений о заговоре. Госдума поручила двум своим комитетам — по обороне и безопасности — подробно разобраться в этом деле. Впрочем, уже на том же заседании глава одного из этих комитетов — по безопасности — Виктор Илюхин сообщил, что, по его данным, ни правительство, ни спецслужбы, не располагают ни малейшей информацией о заговоре.

В тот же день министр обороны Грузии Вардико Надебаидзе, которого Лебедь упомянул в числе организаторов попытки переворота (на свою беду этот деятель оказался в тот момент в Москве и, что еще хуже, — в российском Министерстве обороны), отверг обвинение, будто он участвовал в заговорщической деятельности (уж ему-то с какой стати сюда влезать — это действительно с самого начала было непонятно). За него вступился и грузинский президент Эдуард Шеварднадзе, сказав, что упоминание Надебаидзе в числе «заговорщиков» — результат какого-то недоразумения.

Вечером 19 июня в программе «Время» телеканала ОРТ было оглашено официальное письмо Управления информации Минобороны по поводу заявления секретаря СБ:

«...Появившиеся сведения о якобы имевшей место попытке заговора генерала армии Грачева и его ближайшего окружения от начала и до конца не соответствует действительности. Обстановка в Вооруженных Силах спокойная, рабочая, личный состав ВС выполнял и выполняет только приказы Президента РФ, верховного главнокомандующего».

Однако утром 20-го, мы видели, Лебедь все еще продолжал настаивать: заговор в Минобороны существовал. Более того, по всей форме, хотя и с непонятным запозданием, доложил о нем президенту в присутствии министра внутренних дел Анатолия Куликова, с перечислением фамилий заговорщиков.

В этот же день несколько позже на своей второй пресс-конференции — в «Интерфаксе» — генерал вновь заявил: то, о чем он говорил ранее, подтвердилось. Правда, теперь Лебедь уже обвинял грачевское окружение не в организации «нового ГКЧП», а в «попытке силового давления на президента». Как видим, обвинение более мягкое и неопределенное. По словам секретаря СБ, виновники не будут подвергнуты уголовному преследованию, поскольку «в их действиях нет

состава преступления», но «какая-то часть офицеров будет уволена» (напомню: указ об увольнении Ельцин подписал 25 июня).

Между тем критика лебедевской версии «нового ГКЧП» продолжалась. Вскоре после заседания Совета безопасности 20 июня пресс-секретарь правительства Виктор Коннов заявил: ни о каком «ГКЧП-3», угрозу которого раздули российские СМИ (как всегда, СМИ оказались крайними), речи не идет, и вообще для муссирования подобных слухов выбран не самый удачный момент.

О том же самом в эфире «Эха Москвы» сказал и заместитель председателя думского Комитета по обороне коммунист Михаил Сурков (этому комитету, напомню, вместе с Комитетом по безопасности Дума поручила проверить утверждения Лебеда, но Сурков, не дожидаясь его результатов, поспешил оповестить слушателей о результатах собственной проверки):

– Высказывания... Александра Лебеда, по крайней мере в адрес Министерства обороны, не подтверждаются. Армия – на стороне президента и никаких переворотов не совершала... Мои беседы в Генштабе и штабе Московского округа убеждают меня, что командный и офицерский состав не предпринимал никаких активных действий для организации переворота, а бывший министр обороны Павел Грачев дал всем указание продолжать добросовестно выполнять свои служебные обязанности.

Несколько позже, 26 июня, на своей пресс-конференции довольно подробно о «генеральском заговоре» рассказал Виктор Илюхин. По его словам, хотя проверка еще не закончена, однако к настоящему моменту «абсолютно никаких сведений о попытке государственного переворота со стороны офицеров Генерального штаба и Министерства обороны» нет. Слухи о заговоре возникли в общем-то на пустом месте.

– После отставки Грачева, – сказал Илюхин, – действительно ряд офицеров высокого уровня собрались в кабинете, а потом около кабинета Павла Грачева. Конечно, были некоторые соболезнования, конечно, было употребление, незначительное употребление, спиртного по поводу его ухода, конечно, велись определенные разговоры. В том числе звучали и нелестные характеристики, высказывания в отношении Лебеда. Где-то промелькнуло о том, что, может быть, с учетом того, что Павел Сергеевич Грачев много сделал для Вооруженных Сил, и ту реформу, которая начата, находится где-то у середины своего развития, наверное, было бы целесообразно, как утверждали некоторые генералы, довести до конца Грачеву, – может быть, стоит обратиться к армии, чтобы она, в свою очередь, обратилась к

президенту с просьбой оставить Грачева в занимаемой должности министра обороны. Вот и все. Больше никаких разговоров, никаких схем, никакого планирования государственного переворота не было. Никаких распоряжений, никаких команд в войска не отдавалось. Войска как находились в местах постоянной дислокации, так и остаются до настоящего времени.

Зачем же понадобилось Лебедю сочинять этот миф о каком-то «заговоре»? Версия Илюхина такова:

— На мой взгляд — и я в этом глубоко убежден, — Александру Лебедю сегодня, как никогда, нужен имидж — имидж великого, крутого человека, спасителя России. Это первое. И второе: ему нужно подправить свой имидж после того, как он переметнулся в стан президента и стал его помощником. Несомненно, этот шаг отторгнул от него значительную часть электората — тех россиян, которые отдали свои голоса за Лебеда. Вот поэтому его сегодня и преподносят как спасителя России, как человека, способного в одиночку навести порядок в России.

В общем-то это было похоже на правду, хотя коммунисты в тот момент не столько жаждали правды (впрочем, они ее не жаждали никогда), сколько стремились нанести максимальный урон новому секретарю Совета безопасности, а через него — президенту.

Лебедь дает задний ход

Строго говоря, разоблачительная речь Илюхина на его пресс-конференции 26 июня — та ее часть, которая была посвящена «заговору» в Минобороны, — это был свисток вслед уходящему поезду. Лебедь выкинул белый флаг уже за несколько дней до этого. На заседании Госдумы 21 июня генерал заявил: он, дескать, сожалеет, что журналисты по-своему истолковали его слова о «ГКЧП-3» — не поняли иронии, заключенной в этом «термине». На самом деле, как он считает, «никакой попытки государственного переворота не было».

Вот-те на! Снова журналисты виноваты. А как же реакция Госдумы, правительства, Генпрокуратуры на его, Лебеда, заявление (точнее даже сказать — неоднократные заявления)? Тоже оказались без чувства юмора? Как быть со свидетельствами людей — таких, как Куликов, — кому Лебедь прямо говорил о министерском заговоре? Как быть с его докладом президенту?

Правда, о конфиденциальных разговорах генерала, о его докладе главе государства широкая публика в тот момент ничего не знала, однако сам-то Лебедь прекрасно о них знал, когда обвинял во всем журналистов.

Ну да ладно, что теперь об этом говорить... Тут важно другое: уже спустя три дня после назначения Лебеда на новый пост и его сенсационного заявления о раскрытом им будто бы заговоре стало ясно — попытка генерала в первые же часы своего пребывания на этом посту совершить подвиг во славу Родины окончилась пшиком.

Коммунисты набрасываются на «коробку»

Лучшего подарка для коммунистов, чем история с долларовой коробкой, которую пытались вынести из здания правительства, было не придумать. Они тотчас же набросились на нее и стали терзать с великим наслаждением.

Уже 20 июня Зюганов выступил с «обращением к россиянам». События последних суток коммунистический вождь назвал «грязными разборками» и «закулисными играми». Зюганов утверждал, что все это — «хорошо продуманная игра, выполнение заказа тех сил, которые на протяжении многих лет разваливают Россию», что «в стране активно действует пятая колонна» (излюбленный прием коммунистической пропаганды: чуть что — все сваливать на таинственную «пятую колонну»). Глава КПРФ предупреждал соотечественников, что в результате последних событий «нависла угроза срыва выборов, демократии, единству России», что не исключена «смена самого нынешнего президента, лишившегося ближайшего окружения», то есть опять-таки государственный переворот.

Пожалуй, самая любопытная деталь: в связи с последними событиями Зюганов решил изменить свою оценку прошедшего первого тура выборов. Прежде, как мы видели, результаты голосования вполне его «удовлетворяли». Теперь же он, вопреки официальным данным, вопреки собственной прежней оценке, заявил, что его соперник, то бишь президент Ельцин, «первый тур выборов проиграл».

В связи с этим стоит привести забавный эпизод, случившийся несколько дней спустя. Один из журналистов спросил зюгановского коллегу Виктора Илюхина, что он думает по поводу слухов, которые «муссируются» в последние дни, — будто в действительности Ельци-

на набрал в первом туре не 35, а всего лишь 27 процентов голосов. Илюхин ответил: «определенной информацией» — а именно, что «якобы Геннадий Андреевич на четыре процента получил больше голосов в первом туре, чем Борис Николаевич», — руководство КПРФ тоже располагает. «Но я еще раз подчеркиваю: это — слухи», — сказал Илюхин.

Как бы то ни было, мы видим: Коржаков и Барсуков — члены ельцинского Совета избирательной кампании, — что бы они ни говорили, своей акцией оказали неоценимую услугу противникам Ельцина — коммунистам. Тем оставалось лишь благодарить их.

Пресс-конференция Илюхина

Наиболее ощутимый удар, связанный с происшествием в Белом доме, президентской команде нанес как раз Виктор Илюхин. Как уже говорилось, 26 июня он провел пресс-конференцию. На ней журналистам были представлены материалы следствия (или, как они по-другому назывались, — предварительной проверки), касающиеся задержания Евстафьева и Лисовского.

Вообще-то Илюхин вряд ли имел право на такую демонстрацию: расследование этого дела только началось (этим, повторяю, занималась Главная военная прокуратура). Уж бывшему-то прокурорскому работнику, коим является Илюхин, это следовало бы знать. Но кто же — особенно из коммунистов — станет оглядываться на какие-то там юридические помехи, когда в руки вам летит такая «свеча»?

(Кстати, уже на следующий день оперативная группа ГВП, занимавшаяся проверкой по событиям последних дней, выступила со специальным заявлением: она-де рассматривает «оценки происшедшего со стороны отдельных политиков и средств массовой информации» как «попытку оказать давление на прокуроров и следователей».)

Вообще-то это относилось, конечно, не только к Илюхину, но к нему, пожалуй, — в наибольшей степени: никто, кроме него, не демонстрировал публично документы, непосредственно относящиеся к проводимому следствию.)

По утверждению Илюхина, спецслужбы и правоохранительные органы располагают «многочисленными сведениями о... растаскивании... и присвоении денег, перечисленных на избирательную кампанию претендентов». (Прошу заметить — «претендентов», не одного

только Ельцина.) По этим фактам уже возбужден ряд уголовных дел. Как можно было понять, к числу таких криминальных происшествий Илюхин склонен относить и попытку выноса полумиллиона долларов из Белого дома.

— Я — как человек, который ранее возглавлял Главное следственное управление в стране, а потом Управление по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, — ответственно заявляю: у компетентных органов, у ФСБ были все основания начать проверку для того, чтобы в последующем решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Сколько бы ни говорили — в частности, господин Чубайс, — о том, что это провокация, те материалы, которыми располагает Комитет по безопасности, говорят об обратном: о том, что вынос 500 тысяч долларов из Дома Советов был, и никаких «кукол» в коробке, никаких муляжей в ней не было, а были доллары. Эти доллары были изъяты из сейфа, одного из сейфов в Министерстве финансов Российской Федерации. А потом гражданином Лавровым были перемещены в Дом Советов, в правительственный дом, откуда и была сделана попытка их вынести.

Илюхин продемонстрировал журналистам видеозапись, на которой упомянутый им Борис Лавров (сотрудник Национального резервного банка, привлеченный Минфином к работе в президентской избирательной кампании) отвечает на вопросы следователя УФСБ. Из видеозаписи следовало, что 19 июня Лавров взял в Министерстве финансов 530850 долларов наличными и перевез эти деньги в Белый дом. В 17 часов в кабинет, где Лавров находился, зашли Евстафьев (с которым Лавров был знаком) и «молодой человек», которого Евстафьев представил ему как Лисовского. Лавров передал последнему 500 тысяч долларов в картонной коробке и «проштамповал» ему пропуск. Лисовский оставил Лаврову лапидарную расписку: «500000 у.е.», подпись и дата. После этого оба ушли, причем Евстафьев пообещал вскорости вернуться, после того как «проводит посетителя». Но не вернулся. Через час, когда Лавров уже собирался покинуть кабинет, в дверях его остановили люди, представившиеся как сотрудники Службы безопасности президента. Попросили открыть портфель и находившийся там конверт с деньгами. Поинтересовались, откуда у него столь крупная сумма — 38850 долларов? Лавров ответил, что эти деньги не его, что он их должен передать — либо Евстафьеву, если он вернется один, либо тому, кто с ним придет. Лавров сказал также следователю, что ключ от кабинета, где происходила передача денег, он взял у секретаря заместителя министра финансов Германа Кузнецова.

Свои объяснения Лавров изложил также на бумаге.

По словам Илюхина, он располагает не только продемонстрированной видеозаписью показаний Лаврова и его письменным объяснением, но и рядом других документов – рапортами работников милиции, задержавшими Лисовского и Евстафьева, ксерокопиями объяснений самих задержанных. Выдержки из одного милицейского рапорта Илюхин зачитал журналистам:

«Докладываю. 19.06 в 17 часов 20 минут мною, майором милиции Хачатуровым, и старшим лейтенантом милиции Карповым были задержаны гражданин Лисовский, сотрудник аппарата правительства Евстафьев с коробкой. Пропуска на вынос имущества не было. Лисовский ответил отказом предъявить его. Когда вскрыли коробку, то там оказались плотные пачки американских денег...»

Среди прочих документов: протоколы осмотра, акты изъятия и пересчета валюты – и большей, полумиллионной, суммы, задержанной на проходной, и меньшей, изъятной у Лаврова в кабинете.

Илюхин еще раз повторил: основания для проверки – он бы даже сказал, для возбуждения уголовного дела, – налицо. Сокрушался, что «третьи силы» «поставили заслон» работникам ФСБ в их правомерной попытке выяснить происхождение денег, изъять, «возможно, государственные денежные средства, возможно, денежные средства, перечисленные из-за рубежа, на избирательную кампанию Бориса Николаевича Ельцина».

Бесплатно только птички поют

Что же за деньги выносили Евстафьев и Лисовский? История эта так и осталась не расследованной. Говорят, ее расследование своим распоряжением прекратил Ельцин, сказав раздраженно генпрокурору Скуратову: дескать, хватит копать под мои выборы; были доллары или не были – дело прошлое, забудьте. В своей книге «Президентский марафон» он заверяет безапелляционно: «В дальнейшем проверка показала: состава преступления в действиях Лисовского и Евстафьева, заместителей Чубайса по работе в предвыборном штабе, не было. Все обвинения оказались необоснованными». В прокурорском постановлении о прекращении уголовного дела (апрель 1997 года) говорилось, что оно прекращается «за отсутствием события преступления». Конкретно, по разъяснению Скуратова, – в связи с

тем, что «следствие не установило источник, из которого были получены изъятые доллары», а также «законного владельца валюты» и «факт причинения кому-либо ущерба». «В связи с неустановлением законного владельца и отсутствием спора о принадлежности 538850 долларов США... – констатировал генпрокурор, – принято решение об их передаче в собственность государства».

Думаю, это первый случай в истории, когда правоохранительные органы, несмотря на все усилия (следствие длилось почти девять месяцев), не сумели определить, откуда и куда вполне «установленные» лица несли более полумиллиона долларов и кому эти доллары принадлежат.

На самом деле, что за деньги были в коробке, догадаться в общем-то нетрудно. Еще перед первым туром предвыборный штаб Ельцина затеял две мощные рекламно-агитационные кампании – «Голосуй или проиграешь» и «Ельцин – наш президент» с участием многих эстрадных звезд. Основной целью первой кампании было – «вытащить молодежь на выборы». Представлялось ясным: чем больше молодых придет к избирательным урнам, тем больше голосов будет у Ельцина. Смысл второй кампании разъяснять и вовсе не требуется...

В одном из рекламно-агитационных концертов – он проходил в Ростове-на-Дону, – как уже говорилось, принял участие сам Борис Николаевич. Видимо, собрав последние силы (в ту пору они были почти на нуле), он неловко отплясывал на сцене вместе с молодыми шоуменами и девицами в мини-юбках.

С тех пор, вот уже многие годы, этот ролик по разным поводам то и дело появляется на телеэкране. Одни воспринимают эту предвыборную пляску как верх нелепости, другие – как своего рода героизм...

Но речь здесь не о Ельцине – о звездах шоу-бизнеса. Хотя организаторы акций уверяли, что звезды не рассматривают свое участие в этих акциях как способ заработать деньги, выступают, так сказать, «по зову сердца», вполне адекватно оценивая сложившуюся политическую обстановку, в это трудно было поверить. Еще Шаляпин говорил (во всяком случае эти слова приписываются ему): «Бесплатно только птички поют».

Недавно (если вести отсчет от времени, когда пишутся эти строки) «Форбс в России» опубликовал список пятидесяти самых богатых российских спортсменов и эстрадных звезд – у кого годовые доходы от одних только гонораров превысили миллион долларов. В

их числе и Алла Пугачева, и Филипп Киркоров, и Николай Басков, и Олег Газманов, и Валерия, и Земфира... И группы «Мумий Тролль», «Любэ», «Глюкоза»... У Пугачевой, например, гонорары с 1 июля 2004 года по 30 июня 2005-го составили 3 миллиона 100 тысяч «баксов», у ее бывшего супруга Филиппа Киркорова – 2 миллиона 200 тысяч... Ну что там какие-то полмиллиона, разделенные на несколько десятков участников предвыборных концертов!

Это к вопросу о бескорыстии наших эстрадных певцов и певицек. Впрочем, они тут ничем не отличаются от своих зарубежных коллег.

Кстати, и сам Лисовский в своем объяснении написал, что изъятые деньги «должны были, по-видимому, пойти в оплату артистов».

«Коржаковым двигали корыстные мотивы»

Какой же вывод можно сделать из всей этой истории? Был ли этот вынос денег чем-то из ряда вон выходящим? И действительно ли люди, попытавшиеся воспрепятствовать выносу злополучной коробки, были движимы какими-то благими побуждениями, искренним желанием пресечь злоупотребления, восстановить закон и порядок?

Думаю, вряд ли это правильное толкование. К сомнительным источникам и способам финансирования своих избирательных кампаний прибегали все претенденты на президентский пост. Или, по крайней мере, большинство из них. Ельцин тут не был исключением. Как дипломатично выразился один из иностранных наблюдателей, «в России пока отсутствует механизм, позволяющий отличить законные источники финансирования предвыборных кампаний от нелегальных взносов». Такого механизма нет до сих пор.

Между прочим, очень точно обо все этом происшествии с «коробкой» пишут бывшие помощники президента в книге «Эпоха Ельцина»:

«Несоответствие между требованием Закона о выборах, задававшим верхнюю планку расходов на избирательную кампанию, и реальными расходами всегда приводило к тому, что расчеты за проведение кампании в существенной части проводились «черным налом». Это практиковали все, именно поэтому противоборствующие стороны никогда не обвиняли в этом друг друга (в скобках замечу, что похожим образом «противоборствующие» страны до поры до

времени не обвиняют друг друга, когда под видом дипломатов засылают друг к другу еще и некоторое количество шпионов: все ведь это «практикуют». – О.М.). Понятно, что то же самое делалось и в избирательном штабе Ельцина».

Кстати, как вообще у нас финансируются партии – та же КПРФ? Все мы хорошо помним скандал, разразившийся в октябре 2005 года по поводу доклада комиссии Пола Уолкера о проверке выполнения «иракской» программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Выяснилось, что осуществление этой программы – сплошное воровство и коррупция. Причем больше всех тут отличилась Россия. А в России – как раз КПРФ, в 1996-м пламенно обличавшая Ельцина в нечестности. Комиссия пришла к выводу, что право продавать иракскую нефть предоставлялось «за проиракские взгляды или мощным агентам влияния». В докладе приводилось письмо Геннадия Андреевича Зюганова хуссейновскому министру нефти Тарику Азизу: «Пользуясь случаем, хочу выразить солидарность в вашей справедливой борьбе против агрессивных действий США и их союзников». Ну, этаким бескорыстным борцом с ненавистным американским империализмом! А чуть ниже в том же послании: «Также просим восстановить экспортную квоту на продажу нефти Фонду дружбы с арабскими странами. Искренне Ваш....» В итоге КПРФ получила самую большую среди российских организаций квоту на продажу иракской нефти – 125 миллионов баррелей. Занявший второе место главный российский «либерал-демократ» Жириновский, тоже сердечный друг Саддама, далеко отстал от нее (всего лишь 73 миллиона).

А вы говорите – 500 тысяч «баксов»...

Так что при желании аналогичный скандал можно было раскрутить почти в любом избирательном штабе. Но так получилось, что его раздули в ельцинском.

У Коржакова и Барсукова было сколько угодно способов заявить о себе как о негнибаемых борцах с коррупцией, но они выбрали именно этот. В конце концов у них была возможность провести расследование после выборов. Однако они не захотели ждать...

Представьте себе такую ситуацию. Идет финальный футбольный матч на первенство Европы. Или даже мира. И вот в разгар этого матча игрок одной из команд подходит к другому игроку той же команды и говорит ему: «Слушай, старина, только что в раздевалке я видел у тебя часы «Роллекс». По-моему, это краденые часы». И затевает скандал, апеллирует к судьям, тренерам... В реальности такое, конечно, не может случиться, а вот во время «матча» под названием

«российские президентские выборы-96» – случилось. Хотя та «игра» для России была, конечно, тысячекратно важнее любого футбольного первенства.

Генералы не могли не понимать, что информация о задержании двух видных членов ельцинского избирательного штаба (неважно, официальных или неофициальных) неминуемо просочится в печать и нанесет ощутимый удар по избирательной кампании президента. И это – в критический момент, после почти равновесного исхода первого тура, перед решающим вторым...

Кстати, забавная деталь. В своей книге «Борис Ельцин: от расвета до заката. Послесловие» Коржаков приводит любопытный документ – свою докладную, которую он направил Ельцину незадолго перед первым туром. В ней он как начальник СБП выражает беспокойство по поводу возможной компрометации избирательной кампании президента в результате «вскрытия отдельных источников ее финансирования и направлений использования финансовых средств»: дескать, «существует опасность попадания отдельных документов в виде подлинников или копий в руки конкурентов или недружественных средств массовой информации». Как видим, Коржакова волнует вовсе не законность финансирования ельцинской избирательной кампании, а возможность утечки информации, касающейся чего-то незаконного или не совсем законного (ибо если все происходит по закону, – чего же тут бояться, какой компрометации?). Он просит президента, чтобы тот дал указание передать в СБП «на хранение всю финансовую документацию и электронные носители соответствующей информации». «Тяжело вздохнув, – пишет Коржаков, – Ельцин поручил мне лично контролировать финансовую деятельность выборной кампании».

На это ельцинское «поручение» он и ссылается, когда говорит о том, что его побудило остановить на проходной Евстафьева и Лисовского: мол, какие вопросы – выполняю задание президента.

Но ведь в докладной, мы видели, Коржаков просит совсем другого – вовсе не права «контроля финансовой деятельности» Совета избирательной кампании, а всего лишь – чтобы ему передали «НА ХРАНЕНИЕ» финансовую документацию. То есть претендует на роль сторожа при сейфах. И резолюция Ельцина гласит: «Передать ВСЕ». При чем же здесь «контроль финансовой деятельности»?

Еще из «Эпохи Ельцина»:

«Пикантность ситуации состояла в том, что именно Коржаков осуществлял контроль за перемещением всех средств (то есть за

«перемещением средств» «черным налом». — О.М.) и отвечал за безопасность этого процесса. В штабе за этим непосредственно следил его заместитель Г.Рогозин. Стало быть, служба безопасности знала обо всем, и если переход наличных денег из одних рук в другие рассматривался ими как нарушение, то пресечь это можно было гораздо раньше».

Кстати, затеяв скандал с коробкой, президентский охранник добился прямо противоположного результата: вся пресса — и наша, и зарубежная — оказалась полна сообщений о сомнительных финансовых операциях ельцинского избирательного штаба. Утечка произошла невиданных масштабов. Однако Коржаков нигде не сокрушается о самой утечке, а только обвиняет своих коллег по штабу в «воровстве». Такова истинная цена его заботы о сохранности конфиденциальной информации.

Что же до воровства, до нарушения законов, в действительности, думаю, это тоже не слишком волновало кремлевских генералов, — соответствующие обвинения служили лишь удобным прикрытием политической борьбы с их конкурентами в президентском окружении. Явно проигрывая этим конкурентам, они пошли на отчаянный шаг. На шаг, граничащий с предательством.

Именно так расценили случившееся все хотя бы мало-мальски сведущие в кремлевской кухне. Даже те, кто в общем-то занимал нейтральную позицию, особенно не сочувствовал ни той, ни другой команде в ельцинском избирательном штабе. «Какими бы законными по формальным признакам ни являлись действия спецслужбы (Службы безопасности президента. — О.М.), — пишет, например, все тот же Анатолий Куликов, — истинной их причиной была все-таки политика. Вернее, яростная и очень рискованная борьба за власть в Кремле. А потому мотивы, которыми руководствовался Коржаков в этой ситуации, носили ярко выраженный корыстный характер».

Соглашаясь в целом с этой цитатой, не могу все же не сказать: не для всех находившихся в тот момент возле Ельцина происходившая там «яростная борьба» была борьбой за власть. Кое для кого на первом месте стояла все же борьба за победу Ельцина. Точнее — за поражение Зюганова. За спасение России от второго пришествия коммунизма.

Наконец, последнее. Недавно на глаза мне попала рекламная аннотация книги «Случай в Кропоткинском переулке», один из авторов которой — Валерий Стрелецкий, тот самый, подчиненный Коржакова, руководивший задержанием Евстафьева и Лисовского. Авторы

аннотации выделяют именно этот факт из его биографии («Именно он задержал в Белом доме людей с коробкой из-под ксерокса») и, соответственно, с восторгом представляют его читателю как «человека, едва не сорвавшего переизбрание Ельцина».

Между прочим, аннотация помещена в конце все той же книги Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие», выпущенной издательством «Детектив-пресс», гендиректор которого – опять-таки Валерий Стрелецкий. Не могу себе представить, чтобы ни тот, ни другой – ни Коржаков, ни Стрелецкий – не видели эту аннотацию. Если видели и не возражали против публикации такого текста, стало быть, тоже понимают, что та история со злополучной коробкой вполне могла закончиться срывом ельцинского переизбрания. Понимают теперь и понимали тогда, в 1996-м.

ЖИРИНОВСКИЙ ДЕЛАЕТ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР

Он уже не желает быть премьер-министром

Примерно 14 июня, когда наметились вполне различимые признаки того, что Ельцин намерен заключить тесный союз с Лебедем, сделалось очевидно: образующаяся при этом связка президента и генерала явно перевешивает возможную связку Зюганов – Жириновский. Этого не мог не видеть и лидер ЛДПР. Оказаться в стане проигравших, в стане явных противников победившей ельцинской команды совсем не входило в его планы, а потому он стал потихоньку отодвигаться от Зюганова.

Уже 16 июня непосредственно на избирательном участке он заявил, что не войдет в состав «будущего правительства» (понимай – правительства Зюганова: ведь именно в нем он собирался быть премьер-министром), ему, дескать, «выгоднее оставаться в оппозиции, быть лидером оппозиционной партии», сохранять «свободу критиковать правительство».

При этом, правда, отказался раскрыть, за кого он будет голосовать во втором туре, если ему самому не удастся туда выйти. Сказал лишь туманно: «Я буду сотрудничать с патриотами России». Осторожность есть осторожность. В тот момент еще было не вполне ясно, на чью сторону склонится чаша успеха.

Ко всему прочему и результаты у Жириновского в первом туре, как мы видели, оказались довольно кислыми: он получил почти вдвое меньше голосов, чем ЛДПР на декабрьских думских выборах (было 11,18 процента, 7,7 миллиона проголосовавших, стало соответственно 5,7 и 4,3). Так что его «жениховская» привлекательность сильно понизилась.

Некоторые – как, например, один из членов аналитической группы Чубайса Вячеслав Никонов – заговорили даже о «закате политической звезды» лидера «маргинального национал-социализма». По его словам, первый тур показал, что Жириновский перестает быть

«существенным фактором российской политики» и его влияние на нее будет иметь лишь «остаточный характер» в виде достаточно мощной фракции в Госдуме.

Демократы, да и вообще люди вменяемые, естественно, приветствовали фактический выборный провал «сына юриста». «Россия, слава Богу, выздоравливает», — сказал по этому поводу политолог Алексей Кара-Мурза. А Владимир Шумейко оптимистично заключил, что «время клоунов в политике прошло».

На самом деле, как мы знаем, это время не миновало и сегодня.

Несмотря на падение политических акций Жириновского интерес коммунистов к нему как раз подскочил: им приходилось искать какой-никакой противовес альянсу Ельцина с Лебедем. О возможном союзе с лидером ЛДПР 17 июня достаточно определенно заговорили такие коммунистические функционеры, как Валентин Купцов, Владимир Семаго.

Сам Зюганов на пресс-конференции 19-го числа, отметив, что во фракции ЛДПР есть «разумные люди», уже без всяких экивоков пообещал им посты в своем будущем «правительстве народного доверия».

Однако Жириновский в этот же день вновь с важным видом заявил, что сообщит, чью кандидатуру будет поддерживать, только перед вторым туром. Оно и понятно: зачем торопиться — цены на голоса растут день ото дня.

При этом лидер ЛДПР выразил уверенность, что его избиратели проголосуют именно так, как он скажет. Социологи, естественно, не разделяли этой уверенности. По их мнению, призыву Жириновского (как и любого другого кандидата) голосовать так, как он велит, последует не более 30 — 40 процентов его электората.

Наконец-то он «прозрел»

Дни шли за днями, Жириновский продолжал тянуть время. 24 июня через свою пресс-службу он заявил, что позиция ЛДПР во втором туре будет обнародована до 1 июля. «Пока мы будем призывать голосовать против всех, но время еще есть», — говорилось в заявлении. И пояснялось: эта позиция может измениться, если кандидаты обяжутся отмежеваться от деятелей, которые вызывают наибольшее неприятие Жириновского. В лагере коммунистов это Виктор Анпилов, Ана-

толий Лукьянов, Николай Рыжков. В противоположном лагере первым в списке, естественно, был Анатолий Чубайс, а за ним – большинство помощников президента.

Мало-помалу, однако, становилось ясно, как именно будет окончательно выглядеть призыв Жириновского к его избирателям. 26 июня, подтвердив, что его партия «находится в оппозиции как к коммунистам, так и к демократам», он вместе с тем предостерег против угрозы, связанной с приходом к власти марксистов-ленинцев. По его словам, в КПРФ собрались «неудачники» из КПСС, «они озлоблены и поэтому очень опасны; их не интересует Россия». При этом Жириновский вновь, в очередной раз, пообещал к 1 июля сообщить, за кого он призывает голосовать своих избирателей во втором туре. «К 1 июля, – сказал он, – возможны три варианта: либо – против всех, либо – полная свобода выбора избирателей, либо я укажу, за кого отдать голос».

Долгожданный окончательный призыв, за кого им голосовать, избиратели «сына юриста» услышали из его уст 28-го числа. Выступая в этот день на пресс-конференции, он заявил, что «не следует голосовать за худший вариант – Геннадия Зюганова». «Мы не можем поддержать КПРФ, ибо она является прямой наследницей КПСС, которая руководила нами с 1917 по 1991 год», – сказал Жириновский, добавив, что если коммунисты придут к власти, то в России исчезнет оппозиция и «в стране начнутся перетряски». «Мы же не хотим никакой перетряски, и нам трудно поверить Зюганову, ибо все 70 лет его партия лгала», – сказал Жириновский. По его словам, 3 июля в России наступит «день прощания с коммунизмом».

Складывалось ощущение, что только 28 июня 1996 года Жириновский прозрел и увидел, кто такой Зюганов и что такое КПРФ. Словно бы и не было его многочисленных попыток заключить с коммунистами союз.

При этом, правда, Жириновский оговорился, что он не поддерживает и курс «нынешнего президента», но тем не менее еще более его не устраивает КПРФ, ибо – довольно неожиданный аргумент! – «ее курс является продолжением курса Горбачева».

На следующий день раздосадованный Зюганов с великими раздражением и не очень сообразуясь с логикой так прокомментировал призыв Жириновского к своим избирателям: дескать, после этого призыва «у нынешнего президента фактически не осталось шансов выиграть выборы» – даже «самые-самые демократы после такого альянса теперь подумают, за кого голосовать».

Что побудило Жириновского сделать тот выбор, который он сделал? Ну, во-первых, надо полагать, его традиционная неискоренимая привычка при любых обстоятельствах пристраиваться в кильватер власти (сопровождаемая столь же неизменными уверениями в своей «оппозиционности»). Во-вторых, – возможно, и какие-то более конкретные мотивы... У меня, разумеется, нет доказательств, но я совсем не исключаю, что президентская сторона просто «купила» его – либо в прямом смысле, заплатив некую сумму, либо какими-то посулами. Как уже говорилось, перед выборами Жириновский неоднократно встречался с Черномырдиным. В последний раз – непосредственно накануне голосования, 2 июля. При этом, по словам самого Жириновского, прямо заявил ему, что «готов войти в правительство» и даже, более конкретно, – хотел бы получить место в министерстве юстиции (на пост премьера, как в случае победы Зюганова, он уже не рассчитывал). В правительство его, конечно, не пустили, но какие-то эквивалентные заманчивые предложения и обещания он, не исключено, получил: Черномырдину не хуже, чем Жириновскому, были известны правила этих игр...

ЯВЛИНСКИЙ В СВОЕМ АМПУА

«Никакие рейтинги ему не указ»

Весьма скверную роль в избирательной кампании 1996 года сыграл Явлинский. Этот деятель и его сподвижники потратили много сил, чтобы расколоть демократический электорат, оттянуть его часть от Бориса Ельцина. «Яблочники» словно бы не понимали, что сам их лидер не в состоянии составить серьезную конкуренцию коммунистическому кандидату, и тупо, игнорируя данные социологических опросов, настаивали на обратном.

С самого начала избирательной кампании и буквально до последнего момента позиция «Яблока» — по крайней мере, большинства в его руководстве — была проста и однозначна: Ельцин нам не нужен, у нас есть свой кандидат. Так, в двадцатых числах февраля уже упоминавшийся член думской фракции «Яблока» Алексей Захаров заявил в интервью «Независимой газете»: «Нет ни одного варианта развития политических событий, при котором «Яблоко» поддержит Ельцина». Отверг Захаров и слухи, будто Явлинский может пойти на выборы в связке с Ельциным в качестве будущего премьера: «Явлинский — не сумасшедший».

В начале апреля ряд известных демократических деятелей провели пресс-конференцию, где объявили о создании общественного комитета в поддержку Григория Явлинского на президентских выборах. Среди других в комитет вошли Элла Памфилова, Юрий Афанасьев, Сергей Ковалев (кстати, член Политсовета «Демвыбора России»), Елена Боннэр, Аркадий Мурашов (тоже дэвээронец).

Участники пресс-конференции не согласились с мнением, что реально противостоять Зюганову может лишь Ельцин. По их убеждению, у лидера «Яблока» хорошие шансы добиться успеха на предстоящих выборах.

Впрочем, видимо не особенно в это веря, Элла Памфилова сообщила журналистам: она, дескать, просила Явлинского пообещать, что если накануне выборов его рейтинг будет намного уступать рей-

тингу Ельцина, то он снимет свою кандидатуру уже перед первым туром. По ее словам, руководитель «Яблока» такое обещание дал. Вроде бы важное сообщение. Однако оказавшийся в зале член «яблочной» думской фракции Виктор Шейнис тут же опроверг его, сказав, что Явлинский не снимет свою кандидатуру «ни при какой погоде» и никакие рейтинги ему не указ.

В начале мая между Ельциным и Явлинским вроде бы наметилось какое-то сближение. 5 мая состоялась их встреча. Правда, комментарии «высоких договаривающихся сторон» по ее итогам были противоречивы. 8 мая стало известно, что Явлинский, выступая по телеканалу Би-Би-Си, заявил: он, мол, готов рассмотреть идею создания его союза с президентом Ельциным, чтобы не допустить победы Зюганова. Условия Явлинского: глава государства должен изменить политический и социально-экономический курс, провести ряд кадровых изменений во властных структурах и по-настоящему остановить войну в Чечне.

Сам Ельцин во время предвыборной поездки в Астрахань 11 мая о возможном союзе с Явлинским высказался еще более определенно: «Мы уже встречались с ним, и мы объединяемся». Однако лидер «Яблока» отреагировал на это заявление неожиданно резко, заявив «Интерфаксу» в тот же день, что у него нет ни намерений, ни желания примыкать к президентской команде. Дескать, во время недавней встречи с президентом он лишь изложил ему основные тезисы своей предвыборной программы.

Вот так. Как хотите, так и понимайте... По-видимому, с этим «объединяемся» Ельцин все же поторопился. Никакого особенного желания «объединяться» с ним у Явлинского не было. Ни до, ни после их встречи.

Тем не менее в прессе появились сообщения, что «в самое ближайшее время» может состояться еще одна встреча Ельцина и Явлинского, на которой все, мол, и решится окончательно. Такая встреча состоялась 16 мая, но и на ней «окончательного решения» достигнуто не было. В печати утверждалось (после и сам Ельцин это подтвердил), что президент предложил Явлинскому пост первого вице-премьера по экономике, однако тот отклонил это предложение, заявив, что согласен снять свою кандидатуру лишь в обмен на должность главы правительства. Однако сам лидер «Яблока» отрицал, что выдвигал такое требование.

18 мая Явлинский опубликовал в «Известиях» письмо, ранее переданное Ельцину, с изложением условий, при выполнении которых он согласен на союз с президентом. Об этом письме — далее.

Кого он сделает президентом – Ельцина или Зюганова?

(Из написанного в те дни. 20 мая 1996 года)

Судя по опросам, президентство Явлинскому совсем не грозит. 9 – 10 процентов потенциальных избирателей – вот тот барьер, в который он уже давно уперся и преодолеть который вряд ли сумеет.

Правда, подобно другим кандидатам второго и третьего ряда, он отмахивается от этих процентов: дескать, все это чушь собачья, все это приблизительно и недостоверно, вот придет день голосования – тогда избиратели и скажут свое настоящее слово...

Конечно, соцопросы не Бог весть какой совершенный измерительный инструмент, однако общее представление о популярности того или иного кандидата они, безусловно, дают. Кстати, и сам Явлинский еще не так давно относился к ним по-другому. Минувшей зимой в Давосе на вопрос «Почему вы думаете, что вы лучше Ельцина?» он находчиво ответил: «Потому что у меня рейтинг выше».

Нет, безусловно, руководитель «Яблока» вполне понимает всю бесперспективность своего участия в президентской гонке. Ну, а то, что он хорохорится и бодрится, – таковы уж правила игры...

Хочет ли он стать премьером? По этому поводу между ним и президентом только что произошел заочный обмен репликами. В ходе этого обмена Ельцин простодушно сообщил, что при встрече с Явлинским он предложил ему пост первого вице-премьера, однако его собеседнику, дескать, этого мало – он желает быть премьером. Явлинский подтвердил, что ему делалось такое предложение на встрече с президентом, однако, по его словам, он отказался продолжать разговор на эту тему, поскольку «пришел не для того, чтобы обсуждать назначения на должности». «Я сказал президенту, что на пост премьер-министра не претендую», – заявил Явлинский. Главное для него, по его словам, – чтобы президент принял требования, которые изложены в письме, переданном Ельцину, а уж кто станет после выборов председателем правительства, кто займет другие посты – дело второстепенное.

Все требования Явлинского в совокупности выражаются словами «необходима серьезная корректировка курса реформ». В чем же она заключается? Предлагаемые им шаги можно разделить на три группы. Первая – вполне разумные конструктивные идеи. Близкие и понятные всякому здравомыслящему, демократически настроенному человеку. Это, например, предложения, касающиеся Чечни: взять за

основу прошлогодние соглашения по кругу военных вопросов, установить достаточно долгий переходный период, в течение которого должен быть сохранен статус республики, фактически сложившийся на сегодня, после чего провести референдум о ее государственно-правовом статусе. К этой же группе в числе других относятся предложения по комплектованию армии: «отменить призыв в армию студентов и ограничить срок службы призывников полутора годами», «усилить роль контрактной системы»...

Вторая группа предлагаемых шагов – общие благие пожелания, против которых никто, разумеется, не станет возражать, однако, как конкретно их осуществить (и проконтролировать осуществление), тоже, думаю, никому не понятно.

Ну кто, например, будет возражать против тезиса, что необходимо «сохранить офицерский корпус, оборонную промышленность, военную науку, современное вооружение» (кстати, а невоенную науку, корпус учителей, врачей, гражданских инженеров – что, сохранять не нужно?)? Кто воспротивится требованию, чтобы «отношения внутри СНГ» учитывали «экономические и политические условия других стран СНГ», чтобы в отношениях с государствами Балтии «сочеталась конструктивная и политическая поддержка прав русскоязычного населения этих стран», чтобы «внешнеполитический курс России» основывался «на наших национальных интересах» и т.д. и т.п.?

Эти пожелания, конечно, нетрудно принять. Они никого ни к чему не обязывают. По-видимому, с ними-то в первую очередь и согласился Ельцин, читая письмо в присутствии автора (по словам Явлинского, «президент согласился со всеми основными положениями этого документа»).

Наконец, третья группа – тоже очень хорошие, но заведомо невыполнимые (по крайней мере, в близкие сроки) пожелания. Ну как, например, «устранить напряженность с Украиной»? Ясно ведь: эта напряженность во многом проистекает из объективной сшибки интересов двух стран. Преодоление ее – дело долгое, кропотливое. Или еще: как «создать условия для финансовой и экономической независимости прессы»? Оно хорошо бы, конечно. Мы, журналисты, только о том и мечтаем. Но... Что-то не видно к этому коротких путей. Даже то малое, что было тут намечено, не действует, не выполняется. Далее. Как защитить мелкие и средние предприятия от «рзкета и вымогательства госчиновников»? Подобная защита возможна только в рамках общей борьбы с волной преступности. А это такая гора... Наконец, каким образом восстановить на предприятиях «бронирование средств на зарплату»? В общем-то идея прекрасная,

рассчитанная на аплодисменты, но что станет при таком бронировании со сбором налогов? А стало быть, что станет с деньгами для учителей, врачей... военных?

Одним словом, предложения Явлинского – прав Гайдар – в значительной степени декларативные и популистские.

Впрочем, это-то отчасти и облегчает переговоры между президентом и лидером «Яблока». Облегчает их для Ельцина. Хотите, чтобы в отношениях со странами СНГ мы учитывали индивидуальные условия их развития? Да ради Бога, пожалуйста, никаких возражений. Мы сами об этом только и думаем. Желаете, чтобы мы заботились о русских, оставшихся в бывших союзных республиках? Какие вопросы! Абсолютно никаких. Требуете, чтобы во внешней политике мы блюли собственные национальные интересы? Ну а как же, понимаешь, иначе? Иначе, понимаешь, и быть не может...

Трудности для президента возникают только тогда, когда в письме Явлинского появляется конкретика. Полтора года службы призывников. Гм... Сколько об этом уже было говорено! То вводили эти полтора года, то отменяли. Генералы возражают. Надо взвесить, чье мнение нынче тяжелее – генералов или Явлинского. Повысить минимальную зарплату до двух третей прожиточного минимума? Опять – гм... Тут надо считать, во сколько триллионов это выльется. Где их взять?..

Однако самое трудное для выполнения требование Явлинского, разумеется, другое. Он предлагает ввести двухпартийную систему исполнительной власти, при которой обе правящие партии – нынешняя «партия власти» и «Яблоко» – обладали бы равными правами.

По существу, предлагается, конечно, даже нечто большее, чем просто реформирование исполнительной власти. Известно, какими огромными властными правами обладает сегодня президент и сколько их у Федерального собрания. Располовинивание президентских полномочий означает весьма радикальное изменение всей системы государственного управления. Вот в чем основной смысл послания Григория Явлинского Борису Ельцину, а вовсе не в риторических пожеланиях, чтобы во внешней политике России учитывались ее национальные интересы, а в отношениях со странами СНГ принимались во внимание их особенности.

Ясно, что предлагаемое изменение должно быть отражено в Конституции. И Явлинский требует от Ельцина, чтобы он в течение месяца внес в Федеральное собрание проект соответствующего закона. Но вот вопрос: с какой радости национал-коммунистическое

большинство Госдумы станет подыгрывать Ельцину и Явлинскому, споспешествовать заключению их союза? Думские коммунисты и националисты, конечно, желают ослабления единоличной власти Ельцина, однако сейчас и в таком виде этот законопроект, разумеется, будет ими отклонен. И что тогда? Вправе ли мы будем считать, что президент не выполнил главное требование «Яблока»? Как вообще можно предлагать кому-то соглашение, реализация которого в главном своем пункте зависит от некоей третьей стороны, причем стороны враждебной?

Что касается должностей... Ну да, в письме Явлинского не упоминается, кто именно должен занять после выборов кресло председателя правительства, однако трудно себе представить, чтобы кандидатом на эту должность — по сути дела, на должность СОПРЕЗИДЕНТА — Григорий Алексеевич прочил кого-либо иного, кроме самого себя. Так что Ельцин, наверное, не так уж и погрешил против правды, говоря, что руководитель «Яблока» в обмен на поддержку требует места премьера.

Среди прочего Явлинский настаивает на немедленных кадровых жертвах. В числе обрекаемых им на заклятие — Черномырдин, Сосковец, Грачев, Егоров. Если, допустим, три последних имени ни у одного демократа — а Явлинский выступает как вождь демократической оппозиции — не вызывают никаких вопросов, то присутствие в этом списке Черномырдина на первый взгляд не очень понятно. Вроде бы не самый скверный деятель... Человек, обеспечивающий стабильность. Какие-никакие реформы. То, что он открывает список, становится вполне объяснимым, как только мы вспомним, что Виктор Степанович занимает как раз то место, на которое претендует руководитель «Яблока»...

Письмо Явлинского Ельцину не позволяет однозначно заключить, чего все-таки человек по-настоящему хочет, — хочет ли он, чтобы в стране действительно произошли какие-то новые серьезные подвижки в направлении демократии, реформ, или в первую очередь просто-напросто желает какого-то высокого поста во властных структурах. Впрочем, если даже справедливо второе, это, конечно, не значит, что напрочь отменяется первое. Ведь многие стремящиеся во власть как рассуждают: вот приду и сделаю всем хорошо. Так что не станем торопиться бросать в Явлинского камень: возможно, это как раз тот случай, возможно, на первом месте у него стоит вовсе не честолюбие, не жажда постов, а именно желание сделать добро людям, России.

Он пишет, что выдвигаемая им программа не допускает никакого торга, поскольку продиктована принципиальными соображениями. Но вот ведь какая штука: в самом его подходе к переговорам с Ельциным заключен принцип торга. Явлинский убеждает президента, что никто из них двоих не имеет гарантий выхода во второй тур. (Здесь Григорий Алексеевич, конечно, лукавит: у него самого таких шансов действительно нет; что касается Ельцина — он в этот тур выходит почти наверняка.) Далее, даже выйдя во второй тур, Ельцин, по уверению Явлинского, без поддержки демократической оппозиции проиграет Зюганову. Иными словами, упомянутая поддержка — вот тот товар, который предлагается в обмен на исполнение требований, выдвигаемых Явлинским. Это ли не торг?

В общем-то ничего постыдного тут нет. Так делается повсюду, где существуют свободные выборы. Все опять-таки упирается в главный вопрос: во имя чего такой торг ведется?

Особенность нынешней российской ситуации известна: в случае победы одного из главных претендентов на президентский пост — бывшего скромного труженика ЦК КПСС, а ныне вождя российского пролетариата товарища Зюганова — страну ждет катастрофа. Тут все ясно, никаких вариантов нет. В последнее время Ельцин по рейтингу вроде бы опережает пролетарского интернационалиста и российского национал-патриота, однако в целом положение равновесное, шаткое, запас прочности президенту, конечно, не помешал бы. В числе других на повышение этого запаса мог бы сработать и «лидер демократической оппозиции», однако мы видели, какую он просит за это цену. Тут Ельцин прав: слишком высокая цена.

Явлинский предлагает Ельцину компромисс («политический компромисс между двумя общественными силами»), но отвергает торг. Как же достичь компромисса, не прибегая к торгу? Такая постановка вопроса больше похожа на ультиматум.

Между тем время идет, выборы приближаются. С каждым днем эта азартная игра главного демократического кандидата в президенты все больше напоминает русскую рулетку. Кто не знает, это когда в барабан револьвера вставляется один-единственный патрон; человек вращает барабан и приставляет ствол к виску — то ли к чужому, то ли к своему. Выстрел то ли грохнет, то ли нет... Тут, похоже, дуло уперто в наши с вами головы.

Газета «Известия», напечатав письмо Явлинского Ельцину, удовлетворенно заключила: теперь уже, дескать, после этого письма, никто не сможет обвинить Григория Алексеевича, что в президент-

ской кампании он играет роль «могильщика российской демократии». Ну, отчего же? Если Явлинский не понизит уровень своих требований, не добьется реального компромисса с Ельциным, не окажет ему посильную практическую поддержку, он и будет главным могильщиком. Он да еще офтальмолог-профессионал и политэкономист-любитель, то ли капиталист, то ли социалист Святослав Федоров. Именно Явлинского в первую очередь товарищ Зюганов в случае чего должен будет поблагодарить за свалившееся на него президентство, так же как в недавние поры товарищ Селезнев, я думаю, благодарил за доставшееся ему спикерство.

В ближайшие дни мы окончательно сможем удостовериться, в какой степени Явлинскому присуще чувство гражданской ответственности. До сих пор у нас в общем-то не было такой возможности. Как сказал на недавнем съезде «выбороссов» Анатолий Чубайс, приближается «момент истины», когда станет ясно, «что для лидера «Яблока» важнее. — Явлинский или Россия».

* * *

Сегодня, перечитывая размышления десятилетней давности, в общем-то не находишь, что к ним добавить. Как и тогда, не перестаешь удивляться: люди — некоторые, причислявшие себя к демократам, — словно бы не понимали, сколь серьезна ситуация, на каком краю пропасти застыла страна. Одно неверное движение, небольшой толчок — и все полетит в тартарары.

«Яблоко» шлет письмо Ельцину

«Момент истины», о котором говорил Чубайс, наступил после первого тура. Действия Явлинского в период, ему предшествовавший, еще как-то можно было понять: человек желает утвердиться в качестве одного из ведущих российских политиков, как фигура №1 среди политиков-демократов. В первом туре, как мы видели, Явлинский набрал 7,34 процента голосов и занял четвертое место. Казалось бы, уж теперь-то ему сам Бог велел бросить все силы на поддержку Ельцина. Других вариантов нет.

Собственно говоря, о необходимости такой поддержки сразу же повели речь многие функционеры «Яблока». Тот же Алексей Заха-

ров, который еще совсем недавно не видел «ни одного варианта развития событий», при котором «Яблоко» поддержало бы Ельцина, уже 17 июня заявил, что такая поддержка во втором туре действующему президенту, видимо, будет оказана. Спустя два дня его коллега вице-спикер Госдумы Михаил Юрьев высказал убеждение, что «Яблоко» и его лидер Григорий Явлинский должны призвать своих избирателей проголосовать во втором туре за Ельцина.

При этом, однако, из выступления в выступление «яблочников» (не всех, но многих) стала кочевать одна и та же формула – поддержку действующему президенту следует оказать лишь «на определенных условиях».

Предполагалось, что окончательно позиция «Яблока» будет определена 22 – 23 июня на его IV съезде в подмосковном Голицыне.

22-го этот вопрос обсуждался на закрытом заседании думской фракции объединения. По сообщениям прессы, Явлинский настаивал, чтобы условия поддержки Ельцина были «достаточно жесткими». В общем-то они совпадали с теми предложениями, которые лидер «Яблока» изложил президенту на их майских встречах: корректировка политического и экономического курса, ограничение власти президента, расширение полномочий премьера и правительства, кадровые замены в органах высшей власти, реальное установление мира в Чечне.

Мнения разошлись. За поддержку Ельцина на этих условиях выступило 20 членов фракции, 13 высказались за его безусловную поддержку, восемь человек предложили призвать избирателей голосовать «против всех».

После этого дискуссии перенесли на съезд. Она была бурной и закончилась лишь к полуночи.

На следующее утро провели «справочное» тайное голосование. Из 152 делегатов съезда 63 проголосовали за поддержку Ельцина, двое – за поддержку Зюганова (нашлись и такие!), остальные 87 – за то, чтобы голосовать «против всех».

После этого голосования на съезде выступил Явлинский. Он вновь высказался за условную поддержку Ельцина, заявив, впрочем, что региональные организации «Яблока» должны сами определить свою позицию.

Соответствующим образом был составлен и проект постановления съезда. Оно призывало поддержать Бориса Ельцина на определенных условиях. В числе главных – ограничение президентом своей власти путем внесения поправок в Конституцию, реальное прекра-

шение войны в Чечне, определенная корректировка социально-экономического курса. Кроме того, президенту задавался ряд вопросов, на которые он должен был ответить до второго тура выборов: «яблочников» интересовало, как Ельцин собирается развивать демократию в регионах, каким будет персональный состав и программа правительства после 3 июля, кто возглавит силовые структуры и будут ли они поставлены под гражданский контроль...

Разумеется, многие из этих требований и вопросов были вполне уместны и правомерны. Стоило ли, однако, их выдвигать именно в той обстановке – обстановке острейшего, критического противостояния с коммунистами?

Как бы то ни было, все понимали: за оставшееся время выполнить главные из требований, предъявленных президенту, нереально или, по крайней мере, очень сложно. По этой причине авторы проекта призывали Ельцина пообещать, что он их выполнит после своей победы на выборах, а ответы на поставленные вопросы даст в ближайшие дни.

Вновь последовала долгая дискуссия, после чего проект был принят «подавляющим» большинством голосов. Среди прочего в нем говорилось:

«Мы призываем избирателей принять активное участие в голосовании 3 июля. Мы никогда и ни при каких условиях не поддержим Зюганова. Мы не можем оказать безоговорочной поддержки Ельцину, мы убеждены в том, что результаты голосования будут зависеть от того, насколько убедительными будут в ближайшие дни ответы Ельцина на ключевые вопросы развития страны».

(Эти вопросы были включены в специальное обращение к Ельцину, которое на следующий день Явлинский за своей подписью направил адресату.)

Таким образом, за десять дней до второго тура «Яблоко» так и не определило четко свою позицию – каким будет его отношение к президенту Ельцину в день голосования. Это при том, что от этой позиции – кто знает, как сложатся обстоятельства, – вполне могла зависеть дальнейшая судьба страны: вырвется ли она в конце концов из оков коммунизма или снова позволит надеть на себя эти оковы.

Правда, важная деталь: съезд поручал Явлинскому в зависимости от обстановки ближе к 3 июля ЕДИНОЛИЧНО определить окончательную позицию «Яблока».

«Когда идет бой с коммунизмом, условий не ставят»

После съезда на «Яблоко» обрушились потоки критики. В общем-то справедливой.

Начать с того, что среди самих «яблочников» – в том числе делегатов съезда, членов думской фракции – было много несогласных с постановлением, принятым в Голицыне (проголосовавших против, напомним, оказалось более сорока процентов). Они не только выразили свое несогласие непосредственно на съезде, но по его окончании продолжали комментировать принятые там решения. Так, уже 24-го депутаты Госдумы «яблочники» Елена Мизулина и Иван Грачев публично заявили, что безоговорочно поддерживают Ельцина, что альтернативы ему нет. Грачев не остановился на этом. В интервью РИА «Новости» он выразил недовольство решениями голицынского съезда. «При всем неприятии отдельных сторон деятельности нынешнего президента» Грачев, по его словам, считает, что голосовать надо без всяких условий за Ельцина, «ибо в случае победы Народно-патриотического блока у России есть шанс вдребезги разбиться на этом крутом повороте истории». Грачев выразил надежду, что Григорий Явлинский, которому съезд поручил в зависимости от развития событий конкретизировать позицию «Яблока», все же в конце концов однозначно поддержит Бориса Ельцина.

Один из самых совестливых русских писателей Виктор Петрович Астафьев обратился персонально к Явлинскому с открытым письмом, где, в частности, писал:

«Сегодня, когда выбор сузился до двух имен, а сказать вернее, до выбора между коммунизмом и нормальной цивилизованной жизнью, решаюсь просить Вас, как и многие сибиряки, – мне это известно, – поддержите Бориса Николаевича Ельцина. Думаю, что Вы сами прекрасно знаете: если победит Зюганов, в двухтысячном году никаких свободных выборов не будет».

Весьма резко о позиции «Яблока» высказался руководитель думской фракции «Наш дом – Россия» Сергей Беляев. По его словам, в условиях, когда «основные демократические движения и партии России уже давно и однозначно высказали свою поддержку нынешнему президенту», выдвижение «Яблоком» очередных требований к Борису Ельцину «изрядно отдаёт политическим инфантилизмом».

(В скобках замечу, что «инфантилизм» был не самой резкой оценкой политического поведения Явлинского со товарищи. Несколько

ранее, комментируя в интервью РИА «Новости» итоги первого тура президентских выборов, Мстислав Ростропович назвал «проституированием» отказ «ряда демократических лидеров» солидаризироваться с Борисом Ельциным. Не называя конкретных имен, но подразумевая в первую очередь известно кого, Ростропович сказал, что «народ наказал тех, кто потратил деньги и время на то, чтобы получить 3 – 5 процентов голосов и одновременно расколоть демократический лагерь... Сейчас все демократы должны честно сказать: мы – за демократию, стало быть, за Ельцина. Нет другого пути, нет другого направления».)

Весьма точно о грубейшей ошибке – если не сказать предательстве, – совершаемой «Яблоком», высказалась Валерия Новодворская.

«Радикальным демократам нужно гораздо больше, чем движению «Яблоко», – заявила она, выступая по «Эху Москвы». – Наши требования, может быть, и вовсе невыполнимы для нынешней власти. Тем не менее мы продолжаем настаивать, что тот, кто не придет 3 июля и не проголосует за Бориса Ельцина, будет отнюдь не демократом, не носителем альтернативной демократической идеи, – он будет пособником коммунистов и откроет врагу фронт... Когда идет бой с коммунизмом, условий не ставят. В России уже однажды состоялась такая демократическая альтернатива интеллигенции, в результате которой коммунисты пришли к власти в 1917 году... Тот, кто не опустит 3 июля бюллетень за Ельцина, должен знать, что он проголосовал за смертную казнь для всех 150 миллионов россиян, включая и самих коммунистов. Ни у кого нет права произносить смертный приговор целой стране из-за того, что она недостаточно праведна... Поэтому радикальные демократы, которые ничего не брали у власти и не подавали ей руки, сегодня, не ставя никаких условий, голосуют за Ельцина, чтобы 5 июля снова уйти в демократическую оппозицию и продолжать выяснять с ним отношения... Мы надеемся, что этот наш пример подвигнет Явлинского к простому человеческому заявлению, что хотя он и не согласен с Ельциным по 45 позициям, но голосует против возвращения тьмы и призывает всех голосовать за Ельцина. Этого решения мы от него ждем».

Ельцин отвечает «Яблоку»

Сразу после съезда Явлинский, по-видимому, стал добиваться встречи с Ельциным. Открыто об этом, разумеется, не сообщалось, но многое говорило, что соответствующие демарши предпринимают-

ся. В Кремле вроде бы обещали такую встречу организовать. Во всяком случае, пресс-служба «Яблока» сообщала, что встреча вот-вот должна состояться – то ли 27-го, то ли 28-го... То ли 30-го...

Неизвестно, пошел бы действительно Ельцин на такую встречу – тут было над чем подумать, – однако в дело вмешалось его здоровье. 26 июня оно резко ухудшилось, так что все планы президентских встреч и прочих подобных мероприятий сразу повисли в воздухе. Понятное дело, истинная причина, почему встречи откладываются, сразу же была приравнена к важнейшей государственной тайне, а потому «заинтересованные лица» могли о ней только гадать и придумывать какие угодно толкования на этот счет...

Тем не менее вопросы, которые «Яблоко» задало Ельцину, не остались без ответа. 30 июня было опубликовано его интервью «Интерфаксу». Прошло лишь четыре дня (сегодня мы это знаем), как он перенес тяжелый сердечный приступ, попросту говоря – очередной инфаркт, так что вряд ли был способен на столь длинные беседы с корреспондентами. Судя по тексту, ответы (весьма складные, так складно Ельцин вообще не говорит, а тем паче будучи тяжелобольным) были предоставлены агентству в письменном виде. Надо полагать, в лучшем случае ему только прочитали написанное его помощниками, а скорее всего ограничились лишь тем, что рассказали о самом важном в заданных ему вопросах и его, президента, «ответах».

Но, как бы то ни было, интервью есть интервью. Документ, на который всякий вправе ссылаться.

Значительная часть «беседы» посвящена требованиям и вопросам, направленным Ельцину «Яблоком». Президент сразу же, без обиняков заявил: «Я считаю Григория Явлинского своим союзником. Верю, что люди, голосовавшие за него в первом туре, сделают то, что Григорий Алексеевич им рекомендовал: придут на выборы и проголосуют против коммунистов, то есть проголосуют не столько даже за Ельцина, сколько за себя, за своих детей, за новую, свободную Россию».

Ельцин намекнул, что в случае его победы Явлинский может быть включен в состав правительства – он, президент, «высоко ценит его профессионализм».

Что касается вопросов, которые недавний съезд «Яблока» направил президенту... Ельцин – точнее, авторы его «ответов» – весьма прилежно их все рассмотрели.

Внесение поправок в Конституцию, на которых настаивает «Яблоко», аттестуется в интервью как дело «крайне опасное»: как-никак Конституция – это «главная основа» политической стабильно-

сти. Вряд ли допустимо по всякому поводу ее изменять. Вместе с тем проблему соблюдения баланса властей, более четкого разграничения полномочий президента и правительства можно решить другим способом – с помощью конституционного закона о правительстве, который Ельцин готов доработать с участием Явлинского.

Далее, вопрос о развитии демократии в регионах и об укреплении местного самоуправления... В президентских ответах довольно подробно говорилось о «нескольких направлениях», двигаясь по которым, как видится президенту, следует решать эту проблему.

Следующий вопрос – движение к миру в Чечне... Тут позиции президента достаточно прочны и выигрышны: «Война в Чечне выдохлась. Мирные процессы нарастают. Уже в десятках населенных пунктов республики обсужден проект договора о разграничении полномочий между органами власти Российской Федерации и Чеченской Республики. А значит, мир наступит неизбежно. Именно поэтому я подписал Указ о поэтапном выводе федеральных войск. На сегодняшний день с территории республики выведено уже около тысячи военнослужащих срочной службы, до 12 июля будут выведены еще 4 тысячи человек».

Ну, чем не реальное движение к миру?

Наконец, последний вопрос – кто будет руководить силовыми структурами и каких «преобразований» тут следует ожидать? В ответе уклончиво, но вполне логично говорилось, что окончательно этот вопрос будет решен после второго тура...

В завершение ответов на «яблочные» вопросы следовало заверение, что президент готов к консультациям с представителями «Яблока» по всем перечисленным проблемам.

Таков был ответ президента на некоторые – по-видимому, главные – вопросы, поставленные съездом «Яблока».

Его встреча с Явлинским, намеченная вроде бы (по последним сообщениям) на 30 июня, так и не состоялась. Говорю «вроде бы», поскольку, на мой взгляд, вряд ли она могла состояться, учитывая ельцинский инфаркт. Хотя о ее возможности, повторяю, не однажды сообщалось в прессе. По всему раскладу, интервью президента «Интерфаксу» – напомним, оно появилось как раз 30 июня – среди прочего и было призвано сделать такую встречу излишней.

В общем, как сообщили 1 июля информагентства со ссылкой на пресс-службу «Яблока», «ожидавшегося приглашения» на встречу с президентом Явлинскому «так и не поступило», поскольку, по имеющимся сведениям, в этот день президент «работал над документами» (как мы знаем, это был обычный эвфемизм, означавший, что прези-

дент пребывает в недееспособном состоянии). Сообщалось также, что, «по данным из источников в руководстве «Яблока», до второго тура эта встреча уже не состоится...

Что касается ответов «Яблоку», которые содержались в ельцинском интервью «Интерфаксу», никаких комментариев от Явлинского на этот счет не последовало. Хотя некоторые его коллеги – например, Владимир Лукин – оценили эти ответы «позитивно».

Явлинский прячется от телекамер

Лидер «Яблока» так и не воспользовался правом, которое предоставил ему съезд его объединения, – правом в последний момент ЕДИНОЛИЧНО скорректировать позицию «Яблока», сделать ее ясной и четкой. Иными словами, – призвать своих избирателей без всяких условий проголосовать за Ельцина. Тем самым он в очередной раз подыграл коммунистам, хотя на словах и откешивался от роли их пособника. Этот подыгрыш по степени серьезности, конечно, не сравнишь с предыдущим, январским, когда Явлинский помог Селезневу стать спикером Госдумы. Здесь на карте стояло несравненно большее – судьба России. Играть ею было вовсе уж безответственно и легкомысленно.

В день выборов (второго их тура) с Явлинским приключился забавный казус. Накануне вечером его пресс-служба сообщила, что Григорий Алексеевич появится на избирательном участке в Крылатском в 14-00. Однако непосредственно 3 июля он неожиданно изменил свои намерения и проголосовал в 9-30. «Такую внезапную смену планов вряд ли можно объяснить простой случайностью», – глубокомысленно комментировало эту метаморфозу одно из информгентств. Какая уж там случайность – ясно, что человек просто прятался от журналистов, не желая выслушивать неприятные вопросы...

...Через два дня после выборов, 5 июля, Анатолию Чубайсу на его пресс-конференции задали вопрос, может ли Явлинский быть включен в состав нового правительства. Чубайс ответил, что, по его мнению, лидер «Яблока» «исчерпал свое моральное право» на вхождение в новый кабинет министров.

Впрочем, вряд ли сам Явлинский согласился бы на такое «вхождение», даже если бы ему предложили: как мы знаем, он всегда претендовал лишь на первые роли.

У ЕЛЬЦИНА ПЯТЫЙ ИНФАРКТ

Сердечный приступ за неделю до второго тура

Пожалуй, в истории не сыщешь других выборов главы государства, когда бы здоровье одного из основных кандидатов пребывало в столь тяжелом, в столь критическом состоянии, как здоровье Ельцина во время выборов 1996 года. Хотя мало кто знал об этом – как уже говорилось, информация о ельцинских недугах тщательно скрывалась.

По уверению самого Ельцина, первый инфаркт сразил его в конце 1995-го (на самом деле, как мы знаем, это был уже, по крайней мере, третий инфаркт). «Значения этому я не придал, – вспоминает Борис Николаевич, – отлежался, отдышался – и снова в бой».

Однако «исходные условия» – и субъективные, и объективные – были малоподходящими для новых сражений:

«...Новый, 96-й год встретил в каком-то смятении. Сразу после сердечного приступа и сразу после тяжелейшего поражения на думских выборах».

Все последующие месяцы – впрочем, как и предыдущие, – Ельцин провел в тесном общении с врачами:

«Еще до выборов, весной, было коллективное письмо врачей на имя Коржакова, в котором они прямо указывали на катастрофическое состояние моего сердца. Мне это письмо не показали, семье тоже. Прочитал я его много позже.

«Заключение консилиума. За последние две недели в состоянии здоровья Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина произошли изменения отрицательного характера. Все эти изменения напрямую связаны с резко возросшим уровнем нагрузок, как в физическом, так и в эмоциональном плане. Существенную роль играет частая смена климатических и часовых поясов при перелетах на большие расстояния. Время сна сокращено до предела – около 3 – 4 часов в сутки. Подобный режим работы представляет реальную угрозу здоровью и жизни Президента».

Заключение подписали десять врачей.

Содержание письма (оно датировано 20 мая. — О.М.) Коржаков не скрывал, неоднократно намекал Тане, что, если со мной что-то случится, виновата будет она. А вот сам документ не показал никому».

О четвертом инфаркте Ельцина почти ничего не известно. Лишь недавно в телефильме Николая Сванидзе «Б.Н.», посвященном 75-летию первого российского президента, мелькнул такой эпизод. Ельцину показывают кадры, где он отплясывает на эстраде вместе с певцом Евгением Осиним.

— Вот этот танец на сцене, Борис Николаевич... — говорит ведущий. — Почему вы решили выйти? Вы же тогда очень плохо чувствовали себя. По-моему, у вас после этого или до этого был инфаркт?

— В этот момент, — грустно отвечает Ельцин. — В этот момент. Конечно, я не подал вида...

Если память не изменяет бывшему президенту, значит, острый сердечный приступ сразил его в Ростове-на-Дону вечером 10 июня. Хотя в мемуарах Ельцина, где описывается это его «эстрадное выступление», ни слова об инфаркте нет.

«В народе, — пишет Борис Николаевич, — я слышал, бытует мнение: доплясался Ельцин на выборах, допрыгался. Верно, был такой случай. Вместе с певцом Женей Осиним я на сцене действительно лихо сплясал. Никакое сердце, никакие предупреждения врачей не могли снизить мой эмоциональный тонус, мой огромный настрой и желание выиграть этот бой. Пожалуй, впервые я участвовал в такой широкой кампании — летал по стране, каждый день встречался с огромным количеством народа, выступал на стадионах, во дворцах спорта, на концертах, под шум, гвалт, свист и аплодисменты молодежной аудитории. И это меня «заводило» необычайно. Перед этим злополучным концертом в Ростове-на-Дону Таня меня умоляла: «Папа, я тебя прошу, только не танцуй!» Но я ничего не мог с собой поделать... Эти сильные положительные эмоции не мешали жить, а помогали.

Так что танцы абсолютно здесь ни при чем. Накопилась усталость, стрессовые ситуации».

Единственное, что наводит на некоторые подозрения, — это эпитет «злополучный» перед словом «концерт». Может быть, и в самом деле что-то тогда случилось...

Как бы то ни было, все же у меня нет стопроцентной уверенности, что память Ельцина тут не подвела. Если бы тогда в Ростове у

него в самом деле произошел очередной инфаркт, он был бы там же и госпитализирован на какой-то, хотя бы минимальный, срок. Однако на следующий день после обеда он как ни в чем не бывало вылетел в Москву.

По-видимому, все это время президент чувствовал себя настолько плохо, что все эти напасти – предынфарктное состояние, инфаркт, выход из него (как говорят медики, реабилитация) – слились в его сознании в один сплошной кошмар – кошмар пребывания между жизнью и смертью...

Последний, пятый, инфаркт у Ельцина случился аккурат за неделю до второго тура – 26 июня. Читаем в его воспоминаниях:

«Приехал с работы на дачу около 17 часов. День был напряженный, тяжелый. Я прошел по холлу несколько шагов. Сел в кресло. Решил, что отдохну немного прямо здесь, а потом уже поднимусь на второй этаж, переоденусь. И вдруг – странное очень чувство – как будто тебя взяли под мышки и понесли. Кто-то большой, сильный. Боли еще не было, был вот этот потусторонний страх. Только что я был здесь, а теперь уже там... Есть это чувство столкновения с иным, с другой реальностью, о которой мы ничего не знаем. Все-таки есть...

И тут же врезала боль. Огромная, сильнейшая боль. Слава Богу, совсем рядом оказался дежурный врач Анатолий Григорьев. Он мгновенно понял, что со мной произошло. И начал вводить именно те медикаменты, которые необходимы при сердечном приступе. Практически через несколько минут. Положили меня прямо тут, в этой же комнате. Перенесли кровать, подключили необходимую аппаратуру. На моих женщин было страшно смотреть, так они перепугались. Наверное, вид у меня был... хуже не придумаешь.

А я думал: «Господи, почему мне так не везет! Ведь уже второй тур, остались считанные дни!» На следующий день огромным усилием воли заставил себя сесть. И опять говорил только об одном: «Почему, почему именно сейчас!»

Главное – не допустить утечки

Ситуация в самом деле складывалась сверхкритическая. 27 июня Анатолий Чубайс и Татьяна Дьяченко встретились в избирательном штабе, чтобы обсудить, что делать. Всю программу встреч, поездок, различных акций с участием Ельцина пришлось отменить. Придума-

ли благовидное объяснение: дескать, президент уверен в победе, а потому меняет тактику.

Особый акцент сделан на том, чтобы ни в коем случае не допустить утечки информации о президентской болезни.

На 28-е у Ельцина была намечена встреча с Лебедем. Он решил ее не отменять – встреча имела принципиальное значение.

«...Из обычной гостиной, куда теперь перенесли мою кровать, устроили что-то вроде рабочего кабинета. Оператор (наш, кремлевский) долго мудрил, чтобы ничего лишнего в кадре не было, особенно рояля, который по традиции всегда тут стоял, и, само собой, кровати (как всегда в таких случаях, готовилась протокольная съемка. – **О.М.**). Медицинскую аппаратуру чем-то накрыли. Наина умоляла об одном: «Боря! Только не вставай! Сиди в кресле! Тебе нельзя вставать!» Но я не выдержал и заставил усилием воли себя встать, здороваясь с гостем.

Лебедь был очень доволен встречей. Ему сказали, что я простудился, он лишних вопросов не задавал...»

30 июня, как уже говорилось, было опубликовано интервью президента «Интерфаксу». Первый вопрос – прямо «в десятку»:

«До выборов осталось три дня. Вся страна с волнением ждет результатов. Ваш соперник ежедневно проводит брифинги, постоянно на виду. Вы же предпочитаете не мелькать на широкой публике в последние предвыборные дни. Чем это объясняется? Чем вы заняты в эти дни?»

Если «без дураков», ответ должен бы быть примерно таким: «Дорогой друг, чем я занят в последние предвыборные дни? Лежу в постели, глотаю таблетки, подставляю задницу под уколы... И молю Бога, чтобы выкарабкаться с того света...» Однако в опубликованном варианте президент, разумеется, «отвечал» совсем по-другому – бодро и духоподъемно:

«Каждый день работаю со своим избирательным штабом, веду консультации с союзниками, переговоры по составу и структуре будущего правительства, контролирую исполнение своих указов, встречаюсь с руководителями регионов, с председателем правительства, очень много работаю с журналистами – записал несколько десятков теле- и радиointerview региональным СМИ. Даже голос сильно «посадил». А по поводу моего соперника – у него одна тактика, у меня – другая. Он каждый день выступает с пресс-конференциями и делает упор на яростную антиельцинскую пропаганду. Я же занимаюсь конкретными делами. И вообще, я считаю, что за политика, который является действующим президентом, говорят его дела...»

Опровергают «слухи»

Естественно, несмотря на все старания ельцинских приближенных, слухи, что президент серьезно нездоров, начали потихоньку расползаться. Многих, в частности, насторожило, что Всероссийское совещание работников сельского хозяйства в Кремлевском Дворце съездов 28 июня открыл Черномырдин, а не Ельцин. Премьер лишь зачитал обращение президента к участникам совещания.

Ельцинская команда не жалела сил, чтобы опровергнуть эти слухи, погасить волну. 28-го же июня Сергей Филатов заявил корреспонденту РИА «Новости», что президент «находится в полном здравии» и планирует обратиться по телевидению к избирателям, «как только восстановится голос (вот опять про голос. — О.М.)»

Голос у Ельцина «восстановился» быстро. Его обращение состоялось 1 июля. В этот же день Сергей Филатов вновь выступил (на этот раз в беседе с корреспондентом ИТАР-ТАСС) с категорическим отрицанием, что президента поразили серьезный недуг. В качестве доказательства он привел как раз это самое телевыступление Ельцина и его встречу с Черномырдиным: способен ли, дескать, на такое человек, пораженный тяжелой болезнью?

А вот как в действительности, по воспоминаниям помощников президента, происходила запись обращения и встреча Ельцина с Черномырдиным:

«Текст был максимально сокращен и упрощен. Но главное даже не в этом. Существенно была изменена, если так можно сказать, и сама процедура записи. Обычно перед началом съемки Президент просто приходил в комнату, где все это происходило, несколько минут шли необходимые приготовления... Если Ельцин был в хорошем расположении духа, отпускал шутки, беседовал с телевизионщиками, а затем начиналась съемка. После нее, немного поговорив, а часто и сфотографировавшись на память, он уходил.

Запись Обращения накануне второго тура была иной... Какая-то напряженность буквально висела в воздухе. В определенный момент последовало распоряжение, чтобы все, кто готовил запись, вышли из комнаты. Через какое-то время их пригласили обратно. В кресле перед телекамерой недвижимо сидел мертвенно-бледный Ельцин. Дали команду записывать. Из последних сил Президент зачитал короткое Обращение к гражданам страны, призвав прийти на избирательные участки. Затем в комнату вошел Черномырдин, подсел к Ельцину, телекамера на минуту взяла новый план и запечатлела бесе-

ду Президента с премьер-министром. После записи всех присутствующих вновь попросили выйти. Подавленным от всего увиденного телевизионщикам сказали, что можно собирать аппаратуру».

2 июля уже сам Черномырдин через РИА «Новости» опроверг слухи о сердечном приступе, «который якобы, по утверждению некоторых СМИ», был у Бориса Ельцина.

Допустимо ли было дезинформировать людей, врать по столь важному вопросу – о здоровье главы государства? В какой-нибудь благополучной европейской, североамериканской стране и разговора об этом не могло возникнуть – недопустимо! С Россией, в ее тогдашнем состоянии, все не так ясно. Ельцин:

«Конечно, я и мои помощники ходили по лезвию бритвы: позволительно ли было скрывать такую информацию от общества? Но я до сих пор уверен в том, что отдавать победу Зюганову или переносить выборы было бы во много раз большим, наихудшим злом».

Хождение по хрупкому льду

Мой вопрос к Анатолию Чубайсу (разговор происходит в январе 2006 года):

– У вас не вызывало тревогу состояние здоровья Ельцина? Как мы теперь знаем – да и тогда это было видно, просто по телевизору, – чувствовал он себя исключительно скверно. Вы и ваши коллеги, я думаю, должны были ощущать себя людьми, ходящими по тонкому-тонкому, хрупкому-хрупкому льду: развязка может наступить в любой момент, может быть – в самый решающий момент. Не так ли?

Ответ довольно неожиданный.

– Я бы сказал так, – говорит Чубайс. – Всегда, когда я видел Бориса Николаевича во время избирательной кампании, он был в адекватной форме.

Впрочем, за этим следует и продолжение:

– Конечно, при этом мы уже действительно знали, что у него серьезнейшие проблемы с сердцем и что оно может подвести. Собственно говоря, мы не только опасались, что его здоровье подведет, но оно и подвело, как известно, между первым и вторым туром.

– Было ощущение, что все рухнет и летит в тартарары?

– Разумеется, на первом плане была непосредственно тревога за жизнь Бориса Николаевича. Но и с точки зрения выборной ситуации

это для нас было совершенно катастрофическое время, когда мы теряли полтора-два процента рейтинга за сутки. При том, что отрыв от Зюганова в первом туре составлял всего лишь чуть больше трех процентов. Было совершенно ясно, что мы идем к абсолютной катастрофе. Все зависело от количества суток, остающихся до второго тура. Вся программа между первым и вторым туром была очень насыщенной, расписанной по дням, а в днях – по часам. Мы старались воздействовать именно на те категории избирателей, которые были нам нужнее всего. Скажем, у нас была запланирована большая встреча Ельцина с работниками села, с крестьянами. А поскольку там ментальность чисто советская, то и встреча была устроена в абсолютно советской стилистике – ожидалось, что в Кремлевском Дворце съездов соберутся несколько тысяч человек со всех концов страны, зачитается обстоятельный отчетный доклад, после доклада – концерт... Словом, весь антураж, весь распорядок этого мероприятия был задуман в классических советских традициях. И вот узнаем: Ельцин болен. А люди-то уже здесь! Либо вот-вот будут здесь. Приходится ограничиться обращением президента к работникам сельского хозяйства, которое зачитывает Виктор Степанович. Весь ожидаемый плюс разворачивается в минус. Получается прямо противоположный эффект по самым болезненным точкам... В этом смысле риски были, конечно, колоссальные.

Как голосовать «лежачему» больному?

Второй тур неумолимо приближался. Возник вопрос, как быть с голосованием – где и как опускать бюллетень человеку, разбитому инфарктом?

«Наина настаивала, – вспоминает Ельцин, – чтобы мне, как «порядочному больному», избирательную урну привезли прямо домой. «Это же по закону!» – чуть не плача, говорила она. «Да, по закону, но я хочу голосовать вместе со всеми». – «И что ты предлагаешь?» Я позвал Таню, и мы обсудили все варианты. Первый – голосовать по нашему московскому адресу, на Осенней. Его отвергли почти сразу: длинный коридор, лестница, долго идти по улице. Даже я, со своим упрямством, и то понял, что это невозможно. Второй вариант: санаторий в Барвихе, недалеко от дачи. В санатории всегда голосуют, там есть избирательный участок, и все будет по закону, все правильно.

но. Туда же можно пригласить и корреспондентов. Я продолжал сомневаться: «Ну что это за голосование, среди больных?» «Папа, журналистов будет чуть-чуть меньше, но поверь, их будет совсем не мало – основные каналы телевидения, информационные агентства, все как обычно», – успокоила Тania. «А как объяснить, почему я отправился в Барвиху накануне выборов?» – не унимался я. «Все знают, сколько ты мотался по стране, сколько сил отдал избирательной кампании. Никто не удивится, что ты взял между первым и вторым туром краткосрочный отпуск, поверь. Тебе тоже отдыхать надо». «Неубедительно», – пробурчал я. Но в конце концов согласился».

Дело, конечно, было не только в ельцинском «хочу – не хочу». Непоявление президента на избирательном участке (хотя бы в санатории) было бы явным свидетельством: президент в самом деле серьезно болен. А это не могло не повести к дополнительной потере голосов.

«...В день второго тура, – пишет Ельцин, – я с огромным трудом поехал вместе с Наиной на избирательный участок. Телекамеры ОРТ, РТР, НТВ, журналисты и корреспонденты информационных агентств, всего человек двадцать, внимательно следили за каждым моим движением. Собрав волю в кулак, я улыбнулся, сказал несколько слов: «Послушайте, я уже столько раз отвечал на все ваши вопросы...»

А вот как вспоминают о том же самом эпизоде бывшие помощники президента:

«Через несколько дней (после съемки обращения. – **О.М.**) таким же образом снимали эпизод голосования Ельцина (он сделал несколько шагов к урне для голосования и опустил в нее бюллетень)... Как всегда в подобных случаях, должное впечатление у зрителей помогло создать искусство телемонтажа».

Так или иначе, «санаторное» голосование Ельцина вызвало новые толки о его здоровье и, соответственно, новые разъяснения и опровержения.

«Президент чувствует себя нормально, – уверял Сергей Филатов корреспондента РИА «Новости» в середине дня 3 июля. – Просто врачи посоветовали ему побережиться и не ездить в Москву голосовать».

Филатов попросил журналистов не обострять обстановку и не муссировать слухи о болезни президента – это, мол, «на руку сторонникам коммунистов».

Несколько позже другой член ельцинской команды – Георгий Сатаров – заверил журналистов, что у президента банальная просту-

да. «Если бы Борис Ельцин был серьезно болен, – сказал Сатаров, – он уже находился бы в Центральной клинической больнице».

К ельцинским помощникам присоединился и председатель ЦИК Рябов, у которого была возможность пообщаться с президентом. По его словам, Борис Ельцин «очень хорошо выглядит – уверенно, нормально и спокойно».

Что ж, это, наверное, был как раз тот случай, когда ложь действительно – во спасение.

Конечно, когда инфаркт поражает человека за неделю до второго, решающего тура, это, я вам доложу... Но сам Ельцин считает – если бы сердечный приступ случился у него месяцем раньше, это было бы еще хуже:

«Удержать темп и напор предвыборной кампании просто не удалось бы. И Зюганов мог выиграть благодаря такому «подарку судьбы». Страшная перспектива».

ВТОРОЙ ТУР ВЫБОРОВ. УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА

Зюганова беспокоит ГАС

Одним из главных мотивов предвыборных выступлений коммунистических вождей было беспокойство по поводу того, как будет использоваться Государственная автоматизированная система «Выборы», ГАС «Выборы». Тогда она только начинала вводиться в действие (точнее говоря, это был второй, после думских выборов 1995 года, случай ее применения).

Эти опасения высказывались весьма упорно, изо дня в день, так что у обывателя складывалось впечатление: наверное, власти в самом деле что-то там «химичат» с помощью этих компьютеров и мониторов. Поди проверь. Все в их руках.

Особенно усилились атаки на ГАС непосредственно перед вторым туром. 1 июля руководитель избирательного штаба Зюганова Валентин Купцов обратился к председателю ЦИК Николаю Рябову с требованием, чтобы от ГАС «Выборы» отсоединили телекоммуникационную сеть Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) — по сведениям коммунистов, эта сеть подключена к ГАС. Если так, через этот канал данные о ходе выборов, как считали коммунисты, неминуемо будут попадать в кремлевский Ситуационный центр и в избирательный штаб Ельцина.

2 июля сам Зюганов в очередной раз заявил: мол, итоги второго тура могут быть подтасованы с помощью ГАС «Выборы» — и потребовал, чтобы «специалисты официально подтвердили, что с помощью этой системы фальсифицировать результаты невозможно».

Отвечая на эти наскоки, сотрудники ЦИК заверяли, что все данные по каналам ГАС «Выборы» поступают только к ним, причем ГАС используется лишь для предварительного подсчета голосов — окончательные же результаты по-прежнему выводятся из протоколов избирательных комиссий.

Трудно сказать, действительно ли ФАПСИ не подключалось к

автоматизированной системе (работники Центризбиркома могли об этом и не знать). Но то, что данные ГАС играют все-таки вспомогательную роль, а основную – те, что занесены в протоколы, не подлежало сомнению.

Разговоры о фальсификации тогда и сегодня

В последние годы в общественном мнении старательно насаждается представление, будто выборы 1996 года – прежде всего второй тур (первый не имел решающего значения) – были фальсифицированы в пользу Ельцина. Кто-то этому верит. Такой вере помогает то неоднократно уже упомянутое обстоятельство, что в начале избирательной кампании ельцинский рейтинг был весьма низок.

При этом любопытная деталь: непосредственно в момент выборов и сразу после них разговоры о фальсификации если и велись, то оставались, что называется, в пределах нормы – как при любых выборах. Категорический тон эти утверждения приняли лишь годы спустя.

Впрочем, слова «фальсификация», «подтасовка» звучали и летом 1996-го. При этом, однако, в адрес коммунистов обвинений раздавалось отнюдь не меньше, чем в адрес их противников. Так, в середине дня 3 июля помощник президента Георгий Сатаров заявил, что в «красном поясе» отмечены массовые нарушения. На некоторых избирательных участках, например, в большом количестве используются переносные урны, причем сопровождают их к избирателям лишь наблюдатели от Зюганова, в то время как ельцинским наблюдателям, пытающимся проконтролировать их использование, напротив, чинятся всевозможные помехи.

Правда, в некоторое противоречие с таким утверждением вступало то обстоятельство, что в «красном поясе» – в частности, в сельской местности – во втором туре несколько снизилась явка. Тот же Сатаров утверждал: это, мол, объясняется тем, что в первом туре она была фальсифицирована, а во втором наблюдатели от Ельцина не позволили этого сделать.

Коммунисты, говоря о нарушениях, напирали на традиционное – на использование противоположной стороной административного ресурса и на то, что им, коммунистам, мало давали телеэфира. Тот же Купцов, выступая 3 июля по «Эху Москвы», заявил, что «кандидаты

были поставлены в неравные условия по степени воздействия на избирателей» – руководство ОРТ в лице Сергея Благоволитина «сопротивлялось», когда коммунисты требовали предоставить Зюганову прямой эфир.

Что касается административного ресурса – по словам председателя Центризбиркома Николая Рябова, его активно использовали обе команды. «Та декларация в законе, которая говорит о недопущении использования должностными лицами своих возможностей для ведения предвыборной кампании, во многом остается простой декларацией», – сокрушался по этому поводу глава ЦИК.

Впрочем, думаю, он был здесь не вполне искренен: у Ельцина тут все же было больше возможностей, по крайней мере за пределами «красного пояса».

Ельцин опять впереди

Первые сведения о результатах голосования (неизвестно, правда, на какой час подсчитанные) появились в половине двенадцатого ночи: Ельцин впереди! Как и в первом туре. Причем на этот раз разница между его голосами и голосами конкурента весьма существенная: 51,4 : 41,7. Почти 10 процентов.

В дальнейшем эта разница лишь увеличивалась. Данные на 11 вечера: у Ельцина – 52 процента, у Зюганова – 41. В 23 субъектах Федерации лидирует президент, в восьми – председатель КПРФ.

В полночь у Ельцина было 52,3 процента, у Зюганова – 41,1. Соотношение голосов на час ночи – 53,9 : 39,7...

В «красном поясе» лидерство сохраняет Зюганов, причем почти повсюду с таким же преимуществом, как Ельцин – по стране в целом. Соответствующие данные на два часа ночи: Курганская область – 50,2 : 43,4 в пользу коммунистического лидера, Ставропольский край – 54,8 : 40,1, Курская область – 56,1 : 38,9, Липецкая – 57,7 : 37,3 (самое большое преимущество бывшего завсектором ЦК КПСС), Кировская – 51,5 : 41,7, Костромская – 48,1 : 45,5, Брянская – 55,1 : 40,3, Волгоградская – 51,3 : 43,7, Алтайский край – 54,27 : ... (вторая цифра в сообщениях информагентств почему-то «потерялась» – видимо, в ночной спешке и неразберихе), Амурская область – 51,8 : 41,8.

Как видим, значительная часть российской суши продолжает верить в светлые идеалы коммунизма.

Однако в целом страна голосует за Ельцина. На 5-30 утра у него 53,9 процента голосов, у Зюганова – 40,2, на восемь утра (подсчитаны голоса более чем 67 миллионов избирателей в 88 российских регионах) соотношение голосов – 53,55 : 40,55 в пользу президента.

Ясно, что окончательный результат слишком сильно отличаться от этого уже не может.

Официальные итоги второго тура были объявлены 9 июля. Ельцин получил 53,82 процента голосов, более чем на десять миллионов больше своего соперника; у того – 40,31. Всего в выборах участвовало 68,89 процента избирателей – на один процент меньше, чем в первом туре.

Сокрушительное поражение вождь коммунистов потерпел в столице: Ельцин получил здесь 77,79 процента голосов, Зюганов – лишь 18,05. Москва вновь показала себя как демократический, антикоммунистический город.

Победа с привкусом лекарства

В очередной раз Россия прошла по самому-самому краешку пропасти. И – о чудо! – не сорвалась. Избрала президентом человека тяжело больного, почти полностью утратившего работоспособность, но – что было самым важным в тех обстоятельствах – своим больным телом загородившего дорогу коммунистам.

«...Итогов голосования ждал, снова лежа в постели, – вспоминает Ельцин. – Победа была с привкусом лекарства. И тем не менее это была фантастическая, удивительная победа! Я победил, хотя в начале года никто, вообще никто, включая мое ближайшее окружение, в это не верил! Победил вопреки всем прогнозам, вопреки минимальному рейтингу, вопреки инфаркту и политическим кризисам, которые преследовали нас весь первый срок моего президентства.

Я лежал на больничной койке, напряженно смотрел в потолок, а хотелось вскочить и плясать! Рядом со мной были родные, друзья. Они обнимали меня, дарили цветы, и в глазах у многих стояли слезы.

Теперь было время вспомнить всю эту тяжелейшую кампанию, день за днем. Да, пришлось мне в эти предвыборные месяцы нелегко.

Врачи ходили по пятам, хуже, чем охрана. Все их специальные чемоданчики, бледные от испуга лица я уже спокойно видеть не мог. Слышать не мог одно и то же: «Борис Николаевич, что вы делаете!

Ограничьте нагрузки! Борис Николаевич, вы что!» Но куда деваться? Они честно делали свою работу. Следили за каждым моим шагом. Всюду за спиной стояли с инъекциями и таблетками. И имели для этого веские основания: сердце прихватывало постоянно. Причем капитально, с комом в горле, с уплывающим горизонтом, все как положено».

Единственно, о чем не упоминает Ельцин, — победил он не благодаря каким-то своим заслугам (главная его заслуга — извините за некоторый цинизм, — что он не умер во время избирательной кампании), не потому, что россияне снова поверили в него, как верили на рубеже 80-х — 90-х. Избиратель проголосовал не «за» Ельцина, а «против» Зюганова (хотя допускаю, что не все тут со мной согласятся).

Как ни странно, коммунисты удовлетворены

Сегодня Зюганов при каждом удобном случае заявляет: дескать, среди людей, с которыми он общался, когда выборы закончились, ему так и не довелось встретить ни одного, кто бы голосовал за Ельцина. Понимай так: «белых шаров» его сопернику набросали фальсификаторы. Между тем непосредственно после выборов коммунистический вождь и его соратники говорили совсем другое. «Выборы 3 июля в целом прошли достаточно организованно и с точки зрения работы комиссий, и с точки зрения обеспечения необходимой документации... — заявил в день выборов (когда голосование закончилось) Валентин Купцов. — Были единичные нарушения, которые не могут носить серьезных последствий».

Об отсутствии сведений о каких-либо серьезных нарушениях заявляли 3 июля и непосредственно в штабе Зюганова: дескать, многочисленные телефонные звонки наблюдателей и избирателей, поступающие в штаб, в основном касаются «неточностей в списках избирателей и фактов агитации сторонников Бориса Ельцина на избирательных участках».

Уже в середине дня 4 июля зюгановский пресс-секретарь Владимир Перфильев сказал в интервью «Интерфаксу», что Народно-патриотический блок и его лидер не будут оспаривать итоги выборов президента России.

Это же подтвердил и сам Зюганов вечером на пресс-конференции, заявив, что он «уважает волю избирателей». Зюганов сообщил,

что направил Борису Ельцину телеграмму, в которой поздравил его с успехом.

Впрочем, Зюганов не считает результаты выборов и своим поражением, ибо, по его словам, в нынешней ситуации в России «победителей быть не может». На пресс-конференции прозвучали также утверждения, что успех был достигнут противоположной стороной «в результате грубых нарушений избирательного законодательства», «в условиях невиданного информационного устрашения» сторонников КПРФ, «невиданной мобилизации государственных средств и возможностей».

Тем не менее в целом, по словам Зюганова, он удовлетворен состоявшимися выборами: «Более 40 процентов избирателей проголосовали за Народно-патриотический блок, тем самым подтвердивший свою высокую общественную значимость... В стране сформировалась двухпартийная система: это Народно-патриотический блок, который выдвигает идеалы законности и справедливости, и партия власти, которая не имеет четкой политической структуры».

Однако не все соратники Зюганова по упомянутому блоку разделяли его удовлетворение и оптимизм. Правление Российского общенационального союза, входившего в состав блока, по итогам выборов пришло к заключению: блок явно недооценил, в какой степени российские граждане сегодня отрицают коммунистическую идеологию. «Нежелание возвращаться в прошлое для большинства российских граждан оказалось сильнее их собственной жизненной неустрашенности и недовольства существующей властью», – заявил после выборов лидер РОС Сергей Бабурин. По его мнению, одна из главных причин неудачи на выборах – «переоценка левых настроений у большинства населения» и «гипертрофированная роль КПРФ в коалиции».

Наблюдатели ставят высший балл

Пожалуй, ни одни выборы в России не удостоивались таких высоких оценок со стороны иностранных наблюдателей, как президентские выборы 1996 года, особенно второй тур.

Руководители делегаций наблюдателей от ОБСЕ, Европарламента и Совета Европы – Андраш Баршонь, Констанция Крель и Эрнст Мюлеманн – утром 4 июля провели в Госдуме пресс-конференцию, где поделились своими впечатлениями о втором туре президентских

выборов. По их оценкам, выборы были «свободными, беспристрастными и справедливыми». В ходе второго тура «наблюдатели не обнаружили каких-либо манипуляций и фальсификаций». Был, конечно, замечен ряд мелких нарушений – в частности, широкое использование открепительных талонов и переносных урн, – однако, как полагают наблюдатели, они «не могут заслонить всю картину выборов».

Достаточно критично наблюдатели отозвались лишь о работе российских СМИ. Как сказала Констанция Крель, в прессе, особенно на телевидении, «не были обеспечены равные условия для кандидатов в президенты, предпочтение отдавалось Борису Ельцину». Впрочем, она оговорила, что не знает, «насколько это повлияло на выбор избирателей».

Согласившись в целом с коллегой, Андраш Баршонь высказался по этому поводу более определенно: мол, «нельзя утверждать, будто СМИ предопределили расклад голосов российских избирателей и предприняли избрание президентом Бориса Ельцина».

Представитель Совета Европы Эрнст Мюлеманн также пришел к заключению, что «нынешний президент получил слишком много времени на телевидении, а его соперник не имел аналогичных шансов».

«Второй раунд президентских выборов в России можно считать самым лучшим из всех, которые когда-либо приходилось наблюдать в России иностранным наблюдателям» – такова была оценка представителя Международного республиканского института Уильяма Болла.

И опять замечание по поводу «предвзятого отношения» СМИ – и государственных, и частных – по поводу предпочтения, которое они отдавали Борису Ельцину.

Кто ж станет возражать, претенденты действительно должны иметь равный доступ к СМИ. Но реально так редко бывает. Это призывали и сами наблюдатели. По словам той же Констанции Крель, неравенство информационных возможностей – обычное дело для демократических стран: «Во Франции или, скажем, в Германии действующий президент и канцлер всегда имеют преимущества перед теми, кто лишь добивается этих постов».

Резюмируя впечатления иностранных и российских наблюдателей, а также собственные впечатления, Николай Рябов после оглашения результатов второго тура 9 июля заявил:

«Мы считаем, что победа одного из претендентов – Бориса Николаевича Ельцина – одержана честно, справедливо, демократично, полностью законно и не подвергается никаким сомнениям...»

Прогнозы оказались точными

Вскоре после того, как стали известны результаты второго тура, пусть и предварительные, сделалось ясно: эти результаты близки к тем, которые ожидались социологами. Об этом, в частности, утром 4 июля заявил директор ВЦИОМа Юрий Левада.

Неточность большинства прогнозов не превышала двух-трех процентов.

Точнее других результат Ельцина предсказали Институт сравнительных социологических исследований (ожидавший, что президент получит 55 процентов), Институт социально-политических исследований и Институт социологии парламентаризма (назвавшие одну и ту же цифру – 56 процентов).

Прогноз ВЦИОМа был: Ельцин – 52 процента, Зюганов – 43...

Здесь можно повторить то же самое, что было сказано по поводу первого тура: вряд ли прогнозы оказались бы столь точны, если бы выборы были фальсифицированы.

Некоторые эксперты – например, Дмитрий Орешкин – утверждали, что значительный отрыв во втором туре обеспечили Ельцину избиратели Лебеда, две трети которых проголосовали во втором туре за действующего президента. Другие, как, например, тот же Юрий Левада, считали, что голоса приверженцев Лебеда и Явлинского хоть и способствовали победе Ельцина, но при этом не сыграли решающей роли...

Сам Ельцин, ожидая результата, был уверен: все зависит от электората Лебеда и Явлинского – за кого он проголосует и проголосует ли вообще. По-видимому, эта ельцинская уверенность сохранилась и тогда, когда итоги стали известны: да, все решили именно эти избиратели, вероятно, полагал победитель.

Выборы в Чечне

Одна из самых высоких явок во втором туре была отмечена в Чечне. На бумаге. 75 процентов (средняя по России, напомним, – около 69). Как обстояло дело в реальности, можно опять-таки судить по свидетельствам журналистов, побывавших 3 июля в ряде населенных пунктов мятежной республики. В частности, – по отчету тех же сотрудников «Московских новостей» и телепрограммы «Взгляд».

Начать с того, что каждый из них (всего их было трое) беспрепятственно проголосовал на чеченской территории по четыре раза

(мог бы и больше, желание москвичей опустить бюллетень в урну повсюду, где удавалось эти урны обнаружить, только приветствовалось). В Москве журналисты запаслись открепительными талонами, но никто у них, вручая им бюллетень, эти талоны не спрашивал.

В Грозном корреспонденты нашли пять избирательных участков. Характерная деталь: везде «количество членов избирательных комиссий и охраняющих их милиционеров заметно превышало число желающих проголосовать».

Обнаружить хоть один избирательный участок где-либо за пределами Грозного оказалось непросто. Столичные гости проехали Шали, Новые Атаги, Алхазурово, Гойское, Комсомольское, Гехи, Гехи-Чу... Нигде никаких признаков выборной деятельности.

Единственное место для голосования вне чеченской столицы журналистам удалось в этот день отыскать в Урус-Мартане.

«В местной школе, – пишут авторы, – нас встретила избирательная комиссия – пятеро мужиков с автоматами.

– Выборы были?

– Были, уже закончились, идет подсчет результатов.

– Почему так рано? (Время 16-00).

– А с утра уже все проголосовали.

– И какая явка?

– 98 процентов».

Все ясно.

На территории, не контролируемой российскими войсками и называемой Чеченской Республикой Ичкерия, искать избирательные участки, естественно, и вовсе не имело смысла...

Единственная категория избирателей, которая в Чечне реально (не на бумаге) проголосовала, – российские военные...

«В таком случае, – говорилось в статье-отчете, – результаты голосования в Чечне позволят социологам судить о настроениях в российской армии. Но делать выводы о политических симпатиях и антипатиях населения Чечни, видимо, рано. Это будет возможно после того, как здесь состоятся действительно свободные, цивилизованные выборы. А это может произойти только без участия избирателей в погонах».

Откровенная, бесхитростная, почти не замаскированная инсценировка второго тура выборов президента России в Чечне – так же, как и первого, – грубая фальсификация его результатов наводили на мысль, что весь процесс чеченского примирения рассматривается в Кремле как нечто несерьезное, годящееся разве что для предвыборной пропагандистской кампании Ельцина.

И ВСЕ ЖЕ ЕЛЬЦИН ВЫПОЛНИЛ СВОЕ ПРЕДВЫБОРНОЕ ОБЕЩАНИЕ УСТАНОВИТЬ МИР В ЧЕЧНЕ

Перемирие, не продержавшееся ни дня

И все же, несмотря на явную инсценировку и грубую фальсификацию выборов в Чечне, движение к миру там продолжалось — и во время избирательной кампании, и после ее окончания. Хотя движение это шло неровно, с провалами, срывами, отступлениями...

Переговоры, начатые в конце мая в Москве на встрече Ельцина и Яндарбиева, продолжались на более низком уровне в Ингушетии и в самой Чечне. Шли они с переменным успехом...

10 июня в Назрани были подписаны два протокола. В первом содержалась договоренность по «военному блоку» вопросов. Согласно ей, в республике должны быть прекращены все боевые действия, не только войсковые, но и «спецоперации» (чтобы не было возможности прятаться за терминами), запрещено «незаконное ношение оружия» (надо полагать, — разоружены боевики), до 17 июля ликвидированы блокпосты на выезде из населенных пунктов, до конца августа выведены все федеральные силы из Чечни.

Подписанию этого документа предшествовало решение политического вопроса, на чем особо настаивала «ичкерийская» сторона, — договорились, что выборы во все органы власти, в том числе и в парламент Чечни, будут проводиться лишь после вывода федеральных войск из республики.

Во втором протоколе, подписанном 10 июня, содержалась договоренность об освобождении пленных и вообще всех, кто насильственно удерживается той и другой стороной.

Увы, мина под эти договоренности была подложена уже на следующий день. 11 июня во время поездки в Воронеж Черномырдин, поддерживая позицию завгаевского правительства, заявил, что окончательное решение о проведении или переносе выборов в чеченский

парламент, намеченных на 16 июня, будет принимать Верховный Совет республики, а выборы президента России на территории Чечни состоятся в этот день «в любом случае». И те, и другие выборы в самом деле «провели» в назначенный срок. Иными словами, федеральная сторона сразу же нарушила один из главных пунктов достигнутого соглашения.

В общем прекращения огня не удалось достигнуть и на этот раз.

Эмиль Паин написал в одной из своих статей: «Назрановские соглашения были нарушены федеральными силами сразу после назначения Александра Лебеда секретарем Совета безопасности». В действительности генерал вряд ли был в этом повинен. Его назначение состоялось лишь 18 июня, вопросами Чечни он начал заниматься не ранее чем через неделю после этого, а первые сообщения о срыве назрановских договоренностей и возобновлении вооруженного конфликта начали поступать практически сразу же после их подписания. При этом, как водится, каждая из сторон обвиняла в нарушении соглашений другую.

Тем не менее Ельцин упорно продолжал двигаться к намеченной цели. 25 июня – за неделю до второго тура выборов и за день до того, как у него резко ухудшилось здоровье, – он подписал очень важный Указ № 985. Этот указ предусматривал поэтапный, но весьма быстрый – до 1 сентября – вывод федеральных войск из Чечни в места постоянной дислокации. На постоянной основе в республике оставалась лишь часть их: 205-я мотострелковая бригада численностью восемь тысяч человек и 101-я бригада внутренних войск – четыре тысячи «штыков». При этом была поставлена задача заменить солдат-призывников контрактниками.

Мир почти сорван

Однако в начале августа случилось событие, которого российские власти никак не ожидали. Считалось (и докладывалось наверх), что противник разгромлен, подавлен, деморализован, ни к каким активным действиям более не способен. Между тем неожиданно 6-го числа (опять 6-го!) на рассвете несколько довольно многочисленных групп боевиков, не встретив особого сопротивления, с разных сторон вошли в Грозный, прорвались к центру и заблокировали комплекс правительственных зданий. Впрочем, что касается неожиданности...

Еще за несколько дней до этого властям поступали сведения, что боевики просачиваются в город под видом мирных жителей, а в самом Грозном для них уже оборудованы склады с оружием, однако никаких упредительных мер в этой связи принято не было. Так что легкость, с какой фактически была захвачена чеченская столица, стала результатом то ли обычного разгильдяйства, то ли прямого предательства (впоследствии факты, говорящие о таком предательстве, были действительно обнародованы).

Сами «ичкерийцы» объясняли налет на Грозный (тогда еще их объяснения могли свободно достигать общероссийской аудитории) вынужденными и оборонительными мотивами: дескать, российская сторона не выполняет московские и назрановские соглашения – не выводит из Чечни свои войска.

Несколько суток боевики держали центр города в жестокой осаде. Ее удалось ликвидировать лишь в середине дня 11 августа. Вопреки обычным бодряческим заявлениям о «контроле» над ситуацией эта ситуация была провальной: федералы понесли большие потери, так что – неслыханное дело! – Ельцин вынужден был объявить 10 августа днем траура.

В своем заявлении, которое было распространено вечером 9-го, президент признал, что власти «допустили грубые просчеты в оценке обстановки и силы боевиков».

«Вместе с тем, – говорилось в заявлении, – даже в этой сложной ситуации продолжаю настаивать на том, что нет другого пути решения конфликта в Чечне, кроме начатых мною в Москве 27 мая этого года мирных переговоров».

В дело вступает Лебедь

Где-то с 10 августа решающая роль в деле решения чеченской проблемы стала переходить к недавно назначенному секретарю Совета безопасности Александру Лебедю. В этот день он обозначил свою принципиальную позицию: основой чеченского урегулирования должно стать немедленное прекращение боевых действий. Причем не «бумажное», а реальное. Естественно, такая позиция вызвала ярость в рядах «партии войны», и эту ярость генерал вскоре почувствовал.

В ночь с 11-го на 12 августа в селении Старые Атаги Лебедь провел первые переговоры с Масхадовым и Мовлади Удутовым (мини-

стром информации Ичкерии). Темой переговоров были «условия двустороннего прекращения огня и отвода боевиков из Грозного».

Огонь начали прекращать уже 12 августа около 15-00. По крайней мере, об этом сообщил сам Лебедь, выступая в этот день на пресс-конференции в Москве. Что касается будущего статуса Чечни, «мы пришли к выводу о том, — сказал генерал, — что, чтобы реализовать любой статус, надо сначала перестать убивать людей... А для этого необходимо прежде всего развести противоборствующие стороны».

В действительности, конечно, бои в Грозном продолжались. Даже в центре, вроде бы (по официальным сообщениям) очищенном от боевиков. По признанию самих российских военных, контроль над центром города переходил «от одних к другим — ночью в нем хозяйничали сепаратисты, а утром ситуацию брали в свои руки федералы».

14 августа вечером Ельцин официально передал дело установления мира в Чечне в руки Лебеда — своим указом расформировал Госкомиссию по урегулированию кризиса в Чечне (возглавлявшуюся Черномырдиным), а основные полномочия в этом деле возложил на Совет безопасности и его секретаря.

В ночь с 15-го на 16 августа в селении Новые Атаги Лебедь встретился с Яндарбиевым. Разговаривали долго и откровенно. Новый ельцинский представитель явно удостоился доверия противоположной стороны, которого не удавалось добиться другим российским генералам. Среди конкретных результатов — договорились создать наблюдательную комиссию за выполнением условий прекращения огня и наблюдательный совет, в который должны войти секретари Советов безопасности трех соседних с Чечней республик — Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Сообщения об этой встрече жители Чечни восприняли как самую обнадеживающую новость.

Ультиматум Пуликовского

Однако 19 августа ситуация в Грозном вновь резко обострилась. В этот день исполняющий обязанности командующего федеральными силами в Чечне генерал Пуликовский (сам командующий Вячеслав Тихомиров был в отпуске) — по-видимому, в пику Лебедю — предъявил ультиматум его мирным жителям, потребовав от них в

течение 48 часов покинуть город, после чего он, по его заявлению, начнет подавление боевиков всеми имеющимися у него средствами, включая артиллерию и авиацию. С осуждением этого ультиматума выступило даже послушное Москве завгаевское правительство, назвав этот ультиматум «смертным приговором» для сотен тысяч людей, которые не смогут выйти из Грозного за двое суток. Учитывая к тому же, что многие просто ничего не знают об этом ультиматуме – в городе нет электричества, а потому отсутствует связь. Среди жителей много раненых, женщин, малолетних детей, стариков...

20 августа Политсовет «Демвыбора России» обратился к Ельцину с требованием «немедленно отстранить генерала Пуликовского от командования военной операций в Чечне и ускорить реализацию мирного урегулирования конфликта».

Лебедь, находившийся в тот момент в Москве, срочно вылетел в Чечню – «для принятия неотложных мер по снятию экстремальной напряженности, возникшей там в последние дни». Еще перед отлетом «источник в Совете безопасности» заявил журналистам, что генерал «продолжает придерживаться мнения о невозможности разрешить чеченский кризис военными методами».

22-го от Пуликовского отреклось Министерство обороны. «Выдвинув ультиматум, – заявил глава этого ведомства Игорь Родионов, – Пуликовский превысил свои полномочия и допустил серьезную ошибку. Не дело военного, даже столь высокого ранга, выступать с заявлениями подобного рода. Вооруженные Силы, как и другие силовые структуры государства, не проводят какой-то собственной, самостоятельной и независимой от государства политики, а являются инструментом политики государственной».

Штурм чеченской столицы так и не состоялся.

Люди с оружием уходят из Грозного

Уже на следующий день по прибытии в Чечню, 22-го, Лебедь в Новых Атагах подписал с Масхадовым «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в городе Грозном и на территории Чеченской Республики».

24 августа там же переговоры продолжились. По словам Лебеда, на них «были согласованы подходы к урегулированию как военной, так и политической ситуации в Чечне».

Завершились они 25 августа.

24-го числа боевики начали покидать Грозный. За сутки из города их вышло около тысячи. Мирные усилия Лебеда оказались эффективней, чем ультиматум Пуликовского.

26-го было сообщено, что и подразделения федеральных войск готовы к выходу из города, а вывод их из горных районов Чечни уже начался.

В последующие дни и российские войска, и отряды сепаратистов параллельно выводились из Грозного (хотя были сообщения, что на смену ушедшим отрядам боевиков приходят другие). 28 августа город покинули около двух тысяч военнослужащих федеральных сил и почти столько же – 1900 – боевиков.

Всего к 29 августа из Грозного ушли четыре тысячи военнослужащих, из горных районов – 4200 солдат и офицеров, 400 единиц бронетехники.

Согласно достигнутым договоренностям, так называемую демилитаризацию чеченской столицы – удаление из нее всех вооруженных людей – предполагалось завершить к 1 сентября.

28-го в Грозном начали функционировать объединенные комендатуры...

Одним словом, Лебедь – разумеется, при одобрении и поддержке президента – упорно двигался к миру, несмотря на противодействие многих деятелей и в Москве, и в самой Чечне. Тут – в качестве примера такого противодействия – можно сослаться на обвинение, которое ему бросил министр внутренних дел Анатолий Куликов: дескать, секретарь Совета безопасности, «недавно окунувшийся в проблему Кавказа, не до конца разобрался в ситуации» (впрочем, перепалку с министром начал сам Лебедь, «повесивший» на Куликова основную ответственность за провалы в Чечне). Схожие слова прозвучали и из уст Доку Завгаева, заявившего, что Лебедь, не зная проблем Кавказа, взрывает там ситуацию, ведет к глобальной войне в регионе посредством сепаратных переговоров с боевиками.

29 августа на пресс-конференции в московском «Президент-отеле» Лебедь заявил, что «твердо намерен вернуть процесс установления порядка в республике в конституционное, правовое русло, без авиационных налетов». «Мы решим этот вопрос по-человечески», – сказал он. Чтобы избежать внутричеченской резни после ухода федеральных войск, генерал предложил создать в республике «коалиционное правительство». А на вопрос, верит ли он, что сепаратисты будут выполнять договоренности, коротко бросил, что «никто не хочет умирать» и что он твердо уверен: «разум возобладает».

Точка поставлена в Хасавюрте

Основные соглашения, положившие начало трехлетнему миру в Чечне, были подписаны 31 августа в дагестанском городе Хасавюрте. Кажется весьма странным, что они смогли сыграть эту примирительную роль, поскольку представляли собой два довольно невнятных документа, нечто вроде декларации о намерениях. Первый документ – «Совместное заявление», которое, собственно, и было подписано, с одной стороны Лебедем и его заместителем на посту секретаря Совета безопасности Сергеем Харламовым, а с другой – Масхадовым, в то время начальником Главного штаба сепаратистов, и исполняющим обязанности вице-президента Ичкерии Саид-Хасаном Абу-муслимовым, – содержал всего одно длинное предложение, в котором говорилось, что подписанты «совместно разработали Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, на основе которых будет строиться дальнейший переговорный процесс».

Вторая бумага – сами эти принципы. Их три. Первый гласит, что соглашение об основах взаимоотношений между Россией и Чечней должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года. Иными словами, на то, чтобы определить статус Чечни, отпущается пять с лишним лет. То есть Чечне присваивается тот самый «отложенный статус», о котором все время шла речь на переговорах. Второй принцип заключается в том, что не позднее 1 октября формируется Объединенная комиссия из представителей госвласти России и Чечни, и перечисляются некоторые ее задачи. Среди главных, пожалуй, – контроль за исполнением уже упомянутого Указа президента № 985 и подготовка предложений по завершению вывода войск. Еще одна важная задача – подготовка программ восстановления социально-экономического комплекса Чечни, контроль за обеспечением населения продовольствием и медикаментами. Третий принцип определяет, каким должно быть законодательство Чеченской Республики. Среди прочего здесь можно заметить упоминание «права народов на самоопределение». Ничего нового для нас такое упоминание не представляет: как известно, во все годы советской власти такое право на словах закреплялось за всеми народами...

Вот и все. Сколько бы вы ни ползали по этим двум «хасавюртовским» бумагам, хоть с лупой, хоть с микроскопом, ничего такого судьбоносного, определяющего резкий поворот истории вы в них не найдете.

Впрочем, к Хасавюртовским соглашениям можно пристегнуть и соглашение, достигнутое 22 августа в Новых Атагах, и многое другое – например, договоренность, к которой пришли Лебедь и Масхадов в том же селении несколько позже – 17 сентября: о графике вывода федеральных войск из Чечни и контроле за этим выводом, о формировании совместных правоохранительных органов, о разминировании минных полей возле ряда населенных пунктов и т.д.

Так или иначе, после подписания Хасавюртовских соглашений в Чечне почти на три года действительно воцарился относительный мир. Указ № 985 как бы обрел обоюдную силу: отныне его признавала и та, и другая сторона.

В ноябре Ельцин пошел еще дальше. 23-го числа он подписал Указ № 1590, в соответствии с которым из Чечни выводились последние российские воинские части – 101-я бригада внутренних войск и 205-я армейская бригада. Все, наших солдат больше там не осталось.

Были, разумеется, протесты по поводу этого «безумного шага» президента, находящегося «в болезненном состоянии», но были и одобрительные отклики. «Фактически присутствие наших войск в Чечне стало бессмысленным, – сказал, комментируя этот президентский указ, депутат от «Яблока» Вячеслав Игрунов. – Наши солдаты стали заложниками там. Практически все вопросы Чечни были решены уже в Хасавюртовских соглашениях. Дальнейшее сохранение наших войск на территории Чечни вело только к тому, что мы опасались за наших солдат и вынуждены были идти на уступки чеченцам».

Бездарно упущенный шанс

Сейчас Хасавюртовские соглашения (точнее, то, что после них произошло, – вывод войск и фактическое предоставление Чечне независимости) принято оценивать крайне уничижительно, поносить всяческими словами. Дескать, они, соглашения, и такие, и сякие. Их подписание, мол, было, «хасавюртовской капитуляцией». Возможно, российская сторона в самом деле пошла в нем на чрезмерные уступки. Однако не думаю, что в целом эти соглашения заслуживают лишь негативной оценки. Они были достаточно приемлемы КАК ПЕРВЫЙ ШАГ в направлении к миру на чеченской земле. За ним должны были последовать другие шаги, необходимо было проводить упорную последовательную работу, чтобы закрепить и развить достигнутые

договоренности. Эмиль Паин, специалист по чеченской проблеме – впрочем, человек академического склада, – по этому поводу пишет так:

«Мирный договор является лишь первым шагом на пути долгосрочного мира. Если следом за ним не начинается весьма кропотливая работа по рекультивации политического ландшафта, разрушенного длительным вооруженным конфликтом, то даже самые продуманные договоры терпят неудачу. Как раз такой рекультивации не было проведено...»

«Рекультивация политического ландшафта»... Как вы полагаете, российские чиновники и генералы, на чье попечение была отдана Чечня после Хасавюртовских соглашений, когда-нибудь слышали такие слова? Они хотя бы приблизительно понимают, что это такое? То-то и оно...

Говоря проще, требовалась серьезная практическая работа по помощи населению, по восстановлению республики, по обузданию экстремистов, по укреплению во власти умеренных элементов... Ничего этого, конечно, сделано не было. Не знали даже, как к этому подступиться. Самое выдающееся мероприятие – стали рыть ров по административной границе с Чечней. Никакой существенной материальной поддержки республике, отпущенной в свободное плавание, не оказывалось. Средства, которые вроде бы выделялись на ее восстановление, разворовывались, причем их разворовывание начиналось еще в Москве. Знаменитой стала по-детски наивная фраза Ельцина, которую он произнес на встрече с Масхадовым 12 мая 1997 года, произнес перед телекамерами: «Черт его знает, куда подевались 800 миллионов рублей, выделенные на восстановление Чечни».

Уж если президент не знает, куда деваются деньги...

Эмиль Паин замечает по этому поводу: «Напрасно президент поминал нечистую силу – буквально рядом с ним стояли люди, хорошо осведомленные, куда ушли эти деньги». (На самом деле разворовывались и разворовываются, конечно, несопоставимо более значительные суммы.)

Кстати, именно на той встрече Ельцина с Масхадовым, который к тому времени был избран президентом своей республики, был подписан, пожалуй, юридически более важный, чем Хасавюртовские соглашения, документ – «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». То есть это уже был как бы договор между двумя независимыми друг от друга государствами. «Высокие договаривающиеся

стороны, – говорилось в нем, – желая прекратить многовековое противостояние, подтверждая Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 года, стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения, договорились...» И первым пунктом шло наиболее значительное, о чем договорились: «Навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов». И еще: «Строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права...» Договор вступил в действие со дня его подписания.

Правда, непосредственно перед тем, как поставить свою подпись, Ельцин своевольно, как говорится, в одностороннем порядке, вычеркнул слова «подтверждая Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 года» – к тому времени «герой Хасавюрта» Александр Лебедь был уже не в фаворе, – однако такая купюра ничего не меняла. Повторяю, юридически это был документ, наверное, более важный, чем Хасавюртовские соглашения, – хотя бы потому, что его подписали два президента, а не секретарь российского Совбеза и начальник Главного штаба Ичкерии, – однако так получилось, что в связи с временным, трехгодичным миром, установившимся в Чечне, как правило, упоминается, лишь Хасавюрт и почти никогда не упоминается Московский договор.

Тем не менее до самого конца «хасавюртовского перемирия» (назовем его все же так, отдавая дань традиции), до самого начала второй чеченской войны у многих сохранялась надежда, что власти образумятся и не допустят возобновления бойни. Так, 17 сентября 1999 года «Российская газета» напечатала статью бывшего министра иностранных дел СССР, бывшего посла России в Великобритании Бориса Панкина, который как раз к этому призывал кремлевских чиновников:

«Соглашение в Хасавюрте, сколь бы несовершенно оно ни было, положило конец кровопролитию, дало время для окончательного урегулирования взаимоотношения сторон. Но это время было по существу потеряно. Единственным конструктивным актом с тех пор явились прошедшие в Чечне под международным наблюдением и с согласия России президентские и парламентские выборы. Они показали разумность и осмотрительность основной массы населения, которое избрало президентом самого умеренного из своих лидеров – Аслана Масхадова. Да и избранный народом парламент тоже был настроен на поиски взаимоприемлемого уравнивания в отношениях Чечни и России, выступал против экстремистских выбросов как религиозного, так и политиканского толка.

К сожалению, отсутствие у российского руководства определенной, конструктивной и последовательной политики в отношении Чечни, надежда, что время само все уладит, с каждым днем все больше ослабляли и позиции законно избранного президента крохотной горной республики, играли на руку экстремистам. Чувствуя бессилие официальных властей как в Чечне, так и в России, они распоясывались все больше.

Новые и новые слои населения, которое чувствовало себя обманутым в своих ожиданиях, бедствовали без работы и средств существования и становились добычей доморощенных экстремистов...

«Еще не поздно переломить это гибельное развитие, — почти в отчаянии призывал автор. — Еще не поздно предпринять политические акции, которые способствовали бы изоляции экстремистов в глазах народа, которому они якобы служат. Масхадов не раз заявлял, что официальный Грозный не имеет ничего общего с намерениями и действиями боевиков. Совсем недавно он стучался в двери Кремля, предлагая встречу на высшем уровне, ему обещали. Но с тех пор три премьера сменились в России, а воз и ныне там, вернее, еще дальше от того места, куда бы надо ему двигаться. Почему бы теперь наконец не дать ему возможность доказать свои слова делом и, если они совпадают, не предложить план совместных действий? И взяться, засучив рукава, отбросив в сторону предубеждения и пристрастия, за обеспечение безопасности народов, населяющих просторы бывшего Советского Союза?»

Увы, эти и другие подобные призывы остались не услышанными. Гораздо ближе сердцу кремлевских правителей оказался традиционный тупой кровавый военный вариант. Осуществить его оказалось тем легче, что к этому времени и население, подготовленное соответствующей пропагандой (каждый день по телевизору показывают зверства «отморозков»-боевиков), стало к нему склоняться. А тут и взрывы домов в Москве и Волгодонске произошли, и вторжение Басаева в Дагестан подоспело (хорошо бы разобраться, кто был истинным инициатором всего этого)...

Так что чеченская война, остановленная с такими муками, с таким невероятным трудом, возобновилась. Возобновилась совершенно закономерным образом...

И все-таки обещание Ельцина было выполнено

Как бы то ни было, Ельцин выполнил свое предвыборное обещание – прекратил кровавый конфликт на Северном Кавказе. Я думаю, в мировой истории не так уж много найдется подобных примеров – чтобы избирательная кампания приводила К СТОЛЬ ВЕСОМЫМ, К СТОЛЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ РЕАЛЬНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ. Мы ведь знаем: в большинстве случаев все ограничивается пустыми посулами. А в истории российской этот случай, конечно, вообще уникальный. Никогда ничего подобного в нашем отечестве не было ни прежде (начать с того, что и самих-то настоящих выборов не происходило!), ни после – до сегодняшнего момента. Как уже говорилось, преемник Ельцина, напротив, взлетел, так сказать, в электоральную высь исключительно благодаря милитаристским настроениям, умело вскипяченным в российском обществе.

Конечно, если подходить к делу формально, вторая чеченская война тоже началась ПРИ ЕЛЬЦИНЕ. Однако в тот момент его президентство было уже чисто номинальным. Во всех отношениях он уже представлял собой «пулю на излете». Реально в стране уже правили бал совсем другие люди...

ПОЧЕМУ ОН ПОБЕДИЛ

«Россия тогда получила какое-то послание из космоса»

Если оглянуться, охватить взглядом всю ту выборную эпопею в целом, что же стало решающим фактором, приведшим к победе Ельцина? Энергичные меры по выдаче зарплат, по решению других социальных проблем (или хотя бы популистские обещания их решить – таковых невыполненных обещаний тоже было немало)? Энергичные, во многом реальные, шаги по установлению мира в Чечне (как мы видели, они не уместились в рамках предвыборной кампании, выдвинулись за ее пределы)? Мощная антикоммунистическая пропаганда?

– Знаете, – говорит мне Анатолий Чубайс, – у меня ответ, быть может, несколько странный: главным оказался... Ельцин. Ельцин Борис Николаевич. Личность абсолютно фантастическая, абсолютно историческая, абсолютно российская и русская во всех проявлениях этого слова.

– Но лично Ельцин многих отталкивал – этими своими плясками, явно болезненным видом, одутловатым малоподвижным лицом, заторможенной речью...

– Как показала практика, отталкивал он все же гораздо меньшее число людей, чем притягивал. И обладать такой широтой поддержки в то время в принципе вряд ли мог кто-либо другой. Я считаю, что это тот случай, когда Россия получила какое-то космическое послание, развернувшее ее историческую судьбу именно благодаря одной персоне, одному конкретному человеку. Без него такой разворот был невозможен.

– Все-таки весьма распространено мнение – и лично я его разделяю, – что люди проголосовали не ЗА Ельцина, а ПРОТИВ Юганова, ПРОТИВ возвращения коммунистов.

– Нет, я считаю, тут правильно сказать не «не», а «и». То есть люди проголосовали и за Ельцина, и против Юганова, то есть против коммунизма. Но для этого и нужен был человек-символ, человек, который через себя – через свое сердце и через свою судьбу – на глазах у всей страны пропустил этот раскол, этот перелом – от комму-

низма к его отторжению. Такое невозможно придумать или симитировать, потому что это – правда. По случайному и загадочному стечению обстоятельств на обложке первой книги Ельцина – фотография демонстрации, где моя племянница держит плакат «Ельцин – это правда!». И в этом вся суть!

Тут, может быть, к месту будет привести мнение бывших помощников президента – авторов книги «Эпоха Ельцина» – касательно этого же предмета.

«...Анализ показал, – пишут они, – что зависимости между экономическими обстоятельствами жизни людей в разных регионах и результатами голосования не было... Практически не дала «прироста» голосов программа погашения задолженности, под которую привлекали огромные займы, что позднее создало большие проблемы для бюджета. Возможно, она способствовала созданию ощущения, что «президент старался», но такого же эффекта можно было добиться меньшими затратами. Однако эта программа была полезна уже тем, что миллионы людей получили зарплату и пенсии...»

В политическом отношении выборы свелись к соревнованию двух доминирующих в обществе настроений: усталости от Ельцина и страха перед реваншем коммунистов. Страх победил...»

– Как вы считаете, – спрашиваю я Чубайса, – кто персонально из ельцинского штаба (кроме лично вас) внес наиболее существенный вклад в его победу?

– Сложный вопрос... Игорь Малашенко. Он сделал очень много, сработал крайне полезно, обеспечивая телевизионную поддержку кампании. Сережа Зверев – тоже очень много сделал. Березовский. Что бы о нем ни говорили, это политический креативщик такого фантастического класса, которому нет равных в стране, это точно. По способности создавать реализуемые идеи Березовский просто на голову выше всех известных мне политиков, не говоря уж о политтехнологах.

Лично у меня нет сомнений: ключевую роль в работе ельцинского избирательного штаба, приведшей его кандидата к победе на выборах, сыграла аналитическая группа и ее руководитель Анатолий Чубайс.

Хотя свою лепту в достижение победы внесли и многие другие. Сергей Филатов, Георгий Сатаров (впрочем, он входил в аналитическую группу), Виктор Илюшин... Кстати, именно ему, а не Чубайсу бывшие помощники президента отдадут здесь пальму первенства... Читаем в книге «Эпоха Ельцина»:

«В.В. Илюшин, который, по старой аппаратной выучке, не любил «красоваться на публике», сумел объединить и организовать в единый кулак разнородные структуры и несхожих людей: интеллек-

туалов из аналитической группы, чиновников из Исполкома, деятелей культуры из группы доверенных лиц, общественников из ОДОПов. Предвыборный штаб хуже сотни коммунальных кухонь, и первый помощник Президента больше других сделал для его нормального функционирования. Мы специально пишем об этом, поскольку у той победы потом объявилось очень много родителей».

Логика, однако, подсказывает, что такая оценка роли первого помощника президента – выдвижение его на первое место среди людей, обеспечивших победу, – не вполне убедительна. В конце концов, он «присматривал» за избирательной кампанией Ельцина с самого начала, хотя формально и не руководил ею. И при этом, как мы знаем, работа шла ни шатко ни валко. Была напрасно потеряна уйма времени... Резко активизировалась эта работа лишь с приходом Чубайса и его команды.

Ладно. Как сказал поэт, «сочтемся славою».

Кстати, ожидать от бывших помощников президента объективной оценки роли Чубайса не приходится, наверное, еще и потому, что отношения между ним и помощниками тоже подчас складывались непросто. А став вскоре после выборов главой Администрации президента, он просто ликвидировал Службу помощников.

– Вы не раз, – говорю Чубайсу, – утверждали, что вся избирательная кампания была для нас войной на два фронта. Один фронт – это Зюганов, а другой – Коржаков с Сосковцом. А третьего фронта не было? Я имею в виду ваши отношения с помощниками президента.

– Нет. Это другая история, – отвечает Чубайс. – Там не было войны. У них была лишь особая позиция по ряду вопросов. Но выраженная довольно слабо и без всякого силового или политического ресурса.

Что ж, ответ, достойный «тертого» политика.

Сегодня, годы спустя, усиленно распространяется версия (и многие ей верят), что выборы были подтасованы в пользу Ельцина (кстати, ни во время самих выборов, ни непосредственно после них разговоров об этом, как мы видели, почти не было). Спрашиваю Чубайса, что он думает по этому поводу? Ответ довольно неожиданный:

– Если говорить таким рабочим – бытовым и политехническим языком... я убежден, что это вранье. Ну хотя бы потому, что, если бы существовал такой «проект», я бы точно что-нибудь про это знал. Не могло такого быть, чтобы я ну ничего, вообще ни одного слова об этом не знал. Кроме того, подведение итогов голосования происходило в регионах. В каждом из них главное лицо – губернатор. А губернаторы, как известно, были в большей степени на стороне Зюганова, а не Ельцина. Пытаться же подтасовать результаты на более высокой стадии – на стадии сложения результатов, поступив-

ших из субъектов Федерации, – это уже совсем дело запредельное... Главное же состоит в том, что никакая подтасовка нам была не нужна: мы видели ежесуточные рейтинги и прекрасно понимали, что мы идем к победе. Мы это понимали ясно.

И еще вопрос к Чубайсу: как он считает, смирился бы Ельцин со своим поражением на выборах, отдал бы власть?

– Этого я не знаю, но я вам могу сказать такую вещь. У нас ведь тоже были контакты с коммунистами, причем довольно специфические. И я из них вынес для себя одну простую истину – что есть один аргумент, который вот в этих разговорах тет-а-тет действует на них совершенно убийственно. Который уничтожает коммунистов просто напрочь. Вот что-то с ним обсуждаешь, а потом говоришь ему: «Слушай, Иван Петрович (или Петр Сидорович), ну что ты всерьез думаешь, что мы тебе власть отдадим? Ты всерьез думаешь, что ты вот победил на выборах, и Ельцин уйдет из Кремля?» Это был убийственный аргумент. Потому что они все внутренне в самом деле были убеждены, что власть не отдадут. Так не бывает. Выборы там, не выборы – это все для телевизора. А власть не отдадут. И Ельцин никогда не отдаст. Они жили в этой логике. И когда этот аргумент приводился, это их совершенно деморализовало и убивало: оказывается, их противнику эта логика тоже известна, он тоже считает такой образ мыслей – и действий – единственно правильным. Хотя большинство из нас, разумеется, не разделяло подобную точку зрения. Как говорится, просто брали их «на пушку». Вообще, если говорить серьезно, было ведь совершенно понятно, что Зюганов боится победы. И не хочет ее. Ну, уж по крайней мере, боится, это точно. И мы этим обстоятельством пользовались в предвыборной психологической войне.

Конец эпохи коммунизма

Победа Ельцина на выборах 1996 года, разумеется, не означала, что победила демократия. Она означала одно – что в очередной раз предотвращен коммунистический реванш, предотвращена реставрация коммунистического режима (которая была вполне реальна).

«Победа Бориса Ельцина на президентских выборах изменила политическую ситуацию и подвела черту под историей коммунизма в России» – так оценил случившееся Егор Гайдар, выступая после завершения выборов на заседании Политсовета «Демвыбора России».

Другие шли в своих оценках еще дальше. Так, по словам украин-

ского вице-премьера Александра Емца, победный для Ельцина итог состоявшихся выборов стал «существенным шагом к окончанию эпохи коммунизма в Европе».

Впрочем, сам по себе сокрушительный удар, нанесенный по приверженцам коммунизма, без сомнения, открывал новые возможности для демократического развития России. Об этом, в частности, говорил на своей пресс-конференции 5 июля 1996 года Анатолий Чубайс:

– Выбор, сделанный россиянами, доказал: все утверждения о том, будто «Россия не созрела для демократии, не готова войти в семейство цивилизованных народов, не готова к рынку, – просто болтовня, которая должна быть забыта... Голосование 3 июля – не отдельный исторический случай, а продолжение тенденции выбора россиянами между двумя целями: вперед – к демократии или назад – к коммунизму... Россия доказала миру свое право на звание демократической страны, российский народ доказал свое право на достойное место в семье цивилизованных народов, а российская рыночная экономика – на свое неизбежное эффективное развитие... Россияне опровергли утверждения аналитиков о том, что новая «красная волна» неизбежна в Восточной Европе и особенно в России «с учетом тяжелейших ошибок российских реформаторов». После выборов уже можно говорить о необратимости российской демократии, частной собственности в России и рыночных реформ... Повернуть назад ни через год, ни через десять, ни через сто лет в моей стране не сможет никто!»

Если бы победили они

На той же пресс-конференции Чубайс сказал, что не сомневается – если бы победил Зюганов, уже «в ночь на 4 июля начались бы обыски и аресты». По его словам, он и его коллеги, работавшие на победу Ельцина в Москве и других городах, готовились к этому – им было известно о «соответствующих списках», подготовленных коммунистами.

Чубайса спросили: а не готовят ли теперь победители какие-то аналогичные меры по отношению к проигравшим? Анатолий Борисович категорически отверг такую возможность: «Сейчас было бы нелепо ставить вопрос о каких-то арестах и политических преследованиях побежденных».

(Незадолго перед выходом этой книги я спросил Чубайса, что бы он стал делать в случае победы коммунистов, если бы все-таки остался на свободе?

— Я для себя этот вопрос достаточно детально продумал, — был ответ. — Я бы отправил семью за рубеж, а сам занялся бы организацией оппозиционного политического движения. Движения сопротивления.)

На пресс-конференции Чубайс выдвинул несколько требований к Зюганову, выполнение которых позволило бы коммунистическому вождю надеяться на политическое выживание после проигрыша. Во-первых, Зюганов должен «публично отказаться от тех идей, которые грубо противоречат российской Конституции» — в первую очередь, попирают «священный принцип частной собственности». Во-вторых, он должен «наложить запрет на любую форму пропаганды национальной и социальной ненависти и вражды». В том числе «вражды между бедными и богатыми». Чубайс предложил Зюганову «публично отречься от людей, которые проповедуют эти идеи», — таких, как Анпилов, Макашов, Терехов, Тюлькин. Наконец, в-третьих, Зюганов должен отказаться от самого названия своей партии, от эпитета «коммунистическая»: ведь главное в идеологии коммунистов — как раз уничтожение частной собственности. «Этой идеологии в России не место!»

Как мы знаем, ни одно из этих требований Зюганов не выполнил. Да и вряд ли сам Чубайс всерьез надеялся на это. При всем при том уже один тот факт, что Зюганов признал результаты выборов, — это, как сказал Анатолий Борисович, «гигантский шаг на пути создания «оппозиции с человеческим лицом».

Торжество и ликование по случаю поражения коммунистов

8 июля 1996 года, через пять дней после второго тура выборов, около Театра эстрады в Москве состоялась уличная акция под названием «Праздник народного согласия. Торжество и ликование по случаю поражения КПРФ на президентских выборах». Торжествующих и ликующих было немного — человек десять. Среди них — лидер Демсоюза неугомонная Валерия Новодворская, ее неизменный спутник депутат Госдумы Константин Боровой. Однако, думаю, по всей России чувства, близкие к торжеству и ликованию, в тот момент испытывали миллионы. Хотя и опечаленных, надо признать, было не намного меньше.

Торжествующие и ликующие отслужили короткую панихиду над символическим гробом коммунизма, после чего сбросили его в Москву-реку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во время Великой либеральной революции, занявшей последнее пятнадцатилетие минувшего века, было, пожалуй, три момента, когда эта революция могла быть свернута и придушена. И всякий раз избежать худшего развития событий – возвращения России к коммунистическим временам – удавалось, можно сказать, благодаря чуду.

Первый такой критически опасный момент – август 1991 года, утро 19-го числа. Правительственная дача Архангельское, где находится Ельцин, блокирована группой «Альфа». По словам тогдашнего ее командира генерал-майора Виктора Карпухина, у него приказ арестовать Ельцина и доставить на одну из специально оборудованных точек в подмосковном Завидове, где с ним, естественно, могут сделать все что угодно. Как говорится, «при попытке к бегству». Вряд ли кому-нибудь надо объяснять, что без Ельцина победа гэкачепистам обеспечена.

«...Мне был известен каждый шаг Ельцина, – вспоминал Карпухин, – арестовать его мы могли в любую минуту и сделали бы это без лишнего шума... И на дороге к шоссе, и под мостом, где это было бы особенно удобно, и на автостраде в Москву. Мои ребята так натренированы, что никто ничего не заметил бы, случайные свидетели просто подумали бы, что какая-то из машин сломалась, а пассажиров пересадили в другую».

Однако командир «Альфы» не выполнил приказ.

Вот такая вот тоненькая ниточка, готовая в любую секунду оборваться. Не оборвалась. Разве не чудо?

Второй критический момент – октябрь 1993 года. Вечер 3-го числа. Армия колеблется, чью сторону занять – президента или мятежников. Колонна боевиков под командой Макашова собирается в Останкино на захват телецентра. Сделать это легче легкого: штатная охрана телевидения – кучка милиционеров, готовых к тому же перейти на сторону Верховного Совета. Дальнейшие события предвидеть нетрудно: после захвата телецентра на всю Россию разносятся пафосные слова

«президента» Руцкого – обращение к стране и к армии: «преступник» Ельцин низложен, отныне законный президент – он, Руцкой, и все Вооруженные Силы, все органы власти обязаны подчиняться только ему, Верховному Совету и Съезду, и никому больше. Все, дело сделано. Контрреволюционный переворот состоялся.

И снова чудо: по какой-то причине Макашов замешкался возле Белого дома. Всего лишь на пятнадцать минут раньше его в Останкине появляется отряд спецназа внутренних войск «Витязь» – единственное вооруженное подразделение, верное правительству, находящееся в ту пору в Москве. Бойцы занимают оборону в обоих зданиях телецентра. Попытка штурма малого здания – АСК-3, – где сконцентрирована передающая аппаратура, терпит провал. Видя, что чаша военного успеха склоняется в сторону президента, на его сторону переходит и армейское начальство.

Третий критический момент Великой либеральной революции – президентские выборы 1996 года и кульминация их – 3 июля, второй тур. Мало кто верил, что больной, разбитый бесконечными инфарктами человек, имеющий практически нулевой рейтинг, способен одержать победу на этих выборах. Казалось, на этот раз победа коммунистам обеспечена. Такое мнение все более крепло не только внутри страны, но и за ее пределами. Достаточно вспомнить Давос: Юганов там принят как стопроцентный будущий президент.

И опять, в который раз, происходит чудо: неслыханная концентрация воли, иссякающих физических сил самого Ельцина, концентрация сил и воли его команды – той ее части, что сделала ставку именно на выборы, а не на силовой способ сохранения Ельцина у власти, – останавливает победный марш коммунистов.

Провидение словно бы специально вознамерилось не допустить коммунистической реставрации на российских просторах. Все, хватит, баста! Довольно семидесятилетнего большевистского владычества, унижительного народного рабства!

Итак, угроза реванша вроде бы миновала. Казалось бы, воспользуйтесь этим благоволением небес, устройте на своей земле нормальную жизнь. Но нет, словно бы какая-то неведомая Черная сила мешает нам это сделать. Снова по ее зловещей воле погружаемся в беспроектный мрак, в крошечную тьму...

Понятное дело: те недавние политические катаклизмы – когда стране удавалось пройти по самому-самому краю пропасти – сегодня уже мало кого волнуют. Не дали коммунистам вернуться? Ну и что? Как писал поэт, «вместо цепей крепостных люди придумали много иных». Вместо бюрократии коммунистической в стране безраздель-

но властвует пришедшая ей на смену новая бюрократия, которая ничем не лучше своей предшественницы. А скорее даже хуже ее. Если на прежнюю была хоть какая-то управа (в случае чего – «Партбилет на стол!»), на эту вообще никакой управы нет. Несопоставимы с прежними размеры взяток, несоизмеримы масштабы коррупции. За что, как говорится, боролись?

Все же, думается, боролись не зря. Вполне ведь ясно: коммунистический режим – исторический атавизм. Его давно пора было выбросить на свалку. Здесь мы сильно припозднились. Замешкались.

Да, мы снова барахтаемся в застойном болоте, пусть не коммунистическом, ином, но как-никак у нас все же было Великое либеральное пятнадцатилетие. Мы ощутили на губах вкус свободы, вкус демократии, узнали, что значит жить при рынке. Теперь нелегко нас заставить этот вкус позабыть, до конца отречься от созданного в годы реформ.

Что касается продажной правящей бюрократии – да, это действительно самая тяжелая, самая неподъемная проблема. Вообще-то одной из главных реформ в ходе Великой либеральной революции должно было стать стреноживание, обуздание бюрократического аппарата, подчинение его воле общества, наконец, возможно, решительная его замена. Но, во-первых, никто такую задачу всерьез не ставил, во-вторых, не очень-то и понятно, как к ней подступиться.

Михаил Ходорковский в одном из своих тюремных писем ссылается на опыт своей компании ЮКОС, которую он и его коллеги за несколько лет из «позднесоветской» развалюхи превратили в крупнейшую российскую корпорацию, мирового гиганта с капитализацией в 40 миллиардов долларов. «Во всех областях, – пишет он, – мы выбрали: а) лучших; б) там, где это возможно, – молодых (до 35 лет)».

Вот, однако, вопрос: можно ли таким же образом организовать отбор управленческих кадров (этой самой бюрократии, высшего ее слоя) в масштабах всей России? Если мы посмотрим на нее тоже как на некую корпорацию, некое предприятие, то, во-первых, это предприятие чересчур огромное, то есть по определению малоуправляемое, а во-вторых – «государственное». Думаю, Михаилу Борисовичу лучше, чем кому-либо другому, известна разница между частным и государственным учреждением: если в первом по преимуществу действительно происходит положительный искусственный и естественный отбор (зеленый свет, как в ЮКОСе в былые времена, дается самым умным, образованным, порядочным, энергичным), в последнем сплошь и рядом – отрицательный (карьерный рост, как правило, быстрее идет у всякого рода подхалимов, угодников, исполнительных

бездарей, деятелей, склонных к мздоимству и просто воровству). При чем разница эта мало зависит от субъективных качеств руководителей. В большей степени – от самой природы частного и государственного.

Так что повторить опыт ЮКОСа (или других успешных компаний) по быстрой замене правящей бюрократии в масштабах всей страны вряд ли удастся, даже если бы для этого «наверху» был хотя бы какой-то минимум политической воли. Призывы «Делай с нами! Делай, как мы! Делай лучше нас!» тут мало что дадут. Пока что проблемы – в том числе и самые острые – придется решать с той бюрократией, которая имеется в наличии. Несколько перефразируя знаменитое, часто повторяемое изречение товарища Сталина насчет писателей, можно сказать: «У меня для тебя других чиновников нет» (хотя где-то, в каких-то российских закоулках, они, не востребоваанные, наверное, есть, и в достаточном количестве, – тут Ходорковский, по-видимому, прав).

Кстати, товарищ Сталин и его младший собрат товарищ Мао явили миру еще один, отличающийся от «юкосовского», способ быстрой замены бюрократической верхушки: Сталин – во время расстрельных чисток 30-х годов, а Мао – в 60-е в процессе хунвэйбиновской «культурной революции» с ее знаменитым лозунгом «Огонь по штабам!». Уж этот-то способ точно пригоден для корпорации под названием «Полусоциалистическое полукапиталистическое полуфеодалное государство», каковую представляет собой нынешняя Россия. Упаси нас, однако, Боже, от повторения подобных экспериментов!

А вообще в российской истории я что-то не припомню случаев быстрой (и бескровной) смены правящих, управленческих «элит», причем таких, чтобы новая «элита» была лучше прежней. Какие-то намеки на такую смену были во время все той же горбачевско-ельцинской Великой либеральной революции, но – только намеки. Наметившаяся тогда смена правящей бюрократии не была развита и закреплена, хотя, повторяю, она-то как раз могла бы стать одной из главных реформ тех лет. И вот в итоге мы имеем то, что имеем...

Но бесконечно так продолжаться, конечно, не может. Современный мир живет в условиях жесткой конкуренции. Эта конкуренция сразу же в полной мере дает о себе знать, как только падают цены на нефть и другое сырье. Продажная бездарная бюрократия не в состоянии обеспечить стране достойное место в мире, предохранить ее от множества угрожающих ей несчастий и бед. Так что рано или поздно и эта бюрократия – вслед за коммунистической – должна будет уйти.

Август 2004-го – февраль 2006 года

Содержание

НА СТАРТЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

- 9 Все нижи, и ниже, и ниже...
- 12 Между больницей и санаторием
- 33 Триумф коммунистов
- 44 «Яблоко» подыгрывает зюгановцам

ФАЛЬСТАРТ ЕЛЬЦИНА

- 49 Гиря на шее президента
- 58 Трагедия Первомайского
- 73 Отставка Чубайса
- 90 Фальстарт Ельцина
- 98 Демократы мечутся в поисках единого кандидата
- 116 И все-таки, может быть, – Черномырдин?
- 128 Зюганов в Давосе

ЕЛЬЦИН ИДЕТ НА ВЫБОРЫ

- 159 «Царь Борис» принимает решение
- 171 Дума отменяет Беловежские соглашения
- 176 Ельцин: «Разогнать Думу и запретить КПРФ!»
- 196 Команда Чубайса становится у руля
- 221 Вдогонку за Зюгановым

НАКАНУНЕ ГОЛОСОВАНИЯ

- 239 А не лучше ли выборы все же отменить?
- 247 Остановить войну в Чечне!
- 266 Гибель Дудаева
- 284 Переговоры с Яндарбиевым

- 291 Обращение тринадцати
304 Демарш Коржакова
310 Трудный выбор «Демвыбора»
326 Неожданная угроза Ельцину: союз Зюганова с
Жириновским
346 Коммунисты готовят заговор?

ПОБЕДА

- 357 Первый тур выборов. Не слишком надежное
преимущество Ельцина
373 Генерал идет на помощь президенту
396 Коробка из-под ксерокса
435 Жириновский делает окончательный выбор
439 Явлинский в своем амплуа
454 У Ельцина пятый инфаркт
463 Второй тур выборов. Убедительная победа
действующего президента
472 И все же Ельцин выполнил свое предвыборное
обещание установить мир в Чечне
484 Почему он победил
490 **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Олег Мороз

1996: КАК ЗЮГАНОВ НЕ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ

Художественный редактор *Т. Иващенко*

Технический редактор *Е. Голоскова*

Корректор *Н. Стронина*

Сдано в набор 25.02.2006. Подписано в печать 05.04.2006.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 25,93.

Тираж 1500 экз. Заказ № 3046. Изд. № 10914.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры.

ОАО Издательство «Радуга»,

121839, Москва, пер. Сивцев Вражек, 43.

105005, Москва, Аптекарский пер., 4, стр. 1.

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,

143200, Можайск, ул. Мира, 93

Олег Мороз – публицист, член Союза писателей Москвы. Окончил Московский авиационный институт. С 1966 по 2002 год работал в «Литературной газете». В советское время в основном писал о науке и об ученых, об их жизни и проблемах, о взаимоотношениях науки и общества. С первых лет перестройки почти полностью переключился на политическую публицистику. Автор нескольких сотен газетных и журнальных публикаций, более десятка книг. В их числе – «В поисках гармонии» (1978), «Свет озарений» (1980), «Свидание с кометой» (1983), «Жажда истины» (1984), «Проблема SETI» (1988), «От имени науки» (1989), «Прекрасна ли истина?» (1989), «На перепутьях познания» (1990), «Группа риска» (1990), «Хроника либеральной революции» (2005).

«Летом 1996-го, во время президентских выборов, у коммунистов, по существу, была последняя возможность вернуть себе владычество над Россией».

«Одной из главных причин непопулярности Ельцина в ту пору была чеченская война. Общество требовало в кратчайшие сроки прекратить ее. Как думаешь: что с ним, с обществом, стало всего лишь через три года?»

«В Давосе Зюганов из кожи лез, чтобы убедить западных участников форума, что он разделяет ценности западной цивилизации».

«15 марта 1996 года Госдума денонсировала Беловежские соглашения – как бы восстановила Советский Союз. Однако ни одна из бывших союзных республик не захотела возвращаться в «дружную семью братских народов».

«Явлинский так и не призвал своих избирателей проголосовать во втором туре за Ельцина. Тем самым он в очередной раз подыграл коммунистам».

«Пятый инфаркт у Ельцина случился аккурат за неделю до решающего, второго тура – 26 июня».

«Что бы ни говорили сегодня о Хасавюртовских соглашениях, как бы их ни ругали, заключив их, а после подписав Московский договор с Масхадовым, Ельцин выполнил свое предвыборное обещание – прекратил кровавый конфликт на Северном Кавказе».

«Что стало главным фактором, приведшим к победе Ельцина?»

– Знаете, – говорит мне Анатолий Чубайс, – у меня ответ, быть может, несколько странный: главным оказался... Ельцин. Ельцин Борис Николаевич. Личность абсолютно фантастическая, абсолютно историческая, абсолютно российская и русская во всех проявлениях этого слова».

ISBN 5-05-006410-4

9 78 5050 064103